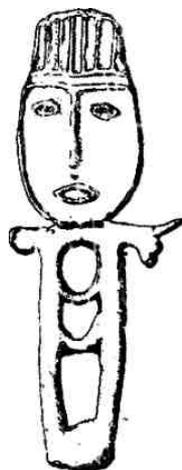

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

2021 № 2

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России
№ 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л., Герасимова М.М., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н., Пушкирева Н.Л., Радойичич Д., Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Халид А.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Белова Н.А., Григорьева О.М. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И.Э. (Итальянская Республика), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х.А. (Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Паскуалино К. (Франция), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021

© Журнал «Вестник антропологии», 2021

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

*The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)*

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended for publishing scientific results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M.Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S.V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu.D. Anchabadze, D.M. Bondarenko, S.B. Borutskaya, A.V. Buganov, M.L. Butovskaya, M.M. Gerasimova, N.A. Dubova, O.E. Kazmina, T.S. Kalandarov, Z.V. Kanukova, N.L. Pushkareva, N.I. Khaldeeva, N.V. Kharlamova, A. Khalid, D. Radojičić.

EXECUTIVE EDITORS

N.A. Belova (Social/Cultural Anthropology), O.M. Grigorieva (Physical Anthropology)

ADVISORY BOARD

V.A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I.E. Butitta (Italy), Yu.K. Chistov (Russia), E. Drozdova (Czech Republic), D.A. Funk (Russia), A.V. Golovnev (Russia), J.A. González Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V.S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel), N.N. Kradin (Russia), Chae-wan Lim (Korea), M.Yu. Martynova (Russia), P.M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S.V. Vasiliev (Russia)

Address:

119991 Leninskiy prospect, 32A
Moscow
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/ Cultural Anthropology

Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology

Sergei Vladimirovich Vasiliev
odtantrop@yandex.ru

Web: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2021

© Journal «Herald of Anthropology», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Антропология подвига. К 80-летию начала Великой Отечественной войны		Anthropology of feat. To the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War	
<i>Сенявская Е.С.</i> Фронтовой быт Великой Отечественной войны: структура и особенности	7	Senyavskaya, E.S. Front-line life of the Great Patriotic War: structure and specifics	
<i>Насекин М.А., Буганов А.В.</i> Военная повседневность гражданского населения Сталинграда в 1942–1943 г.	26	Nasekin, M.A., and A.V. Buganov. Military everyday life of the civilian population of Stalingrad in 1942–1943	
Религия и идентичность		Religion and Identity	
<i>Казьмина О.Е.</i> Амиши старого порядка: консервативная религиозность, остановившая время	35	Kazmina, O.E. Old Order Amish: Conservative Religiosity that Stopped the Time	
<i>Сулоева М.А.</i> Роль итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбрешей Сицилии	44	Suloeva, M.A. The role of the Italian-Albanian Church and the function of the Byzantine Rite in constructing the identity of the Arbresh of Sicily	
<i>Кцоева С.Г.</i> Agnus Dei: Христианские мотивы в образе и культе Фалвары у осетин	61	Ktsoeva, S.G. AGNUS DEI: Christian motives in the image and cult of Falwara among the Ossetians	
<i>Дронова Д.А., Бутовская М.Л.</i> Сохранение индуистских традиций в похоронно-поминальной обрядности у индийской диаспоры в Танзании	72	Dronova, D.A., M.L. Butovskaya. Preservation of Hindu funeral and memorial traditions in the Indian diaspora in Tanzania	
Жизнеобеспечивающие стратегии и медицинская антропология		Life Support Strategies and Medical Anthropology	
<i>Розов Н.С.</i> Многоуровневая эволюция сексуальности в антропогенезе: концептуальная реконструкция	87	Rozov, N.S. Multi-level Evolution of Sexuality in Anthropogenesis: A Conceptual Reconstruction	
<i>Зимовина Е.П.</i> Молодежь Калининградской области: репродуктивное поведение в исторической ретроспективе и на современном этапе	110	Zimovina, E.P. Youth of Kaliningrad Region: reproductive behavior from a historical perspective and at the present time.	
<i>Белов А.М., Галинская О.Ю.</i> Деятельность местных властей по борьбе с эпидемиями во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Костромской губернии)	128	Belov, A.M, Galinskaya O.Yu. The activities of local authorities to combat epidemics in the second half of the XIX – early XX century (based on the materials of the Kostroma province)	
<i>Стадник Ю.А.</i> Народные знания семейских Бурятии о симптомах болезней	144	Stadnik, Y.A. Folk Knowledge of the Semeyskiye of Buryatia about the Symptoms of Diseases	

Антропология зрелищных искусств

Рыжакова С.И. Антропологические аспекты современного танца. Беседы с Акрамом Кханом о судьбе, истоках вдохновения и сценическом повествовании 157

Алферов С.В. От слова к движению: дискурсивные практики преподавания шотландского танца 177

Заринов И.Ю. Игра как основа и фактор культуры: лицедейство – юродство – шаманство 198

Антропология миграций

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. «Этнические» миграции: опыт историко-демографического исследования на примере бурятского народа 214

Никонова Л.И., Минакова А.И. Миграции как фактор формирования полиэтничного населения Мордовии: исторический аспект 230

Ахантьева Н.В., Абдуганиев Н.Н. Адаптация студентов-мигрантов в новое социокультурное пространство в ВУЗах Мордовии 241

Физическая антропология

Веселовская Е.В., Гаврилов А.П., Васильев С.В. Погребение воина из комплекса Рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция 248

Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Краниологическая характеристика популяций (краниосерий) северных монголоидов 274

Дедик А.В. Билатеральная асимметрия длинных костей скелета у тоболо-иртышских татар 292

Anthropology of the Performing Arts

Ryzhakova, S.I. Anthropological aspects of contemporary dance. Conversations with Akram Khan on fate, inspiration and stage narration

Alferov, S.V. Voicing the move: discursive practices of scottish dance instruction

Zarinov, I.Yu. Game as the basis and the factor of culture: acting-foolishness-shamanism

Anthropology of Migration

Dashinamzhilov, O.B., and V.V. Lygdenova. «Ethnic» migrations: a historical and demographic research of the Buryat people

Nikonova L.I., and A.I. Minakova. Migration Factor in the Formation of the Multi-Ethnic Population of Mordovia: A Historical Aspect

Akhanteva, N.V., and N.N. Abduganiev. Adaptation of the migrant students to a new sociocultural context in the Universities of Mordovia

Physical anthropology

Veselovskaya, E.V., A.P. Gavrillov, and S.V. Vasilyev. A warrior's burial from Undrikh 2015 complex (Ryazan-Oka burial grounds). Archaeological parallels and anthropological reconstruction

Pestriakov Aleksander P., Olga M. Grigoryeva, and Yulia V.Pelenitsyna. Craniometric differentiation of the large Mongoloid race. Part 1. Northern Mongoloids

Dedik, Alyona V. Limb bone bilateral asymmetry among the Tobol-Irtysh Tatar

Боруцкая С.Б., Харламова Н.В., Рудников С.А., Черных И.Н. Особенности палеодемографии города Тверь XVIII–XIX вв. по данным исследования Смоленского кладбища из бывшего Загородного посада

311

Антропологическая мозаика

Абрамов И.В. Родовые угодья без родо-виков – отражение политики традиционного природопользования (на примере западных районов ХМАО-Югры)

324

Комар Я.В. Мемориализация Гражданской войны на Донбассе в памятниках

340

Щербина Е.А., Кубанова Л.В. Проблема сохранения и развития языка малочисленного народа абазин

355

Историография, школы, концепции

Васеха М.В., Жигунова М.А. Этнография – это наука о том, что историю можно и нужно «мерить сарафанами»

365

Рецензии

Герасимова М.М. Рец. на: Зубова А.В., Моисеев В.Г., Кульков А.М., Ободовский А.В. Новые результаты изучения краниологических и одонтологических материалов верхнепалеолитической стоянки Костенки 15 // *Camera praehistorica*, 2020. № 2 (5): 147–155

373

Borutskaya S.B., N.V. Kharlamova, S.A. Rudnikov, I.N. Chernykh. Paleodemography of Tver in the XVIII–XIX centuries: the Smolensk cemetery from the former Zagorodny posad

Anthropological mosaic

Abramov, I.V. ‘Territories of Traditional Nature Use’ without indigenous users – case of Western districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

Komar, I.V. Memorialization of the military conflict in the Donbass in monuments

Shcherbina E.A., and L.V. Kubanova. Problems of preservation and development of the Abaza language

Historiography, schools, concepts

Vasekha, M.V., and M.A. Zhigunova. Ethnography is the science that proclaims that history «can and should be measured in “saraphans”»

Reviews

Gerasimova M.M. Review: Zubova, Alisa V., Moiseyev, Vyacheslav G., Kulkov Aleksandr M. and Anatoliy V. Obodovskiy. Reassessment of the cranial and dental data from the Upper Paleolithic site of Kostenki 15. *Camera praehistorica* 2 (5): 147–155

АНТРОПОЛОГИЯ ПОДВИГА. К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 39+355(470).03

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25

© *Е.С. Сенявская*

ФРОНТОВОЙ БЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ

Фронтальная повседневность определяется автором как совокупность опасности боя и повседневности быта во всём многообразии их типичных и уникальных проявлений. В данной статье рассматриваются особенности фронтального быта Красной Армии в период Великой Отечественной войны на основе эго-документов (писем, дневников, мемуаров) и материалов «устной истории» – воспоминаний-интервью её участников, представителей разных родов войск и военных профессий, принадлежащих к рядовому, младшему и среднему командному составу. Показано, что от качества солдатского быта, его организации в экстремальных военных условиях во многом зависел моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам негативно сказывалось на ходе боевых действий или приводило к неоправданно большим потерям. Изучение фронтальной повседневности, ее тяжести и противоречивости, через мироощущение и судьбы отдельных фронтовиков позволяет глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны мог неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, военная повседневность, психология комбатанта, фронтальной быт, экстремальная обстановка, устная история*

Ссылка при цитировании: *Сенявская Е.С. Фронтальной быт Великой Отечественной войны: структура и особенности // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 7–25.*

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной сравнительно недавно, особенно в отечественной историографии. При этом военная повседневность, хотя и подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности в целом, имеет свои особенности в качестве предмета изучения, определяемые экстремальностью со-

Сенявская Елена Спартаковна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19). Эл. почта: homobelli@mail.ru. ORCID 0000-0002-5425-4730

стояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн (Сенявский, Сенявская 2010; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011; 2013). Еще большей спецификой отличается наиболее «экстремальная» часть военной повседневности – фронтовая повседневность (Сенявская 2001; 2009; Сенявский 2009; Сенявская, Сенявский, Жукова 2017), определяемая как совокупность опасности боя и повседневности быта во всем многообразии их типичных и уникальных проявлений.

Война формирует особый тип личности, особый тип психологии – психологию комбатанта¹, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду пограничных ситуаций, бытие на грани жизни и смерти. Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. При этом для рядового и командного состава характерны особенности психологии, связанные с разной степенью ответственности и риска. Имеет свою специфику и восприятие действительности представителями разных родов войск и военных профессий. Она определяется конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, способом контакта с противником – ближний или дальний, взаимодействием с техникой (видом оружия), особенностями военного быта. Однако главный элемент “психологии войны” является общим для всех: экстремальные условия обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий, необходимых для того, чтобы выжить, равно как и для выполнения боевой задачи.

Наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывают специфические условия фронтового быта. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, – подчеркивал военный психолог Г.Д. Луков. – Зимой – это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устаёт, переутомляется и т.д.» (Луков 1960: 43–44). Все эти особенности военного быта неизбежно влияют на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в условиях боя.

¹ Комбатант (*combattant*) в переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, – при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны. (Советская военная энциклопедия 1977: 261; Военная энциклопедия 1999: 120). Следовательно, психология комбатантов – это психология человека на войне, вооруженного человека, принимающего непосредственное участие в боевых действиях.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура? В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входит выполнение служебных обязанностей (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также отдых и досуг, в том числе и организованный, т.е. всё то, что составляет распорядок дня. Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), жилье, бытовое снабжение (продуктами питания и обмундированием), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска). Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения. От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям.

В 1990-е годы автор данной статьи проводила историко-социологическое исследование, записывая воспоминания-интервью участников Великой Отечественной войны, впоследствии размещённые на сайте «Я помню». В числе других респондентам задавались вопросы, связанные с особенностями фронтового быта: «Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?»; «Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Ваше отношение к «наркомовским 100 граммам» и офицерским допайкам?»; «Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи»; «Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?»; «Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?» и др.

Следует отметить, что метод свободного интервью использовался для получения не столько фактической, сколько психологической информации, позволив определить круг вопросов, лично значимых для респондентов, выявить их отношение к проблемам опасности и быта на войне, высветить важные психологические аспекты фронтовой повседневности. При этом документы личного происхождения и материалы «устной истории» нередко не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки, выявляя различия во взгляде на одно и то же явление или событие «с командных высот» и «из окопа».

Как и в других войнах, в Великую Отечественную особенности фронтового быта во многом зависели от природно-климатических условий, в которых приходилось воевать. Приведем для примера две крайности – юг и север. Вот как характеризует в своих военных записках одну из деталей жизни солдат на Кавказском фронте осенью 1942 г. писатель В. Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа – вода; в землянках – вода; куда ни прислонишься – мокро; к чему ни прикоснешься – грязь» (*Закруткин* 1950: 242). Другой ветеран, Ю.П. Шаратов описал суровые будни Карельского фронта: «По многу месяцев нередко длилась

на других фронтах позиционная война, но нигде, кроме Севера, не измерялась она годами. Вдосталь натерпелся наш солдат в дни войны в Заполярье, где морозы корежили землю, снег слепил глаза, где вода неотступно преследовала человека, и он радовался каждой сухой кочке; где набухшие от дождя болота проглатывали людей до пояса; где земля, белая и красная, тверда, как бетон; где речки – перешагнуть можно, но дна не достанешь; где на сотни верст ни живой души, только белки летают с ветки на ветку в разрывах между деревьями; где в летний полдень жарко, а в полночь не согреешься у костра; где в июне круглые сутки катится по горизонту громадный шар солнца, а небо нежно-зеленое, как лист салата, а в сентябре ночью такая темь, что абсолютно ничего не видно; где на целых полгода над землей нависает белесая мгла, из которой бесконечно сыплется снег...» (*Шарапов* 1985: 212–218).

Конечно, среди многих слагаемых солдатского быта одно из главных мест занимало вещевое довольствие. В Великую Отечественную был учтен печальный опыт недавней финской кампании, когда буквально вымерзали целые воинские части, и к началу первой военной зимы Красную Армию одели «по полной программе». «Выдавалось нам обмундирование – высший класс, – вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С.В. Засухин. – Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки – глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники – только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты»» (*Комбату Засухину* 1996). В такой одежде не страшно было жить даже в снегу, а именно так пришлось зимовать однополчанам Засухина в декабре 1941 – январе 1942 гг.: «Выкапывали лопаткой лунки метровой глубины. Туда наложишь еловых лапок, залезали вдвоем в берлогу, укрывались плащ-палаткой, дышали, и хоть бы хны» (*Комбату Засухину* 1996).

Другое мнение о качестве вещевого довольствия высказывал минометчик Н.А. Орлов: «Обмундированием нас обеспечивали плохо, часто ходили оборванцами. С убитых не брали вещей, примета плохая, редко кто отваживался... Зимой воевали в ватниках, только иногда шинель сверху оденешь. Вязанных подшлемников или свитеров никто не носил, это было бы излишней роскошью для наших «постоянных зачатых спутников» – вшей. Мы же месяцами не мылись и не раздевались. Прожаривали одежду на вошебойке, давили этих насекомых, но вши появлялись снова, доставляя нам дополнительные страдания» (*Орлов* Б.г.). Он же привел интересные подробности о ношении наград на передовой, что относится хотя и не к обмундированию, но к внешнему виду военнослужащих: «Награды носили кто как горазд. В пехоте старались вообще не вешать регалии на гимнастерки, чтобы блеск серебра не привлек немецкого снайпера. Нам от снайперов доставалось меньше, но все равно, был свой «патент». На гимнастерке делался надрез с левой стороны, из лоскута ткани пришивался внутренний карман. Колодки от медалей были видны на гимнастерках, а сами медали располагались в этих «карманах» на груди. Была для этого еще одна веская причина. Металлическое ушко у медалей было слабым и часто люди медали теряли. Оставалась только сиротливая колодка... Ордена с винтовым креплением некоторые в пехоте носили винтами наружу. Солдатам редко давали ордена, и у нас бойцы, скромностью не отличавшиеся, иногда могли нацепить орден Славы прямо на шинель, мол, смотрите, перед вами орденосец» (*Орлов* Б.г.).

Разведчик И.Л. Кобец считал, что обеспечение было вполне приличным, хотя и не без проблем: «Надо сказать, что на переднем крае одевали нас очень хорошо: теплое белье, ватные штаны, полушубки. Правда с обувью были проблемы – она быстро изнашивалась на камнях. Что касается камуфлированной одежды, то ее у нас не было. Впрочем, как и у немцев». При этом в разведке все «одинаково одевались – солдата от командира не отличишь» (Кобец Б.г.).

Что касается противника, то он сильно уступал нашим войскам в качестве обмундирования. «Немецкие солдаты и офицеры в сравнении с нами были одеты крайне легко, – рассказывал С.В. Засухин. – На ногах эрзац-сапоги, шинельки, пилотки. Когда брали пленных, они укутывались в шерстяные платки, обматывали ноги всевозможными тряпками, газетами, чтобы как-то уберечь себя от мороза. Немцы вызвали чувство сострадания» (Комбату Засухину 1996). Такая неподготовленность неприятеля к встрече с «генералом Морозом» объясняется гитлеровскими планами «молниеносной войны»: немцы рассчитывали расправиться с нами за две недели и справлять Рождество дома, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом одеты они были немногим лучше и так же, как в сорок первом, укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Другая проблема фронтового быта, говоря языком интендантских служб, – квартирование. Как же обустроивали свои жилища советские бойцы? Безусловно, приоритетными на фронте были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П.В. Синюгина: «Чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка – это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не сделает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, «лисью нору». Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет» (Кринко 2010: 460).

Минометчик Н.А. Орлов вспоминал: «Мерзли, конечно, мы все время. Нечасто везло найти крышу над головой для ночлега. Это на формированиях или на отдыхе в тылу как-то устраивались, но когда воюешь... На голой земле спишь под проливным холодным осенним дождем, на снегу, в полузатопленной талой водой траншее, и так далее... С товарищем одну шинельку на землю постелим, другой укрываемся, вот и весь комфорт. Постоянный холод, сырость, мокрое обмундирование липнет к телу... К такому трудно привыкнуть. Вечная мечта – где-нибудь обогреться и обсохнуть» (Орлов Б.г.).

Ю.П. Шарапов рассказывал: «На передовой жили все вместе в какой-то землянке. Командир роты – немножко отдельно, за пологом из плащпалаток, а мы все вместе... В разведоте был барак, и все мы, сколько нас было в этой роте, человек 80-90, там жили... Трое были некурящие. А все остальные курили. Можете себе это представить... Там не только топор, там танк можно было повесить от этого самого дыма» (Шарапов-Антонов 1995).

Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось устроиться довольно уютно, обзавестись пусть временным, но “домом”. «Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, – писал 29 апреля 1942 г. брату заместитель политрука Ю.И. Каминский. – Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно – только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка – ступеньки земляные, на дверях

плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу “в три наката” пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка – тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно – не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Расчет, к оружию!”» (МБС ИФ МГУ)

В ходе наступления, когда наши войска выбивали противника с укрепленных позиций, они имели возможность познакомиться и с его “жилищно-бытовыми условиями”, что приводило к неприятным последствиям. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, – вспоминал С.В. Засухин. – Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все шивовое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон» (Комбату *Засухину* 1996).

Во время войны всегда особенно остро встают проблемы, связанные с угрозой эпидемий. В Великую Отечественную санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось повышенное внимание, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и Гражданской войн, когда только сыпной тиф поразил, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек (*Мирский* 1991: 142). Так, 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии» (*Мирский* 1991: 143). В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная противоэпидемическая служба. На разных этапах Великой Отечественной перед этой службой стояли различные задачи: в начале войны – не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, – уберечь тыл от проникновения заразы с фронта и от распространения ее среди гражданского населения. И, хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых» (*Мирский* 1991: 155). Основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами.

Первостепенное значение в структуре фронтового быта занимает снабжение армии продовольствием. Оно было очень разным – в разных условиях, на разных фронтах, на разных этапах войны...

Ю.П. Шарапов вспоминал: «С кормежкой было очень плохо зимой 1941–1942 года. В запасном полку вообще кормят по второй норме, это очень скромно. Потом январь, февраль, март, когда шли бои, нас кормили овсом, два раза в сутки. С утра этот овес был в виде каши, причем прямо вместе с шелухой, а вечером – суп, разведенный, жидель такой, с сухарями. Хлеба тогда давали мало. Потом стали давать грамм 700-800, а тогда давали грамм по 400. Но эти трудности были связаны с общей ситуацией зимой 1941–1942 года... А потом, когда я уже прижился в газете, там, конечно, и с питанием, и с обмундированием стало гораздо лучше... На передовой солдатский быт был, конечно, сложнее, скромнее...» (Шарапов-Антонов 1995).

29 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский подробно расписал в письме к матери свое ежедневное «меню»: «Как меня кормят? Получаем утром завтрак – суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб – 800-900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку – сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса – 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая» (МБС ИФ МГУ).

Участник Сталинградской битвы Н.А. Тупыленко вспоминал, как на передовые позиции стрелковых подразделений еду возили по ночам, чтобы не попасть под артиллерийский обстрел противника: «Раз в сутки давали горячую пищу, и то ночью подвозили. Килограмм или девятьсот грамм хлеба дадут, каши котелок или полкотелка. Больше ничего – ни обедов, ни завтраков» (Кринко 2010: 466).

Минометчик Н.А. Орлов признавался: «Еда была однообразной: каша, суп из гороховых концентратов, изредка приправленный «ленд-лизовской» тушенкой. Если где-то коня убивало, то для нас это был весомый приварок. Хотя коней в бригаде почти не было. На формировках наш рацион оставлял желать лучшего, но до голода не доходило. Иногда, «по-тихому» картошки накопишь... Каждый берег в вещмешке кусок сала, сухари, и, если повезет, пару банок консервов. Для меня высшим лакомством на войне был кусок хлеба с насыпанным сверху на него сахарным американским песком. На сахарок воды чуть-чуть плеснешь и вкуснее этого «пирожного» ничего на свете нет. Крестьян мы не грабили, «экспроприациями» не занимались, но когда переходили на «подножный корм» или на «бабушкин аттестат» – всякое случалось. В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю, а до этого... На Днепре как-то трое суток ничего не ели, даже черного сухаря ни у кого не осталось. У убитого немца нашел плитку шоколада, поделили на два расчета, “шикарный” получился обед...» (Орлов Б.г.).

И.Л. Кобец на вопрос «Чем вас кормили?» ответил: «В основном – это каша. Были различные консервы: сначала наши, в основном рыбные, а затем и Ленд-Лизовские, мясные. В обед давали суп, кашу с консервами и чай или компот. Когда в разведку ходили, брали сухой паек – сухари, консервы, колбасы, сахар, масло. Шоколада не было» (Кобец Б.г.).

Офицер-танкист С.Л. Сенявский рассказывал, что когда осенью 1943 г. приехал на Карельский фронт, встретившие его офицеры части первым делом конфисковали у вновь прибывшего буханку черного хлеба, а его угощали белым, выпеченным из поставленной по Ленд-лизу американской муки. Этот хлеб быстро приедался, а «черняшка» почему-то была в дефиците (*Сенявский* 1986). Но такая ситуация была не на всём фронте. Д.Ф. Златкин, тоже воевавший в Карелии, вспоминал: «Мы получали только черный хлеб, белого мы никогда не видели, причем он был не выпечен как следует, сырой был, тяжелый, видимо, там была какая-то примесь, то ли кукуруза, то ли что-то другое, я не знаю. Хлеб был кислый, невкусный, но ничего не поделаешь, надо было есть... Основная еда у нас была треска...» (*Златкин* 1997). Вместе с тем, по его словам, снабжение «было бесперебойным»: «В армии было абсолютно всё: и завтрак, и обед, и ужин. И офицерский паёк мы получали: чекушку сиропа шиповникового (меняли его на водку, на табак, на что угодно), пакет печенья «Мария», масло грамм 200 я получал в месяц, сахар полкило на месяц, и консервы 3 банки – треска в масле или печёнка тресковая. Это был доппаек. Помимо того, что мы бесплатно ели три раза в день. Да, и большая пачка табака, очень большая пачка, или папиросы «Беломор». Мы все курили» (*Златкин* 1997).

Впрочем, многое из положенного солдату рациона по пути на передовую «прилипало к рукам» интендантов. Ю.П. Шарапов поведал такой случай: «Летом 1943 года, когда я работал в дивизионной газете, видимо, сверху была дана команда поинтересоваться, как кормят солдат. И мне мой редактор говорит: «Это по твоей части, сходи на передовую, поговори с ребятами». Я пошёл, поговорил в одном полку, в другом полку, потом поехал в тылы дивизии, посмотрел там, потом даже в тыл армии съездил. И была у нас напечатана довольно большая громкая корреспонденция. Называлась она «От склада до котелка». Я проследил весь путь. Это была бомба, которая рванула на весь фронт. Мало того, что в политотделе армии об этом заговорили и очень редактору ставили в заслугу: «О, какой газетчик принципиальный. В дивизионной газете поднимает вопрос, всё ли от склада доходит до котелка, до бойца на передовой...». Конечно, не всё. Конечно, по дороге происходят усушки и утруски – для всех этих тыловых крыс и для всякого командного состава... В общем, шуму было много. Очень много. Да и сам заголовок – не ради хвастовства скажу – был достаточно выразительный: «От склада до котелка». В духе того, что полагалось» (*Шарапов-Антонов* 1995).

А.З. Лебединцев вспоминал 450-километровый марш своего полка от Умани до Ботошанн в Румынии в самый разгар весенней распутицы 1944 г.: «Тогда мы забывали не только дни недели, но и где и когда ели в последний раз, ибо все кухни тогда отстали из-за взорванных мостов. Кормили нас по «бабушкиному аттестату» местные сердобольные хозяйки картофелем в мундире да квашеной капустой» (*Кринко* 2010: 462).

Особая ситуация с продовольственным обеспечением советских войск сложилась после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в сытой и благополучной, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шахпаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т.д. Питаемся мы сейчас без всяких норм. Ещё один небольшой перегон и мы будем совсем около линии фронта, на пороге в Германию...» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.). 23 февраля 1945 г. В. Герасимова сообщала в письме родным: «Фриц бежит, все свое

бросает. Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не всё хочется кушать» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 94.).

Н.А. Орлов вспоминал: «В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю... Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погреба, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями... Еды в их запасниках было столько, что немцы ещё могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну. Там мы себе отъели “ряшки”: в грузовиках, рядом с миномётами и боезапасом, размещались “взводные продуктовые склады”. Бесхозной скотины и живности было столько, что дошло до того, что некоторые подходили к свинье, стреляли в ухо из автомата, отрезали у убитой свинки ногу, поджаривали ее, а тушу бросали на месте. Но вскоре эта “лафа” закончилась, и мы опять перешли на русскую кашу с американской тушенкой» (Орлов Б.г.).

Еще один важный вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, – употребление алкоголя личным составом. О том, что алкоголь оказывает разностороннее воздействие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки, было известно давно, и факты его применения фиксируются во многих документах начала XX века. Однако первый и единственный опыт узаконенной на высшем военном и государственном уровне выдачи алкоголя в действующей армии относится к Великой Отечественной войне. Почти сразу после её начала спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном Сталиным постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии» (ГКО постановляет... 1992: 23).

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки, – вспоминал С.В. Засухин. – Но на самом деле выпадало больше... Наши интенданты имели всегда запас. И мы в батареях хранили “энзэ” [неприкосновенный запас] в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И ещё куревом» (Комбату Засухину... 1996).

«На переднем крае каждый день выдавали сто грамм, – рассказывал Д.Ф. Златкин. – Там еще был уговор: ну что пить 100 грамм, ничего не даёт, 200 – это ещё ладно. Так мы договаривались: “Ты сегодня не пьёшь, отдаёшь мне свою норму, а через день я тебе отдаю свою, ты пьёшь 200 грамм”. Ну, от 200 грамм не пьянели...» (Златкин 1997)

Похожую ситуацию описал Ю.П. Шарапов: «Были у нас “наркомовские 100 грамм”. Но когда мы были в разведке, мы их каждый день не пили, а сливали во фляжки. Во фляжку входит 800 грамм. Она висит у тебя в головах, на гвозде. Старшина тебе выдаёт, ты берёшь фляжку и туда наливаешь. И вот она полная. Тогда все собирались и пе-

ред обедом пили. И это, конечно, уже не по 100 грамм, тут, может, и по 200, и сколько там во фляжке оставалось... Так что было по-разному. И, конечно, когда обморозишься, промёрзнешь, выпивали, чтобы согреться...» (*Шарапов-Антонов 1995*)

Разведчик И.Л. Кобец вспоминал: «Спирт давали, но только непосредственным участникам боёв, каждый день 100 грамм. Потом были спиртовки – смесь стеарина и спирта, так вот спирт отжимали. Но в разведку я никогда водку не брал. Во-первых, с запасом надо брать, а выдавали-то только в этот же день вечером. Потом если взять с запасом – его тут же выпьют, а пьяный будет либо ранен, либо убит – это без вопросов. У меня мой друг так погиб... Он был на НП [наблюдательном пункте], когда его разведчики были в поиске. Что-то он там выпил, стал смелый, и они уже тащили пленного, а он пошел им навстречу. Зимой без маскхалата! Ну, и немцы, конечно, его убили. Может, если лишнего не выпил бы, и жив остался. Никогда перед боем не пили! После боя – да! Если успешный поиск, то сам командир полка и спирт поставит, и еды дополнительно даст, и рядом за стол сядет» (*Кобец Б.г.*).

Л.Н. Пушкарёв (непьющий и некурящий – редкий на фронте случай!) вспоминал: «Надо сказать, что иногда были перебои с обеспечением, но это было вызвано обстановкой. Так, в общем-то нам еды хватало. И хлеба хватало, и водку нам выдавали, эти сто грамм. Я не пил и не курил на войне, всю войну. Водку, которую получал, я сливал в баклажку и носил при себе. И обтирался этой водкой, потому что вши мучили нас. Бань не было. И солдаты исходили слюной, когда видели, как я трачу эту самую драгоценную жидкость. Что касается табака, то я его тоже получал, но, по взаимной договоренности, менял на сахар среди своих товарищей, которые с удовольствием отказывались от сахара из-за лишней порции махорки» (*Пушкарёв 1997*).

Немцы тоже широко пользовались спиртным, причем среди захваченных у них трофеев встречался не только шнапс, но и французские вина, а на дальневосточном театре военных действий обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой – сакэ (*Кривель 1985: 125*). Кстати, во время Великой Отечественной единственными объектами, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, рассчитывая на массовое спаивание наступавших советских войск, были винные склады и спирто-водочные заводы.

Время от времени в письмах и дневниках упоминается денежное довольствие. Как правило, в том смысле, что на фронте деньги не нужны и аттестат отправляется в тыл семьям. Так, 7 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский писал матери: «Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочёл насчёт денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку всё, что здесь есть, либо даётся даром, либо не даётся вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Всё это вместе очень смешно» (*МБС ИФ МГУ*).

Люди семейные отправляли свой денежный аттестат жене и детям, холостяки – родителям или невесте, а кто-то просто случайной знакомой. Ценность денег на фронте теряла всякий смысл. «Бойцы были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Стремясь успокоить близких, многие из них подчеркивали в письмах, что сыты, обуты и одеты» (*Тажидинова 2010: 495*). «Будничная вещественность войны» (*Алексиевич 1985: 101*) была совершенно особой: на фронте ценились простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные (котелок, ложка, нож, бритва, лопатка и т.п.), а то, что тогда считалось роскошью,

наоборот, утрачивало какую бы то ни было ценность. И «денежный эквивалент» не имел к этому никакого отношения.

Кроме того, война обесценила деньги и в тылу тоже: карточная система, нехватка продовольствия, распространённый натуральный обмен, когда вещи (одежда, обувь, предметы домашнего обихода и т.д.), нажитые до войны, легко менялись на продукты и давали «выигрыш во времени» – возможность прокормиться и «протянуть» ещё пару дней, неделю, месяц. Зная из писем родных и из собственных наблюдений за жизнью гражданского населения, как трудно прокормиться их семьям во время войны, фронтовики часто сетовали на то, что «ничем, кроме как деньгами», помочь не могут и советовали продавать и обменивать на продукты абсолютно любые вещи, особенно принадлежащие лично им («Не жалеи! Не береги! Продавай!»), мотивируя это тем, что главное сейчас – продержаться, выжить, сохранить силы и здоровье, а там, после войны, «если вернусь, всё будет, всё наживем» (Тажидинова 2010: 494-496).

22 февраля 1945 г. В.Н. Моргунова писала матери: «Живы будем, уже скоро вернемся к тебе, наша родная старушка, ты только жди и не плачь, береги себя, ничего не жалеи, поддерживай себя в питании. Прошу тебя, если что есть моё, продай, только кушай, это самое главное. Живы будем, всё будет, а то ты всё, наверное, жалеешь. Не в тряпках счастье, они будут, если останемся живы...» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 89.). При этом сами про себя фронтовики рассуждали так: меня в любой момент могут убить, зачем же близким отказывать себе в самом необходимом, сохраняя какие-то тряпки, которые мне уже могут и не понадобиться. Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались очень часто. «Мелочность быта произвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность» (Тажидинова 2010: 496).

Лишь в конце войны, когда армия воевала уже на территории других стран, включая Германию, интерес к вещам вновь проснулся, выразившись в «трофейно-почтовой лихорадке», но при этом «нажиться» и «обогатиться» стремились всё же немногие, в основном «тыловики и обозники». Большинство старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разорённые города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесённые в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на те же продукты.

Война войной, но иногда выпали и минуты отдыха. И первое, что делал в таких случаях солдат, – старался элементарно выспаться. Н.А. Орлов рассказывал: «Очень серьёзной проблемой для нас являлось постоянное недосыпание и физическая усталость. Не спишь иногда по двое суток, да каждый день пеший переход километров на восемьдесят... Даже для молодого организма это невыносимая пытка» (Орлов Б.г.). «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному, – вспоминал Л.Н. Пушкарёв, – Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделится время свободное – он ложится и спит... Многие спали впрок, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет» (Пушкарёв 1997). И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Бывали на фронте и нехитрые развлечения. Чаще всего под гитару или гармонь звучала душевная песня. «Минуты отдыха, конечно, были, что там говорить, – рассказывал Ю.П. Шарапов. – Рассказы бесконечные, воспоминания... На фронте, на

передовой больше пели, особенно в закрытых землянках. Какие песни пели? Какие знали, довоенные, – ведь радио не было, в газетах печатали редко...» (*Шарапов-Антонов* 1995). Но и новые, рождённые в войну песни, доходили до солдат. По свидетельству К. Симонова, на разных этапах войны имели распространение те из них, которые более точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах: в сорок первом это было «Напрасно старушка ждет сына домой...», в сорок втором – «Землянка», в сорок третьем – «Тёмная ночь», в сорок четвёртом – сорок пятом – «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.п. (*Песков* 1979: 164). И, разумеется, из уст в уста передавался богатый фронтовой фольклор.

По существу, фронтовой фольклор – это песенная летопись войны. В ней, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда. Были песни «официальные», одобренные на высоком уровне, звучавшие в концертах и по радио. Были и другие, – не вписывавшиеся своей сермяжной правдой в систему агитации и пропаганды, зачастую спорящие с ней. Их пели в землянках в минуты затишья, переписывали в блокноты, посылали в письмах домой, инвалиды исполняли их в поездах. Они разлетались по всей стране столь же быстро, как их знаменитые и обласканные собратья. Устное народное творчество очень быстро откликалось на малейшие оттенки настроений людей, и непопулярные в средствах массовой информации темы предчувствия смерти, тоски по дому, осуждения женской неверности занимали в нём весьма значительное место, – такое же, как и в самой жизни фронтовиков.

Одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет – изменение старых песенных текстов, приспособление их к новым условиям. Распространена была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов («Варяг», «Коногон», «Раскинулось море широко», «Черный ворон»; «За курганом пики блещут», «Любо, братцы, любо»; «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Там вдали за рекой»; «Три танкиста», «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Тёмная ночь», «Моя любимая» и др.). Часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты шахтёрской песни «Коногон» («Нас извлекут из-под обломков») бытовали у представителей разных родов войск, при этом у танкистов, лётчиков, моряков, артиллеристов при сохранении основы сюжета – гибели героя песни и описания горя его родных после получения известия об этом, сама сцена гибели каждый раз приводится в соответствие с реальными боевыми условиями, в которых данному роду войск приходилось действовать¹.

Упоминают ветераны и кинопросмотры (как правило, на отдыхе в ближнем тылу, где существовало какое-то подобие клуба, и в госпиталях – для персонала и легкораненых). Настоящим праздником становился приезд артистов фронтовых бригад, выступавших с концертами перед бойцами. И не было более благодарных зрителей, чем солдаты, которым вскоре предстояло идти в бой. Ю.П. Шарапов вспоминал: «Однажды приехал квартет знаменитый – то ли Бородинский, то ли еще какой-то знаменитый квартет музыкальный. А холод был собачий в бараке, и у одного инструмента –

¹ Наиболее известным является вариант «танковый» этой песни из повести Виктора Курочкина «На войне как на войне». Несколько других версий опубликовано в книге: (Незабываемые годы 1985: 74–76).

не то у виолончели, не то у скрипки – лопнула струна. Но музыкант мужественно доиграл до конца, без лопнувшей струны, не сфальшивив... Я сам слышал...» (Шарапов-Антонов 1997). В дневнике Г.Ф. Денисенко встречается несколько коротких упоминаний о фронтовых концертах, проходивших в непосредственной близости от переднего края, причём речь идёт не только о профессиональных артистах, но и о солдатской самодеятельности: «11 мая 1942 г. Вчера был на концерте, проходившем на открытой эстраде. Обычные армейские номера: песни, баян, пляски, рассказы... 29 июня 1942 г. Сегодня мины рвутся совсем близко. После обеда пошёл на концерт. Его дают любители для батальона. Пошёл из любопытства. Оказывается, при дивизии открывается клуб, знакомая лесная полянка, у которой так часто приходилось ходить за продуктами. Все свои красноармейцы. Человек 70, к концу более 100... Начало концерта прервалось близким разрывом мины. Хлопанье мин сопровождало все номера концерта. Артисты понравились непосредственным захватом, но они не готовились, и всё было сделано крайне небрежно. Обычные номера пения и пляски. Политические частушки. Украинские песни. Три баяна и одна гитара... 31 августа 1942 г. Бегая в целях устройства бани, был на концерте. В лесу среди густых елей – маленькая эстрада и перед ней, как перед фотоаппаратом, зрители в несколько ярусов. Попурри русских и украинских песен и т.п. ... 2 мая 1944 г. Концерт в чистом поле. Пасмурно. Холод. Ветер. Временами срывается снег. Гармонь, скрипка, пение, пляска, чтение шутки конферансье. Ну, какие тут условия для концерта? И тем не менее, это было лучшее, что мне приходилось видеть в этом роде на фронте – фронтовой концерт у старой польской границы» (Денисенко Б.г.).

А вот Н.А. Орлову видеть фронтовые артистические бригады не доводилось. «Такой роскоши нам не досталось, – рассказывал он. – Несколько раз за войну я видел кино. В штабе бригады была кинопередвижка. Случайно один раз туда попал, и как раз на киносеанс для наших тыловиков. Показывали американскую комедию. Название картины, если верно помню – “Джон из динки-джаза”. “Киноманами” мы стали в городе Лигниц. Зима сорок пятого. Ворвались мы туда внезапно, под вечер. Нас не ожидали, до линии фронта была добрая сотня километров. Немцы спокойно пили пиво, заходили в кинотеатр на центральной площади. И тут батальон советских танков и минбат на машинах!.. Мотострелков с нами не было. У немцев поднялась дикая паника, сопротивления почти не оказывали. Мы зашли в опустевший кинозал, киномеханик сбежать не успел. Так и посмотрели хит тех времен, фильм “Девушка моей мечты” на немецком языке. Пока мы там сутки стояли, ещё несколько картин посмотрели. “Соскучились” по искусству. А потом снова вперёд!.. Что ещё вспомнить про “культурный досуг” на фронте? Газеты нам замполит в роту приносил. Но в основном, для нас, воевавших на передовой, “музы молчали”...» (Орлов Б.г.).

Как же еще отдыхали на фронте? Травили на привале анекдоты, рассказывали байки, разряжая атмосферу взрывами хохота, особенно если в подразделении оказывался весельчак и балагур, свой собственный Василий Тёркин. Читали изредка доходившие до окопов газеты и боевые листки, правда, вскоре после прочтения пуская драгоценную бумагу на самокрутки... Офицеры из числа интеллигенции и бойцы с высшим образованием пишут иногда о чтении книг, которые удалось раздобыть (опять же – не в окопах, а на отдыхе, да и нечастые это были случаи, если не считать политработников разного уровня, газетчиков, переводчиков, которым чтение было необходимо по роду занятий и долгу службы). Кто-то играл в шахматы

(нашел в развалинах и вспомнил довоенную жизнь). Кто-то разжился патефоном и парой пластинок, которые стали величайшей ценностью и заигрывались до полного износа. Кто-то берёт как зеницу ока старенький музыкальный инструмент. Кто-то дрессировал подобранного в сторевшем селе щенка, ставшего любимцем и талисманом взвода... Индивидуальный опыт отдыха и способов разгрузки сознания от накопившегося нервного напряжения был весьма разнообразен.

Важнейшую роль для солдата на фронте имела связь с тылом, и в первую очередь – переписка с родными и близкими.

«Дорогой мой папа! – писал 1 ноября 1944 г. отцу лейтенант-танкист С.Л. Сенявский. – ...Здесь для меня нет и не может быть большей радости, чем получать от тебя письма, а из этого сделай вывод, как радостно, если ты часто пишешь. Я надеюсь, что и в дальнейшем ты не заставишь меня лишиться этой единственной радости. Есть, конечно, другая радость: это радость победы, но это уже не только личная, а общая наша радость...» (*Сенявский 1944*)

Почти в каждом фронтовом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Не случайно самые трогательные образцы фронтовой лирики и песен военных лет – «Жди меня», «Тёмная ночь», «В землянке», «Огонёк» – посвящены письмам любимых или сами написаны в жанре письма.

Но не все фронтовики получали письма из дома: семьи многих остались на оккупированной врагом территории, и их судьба была неизвестна. И тогда, чтобы боец не чувствовал себя одиноким, над ним брали шефство незнакомые люди, живущие в тылу. Присылали посылки и письма, приезжали с подарками на фронт. «Дорогой фронтовик, наша бригада шлет тебе комсомольский привет...»; «Дяденька солдат, эти вареники я связала для тебя сама...»; «Здравствуй, незнакомый боец! Пишет тебе девушка из далекой Сибири...» Страна щедро делилась своим душевным теплом с теми, кто её защищал.

Значительную группу составляли записки незнакомым бойцам и командирам. Упоминание об этом мы находим у поэта-фронтовика Давида Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди – солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, заброшенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой» (*Самойлов 1990: 69*). Иначе оценивает это явление Г.Ф. Денисенко: «Большое распространение на фронте имела переписка с незнакомыми женщинами. Я был в корне против этого. Жизнь научила меня не создавать иллюзий, за них приходится дорого платить. Некоторые, как, например, командир взвода лейтенант Рачковский, сразу переписывались с несколькими женщинами. Некоторые серьёзно увлекались этим, обменивались фотографиями, ездили к своим заочным знакомым во время отпуска» (Денисенко Б.Г.).

Наконец, Д.Ф. Златкин поделился личным опытом подобной переписки: «Самым главным талисманом служили фотографии девушек, которые посылались на фронт. Я получил однажды такое письмо: «Солдату, не получающему ни от кого писем». А я не получал ни от кого писем, у меня родители были потеряны тогда. И я ей ответил. У меня есть её фотография, по сей день ещё [храню] в альбоме. Она молодая девочка, работала на заводе. Всё в таких тонах патриотизма писала, что она для нас готовит вооружение, что она оружейница, что ей шестнадцать, семнадцатый год. А мне было уже 30 лет. Разница была колоссальная, мне казалось. И я написал, что

я старше тебя. Она говорит: «Я не верю, вы меня обманываете. Я получила вашу фотографию. Вы такой красивый, такой чудный человек. Приезжайте ко мне, мы с вами поженимся, создадим семью...» Вот такие были письма и фотографии. Единственное тёплое слово, которое получил – не от товарища, с которым ты рядом, а от тех людей, которые вдалеке тебе помогают, тебе сочувствуют...» (Златкин 1997).

Фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были так близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма (сугубо личные!) воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет живо и образно передать свое душевное состояние в строчках письма, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с полюбившимися песнями. Заменялись лишь адреса и имена, да некоторые детали¹. В воинских частях часто бывали случаи, когда бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в воспоминаниях Давид Самойлов, упоминая о существовании такого явления, как «солдатские писемники» (Самойлов 1990: 70).

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт Иосиф Уткин. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которую достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы покрасивее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, – писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. – И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: “Смотри, каким ты был!”» (Борисов 1987: 126).

Длительность Великой Отечественной войны, составившая почти четыре календарных года, обусловила широкое разнообразие в ведении боевых действий от высокой мобильности до длительной позиционности на разных этапах и на разных фронтах, чередование оборонительных и наступательных действий, изменение характера войны от преимущественно оборонительного на первых её этапах к активно наступательному на завершающих, от ведения войны на своей территории – к переносу ее на чужую к концу войны, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на собственно вражескую территорию Германии и её союзников. Всё это, безусловно, влияло на фронтовую повседневность участников боевых действий, их экзистенциальный военный опыт.

¹ Так, в Центральном Музее Вооруженных Сил в Москве (ЦМ ВС РФ. 4/67082/3080/1-2) хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене. В сборнике «Говорят погибшие герои» (1986: 333-334) эти же письма – к матери и невесте – подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб Александр Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?

Война была такой долгой, что родила свой быт, психологию, строй чувств. Понять эту «психологию войны» можно только через мироощущение и судьбы отдельных её участников, находя истину «на скрещении разных точек зрения». Изучение фронтовой повседневности во всем её многообразии и противоречивости позволяет глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны мог неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Источники и материалы

- Алексиевич* 1985 – *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо. Минск: Мастацкая літаратура, 1985.
- Борисов* 1987 – *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Военная энциклопедия 1999 – Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1999. С. 120.
- ГКО постановляет 1992 – ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал. (ВИЖ). 1992. № 4-5. С. 23.
- Говорят погибшие герои 1986 – Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941-1945. М.: Издательство политической литературы, 1986.
- Денисенко* Б.г. – *Денисенко Григорий Федорович* (30.10.1897 – 27.11.1973). Дневниковые записки пожилого солдата. Б.г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- Закруткин* 1950 – *Закруткин В.* Кавказские записки. 1942-1944. Симферополь: Крымиздат, 1950.
- Златкин* 1997 – *Златкин Даниил Фёдорович.* Интервью. 16.06.1997 г. // Личный архив Е.С. Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/zlatkin-daniil-fedorovich>.
- Кобец* Б.г. – *Кобец Иван Лукич.* Интервью. Б.г. // Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/kobets-ivan-lukich>.
- Комбату 1996 – Комбату *Засухину* помогли на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 1996. 14 декабря.
- Кривель* 1985 – *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М.: Политиздат, 1985.
- Мирский* 1991 – *Мирский М.Б.* Обязаны жизнью. М.: Политиздат, 1991.
- МБС ИФ МГУ – Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (МБС ИФ МГУ). Личный фонд Ю.И. Каминского.
- Незабываемые годы 1985 – Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М.: Советский композитор, 1985.
- Орлов* Б.г. – *Орлов Наум Аронович.* Интервью. Б.г. // Сайт «Я помню». <https://iremember.ru/memoirs/minometchiki/orlov-naum-aronovich>.
- Песков* 1979 – *Песков В.* Война и люди. М.: Молодая гвардия, 1979.
- Пушкарев* 1997 – *Пушкарев Лев Никитич.* Интервью. 04.06.1997 г. // Личный архив Е.С. Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/drugie-voyska/pushkarev-lev-nikitich>.
- Самойлов* 1990 – *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1–2.
- Сенявский* 1986 – *Сенявский Спартак Леонидович.* Лейтенантские мемуары. 1986 // Личный архив Е.С.Сенявской.
- Сенявский* 1944 – *Сенявский Спартак Леонидович.* Фронтовые письма. 1944 // Личный архив Е.С. Сенявской.
- Советская военная энциклопедия 1977 – Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1977. С. 261.

Шарапов-Антонов 1995 – Шарапов-Антонов Юрий Павлович. Интервью. 07.05.1995 г. // Личный архив Е.С.Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/sharapov-antonov-uriy-pavlovich>.

Шарапов 1985 – Шарапов Ю.П. На правом фланге войны // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 212–218.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76.

ЦМ ВС РФ – Центральный музей Вооруженных Сил РФ (ЦМ ВС РФ). 4/67082/3080/1-2.

Научная литература

Кринко Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. С. 456–470.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

Луков Г.Д. Психология. (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М.: Воениздат, 1960.

Сенявская Е.С. Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в российской повседневности. Сб. стат. М.: МГУС, 2001.

Сенявская Е.С. Повседневность фронтового быта русской армии в войнах XX в. // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 11–17.

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Сенявский А.С. Фронтовая повседневность в XX в.: теоретико-методологические проблемы // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 3–7.

Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. Победа. С. 197–211.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. С. 487–504.

Senyavskaya, Elena S.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25

Front-line Life of the Great Patriotic War: Structure and Specifics

Front-line life is a combination of the danger of battle and everyday life in all the variety of their typical and unique manifestations. This article examines the specifics of the front-line life of the Red Army during the Great Patriotic War based on ego-documents (letters, diaries, memoirs) and on “oral history” – memoirs-interviews of its participants belonging to the armed forces and military professions of the rank-and-file and the command staff. It is shown that the morale of the troops and their fighting capacity largely depended on the quality of the soldier’s life, its organization in extreme military conditions. Insufficient

attention to certain household factors negatively affected the course of hostilities or led to unjustifiably large losses. The study of the front-line everyday life in all its diversity and controversy through the eyes and the fates of individual front-line soldiers allows us to better understand the “human perspective” of recent military history, the elusive subjective factor that in extreme conditions could unexpectedly outweigh all material factors and turn out to be the “last straw” that tips the scales in favor of victories or defeats.

Keywords: *The Great Patriotic War, military everyday life, combatant psychology, front-line life, extreme conditions, oral history*

For Citation: Senyavskaya, E.S. 2021. Front-line life of the Great Patriotic War: structure and specifics. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–25.

Author Info:

Senyavskaya, Elena Spartakovna – Doctor of Hist., Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, 117292). E-mail: homobelli@mail.ru. ORCID 0000-0002-5425-4730

References

- Krinko, E.F. 2010. Prostranstvo i vremya v vospominaniyakh i pismakh uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny [Space and time in the memoirs and letters of the participants of the Great Patriotic War]. In: *Problemy rossiyskoy istorii*. Vol. X, 456–470. Moscow-Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet.
- Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. 2011. Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920-1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy [The Everyday World of the Soviet Man of the 1920s-1940s: Life in the Conditions of Social Transformations]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra RAN.
- Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. 2013. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voyennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945 gg.) [The private life of the Soviet man in the conditions of wartime: Space, borders and mechanisms of implementation (1941–1945)]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra RAN.
- Lukov, G.D. 1960. Psikhologiya. (Ocherki po voprosam obucheniya i vospitaniya sovetskikh voinov) [Psychology. (Essays on the training and education of Soviet soldiers)]. Moscow: Voenizdat.
- Senyavskaya, E.S. 2001. Povsednevnost rossiyskoy armii v voynakh XX veka: ponyatiye, struktura i psikhologiya frontovogo byta [Everyday Life of the Russian Army in the Wars of the twentieth century: the concept, structure and psychology of front-line life]. In: *Chelovek v rossiyskoy povsednevnosti* [A Man in Russian Everyday Life]. Sb. stat. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet servisa.
- Senyavskaya, E.S. 2009. Povsednevnost frontovogo byta russkoy armii v voynakh XX v. [The everyday life of the front-line life of the Russian army in the wars of the twentieth century.]. In: *Voyennyy faktor v rossiyskoy istorii v XVIII – XX vekakh: sb. statey mezhdunar. nauchn. konfer.* [The Military factor in Russian History in the XVIII–XX Centuries], 11–17. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Senyavskaya, E.S., Senyavskiy, A.S., Zhukova, L.V. 2017. Chelovek i frontovaya povsednevnost v voynakh Rossii KhKh veka: ocherki po voyennoy antropologii [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on Military Anthropology.]. Moscow: IRI RAN; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

- Senyavskiy, A.S. 2009. Frontovaya povsednevnost v KhKh v.: teoretiko-metodologicheskiye problemy [Frontline everyday life in the twentieth century: theoretical and methodological problems]. In: *Voyenny faktor v rossiyskoy istorii v XVIII – XX vekakh: sb. statey mezhdunar. nauchn. konfer.* [The Military factor in Russian History in the XVIII-XX Centuries], 3–7. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Senyavskiy, A.S., Senyavskaya, E.S. 2010. *Voyennaya povsednevnost kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskiye problemy* [Military Everyday Life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems]. In: *65 let Velikoy Pobedy: v 6 t.* [65 years of the Great Victory]. Moscow: MGIMO-Universitet. T. 3. *Pobeda*. 197–211.
- Tazhidinova, I.G. 2010. *Tsenost veshchey: izmereniye voyennogo vremeni* [The value of things: a Wartime dimension]. In: *Problemy rossiyskoy istorii. Vyp. X.* Moscow-Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet. 487–504.

© М.А. Насекин, А.В. Буганов

**ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТАЛИНГРАДА В 1942–1943 ГГ. (ПО ДНЕВНИКАМ АННЫ
АРАЦКИХ И СЕРАФИМЫ ВОРОНИНОЙ)**

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.
Твардовский. Василий Теркин

Статья написана на материалах дневников жительниц Сталинграда Анны Арацких и Серафимы Ворониной, которые они вели в период знаменитой битвы 1942–1943 гг., под непрерывными бомбежками, когда Сталинград превратился из прифронтового города в фронтовой. Жители Сталинграда оказались заложниками воюющей местности. В архивных документах отражены военная повседневность, эмоциональное, нравственное состояние мирных жителей, тяжести их выживания на грани человеческих возможностей. Авторы описывают условия быта в руинах, сложности с обеспечением населения питанием. Продовольственные магазины и лавки были практически уничтожены, водопроводные коммуникации разрушены, регулярного подвоза воды не было. В таких условиях притуплялось чувство восприимчивости, человек привыкал ко всему: к голоду, холоду и даже смерти. На страницах дневников авторы не только рассказывали о событиях, в гущу которых они оказались, но и делились самым сокровенным, «изливали» душу, выражали свои заботы и переживания, помощь и поддержку другим.

Сталинградская битва обернулась трагедией для мирного населения. Как и в бою, людям было необходимо находить правильные решения в критических ситуациях. Из-за постоянного перемещения линии фронта им также приходилось менять свое место жительства, обустраиваться на новом месте. Повседневная жизнь гражданского населения протекала буквально на передовой и определялась экстремальностью состояния общества, страны, народа в крупномасштабной войне. Речь шла не просто о проявлении патриотизма, но о коллективной жертвенности и героизме во имя общего дела. В дни обороны города это становилась нормой. В дневниках через личностное восприятие, типичное для тысяч и тысяч простых людей, проявлялся глубокий трагизм дней обороны Сталинграда.

Насекин Максим Анатольевич – ведущий методист, ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник “Сталинградская битва”» (400053 Волгоград ул. им. Маршала В.И. Чуйкова, 47). Эл. почта: nasekin.maks@mail.ru

Буганов Александр Викторович – д.и.н., заведующий отделом русского народа, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: buganov@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7590-2162>

Ключевые слова: *Сталинград, человек, война, повседневность, страх, смерть, жизнь, память*

Ссылка при цитировании: *Насекин М.А., Буганов А.В. Военная повседневность гражданского населения Сталинграда в 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной) // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 26–34.*

Сталинградская битва длилась с 17 июля 1942 г. по второе февраля 1943 г. Шесть с половиной месяцев в бескрайних донских и приволжских степях не утихали тяжелые кровопролитные бои. На отдельных этапах битвы на Волге в сражении участвовало, с обеих сторон, до двух миллионов человек. О Сталинградской битве написано много мемуаров, публицистики, поэзии, прозы. Есть отличные книги, например, повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и К. Симонова «Дни и ночи», роман Ю. Бондарева «Горячий снег». Сохранились фотодокументы и дневниковые записи. В 2014 г. на их основе С. Садовский создал документальный фильм о детях Сталинграда, кому тогда было 12, а кому лишь годик. Теперь они последние свидетели Сталинградской трагедии.

В статье источниками для изучения военной повседневности гражданского населения Сталинграда выступают произведения эпистолярного жанра – дневники Серафимы Ворониной и Анны Арацких, написанные авторами в период обороны Сталинграда. Дневники велись, когда в городе начались уличные бои, и Сталинград превратился из прифронтового города в фронтовой. На страницах дневников авторы описывают последствия варварских бомбардировок города, условия жизни в руинах, при ведении боевых действий, сложные условия со снабжением продовольствием. Эти дневники-хроники сохранились в фондах музея-заповедника «Сталинградская битва».

Автор первого дневника Анна Михайловна Арацких родилась в Сталинграде в 1920 г., в семье вместе с ней было 9 детей. Образование получила среднее специальное по профессии бухгалтер. В 1940 г. работала в Сталинградском военно-авиационном училище летчиков. В октябре 1942 года месяце вступила вместе с матерью в армию. Анна Арацких, начиная с 5-го класса имела привычку вести дневник. Первый дневник с девичьими довоенными воспоминаниями она брала даже в окопы и во время бомбежек и обстрелов делала записи. В одном из окопов дневник был утерян. Второй дневник Анна стала вести с конца августа 1942 г., когда у неё вновь появились тетрадка и карандаш. Дневник в марте 2002 года передала в музей её сестра Лидия Михайловна Арацких.

Второй дневник принадлежит Серафиме Федоровне Ворониной. Родилась она в 1905 г. в Царицыне (Сталинград-Волгоград) в семье рабочего. Серафима Федоровна свою трудовую деятельность начала в 17 лет, учительствовала на селе в начальной школе. Закончила вечернее педагогическое училище. Работая учительницей литературы в школе, поступила в Сталинградский педагогический институт, закончила литературный факультет в 1941 г. В дни войны ушла работать на завод «Красный Октябрь». При бомбежке Сталинграда в августе 1942 г. был тяжело ранен её 72-летний отец. После начала уличных боев в Сталинграде могла эвакуироваться, но имея на своих руках престарелую мать и раненого отца, осталась в городе. В семье было 7 человек: отец, мать, сестра Женя и брат, сестра Ирина с мужем. В живых остались только Ирина с дочерью Татьяной и Женя с сыном Игорем. Погибла в ноябре 1942 г. Дневник Серафимы Ворониной был найден в феврале 1943 г. в руинах Сталинграда между заводами

«Красный Октябрь» и «Баррикады», недалеко от Волги. В музей его прислал участник Сталинградской битвы Я.И. Бридыхин из города Харцынзск Донецкой области.

Сталинградская битва обернулась трагедией не только для военных, но и для населения города. Как и в бою, мирным гражданам было необходимо находить правильное решение в критических ситуациях. Повседневная жизнь определялась экстремальностью состояния общества, страны, народа в крупномасштабной войне.

Тяжелейший след в воспоминаниях и судьбе сталинградцев оставили постоянные бомбардировки города. Первый массированный налет вражеской авиации на город был совершен в ночь с 22 на 23 апреля 1942 г. и продолжался 3 часа 23 минуты. В налете учувствовало 50 вражеских самолетов. Только на Тракторозаводский район противник в ту ночь сбросил 1 500 зажигательных и 15 фугасных бомб (Самсонов 1989: 78). С 23 по 29 августа проходили «ковровые» бомбардировки города, и за этот период в Сталинграде погибло по разным данным от 42 000 до 71 000 мирных жителей и 142 000 получили ранения (Павлова: 2005: 202).

В дневнике А. Арацких 30 августа 1942 г. была сделана запись: «23 августа 1942 г. День был солнечным, теплым, тихим. Папа принес две пригоршни муки, она была какая-то серая и сильно пахла дымом. Отец тихо сказал, мать накорми детей, ведь они такие голодные. Мама как чувствовала, положила два кирпича, на них железку и стала разводить муку водой. Масса получилась темно серая, из нее мама испекла пышку». Пышку ждали все, но она досталась Лиде [ей было 6 лет, самой маленькой из детей – прим. М.Н. и А.Б.] Как только Лида съела пышку, небо стало темным. Началась «бомбежка, какой не было. Вокруг стоял свист, все стало черным, крики детей, взрослых, вой собак, пожары, взрывы, все грохотало и горело. Я же сидела и переживала, где же та самая кастрюлька с мукой, из которой мама сделала пышку.

Утром мы увидели, что все сгорело, во дворе было две воронки, сплошной пепел, руины, мама в истерике стала кричать. А я все искала ту кастрюлю и ту «печку», где мама пекла пышку, но от нее не осталось и следа. Вокруг трупы, разбитые дома, сгоревшие трамваи, вывернутые рельсы. Где-то недалеко рвались нефтяные баки, и нефть рекой текла в Волгу, горела сама река» (Арацких: 24988. Л. 1).

С началом регулярных бомбежек жители города прятались в окопах-щелях. В них было безопаснее, чем в подвалах домов. При попадании бомбы в дом было практически невозможно самостоятельно выбраться из руин. Щели же находились относительно на открытой местности, и их маскировали. От прямого попадания бомбы они не спасали, но в них было спокойнее. «Ближе к воздуху», – как говорили жители. Рыли их неширокими, глубокими и зигзагообразными. При обстрелах с пикировки можно было увильнуть от пуль и осколков. Прятались и в норах, которые отрывали в склонах оврагов. В свое примитивное жильё брали только самые необходимые вещи. В городе по состоянию на 15 апреля имелось 66 300 погонных метров открытых и закрытых щелей для укрытия населения, построенных силами МПВО и гражданского населения. (Самсонов 1982: 79). Сталинградцы днями, а то и месяцами не выходили из своего жилища, находились заложниками окопной жизни. Человек испытывал физические неудобства, постоянно находился в угнетенном эмоциональном состоянии, испытывал напряжение, чувство страха, подавленность, постоянное ожидание смерти. Своими эмоциями безусловно хотелось поделиться, но с кем? Записи в дневниках давали эмоциональную разгрузку. Вот что писала А. Арацких: «Уже целая неделя с того момента, как сидим в окопе с 23 августа. От Сталинграда

остались обгорелые камни, да жертвы ни в чём неповинных людей. Сегодня опять целый день сидим в окопе, и не знаю, когда этому придёт конец. Сколько слёз пролило за эти 13 дней. Сегодня пятница, а в воскресенье две недели, бомбить продолжают, хотя бомбить уже нечего. Сегодня бомбили всю ночь, и перед рассветом разбросали зажигательные бомбы на нашу улицу. Мы были в огненном плену. Но бог спас нас, и слава богу. Ой господи, неужели мы не вынесем всего того страшного, кругом стреляют, на улицах баррикады. Кошмар, наверное, ещё впереди. Сейчас пишу на ступеньке за крышей окопа, на камушке. Мой милый дневник, когда же придет конец всему страданию. Теперь я вспоминаю новогодний сон – большой белый крест, вот оно моё терпение. Эх, как ни хочется умирать, не видя жизни. Если буду жива, никогда не забуду 1942 год и этот окоп!». (*Арацких*: 24988. Л. 2).

Положение гражданского населения усугубилось после того, как 13 сентября 1942 г. после авиационной и артиллерийской подготовки противник начал штурм города. К постоянному чувству страха и ожидания смерти прибавилась боязнь попасть в плен к немцам. Положение с продовольственным обеспечением ухудшилось. Из дневника С. Ворониной: «С 13 сентября с воскресенья идут сильные бои. Со стороны немцев летят минометы, с нашей стороны бухают «Катюши». С самого воскресенья пять дней бомбили ... были небольшие перерывы. По ночам затишье, но спим тревожно, самолеты летают всё ночь, но не бомбят. Латает самолет-разведчик, вешает на парашютах фонари и освещает всё пространство. Делается так светло, как днем. Разведчик все высматривает, а днем начинается бомбежка. Мы с мамой и знакомыми живем в балке, Костя вырыл нам убежище, щель. Пять дней не вылезаем из этого убежища. Отец находится в щели дома. С ним находится Сергей Иванович, знакомый. Из всех дней бомбежки самым страшным был вчера 16 сентября. Какой был вчера ужас, какой ужас. Бомбили целый день с 8 утра до 8 вечера. И всё бомбили наш район, т.к. недалеко от нашей балки находится рабочий склад, а в нём стоят войска, машины. Вокруг находятся индивидуальные домики с садами, тут же находится и наш дом. Вчера бомба попала в сад к Кузовым, убило хозяина Илью Ивановича... красноармейца. Илья Иванович бежал в щель, по дороге его и убило. Жена его сильно, Екатерина Ивановна плакала. Вчера его и схоронили в саду, в воронке упавшей бомбы, Боже мой, какой ужас! Какой был ужас. Останемся ли мы живы, если останемся, то постареем лет на 20» (*ЛФ Ворониной*: Л.2).

В сентябре 1942 г. город превратился в сплошную линию фронта. На улицах появились военная техника, артиллерия и тяжелые орудия. Обстрелы и бомбардировки немцы проводили с присущими им педантичностью. Серафима Воронина писала: «Каждое утро с 8 часов начинается стрельба и бомбежка. Вот и сейчас стали бухать. т.к. летят немецкие самолеты. 14 сентября информбюро сообщило о сдаче Новороссийска, как-то там наши сватья, живы ли. Ну, кончаю писать, начинается стрельба. Закутываемся в подушки, одеяла и лежим ни живы, ни мертвы. Дни теплые, солнечные» (*ЛФ Ворониной*: Л. 3).

На страницах своих дневников авторы не только описывали события, в гуще которых они оказались, но и делились самым сокровенным, своими страхами и болью. В тяжелых фронтовых буднях почти не было времени с кем-то душевно поговорить, «излить» душу. Наверное, в этих обстоятельствах письменное слово, как никакое другое, помогало провести эмоциональную разгрузку. В семье Анны Арацких 27 сентября 1942 г. произошла трагедия, от пули снайпера погиб отец семьи Михаил

Арацких. Долго переживала дочь смерть близкого человека, не сразу смогла сделать запись в своем дневнике. Появилась она лишь 14 ноября: «Вот потерял навсегда мой самый дорогой человек – отец! Снова и снова нахлынули воспоминания о Папе, каждый день, каждый час, каждую минуту. С Папой было хорошо, с ним мы все были вместе в родном гнезде. Куда теперь нас разбросает судьба? Так и сидели мы в окопе все вместе, пока не погиб наш дорогой человек-Папочка! Его убил немец-снайпер.

Помню как полтора месяца тому назад, вечер 26 сентября, было очень тихо, светила полная луна, ни ветерка, ни тучки, ни одного выстрела. Пришёл папа и сказал: «А ну, вылезайте все из окопа, и подышите воздухом», а сам взял на руки свою любимую Лиду, так как она меньше всех, ей 6 лет. Мы все расселись около него. В тот вечер Папочка был почему-то такой задумчивый, казалось, что глаза его смотрели в одну точку, на Волгу, в них было видно даже отражение «золотой» лунной дорожки. Папа говорил, что все мы уже большие (кроме Лиды), все ему станем помогать, что скоро погоним немцев, и мы снова построим себе дом, выстроим его еще больше и еще лучше. Вспоминали, где кто побывал, папа впервые улыбнулся за вечер и сказал, что я больше всех остальных побывала в других городах. Так приятно было сидеть рядом с Папой, с ним как то не так страшна была войны. Затем он проводил нас спать в окоп, а сам что-то ещё очень долго делал по устройству нашего окопа.

А 27 сентября рано утром Папа разбудил нас, на улице было тихо, ярко светило сентябрьское солнце, вода блестела и казалось, застыла на месте, как залитое кем-то зеркало, казалось все кончено, нет больше войны.

Папа как всегда по утрам приготавливался идти развести костер, что бы сварить манную кашу. В это время прибежали два Вити и впервые нарушили эту мертвую тишину, перекинувшись двумя фразами... А Папа в это время открыл крышку окопа и крикнул соседу: «Шура, выходи, вы жив...» На этом недосказанном слове оборвалась его жизнь. Раздался выстрел, скорее какой-то щелчок, и Папа стал медленно оседать на стенки окопа. Все это произошло в какой-то миг... я все слышала сквозь утреннюю дрему, а когда раздался выстрел-щелчок, я сразу открыла глаза, и первое что я увидела – оседающего беспомощного и всего в крови Папу. Мама стояла в этот момент замороженная и смотрела на него, неспособная сдвинуться с места. Я побежала к нему первая, так как сидела крайняя в окопе рядом с Мамой. Но было уже поздно, Папа был мертв, хотя пульс и сердце ещё бились, а кровь лилась ключом из его правого виска, я пробовала пальцем остановить кровь, но мой палец легко прошел в отверстие, и кровь лилась, лилась, лилась...! Мы кричали все.. Витя стоял молча с широко открытыми глазами и смотрел на Папу, по щекам его текли слезы. В это же время его волосы чесали пули, видимо того же снайпера, летали мимо ушей, плеча, а он всё стоял будто не замечая ничего вокруг себя. Я кричала ему «беги Витя, беги отсюда». Началась такая ужасная стрельба, но мы её уже не слышали, крыша нашего окопа опустилась, оставив нам небольшое отверстие, и мы погрузились в свое неутешное горе.

Где был Витя? Что с ним? мы не знали, так как он остался там наверху, а мы в окопе. Потом мы увидели, точнее, услышали голос Пачика, он смотрел на Папу, такими же удивленными глазами, что и Витя, только спросил: «Что разве убили дядю Мишу?», а сам ползал вокруг окопа, как кошка и приговаривал: «Туже перевяжите его». Затем все смолкло, и мы увидели опустившуюся к нам в окоп руку, с пальцев которой лилась кровь к нам в окоп, были видны ноги обутые в такие же ботинки, что у Вити, и мы поняли что на крыше лежит убитый Виктор, горе наше удвоилось и мы потеряли рас-

судок. Так мы сидели с мертвым Папой, без еды и воды два дня. Много погибло людей в тот день, самым первыми погиб наш Папа. Погибли наши соседи Вера и Евдокия Павловна. Здесь же рядом с окопом было много трупов убитых бойцов.

Лишь поздно вечером второго дня, с тихим плачем подошла к окопу тетя Маруся, и мы услышали голос нашего Виктора. Не верилось, Виктор был жив, а погиб, оказалось Пачик, верный друг Виктора, ведь он пришел для того, чтобы разделить с нами наше горе и погиб сам, видимо, от рук того же снайпера.

Тетя Маруся плакала так тихо, что её плач никто не слышал, ведь он у неё был единственный и любимый сын. Затем они помогли нам вытащить из окопа труп Папы. На следующий день, как стемнело, мы обернули труп Папы в простыню и схоронили в подвале у Подлесновых» (*Арацких*: 24989. Л. 3–4).

В сталинградских дневниках авторы часто описывают сложности с обеспечением продовольствием гражданского населения, которые, конечно, во время войны были повсеместно. Сталинград, в отличие от Ленинграда, не находился в изоляции от страны, но в городе шли бои, продовольственные магазины и лавки были практически уничтожены. Жители города ходили на руины, собирали горящее зерно с элеватора, муку с обгорелых мукомольных предприятий. Очень редко можно было отыскать в остатках продовольственных магазинах что-то съестное. Основные водопроводные коммуникации города были разрушены в августе 1942 г., регулярного подвоза воды не было. Воду можно было взять в Волге, на родниках, в пожарных ёмкостях промышленных предприятий. Каждый поход за продуктами или водой был связан с риском для жизни. В сентябре 1942 г. С. Воронина сделала запись: «Встала сегодня поздно, в 9 часов, день был пасмурный, было тихо. Собралась идти за водой. Мама не пускала, но я всё-таки пошла. Вода в кранах на Баррикадах. Набрала воды, вдруг зашумели самолеты, побежала бегом с ведрами. Забежала в барак растрёпанный, в нём было две женщины, девочка и два красноармейца. Началась бомбежка, я прижалась в коридоре барака к углу, девочка легла на пол в коридоре, женщина побежала по бараку, красноармейцы легли на пол. Началась бомбежка, штукатурка сыплется, грохот. Что я пережила, описать не возможно. Когда немного затихло, я взяла ведра с водой и побежала домой» (*ЛФ Ворониной*: Л.4.).

Сколько эмоциональных потрясений испытывал человек по пути к живительной влаге. Смерть родных и близких, друзей и соседей – и это нужно было пережить. Притуплялось чувство восприимчивости, человек привыкал ко всему: к голоду, холоду и даже смерти. Вместе с тем, как отмечал К. Симонов: «Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее... даже месяц. Война есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а во все не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными» (*Симонов* 2005: 85).

В ноябре 1942 г. А. Арацких сделала запись в своём дневнике: «Дойдя до берега, я увидела трупы Веры и её матери, их трупы даже никто не присыпал землёй. Шла самая последняя, голова кружилась, сил не было, ноги распухли и ужасно болели. Меня подняли бойцы, но я снова падала и не стояла на ногах, словно пьяная, помню,

не благодарила их и была в каком-то забвении. Нервы были напряжены до предела. Помню, когда мы все же добрались до берега, сразу же бросились к воде, во рту все пересохло и хотелось пить. Пили жадно, много, здесь же на берегу было много убитых бойцов» (*Арацких*: 24988. Л.8).

Судя по дневниковым записям, сталинградцы в условиях постоянных эмоциональных потрясений, сумели не просто адаптироваться к ним, но сохранить сопричастность, теплые и дружественные отношения с окружающими. Забота и переживания, помощь и поддержка – все это нашло отражение на страницах дневников. С. Воронина писала: «Дом весь растрепан, соседские дома стоят. Вошла в дом, всё в нём расщеплено, вышла на улицу, оказалось, что бомба упала у окон дома, в то место, где посажена сирень. Собрали кое-какие доски с улицы во дворе. Дедушка сосед помог забить забор. Вечером пришел Сергей Иванович и забил нам окна, поднял забор со стороны стадиона, перетаскал кое-какой лес во дворе. Мама меня всё уговаривает идти в балку, к знакомым, но я никуда не хочу идти, будь что будет. Фронт находится в нескольких местах в 4 км от города, в некоторых в 7 км. Вчера проходил молоденький красноармеец, попросил пить, он и говорил, что фронт находится в разных местах» (*ЛФ Ворониной*: Л. 7).

Из-за постоянного перемещения линии фронта, жителям также приходилось менять свое место жительства, искать новые щели, окопы, полуразрушенные блиндажи. Обустраиваться на новом месте в военных условиях было сложно, но война есть война. Нахождение гражданского населения буквально на передовой – вот так можно охарактеризовать повседневную жизнь сталинградцев. С. Воронина пишет: «Сегодня военный утром ходил по всем дворам и выбирал место для установления пушки, вот беда-то. Оставаться и в своей щели становится невозможно, ну что делать? Мама говорит, что надо ехать за Волгу и пробираться вглубь степи. У нас живут одни знакомые, зовут с собой за Волгу. Не знаю, что и делать. Пойду сегодня схожу на Волгу, на переправу и узнаю, как обстоит дело, сажают ли с тележкой. Если бы с тележкой посадили, то кое-что можно было увезти с собой. Отец ещё больной, как он ещё дойдет. Говорила с ним утром насчёт поездки за Волгу, говорит, что как-нибудь с палочкой дойдет. Не знаю, что и делать, как быть. Положение очень напряженное. Вот уже сидим в окопе 34 дня, больше месяца, конца не видно» (*ЛФ Ворониной*: Л. 8).

Жители Сталинграда стали заложниками воюющего города, но велась, насколько возможно, эвакуация гражданского населения. Правда, проходила она в условиях, когда город был практически стерт с лица земли, а противник рассматривал в бинокль правый берег Волги. Да и многие горожане отказывались уезжать. Для большинства населения эвакуироваться – означало бросить всё и уйти в никуда.

Вот как эвакуировалась семья Арацких. Утром на берегу переправы в районе Красного Октября было много носилок с тяжелоранеными. Стояло три переполненных пароходика, но когда «начальник посмотрел на Маму с Лидой, на нас всех, сердце его видимо не вытерпело, он громко сказал раненым: «Потеснимся, товарищи, и возьмем эту семью».

Из-за тесноты на пароходике стоять можно было только на одной ноге. Сразу после отплытия появились немецкие самолеты, посыпалось множество бомб. Пароходик начало так, что каждую секунду он мог перевернуться, но благодаря мужеству капитана люди добрались до берега. Последовала команда не скапливаться и бежать в лес.

«Легко сказать бежать, но как? Сил бежать не было, ноги совсем не слушались... Всем хотелось добраться до полосы спасения-леса, все спешили туда, те, кто мог идти,

а идти могли не многие, большинство были тяжело ранены, повсюду стояли носилки с ранеными, геройски проявляли себя санитары и персонал парходика. Самолеты летели очень низко и стреляли по нам, хотя было видно, что идут раненые. Когда добрались до леса, а он был в нескольких метрах от берега, силы почти оставили нас...

Потом сели в машину и поехали... «а куда? Не все ли равно. И опять бомбежка, мы то садились в машину, то слезали с неё, бежали и прятались или просто падали плашмя, раскинувшись на дороге. Потом варили чай в лесу, отдыхали, кажется по настоящему – лежа, ведь такой возможности, сидя в окопе не имели. А утром снова сели на машину и поехали дальше от пылающего, сожженного города, от Папы...»

Так на попутных машинах Арацкие добрались до Камышина. Шли холодные со снегом дожди, одеться было не во что, все осталось в городе, закопанное возле разбомбленного дома. «Переночевать нас никто не пускал, да и что мы могли дать за ночлег? Семья наша была большая, мама и около неё пять человек. Так мы дрожали и мокли под дождем, под открытым небом, голову и ту некуда было спрятать. Помню, нашли мы на окраине Камышина погребок для коз и залезли туда. О! это было просто блаженство. Но счастье было не долгим, вышла хозяйка, накричала на нас и выгнала. И пошли мы с тяжелым камнем в сердце, не зная, куда же нам пойти, надвигалась ночь, было так холодно, лил мокрый дождь со снегом. Лида плакала, шли по дороге до тех пор, пока не пришли к регулировке. Около регулировочной будки было много народа, остановились мы, в надежде подъехать куда-нибудь на машине. Сидели долго, промокли до нитки, а что было делать? А потом подошла машина, из неё вышел какой-то начальник, подошел к нам и сказал «Вы кто и куда едете?» Мы сказали, что ехать нам некуда и ехать куда нам сами не знаем, может где-нибудь колхоз устроился» (Арацких: 24989. Л. 9–11).

По-разному сложилась судьба авторов сталинградских дневников. Мать Анны Арацких, Ксения Степановна после смерти мужа 11 октября 1942 г., имея при себе 5-х детей, добровольно вступила в армию, в 10-ю резервную, а позже 5-ю ударную армию, вместе с детьми в полевой прачечный отряд № 374 (Арацких: 24989. Л. 7). Серафима Воронина погибла при очередной бомбежке в ноябре 1942 г.

В истории Сталинградской победы было немало примеров выживания за гранью человеческих возможностей. Речь шла не просто о проявлении патриотизма, но о коллективной жертвенности и героизме во имя общего дела. В дни обороны города это становилась нормой. Источники, которыми для нас стали созданные авторами в экстремальных условиях дневники, несут в себе глубокий трагизм дней обороны Сталинграда через личностное восприятие тысяч и тысяч простых людей. Авторы дневниковых записей создали в дни войны ценные письменные источники о повседневности гражданского населения Сталинграда, в которой на первое место выходит человек Большой войны.

Источники и материалы

ЛФ Ворониной – Личный фонд Ворониной Серафимы Федоровны. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (МЗСБ). Книга поступлений основного фонда (КП), 12232.

Арацких – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Научно-вспомогательный фонд (МЗСБ НВФ) 24988-89. П. 175.

Симонов 2005 – Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя 1942-1945 годы. М.: Грифон М, 2005. С. 654.

Научная литература

Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: Гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград.: Перемена, 2005. 594 с.

Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1989. 624 с.

Nasekin, Maxim A., and Alexander V. Buganov

Military Everyday Life of the Civilian Population of Stalingrad in 1942–1943 (according to the diaries of Anna Aratskikh and Serafima Voronina)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/26-34

The article is based on the diaries of Anna Aratskikh and Serafima Voronina, residents of Stalingrad during the notorious battle of 1942–1943. The diaries were written under constant bombardment, when Stalingrad turned from a city near the front-line into a front-line city. The population of Stalingrad became hostage to the fighting city. The archival documents reflect the military everyday life, the emotional, moral state of the people, and survival on the verge of human capabilities. The authors describe the living conditions in the ruins, the difficulties in the food supply. Grocery stores and shops were devastated, water pipelines were destroyed, and there was no regular water supply. Human sensitivity was dropping away, one got used to everything: to hunger, cold and even death. On the pages of the diaries, the authors not only described the events they witnessed, but also shared the most intimate feelings, expressed their concerns and experiences, support to others. The battle of Stalingrad turned into a tragedy for the civilian population of the city. As in combat, they needed to look for the right solutions in critical situations. Due to the constant movement of the front line, residents also had to move and settle down in new places. The daily life of the civilian population took place literally in the trenches and was determined by the extreme situation of the large-scale war, which affected the society, the country, the people. It was not just patriotism, but a collective sacrifice and heroism in the name of a common cause. In the days of the city's defense, this became the new norm. The diaries describe the deep tragedy of the days of the defense of Stalingrad through the personal perception of thousands and thousands of ordinary people.

Keywords: *Stalingrad, humans, war, everyday life, fear, death, life, memory*

For Citation: Nasekin, M.A., and A.V. Buganov. 2021. Military everyday life of the civilian population of Stalingrad in 1942–1943 (according to the diaries of Anna Aratskikh and Serafima Voronina). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 26–34.

Author Info:

Nasekin, Maxim A. – leading methodologist, State Historical and Memorial Museum-Reserve “Battle of Stalingrad” (Volgograd, Russia). E-mail: nasekin.maks@mail.ru

Buganov, Alexander V. – Dr. (Hist.), Head of the Department of the Russian People, Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: buganov@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7590-2162>

References

- Pavlova, T.A. 2005. *Zasekrechennaia tragediia: Grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoi bitve* [Secret tragedy: civil population in the Stalingrad battle]. Volgograd.: Peremena.
- Samsonov, A.M. 1989 *Stalingradskaia bitva* [Stalingrad battle]. 4th Edition, revised & enlarged. Moscow: Nauka.

РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 39+351.857

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/35-43

© *О.Е. Казьмина*

АМИШИ СТАРОГО ПОРЯДКА: КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ОСТАНОВИВШАЯ ВРЕМЯ

В статье исследуются механизм формирования и сохранения очень своеобразной конфессиональной группы – амишей старого порядка и влияние религиозного учения на их повседневные практики. По существу, весь жизненный уклад амишей старого порядка определяется Орднунгом – сводом правил, позволяющим сохранять самобытность и приверженность традициям. В Орднунге выделяется письменная часть (составленные религиозными лидерами документы, содержащие основные догматические положения, обусловившие особенности религиозной и повседневной жизни) и устная (неписанные правила, постепенно складывавшиеся и определяющие отдельные детали быта). Устная часть Орднунга может несколько различаться в разных общинах и меняться с течением времени. Однако к любым переменам амиши старого порядка подходят очень осторожно – изменения могут касаться лишь незначительных частностей. Вся жизнь этой группы предполагает жесткую регламентацию норм поведения внутри общины и отношений с внешним миром; определены не только допустимые технологии, но и конкретные предметы хозяйства, быта и личного пользования. Амиши старого порядка верят, что Орднунг наставляет их на праведный путь и оберегает от грехов внешнего мира. Следование своему религиозному учению и своим традициям обеспечило формирование и воспроизводство амишей старого порядка как особой группы, сильно отличающейся от своего окружения не только религиозной принадлежностью.

Ключевые слова: вероучение, традиция, религиозность, повседневность, амиши старого порядка

Ссылка при цитировании: Казьмина О.Е. Амиши старого порядка консервативная религиозность, остановившая время // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 35–43.

Религиозная принадлежность определяет многие стороны жизни людей, зачастую она конструирует культурные границы и различные формы идентичности.

Казьмина Ольга Евгеньевна – д.и.н., и.о. заведующего кафедрой этнологии, заместитель декана исторического факультета по международному сотрудничеству, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы 1, Россия). Эл. почта: okazmina@inbox.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1708-2933>

Если говорить о культурной идентичности носителей традиции, то роль религиозных представлений усиливается, когда повседневные практики и нормы поведения отбираются и закрепляются с их учетом. В этом случае культурная отличительность формируется и транслируется от поколения к поколению при поддержке религиозного канона и обрядов (Дронова 2018: 12–13).

Очень своеобразную конфессиональную группу амишей старого порядка отличает строгое религиозное учение и предельный консерватизм в быту. Цель данной статьи – проследить механизм формирования и сохранения этой группы, проанализировать влияние религиозного учения на повседневные практики и уклад жизни ее членов. Мне дважды, с промежутком почти в 20 лет, довелось побывать в поселках амишей старого порядка в Пенсильвании, и оба раза было ощущение путешествия во времени, нахождения совсем в другой эпохе: здесь нет линий электропередач, водопровода, люди ездят в конных повозках, носят старинные одежды. При этом они живут не в какой-то изолированной местности, а в густонаселенном регионе и сознательно ограничивают контакты с внешним миром.

Амиши представляют собой обособленную и наиболее консервативную ветвь меннонитства. Они разделяют большинство меннонитских положений: крещение по вере (обычно по достижении 16-летнего возраста), буквальное толкование Библии, отрицание насилия – но трактуют их гораздо строже. Консервативный канон дополняется сложившимися традициями, которые сохраняют их быт. Название амиши получили от имени своего основателя – Якоба Аммана (1644–1712), меннонитского священника из Швейцарии, переселившегося в Эльзас. От основной массы меннонитов амиши отделились в 1693 г., когда Амман объявил, что недопущение провинившихся к причастию, принятое у меннонитов, – недостаточно строгое наказание. Он выступил за то, чтобы согрешившего человека отлучали от общины и все, включая членов семьи, прерывали с ним любые контакты. Принять изгнанного обратно, по его мнению, можно было только после публичного раскаяния и восстановления в церковном братстве. Амман дал указания относительно допустимых причесок своих приверженцев, определил фасоны и цвета их одежды. Простая одежда должна была символизировать пацифизм амишей: исключались любые элементы, вызывающие ассоциации с военной формой.

Для амишей характерно стремление к более строгому, чем у меннонитов, следованию Священному Писанию. Особое значение они придают Посланию Павла к римлянам, где говорится об отделении Церкви от государства; это положение трактуется не только как необходимость ограничения контактов с окружением (что характерно, хотя и в меньшей степени, также для меннонитов), но и как неприятие (по возможности) любых физических средств, связывающих с внешним миром. Впоследствии это вылилось в отказ от шоссежных дорог, линий электропередач, водопровода, газопровода, центрального отопления, телефона и т.п. Внешний мир амиши воспринимают как «покинутый Богом», поэтому крайне настороженно относятся ко всему, что приходит извне и может нарушить привычный уклад их общины.

В 1712 г., когда Эльзас стал частью Франции, французский король Людовик XIV вынудил амишей покинуть страну. Они переселились в другие европейские государства, а несколько позже первые три сотни человек отправились в Америку. Эмиграция за океан усилилась после наполеоновских войн, когда практически все амиши покинули Европу. В те же годы массовое переселение в Америку было характерно и

для собственно меннонитов. На новых землях общины этих родственных конфессий часто обустроивались по соседству, что, впрочем, не привело к их слиянию.

В Америке амиши и меннониты изначально расселились на юго-востоке Пенсильвании, которая славилась религиозной терпимостью и где находили пристанище многие религиозные группы, преследовавшиеся в Европе. В настоящее время наиболее крупные общины амишей по-прежнему сосредоточены в Пенсильвании, достаточно большие их группы есть также в Огайо и Индиане, кроме того, они живут в Висконсине, Мичигане, Миссури, Нью-Йорке, Айове, Иллинойсе, Флориде и некоторых других штатах США. Небольшие группы последователей доктрины Аммана обосновались в Канаде и странах Центральной Америки (*Melton, Bauman 2002: 45*). За пределами Америки амиши не сохранились. Оставшиеся в Европе их малочисленные общины полностью растворились среди меннонитов в начале XX в. (*Nolt 2003: 225*).

Общая численность амишей вместе с детьми, которые формально до крещения не считаются членами общины, к началу XXI в. составляла приблизительно 150 тыс. человек (*Melton, Bauman 2002: 45*). Браки у амишей довольно ранние (средний возраст вступления в брак у женщин 20,8 лет, у мужчин – 22,2 года), они заключаются только между крещеными членами общины и после родительского благословения (*Smith 1992: 17*). Поскольку традиционный уклад жизни предопределяет высокую рождаемость и семьи у амишей многодетные (обычно в них растет от пяти до восьми детей), можно предположить, что сейчас их численность несколько выше. Миссионерская работа для большинства амишей не характерна, и случаи принятия их веры посторонними крайне редки. Впрочем, и выходы из общины случаются нечасто, что и не удивительно, поскольку выросшему в такой среде трудно принять иной уклад жизни.

В Пенсильвании у немецкоязычных переселенцев (как амишей, так и представителей других религиозных групп) сложился особый диалект. Его называют пенсильванским немецким или, поскольку район, где живут амиши и меннониты, именуется «Голландской страной» (*Dutch country*), – пенсильванишским/пенсаильванским голландским. Этот диалект сформировался на основе исторически основного для амишей пфальцкого диалекта нижненемецкого языка с отдельными элементами верхненемецкого, к которому добавилось немало заимствований из английского языка. На пенсильванском диалекте говорят и амиши, живущие в других штатах, поскольку туда они когда-то переселились из Пенсильвании. В настоящее время лишь небольшая часть амишей говорит только на своем языке, большинство же наряду с ним использует английский. Вместе с тем полный отказ от пенсильванского немецкого для представителей этой группы не характерен (*Grimes 2000: 365*). Консервативные общины амишей воспринимают пенсильванский немецкий как маркер идентичности и поэтому всемерно охраняют и поддерживают его.

Практически все аспекты повседневной жизни этой конфессиональной группы определяются Орднунгом. Орднунг – это свод правил и ограничений, введенных самими амишами, он нацелен на сохранение вероучения, на то, чтобы члены группы жили простой жизнью, посвященной Богу, семье и общине. Именно строгое следование Орднунгу помогло амишам сохранить свою самобытность и приверженность традициям в столь отличающемся от них окружении.

В Орднунге выделяется две части, которые условно можно назвать письменной и устной. Первая включает документы, созданные Амманом и другими религиозными

лидерами, а также некоторые более поздние дополнения к учению. Эти документы определили формирование амишей как отдельной конфессии, в них содержатся основные догматические положения (обусловившие такие особенности этой группы, как отделение от остального мира, неподчинение светским властям, отказ от военной службы, отлучение нарушающих принятые правила и прекращение общения с ними до тех пор, пока они не будут в общине восстановлены) и основные нормы поведения в быту, например, запрет придерживаться мирской моды (*Hostetler* 1993: 82–83). Устная часть Орднунга содержит постепенно складывавшиеся неписанные правила, которые определяют частные детали повседневной жизни, не регламентированные документами. Эти правила могут несколько различаться в разных общинах и меняться с течением времени. Однако к любым изменениям амиши подходят очень осторожно: все предложения выносятся на обсуждение общины, которая решает, целесообразны они или нет. Если получено единогласное одобрение, вопрос рассматривается епископом. Епископ вправе отложить решение или разрешить инновацию временно, чтобы убедиться, что она не повредит общему укладу. В связи с этим, корректировка того или иного правила происходит очень медленно (*Hostetler* 1993: 101). Однако, несмотря на столь сложную процедуру, все же именно изменения в устной части Орднунга и в трактовке его письменной части привели к тому, что, осознавая себя принадлежащими к одной конфессии и имея единое самоназвание «простые люди Божьи», амиши распались на разные группы.

Самое большое разделение произошло в 1865 г. на съезде амишей США и Канады, где развернулась дискуссия между консервативными амишами и амишами, более открытыми для перемен. Первые, настаивавшие на традиционном понимании Орднунга – они обозначили такое понимание как «старый порядок», – получили название «амиши старого порядка». Вторые, у которых к тому времени сложились тесные отношения с соседними меннонитскими общинами, стали именоваться «амишскими меннонитами» (*Nolt* 2003: 175). Амишским меннонитам не удалось сохраниться как отдельной группе – они постепенно растворились в Меннонитской церкви. Что же касается амишей старого порядка, то строгое толкование письменной части Орднунга и традиционная настороженность к изменениям устных правил, наоборот, консолидировали сообщество, хотя выход небольших групп из их общин происходил и позже. В настоящее время наиболее консервативные, особенно строго следующие традициям амиши старого порядка представляют собой самую многочисленную – более половины всех последователей доктрины Аммана – группу амишей (*Melton, Bauman* 2002: 45). Ее полное название – «Меннонитская церковь амишей старого порядка». Впрочем, слово «меннонитская» часто опускается.

Все общины амишей старого порядка автономны, каждая из них возглавляется епископом (реже две общины окормляются одним епископом). Епископ считается высшим авторитетом и в религиозной, и в повседневной жизни. Он совершает основные религиозные обряды, рукополагает новых священников, следит за соблюдением правил и традиций. В зависимости от численности общины в подчинении епископа могут находиться от трех до пяти священников и дьякон. Надобщинных органов управления у амишей старого порядка не существует.

Из-за своей консервативности, которая распространяется не только на церковную, но и на повседневную жизнь, амиши старого порядка в значительной степени сохранили уклад XVIII в. Они стремятся жить так же, как некогда жили их предки, –

в соответствии с правилом: «Младшие братья должны быть такими же, как старшие братья, а младшие сестры должны быть такими же, как старшие сестры» (Smith 1992: 8). Как уже отмечалось, обеспечивается это в значительной степени следованием устной части Орднунга, базовые правила которой во всех общинах совпадают, хотя детали могут различаться. Правила четко определяют, что запрещено, что разрешено, а что обязательно. Это касается норм поведения внутри общины, отношений с внешним миром, технологий, а также конкретных предметов хозяйства, быта и личного пользования. Под запрет, среди прочего, попадают: участие в государственных и местных (за пределами общины) выборах и вступление в общественные организации; авиаперевозки; потребление электричества от линий электропередач и тепла от центрального отопления; применение трактора и другой сельскохозяйственной техники в полевых работах; использование телевизора, радио, наручных часов, фотоаппарата (запрещено фотографироваться и иметь сделанные другими фотографии); расторжение брака; ношение обручальных колец и ювелирных украшений (Kraybill 2001: 115). За нарушение любого запрета следует строгое наказание, вплоть до изгнания из общины. При этом сами запреты в разных общинах могут трактоваться по-разному. Так, хотя традиционным средством передвижения у всех амишей старого порядка остаются старинные конные повозки со стальными колесами (резиновые шины не допускаются), а к автомобилю отношение неодобрительное, в некоторых общинах в случаях особой необходимости разрешается передвижение на нем в качестве пассажира. Однако водить машину или владеть ею строго запрещено везде. Для осуществления необходимых деловых контактов с внешним миром допускается использование телефона, иногда на рабочем месте разрешается компьютер – однако владеть тем или другим и даже хранить их дома строго запрещено. При этом в Орднунге не говорится о запрете греховных с точки зрения христианства деяний и помыслов (убийство, воровство, ложь, зависть, гордыня и т.д.), поскольку амиши априори должны строго следовать Священному Писанию.

Амиши старого порядка ведут традиционное хозяйство. Они занимаются фермерством, сочетая животноводство, прежде всего молочное, и земледелие. Молоко они в т.ч. продают молокоперерабатывающим компаниям, в соответствии с требованиями которых с 1950-х годов амишам, вопреки своим принципам, пришлось использовать для пастеризации специальное оборудование и мини-генераторы (Redcay 1987: 4–6). Выращивают амиши в основном зерновые культуры: пшеницу, ячмень, рожь, кукурузу. Характерны для них также огородничество и садоводство. В некоторых районах культивируется табак (он по большей части идет на продажу, т.к. хотя прямо курение не запрещено, амиши его не одобряют). На окрестных фермерских рынках выращенные амишами старого порядка продукты, равно как и блюда из них приготовленные, пользуются большим спросом, поскольку считаются натуральными и экологически чистыми.

В среде амишей широко распространена взаимопомощь. Прежде всего это касается совместного выполнения трудоемких работ (как в сельском хозяйстве, так и в строительстве и ремонте), а также одалживания друг другу инвентаря и оборудования. Поскольку члены группы сами изготавливают большинство необходимых им в быту предметов, у них очень развиты различные ремесла: «визитной карточкой» амишей стали их деревянная мебель (появился даже особый «амишский стиль») и стеганные одеяла со сложными затейливыми орнаментами. Обычно одеяла делают-

ся совместно несколькими женщинами. Считается, что коллективное производство красивых изделий уберегает от гордыни. Далеко за пределами амишских общин популярна и их кухня, особенно разнообразная выпечка по старинным рецептам.

До недавнего времени члены этой группы не использовали никакой современной бытовой техники. Сейчас в их домах могут быть холодильники, стиральные машины, кухонные процессоры, но все оборудование работает не на электричестве, а от газовых баллонов. И это один из примеров трансформации разрешительной части «устного Орднунга».

Амиши старого порядка придерживаются принципа: детали интерьера или какие-либо предметы по возможности должны отличаться от используемых внешним миром (*Redcay* 1987: 4). Например, в их домах на окнах не должно быть занавесок, а только ставни, причем непременно темно-зеленого цвета. Унификация вообще очень характерна для амишей, и это тоже результат следования правилам «устного Орднунга». Так, стены в их домах могут быть только голубыми, зелеными либо коричневыми (что олицетворяет небо, траву и почву), одежда и головные уборы – только определенных цветов и фасонов. Женские платья почти не изменились с XVIII в. – они всегда однотонные (наиболее распространены синие, зеленые, лиловые и темно-красные). Поверх платья замужние женщины обычно надевают небольшую черную накидку и обязательно черный передник, незамужние – белую накидку и белый передник. Для работы по дому или в поле предусмотрен серый фартук. На голове женщинам, девушкам и даже маленьким девочкам положено носить белые чепцы. Повседневная одежда мужчин – цветные однотонные рубашки и серые брюки. На воскресное богослужение мужчины надевают белую рубашку с черной бабочкой, черные брюки, черный пиджак без воротника и лацканов – эти детали костюма у них ассоциируются с военной формой. По этой же причине запрещены ремень (брюки поддерживаются подтяжками) и пуговицы на пиджаках, жилетах и пальто; пуговицы есть только на рубашке и брюках. Вне дома мужчина должен всегда быть с покрытой головой: либо в черной шерстяной, либо в соломенной шляпе. Вся одежда, кроме мужского воскресного костюма, шьется дома. Обувь у всех черного цвета.

Прически у амишей тоже однотипные. Женщины носят длинные волосы, разделенные прямым пробором и уложенные в два тугих пучка. У мужчин это стрижка «под кружок» длиной до середины уха с пробором посередине. Женатые мужчины обязательно отпускают бороды, усы же носить не разрешается (они вызывают ассоциацию с армией).

Поскольку у амишей принято крещение по вере, дети не считаются членами общины, хотя практически с рождения вместе с родителями посещают богослужения. Мальчики с ранних лет приучаются к сельскохозяйственному труду, а девочки помогают готовить еду, накрывать на стол, делать многочисленные заготовки впрок. Обычно уже в трехлетнем возрасте девочку начинают привлекать к посильной работе на кухне. В свободное время дети и подростки катаются на самокатах, велосипеды также под запретом. Привитию детям трудовых навыков уделяется большое внимание и дома, и в школе. У амишей старого порядка свои восьмилетние школы, учиться за пределами общины они детям не позволяют. Эта профессиональная группа добились того, что на них не распространяются принятые в США государственные требования к среднему образованию (*Williams* 2008: 156). Уроки всегда начинаются с чтения Библии и пения гимнов. В школе преподаются немецкий и английский языки,

математика, история, география и некоторые другие предметы. Основная же цель образования – подготовить мальчиков к тому, чтобы они стали хорошими фермерами, а девочек – к роли примерной жены, матери и хозяйки. Преподают в школе одинокие женщины, сами имеющие лишь восьмилетнее образование. Тем не менее к учителям амиши относятся с очень большим уважением. Религиозное воспитание дети получают в семье, специальных воскресных школ у амишей старого порядка нет. После крещения и официального вступления в общину молодой человек или девушка дают обещание жить в соответствии с установленными Орднунгом правилами.

У амишей старого порядка нет специальных культовых зданий, богослужения проходят поочередно в домах верующих (а если дом слишком мал, то в амбаре). Службы проводятся обычно каждое воскресенье, в некоторых общинах – через воскресенье. Свободные воскресные дни называются воскресеньями дружбы, они предназначены для отдыха и походов в гости.

Во время богослужений мужчины занимают передние ряды, женщины – задние. Женатые/замужние и не состоящие в браке также сидят отдельно. Служба состоит из вознесения молитв, чтения отрывков из Библии, произнесения проповеди и пения гимнов. Музыкальные инструменты строгойше запрещены. В сборниках гимнов есть только стихи, нотных записей нет. Мелодии сохраняются в коллективной памяти общины и передаются из поколения в поколение. Среди сохранившихся протестантских сборников гимнов амишский «Аусбунд» считается старейшим.

После богослужения вся община остается на трапезу. Хозяева дома, в котором проводится служба, должны приготовить угощение для всех. Сначала обедает духовенство, затем люди старшего возраста и лишь потом молодежь. Во время трапезы мужчины и женщины также сидят отдельно.

Как уже отмечалось, амиши старого порядка очень строго относятся к нарушению членами общины существующих правил. Когда такое случается, на специальном собрании после богослужения обсуждается, как поступить с провинившимся. Если проступок небольшой, оступившемуся достаточно публично покаяться и пообещать впредь так не делать. Если же нарушение достаточно серьезно, епископ или священник могут предложить отлучить согрешившего от церкви. Окончательно вопрос об изгнании из общины решают все ее члены путем голосования. Отлучение влечет за собой многие ограничения не только в религиозной, но и в бытовой сфере. Так, человек не может есть за одним столом с членами общины, даже дома со своей семьей, с ним никто не разговаривает. По истечении определенного срока нарушитель может обратиться с просьбой о восстановлении в общине. Если он убедит епископа и священников в своем искреннем раскаянии и намерении впредь жить в строгом соответствии с Орднунгом, вопрос ставится на рассмотрение общины. Судьба отлученных складывается по-разному: одни, повинившись, возвращаются в общину, другие же примыкают к достаточно консервативным меннонитским организациям или пополняют ряды менее строгих групп амишей.

В XX в. от амишей старого порядка не раз отделялись более либеральные группы. Так, в 1910 г. от них отпала община в г. Пиджине (шт. Мичиган), образовавшая собственную церковную организацию – «Консервативную меннонитскую конференцию». Ее последователи стали проводить богослужения на английском языке в специальных зданиях, открыли воскресные школы. В 1927 г. в округе Сомерсет (шт. Пенсильвания) была создана организация «Амишские меннонитские церкви Бичи» (названа по име-

ни основателя – амишского епископа Мозеса Бичи). Это самая многочисленная группа (примерно 11 тыс. последователей) из отделившихся от амишей старого порядка и не влившихся в крупные меннонитские церкви. «Амишские меннонитские церкви Бичи» разрешили использование электричества, автомобилей, тракторов; у них имеются специальные молитвенные дома и воскресные школы; они занимаются миссионерством. Отлучения от общины здесь случаются гораздо реже и не сопровождаются строгими ограничениями в общении. Впрочем, меннониты-амиши Бичи – это не единая общность, а ряд групп, различающихся степенью допущения «либеральных» инноваций. В некоторых общинах, например, разрешен ограниченный доступ в интернет, мужчинам позволено носить купленную в магазине одежду, а в некоторых считается нормальным не только пользоваться автомобилем, но и владеть им.

Еще один «раскол» произошел в 1966 г.: в округе Ланкастер (шт. Пенсильвания) около 100 семей отделились от амишей старого порядка и образовали две общины, которые назвали «амишами нового порядка». Наряду с общим послаблением требований (менее жесткая практика отлучения; использование в хозяйстве электричества, автомобилей, тракторов, а также телефонов; терпимое отношение к фотографированию и фотографиям) для них было характерно и привнесение евангельских элементов. Примерно в то же время подобные общины возникли и в штате Огайо.

Тем не менее, несмотря на расколы и смягчение правил в отделившихся группах, жизнь верных последователей доктрины Аммана по-прежнему строится в соответствии с Орднунгом и по-прежнему предполагает жесткую регламентацию и многочисленные ограничения. Амиши старого порядка верят, что Орднунг – это инструмент практического применения библейской мудрости и сохранения угодного Богу стиля жизни, предполагающего скромность, любовь к ближнему и смирение. Они считают, что Орднунг наставляет на праведный путь, помогает избежать таких грехов, как гордыня, зависть и т.п., ограждает от несправедного, на их взгляд, внешнего мира. Следуя религиозному учению и традициям, обусловленным устной частью Орднунга, амиши старого порядка сохраняют свой уклад и не поддаются соблазнам. Канон и традиция обеспечили формирование и воспроизводство этой конфессиональной группы, сильно отличающейся от своего окружения не только в религиозном отношении.

Научная литература

- Дронова Т.И.* Религиозный канон и народные традиции как механизм формирования, сохранения и эволюции этноконфессиональной группы (на примере староверов Усть-Цильмы). Автореф. дис. ... докт. истор. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2018.
- Grimes B.F.* (ed.). *Ethnologue. Languages of the World. Vol. 1.* Dallas: SIL International, 2000.
- Hostetler J.A.* *Amish Society.* Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.
- Kraybill D.B.* *The Riddle of Amish Culture.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
- Melton J.G., Bauman M.* (eds.). *Religions of the World: A Comprehensive Encyclopedia of Beliefs and Practices. Vol. 1.* Santa Barbara: ABC Clio, 2002.
- Nolt S.M.* *A History of the Amish.* Intercourse: Good Books, 2003.
- Redcay T.J.* *The Old Order Amish in Plain Words and Pictures.* Gettysburg: Tem Inc., 1987.
- Smith E.L.* *The Amish.* Lebanon: Applied Arts Publishers, 1992.
- Williams P.W.* *America's Religions: From Their Origins to the Twenty-First Century.* Urbana: University of Illinois Press, 2008.

Kazmina, Olga E.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/37-43

Old Order Amish: Conservative Religiosity that Stopped the Time

The article studies the formation and conservation of a very specific religious group – Old Order Amish, and how their religious doctrine affected their everyday practices. In fact, the whole life style of Old Order Amish is determined by Ordnung – a scope of rules that allowed them to preserve their distinctiveness and devotion to traditions. Ordnung consists of its written part (documents written by religious leaders that contain dogmatic statements determining specifics of religious and daily life) and oral part (unwritten rules that gradually developed in each community and determined particular details of daily life, not recorded in the written documents). Unwritten rules of the Ordnung may lightly vary in different communities and change over time. Yet, Old Order Amish are very cautious about any changes, which can only affect minor details. All their life is strictly regulated by the rules of conduct inside and outside the community and permitted technologies, tools and personal use items. Old Order Amish believe that Ordnung sets them on the right path and helps them not to let sins of the outside world into their lives. Following both religious doctrine and traditions determined by the oral part of Ordnung ensured the formation and reproduction of Old Order Amish as a particular group that dramatically differs from its neighboring population.

Keywords: religious doctrine, tradition, religiosity, everyday life, Old Order Amish

For Citation: Kazmina, O.E. 2021. Old Order Amish: Conservative Religiosity that Stopped the Time. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 35–43.

Author Info:

Kazmina, Olga E. – Dr. in Hist., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E- mail: okazmina@inbox.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1708-2933>

References

- Dronova, T.I. 2018. *Religiozniy kanon i narodnye traditsii kak mekhanizm formirovaniia, sokhraneniia i evoliutsii etnokonfessional'noi gruppy* (na primere staroverov Ust'-Tsil'my) [Religious Canon and Popular Traditions as Mechanism of Formation, Conservation and Evolution of Ethnoreligious Group (On the Example of Ust-Tsilma Old-Ritualists)]. PhD diss. Abstract, Moscow State University.
- Grimes, B.F. (ed.) 2000. *Ethnologue. Languages of the World*. Vol. 1. Dallas: SIL International.
- Hostetler, J.A. 1993. *Amish Society*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Kraybill, D.B. 2001. *The Riddle of Amish Culture*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Melton, J.G., and M. Bauman, eds. 2002. *Religions of the World. A Comprehensive Encyclopedia of Beliefs and Practices*. Vol. 1. Santa Barbara: ABC Clío.
- Nolt, S.M. 2003. *A History of the Amish*. Intercourse: Good Books.
- Redcay, T.J. 1987. *The Old Order Amish in Plain Words and Pictures*. Gettysburg: Tem Inc.
- Smith, E.L. 1992. *The Amish*. Lebanon: Applied Arts Publishers.
- Williams, P.W. 2008. *America's Religions: From Their Origins to the Twenty-First Century*. Urbana: University of Illinois Press.

РОЛЬ ИТАЛО-АЛБАНСКОЙ ЦЕРКВИ И ФУНКЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБРЯДА В КОНСТРУИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ АРБРЕШЕЙ СИЦИЛИИ

Статья посвящена византийскому обряду как одному из ключевых маркеров определения идентичности арбреишской диаспоральной группы, проживающей на территории Сицилии. В условиях быстрого развития коммуникации, растущей мобильности людей наблюдается ослабление социальных связей, размывание этнических границ и снижение ценностных ориентиров. Проблема сохранения самобытности арбреишей и укрепления чувства их этнической принадлежности породила насыщенную культурную жизнь. Итало-албанские приходы в течение долгих лет накапливали информацию об истории, традициях и обычаях своей общины, укрепляли внешние и внутренние связи, благодаря чему между представителями арбреишской диаспоры возникло чувство внутренней сплоченности. Византийский обряд по-прежнему остаётся наиболее устойчивым к трансформации, поскольку местное духовенство отвечает за сохранность религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом, а также направляет свою деятельность на культивирование и сохранение арбреишской идентичности. Итало-албанская церковь представляет значительный институт, который движется к новым формам организации или изменяет роль существующих, чтобы реагировать на вызовы современного общества. Итало-албанская церковь высоко ценится своими прихожанами, и все больше воспринимается как религиозный, социальный и культурный институт, ответственный за сохранение ценностей религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом.

Ключевые слова: арбреиши, Пьяна-дельи-Альбанези, византийский обряд, идентичность, Итало-албанская церковь, традиционная культура

Ссылка при цитировании: Сулоева М.А. Роль итало-албанской церкви и функция византийского обряда в конструировании идентичности арбреишей Сицилии // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 44–60.

Албанские диаспоры, проживающие на территории Южной Италии и Сицилии, являются важным объектом этнолингвистических и антропологических исследований, поскольку языковое и культурное взаимодействие арбреишей и итальянцев, происходившее в прошлом, продолжается и в настоящее время. Длительное проживание в изоляции от источника традиции способствовало тому, что арбреишские общины на протяжении веков сохраняли свою идентичность, демонстрируя жиз-

неспособность своей традиционной культуры. Однако быстрое развитие коммуникации, растущая мобильность людей влияют на традиционные модели поведения, наблюдается ослабление социальных отношений, размывание этнических границ и снижение ценностных ориентиров. Мультикультурный характер современных обществ способствовал тому, что самосознание представителей арбрешской общины существенно видоизменилось за последние десятилетия, несмотря на общий язык и историческую память. В процессе адаптации к новым условиям, а также культурного взаимодействия с населением Италии, начался процесс формирования смешанной идентичности, сочетающей в себе как черты представителей доминантной общности, так и собственные этнокультурные особенности.

Объектом настоящего исследования является традиционная культура арбрешей, проживающих на Сицилии в Пьяна-дельи-Альбанези – основном центре компактного расселения албанской диаспоры в этом регионе. Предметом исследования является византийский обряд венчания как один из важнейших составных культурных элементов, формирующих этническую специфику арбрешей и являющихся ключевым условием определения собственной идентичности. Научная проблема исследования заключается в анализе роли Итало-албанской церкви, а также выявлении функций византийского обряда в конструировании идентичности. На данный момент отсутствует комплексное изучение этого феномена как части традиционной культуры арбрешей Сицилии. Необходимо анализ его отдельных элементов, выявление особенностей их современного функционирования в условиях глобализационных процессов. Актуальность темы исследования обусловлена не только необходимостью в изучении современных тенденций развития и функционирования традиционной культуры, испытывающей влияние соседней итальянской, но также в анализе роли церковных и социальных институтов в конструировании идентичности изучаемой диаспоральной группы.

Основными методологическими принципами исследования послужили описательный и сравнительно-исторический подходы. Рассматривая обряд венчания как единый текст, имеющий определенную структуру и сложный комплекс различных элементов, каждый из которых выполняет соответствующую функцию, мы применили методы структурного и функционального анализа. Исторический подход позволил проследить возникновение, формирование и дальнейшие пути развития не только обряда, но и самой итало-албанской церкви. Исследовательскую базу работы составили этнографические, искусствоведческие и прочие исследования ученых-предшественников, включенные в научные издания, а также собственные полевые материалы автора, собранные в результате экспедиций на Балканский полуостров и в Южную Италию: Южная Албания (2014–2015 гг.), Пьяна-дельи-Альбанези, Палермо, Сицилия (2016–2020 гг.).

К истории арбрешских поселений

Присутствие арбрешей на территории Италии насчитывает несколько столетий. Еще в XIV веке между Албанией и Неаполитанским королевством сложились выгодные обеим сторонам военно-политические отношения, благодаря чему многие албанские солдаты, помогавшие королю Неаполя в подавлении восстаний, получили от него в дар земли, на которых были основаны первые арбрешские деревни (*Zangari* 1940: 52).

Однако наиболее продолжительный и многочисленный исход албанцев и греков наблюдался с конца XV века, когда после смерти национального героя Георга Кастриоти по прозвищу Скандербег¹ всё большее число албанских городов и крепостей оказывалось под османским управлением (Арш 1992: 76–78). Население Албании подвергалось преследованиям и массовым убийствам, поэтому с нарастающим давлением османских завоевателей Албанию стали покидать новые группы мигрантов, воспользовавшись тем, что в Калабрии уже были основаны первые колонии (Mastroberti 2008: 149). Миграция населения происходила в основном из южных и центральных районов Албании, а также из Мореи² – области на юге Греции. Прибытие албанских беженцев могло в значительной степени укрепить экономику и демографию малонаселенных районов, поэтому многие из албанцев при одобрении католической церкви получили землю и права от местных феодалов (Emmanuele 1988: 90). Основные регионы, в которые миграция албанцев была наиболее существенной, – это Калабрия, Сицилия, Молизе, Кампания, Апулия и Базиликата. Вплоть до первой половины XVIII века переселенцы продолжали основывать новые общины на побережье Южной Италии. В течение всего этого времени и в последующие два столетия албанцы сохраняли свой язык, вероисповедание, этнический костюм, а также прежний, бытовавший до начала переселения эндоэтноним *арбреши* (арбр. arbëresh).

В отличие от жителей других арбрешских поселений Сицилии, где постепенная языковая ассимиляция и последовавшее за ней утрачивание значимых элементов традиционной культуры привели к изменению маркеров самоидентификации, представители албанской диаспоры, проживающие в Пьяна-дельи-Альбанези, до сих пор выделяют три ключевые составляющие, формирующие их этническую специфику: местный диалект албанского языка, традиционную одежду и византийский обряд (Mandalà 2014: 101). В совокупности эти особенности обеспечивают сохранность и жизнеспособность национальной, этнической и культурной идентичности в условиях глобализационных процессов, поэтому исключение хотя бы одной из них ведет к неизменному утрачиванию осознанного восприятия себя как части отдельного народа.

Для арбрешей византийский обряд является вторым по значимости (после языка) объединяющим фактором, поскольку он формирует представление о собственном происхождении и позволяет осмыслить генетическую связь не только с членами своей общины, но и с представителями других албанских коммун, расположенных на Сицилии, в Калабрии, Базиликате, Апулии, Молизе и др. Кроме того, обряд напоминает об исторических событиях, связанных с эпохой Скандербега, и таким образом становится символом единения албанского народа, воевавшего против турок-мусульман (Parrino 2004: 4).

Краткая история возникновения итало-албанской церкви

Географическое положение Сицилии во многом обусловило её конфессиональное развитие, поскольку остров оказался на пересечении интересов крупнейших политических сил, веками ведущих борьбу за право господства в Средиземном море.

Многочисленная греческая община основала свои поселения на восточных бе-

¹ Георг Кастриоти по прозвищу Скандербег (1405–1468 гг.) – правитель княжества Кастриоти, вождь антиосманского албанского восстания, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях (Арш 1992: 56–62).

² Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес.

регах острова еще в VIII–VI веках до н. э. С этого момента история Сицилии была неразрывно связана с греческой культурой. На протяжении следующих шести веков Сицилия являлась провинцией Римской республики. С принятием христианства в качестве государственной религии Римской империи это решение затронуло также Сицилию, и христианство стало стремительно распространяться по всему острову, где до этого преобладала старая религия – греческий античный политеизм и имелись святилища различных божеств. В начале IV века н. э. здесь появились первые христианские общины (Норвич 2018: 41). С 535 года Сицилия была включена в состав Восточной Римской империи в качестве одной из ее провинций, духовная власть Константинополя укрепилась, а вместе с ней – греческая богослужebная традиция. В 737 году все епископские престолы, бывшие в ведении римского папы, вошли в состав Константинопольского Патриархата, отношения между папством и церковными представителями острова были запрещены (Иващенко 1867: 1). С прекращением вмешательства Рима в церковные дела Сицилии главой островной церкви стал местный епископ, позже возведенный в сан митрополита. С этого момента в церковной жизни Сицилии началось главенство греческого языка и восточных обычаев, на юге Италии все калабрийские и апулийские епископы также совершали богослужения только по византийскому обряду (Паче 2019: 20).

В IX веке территорию острова заняли арабы, контроль Константинополя над этими землями был утрачен, Сицилия стала мусульманским эмиратом, а Палермо, получивший название Аль-Мадина, – его столицей. Однако греческая православная община продолжала быть крупнейшей этноконфессиональной группой Сицилии, ей было позволено сохранять свободу вероисповедания, выплачивая ежегодную дань. Веротерпимость арабов позволила сохранить церкви и монастыри (Норвич 2018: 44–45).

С конца XI вплоть до начала XII века шло завоевание Южной Италии выходцами из Нормандии, в результате чего Византия утратила контроль над югом Италии, а Сицилия стала частью Сицилийского королевства, при этом греческий и арабский языки начали постепенно вытесняться развивающимся сицилийским диалектом итальянского языка. В поздний период норманнского расселения в итальянских землях начался процесс католизации населения, римские папы восстановили свою власть над грекоязычными общинами Италии, многие из которых не участвовали в Великом Расколе 1054 года и сохранили общение с Римским престолом. С укреплением Рима в политическом и религиозном плане произошла замена греческих архиереев латинскими, однако привычный византийский обряд сохранился. Норманнские правители основывали новые греческие монастыри и поддерживали уже существовавшие, вместе с этим они поощряли латинскую иммиграцию, что также способствовало проникновению и укреплению римского обряда наряду с греческим.

С падением правления династии норманнов в 1194 году политика последующих правителей Сицилии была направлена на дальнейшую латинизацию местной церкви, начался процесс ассимиляции греческих общин византийского обряда¹ (Норвич 2015: 134). Однако прибывшие с территории Балканского полуострова во второй половине XV века албанские мигранты, часть из которых исповедовала православие, успешно противостояли данному процессу. Переселенцы признали главенство папы, но сохранили греческий обряд, продолжили поклоняться византийским свя-

¹К XV в. процесс латинизации был практически завершен, однако в удаленных горных областях греческие монастыри продолжали существовать вплоть до XVII в.

тым и вести богослужения на греческом, а позже и на арбрешском языках. С этого периода традиционное название «Итало-греческая церковь» начало постепенно изменяться на «Итало-албанская» (Католическая энциклопедия 2005).

Однако в церковном законодательстве все же была дискриминация приверженцев византийского обряда, их отношения с папским престолом были довольно напряженные. Албанская церковь пережила множество конфликтов с латинским епископатом, поскольку верующие и их православные священники не имели прав и находились под юрисдикцией римской церкви. Латинское окружение привело к тому, что Итало-албанская церковь начала утрачивать свои литургические традиции. В 1734 году в Палермо папой Климентом XII была учреждена духовная семинария, дававшая возможность готовить духовенство по канонам восточной традиции (Робертсон 1999: 68).

В 1742 году папа Бенедикт XIV издал конституцию, в которой были пересмотрены многие положения церковного законодательства, албанцы Сицилии призывались к сохранению своего обряда, но вместе с тем подчёркивалось первенство латинского. Окончательное же равноправие установилось лишь в XIX веке, когда в 1867 году папа Пий IX отказался от преобладания латинского обряда (Робертсон 1999: 69). А в 1937 году папой Пием XI была учреждена епархия¹ Пьяна-деи-Гречи, подчинявшаяся папе римскому, но не зависящая от иерархов в Палермо². В 1941 году она была переименована в Пьяна-дельи-Альбанези. В состав новой епархии вошли муниципалитеты Пьяна-деи-Гречи и Санта-Кристина-Джелла, получившие территорию от архиепархии Монреале и Палермо, а также византийские ритуальные приходы Меццоюзо, Контесса-Энтеллина и Палаццо-Адриано, выведенные из-под юрисдикции архиепархии Палермо и Монреале, и, наконец, церковь Сан-Николо-деи-Гречи в Палермо. Таким образом, возникла Итало-албанская церковь, совмещающая западный/католический катехизис и главенство папы с восточной литургической традицией. Это единственная из греко-католических церквей, образовавшаяся не путём унии³ со святым Престолом, а изначально оставшаяся в сфере влияния Рима во время Великого Раскола 1054 года.

Современная Итало-албанская католическая церковь состоит из двух независимых епархий: Пьяна-дельи-Альбанези (на Сицилии) и Лунгро (в Калабрии), а также монастыря ордена базилиан Гроттаферрата, имеющего статус территориального аббатства и расположенного в Центральной Италии. На епархиальной территории, которая разделена на пятнадцать приходов, также существуют религиозные ордена исповедующих восточный обряд. Однако со временем некоторые из приходов византийского обряда были переданы немногочисленным католикам латинского обряда, проживающим в арбрешских коммунах⁴.

¹ Епархия – церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом) (Католическая энциклопедия 2002).

² Речь идет о таком редком явлении, как прямое подчинение Римскому престолу без посредничества других церковных институтов.

³ Уния – объединение Римско-католической церкви с одной из восточных на условиях признания последней католического вероучения и догматики, но при сохранении своего обряда, богослужебного календаря и разрешения на брак для белого духовенства (Католическая энциклопедия 2002).

⁴ На протяжении десятилетий между «латинянами» и «греками» наблюдались споры и противостояния. Сегодня из пятнадцати приходов византийского обряда пять переданы верующим латинского обряда. Община Санта-Кристина-Джеллы не так давно отказалась от греческой церковной традиции в пользу латинской, однако византийский обряд используется в некоторых особых случаях. В Пьяна-дельи-Альбанези церковь Св. Вита, также изначально принадлежавшая верующим византийского обряда, в 1596 году была передана латино-католикам (ПИМА 2).

На сегодняшний день епархия Пьяна-дельи-Альбанези является результатом борьбы за национально-религиозное сохранение арбрешской диаспоры. Следование византийскому обряду представляет одну из характерных этнокультурных особенностей албанской диаспоральной группы и демонстрирует привязанность арбрешей к культурному наследию своей прародины и историческую преемственность традиций, восходящих ко времени Скандербегга.

К вопросу о формировании идентичности арбрешей и роли византийского обряда

Особенность географического положения Пьяна-дельи-Альбанези явилась причиной того, что на протяжении нескольких веков это арбрешское поселение продолжало оставаться изолированным от остальной части Сицилии, а его жители передавали из поколения в поколение свои обычаи и традиции в «законсервированном» виде. Долгое время сицилийцы оставались индифферентными по отношению к албанским переселенцам, которые, в свою очередь, желали сохранить этническую самобытность, что также замедлило процесс взаимопроникновения культурных элементов. Однако период после Второй мировой войны был отмечен интенсивной эмиграцией в другие страны, оттоком рабочей силы из сельской местности, введением обязательного образования, получаемого в итальянских учебных заведениях (преподавание в которых ведется на итальянском языке), распространением средств массовой информации, а также модернизационными процессами. Все это привело к тому, что сопротивление арбрешей влиянию доминантной культуры с течением времени постепенно начало ослабевать, при этом усилился процесс социокультурной дезинтеграции внутри их диаспоральной группы. В новых жизненных реалиях современные арбрешы часто сталкиваются с проблемой определения этнической принадлежности, поскольку в процессе адаптации к новым условиям и взаимодействия с сицилийцами, начался процесс формирования смешанной идентичности, сочетающей в себе как черты представителей доминантной общности, так и собственные этнокультурные особенности (*Giacomarra* 2003: 204). В настоящее время среди арбрешской молодежи наблюдается тенденция трансформации этнического «я», которая зародилась в конце XX века после закрытия ряда церковных учреждений, занимавшихся не только образованием, но и приобщением молодого поколения к культурным ценностям своей общины (ПМА 2).

В конце XX века им на смену окончательно пришли государственные образовательные институты, а вместе с ними и новый педагогический контингент, состоявший в основном из сицилийцев или итальянцев, прибывших с материковой части Италии. Проводимая государством политика в отношении этнических меньшинств и их языков также не способствовала укреплению представления арбрешей о ценности собственной этнической принадлежности (*Giacomarra* 2003). В начале 70-х годов Марио Болоньяри провел опрос среди арбрешей Калабрии на предмет престижности арбрешского языка, согласно данным, полученным в ходе исследования, популярность его использования была очень низкой (*Bolognari* 1986: 47–48). Многие респонденты высказались о невостребованности родного языка, о трудностях, которые он создает при общении с представителями других этносов, не давая при этом никаких преимуществ. Другие выразили желание не раскрывать своего происхож-

дения и не использовать арбрешский в повседневной жизни. Наконец, респонденты из третьей группы, состоявшей в основном из мигрантов, отметили, что полностью отказались от родного языка в пользу итальянского (Там же: 49). Данные этого исследования во многом схожи с теми, которые были получены в ходе аналогичного опроса на Сицилии (*Giacomarra* 2003: 205).

Официальное признание культурного и языкового наследия арбрешских диаспоральных групп началось только после вступления в силу закона 482/1999 о защите исторических языковых меньшинств¹. Кроме того, многочисленные преобразования последних десятилетий в социальной и экономической сферах в значительной степени способствовали повышению внимания арбрешей к собственной идентичности; вышеупомянутый закон 482 повлиял на расширение сфер использования арбрешского языка (*Giacomarra* 2003: 203). Однако, по словам информантов, этого недостаточно, чтобы современная молодежь в полной мере могла овладеть родным языком, хотя интерес к нему и возрос в последнее время. В отличие от своих бабушек и дедушек, молодое поколение вовсе не умеет писать по-албански или использует для этого итальянский алфавит. Многие говорят на арбрешском исключительно в кругу семьи, в то время как на работе или учёбе применяют итальянский. К сожалению, на территории Пьяна-дельи-Альбанези не хватает соответствующих научных и образовательных учреждений, которые взяли бы на себя ответственность за конструирование и поддержание арбрешской идентичности (ПМА 2).

В этих условиях в последнее время всё большую значимость стали приобретать такие элементы традиционной культуры, как привязанность к византийскому обряду и этническая одежда. Большинство арбрешей Пьяна-дельи-Альбанези венчаются по византийскому обряду, при этом женщины предпочитают выходить замуж именно в традиционной одежде. «Свадьба становится уникальным событием, поскольку в этот момент албанская идентичность достигает своего триединства, заключенного в языке богослужения, самом обряде и традиционной одежде. Это наивысшая точка проявления национального самосознания, когда арбреш полностью осознает, кем он является» (ПМА 2: Г. Паррино). В этом смысле обряд венчания и весь свадебный цикл играет немаловажную роль в сохранении не только семейных, но в первую очередь культурных ценностей, составляющих этническую специфику арбрешей и формирующих их идентичность.

В Пьяна-дельи-Альбанези исторически сосуществуют приверженцы двух христианских обрядов – византийского и латинского. Несмотря на то, что последних меньшинство, между верующими до сих пор наблюдаются сложные отношения (*Parrino* 2004). С момента возникновения Итало-албанской церкви на протяжении многих лет

¹ После 1989 года в свете автономистских и даже сепаратистских движений в некоторых европейских странах в Италии стала особенно актуальной проблема этнических меньшинств. В этой связи правительством страны было решено издать закон № 482 от 15 декабря 1999 г., получивший название «Нормы относительно защиты исторических и лингвистических меньшинств». Реформа затронула 14 из 20 областей и 30 из 103 провинций и имела целью распространить некоторые особые гарантии на все этнические меньшинства, проживающие на территории Италии. Согласно этому закону, Республика защищает культурное наследие итальянского языка, который объявляется государственным, а также официально признает языки и культуры групп населения, говорящих на албанском, греческом, каталанском, словенском, хорватском, французском, франко-провансальском, фриульском, ладинском, окситанском, сардинском и германских языках (*Motta* 2018).

среди арбрешей возникали разногласия в вопросах идентичности и приверженности собственным этнокультурным особенностям. Основанные арбрешской диаспорой церкви изначально принадлежали восточной традиции, однако влияние Римского престола, дискриминация византо-католиков и столкновения между приверженцами разных обрядов привели к тому, что некоторые приходы были переданы латинской церкви, чьи фанатичные прихожане продолжали вести конфессиональную войну с арбрешами византийского обряда (Elli 2017: 305–307). Так, религиозные споры в Палаццо-Адриано и Контесса-Энтеллине завершились только к недавнему времени¹. В 1990 году был провозглашен новый Кодекс Канонов Восточных Церквей, гарантирующий защиту верующих восточных обрядов. Согласно Кодексу, прихожане восточно-католических церквей должны обращаться за таинствами посвящения и брака только к своим приходам. Если же таинство было совершено в римской церкви без особого на то разрешения, в этом случае оно признаётся недействительным.

К сожалению, мы не располагаем официальной статистикой относительно численности приверженцев латинского обряда, но, согласно сведениям, полученным от информантов, их меньшинство. В отличие от Калабрии, Базиликаты и Абруцци, где в арбрешских поселениях церкви римского обряда были закрыты, в каждой общине, входящей в епархию Пьяна-дельи-Альбанези, есть по одному приходу для латино-католиков (Sirchia 2002). В самой Пьяна-дельи-Альбанези единственной церковью, чей приход был передан католикам латинского обряда, является церковь Св. Вита, в числе ее прихожан есть и албаноязычные верующие, но их не так много (ПМА 2).

Однако несмотря на то, что большинство жителей поселения принадлежит к византийскому обряду, многие из них предпочитают ходить в церковь Св. Вита. Основной причиной является удобство расположения, также есть приверженцы и новомодных

¹ Палаццо-Адриано и Контесса-Энтеллина – арбрешские коммуны, расположенные на территории Сицилии и входящие в состав епархии Пьяна-дельи-Альбанези. До недавнего времени в Палаццо-Адриано наблюдались существенные разногласия между представителями двух обрядов. «Исконно» сицилийское население выступало в защиту латинского обряда, который, по их убеждению, был принят до того, как на данной территории поселились мигранты из Албании. Однако сами арбрешы высказывали прямо противоположное мнение, говоря, что первенство принадлежит византийскому обряду.

В Контесса-Энтеллине религиозные споры приобрели более выраженный характер. Несмотря на то, что некоторые приходы итало-албанской церкви были переданы латино-католикам, приверженцы византийского обряда продолжали посещать церковь Мадонна-делла-Фавара, некогда принадлежавшую им, по случаю ежегодного праздника Богородицы. В августе 2009 года священник византийского обряда, Никола Куччия, вместе с прихожанами своего прихода появился у церкви, чтобы совершить Параклисис – древнюю литургию в честь Девы Марии, как это делал каждый год, но обнаружил, что дверь заперта. Приходской священник римского обряда, дон Марио Белланка, заявил, что, согласно Кодексу канонического права 1983 года, многовековой обычай, на который ссылались византо-католики, был упразднен и теперь «каждый должен молиться в своей церкви».

По словам информантов, прихожане, пришедшие вместе со священником Куччия, были вынуждены в течение двух недель служить литургию на улице перед кладбищем. Вмешательство мэра и главы полиции не дало положительных результатов, непреклонность латинского священника стала причиной серьезных разногласий между верующими. После того, как жители Контесса-Энтеллины обратились за помощью к Ватикану и епископу Пьяна-дельи-Альбанези, Конгрегацией восточных церквей (орган Святого Престола по проблемам неримских церквей) было принято решение отстранить от работы обоих священников (ПМА 2).

веяний, таких как проведение литургии на итальянском языке¹ и других новшеств, как, к примеру, исполнение современных религиозных песен под гитару (ПМА 1). Византийская церковь критикуется за свою устарелость, в частности за греческий язык, который мало кто понимает. Однако не все жители разделяют такую критику, по мнению информантов, её истинной причиной является невежество тех, кто не хочет углубляться в изучение византийского обряда, его языка и смысла священнодействий (ПМА 2: Г. Паррино). Кроме того, такое отношение к собственной истории и традициям воспринимается многими как неуважение к своим предшественникам, боровавшимся за право сохранения византийского обряда и создание Итало-албанской церкви. Эти столкновения на почве религиозных разногласий, происходившие в прошлом и продолжающиеся по сей день, стали ключевой причиной этнического противопоставления сицилийцев vs арбреш (*Giacomarra* 2003; *Mandalà* 2014).

Латинский и византийский обряды образовались в результате видоизменений богословского, смыслового и чинопоследовательного содержания обрядов христианской религии. Латинский обряд (или латинские обряды) – это совокупность литургических ритуалов, сложившихся в первые века нашей эры в Латинской Церкви, для которых характерно употребление латыни в качестве богослужебного языка. Латинский обряд распространился как на территории Римской империи, так и за её пределами, и претерпел немало изменений, а после Великого разделения церковью был унифицирован Католической Церковью и стал единственным приемлемым для богослужения. Чин божественной литургии, или мессы, отличен от чина литургии Византийского обряда в молитвенном содержании евхаристического канона и состоит из начальных обрядов, двух основных частей – Литургии Слова и Евхаристической Литургии, и заключительных обрядов (*Католическая энциклопедия* 2005; *Верзунов* 2012).

Византийская литургическая система, разработанная в православном патриархате Константинополя, также была постепенно принята православными патриархатами Александрии, Антиохии и Иерусалима. В ходе исторического развития многие элементы византийского обряда были существенно изменены и стали носить региональные различия. Фактически византийская литургическая система является результатом синтеза константинопольских и палестинских обрядов и традиционно включает в себя евхаристию, таинства: крещение, венчание, миропомазание, елеосвящение, покаяние и рукоположение в священник. Все богослужения византийского обряда совершаются в рамках суточного (дневного) круга, седмичного круга и годового круга и собраны в антологиях или литургических книгах, закрепленных традицией и фактически используемых во время службы (*Католическая энциклопедия* 2002; *Тафт* 2000: 7).

В евхологиях², относящихся к позднему периоду византийского правления на территории Южной Италии и Сицилии, приводятся молитвы и обряды патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима, добавленные к классической константинопольской редакции. Эти элементы появились во времена эмиграции интеллектуальной элиты, «состоявшей из священнослужителей и монахов, которые в VII веке бежали от

¹ На II Ватиканском Соборе (1962–1965 гг.), созванном по инициативе папы Иоанна XXIII, была принята Конституция о Божественной Литургии, которая значительно упростила католическое богослужение и разрешила его проведение на национальных языках (*Католическая энциклопедия* 2002).

² Евхология – православная богослужебная книга, являющаяся соединением «Служебника» с «Требником» (*Богословский словарь* 1992: 1120).

персов, арабов и монофелитов, а в VIII и IX веках – от иконоборцев» (Паренти 2009: 337). Несмотря на то, что мигранты не были приверженцами византийского обряда, тем не менее, со священнослужителями Константинопольского Патриархата их сближало православие и греческий язык, посредством которого в литургические тексты Южной Италии и Сицилии были добавлены новые элементы (Там же: 338). В результате изменениям подверглись и тексты, касающиеся Таинства Брака.

Благодаря сохранившимся рукописям нам известно, что основные черты константинопольского чинопоследования брака, изложенные в византийских евхологиях, оформились к IX–X векам, однако «уже в VI веке существовало двухчастное чинопоследование, каждая часть которого состояла из двух молитв – основной и главопреклонной» (Пентковский 2016: 125). Под влиянием исторических событий скопированный из классической константинопольской редакции чин венчания также был изменен и дополнен различными молитвами и обрядовыми компонентами не византийского, а именно иерусалимского и александрийского происхождения (Паренти 2009: 335–336). Наличие в южноитальянской традиции таких элементов чинопоследования брака, как «покрытие брачующихся особым мафорием, апостольское и евангельское чтения, пространный редакция неконстантинопольской молитвы брака, неконстантинопольская молитва общей чаши» свидетельствует о влиянии ближневосточных (Палестина, Египет) и итало-романских литургических традиций (Пентковский 2016: 134–135).

Таким образом, чинопоследование брака, совершаемое сегодня в арбрешских церквях, сложилось в рамках византийской литургической традиции и развивалось на протяжении многих веков. До унификации византийской литургии на совершение церковного чинопоследования брака влияли региональные особенности, поэтому чинопоследование может различаться по количеству и набору молитв, по наличию рубрик и их полноте. Специфика чинопоследования брака, используемого в Южной Италии, заключается в том, что в его основе лежит двухчастное константинопольское чинопоследование, дополненное молитвами и обрядовыми действиями не византийского происхождения (Пентковский 2016: 139). Также одной из характерных особенностей византийского обряда является совершение Таинства Брака не только на греческом, но и арбрешском языках (ПМА 2).

Роль церкви в конструировании идентичности арбрешей на современном этапе

Процесс конструирования и поддержания идентичности не зависит исключительно от внешних факторов. Внутри самого сообщества должны действовать силы, способствующие развитию и сохранению этнического самосознания. Степень владения родным языком и включенности в собственную культуру зависит не только от семейного воспитания, но также и от образования, полученного внутри самой диаспоральной группы. Спустя несколько столетий после первых волн переселения арбрешей на территорию Италии, а именно в XVII веке, началось пробуждение культурно-социальной жизни. Активную роль в данном процессе сыграла интеллигенция. В этот исторический период арбрешское духовенство, интеллектуалы и ученые развернули деятельность, направленную на сохранение языка и культуры своего народа. Не только поэты и писатели посредством творчества способствовали

укреплению арбрешской идентичности. Различные духовные, общественные и политические организации внесли значительный вклад в сбор, исследование и документирование данных и фактов, касающихся исторического прошлого, фольклора, культурных традиций и обычаев албанских переселенцев.

В это же время шло активное сопротивление процессу ассимиляции, выразившееся в борьбе с органами местной власти и доминирующими социальными группами за сохранение византийского обряда Итало-албанской церкви. Открытие на Сицилии большого количества церковных учреждений в то время было обусловлено необходимостью поддержания этнического самосознания арбрешей в условиях включения в итальянскую культуру (*Altimari* 1986: 8–9).

В настоящее время также наблюдается осознанное сопротивление влиянию чужой культуры, часто связанное с политическими движениями, социальными и культурными организациями, которые транслируют общественное мнение и тем самым участвуют в конструировании и поддержке арбрешской идентичности. Православные праздники, отмечающиеся в крупных поселениях, регулярно собирают представителей арбрешской диаспоры с самых отдаленных мест. Частные хозяйства вкладывают часть прибыли в развитие местных культурных центров. Рост и расширение коммуникаций, распространение средств массовой информации также способствуют повышению осведомленности арбрешских меньшинств относительно собственной культуры.

Религиозная составляющая имеет большое значение в жизни арбрешской общины, поскольку церковные мероприятия становятся объединяющим фактором для жителей тех регионов, где православные обряды были утрачены. Различные ассоциации вносят большой вклад в увеличение посещаемости церквей, продвигая инициативы культурной направленности. Например, основанная в Турине в 1972 году ассоциация «Jeta» (алб. 'Жизнь') каждую субботу устраивала различные мероприятия в большом подвале церкви до тех пор, пока он не был объявлен непригодным для использования, после чего два городских ресторана, управляемые арбрешскими семьями, в течение нескольких лет служили местом проведения культурных мероприятий. В 1989 году после конфликта с лидерами ассоциации, община Пьемонта создала Итало-албанский культурно-развлекательный кружок, который действует и по сей день.

Церковь Сан-Микеле-Арканджело является единственным религиозным центром арбрешей Пьемонта, в частности, тех, кто живет за пределами Турина. Тем не менее, арбрешские семьи стараются поддерживать связь с жизнью Церкви и по-прежнему обращаются к ней за крещениями, свадьбами и похоронами. К сожалению, из-за интеграции в латинские приходы и все большего распространения явления смешанных браков существует угроза утраты византийского обряда (в большей степени среди молодежи и в целом среди поколений тех, кто родился в Турине после иммиграции).

На Сицилии епархия Пьяна-дельи-Альбанези также принимает активное участие в приобщении арбрешей к собственной культуре. Для того, чтобы облегчить понимание отдельных частей литургии, церковное сообщество выпускает брошюры с примечаниями по катехизису на греческом, арбрешском и итальянском языках. Епархия всячески способствует экуменическому диалогу между представителями языковых и конфессиональных меньшинств, организует встречи с православным духовенством Албании и Греции, однако именно из-за особенностей культурной и

религиозной самобытности сообщество сохраняет негативное отношение к биритуализму, считая его неправильным способом экуменического подхода между Западом и Востоком.

Кроме того, раз в четыре месяца выходит собственный журнал епархии под названием «Oriente Cristiano» (ит. 'Христианский восток'), все номера которого имеются в свободном доступе на сайте редакции¹. В журнале освящается ряд вопросов, связанных с историей религии, церковными деятелями, христианскими праздниками, важными мировыми событиями, а также публикуются фотографии икон, представляющих культурную ценность, и комментарии к ним специалистов в области истории искусств.

Однако, по словам информантов, поселению не хватает женских монастырей, где воспитывались бы монахини Итали-албанской церкви. В качестве иллюстрации приведем цитату из нарратива Г. Паррино (арбреш, 1990 г.р., Пьяна-дельи-Альбанези):

«Нашей церкви очень не хватает монахинь. Девушки из Пьяна-дельи-Альбанези, желавшие стать монахинями, были вынуждены переехать в другие поселения и воспитываться при латинских монастырях.» (ПМА 2: Паррино).

Приходская жизнь Итали-албанской церкви находит активное выражение в ряде туристических поездок, совершающихся не только в культурно-развлекательных, но и религиозных целях, таких как посещение аббатств и церквей. В этих случаях у прихода есть возможность рассказать о византийских обрядах другим посетителям паломнических центров. Кроме того, многие приходы самостоятельно печатают собственные периодические издания, где публикуются статьи, посвященные восточному обряду, византийскому искусству и обзору литературы на различные богословские и исторические темы. Церковная публицистика стремится охватить все аспекты духовной и светской жизни арбрешского сообщества, и поэтому является богатым источником культурных данных, а также необходимым связующим звеном между жителями разных поселений и регионов.

Среди аспектов, которым уделяется особое внимание в церковно-приходской литературе, можно отметить общую историю происхождения арбрешей, этапы переселения на территорию Италии, сравнения с другими этническими и языковыми меньшинствами, биографические заметки известных албанцев, статьи об албанском языке и литературе, общие новости арбрешской общины, такие произведения фольклора, как песни, стихи, сказки, легенды, а также политико-исторические обзоры, посвященные актуальной ситуации в Албании и Косово.

Проблема сохранения самобытности арбрешей и укрепления чувства их этнической принадлежности породила насыщенную культурную жизнь. Итали-албанские приходы в течение долгих лет накапливали информацию об истории, традициях и обычаях своей общины, укрепляли внешние и внутренние связи, благодаря чему между представителями арбрешской диаспоры возникло чувство внутренней сплоченности. Рост и развитие коммуникации, усовершенствование средств массовой информации также воздействуют на современную культуру арбрешских диаспоральных групп. Процессы модернизации способствуют распространению информации и повышению осведомленности языковых меньшинств, формируя таким образом представление об их этнической принадлежности. По словам информантов, в настоящее время идентичность начинает конструироваться также посредством

¹ Quadrimestrale dell'eparchia di Piana degli Albanesi: <http://www.orientecristianopiana.it>.

интернет-ресурсов. Религиозные сообщества, идя в ногу со временем, создают собственные сайты, где размещают актуальную информацию, касающуюся социокультурной жизни итало-албанской церкви (ПМА 2).

Однако иммигранты последних лет, прибывающие из Албании, оказываются в совершенно иной ситуации, нежели в прошлом. Политика уничтожения религии, проводимая албанскими коммунистами в XX веке, способствовала развитию различных форм религиозного индифферентизма, что в настоящее время резко контрастирует с привязанностью арбрешей к своей вере (Смирнова 2003: 370). Кроме того, для албанцев, только что прибывших в Италию, арбрешский язык часто создает препятствия к пониманию не только бытовой речи, но и текста многих религиозных обрядов. Отказываясь принять обычаи арбрешей, новое население рискует потерять поддержку местных сообществ. В этой связи часть арбрешской диаспоральной группы считает необходимой адаптировать те черты собственной культуры, которые сегодня могут показаться архаичными и незначительными для новых иммигрантов. Другая же часть выступает против подобных изменений и стремится к сохранению исконных самобытных черт арбрешской культуры (ПМА 2).

Таким образом, сегодня Итало-албанская церковь с активной позицией духовенства, как и в прошлом, выполняет роль одного из самых сложных и значимых социальных и культурных институтов. На протяжении веков его представители организовывали и проводили мероприятия, направленные на культивирование этнической специфики арбрешей и поддержание их идентичности. Итало-албанская церковь высоко ценится своими прихожанами, и все больше воспринимается как религиозный, социальный и культурный институт, ответственный за сохранение ценностей религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом.

Основные выводы

Длительное проживание в изоляции от источника традиции и деятельность местных интеллектуалов, выступавшей за развитие образования и сохранение этнического самосознания, способствовало тому, что арбрешские общины на протяжении более пяти веков сохраняли свою идентичность, демонстрируя жизнеспособность своей традиционной культуры. Однако экономическое развитие и глобализация направляют людей на переосмысление своей идентичности в личностном и общественном плане. Разнообразные социокультурные процессы находят свое отражение в соответствующих изменениях в сфере декларирования этнической принадлежности. Быстрое развитие коммуникации, растущая мобильность людей влияют на традиционные модели поведения, наблюдается ослабление социальных связей, размывание этнических границ и снижение ценностных ориентиров.

Мультикультурный характер современных обществ способствовал тому, что самосознание представителей арбрешской общины существенно видоизменилось за последние десятилетия, несмотря на общий язык и историческую память. В процессе адаптации к новым условиям, а также культурного взаимодействия с сицилийцами, начался процесс формирования смешанной идентичности, сочетающей в себе как собственные этнокультурные особенности, так и черты представителей доминантной общности.

В этих условиях осмысление своего этнического «я» все чаще происходит во время важных религиозных и исторических праздников, а также семейных мероприятий, когда представители того или иного этноса либо его диаспоральной группы начинают позиционировать свои исторические корни и значительное языковое, религиозное и традиционное наследие, которые на протяжении веков они сохраняли. В этом смысле византийский обряд венчания становится ключевым маркером арбрешской идентичности, так как объединяет в себе три главные составляющие: язык, ритуал и костюм. Это целостное этнокультурное явление, продолжающее жить в современном социокультурном пространстве и выполняющее важную этнодифференцирующую функцию для арбрешей.

Византийский обряд по-прежнему остаётся наиболее устойчивым к трансформации, поскольку местное духовенство отвечает за сохранность религиозной культуры, тесно связанной с социальной средой в целом, а также направляет свою деятельность на культивирование и сохранение арбрешской идентичности. Итало-албанская церковь представляет значительный институт, который движется к новым формам организации или изменяет роль существующих, чтобы реагировать на вызовы современного общества. Местное духовенство отвечает за сохранность религиозной культуры, которая тесно интегрирована в социальную среду, а также направляет свою деятельность на культивирование и сохранение арбрешской идентичности.

Источники и материалы

- Католическая 2002 – Католическая Энциклопедия. Том 1. Буквы А–З. Москва, 2002. Доступ: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com/> (дата обращения 30.05.2020)
- Католическая 2005 – Католическая Энциклопедия. Том 2. Буквы И–Л. Москва, 2005. Доступ: <https://rus-katolic-enc.slovaronline.com/> (дата обращения 30.05.2020)
- Мотта* 2018 – Мотта Дж. Этнические меньшинства и регионализм в Италии. Вестник Европы. 2018. № 50. Доступ: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2018/50> (дата обращения: 29.08.2020).
- Полный православный 1992 – Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. Москва: Возрождение, 1992. 1–1120 стб. 1121–2464 стб. pdf.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо, (Сицилия). 2016–2017 гг. Полевая тетрадь. (информанты – С. Скиро 1988 г. р., Г. Паррино 1990 г.р., Дж. Скиро 1970 г. р. и др.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Удаленный опрос информантов из с. Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо, (Сицилия). 2019–2020 гг. (информант – Г. Паррино 1990 г.р.).
- Научная литература
- Ариш Г.Л., Иванова Ю.В., Колпакова О.А., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней / под ред. Г.Л. Арша. М.: Наука, 1992. 512 с.
- Иващенко А.* Состояние христианской церкви и христианского населения Сицилии под властью мусульман // Духовный вестник. Том XVI. Харьков 1867. Pdf
- Норвич Дж.* История Сицилии. М.: Издательство АСТ, 2018. 384 с.
- Норвич Дж.* Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016–1130. М.: Центрполиграф, 2015. 386 с.
- Паренти С.* К вопросу об истории локальных традиций чинов таинств по византийскому Евхологию // Материалы V Международной Богословской Конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных таинствах. Том III: Брак. Покаяние. Елеосвящение. Таинства и тайнодействия (Москва 13–16 ноября 2007)» / науч. ред.: Желтов М., Москва: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. С. 332–346.

- Паче Б.* Варвары и византийцы на Сицилии // Сицилийский исторический архив, Новая серия, XXXV / Пер. с итал. В. Г. Изосина, Палермо 1920. С. 33–80, 293–324.
- Пентковский А.М.* Рецепция константинопольского чинопоследования брака в Южной Италии, на Балканах и на Руси в X–XV вв. // Россия – Италия: этико-культурные ценности в истории / ред.: М.Г. Талалай. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. С. 125–139.
- Робертсон Р.* Восточные христианские церкви // Церковно-исторический справочник. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1999. 196 с.
- Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке // Институт всеобщей истории. М.: Наука, 2003. 431 с.
- Тафт Р.Ф.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 111 с.
- Altimari F.* Le comunità albanesi e la legge di tutela delle minoranze linguistiche storiche: alcune buone esperienze realizzate in ambito istituzionale // Atti del convegno «Politiche linguistiche dell'Unione Europea», Messina, 1 dicembre, 2006 / A cura di Abbate L., Edizioni dell'Orso: Alessandria, 2008. Pp. 43–51.
- Altimari F.* Mësimdhënia e gjuhës minoritare në realitetin gjuhësor arbëresh. Kerkime universitare, 2002, N. 5. Pp. 17–27.
- Elli A.* Breve storia delle Chiese cattoliche orientali (II Ed). Terra Santa, 2017, 400 p.
- Emmanuele D.* Arberia: storia, cultura e folklore. Castrovillari, 1988, 260 p.
- Fratelli Tramuto e Ciofalo.* La Celebrazione del Matrimonio nel Rito Greco. Hora e t' Arbëreshëvet, 1971.
- Giacomarra M.* Condizioni di minoranza oggi. Gli albanesi di Sicilia fra etnicismi e globalizzazione. Palermo: Miror, 2003. Pp. 84–120.
- Guagliardi D.* La comunità albanese di Sicilia // La Diversità Arbëreshe. Vol. I: La formazione, la storia, l'insediamento. Cosenza: Falco Editore, 2004. 368 p.
- Manali P.* Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi. Palermo: Comune di Piana degli Albanesi, 2005.
- Mandalà M.* Arbëreshët e fillimet e nacionalizmit shqiptar // In Meta B. (a cura di), 110 vjet Pavarësi. Aktet e Konferencës Shkencore Ndërkombëtare (Tiranë, më 26-27 nëntor 2012). Tirana: Qendra e Studimeve Albanologjike. Instituti i Historisë, 2014. Pp. 101–119.
- Mandalà M.* L'emigrazione albanese in Italia tra il XIV secolo e la prima metà del XV // In M. Brunetti (a cura di), Il passato pesa sul presente. Cosenza, 2011. Pp. 73–99.
- Mastroberti F.* Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia. Bari: Università degli studi di Bari. Cacucci editore 2008, Pp. 241–251.
- Sirchia V.M.* Mistagogia dei misteri sacramentali nella Chiesa bizantina // Quaderni di Oriente Cristiano. Studi 12. Eparchia di Piana degli Albanesi, 2002. 53 p.
- Tagarelli A.* Studio antropologico della comunità arbëreshe della provincia di Torino / A cura di Antonio Tagarelli. Istituto di Scienze Neurologiche Consiglio Nazionale delle Ricerche Mangone (Cosenza), 2003. 134 p.

Suloeva, Marina A.

The role of the Italian-Albanian Church and the function of the Byzantine Rite in constructing the identity of the Arbresh of Sicily

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/44-60

The article is devoted to the Byzantine rite as one of the key markers for the development of the Arbresh diaspora identity in Sicily. Rapid development of communications and increasing mobility of population lead to a weakening of social ties, blurring of ethnic borders and a decrease in values. The fear of losing the identity has given rise to a rich cultural life of the Arbresh. Over the years, parishes of the Italo-Albanian Church have been accumulating

information about the history, traditions and customs of their community, strengthening external and internal ties, which inspired a feeling of internal cohesion inside the Arbresh diaspora. The Byzantine rite stays most resistant to transformation, since the local clergy are responsible for the preservation of the religious culture, which is closely related to the social environment as a whole, and directs its activities towards the cultivation and preservation of the Arbresh identity. The Italo-Albanian Church represents a significant institution that moves towards new forms of organization or changes the role of existing ones in order to respond to the challenges of modern society. The Italo-Albanian Church is highly valued by its parishioners and is increasingly perceived as a religious, social and cultural institution responsible for preserving the values of the religious culture, which is closely related to the social environment as a whole.

Keywords: *Arbresh diaspora, Piana degli Albanesi, the Byzantine rite, identity, the Italo-Albanian Catholic Church, traditional culture*

For Citation: Suloeva, M.A. 2021. The role of the Italian-Albanian Church and the function of the Byzantine Rite in constructing the identity of the Arbresh of Sicily. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 44–60.

Author Info:

Suloeva, Marina A. – PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Saint Petersburg, Russia). E- mail: suloevamarina@yandex.ru

References

- Arsh, G. L., and Yu.V. Ivanova, O.A. Kolpakova, N.D. Smirnova. 1992. *Kratkaia istoriia Albanii: S drevneishikh vremen do nashikh dnei* [A Brief History of Albania: From Ancient Times to the Present], edited by G. L. Arsh, Moscow: Nauka.
- Norvich, Dzh. 2015. *Normandtsy v Sitsilii. Vtoroe normandskoe zavoevanie. 1016-1130* [The Normans in Sicily. Second Norman conquest. 1016-1130]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Norvich, Dzh. 2018. *Istoriia Sitsilii* [The history of Sicily]. Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Ivashchenko, A. 1867. *Sostoianie khristianskoi tserkvi i khristianskogo naseleniia Sitsilii pod vlast'iu musul'man* [The state of the Christian church and the Christian population of Sicily under Muslim rule]. *Dukhovnyi vestnik*. Vol. XVI. Khar'kov.
- Parenti, S. 2009. *K voprosu ob istorii lokal'nykh traditsii chinov tainstv po vizantiiskomu Evk-hologiiu* [On the question of the history of local traditions of the rites of the sacraments according to the Byzantine Euchology]. *Materialy V Mezhdunarodnoi Bogoslovskoi Konferentsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. Moskva 13–16 noiabria, 2007 [The materials of V International theological conference of the Russian Orthodox Church. Moscow, November 13–16, 2007] Zheltov M. (ed). Moscow: Sinodal'naia bibleisko-bogoslovskaiia komissiiia: Pp. 332–346.
- Pache, B. 1920. *Varvary i vizantiitsy na Sitsilii* [Barbarians and Byzantines in Sicily]. *Sitsiliiskii istoricheskii arkhiv, Novaia seriia*, XXXV, translated by V. G. Izosina, 33–80, 293–324. Palermo
- Pentkovskii, A.M. 2016. *Retseptsiiia konstantinopol'skogo chinoposledovaniia braka v Iuzhnoi Italii, na Balkanakh i na Rusi v X–XV vv.* [Reception of the Constantinople marriage ceremony in southern Italy, the Balkans and Russia in the X-XV centuries]. In *Rossiiia – Italiia: etiko-kul'turnye tsennosti v istorii* [Russia-Italy: ethical and cultural values in history], edited by M.G. Talalai, 125–139. Saint-Peterburg: Aleteiia.
- Roberson, R. 1999. *Vostochnye khristianskie tserkvi* [Eastern Christian churches]. *Tserkovno-istoricheskii spravochnik*. Saint-Peterburg: Vysshiaia religiozno-filosofskaia shkola.

- Smirnova, N.D. 2003. *Istoriia Albanii v XX veke* [The history of Albania in the XX century]. Institut vseobshchei istorii. Moscow: Nauka.
- Taft, R.F. 2000. *Vizantiiskii tserkovnyi obriad. Kratkii ocherk* [Byzantine Church rite. Brief sketch]. Sankt-Peterburg: Aleteiia.
- Altimari, F. 2008. *Le comunità albanesi e la legge di tutela delle minoranze linguistiche storiche: alcune buone esperienze realizzate in ambito istituzionale* [Albanian communities and the law for the protection of historical linguistic minorities: some good experiences achieved in the institutional context] In Atti del convegno «Politiche linguistiche dell'Unione Europea», Messina, 1 dicembre, 2006. A cura di Abbate L., Edizioni dell'Orso, 43–51. Alessandria.
- Altimari, F. 2002. Mësimdhënia e gjuhës minoritare në realitetin gjuhësor arbëresh [Teaching minority language in the linguistic reality of the Arbresh]. *Kerkime universitare* 5: 17–27.
- Elli, A. 2017. *Breve storia delle Chiese cattoliche orientali (Vol. II)* [A brief history of the Eastern Catholic Churches]. Terra Santa.
- Emmanuele, D. 1988. *Arberia: storia, cultura e folklor* [Arberia: history, culture and folklore]. Castrovillari.
- Fratelli Tramuto e Ciofalo. 1971. *La Celebrazione del Matrimonio nel Rito Greco* [The Celebration of Marriage in the Greek Rite]. Hora e t' Arbëreshëvet.
- Giacomarra, M. 2003. *Condizioni di minoranza oggi. Gli albanesi di Sicilia fra etnicismi e globalizzazione* [Minority conditions today. The Albanians of Sicily between ethnicism and globalization], 84–120. Palermo: Miror.
- Guagliardi, D. 2004. La comunità albanese di Sicilia [The Albanian community of Sicily]. *La Diversità Arbëreshe. Vol. I: La formazione, la storia, l'insediamento*. Cosenza: Falco Editore.
- Manali, P. 2005. *Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi* [Piana degli Albanesi]. Palermo: Comune di Piana degli Albanesi.
- Mandalà, M. 2014. *Arbëreshët e fillimet e nacionalizmit shqiptar* [The Arbresh and the beginnings of Albanian nationalism] In Meta B. (a cura di), 110 vjet Pavarësi. Aktet e Konferencës Shkenore Ndërkombëtare (Tiranë, më 26–27 nëntor 2012), 101–119. Tirana: Qendra e Studimeve Albanologjike. Instituti i Historisë.
- Mandalà, M. 2011. *L'emigrazione albanese in Italia tra il XIV secolo e la prima metà del XV* [The Albanian emigration to Italy between the fourteenth century and the first half of the fifteenth]. In M. Brunetti (a cura di), *Il passato pesa sul presente*, 73–99. Cosenza.
- Mastroberti, F. 2008. *Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia* [The Albanian colonies in the Kingdom of Naples between history and historiography], 241–251. Bari: Università degli studi di Bari. Cacucci editore.
- Sirchia, V.M. 2002. *Mistagogia dei misteri sacramentali nella Chiesa bizantina* [Mystagogy of the sacramental mysteries of the Byzantine Church]. *Quaderni di Oriente Cristiano*. Studi 12. Eparchia di Piana degli Albanesi.
- Tagarelli, A. 2003. *Studio antropologico della comunità arbëreshe della provincia di Torino* [Anthropological study of the arbresh community of the province of Turin] / A cura di Antonio Tagarelli. Istituto di Scienze Neurologiche Consiglio Nazionale delle Ricerche Mangone (Cosenza).

AGNUS DEI: ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ОБРАЗЕ И КУЛЬТЕ ФАЛВАРЫ У ОСЕТИН

В последнее время в осетинском обществе нарастает стремление к реституции, воспринимаемой как возврат к «исконному»: категорически отрицаются любые «внешние» влияния на культуру осетин и, в частности, на их религию. У определенной части этноса (и она численно растет) сложилось убеждение, превратившееся в своеобразный социальный миф, что осетинская этническая религия – уникальный монотеизм, сформировавшийся без влияния авраамических религий. Этническая религия осетин – действительно, уникальный феномен. Но уникальность его заключена в вечной открытости межкультурному взаимодействию при неизменном сохранении собственной идентичности. Помимо черт, пришедших из времен глубокой архаики, в культурной практике осетин причудливо и одновременно органично переплетаются элементы религий Древнего Ирана и Индии, зороастризма, иудаизма, христианства, ислама. Это объясняется тем, что этногенез осетин происходил на культурном стыке Запада и Востока.

Статья посвящена христианскому влиянию, отразившемуся в культе покровителя мелкого рогатого скота Фалвары – божества осетинского этнорелигиозного пантеона. Какова степень этого влияния и в чем оно проявилось? Задача настоящей статьи состоит в обнаружении и изучении возможных христианских реминисценций в образе и характере небесного патрона. Сложность ее решения обусловлена крайней узостью источниковой базы, тем не менее основные выводы сделаны нами с опорой на данные нарративных источников последней трети XIX в. Работа основана на принципе синхронического исследования в рамках структурализма К. Леви-Стросса, с точки зрения которого все культурные системы (язык, мифология, религия, искусство, обычаи, традиции) могут изучаться как знаковые системы. Анализ мировоззренческих трансформаций этноса осуществлялся с привлечением методов исторической психологии.

Ключевые слова: *этническая религия осетин, Фалвара, Agnus Dei, христианство*

Ссылка при цитировании: Кцоева С.Г. *Agnus dei*: Христианские мотивы в образе и культе Фалвары у осетин // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 61–71.

Фалвара (осет. *Фалварра*) – один из главных дзуаров (небожителей, святых-покровителей) осетинского этнорелигиозного пантеона. Тем не менее специальных статей, ему посвященных, почти нет. Исключение составляют две публикации: К.К. Кочиева об особенностях культа Фалвары (*Кочиев* 1985) и А.В. Дарчиева, где помимо исчерпывающего историографического анализа дается разграничение функций Фалвары и Мыкалгабыра; последний иногда выступает в качестве покровителя крупного рогатого скота, в то время как первый является патроном только овец или овец и коз (*Дарчиев* 2013).

Впрочем, несправедливо было бы считать Фалвару обойденным вниманием исследователей. О нем упоминали многие начиная с последней трети XIX в. По мнению ряда авторов (*Миллер* 1882; *Кануков* 1987; *Лавров* 1989: 51), он является покровителем скота (включая крупный рогатый скот) или всех домашних животных. Другие ученые (*Гатиев* 1876; *Марков* 1887: 186; *Харузин* 1888; *Штакельберг* 1891: 139; *Калоев* 1971: 274) признают за ним лишь патронирование мелкого рогатого скота, в особенности овец. Указанное разночтение функций (сам образ и сущностные характеристики дзуара описаны сравнительно скудно) важно для раскрытия еще одного значимого аспекта в эволюции образа Фалвары – влияния христианства. Христианство, как известно, оказало значительное воздействие на традиционную религию осетин: способствовало трансформации всех ее основных элементов (верований, картины мира, культа и сакральных субъектов). Было бы опрометчиво предполагать (несмотря на популярное в последнее время убеждение), что осетинские дзуары в целом и Фалвара в частности могли остаться в стороне от этого процесса.

Первой важной характеристикой, безусловно, является сам теоним. Общеизвестна концепция этимологии имени «Фалвара» В.И. Абаева, считавшего его производным от «Флор–Лавр» – имен христианских святых мучеников братьев-каменщиков из римской провинции Иллирик, чьи нетленные мощи хранятся в Константинополе. Святые считаются покровителями домашнего скота (*Абаев* 1989: 442–443). Эти ономастические рассуждения выводят нас на интересную взаимосвязь агиографической легенды о Флоре и Лавре (после обретения мощей святых прекратился падеж скота [*Жития* 2004]) и нартовского сказания о Фалваре (наславшем эпизоотию на скот нартов, что привело в результате к голоду [*ОЭ-12003*]). Оба сюжета объединены связью между святыми (Флором и Лавром – в христианском сюжете, Фалварой – в нартовском сказании) и благополучием стад и их владельцев: предание о прекращении эпизоотии, после того как святым Флору и Лавру воздали за их заслуги, является логическим продолжением сюжета о голоде нартов, который был вызван мором скота, ниспосланным небесным покровителем Фалварой в знак своего недовольства людьми. Иными словами, наслать на скот болезни или исцелить его – во власти как Флора и Лавра, так и Фалвары.

Б.А. Калоев, рассуждая о христианском теониме «Фалвара» и характере персонажа, пишет:

... заимствовав имена упомянутых христианских святых в средние века, т.е. в период широкого развития связей между аланами-осетинами и русскими из Тмутараканского княжества, Фалвара сохранил свою прежнюю древнюю суть. Немыслимо представить алан, как и древних кобанцев, для которых скотоводство являлось основой хозяйства, без скотоводческого культа (*Калоев* 2015: 357).

Подобная точка зрения, безусловно, высказывалась неоднократно различными авторами в отношении ряда осетинских дзуаров. Принятие христианства порождало у неофитов, которые были не в состоянии полностью отказаться от прежних верований, необходимость идентификации привычных сакральных персонажей с христианскими святыми с наиболее подходящими функциями. Природа данного процесса описана в известной работе В.И. Абаева «Как апостол Петр стал Нептуном» (Абаев 1990). Тем не менее было бы ошибкой полагать, что христианство не проникло вглубь традиционного религиозного мировоззрения этноса и сохранилось лишь во внешних проявлениях. Изменение формы никогда не проходит бесследно для содержания, и христианство, без сомнения, успело внедриться гораздо глубже, чем это может представляться на первый взгляд.

Степень предполагаемой метаморфозы сакрального персонажа может быть определена при сравнении его образов *до* принятия христианства и *после*. О дохристианском Фалваре можно судить по описаниям из нартовских сказаний. Например, в кадаге «Как Сафа обманул Сатану» («Сафа Сатанайы куыд фæсайдта») Фалвара характеризуется как «фыдуагдæр», что означает «балованный», «шаловливый», «самый избалованный» (ОЭ-2 2003). В кадаге «Сын Урузмага и войско агур» («Уырызмæджы фырт æмæ агуыры æфсад») Фалвара становится похитителем сына главного героя (ОЭ-3 2003). Есть сказание, где он вместе с прочими небожителями участвует в битве против нартов (ОЭ-4 2003: 441–450). Уже упомянутый сюжет о том, как Фалвара насылает на скот нартов мор и становится виновником их голода, довершает его антропоморфный образ: небожитель не выделяется среди прочих дохристианских божеств, если только не брать во внимание разграничение функций. Как и прочие небесные персонажи, он не лишен человеческих негативных качеств: избалованности, мстительности, жестокости и равнодушия к людям. Архаическое сознание наделяло этими пороками древних божеств – достаточно обратиться к описанию характеров олимпийских богов у Гомера и Гесиода.

Однако уже у Вс.Ф. Миллера мы обнаруживаем неожиданную (в сравнении с представленной в нартовском эпосе) характеристику Фалвары:

Фæлвæра считается самым милостивым из святых; он кроток, тих и не обижает никого. Когда осетин хочет похвалить кого-нибудь за смирение и кротость, то говорит: «он походит на Фалвара». Согласно со своими мирными наклонностями, Фалвара предпочитает животной жертве приношение дзыка – каши из сыра и муки... (Миллер 1882: 244).

Далее Вс. Ф. Миллер ссылается на легенду, записанную Б. Гатиевым:

О смирении Фалвара рассказывается стариками следующая легенда. Однажды Тутыр (покровитель волков. – С.К.) был в гостях в сакле Фалвара. После обеда оба святые завели речь о том, чье стадо пользуется лучшей славой. Фалвара благодарил Бога за то, что Он сделал его покровителем овец, а не других животных: все люди равно любят овец, и Бог со святыми выбирает себе из них *нывондов* (жертвенных животных. – С.К.). Поэтому Фалвара считает себя самым счастливым из святых. Тутыр сказал, что также доволен своими волками, но говорил неискренно, так как в душе завидовал Фалваре. Подстрекаемый завистью, он стал после обеда в шутку бороться с хозяином и как бы невзначай ударил его кулаком в левый глаз, вследствие чего Фалвара стал

плохо им видеть. Когда Тутыр стал притворно извиняться, добрый Фалвара обнял его и простил. *Этот пример незлобия* (курсив мой. – С.К.), однако, не подействовал на Тутыра. Вернувшись домой, он позвал «Серого», велел ему объявить всем волкам о повреждении левого глаза Фалвары, и с тех пор волки положили подкрадываться к стадам с левой стороны (Миллер 1882: 244).

А.А. Туаллагов в своем исследовании, посвященном Тутыру, обратил внимание на интересную параллель сюжета выбитого глаза – он обнаруживается и в легенде Б. Гатиева о Фалваре, и в христианской легенде о Флоре и Лавре:

Однажды сын главного жреца язычников Мамертина повредил себе глаз осколком камня. Братья (Флор и Лавр. – С.К.) излечили его. В результате главный жрец, его сын и три сотни язычников приняли христианство. Построенный храм был посвящен христианскому Богу, а языческие идола уничтожены. Правитель Иллирии Ликион казнил вновь обращенных, а братьев приказал бросить на дно колодца и засыпать землей... Братья, как и Ликург, и Зороастр, *проповедают новое учение, в ходе которого мы сталкиваемся с мотивом повреждения глаза* (курсив мой. – С.К.) (Туаллагов 2017: 211).

Предположение А.А. Туаллагова косвенно подтверждает не только христианское происхождение имени «Фалвара», но и объясняет связь характера дзуара с христианством.

Легенда, записанная Б. Гатиевым, содержит уже новые характеристики Фалвары, прежде ему несвойственные. Во-первых, смирение и кротость, как правило, воспринимаемые в качестве лучших качеств христианской этики. Во-вторых, бескровность жертвы в честь небесного покровителя, что также, скорее всего, является следствием христианского влияния. И, наконец, в-третьих, пример непротивления причиненному злу, на чем в легенде делается специальный акцент, отсылает нас к известному призыву из Нагорной проповеди:

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Протящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся (Библия 1876. Мф. 5:38–42).

Подобная метаморфоза может объясняться тем, что проникновение христианской этики в систему традиционного мифологического мировоззрения способствовало пересмотру и переработке различных аспектов религиозного сознания осетин. Эволюция образа и характера Фалвары в контексте христианизации этнорелигиозных представлений – один из показательных примеров этого процесса. Данный тезис трудно опровергнуть. Тем не менее дальнейшее исследование природы Фалвары привело нас к еще более интересным выводам. По аналогии с рассуждениями В.И. Абаева о том, что прототипом осетинского Донбеттыра (повелителя воды и морской стихии) является апостол Петр, можно было бы предположить исходя из «специализации» Фалвары, что его прототипами стали Флор и Лавр. Однако не стоит забывать, что этих святых называют «лошадниками» и почитают прежде всего как покровителей лошадей, а не овец (Максимов 1903). Кроме того, их двое, а Фалвара один. Если даже приведенная В.И. Абаевым этимология теонима «Фалвара» верна

и имя осетинского небожителя – производное от имен христианских мучеников, то, пожалуй, на этом сходство между святыми и заканчивается. Тогда кто является действительным прототипом Фалвары? И есть ли он у него?

Решение данной проблемы требует как можно более детальной реконструкции образа Фалвары. Обратимся к легенде «Тутыры-комдарæн», записанной Б. Гатиевым в 70-е годы XIX в. (Гатиев 1898). Покровитель волков Тутыр разгневался на людей за то, что они пренебрегали обещаниями приносить жертву в его честь. Он решил сам забрать причитающееся с помощью своих волков и счел нужным сообщить о своем намерении Фалваре, чтобы тот не мешал ему в осуществлении замысла: «Во исполнение обычая, существующего между равными святыми, я прошу тебя, Фалвара... не вступаться за людей, которые забывают свыше посылаемое им благодеяние и выказывают явное неуважение к своим высшим покровителям...» (Гатиев 1987: 177). Фалвара не стал препятствовать Тутыру, хотя и попытался смягчить его:

О, Тутыр! Народ, на который ты разгневался, и хочешь его наказать, по моему мнению, не заслуживает этого, так как он не вносит *калон* (вид жертвоприношения. – С.К.) не вследствие нежелания почитать тебя, а вследствие бедности и невежества многих, которых мы, святые, должны прощать: поэтому участвовать и сочувствовать тебе в беде, которую ты хочешь послать на него, я отказываюсь, как равно не имею с своей стороны препятствий к твоему предпринятию против людей... (Гатиев 1987: 177).

Данный отрывок говорит сам за себя, в нем отчетливо определяется результат эволюции образа Фалвары под влиянием христианства: с одной стороны, он считает оправданными претензии Тутыра к людям, но, с другой – отказывается помогать в осуществлении правосудия из милосердия и человеколюбия. Он ставит любовь к людям выше справедливости.

Волки исполняют волю Тутыра. Но Фалвара не осуждает его и не настраивает против него остальных святых, что, используя свой высокий авторитет, он вполне мог бы сделать (а именно этого, согласно легенде, Тутыр больше всего опасался). Погубив скот горцев, Тутыр проявил неуважение не только к Фалваре, но и к другим дзуарам, поскольку позволил себе уничтожить в т.ч. и предназначенных им жертвенных животных. Святые решили наказать Тутыра, но Фалвара заступился за него:

О, святые! Не достает у меня слов, чтобы выразить то чувство благоговения, признательности и любви моей к вам, которое ныне я ощущаю в душе своей, за столь великое внимание и сочувствие ваше ко мне, которое да никогда не оскудеет между нами! Во имя всего этого я прошу вас не делать никакого вреда Тутыру, простите ему его дерзость и коварство, лежащие на его совести, которая неумолимо терзает его. Насчет же овец моих не беспокойтесь: я умножу их так, что и самый бедный горец будет иметь *кусартак* (животное) и *нывонд* (жертвенное животное), и Тутыр не лишится последнего (Гатиев 1987: 179–180).

Анализ легенды позволяет сделать вывод: если Фалвара и не эманация Христа, то живое воплощение идеала христианина, к которому Христос призывал стремиться. Скромность, доброта, терпеливый нрав, всепрощение, кротость, незлобивость, человеколюбие, готовность во имя добра пожертвовать тем, что дорого... Фалвара обладает всеми этими качествами.

Однако почему именно Фалваре отведена такая роль в системе традиционного религиозного мировоззрения осетин? По какой причине из всего пантеона дохристианских божеств именно ему было суждено максимально приблизиться к образу Христа? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, заключен именно в функциональной специфике персонажа. Общеизвестно, что «овца – благодаря присущим ей кротости и смирению... стала христианским символом паствы, легко заблуждающейся и поэтому нуждающейся в духовном лидере – Пастыре. “Пасти агнцев моих” – одни из последних слов Иисуса Христа. “Заблудшая овца” – введенный в заблуждение, невежественный грешник» (ЭКМ б.г.). Пастырь – вождь и защитник; символизирует проводника в страну мертвых. Добрый Пастырь встречается не только в христианской, но и в шумерской, иудейской и иранской традициях. В последней он обладатель солнечного глаза, владеющий секретом бессмертия. В иудаизме и христианстве Добрый Пастырь выступает защитником стад (Там же). Не удивительно, что Фалвара, выполняющий ту же функцию – являющийся патроном овец, преобразуется в главный христианский образ осетинского пантеона.

Данный тезис подтверждается множеством примеров. «Агнцем Божиим» назвал Христа Иоанн Креститель: «Вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира» (Библия 1876. Ин. 1: 29).

В литургии католической церкви название *Agnus Dei* носит молитва, которая с конца VI в. по повелению папы Григория I Великого читается священником во время обедни перед самым причастием... В православной церкви название *Agnus Dei*, или *Potiriokalymma*, носит пелена, покрывающая чашу во время совершения Св. Таинств. На ней изображен агнец, и она служит эмблемой плащаницы Христа. Библейский символ чистоты, невинности, кротости (*бескровной жертвы*) (Кирло 2007: 53–54).

Однако проявляется ли в образе самого Фалвары похожесть на тех, кому он покровительствует? По сообщению Е.Г. Пчелиной, у южных осетин во время праздника в честь Фалвары перед старшими ставят отварную голову барана, куски спины, ноги и курдюк – все вместе это символизирует присутствие Фалвары на трапезе (*Пчелина* 2013: 79). Иными словами, у этой части осетин Фалвара воспринимался в образе барана. А Б.Х. Биджелов утверждает, что Фалвара «полностью похож на своих подопечных (овец)» (*Биджелов* 1992: 158). Безусловно, буквальное зооморфное восприятие Фалвары в облике барана может и не иметь никакой связи с христианством, а, напротив, являться отражением мифологических представлений периода архаики. Хотя в таком случае мы имели бы дело с удивительным совпадением дохристианских и более поздних христианских черт в образе одного и того же персонажа.

Фалвара последней трети XIX в. символизирует агнца не столько внешне, сколько сущностно. Христианская семантика его содержательных характеристик обнаруживается в обряде в честь праздника *Зардаварсен*. По смыслу и календарно он совпадает с двенадцатым православным праздником Вознесения. В изголовье свежей могилы (до года) в этот день закладывают части туши молочного ягненка. По сообщениям разных информаторов, это, как правило, сырое сердце ягненка, нога, иногда запекшаяся кровь и обязательно живая рыба (*Кокиев* 1928: 13–14). Если ритуалы с использованием сердца и ноги животного не имеют вообще никаких прослеживаемых аналогий (*Мамиев* 2014: 152), то другие обрядовые действия, не встречающиеся в описаниях более ранних периодов, говорят об их очевидной христианской природе.

Примечательно, что жертвоприношение ягненка нехарактерно для осетинской ритуальной обрядности. Как правило, в качестве *нывонда* выступает животное немолочного возраста. По мнению М.Э. Мамиева, «[м]олочный молодой подвергается забое только ради сохранения мяса, в случае угрозы его смерти. Отступление от этого правила может носить исключительный или даже экстремальный характер» (Мамиев 2014: 151). Об одном из таких «экстремальных» обстоятельств сообщает Б.Т. Гатиев в 1876 г.: «Во время повальной оспы, равно и при привитии ее у детей, осетины приносят Аларды (покровителю оспы. – С.К.) в жертву ягненка или годовалого барашка» (Гатиев 1876: 48). Правда, Б.А. Калоев приводит описание еще одного обряда с жертвоприношением ягненка: «Перед началом окота... устраивали пиршество в честь покровителя мелкого рогатого скота Фалвара, а после окончания окота резали родившегося первым ягненка. Мясо ели только члены семьи. До завершения этого обряда не полагалось одаривать овец из отары» (Калоев 1993: 132–133). Получается, что бескровность жертвоприношения в честь Фалвары не стоит абсолютизировать. Кровавая жертва Фалваре приносилась, но это мог быть только(!) новорожденный ягненок, т.е. опять агнец. М.Э. Мамиев называет это фактическим «возвращением» первого из приплода пославшему его Фалваре, покровителю и, по сути, хозяину всего огромного стада мелкого рогатого скота, что не противоречит выводу о нехарактерности жертвоприношения ягненка (Мамиев 2014: 152). Однако, на наш взгляд, данное обстоятельство вполне можно рассматривать в качестве эволюции христианской символики в условиях традиционной скотоводческой культуры.

Нетипичность жертвоприношения ягненка позволяет сделать вывод о более позднем – христианском влиянии на смысловую нагрузку обряда в честь праздника *Зардаварсан*. По мнению М.В. Дарчиевой, ягненок, «предназначенный для *Зардаварсан*, тождественен христианскому агнцу» (Дарчиева 2012: 180). Более того, присутствие в обряде *рыбы* становится оправданным лишь при условии, что заклание ягненка соотносится с жертвенным закланием Агнца Божьего. Рыба – распространенный раннехристианский символ. В известном смысле Рыба, как и Агнец, являются олицетворением Христа: «Символика рыбы в христианской традиции основывается на прочтении ее греческого названия ΙΧΘΥΣ как анаграммы, образованной начальными буквами слов “Иисус Христос Спаситель Сын Бога”». Поэтому последователей христианства в первые века его существования называли рыбами» (Кирло 2007: 373–374). Общеизвестно, что многие апостолы Христа были рыбаками, и к ним обращены слова: «...и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Библия 1876. Мф.4:19). Таким образом, *рыба* – это еще и олицетворение человеческой души.

Агнец (Овен) и Рыба символизируют полный цикл существования. Неслучайно Овен – первый знак зодиакального круга, а Рыбы – последний. «Овен (Агнец) означает первопричину... которая исходит из Акаша (неба) в Рыб, олицетворяющих первичные воды» (Кирло 2007: 296). В христианстве начальный импульс Овна ассоциируется с альфой (α), а Рыба, соответственно, с омегой (ω). Названия первой и последней букв греческого алфавита как символ вечности встречаются и в Апокалипсисе, и у древних христианских писателей: «Словами *Альфа* и *Омега* означается Христос, как Бог, содержащий все, безначальный и безконечный: Сый и прежде сый и конца не имый, соприисносущный Отцу и потому имеющий каждому воздать за дела» (Толкование... б.г. Гл. 1. Ст. 1. Откр. 1: 8). Агнец и Рыба символизируют то же, что и Альфа и Омега – Христа, Бога как начало и конец всего сущего: «Се, гряду ско-

ро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Там же. Гл. 22. Ст. 68. Откр. 22:13).

Таким образом, есть все основания полагать, что существует тесная связь Фалвары с христианством. Это подтверждается следующими аргументами:

- этимологией самого теонима «Фалвара». В.И. Абаев предположил, что происходит он от имен христианских святых Флора и Лавра. В этом случае можно говорить о функциональном совпадении (связь со скотоводством) и о совпадении образом, сюжетно связанном с повреждением глаза (по А.А. Туаллагову);
- существенным отличием «дохристианского» Фалвары от своего более позднего «охристианенного» варианта, о чем свидетельствует совпадение образов Фалвары в нартовском эпосе и в народных легендах, зафиксированных в последней трети XIX в., когда христианские сюжеты уже тесно переплелись со многими элементами этнической религии осетин;
- тем фактом, что именно Фалваре отведена роль идеального христианина. Это подтверждается легендой, записанной Б. Гатиевым, в ней святому присущи смирение, кротость, непротivление злу, человеколюбие. Это объясняется, по-видимому, его функцией покровителя овец. Поскольку образы Овцы и Пастыря в христианстве глубоко символичны, то именно через этого традиционного дзуара, иногда даже воспринимаемого в образе овна, раскрывается преемственность символов: Баран (Овен)→Агнец; Владелец стад→Пастырь. Эта параллель, в свою очередь, находит свое отражение в некоторых элементах культовой практики (напр., в обрядности *Зардаваран*) и выводит нас на символ христианского Агнца – *Agnus Dei*.

Источники и материалы

Библия 1876 – Библия. Синодальный перевод. СПб.: Синодальная типография, 1876.

Гатиев 1876 – Гатиев Б.Т. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Издание Кавказского Горского Управления, 1876. Вып. IX. Отд. III. С. 1–83.

Гатиев 1987 – Гатиев Б.Т. Тутыры-комдарæн. Суеверия и предрассудки у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. и авт. предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Кн. 2. Цхинвали: Ирыстон, 1982. С. 175–180.

Жития 2004 – Память святых мучеников Флора и Лавра // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. XII. Месяц август. С. 307–318.

Кануков 1987 – Кануков А.А. Годовые праздники осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сборник документов. Кн. 3 / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1987. С. 65–72.

Кирло 2007 – Кирло Х. Словарь символов. М.: Центрполиграф, 2007.

Лавров 1989 – Лавров Д.Л. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сборник документов. Кн. 4 / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1989. С. 37–98.

Максимов 1903 – Максимов С.В. Лошадиный праздник // Нечистая неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 448–454.

Марков 1887 – Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1887.

ОЭ-1 2003 – Наступил для нартов голодный год // Сказания о нартах. Осетинский эпос: В 5 т. Т. 1. (на осет. яз.). Владикавказ: Ир, 2003. С. 239–245.

ОЭ-2 2003 – Как Сафа обманул Сатану // Сказания о нартах. Осетинский эпос: В 5 т. Т. 1. (на осет. яз.). Владикавказ: Ир, 2003. С. 140–143.

- ОЭ-3 2003 – Сын Урузмага и войско агур // Сказания о нартах. Осетинский эпос: В 5 т. Т. 5. (на осет. яз.). Владикавказ: Ир, 2003. С. 83–87.
- ОЭ-4 2003 – Последняя битва // Сказания о нартах. Осетинский эпос: В 5 т. Т. 6. (на осет. яз.). Владикавказ: Ир, 2003. С. 441–450.
- Толкование... б.г. – Свяtitель Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис св. Иоанна Богослова. https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Kesarijskij/tolkovanie_na_apokalipsis (дата обращения: 26.12.2020).
- Харузин 1888 – Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа. Путевой очерк // Вестник Европы. Журнал истории, политики и литературы. СПб., 1888. Кн. 11. С. 154–194.
- Штакельберг 1891 – Штакельберг Р.Р. Заметка о некоторых персидских словах в осетинском языке // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. М., 1891. Т. I. Вып. 2. С. 135–142.
- ЭКМ б.г. – Символы. Овца // Megabook. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. [https://megabook.ru/article/%d0%9e%d0%b2%d1%86%d0%20\(%d1%81%d0%b8%d0%bc%d0%b2%d0%be%d0%bb\)](https://megabook.ru/article/%d0%9e%d0%b2%d1%86%d0%20(%d1%81%d0%b8%d0%bc%d0%b2%d0%be%d0%bb)) (дата обращения: 16.01.2021).

Научная литература

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1989.
- Абаев В.И. Как апостол Петр стал Нептуном // Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 123–136.
- Биджелов Б.Х. Социальная сущность религиозных верований осетин. Владикавказ: Ир, 1992.
- Дарчиев А.В. Эволюция функций божеств осетинского пантеона Фалвара и Мыкалгабыра // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2013. № 12. Ч. 2. С. 38–45.
- Дарчиева М.В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ: СОИГСИ, 2012.
- Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 1971.
- Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1993.
- Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2015.
- Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии (Историко-этнологический очерк). Владикавказ: типо-фото-цинкография изд-ва «Растдзинад», 1928.
- Кочиев К.К. Из истории скотоводческих культов осетин. Фалвара // ИЮОНИИ. 1985. Вып. XXIX. С. 150–160.
- Мамиев М.Э. Аланское православие: история и традиция. М.: СЕМ, 2014.
- Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М.: Типография А. Иванова, 1882.
- Пчелина Е.Г. Обряд гостеприимства у осетин // Пчелина Е.Г. Ossetica: избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ: Золотое сечение, 2013. С. 72–106.
- Туаллагов А.А. Тутьыр // NARTAMONGÆ. 2017. Vol. XII. N. 1–2. S. 205–233.

Ktsoeva, Sultana G.

AGNUS DEI: Christian motifs in the image and cult of Falvara among the Ossetians

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/61-71

The article discusses the general issues of the ethnic religion of the Ossetians. Recently, there has been a growing trend to return to the “original”, and, consequently, to reject any “external” influence on the Ossetian culture in general and religion in particular. A certain part of the Ossetians (and their number is increasing) have developed the conviction that

the Ossetian ethnic religion is a unique monotheism, which formed independently of the Abrahamic religions. This has become a kind of a social myth. Undoubtedly, the ethnic religion of the Ossetians is a unique phenomenon. But its uniqueness lies in its eternal openness to intercultural interaction while maintaining its own identity. Apart from its archaic features, it absorbed elements of religions from Ancient Iran, India, Zoroastrianism, Judaism, Christianity, Islam in a quaint and natural way. This is due to the fact that the Ossetians as an ethnic group formed at the East-West cultural border.

Specifically, the article is devoted to the Christian reminiscences in the image and cult of Falvara, the deity of the Ossetian ethnoreligious pantheon – the patron saint of goats and sheep. The article aims to study how the Christian tradition influenced the image of Falvara and how strong this influence was. The extreme narrowness of the source base forces us to rely mainly on logical rather than historical research method. Nevertheless, the main conclusions were made based on the data of narrative sources of the last third of the 19th century.

The research is based on the synchronic approach within the framework of structuralism, developed by K. Levi-Strauss. According to this approach, all cultural systems (language, mythology, religion, art, customs, traditions) can be studied as sign systems. Ideological transformations of the ethnic group were analyzed using methods of a relatively new methodological approach of historical psychology.

Keywords: *ethnic religion of the Ossetians, Falvara, Agnus Dei, Christianity*

For Citation: Ktsoeva, S.G. 2021. AGNUS DEI: Christian motives in the image and cult of Falvara among the Ossetians. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 61–71.

Author Info:

Ktsoeva, Sultana G. – Doctor of Hist., Senior Researcher, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia). E-mail: sultana_t@mail.ru

References

- Abaev, V.I. 1989. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka: V 4 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language, 4 vols.]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Abaev, V.I. 1990. Kak apostol Petr stal Neptunom [How the Apostle Peter Became Neptune]. In *Izbrannye trudy: religiia, fol'klor, literature* [Selected Works: Religion, Folklore, Literature], by V.I. Abaev, 123–136. Vladikavkaz: IR.
- Bidzhelov, B.Kh. 1992. *Sotsial'naia sushchnost' religioznykh verovanii osetin* [The Social Essence of the Religious Beliefs of the Ossetians]. Vladikavkaz: IR.
- Darchieva, A.V. 2013. Evoliutsiia funktsii bozhestv osetinskogo panteona Falvara i Mykalgabyra [Evolution of the Functions of the Deities of the Ossetian Pantheon Falvar and Mykalgabyr]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Tambov)* 12 (2): 38–45.
- Darchieva, M.V. 2012. *Verbal'nyi kod osetinskogo obriadovogo teksta (na materiale nekotorykh traditsionnykh obriadov)* [Verbal Code of the Ossetian Ritual Text (On the Material of Some Traditional Rites)]. Vladikavkaz: SOIGSI.
- Kaloev, B.A. 1971. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow: Nauka.
- Kaloev, B.A. 2015. *Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ossetians: Historical and Ethnographic Research]. Moscow: Nauka.

- Kaloev, B.A. 1993. *Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza* [Cattle Breeding of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow: Nauka.
- Kokiev, G.A. 1928. *Sklepovye sooruzheniia gornoj Osetii (Istoriko-etnologicheskii ocherk)* [Crypt Structures of Mountain Ossetia (Historical and Ethnological Sketch)]. Vladikavkaz: tipo-foto-tsinkografii izdatel'stva "Rastdzinad".
- Kochiev, K.K. 1985. Iz istorii skotovodcheskikh kul'tov osetin. Falvara [From the History of Ossetian Cattle Breeding Cults: Falwara]. *IUNII XXIX*: 150–160.
- Mamiev, M.E. 2014. *Alanskoe pravoslavie: istoriia i traditsiia* [Alanian Orthodoxy: History and Tradition]. Moscow: SEM.
- Miller, Vs.F. 1882. *Osetinskie etiudy* [Ossetian Sketches]. Pt. II. Moscow: Tipografii A. Ivanova.
- Pchelina, E.G. 2013. *Obriad gostepriimstva u osetin* [Ossetian Hospitality Ceremony]. In *Ossetica: izbrannye trudy po istorii, etnografii i arkhologii osetinskogo naroda* [Ossetica: Selected Works on History, Ethnography and Archeology Ossetian People], by T.G. Pchelina, 72–106. Vladikavkaz: Zolotoe sechenie.
- Tuallagov, A.A. 2017. *Tutyr* [Tutyr]. *NARTAMONGÆ XII* (1–2): 205–233.

©Д.А. Дронова, М.Л. Бутовская

СОХРАНЕНИЕ ИНДУИСТСКИХ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ В ТАНЗАНИИ

В статье дается описание похоронно-поминального комплекса представителей индийской диаспоры в Танзании. В основу легли полевые материалы авторов данной публикации, собранные среди индуистов, выходцев из индийского штата Гуджарат, в ходе экспедиционных выездов в Танзанию в 2019 г. Похоронный обряд индуистов Танзании включает в себя основные черты традиционной церемонии, несмотря на существование культурных различий в проведении этого обряда в Индии. Представителями диаспоры соблюдаются ритуалы, выполняемые до кремации: расположение покойного на полу, омовение, облачение в белые одежды, 12-дневная церемония (период ритуального загрязнения близких родственников и дома), последние капли священной воды из р. Ганга и листья тулси, вынос тела на носилках. Как и в Индии главенствующая роль во время обряда принадлежит старшему сыну. В похоронной процессии до места кремации принимают участие только мужчины, также и во всех ритуалах, выполняемых в крематории. До недавнего времени индийцы в Танзании продолжали сжигать умерших на открытом огне, но в 2014 г. в крупных городах индийские общины начали устанавливать кремационные печи после запрета местных властей устраивать погребальный костер. На о. Занзибар до сих пор используют крематорий на берегу океана, построенный еще до Занзибарской революции 1964 г., где на погребальном огне сжигают тело умершего. При этом крематории принадлежат индийской общине, что позволяет проводить все необходимые ритуалы согласно традиции, в отличие от ситуации, например, в Великобритании (Laingani 2001b). Важным сохраняющимся этапом похоронного обряда является развеивание праха над водной поверхностью. Проанализированные кейсы иллюстрируют высокую сохранность и адаптивность похоронно-поминального комплекса, максимально соответствующего традиции в Индии. Тем не менее, зафиксированы некоторые изменения в похоронном обряде: сокращение временного периода 12-дневной церемонии, участие сотрудников специализированных учреждений в подготовке покойного к кремации и др. Также индуисты продолжают исполнять предписанный традицией, являющийся последним в череде обязательных ритуалов – поминание умерших (шраддха). Похоронный

Дронова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этнологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32-А). Эл. почта: dariadronova@yandex.ru

Бутовская Марина Львовна – член-корр., д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этнологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32-А). Эл. почта: marina.butovskaya@gmail.com

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00082 «Умершие в мире живых: кросс-культурное исследование коммуникативных аспектов танатологических практик и верований»

обряд и поминовение предков встроены в повседневную религиозную систему представителей диаспоры.

Ключевые слова: похоронно-поминальный обряд, кремация, поминовение предков, индийская диаспора, индуисты, Танзания

Ссылка при цитировании: Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Сохранение индуистских похоронно-поминальных традиций в индийской диаспоре в Танзании // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 72–86.

Религии Индии, такие как индуизм, джайнизм, сикхизм, буддизм, имеют концепцию перевоплощения после смерти (*Родзинский 2006*). Идея постоянного перевоплощения на Земле в зависимости от качества прожитой жизни заставляет индуистов соблюдать нравственно-моральные принципы, духовно совершенствоваться и не бояться смертного часа, так как они вернутся в этот мир в новом воплощении (*Чаттопадхья 1981*). Согласно кармической теории, болезнь, боль, страдание и смерть интерпретируются как результат предшествующих действий в этой или предыдущей жизни (*Bhungalia, Kemp 2002; Easwaran 2007*). Безусловно утрата близкого родного человека сопровождается душевными переживаниями, но, в целом, индийцы не испытывают страха перед смертью (*Chopra 2006*). Физическая смерть не предполагает страдания души. Это позволяет индийскому обществу воспринимать физическую смерть как переход души в новое воплощение (*Deshpande et al. 2005*). «Для современной индийской (индуистской) философии характерно следующее содержание смысла жизни – качественное преобразование своей кармы для достижения счастья в этой или следующей жизни на духовном и физическом уровнях» (*Красильников 2019*). Несмотря на то, что современная повседневность индийцев проникнута западными представлениями, отношение к смерти остается традиционным. Идеи реинкарнации присутствуют и в других религиях Востока: китайский буддизм, дзэн, синтоизм, даосизм. Также довольно широко освещена в научной литературе доктрина метемпсихоза в античной философии. «Исследовательский дискурс сосредоточился на трех основных положениях – принадлежит ли учение о метемпсихозе всей культурной традиции греков, или является лишь проявлением народных верований, либо, напротив, достоянием элиты» (*Обидина 2010: 7*). В шумерских, вавилонских, древнеегипетских религиозных представлениях отсутствовала идея реинкарнации. В иудаизме для обозначения учения о переселении душ существует специальный термин «гилгул» (*Киреева 2018: 300*). Считается, что это довольно позднее вкрапление в иудейскую философию. Душе дается еще один шанс, а в итоге может и несколько (перерождений) для исправления грехов или выполнения предназначенных лично ему заповедей. Если во время перерождения душа не пытается стать лучше, цепочка перевоплощений прерывается, чтобы она еще больше не ухудшилась (*Хлебников 2020*). Переселение душ в христианском мировоззрении противоречит представлениям о душе и Судном дне после смерти. Хотя некоторые христианские направления (например, гностицизм) использовали в своей доктрине идею перевоплощения души. Также и в исламе, как одной из авраамических религий, ожидание воскрешения и последующего Божьего суда отрицает возможность перерождения. Представления о реинкарнации души после смерти присущи и некоторым традиционным обществам по всему миру. Однако разные культурные традиции вкладывают в понятие «реинкарнация» свой смысл, исходя из религиоз-

но-философского мировоззрения конкретного общества. Интересен вариант африканского общества игбо. Широко распространенный культ предков среди африканского населения в целом у игбо сочетается с реинкарнацией (Stevenson 1985). Когда человек умер, его покинули телесные силы, прорицатель, который является связующим звеном между представителями материальной и духовной сфер, узнает у предков достоин ли умерший перехода в статус предка. Решение принимается в зависимости от качества и содеянного умершим в прожитой жизни. Предки могут вынести отрицательное решение за безнравственное поведение, тогда умерший отправляется блуждать с другими неприкаянными между сферами (духовной и материальной) и творить зло. А если по убеждению предков умерший выполнил основное предназначение при жизни, он становится предком и может воплотиться в своем роду в новорожденных потомках. Но тут важная деталь, кардинально отличающая представления игбо о реинкарнации от представителей восточных культур, – перерождение даруется предками за правильно прожитую жизнь не для исправления совершенных ошибок и проступков (Okoro 2019). Эта деталь заставляет игбо следовать морально-этическим принципам общества, не нарушать культурные нормы, к чему, с одной стороны, стремятся и носители восточных культур, но, как мы видим, с иной целью. Возродиться предок может также несколько раз в разных рожденных. Игбо не подразумевают, что умерший возвращается в новом физическом теле, продолжает духовно совершенствоваться, исправляет свои ошибки или завершает реализацию личного предназначения; в их мировоззрении умерший, который прожил достойную, благочестивую жизнь, переходит в статус предка в духовный мир и одновременно передает новому родившемуся в его семье жизненную силу как бы увековечив себя в новом рождении, давая, таким образом, продолжение своему роду, но как личность никак себя не проявляет и не мешает новорожденному быть собой (Igbo, Ayika 2021). Это отличает от восточных представлений о реинкарнации, где о перевоплощении предков речи не идет, а душа умершего перерождается в новом облики без привязки к семейному родству, более того предполагается вселение души в любое материальное тело (растение, вода, камень и т.д.).

Схожие представления о реинкарнации у малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Подробные описания идеи и процесса реинкарнации у народов ханты и манси свидетельствуют о более близкой интерпретации концепции перерождения к западноафриканскому мировоззрению, чем к восточноазиатскому. Реинкарнация является неотъемлемой частью картины мира обских угров. У хантов и манси также возвращается к земной жизни только определенная часть души, при этом она может воплотиться в нескольких новорожденных (от 1 до 4/5 раз в зависимости от пола) (Володина 2016). Также душа перерождается только в новом человеке, отсутствует представление, присущее восточноазиатским народам, о порицании и возвращении в земную жизнь из-за недостойного поведения в качестве существа более низкого положения и для исправления допущенных ошибок. Как у хантов и манси, так и у западноафриканцев в концепции реинкарнации душа умершего перевоплощается в своем же роду в новорожденном ребенке, тем самым продолжая род на земле, также проводятся гадания по определению чья душа вселилась в младенца. Этот ритуал является одним из ключевых в системе обрядов жизненного цикла обских угров. Более того, традиция имянаречения младенцев по имени умершего родственника широко распространена среди индейцев Северной Америки. Ученые подтверждают связь этой традиции с представлениями о реинкарнации умерших родственниках. В литературе

представлены данные среди разных групп индейцев атапасков (сату, чипевьян, кучины и др.) (Brown 2014; Slobodin 1994), тлинкитов, хайда, цимшиан (Гринев 1990) и др. В отличие от предыдущих описаний переродившегося родственника чаще всего определяют по сновидениям, а не с помощью гадания. Важным фактором является социо-экономическая составляющая в реинкарнационном комплексе представлений у западных атапасков и соседствующих народов Северо-Западного Побережья (Шушелов 2020). Вместе с именем умершего родственника новорожденному переходили права на родовые земельные участки.

Таким образом, описанные выше смысловые нагрузки концепции реинкарнации в разных частях мира позволяют выделить два подхода. Южноазиатские религии (индуизм, буддизм, джайнизм) постулируют «этизированные» версии космологии реинкарнации (Obeyesekere 2002). Это подразумевает, что последующее перерождение зависит от оценки поведения человека в соответствии с морально-этическими установками конкретного общества. А представления о реинкарнации у представителей малых обществ Западной Африки, Северо-Западного побережья Америки, Севера России предполагают перерождение умерших в новорожденных в своей же родовой линии. Цикличность перевоплощений носит «этнический» характер, объясняя его тем, что благодаря перерождению умерших в младенцах продолжает существовать этническая группа в целом.

Индийская диаспора в Танзании

По подсчетам представительства Верховной Комиссии Индии по вопросам диаспоры численность индийцев в Танзании составляет около 60 тыс. чел. (Population of Overseas Indians...). Индийская диаспора в Танзании имеет более чем 200-летнюю историю (Дронова 2014). До момента основания индийцами первых поселений и активного расселения на территории современной Танзании, контакты с местным населением осуществлялись преимущественно купцами через торговые морские пути (Бонгард-Левин и др. 2002). С середины XIX в. индийцы в качестве не только купцов, но и чиновников, охранников, сборщиков налогов, активно сотрудничают с арабскими султанатами, располагавшимися на о. Занзибар и контролировавшими береговую зону Восточной Африки (Дридзо и др. 1978). Вместе с арабскими караванами индийцы отправлялись с острова на континент, постепенно основывая там свои поселения (Lobo 2000: 17). Уже к 70-ым годам XIX в. индийские купцы создали развитую сеть торговых отношений, охватывающую территорию Восточной Африки. Во времена колонизации англичанами и немцами территории Восточной Африки индийцы продолжали пребывать в этот регион. С 1886 года Британская колониальная администрация завозит индийских рабочих для строительства железной дороги вглубь континента. В первые десятилетия XX в. индийцы уже занимали прочные позиции в экономической жизни и имели своих представителей в административном аппарате (Hollingsworth 1960). В значительной мере благополучное положение индийцев было подорвано политикой национализации в восточафриканских странах, направленной против присутствия и участия индийцев в экономике и управлении упомянутых государств. Так, например, «африканизация» в Танзании, «кенианизация» в Кении заставили большую часть индийцев мигрировать из Восточной Африки. Тем не менее, принимаемые меры правительством Индии по реабилитации

и поддержке представителей индийских диаспор в восточноафриканских государствах и развитие рыночной экономики в начале 90-ых гг. XX в. способствовали улучшению положения индийцев и возобновлению привычной деятельности, в частности в сфере торговли, мелкого и среднего бизнеса.

Первые индуисты, пребывавшие к восточноафриканскому побережью в XVII в., относились к касте бхатия (*Mehta* 2001). К концу XIX в. стали появляться представители касты лохана и в нач. XX в. патидары и джайны (Там же). В основном это были выходцы из Западной Индии, которые занимались ростовщицеством. В это же время британцы доставляют на кораблях преимущественно сикхов из Панджаба, с которыми заключали трехлетний контракт на выполнение разного рода общественных работ, в том числе строительство железнодорожного полотна. Мусульмане относили себя к следующим течениям ислама: бохра и ходжа. Гоанцы, исповедовавшие христианство, в большей степени занимали административные должности (*Gupta* 1998).

Представители индийской диаспоры продолжают сохранять свою идентичность и связь со страной происхождения несмотря на то, что несколько поколений уже рождены на территории Танзании (*Дронова, Бутовская* 2020). Сохранению и воспроизводству культурных ценностей способствуют, с одной стороны, замкнутость индийской общины, а, с другой, полная автономия повседневной жизни от общества принимающей страны (*Dronova* 2019). Индуисты продолжают следовать предписанным нормам индуизма – религиозный календарь, правила поведения, обряды жизненного цикла и т.п. Неизменным остается и похоронный обряд. Мы сужаем рамки обсуждаемого нами феномена смерти, прежде всего, религиозным направлением – индуизмом. Полевой материал собирался нами в ходе экспедиционного выезда в Танзанию в 2019 г. Мы использовали метод включенного наблюдения, что позволило зафиксировать ритуальную деятельность, также проведен ряд углубленных интервью с респондентами в г. Дар-эс-Салам, г. Аруша, г. Букоба, г. Занзибар. В этих же городах мы посетили крематории.

Похоронно-поминальный обряд в наши дни

Постепенно в местах локализации индийских общин стали появляться крематории. Кремация является предпочтительным способом избавления от тела (*Bendann* 2007). Представители диаспоры продолжали и продолжают до настоящего момента следовать основным этапам похоронного ритуала.

Когда умирает человек, вызывают специальную медицинскую службу, которая увозит умершего для констатации смерти и оформления необходимых документов. В морге тело обмывают, одевают новую белую одежду (рубашку и штаны), которую передают родственники. Такая одежда характерна как для мужчин, так и для замужних женщин. В это время в доме покойника готовят глиняную (красного цвета) подстилку на полу. Этим может заниматься только старшая вдова, ни жена, ни сестра, ни тетя, никто из замужних женщин. Дальше умершего привозят домой, укладывают на глиняный настил, в рот кладут листья базилика (*tulsi*) и топленое масло *gхи* (*ghee*), окропляют губы и язык священной водой из р. Ганга, приносят сладости *ладду* 5 штук, осыпают цветами. Приглашенный из храма священнослужитель для отправления необходимых ритуалов начинает чтение религиозных текстов. После этого только старшие родственники приносят в качестве подарка умершему белую одежду,

младшие братья, сестры, тети, дяди ничего не дарят. Если умер женатый мужчина, его супруга кладет красную одежду и ювелирные украшения, которые он подарил ей на свадьбу, смывает красную полосу с пробора между волос и убирает красную точку со лба между бровями (*бинди*). Если жена умерла раньше мужа, тогда он самостоятельно заранее готовит для себя красную ткань (2 метра). Перед тем, как выносить тело, только родственники вливают в рот умершему несколько капель воды, что означает последний глоток. Женщины присутствуют на церемониях дома, но не могут находиться в крематории, куда следуют только мужчины. В течение 12-14 дней семья считается нечистой, что вводит запрет на приготовление пищи в этом доме и посещение храма. Здесь наблюдается схожесть табуированных действий как после рождения ребенка, так и после смерти родственника. Родственники или соседи приносят готовую еду. На протяжении этого периода собираются женщины для вознесения молитвенных текстов. В последний день снова приходит священнослужитель, совершает специальные церемонии и исполняет гимны в честь богов. После чего родственники считаются очищенными, и снимаются введенные ранее запреты. По словам респондента из г. Аруша сейчас не всегда удается выдерживать предписанные 14 дней из-за слишком быстрого темпа жизни, поэтому это время довольно часто сокращается, например, до трех дней (ПМА 2019). Родственники умершего должны отблагодарить священнослужителя, обычно собираются сыпучие продукты (рис, разного рода бобы). Но респондентка отмечает, что сейчас в г. Дар-эс-Салам священнослужитель отказывается от продуктов и просит в качестве вознаграждения денежную сумму (ПМА 2019). Она выражает недовольство этим фактом и считает это недопустимым с религиозной точки зрения, а также подчеркивает, что в Индии практикуются продовольственные подношения, не денежные. Кремацию стараются провести как можно раньше, при необходимости ждут приезда родственников из других городов или стран. В случае длительного ожидания тело перевозят в морг в специальные холодильные камеры. Когда покойного привозят на территорию крематория, его тело располагают на бетонном постаменте рядом с храмом Шивы. Тут же разбивают четыре кокосовых ореха на разные стороны. В это время священнослужитель произносит священные тексты. Из подготовленных дров складывают кострище, сверху укладывают тело умершего. Обычно используется металлический постамент, примерно на расстоянии 70 см от земли закреплена металлическая решетка, на которую укладывают тело, а под нее – дрова. Право разжечь огонь принадлежит старшему сыну. Респондент с Занзибара поясняет, что обеспеченные семьи самостоятельно покупают дрова для ритуального огня, в случае отсутствия необходимой суммы у семьи, община помогает, собирает деньги на покупку дров, специального масла *gхи* для обмазывания тела умершего. На огне тело сгорает примерно за 3 часа. Стараются дождаться полного сгорания тела, но здесь довольно остро встает вопрос наличия достаточного количества дров. В Индии этому уделяется особое внимание вплоть до выбора определенной породы дерева. Тем не менее, после сжигания практически всегда остаются локтевые и коленные суставы, которые складывают в глиняный горшок вместе с остальным прахом. Идеальным окончанием похоронной церемонии индуисты считают возможность развеять прах над водами священной рекой Ганга. В условиях проживания в другой стране это удастся не всем из-за высокой стоимости транспортных расходов и, главное, необходимости получения специального разрешения на вывоз праха из страны. Однако представители диаспоры адаптируют религиозную тради-

цию к тем реалиям, в которых проживают. Показательным в данном случае является философское рассуждение мужчины-индустра с о. Занзибар. «После мы собираем прах и развеиваем над рекой, но тут, на Занзибаре нет реки, вернее все реки близко к океану и все равно выходят в океан, поэтому мы развеиваем прах над океаном, это нормально. Да, некоторые люди везут прах к Гангу, но все реки впадают в океан, эта вода тоже тут» (ПМА 2019). Более того, местные власти вносят свои коррективы через официальные запреты. Так запрещается развеивать прах над ближайшими к городам реками и озерами, поэтому прах отвозят к океану как на материковой части Танзании, так и на островах. Прибегнуть к услугам кремации разрешается любому человеку вне зависимости от религиозной принадлежности и этнического происхождения при наличии необходимых документов, но стоимость тогда будет равняться 500 \$. В Индии погребальный костер может позволить себе не каждый человек из-за высокой стоимости необходимого количества дров для устройства погребального костра. В отсутствие достаточной для этого суммы, индуисты прибегают к услугам крематория. В последние десятилетия территориальные власти Танзании начали запрещать проводить кремацию умерших на открытом огне, недовольство вызывает близкое расположение таких площадок к городу, сильный запах и дым. Индуисты относятся с большим сожалением к запрету сожжения умерших на открытом костре, как предписывают культурные нормы. В крупных городах индийские общины начали устанавливать крематории. Из близлежащих городов умерших на кремацию везут в более крупные. Так, например, происходит в индуистской общине в г. Букоба. Респонденты сообщают, что после введения запрета на сожжение умерших на прежнем месте, которое располагалось в городской черте, они вынуждены возить умерших в крематорий в город Мванза. Добраться можно на пароме, что составит примерно 12 часов ходу, или на машине приблизительно 680 км. В г. Аруша на территории, где сейчас находится крематорий, раньше устраивали погребальный костер. Для этого подготовлена специальная платформа, сверху установлена крыша, сбоку определено место для разведения огня, отдельно стоит тумба, предназначенная для последнего прощания близких с усопшим. Позади рядом с забором отведено место для погребения детей, умерших в возрасте до 2 лет. Индийской общиной Shree Hindu Mandal, которая включает все религиозные индуистские группы этого города в том числе и сикхов, была закуплена кремационная печь в 2010 году, но начала свою работу только в 2016 году. Для установки газовой печи построено отдельное здание, состоящее из двух основных помещений. В меньшей по площади комнате установлена кремационная печь. Основной зал оборудован посадочными местами примерно на 100 человек, трибуной для озвучивания прощальных слов. Рядом с этим зданием расположен небольшой храм Шивы с тумбой (подиум) для проведения завершающих ритуалов. Похоронная церемония организуется согласно традиционным нормам, но включает и современные черты. Членами всей индуистской общины был выбран председатель, отвечающий за организацию процесса кремации. Для быстрой связи и мгновенного оповещения о смерти близкого человека и необходимости кремации используется специально организованная группа (чат) в мессенджере What's up. Обязательным условием разрешения кремации является свидетельство о смерти, полученное от врача. В случае неестественной смерти вызывают полицию, до приезда которой никто не имеет права прикасаться к умершему. В г. Дар-эс-Салам также в 2017 г. начала работу кремационная печь, на том же месте, где раньше проводили сжигания покойного на

ритуальном костре. На о. Занзибар на сегодняшний момент индуисты сжигают тела умерших на погребальном костре. Респонденты считают, что устанавливать кремационную печь на острове нерентабельно, так как проживает всего около 120 индуистских семей. Имеющийся крематорий был построен еще до Занзибарской революции 1964 года. Расположена она на склоне берега океана. В верхней части установлен небольшой храм Шивы с тумбой для тела усопшего, обязательный элемент традиционного крематория. Далее вниз к месту сожжения ведет лестница со 100 ступенями, в честь чего это место и получило название «Нгази миа», что в переводе с суахили означает «сто ступеней». Правда сбоку есть обычная дорожка. В нижней части на береговой линии расположено сооружение самого крематория. Платформа для погребального костра, помещения для ожидающих окончания ритуала. Крематорий не имеет ограждения, находится в свободном доступе для любого человека. Вследствие чего местное африканское население использует сооружение крематория для выполнения физических упражнений. Этим фактов индуисты крайне недовольны, считают оскорбительным, даже в некоторых случаях вандализма вызывают полицию для наведения порядка. Тем не менее, крематорий продолжает функционировать, а индуисты сохраняют традиционный похоронный ритуал.

Также индийцы продолжают исполнять предписанный традицией, являющийся последним в череде обязательных ритуалов – поминание умерших (шраддха). Обязательная шраддха проводится через год после смерти человека, чтобы помочь душе попасть в общество умерших предков для последующей реинкарнации. Ежегодно церемонию шраддхи исполняют в течение нескольких дней перед началом праздника Наваратари, который отмечается с широким размахом на протяжении девяти дней. Точная дата варьируется в зависимости от лунного календаря, и приходится на период с сентября по октябрь по европейскому календарю. Во время обряда шраддхи индуисты приходят к священному дереву рода фикус (*Ficus religiosa* или реерал), возносят молитвы, приносят подношение в виде рисовых шариков и льют воду под ствол. Таким образом, индуисты совершают обряд поминовения предков, отдают долг памяти о своих усопших родственниках, благодарят. Также на территории каждого храма растет этот священный фикус, индуисты, приходящее рано утром для совершения молитвы, считают обязательным «напоить предков» – из кувшина льют воду под ствол дерева, произнося религиозные тексты. Также перед началом Наваратри в каждом храме проводят церемонию (пуджу), посвященную усопшим.

Неотъемлемой частью домашнего алтаря являются фотографии умерших родственников. Их располагают сбоку от алтаря, также, как и божеств, украшают цветочными гирляндами и оставляют подношения. Во время проведения домашних церемоний центральное место занимает семейный алтарь с фотографиями покойных родственников, что означает дань уважения и включение их в ритуальную деятельность.

Обсуждение

Стоит подчеркнуть, что невозможно выделить один сценарий проведения индуистского похоронного обряда в силу большого разнообразия культурных традиций в Индии, которые вносят существенные различия в проведение последнего ритуала антьешти. «Смерть – индийская или махараштранская – абсолютно человечна, поэтому у нее, кроме этнотерриториальной лояльности и религии, вернее, ее узкой

разновидности, имеется каста, пол, возраст, социальный статус, политическая ангажированность и вкусовые пристрастия» (Глушкова 2012: 14). Эта яркая цитата из фундаментального труда ведущих индологов раскрывает множественность культурных и социальных различий по отношению к смерти в Индии. Однако существуют основные этапы практикующегося обряда. Главные элементы похоронного обряда были заложены в ведийский период в Индии (середина II – середина I тысячелетия до н.э.): «1) сожжение; 2) обмывание тела и сложение погребального костра (абхисинчана и шамшанацити); 3) ритуал возлияния воды (удакакарма) и 4) умиротворяющие обряды (шантикарма)» (Пандей 1990). Более детально церемония была оформлена в период сутр (II в. до н. э. — VII в. н. э.). Последующие изменения постепенно происходили с течением времени и происходят до настоящего времени. Особенно заметны трансформации похоронного обряда в индийских диаспорах.

В описанном выше похоронном обряде, практикующемся индуистами в Танзании, прослеживаются как сохраняющиеся элементы традиционной церемонии, так и произошедшие изменения, иногда вынужденные. Разберем подробнее этот кейс. Индуисты следуют традиции и кладут на пол тело умершего, которое привозят домой, в случае если смерть человека наступила в больнице. В дополнение к универсальной символике «земля к земле», индуисты верят в то, что с наступлением смерти душе становится легче покинуть тело, когда оно находится на полу (Firth 1989). Сохраняется необходимость прикосновения листом *тулси* и водой из р. Ганга губ и языка покойного. Считается, что это приносит мокшу умершему. Понятие «мокша» довольно сложное и многогранное, самое распространенное объяснение – «освобождение от цикла рождения и перерождения» (Laungani 2001a). Умереть без этого ритуала считается неблагоприятным. Важно отметить, что в Индии этот ритуал стараются провести до момента смерти, но когда уже становится очевидным, что жизненные силы покидают человека. В современном мире, особенно в реалиях проживания в иноэтнической среде (например, диаспоры), с развитием медицинского обслуживания нередко смерть человека наступает в стенах больничной палаты, где довольно сложно соблюсти этот ритуал. В Индии, также и в индийской диаспоре в Танзании, это подтверждается нашим полевым материалом, из больницы умершего привозят домой, что позволят выполнить необходимые ритуалы. Хорошей иллюстрацией может послужить ситуация в индийской диаспоре в Великобритании, в случае которой у родственников отсутствует такая возможность, так как покойный находится в морге до момента кремации. Решение о том, кто и где будет проводить омовение, облачение в белые одежды и другие действия при подготовке тела к кремации зависит от пожеланий семьи. Это один из этапов похоронного обряда, который претерпевает изменения. В большинстве случаев это выполняется работниками специальных учреждений, которые придерживаются последовательности и комплекса необходимых действий, после чего умершего привозят домой, откуда родственники, согласно традиции, отправляются похоронной процессией в крематорий. Однако некоторые индуисты в Танзании предпочитают выполнить последние церемонии самостоятельно. Как и в Индии, где в основном приготовление умершего к погребальному костру исполняют родственники с соблюдением семейной иерархии и гендерных ролей. Старший сын остается главным действующим лицом похоронной церемонии. Именно ему предписано традицией проводить основополагающие ритуалы (Prasad 1995). Описанные изменения влекут за собой ряд вопросов, связанных с религиозными

представлениями индуистов. С одной стороны, включение третьих лиц (например, работники морга) считается осквернением и связано с религиозным загрязнением семьи. С другой стороны, близкие родственники лишаются возможности провести важные ритуалы и действовать в соответствии со своей дхармой (священным религиозным долгом), а неисполнение может иметь кармические последствия как для близких родственников, так и для самого покойного. Вдовы снимают *бинди* и смывают синдур с пробора на голове между волос, эти ритуалы также чтятся женщинами. Представители диаспоры продолжают соблюдать 12-дневную религиозную церемонию, которая включает запрет на приготовление пищи членами семьи, проживавшими вместе с покойным; приглашение священнослужителя; присутствие женщин на молитвенных собраниях (иногда участвуют все родственники, друзья, соседи вне зависимости от гендерной принадлежности). Данная церемония направлена на обеспечение покоя души умершего. Однако временной период этой церемонии в современных условиях сокращается. В крематорий похоронная процессия отправляется из дома, тело выносят старший сын и близкие родственники-мужчины на носилках, не используют гробы, как, например, это распространено в Великобритании (*Laungani* 2001b). До места кремации двигаются на машинах, хотя традиционно похоронная процессия была исключительно пешей. Женщины по-прежнему остаются дома, им запрещено находиться в крематории. Хотя по некоторым данным эта ситуация начинает меняться, и в настоящее время в Индии допускается женщинам провожать покойного до крематория, но без присутствия на последних церемониях, их также совершают только мужчины. Наличие храма Шивы на территории крематория также остается обязательным и неизменным атрибутом. До начала использования на материковой части Танзании кремационных печей придерживались правила зажигать погребальный костер старшим сыном, а на о. Занзибар и в наши дни продолжают этому следовать. Крематории в Танзании принадлежат индийской общине, поэтому внутренняя инфраструктура полностью соответствует их культурным традициям в отличие от ситуации в Великобритании, где крематории государственные (*Laungani* 2001b). Важный этап развеивания праха представители диаспоры также сохраняют и стараются выполнить над доступной водной поверхностью, будь то река или океан. Тем не менее, существует практика, когда индуисты из Танзании, получив все необходимые разрешения, отвозят прах к священным водам р. Ганга.

Заключение

Рассматриваемый нами похоронно-поминальный комплекс представителей индийской диаспоры в Танзании свидетельствует о высокой степени сохранности культурных норм. В тоже время невозможно отрицать, что традиционные обряды подвергаются влиянию современности, некоторые детали теряют свою актуальность и редуцируются. Например, сокращение сроков траурного периода с 12 до нескольких дней, важный эпизод с обмывание тела умершего старшим сыном перешел в ведение сотрудников специальной службы, некоторые изменения в исполнении молитвенных и восхваляющих гимнов и др. Тем не менее, основополагающие этапы этой религиозной церемонии, наделенные сакральным смыслом, продолжают существовать, практиковаться и передаваться из поколения в поколение. Это способствует сохранению культурных кодов, идентичности, поддержанию морально-этических

норм, воспроизводству традиционного мировоззрения своих предков вне зависимости от территории проживания.

Исследование, проведенное Р. Гуптой среди представителей индийской диаспоры в США, также подтверждает сохранность представлений о жизненном пути согласно четырем ашрамам, о смерти, кармических законах, предсмертных, похоронных, посмертных практиках (Gupta 2011). Важно отметить, что качественные интервью были проведены в группах с трехпоколенным составом. Более сложная ситуация сложилась у индийцев в Великобритании, где похоронный обряд существенно подвергся вестернизации (Laungani 2001b). Многие вынужденные изменения противоречат религиозным, духовным и культурным потребностям и практикам индуистов. Предсмертные ритуалы (омовение, облачение в белые одежды, помазывание, последние капли воды р. Ганга) и процесс кремации в большей степени контролируются и исполняются сотрудниками специализированных организаций, что не позволяет индуистам участвовать в основных религиозных ритуалах, связанных со смертью и тяжелой утратой, которые составляют неотъемлемую часть индуистской религиозной жизни. Такие различия в практиках вызывают серьезную озабоченность у индуистов, живущих в Британии.

В целом похоронно-поминальный комплекс является одним из наиболее сохраняющихся обрядов жизненного цикла. Так как неисполнение всех предписаний должным образом может вызвать проблемы с последующим перерождением души близкого родственника, невыполнением долга перед родителями, что в итоге ведет к незавершению своего предназначения в этом воплощении. Поэтому мы обратились к изучению этих практик в диаспоре. Проанализированные кейсы иллюстрируют высокую степень сохранности и адаптивности похоронно-поминальный комплекс у индуистов в Танзании, максимально соответствующих традиции страны происхождения. Похоронный обряд и поминовение предков встроены в повседневную религиозную систему представителей диаспоры.

Источники и материалы

ПМА 2019 – Полевой материал авторов, 2019. Экспедиция в Танзании.

Научная литература

- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М.: «Восточная литература», 2002.
- Волдина Т.В. Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 96-110.
- Глушкова И.П. Пролог // Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение / Науч. ред. И. П. Глушкова. М.: Наталис, 2012. С. 13-48.
- Гринев А.В. Личные имена индейцев тлинкитов // Советская этнография. 1990. № 5. С. 132–141.
- Дридзо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и Пакистанцы за рубежом. М., 1978.
- Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175-185.
- Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Предпочтения в выборе брачного партнера у мужчин и женщин в индийской диаспоре Танзании // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 120-135.
- Киреева Н.М. Народные верования и знания // Евреи / отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 297-317.
- Красильников В.А. Проблема бессмертия человека в традиционной индийской философии // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 4 (137). С. 37-40. DOI:

10.24411/2404-2338-2019-10402.

- Обидина Ю.С.* Учение о переселении души: судьба Восточной идеи на Западе // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 5–11.
- Пандей Р.* Древнеиндийские домашние обряды. М.: Высшая школа, 1990.
- Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
- Хлебников Г.В.* Мистика иудаизма по некоторым интернет-публикациям. Ч. 1 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 98–128.
- Чаттопадхья Д.* Живое и Мертвое в индийской философии. М.: Прогресс, 1981.
- Шишелов Н.С.* Текнонимия в системе личных имен северных атапасков // Вопросы ономастики. 2020. №17 (2). С. 36–58.
- Vendann E.* Death customs: An analytical study of burial rites. London, UK: Kessinger Publishing, 2007.
- Bhungalia S., Kemp C.* (Asian) Indian health beliefs and practices related to the end of life // Journal of Hospice and Palliative Nursing. 2002. Vol. 4 (1). P. 54–58.
- Brown B.W.* End-of-Earth People: The Arctic Sahtu Dene. Toronto: Dundurn Press, 2014.
- Chopra D.* Life after death: The burden of proof. New York, NY: Harmony Books, 2006.
- Deshpande O., Reid C., Rao A.* Attitudes of Asian-Indian Hindus toward end-of-life care // Journal of American Geriatrics Society. 2005. Vol. 53. P. 131–135.
- Dronova D.A.* Historical memory and current status of Indians in Tanzania // The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora / ed. by D.M. Bondarenko and M.L. Butovskaya. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 2019. P. 369–385.
- Easwaran E.* The Bhagavad gita. Tomales, California: Nilgiri Press, 2007.
- Firth S.* The good death: approaches to death, dying, and bereavement among British Hindus // Perspectives on Death and Dying / ed. by A. Berger. Philadelphia, USA: Charles Press, 1989. P. 66–75.
- Gupta D.* South Asians in East Africa: Achievement and discrimination // South Asia: Journal of South Asian Studies. 1998. Vol. 21. P. 107.
- Gupta R.* Death beliefs and practices from an Asian Indian American Hindu perspective // Death Studies. 2011. Vol. 35(3). P. 244–266.
- Hollingsworth L.W.* The Asians of East Africa. London, 1960.
- Igbo P., Ayika P.M.* The Doctrine of Afterlife in Ancient Religions Vis-À-Vis the Igbo Notion of Reincarnation // SIST Journal of Religion and Humanities. 2021. Vol. 1(1). P. 86–98.
- Laungani P.* Hindu Spirituality in Life, Death, and Bereavement // Cross-Cultural Issues in the Care of the Dying and the Grieving / ed. by J. Morgan, P. Laungani. Vol. 1. Amityville, USA: Baywood. 2001a.
- Laungani P.* Hindu deaths in Britain—Part 2 // International Journal of Health Promotion and Education. 2001b. Vol. 39(4). P. 114–120.
- Lobo I.* They came to Africa. 200 years of the Asian Presence in Tanzania. Dar-es-Salaam, 2000.
- Mbachi V.C.* Paul's Resurrection in I Corinthians 15: 33–54 in Contradistinction to Reincarnation in Igbo Cosmology // OKH Journal: Anthropological Ethnography and Analysis Through the Eyes of Christian Faith. 2020. Vol. 4 (2). P. 43–51.
- Mehta M.* Gujarati Business Communities in East African Diaspora: Major Historical Trends // Economic and Political Weekly. 2001. Vol. 36 (20). P. 1739.
- Obeyesekere G.* Imagining Karma: Ethical Transformation in Amerindian, Buddhist, and Greek Rebirth. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Okoro K.N.* A Socio-Hermeneutical Discourse on the African Igbo Concept of Reincarnation // International Journal of Management Reviews. 2019. Vol. 15 (1). P. 1–23.
- Population of Overseas Indians. 2016. http://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf (дата обращения 21.01.2021).

Prasad R.C. The Sradha. Delhi, India: Motilal Banarasidass, 1995.

Slobodin R. Kutchin concepts of reincarnation // Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief among North American Indians and Inuit / ed. by A. Mills, R. Slobodin. Toronto: Toronto Press, 1994. P. 136–155.

Stevenson I. The Belief in Reincarnation Among the Igbo of Nigeria // Journal of Asian and African Studies. 1985. Vol. 20 (1–2). P. 13–30.

Dronova, Darya A. and Marina L. Butovskaya

Preservation of Hindu Funeral and Memorial Traditions in the Indian Diaspora in Tanzania

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/72-86

The article describes the funeral and memorial complex of representatives of the Indian Diaspora in Tanzania. It is based on field materials of the authors of this publication, collected among Hindus from the Indian state of Gujarat during expedition to Tanzania in 2019. The funeral rite of the Hindus of Tanzania includes the main features of the traditional ceremony, despite the existence of cultural differences in the conduct of this rite in India. Representatives of the Diaspora observe the rituals performed before cremation: placing the deceased on the floor; ablution, dressing in white clothes, a 12-day ceremony (the period of ritual pollution of close relatives and home), the last drops of sacred water from the Ganges River and tulsi leaves, carrying out the body on a stretcher. As in India, the leading role during the ceremony belongs to the eldest son. Only men take part in the funeral procession to the cremation site, as well as in all the rituals performed in the crematorium. Until recently, Hindus in Tanzania continued to burn the dead on an open fire, but in 2014 in large cities Indian communities began to install cremation ovens after a ban by the local authorities to arrange a funeral pyre. On the Zanzibar Island, an oceanfront crematorium, built before the 1964 Zanzibar Revolution, is still used, where the body of the deceased is burned on a funeral fire. The crematorium is owned by the Indian community, which allows all the necessary rituals according to tradition, unlike the situation, for example, in the UK. An important remaining stage of the funeral rite is the scattering of the ashes over the water surface. The analyzed cases illustrate the high preservation and adaptability of the funeral and memorial complex as much as possible corresponding to tradition in India. However, there are some changes in the funeral rite: the reduction of the time period of the 12-day ceremony, involvement of the staff of specialized institutions in the preparation of the deceased for cremation, etc. Also, the Hindus continue to perform the prescribed tradition, which is the last in a series of obligatory rituals – the commemoration of the dead (Śrāddha). In general, the funeral rite and the commemoration of the ancestors are built in the daily religious system of the Diaspora.

Keywords: *funeral and memorial rite, cremation, commemoration of ancestors, Indian diaspora, Hindus, Tanzania*

For Citation: Dronova, D.A., M. L. Butovskaya. Preservation of Hindu funeral and memorial traditions in the Indian diaspora in Tanzania. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 72–86.

Author Info:

Dronova, Daria A. – Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: dariadronova@yandex.ru

Butovskaya, Marina L. – Corresponding member of RAS, Dr. in History, Head of the

Centre for cross-cultural psychology and human ethology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Funding: The reported study was funded by Russian Scientific Foundation, project number 18-18-00082

References

- Bendann, E. 2007. *Death customs: An analytical study of burial rites*. London, UK: Kessinger Publishing.
- Bhungalia, S., and C. Kemp. 2002. (Asian) Indian health beliefs and practices related to the end of life. *Journal of Hospice and Palliative Nursing* 4 (1): 54–58.
- Bongard-Levin, G.M., M.D. Bukharin, and A.A. Vigasin. 2002. *Indiia i antichnyi mir* [India and the Ancient world]. Moscow: “Vostochnaia literatura”.
- Brown, B.W. 2014. *End-of-Earth People: The Arctic Sahtu Dene*. Toronto: Dundurn Press.
- Chattopadkh’ia, D. 1981. *Zhivoe i Mertvoe v indiiskoi filosofii* [The Living and the Dead in Indian Philosophy]. Moscow: Progress.
- Chopra, D. 2006. *Life after death: The burden of proof*. New York, NY: Harmony Books.
- Deshpande, O., C. Reid, and A. Rao. 2005. Attitudes of Asian-Indian Hindus toward end-of-life care. *Journal of American Geriatrics Society* 53: 131–135.
- Dridzo, A.D., V.I. Kochnev, and I.M. Semashko. 1978. *Indiitsy i Pakistantsy za rubezhom* [Indians and Pakistanis abroad]. Moscow.
- Dronova, D.A. 2019. Historical memory and current status of Indians in Tanzania. In *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora*, edited by D.M. Bondarenko and M.L. Butovskaya, 369–385. Moscow: Izdatel’skii Dom YaSK.
- Dronova, D.A. 2014. Indiitsy Dar-es-Salama [Indians of Dar-Es-Salaam]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 175–185.
- Dronova, D.A., and M.L. Butovskaia. 2020. Predpochteniia v vybore brachnogo partnera u muzhchin i zhenshchin v indiiskoi diaspore Tanzanii [Mating Preferences of Men and Women among the Indian Diaspora in Tanzania]. *Vestnik antropologii* 3 (51): 120–135.
- Easwaran, E. 2007. *The Bhagavad gita*. Tomales, California: Nilgiri Press.
- Firth, S. 1989. The good death: approaches to death, dying, and bereavement among British Hindus. In *Perspectives on Death and Dying*, edited by A. Berger, 66–75. Philadelphia, USA: Charles Press.
- Glushkova, I.P. 2012. Prolog [Prologue]. In *Smert’ v Makharashtre. Voobrazhenie, vospriiatie, voploshchenie* [Death in Maharashtra. Imagination, Perception and Expression], edited by I.P. Glushkova, 13–48. Moscow: Natalis.
- Grinev, A.V. 1990. Lichnye imena indeitsev tlinkitov [Personal names of the Tlingit Indians] *Sovetskaiia etnografiia* 5: 132–141.
- Gupta, D. 1998. South Asians in East Africa: Achievement and discrimination. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 21: 107.
- Gupta, R. 2011. Death beliefs and practices from an Asian Indian American Hindu perspective. *Death Studies* 35(3): 244–266.
- Hollingsworth, L.W. 1960. *The Asians of East Africa*. London.
- Igbo, P., and P.M. Ayika. 2021. The Doctrine of Afterlife in Ancient Religions Vis-À-Vis the Igbo Notion of Reincarnation. *SIST Journal of Religion and Humanities* 1 (1): 86–98.
- Khlebnikov, G.V. 2020. Mistika iudaizma po nekotorym internet-publikatsiiam. Pt. 1 [Mysticism of Judaism according to some online publications. Pt. 1]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 3, Filosofii: Referativnyi zhurnal* 4: 98–128.
- Kireeva, N.M. 2018. Narodnye verovaniia i znaniia [Folk beliefs and knowledge]. In *Evrei* [Jew], edited by T.G. Emel’ianenko and E.E. Nosenko-Shtein, 297–317. Moscow: Nauka.
- Krasil’nikov, V.A. 2019. Problema bessmertii cheloveka v traditsionnoi indiiskoi filosofii [The

- problem of human immortality in traditional Indian philosophy]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia* 4 (137): 37-40. DOI: 10.24411/2404-2338-2019-10402.
- Laungani, P. 2001b. Hindu deaths in Britain—Part 2. *International Journal of Health Promotion and Education* 39 (4): 114–120.
- Laungani, P. 2001a. Hindu Spirituality in Life, Death, and Bereavement. In *Cross-Cultural Issues in the Care of the Dying and the Grieving*, edited by J. Morgan and P. Laungani. Vol. 1. Amityville, USA: Baywood.
- Lobo, I. 2000. *They came to Africa. 200 years of the Asian Presence in Tanzania*. Dar-es-Salaam.
- Mbachi, V.C. 2020. Paul's Resurrection in I Corinthians 15: 33-54 in Contradistinction to Reincarnation in Igbo Cosmology. *OKH Journal: Anthropological Ethnography and Analysis Through the Eyes of Christian Faith* 4 (2): 43–51.
- Mehta, M. 2001. Gujarati Business Communities in East African Diaspora: Major Historical Trends. *Economic and Political Weekly* 36 (20): 1739.
- Obeyesekere, G. 2002. *Imagining Karma: Ethical Transformation in Amerindian, Buddhist, and Greek Rebirth*. Berkeley: University of California Press.
- Obidina, Yu.S. 2010. Uchenie o pereselenii dushi: sud'ba Vostochnoi idei na Zapade [The Doctrine of the Transmigration of the Soul: The Fate of the Eastern Idea in the West]. "*Zapad-Vostok*". *Nauchno-prakticheskii ezhegodnik* 3: 5–11.
- Okoro, K.N. 2019. A Socio-Hermeneutical Discourse on the African Igbo Concept of Reincarnation. *International Journal of Management Reviews* 15 (1): 1–23.
- Pandei, R. 1990. *Drevneindiiskie domashnie obriady* [Ancient Indian Household Rituals]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Prasad, R.C. 1995. *The Sradha*. Delhi, India: Motilal Banarasidass,
- Rodzinskii, D.L. 2006. *Nebytie i bytie soznaniia v rannikh formakh indiiskoi, kitaiskoi i grecheskoi filosofii* [Non-existence and being of consciousness in the early forms of Indian, Chinese, and Greek philosophy]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut.
- Shishelov, N.S. 2020. Teknonimiia v sisteme lichnykh imen severnykh atapaskov [Teknonymy in the Anthroponymic System of Northern Athabaskans]. *Voprosy onomastiki* 17 (2): 36–58.
- Slobodin, R. 1994. Kutchin concepts of reincarnation. In *Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief among North American Indians and Inuit*, edited by A. Mills and R. Slobodin, 136–155. Toronto: Toronto Press.
- Stevenson, I. 1985. The Belief in Reincarnation Among the Igbo of Nigeria. *Journal of Asian and African Studies* 20 (1–2): 13–30.
- Voldina, T.V. 2016. Osnovnye printsipy reinkarnatsii u obskikh ugrov [The Main Principles of Reincarnation of the Ob-Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniia* 3 (26): 96–110.

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ И МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+316.347+316:61

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/87-109

© *Н.С. Розов*

МНОГОУРОВНЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

На основе теоретического обобщения результатов разнородных исследований человеческой сексуальности реконструированы основные этапы ее эволюции. Показана сложная динамическая связь между такими уровнями явлений и процессов как: внешняя природная и социальная среда (опасности, способы пропитания, отношения с другими группами); групповые потребности и практики в регулировании внутренних отношений, индивидуальные заботы и практики мужчин и женщин, включающие как врожденные инстинктивные программы, так и поведенческие стереотипы, внешний облик и внешние половые признаки, строение мужских и женских гениталий, устройство репродуктивных систем. Анатомические, физиологические и психофизиологические структуры несут в себе отпечаток наиболее древних социальных порядков и сексуальной жизни наших далеких предков. Вокруг репродуктивного «ядра» выстраивается множество дополнительных забот и структур самой разной природы, связанных с привлекательностью, эротическими сигналами и ответами, возбуждением, разнообразными чувствами, моральными отношениями, взаимодействиями, практиками (страсть, любовь, солидарность, долг верности, эротический престиж, власть, сексуальная собственность, ревность, насилие и др.). При этом, ментальные и поведенческие компоненты сексуальности многослойны и наряду с архаическими структурами включают более или менее гибкие, пластичные слои, меняющиеся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одних социальных порядков родства, власти, богатства, престижа, насилия – к другим порядкам.

Вся эта «периферийная» сфера сексуальности обретает свою автономию со своими механизмами и закономерностями, которые тесно связаны с экологией, культурой и социальным устройством окружения, поэтому далеко не всегда и не во всем определяются заботами и структурами «ядра» – репродуктивной системы человека и наследственных механизмов адаптации. Как «ядро», так и «периферия» сексуальности характеризуются дополнитель-

ными витками сложности. Сексуальные заботы и структуры каждого пола теснейшим образом связаны с заботами и структурами противоположного пола, во многих аспектах они представляют собой и эволюционируют как целое, хоть и разделенное по индивидам обоих полов. Каждый крупный период антропогенеза наложил свой отпечаток на человеческую сексуальность. Показано, что возобновляющиеся напряжения в сексуальной сфере (в частности, связанные с супружескими изменами) указывают на некий внутренний конфликт между глубинными свойствами сексуальности и последующими социальными, культурными наслоениями.

Ключевые слова: антропогенез, эволюция сексуальности, палеопсихология, сексуальность приматов, моногамия, полигамия, промискуитет

Ссылка при цитировании: Розов Н.С. Многоуровневая эволюция сексуальности в антропогенезе: концептуальная реконструкция // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 87–100.

Многослойность сексуальных структур, практик и отношений

Человеческая сексуальность далеко выходит за рамки репродуктивной функции, но в эволюционном аспекте все же происходит из нее как сложная и расширяющаяся совокупность морфологических, физиологических, ментальных и поведенческих структур. Сама сексуальная потребность с соответствующими заботами изначально является обеспечивающей структурой для генетически заложенной репродуктивной программы. Сексуальное вожделение и удовольствие от спаривания – это «пряник», изобретенный природой в процессе эволюции как вознаграждение за сложный, опасный и утомительный труд репродукции. Секс старше не только человека и приматов, но также всех млекопитающих и далее по списку, вплоть до «первооткрывателей» полового размножения.

У мужчин и женщин¹ при взрослении появляются заботы, определенные с унаследованной системой половой репродукции: внутреннее оплодотворение, долгое вынашивание, трудные роды, долгое кормление молоком и необходимость родительской заботы о ребенке с весьма продолжительной беспомощностью. Существуют объективные заботы репродукции, которые обеспечиваются структурами анатомического, физиологического и психофизиологического характера, а также инстинктивными автоматическими реакциями. Организмы обоих полов так или иначе настроены на обеспечение надежности оплодотворения непосредственно в коитусе. Здесь же имеются уже специфические объективные заботы каждого пола. Согласно классической концепции сексуальных стратегий, у женщин – выбор лучшего и наиболее подходящего генетического материала, у мужчин – получение «приза» оплодотворения в состязании с соперниками (Symons 1979; Моррис 2001).

¹ Будем понимать эти термины в расширенном значении, подразумевая не только современных людей и сапиенсов, но также индивидов разного пола архантропов и палеоантропов. Иногда чтобы подчеркнуть разницу с современными мужчинами и женщинами, будем использовать куртуазные наименования «кавелеры» и «дамы». Грубо звучащие термины «самцы» и «самки» правильнее относить к обезьянам, другим животным, а также к тем нашим далеким предкам, которые еще жили на деревьях.

Здесь будем исходить из того принципа, что анатомические (морфологические, гистологические и проч.), физиологические (гормональные, даже химические) и бессознательные психофизиологические структуры сложились раньше, а значит несут в себе отпечаток наиболее древних социальных порядков и сексуальной жизни наших далеких предков (архантропов и еще более ранних гоминид) (Даймонд 2013; Бутовская 2013). При этом, ментальные (в том числе, осознаваемые в каких-то кодах) и поведенческие компоненты сексуальности многослойны и наряду с архаическими структурами включают более или менее гибкие, пластичные слои, меняющиеся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одних социальных порядков родства, власти, богатства, престижа, насилия – к другим порядкам.

Таким образом, вокруг репродуктивного «ядра» выстраивается множество дополнительных забот и структур самой разной природы, связанных с привлекательностью, эротическими сигналами и ответами, возбуждением, разнообразными чувствами, моральными отношениями, взаимодействиями, практиками (страсть, любовь, солидарность, долг верности, эротический престиж, власть, сексуальная собственность, ревность, насилие и др.). Вся эта «периферийная» сфера сексуальности обретает свою автономию со своими механизмами и закономерностями, которые тесно связаны с экологией, культурой и социальным устройством окружения, поэтому далеко не всегда и не во всем определяются заботами и структурами «ядра» – репродуктивной системы человека и наследственными механизмами адаптации (Басс 2019; Mealey 2000; Prum 2017).

Как «ядро», так и «периферия» сексуальности, характеризуются дополнительными витками сложности. Сексуальные заботы и структуры каждого пола теснейшим образом связаны с заботами и структурами противоположного пола, во многих аспектах они представляют собой и эволюционируют как целое, хоть и разделенное по индивидам обоих полов. Наиболее наглядно это проявляется в телесных, мимических, коммуникативных эротических сигналах и автоматических ответах на них. Однако скрытые от наших глаз замысловатые внутренние устройства половых органов и гормональных систем мужчин и женщин имеют подобную же целостную структуру, причем эта целостность парадоксальна в своей двойственной природе, сочетающей взаимную приспособленность и конфликтность полов. Общие для обоих полов заботы включают выбор партнера или партнеров по предпочтительным признакам, доступ к партнеру, в том числе сексуальный, соперничество за возможность спаривания (разового, спорадического или регулярного). Все эти заботы реализуются через поведение и каким-то образом представлены в психике, ментальности индивидов. Так, чувства ревности, которые могут быть очень по-разному структурированы, являются выражением заботы об исключительности своего доступа к партнеру (супругу, любовнику, жене, женам, наложницам и т.д.).

Важнейшим фактором также является социальность – жизнь каждого индивида, сексуальных партнеров, семьи среди других мужчин и женщин (Даймонд 2013: 31–50). У групп же есть свои предметы заботы, обычно связанные с поддержанием внутреннего мира, солидарности, контроля над насилием, а также с поддержанием установленных порядков отношений, в том числе эгалитарного или иерархического типа. Понятно, что вся сфера сексуальности с выбором партнеров, соперничеством, порядками сексуального доступа, обменом и распределением благ в связи с этими взаимодействиями всегда чревата напряжениями и конфликтами. Поэтому в стабильных

и успешных группах эгалитарного типа выработаны поведенческие структуры (правила, в том числе предписания, запреты, санкции для нарушителей), направленные на снятие напряжений, разрешение конфликтов и поддержание внутригрупповой солидарности. Такие групповые структуры существенно формируют как сексуальные заботы, так и обеспечивающие их структуры и у мужчин, и у женщин.

Для эволюции социальных порядков, а значит и для сферы сексуальности, имеет значение также природная, экологическая среда. Прежде всего, здесь речь должна идти о характере пищевых ресурсов, о том, как их принято, легче и удобнее добывать, а также об угрозах, опасностях и социальных практиках защиты от них. В каких-то местах мужчины охотятся большой группой или компанией близких родственников, а женщины сообща занимаются собирательством. В других местах удобнее надолго расходиться парами или малыми семьями, а потом все встречаются на стойбищах, где проводятся общие ритуалы, образуются новые пары. В экологической обстановке третьего типа кормовая территория делится между кланами, родами, как правило, патриархатного и полигамного типа (*Джонсон, Эрл 2017*). В эпоху неолита охота и собирательство вытесняются земледелием и скотоводством, когда уже складываются большие иерархические общества с сословиями и классами, институализированными полигамией и моногамией.

Каждая эпоха накладывает свой отпечаток на человеческую сексуальность, но резонно предполагать, что ее фундаментальные, глубинные черты – от анатомии и физиологии до врожденных инстинктивных гормональных и психических реакций – эволюционировали в наиболее древних экологических обстоятельствах. А это значит, что неизбывные возобновляющиеся напряжения в сексуальной сфере (главное из которых – вечная борьба с супружескими изменами) указывают на некий внутренний конфликт между глубинными чертами и последующими наслоениями.

Многие области в этой сложной сфере изучены весьма досконально, но остается немало «белых пятен» и предметов бурных научных дискуссий. Имея в виду высказанные теоретические положения, а также принципы биологической и социальной эволюции, попытаемся привести эту сложность (усугубленную скандальностью и «неприличностью» деталей и аспектов) к более или менее ясной и вразумительной форме.

Уровни и этапы развития сексуальности

Выделим следующие уровни явлений и процессов, которые либо прямо включены в сферу сексуальности, либо влияли (прямо или опосредованно) на ее развитие в эпоху антропогенеза:

1. внешняя природная и социальная среда – опасности, способы пропитания, отношения с другими группами;
2. групповые заботы – опредмеченные объективные потребности, невнимание к которым грозит группе распадом или гибелью;
3. групповые практики – правила, типовые реакции, санкции за нарушения, коллективные действия, обеспечивающие эти заботы;
4. индивидуальные заботы мужчин и женщин, включающие как врожденные потребности, связанные с достижением репродуктивного успеха, так и мотивы, цели, обретенные в социализации в группе;

5. индивидуальные практики мужчин и женщин, также включающие и врожденные инстинктивные программы, и поведенческие стереотипы, социально и культурно модифицированные на основе имеющихся задатков;
6. внешний облик, антропометрические характеристики – размер головы у младенцев (что важно при родах), характер волосяного покрова, первичные и вторичные половые признаки у мужчин и женщин;
7. строение мужских и женских гениталий – форма, размер, чувствительность пениса и клитора, открытость или скрытость овуляции;
8. устройство репродуктивных систем – «вооруженность» мужского семени для соперничества и механизмы избирательности в женских половых путях.

В теоретическом плане, внешняя среда (п. 1) представляет собой источник напряжений для групповых забот (п. 2). Базовые индивидуальные потребности в половой сфере (п. 4), по сути дела, являются сформированными в эволюции структурами психики и физиологии, обеспечивающими репродуктивную функцию – «заботу» популяции и вида. Эти потребности модифицируются, превращаются в филогенезе и онтогенезе в более или менее осознаваемые заботы, сочетая в себе как задатки, унаследованные от далеких предков, так и рамки, ограничения актуального социального окружения, которые задаются групповыми заботами (п. 2) и обеспечивающими их групповыми практиками социального контроля над сексуальным поведением членов группы (п. 3). Все остальные характеристики поведения, психики, тел, организмов мужчин и женщин, связанные с полом (пп. 5-8), трактуются здесь как эволюционно сформировавшиеся структуры, обеспечивающие индивидуальные потребности и заботы носителей (п.4), но при этом могущие вступать в конфликт с групповыми заботами (п. 2) и групповыми практиками (п. 3).

Деление эволюции человеческой сексуальности на этапы – наиболее зыбкая, произвольная и в научном плане рискованная затея. Почти никаких следов сексуальности в антропогенезе не осталось, а ссылки на антропологические описания известных обществ охотников-собирателей, на этологию приматов, теоретические соображения эту зыбкость не устраняют. Однако с полным осознанием условности схемы разделения на этапы все же она нужна: будет что опровергать, когда исследователи надут надежные данные и убедительные контрдоводы.

0 этап. Древнейшие прегоминиды, жившие еще на деревьях. Толком никому ничего про них не известно. Можно предполагать сходство с жизнью наиболее близких приматов, живущих группами: шимпанзе и бонобо.

1 этап. Нижний палеолит. Австралопитеки и архантропы (эректусы).

2 этап. Средний палеолит. Палеоантропы, включающие неандертальцев, денисовцев, гейдельбергского человека и др., а также те виды или разновидности Африки (хелмеи, идалту), которые трансформируются в неантропов (ранних сапиенсов).

3 этап. Верхний палеолит. Сапиенсы заселяют Евразию, вытесняют палеоантропов.

4 этап. Мезолит. Сапиенсы оседают в разных регионах заселенных земель. Формируются большие и малые расы.

5 этап. Неолит. Переход к оседлому земледелию и скотоводству. Развитие керамики, металлургии и ткачества. Быстрый демографический рост и укрупнение обществ. Иерархизация, сословное и классовое расслоение.

Секс у приматов – межвидовое сравнение

В жизни прегоминид на деревьях можно только предполагать сходство их социальной, в том числе, сексуальной жизни с наиболее близкими приматами. Гиббоны живут изолированными парами. Сексуальные акты редкие, сезонные, направлены на репродукцию. У горилл крупный взрослый самец (как правило, с седой шерстью на спине) управляет своим гаремом. Подросшие черноспинные самцы изгоняются и вынуждены искать, отбивать самок, создавать свои гаремы. Для шимпанзе характерны множественные сексуальные контакты между разными самками и самцами в группе¹, при этом в ней весьма значимы отношения иерархии, отношения бывают дружественными, конфликтными, соперничающими. Доминантные особи имеют более широкие сексуальные возможности, но устойчивые гаремы вокруг альфа-самцов не складываются, скорее, имеет место сложная динамика отношений, где одни коалиции самцов противостоят другим, причем все вместе охраняют свою территорию и своих самок². Сексуальные отношения встраиваются в эту динамику, но и влияют на нее. Бонобо занимаются сексом или игровой имитацией секса постоянно в разных сочетаниях, что разрешает практически любые конфликты и укрепляет солидарность. Наибольшая сплоченность наблюдается между взрослыми самками, которые мягко управляют сообществом, преимущественно через частый и добровольный секс, через доступ к сексу. У всех этих видов копуляции совершаются достаточно быстро: секунды или считанные минуты, причем открыто для окружающих (кроме гиббонов, пары которых вообще ведут весьма изолированный и скрытный образ жизни).

Люди характеризуются самыми разнообразными структурами и практиками социальных взаимодействий и отношений: здесь есть и моногамия, и полигамия, и сексуальное общение с хорошо знакомыми (в том числе супружеские измены), и случайные кратковременные связи с незнакомцами и незнакомками (собственно, промискуитет). При этом, человеческий секс, как правило, более продолжителен, сопровождается сильными эмоциями, происходит уединенно³. Дж. Даймонд спра-

¹ Термин «промискуитет», означающий беспорядочность, случайность половых связей, здесь использовать не корректно, поскольку члены группы хорошо знакомы между собой и в некотором смысле представляют собой большую семью, пусть и достаточно конфликтную в сообществах шимпанзе.

² Традиционные представления о постоянной конфликтности и взаимной агрессивности шимпанзе были существенно скорректированы. Такое поведение обычно связано с единым каналом поступления пищи и борьбы за нее (что и бывает в питомниках или подкармливании вольных шимпанзе для наблюдения за ними). В естественной среде при относительно избытии пищи вокруг конфликтность резко снижается. Джейн Гудолл пишет: «Постоянное кормление возымело ярко выраженный эффект на поведение шимпанзе. Они начали ходить большими группами чаще, чем раньше. Они спали неподалёку от лагеря и, проснувшись рано утром, направлялись к нему шумными стаями. Самое неприятное — взрослые самцы становились всё более и более агрессивными (...) Не только стало намного больше драк, чем раньше, но многие шимпанзе бродили около лагеря часами каждый день» (цит. по Power 1991: 28–29).

³ Практики оргий, свингерства и т.п. довольно редки. В обществах на уровнях государственности или варварства они либо строго запрещены и караются, либо морально порицаемы, скрываются (хотя им иногда попустительствуют в особые архаические празднества типа ночи Ивана Купала). Отметим, что в таких действиях не царят «хаос и вседозволенность», как можно было бы думать. Там обычно действуют довольно строгие правила, запрещающие грубое принуждение, насилие, особенно по мотивам ревности, а нарушившие эти правила подвергаются жесткому ostracismu, изгоняются без права возвращения.

ведливо отмечает крайнюю необычность паттерна уединенного секса, который мы считаем чем-то само собой разумеющимся. Почти для всех животных, тем более социальных (живущих группами), гордо спариться с самкой на виду у всех значит наглядно подтвердить свою доминирующую позицию (*Даймонд* 2013: 3–10).

К какой же модели наших ближайших родственников ближе наша сексуальная жизнь? Стойкие приверженцы классической концепции естественности моногамии укажут на гиббонов¹, однако такому уподоблению противоречит слишком много различий, начиная от частоты и эмоциональности человеческих сношений, нередких супружеских измен и кончая гораздо более крупными яичками у мужчин. Они меньше, чем у шимпанзе и бонобо, но гораздо крупнее, чем у гиббонов. Большой размер тестикул прямо указывает на высокую конкуренцию кавалеров. Вообще животные, живущие парами, имеют низкое либидо, они совокупляются редко и только для продолжения рода. Люди в подавляющем большинстве не таковы. Полигамная человеческая семья, разумеется, сходна с гаремом у горилл, но опять же частота секса у людей, их склонность к изменам, мизерные яички у горилл, которым не нужно конкурировать за самок, гораздо менее выраженный половой диморфизм у людей² – все это говорит, скорее, о позднейшей конвергенции таких социальных порядков, а не о преемственности.

Таким образом, наиболее близкими нам в сфере сексуальности оказываются шимпанзе и бонобо. С первыми нас роднят мужские коалиции, солидарные внутри и конфликтные, состязание между собой, интенсивная борьба за первенство и доминирование, особенно сильная при дефицитных ресурсах, в борьбе кавалеров за доступ к привлекательным дамам. На сходство с шимпанзе указывают также наша большая озабоченность личным статусом, уровнем группового членства, влиянием и властью, готовность защищать свои интересы агрессией. Известно, что центры сексуальности в мозге мужчин почти сливаются с центрами агрессивности (в амигдале) и нередко совместно возбуждаются.

Поведение бонобо поражает нас сексуальной «распущенностью» или «свободой» (в зависимости от оценки), странным кажется также мягкое доминирование самок. Вместе с тем, следует указать на весьма многозначительный перечень сходств между бонобо и людьми при отличиях тех и других от шимпанзе.

- «Самки человека и бонобо совокупляются в течение всего менструального цикла, а также в период кормления и беременности. Самки шимпанзе сексуально активны лишь 25–40 % процентов этого времени.
- Детеныши человека и бонобо развиваются гораздо медленнее, чем шимпанзе; начинают играть друг с другом в возрасте 1,5 года – гораздо позже, чем у шимпанзе.
- Как и у людей, самки бонобо возвращаются в группу немедленно после родов и начинают совокупляться через несколько месяцев. Они не боятся детоубийства – этого явления никогда не наблюдалось у бонобо ни в природе, ни в неволе.

¹ Впрочем, как выяснилось, гиббоны также грешат супружескими изменами (Palombit 1994; Reichard 1995).

² Гораздо более крупный и вооруженный размер самцов (вариант полового диморфизма) характерен для животных, живущих гаремными группами, поскольку самцам приходится регулярно отстаивать или завоевывать доминирование над группой самок и молодым в борьбе, даже в смертельных боях с соперниками (гориллы, львы, морские слоны и др.).

- Бонобо и люди используют множество позиций для половых актов. Поза лицом к лицу («миссионерская») предпочитается у бонобо самками, а акт сзади – самцами. У шимпанзе самец почти исключительно находится сзади.
- Бонобо и человек во время совокупления часто смотрят друг другу в глаза и целуются. Шимпанзе не делают ни того, ни другого.
- У человека и бонобо вульва расположена между ног и ориентирована к передней части тела. У шимпанзе и других приматов – к задней. Дележка еды тесно связана с сексуальной активностью у человека и бонобо; у шимпанзе это выражено гораздо слабее.
- Человек и бонобо используют различные сексуальные комбинации; гомосексуализм типичен для обоих, но редок у шимпанзе (...).
- В то время как сексуальная активность шимпанзе и других приматов представляется в основном репродуктивной, бонобо и люди используют сексуальность для социальных целей (снятие напряженности, поддержка отношений, разрешение конфликтов, получение удовольствия и пр.)» (Райан, Жета 2015: 53–53).

Зафиксируем контраст этих признаков сходства человека и бонобо с тем, насколько скромнее и «приличнее» мы себя ведем, по крайней мере, в повседневном публичном поведении.

Убегая от «кнута», укрепить солидарность «пряником»

Вынужденный спуск на землю представлял собой долгий стресс и жесткий групповой отбор из-за резкого роста угроз от хищников и трудностей добычи пропитания, в том числе из-за остроты межвидовой конкуренции. Опасность окружения, особенно ночью, привела к сплочению групп, в том числе физическому. Еда уже не изобильна и не рядом, но требовала дальних переходов и добывания. Выживали только солидарные группы, научившиеся делить собранную и добытую пищу. При этом оставались сексуальные стратегии выбора привлекательного партнера, а значит и соперничество. Овладение гоминидами все более совершенным смертоносным оружием является не только структурой, обеспечивающей базовый предмет заботы – пропитание, но также существенной издержкой: все более легкой возможностью членов группы калечить и убивать друг друга. За еду социальные животные друг друга не убивают, что запрограммировано генетически – на уровне инстинктивных запретов, но в жестоких битвах за доминирование в группе, соответственно, за сексуальный доступ к самкам, во многих видах (от птиц до львов, бегемотов, морских слонов, жирафов и кенгуру) самцы наносят друг другу серьезные травмы, иногда приводящие к гибели проигравшего¹.

¹ Среди людей убийства из-за еды почти не случаются, разве что в самых экстремальных обстоятельствах. Напротив, в ситуациях здесь-и-сейчас мы склонны делиться едой, о чем свидетельствует практически универсальные традиции гостеприимства. При этом, убийства, связанные с ревностью, являются чуть ли не самыми частыми (за пределами войн и бандитизма). Несмотря на многие столетия развития религиозной, потом гуманистической морали, несмотря на «смягчение нравов» и прогресс в контроле над насилием, о котором пишут многие авторы, человекоубийство на почве отношений в сексуальной и брачной сфере отнюдь не исчезло.

Исключительный доступ к ресурсам своей земли для группы, создателя оружия – к своему оружию, строителя лежбища или жилища – к тому, чтобы им пользоваться, все это когда-то появившиеся нормы, причем основанные на древнейших, вполне животных инстинктах охраны своей территории. Такие ранние структуры отношений, аналогичные знакомой нам собственности, могут наводить на мысль и на столь же ранние формы моногамии, базовое отношение которой как раз и заключается во взаимной сексуальной собственности – обоюдным исключительным правом на сексуальный доступ к супругу (Коллинз 2004). Однако ниоткуда не следует, что это было именно индивидуальным правом, сходным с собственностью на оружие, а не групповой собственностью, сходной с контролем над своей территорией.

Есть ли у нас внутренний, инстинктивный барьер, препятствующий нанесению жестокий увечий и убийствам? Безусловно, причем он наиболее высокий для «своих», для соплеменников. Эту ментальную структуру поэтому можно считать весьма архаичной, доставшейся нам от жизни в группе, где все были друг другу «своими». Почему же этот инстинктивный запрет не так уж редко «пробивается» ревностью? Если бы моногамия и полигамия были действительно исконными порядками в сфере сексуальности, то почему полная верность супругу не была закреплена на уровне инстинктов?

Пока что укажем на гипотезу о довольно позднем закреплении моногамии и полигамии в столь строгие порядки, нарушения которых стали приводить к жестокому насилию (Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Barash, Lipton 2001; Бэйкер 2013; Райан, Жета 2015). В любом случае некие структуры группового и индивидуального поведения должны были обеспечивать относительный мир в сфере половых отношений. Если верно предположение о том, что социальная и сексуальная жизнь наших предков в этот период находилась между шимпанзе и бонобо (Даймонд 2013; Райан, Жета 2015), то, скорее, сдвиг произошел от большей агрессивности, борьбы за первенство, иерархичности шимпанзе – к большему дружелюбию и эгалитарности бонобо.

Обратимся к концепции «самоодомашнивания» бонобо через систематический отсев агрессивных самцов доминирующими коалициями самок (Hare, Wobber, Wrangham 2012). Дамы ранних гоминид, оставаясь в стойбищах, вполне могли также совместно защищаться от наиболее агрессивных кавалеров, отказывать им в сексе, а значит и в распространении генов. Разумеется, вооруженность и сплоченность охотников препятствовала захвату слишком большой власти женскими коалициями. Но та же сплоченность была направлена и на особо агрессивных одиночек. Такую более или менее дружелюбную эгалитарность внутри группы антропологи наблюдают и среди дошедших до нашего времени групп охотников-собирателей (Джонсон, Эрл 2017: 279–196).

Сдвиг социальности древнейших гоминид в сторону бонобо не мог не повлечь за собой и соответствующие сдвиги в сексуальном поведении. Детали нам никогда не будут известны, но вполне резонно предполагать движение в сторону эгалитарности, добровольности, а значит и более широких возможностей дам выбирать и менять кавалеров. Блокирование насилия и порядок добровольности секса предполагал конкуренцию. Удачливые охотники могли наслаждаться вниманием разных дам, а каждая дама могла награждать своим расположением нескольких неагрессивных, доброжелательных кавалеров, приносящих вкусную еду. Была ли такая картина характерной

для всех гоминид, спустившихся с деревьев? Сомнительно. Вся ветвь австралопитеков вымерла, из архантропов выжили только те, кто трансформировался в палеоантропов, а затем – в сапиенсов. Наиболее хрупкими, не прошедшими суровый отбор были популяции и разновидности групп с взаимным отчуждением и постоянными стычками самцов за первенство, за еду, за самок. Крайне уязвимыми представляются и те, кто жили отдельными парами или малыми гаремными группами.

«Кнут» в антропогенезе состоял не только в стрессе перехода к опасной и грозной голодом наземной жизни, но и в частых сменах климата, ландшафтов, способов питания, вынужденных миграциях. Будучи гонимы этим «кнутом», выживали не все, а только дружные сплоченные группы, члены которых заботятся друг о друге, о всех детях в группе, делятся добытой едой, возможно, и партнерами. От «кнута» сурового окружения защищал «пряник» эгалитарной солидарности, в том числе, сексуальной.

При сапиентации «пряник» секса становится вкуснее

В Африке примерно 800-200 тыс. лет назад происходит волшебное превращение одной или нескольких разновидностей палеоантропов (пресапиенсов) в неантропов, вначале в форме ранних сапиенсов. Тогда же осуществлялись главные анатомические трансформации: изменение формы черепа, кистей рук, особенностей скелета. Вероятно, в то же время шли и другие изменения, о которых археологические останки умалчивают. Формирование базовых нейронных, психических, гормональных структур сексуальности сапиенсов шло в тесно динамической связи со следующими изменениями:

- тела становились голыми, женские груди и ягодицы, мужские пенисы стали лучше видимыми и усилилось их сигнальное значение для сексуального возбуждения; в результате полового отбора все эти признаки обретали знакомые нам размеры и формы (*Morris 2001*);
- голая кожа становилась чувствительной к прикосновениям, что дало возможность существенно расширить сексуальное общение, поскольку к непосредственный акт копуляции дополнялся всевозможными тактильными ласками, поцелуями и т.д. (*Giles 2010; Соколов 2020*);
- овуляция становилась скрытой, в том числе от самих женщин; появилась менауза (*Fisher 1992; Hrdy 1999; Даймонд 2013*);
- женщины стали способны испытывать сильный и многократный оргазм как награду – «сообщение от тела к мозгу» – за правильный выбор партнера (*Lloyd 2005; Thornhill, Gangestad 2015; Wheatley, Puts 2015*);
- развивались «боевые свойства» мужского семени, направленные, на победу в «войне сперм» и сложные анатомические, химические механизмы женской избирательности, напрямую связанные с (не)переживанием оргазма (*Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Бэйкер 2013*);
- у женщин сформировалась целостная эмоционально-сексуальная психическая структура, вероятно, на основе любви девочек к отцу как надежному защитнику (*Sherfey 1972; Fisher 1992*);
- у мальчиков произошло отделение половой потребности от детской любви к матери, скрепление этой потребности со структурами мужской идентичности, агрессивности, преследования, завоевания, обладания, а также престижа среди сверстников (*Даймонд 2013*).

В тот же период, вероятно, формировались язык, сознание и память; партнерские отношения (в том числе, сексуальные) и раньше выходили за ситуативные рамки, но теперь они обозначались, становились предметом группового и индивидуального внимания, что позволяло членораздельно выражать не только свое приятие или неприятие, но также выражать пожелания, претензии, устанавливать правила, указывать на их нарушение и т.п.; соответственно, сексуальность, как и остальные социальные отношения становилась порядком, доступным для регуляции не через непосредственный надзор со стороны доминирующих особей, а через усвоенные членами группы правила и установки. Как именно были устроены сексуальные отношения в этот период, мы никогда не узнаем в точности. Благонамеренная версия «исконной», «естественной» и устойчивой моногамии сталкивается со слишком серьезными контраргументами. Наиболее вероятен вариант широкого разнообразия и текучести структур отношений. Это могли быть краткосрочные или более долговременные парные связи, отношения полигамии или полиандрии, более открытые и широкие связи типа «шведской семьи». При этом, в древнейших эгалитарных группах охотников-собираателей сохранялся единый общий знаменатель: групповая норма поддержания дружелюбия, добровольности отношений, запрет на межполовое насилие и на насилие между соперниками. Можно предполагать также неприятие, насмешки над эгоистической жадностью и попытками присвоения партнеров и партнерш (по аналогии с неприятием утаивания добычи от соплеменников).

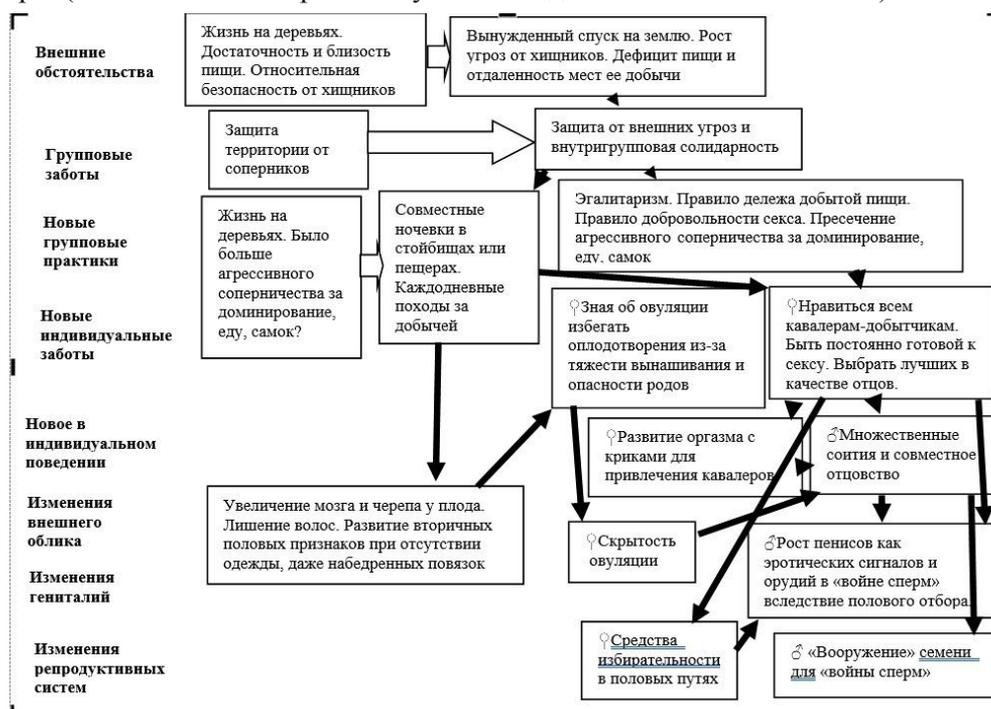

Рис. 1. Эволюция сексуальности на первых этапах антропогенеза: от спуска на землю до формирования неантропов – ранних сапиенов в Африке.

Во внешних отношениях выигрывали те группы, которые устанавливали связи добрососедства, обмена и родства с другими группами, тем самым образуя силь-

ные коалиции при возможных конфликтных столкновениях. Кажущиеся странными обычаи ритуальных соитий с чужаками, описанные антропологами, вероятно, являются реликтовыми формами древнейших практик (Райан, Жета 2015). Какое же приспособительное значение имела вся эта сложность? Комплекс разноуровневых структур сексуальности (рис. 1) имел статус «волшебной палочки», обеспечивающей ряд важнейших групповых и индивидуальных забот:

- поддержание внутригруппового мира и солидарности в условиях перманентного соперничества;
- надежная общая забота о детях, взросление которых становилось замедленным;
- возможность для женщин выстраивать отношения и совокупляться с разными привлекательными мужчинами, получая от них поддержку, а также зачиная от тех, чьи гены наиболее подходящие;
- возможность для мужчин иметь доступ ко многим женщинам.

Каждодневный человеческий секс, пусть не такой частый, как у бонобо, но гораздо более изощренный, нежный, продолжительный и эмоционально насыщенный, стал тем усовершенствованным «пряником», который вознаграждал каждого за мирное и солидарное поведение в группе.

Одежда, жилища и уединенный секс

Впечатляющий прогресс древних технологий при переходе от среднего к верхнему палеолиту, вероятно, был связан с заселением ранними сапиенсами именно того ареала Евразии, где уже жили неандертальцы, пусть малыми группами и рассредоточено. Появляются не только изощренные составные орудия, микролиты, изделия из кости, украшения, погребения с реквизитом и т.п., но также одежда и первые жилища, причем многое, по всей видимости, было быстро заимствовано у неандертальцев, которые уже многие тысячелетия приспособивались к холодному климату Евразии, особенно при наступлении ледников (Вишняцкий 2014; Дробышевский 2017). В сексуальной сфере, скорее всего, продолжалось широкое и подвижное разнообразие отношений. Однако обретение одежды и жилищ не могло не оказать существенного влияния. К тому же, новый обширный континент характеризовался богатейшими охотничьими угодьями благодаря степям с сочной травой и стадами крупных травоядных животных. Совершенствование оружия, мастерское владение открытым огнем снизило риски стать жертвой нападения хищников. Отпала необходимость всей группе пугливо жаться друг к другу по ночам.

Социальная норма уединенности секса и соответствующие внутренние представления о «приличности», «естественности» соитий вне присутствия и глаз окружающих, предположительно, имеет корни именно в этой эпохе. Тогда же, вероятно, происходил сдвиг от широкой взаимной открытости типа «шведской семьи» к моногамным и полигамным формам, пусть пока что не слишком жестко закрепленным и охраняемым.

Отнюдь не случайным смотрится в этом контексте широкое распространение керамических «венер», характерное именно для верхнего палеолита. До сих пор нет научного согласия об их предназначении. Версии разнятся от «низкого» подспорья для мужской и подростковой мастурбации до «высокого» поклонения символу материн-

ского плодородия. Вряд ли когда-либо будет найдено устраивающее всех решение в качестве школьной «истины». Некоторые моменты все же полезно обозначить. Широкое распространение палеолитических «венер» свидетельствует о высоком спросе на них, о вероятных обменах, а значит и большой меновой, потребительской стоимости этих фигурок. То, что в подавляющем большинстве «венеры» – голые и обладают ярко выраженными грудями, ягодицами как главными сигналами для инстинктивного мужского возбуждения, никак не позволяет вывести практику создания и использования этих предметов из эротической и сексуальной сферы. При сопоставлении «венер» с обретением одежды, жилищ и принятием нормы уединенного секса версия о замещении, утолении зрительного голода у мужчин становится самой правдоподобной. Добавим здесь, что различие «низкой похоти» и «высокого религиозного поклонения» – это достижение гораздо более поздней эпохи. Магические и религиозные культы, эротика и сексуальное удовлетворение в древнейшие периоды не то что могли соединяться, но, скорее всего, даже не были особенно разделены.

На следующем этапе, в мезолите, когда неандертальцев уже не осталось, разросшиеся популяции средних сапиенсов расселились по всей Евразии, заселили Новый

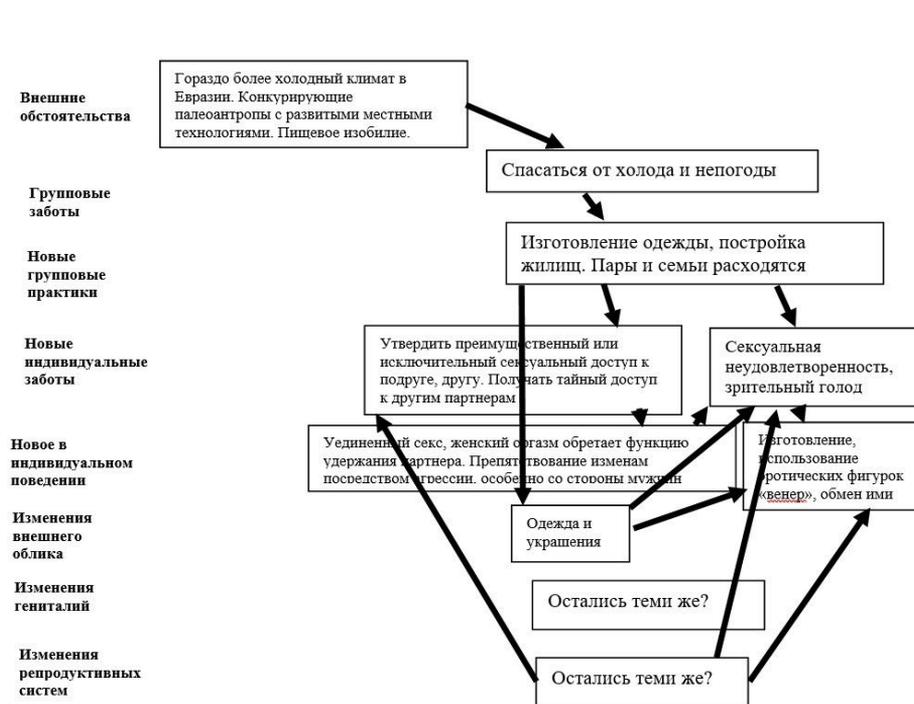

Рис. 2. Эволюция сексуальности на последующих этапах антропогенеза: от начала заселения сапиенсами Евразии до начала неолита.

Свет, новыми волнами отправились в Океанию и Австралию. В этот период «краниологический полиморфизм» по В.В. Бунаку, то есть широкое и текучее разнообразие соматотипов в малых популяциях бродячих групп, стал кристаллизоваться в большие и малые расы, занявшие разные земли планетарной ойкумены. Разные типы социальных структур были приспособлены к разным экологическим условиям. Жили бродячими группами с переходами между сезонными стоянками, деревнями, расходились на время парами и семьями, чтобы потом встречаться на стойбищах,

в каких-то местах гаремные кланы или коалиции таких кланов монополизировали ценные ресурсы (колодцы в засушливой местности, места рыбной ловли, охотничьи угодья) (Джонс, Эрл 2017).

Сложнейшее антропологическое разнообразие форм родства и сексуальных практик в догосударственных сообществах имеет свои истоки в данном периоде. Следует отметить, что это разнообразие оставалось в границах сформировавшихся на прежних этапах анатомических, гормональных и психофизиологических структур, а также более поздних норм: запрета обнажаться на публике и обязательной уединенности секса (рис. 2).

Загадка одного размера

Дж. Даймонд считает нерешенной загадкой эволюционной биологии человека: относительно большой размер человеческого пениса в сравнении с остальными приматами (Даймонд 2013). В известной концепции «войны сперм» толщина и форма пениса объясняются функцией выталкивания чужой спермы (Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Бэйкер 2013). Но зачем такая длина, которая явно больше, чем необходима как для оплодотворения, так и для выталкивания? Самцы шимпанзе и бонобо при своих частых сношениях с одними и теми самками гораздо больше вовлечены в «войну сперм», но почему-то лишены столь крупных пенисов, которыми награждены мужчины. Следует искать другие причины. Вполне очевидно, что большой размер эрегированного пениса имеет сигнальное значение готовности к половому акту, а также выражает высокую маскулинность владельца. Есть симметричная гипотеза о том, что большой пенис появился в результате полового отбора из-за своей привлекательности для женщин (примерно как их большие груди и округлые ягодицы стали эротически привлекательны для мужчин).

Модель «честной рекламы» означает, что если пенис такой большой, значит и здоровья, жизненных сил у мужчины достаточно, чтобы на такую роскошь потратиться. «Теория гандикапа» состоит в том, что именно размашистая щедрость на выращивание функционально не оправданного размера пениса должна убедить женщину в превосходном качестве генов его владельца. Тут будто бы действует логика привлекательности тех, кто разбрасывает деньги на слишком дорогое или даже вовсе бесполезное, что будто бы должно свидетельствовать о богатстве. Прямо скажем, обе гипотезы выглядят слишком натянутыми, что отмечают критики (Даймонд 2013). Далеко не всех женщин привлекает величина пениса, нередко даже отталкивает, пугает. Женщины больше реагируют совсем на иные черты мужчин, причем характеристики не только внешности, но также социального поведения и зримого статуса.

Здесь есть много противоречивых данных. Так, с одной стороны, эмпирически подтверждено, что фактором сексуальной привлекательности во внешности мужчины является сочетание высокого роста, широких плеч и большого пениса. Об этом свидетельствуют результаты специальных экспериментов с варьированием разных характеристик фотографий мужчин с помощью компьютерной программы и оценкой их сексуальной привлекательности испытуемыми женщинами (Mautz et al. 2013). С другой стороны, в этом эксперименте женщин принуждали оценивать привлекательность мужчин *только* по изображениям их голых тел. К тому же, при широких опросах (N=1500) более 70% женщин указали на излишнюю переоценку

мужчинами значимости размера своих членов, а многие женщины утверждали, что этот параметр вообще не имеет для них значения (*Pertschuk, Trisdorfer* 1994).

Похоже, здесь не релевантен типичный в эволюционной биологии прямой, одношаговый механизм отбора, благодаря которому относительный размер пениса последовательно увеличивался в процессах антропогенеза. Скорее всего, механизм включает несколько шагов и несколько факторов, причем с моментами социального взаимодействия, формирования и демонстративного проявления поведенческих установок, особенностей мужской и женской психологии, поведения как при сексуальном взаимодействии, так и в общении в однополых группах. Относительно далекого прошлого отметим, что когда происходили основные, значимые для сексуальности анатомические изменения (лишение волос, обретение дамами пышных бедер и груди, увеличение размера пенисов у мужчин) никаких набедренных повязок не было, соответственно гениталии кавалеров и дам были друг другу открыты.

Будем также учитывать следующие моменты уже из знакомой нам жизни:

- маленькие дети ничуть не стесняются своей наготы, их приходится приучать прикрывать свои гениталии; это означает отсутствие инстинктивного, следовательно, очень древнего запрета; большой разброс культурных норм – что можно, а что нельзя ни в коем случае обнажать на публике – указывает на достаточно позднее и вариативное происхождение таких правил;
- при этом, в известных нам культурах ношение (как минимум) набедренных повязок практически повсеместно, что говорит об особой архаичности обычая; вероятно, здесь издревле действует жесткая социальная норма, в какой-то момент и по каким-то причинам установленная;
- вид обнаженного мужского члена, особенно эрегированного, вызывает сильные эмоции, связанные, прежде всего, с «неприличностью» и мужским превосходством, доминированием; даже в тех культурах, где распространены изображения фаллоса как символа плодородия, или где носят разукрашенные фаллокрипты (начленники) или панталоны с гульфиками, все-таки принято на публике сами достоинства как-то скрывать, прикрывать; наши эмоции (возмущение, аффект, смех, презрение) как реакция на такую обнаженность мужского члена, особенно эрегированного¹, жесткость и универсальность соответствующего запрета указывают на какой-то весьма древний перелом в отношениях группы, общества к такому обнажению, которое стало восприниматься как нечто «похабное»;
- практики оргий, свинга, «свального греха» и т.п. всегда были и остаются чем-то особым, необычным, на грани допустимого или за гранью; в таких ситуациях демонстрация эрегированных членов имеет знаковый, демонстративный характер нарушения обычных запретов, что только утверждает их значимость; опять же вполне закономерно такие практики подлежат повсеместному общественному неодобрению, строгому запрету вплоть до уголовного преследования;
- в ситуациях с присутствием только мужчин обнажение гениталий допустимо, при этом случающаяся вдруг эрекция среди взрослых мужчин (не гомосексуалов) вызывает насмешки, ее стыдятся;

¹ Даже говорить, писать и читать об этом, вообще говоря, неприлично, если это не специальный медицинский дискурс.

- парадоксальным образом, несмотря на «неприличность» обнаженных пенисов, мужчины проявляют особую ревнивую чувствительность к их размерам, особенно сравнивая свой с чужими; подростки, вступающие в половую зрелость, откровенно меряются этими размерами и обсуждают их, взрослые мужчины как бы игнорируют такие сравнения, отводят глаза, когда видят других голых мужчин (например, в бане или в спортивной раздевалке), но это деланное равнодушие нередко является обманом или самообманом¹;
- обнажение мужского члена допустимо и может быть привлекательным в особой обстановке сексуального общения, обычно – камерной, за закрытыми дверями, при наиболее распространенных практиках уединенного секса;
- обнажение эрегированного члена среди женщин – нередкий сюжет эротических мужских фантазмов (грез, снов), причем с получением от молодых красавиц признания, восхищения и т.п.; социальные запреты (см. выше) обычно заставляют такие фантазмы скрывать, чтобы не стать объектом насмешек;
- склонность к нарушению запрета обнажаться в обычной (не специальной сексуальной ситуации за закрытыми дверями) известно как особое психическое нарушение, извращение – эксгибиционизм (где возбуждение связано именно с нарушением запрета); здесь важны также типовые реакции на такое поведение и на самих эксгибиционистов (ужас, презрительный смех, желание зажмуриться, убежать, а со стороны мужчин – сильная агрессия и порыв жестоко избить);
- есть характерное различие в отношении со стороны мужчин, да и многих женщин, к стриптизершам (симпатия, интерес, пусть и пуритански скрываемые) и к стриптизерам («фу-фу-фу, как это недостойно, даже постыдно»);
- для женщин имеет немалое значение социальное превосходство мужчин над другими мужчинами; сферы этого превосходства могут быть самыми разными – от физической силы и ловкости до богатства, славы, творческих талантов или интеллекта; при этом, сигналом эротической привлекательности мужчины, действующим на женскую душу на бессознательном уровне, является не столько сам признак (сильные мускулы, большой банковский счет или ученая степень), а сколько уверенное статусное поведение мужчины, подкрепляемое знаками почтения со стороны других мужчин.

Есть также исследования, подтверждающие «гипотезу сексуального сына», согласно которой мужчину выбирают по степени его популярности среди других женщин:

«... в некоторых случаях женский выбор обусловлен ничем иным, как выбором со стороны других женщин; то есть женщины иногда выбирают партнеров не потому, что они могут произвести более здоровое потомство, но просто потому, что их дети – особенно сыновья, – вероятно, будут выбраны следующим поколением женщин» (*Barash, Lipton 2001: 78*).

¹ «Остается неясным, кому же адресован столь открыто демонстрируемый признак мужественности? Большинство мужчин предположит, что он должен впечатлять женщин. Но, судя по всему, женщины склонны отдавать предпочтение другим мужским качествам, во всяком случае, вид пениса их не слишком привлекает. Кого действительно занимает пенис и его размеры, так это как раз мужчин. В душевых и раздевалках мужчины постоянно сравнивают размеры своих достоинств» (*Даймонд 2013: 72*).

Мужчина с большим членом, особенно разрекламированный другими женщинами, очевидно, вполне соответствует такому критерию и является желанным партнером для многих женщин еще и по этой причине, пусть неосознанной.

Эволюционное изменение анатомического размера пениса довольно сложным образом сочеталось с изменением поведенческих паттернов и ментальных структур. Предположительно эту сложность можно развернуть в последовательность нескольких шагов (разумеется, условную).

Первый шаг. Поскольку главные анатомические изменения происходили до одежды, даже до набедренных повязок, именно в тот период дамы вполне могли отдавать предпочтение обладателям больших членов при эрекции. Если хотя бы в какой-то мере верно предположение о переносе соперничества в «войну сперм», то в тот же период свое развитие получили форма, толщина пениса вместе с уязвимой мошонкой и мощной эякуляцией.

Любопытным образом на начальных этапах антропогенеза мужской член рос соответственно росту мозга и черепа. Дело в том, что для нормального осуществления коитуса у всех видов мужские и женские гениталии приспособлены друг к другу, подобно ключу и замку. Однако женское влагалище с необходимостью увеличивалось, чтобы соответствовать выросшей голове плода (при большом мозге, а значит и черепе взрослого человека череп младенца не может быть слишком маленьким). Если увеличивалась скважина «замка», то резонно ожидать, что будет расти и «ключ» (Barash, Lipton, 2001: 168). Надо только понять механизм такого приспособления. Так или иначе, через классический положительный половой отбор произошла первая волна роста мужских членов. Отчасти большой пенис служил средством визуального привлечения дам, отчасти служил для их удовлетворения, а отчасти способствовал победе в «войне сперм» при множественных оплодотворениях одной дамы.

Второй шаг включает появление и развитие таких структур как одежда, жилища и уединенный секс. Со всей вероятностью тогда же появляются групповые нормы, запрещающие демонстрацию гениталий на публике. Дамы разными способами удерживают своих партнеров, в том числе обретают или увеличивают свою способность испытывать или имитировать оргазм. Если для оплодотворения вполне достаточно меньшего и гораздо более тонкого пениса (как у шимпанзе), то для женского наслаждения крупный пенис гораздо более приспособлен¹. Теперь уже половой отбор идет не на основе непосредственного успеха в оплодотворении, а на способности удовлетворять женщин.

Третий шаг включает действие мужской «идеологии» престижности большого пениса, которая передавалась и дамским сообществам. Более уверенные и гордые счастливицы, пользовались завистливыми взглядами менее анатомически удачливых сверстников, получали закономерное преимущество в завоевании дамских сердец, а значит и выигрыш в половом отборе. Учтем, что в эпоху антропогенеза никаких противозачаточных средств не было, а значит, сексуальный успех у многих женщин закономерен вел к распространению генов обладателей больших членов, тогда как гены обладателей маленьких пенисов распространя-

¹ «Такое увеличение размеров полового члена приводит к тому, что наружные половые органы женщины испытывают большую нагрузку во время самого акта. При каждом поступательном движении пениса область клитора опускается, затем, при возвратном движении, поднимается вновь. Если к этому прибавить ритмическое сдавливание клиторальной области женщины лобковой областью ее партнера в положении «лицом к лицу», то происходит массаж клитора, аналогичный мастурбации» (Моррис 2001).

лись гораздо хуже, а то и вовсе угасали вместе с несчастными одиночками.

Представленный механизм, повторяемый во многих поколениях, вполне годится для объяснения удивительного и «технически» избыточного размера пениса, который достался нам от выросших его (пре)неоантропов. Почему же тогда этот размер не рос и дальше, подобно оленьим рогам, павлиньему хвосту или львиной гриве? Так бы и происходило, но величина пениса эволюционно получила свое ограничение размерами женского влагалища, что справедливо отмечено Дж. Даймондом. Слишком огромные члены, встречающиеся и у современных людей, не только доставляют боль женщинам при совокуплении, но и отпугивают их, а потому уже никак не служат преимуществом в распространении генов своих владельцев. Более того, они толкают жен таких приапов к супружеским изменам, а значит к распространению генов любовников с пенисами приемлемого размера¹.

«Кнут» жесткого патриархата и брак как сексуальный (само)контроль

В завершающей фазе антропогенеза – неолите – поздние сапиенсы, уже разделенные на большие и малые расы, перешли к производящему хозяйству: земледелию и скотоводству. Исключительно важным фактором стало изобретение технологий хранения. В оседлых сообществах это были погребя, лабазы, керамические сосуды, деревянные бочки и проч., а у скотоводов сами стада имели функцию хранения ресурсов, доступных круглый год. Социальная значимость хранимых запасов определялась возможностью их отобрать, ограбить. Соответственно появлялись и росли новые заботы по охране запасов и развивались порядки, практики военной организации. Закономерно росла властная и имущественная стратификация, что напрямую было связано с контролем отдельных мужчин над вооруженной силой, с их престижем либо вследствие успешных грабежей, набегов, либо благодаря успешной защите от них.

Этот поистине тектонический сдвиг в социальной сфере разрушил прежнюю эгалитарность, которая была распространена, по крайней мере, в рамках каждой половозрастной группы в сообществах охотников-собирателей. Появились новые заботы повышать, утверждать свое положение в социальной иерархии, передавать эти позиции, а также материальные ресурсы собственным детям. Вообще говоря, в этих базовых социальных обстоятельствах мы живем по сию пору, несмотря на все произошедшие изменения и достижения (Джонсон, Эрл 2017).

Доступ к женщинам, их труду, репродуктивной способности, социальная поддержка их родни – все эти новые возможности и новые заботы для высокостатусных мужчин естественным образом стали обеспечиваться практиками полигамии. Практиковалось и наложничество, в том числе через захват женщин при набегах и завоеваниях. Низшим стратам оставалась моногамная форма брака, тогда как деклассированные, беднейшие и, тем более, рабы вообще лишались доступа к женщинам. Разумеется, такой порядок – патриархат с полигамией высших страт – предполагал жесткий контроль над сексуальным поведением женщин, учреждение запретных зон (гаремов, теремов), постоянного надзора, закрытой одежды и т. п. Практики контроля развивались в самых экзотических направлениях: кольца, удлиняющие женскую

¹ Так, в достаточно репрезентативном исследовании (545 пар и 12 фокус-групп) выяснилось, что среди главных факторов, побуждающих жен кенийских рыбаков изменять мужьям была слишком большая длина их пенисов (Kwena et al. 2014).

шею, которые при неверности снимались с летальным исходом, обрезание и прижигание клитора, всевозможные обручи невинности, закапывание в землю по голову и побитие камнями за супружескую измену и т. д. (Райан, Жета 2015). Наряду с изуверскими наказаниями женской неверности жестоко карались, нередко смертной казнью, низкостатусные мужчины, покушавшиеся на чужих жен – собственность нобилей. В догосударственных культурах полигамия уверенно доминирует¹, но и с развитием государств, цивилизаций она отнюдь не исчезает. Показательны немалые трудности, которые в течение многих столетий приходилось преодолевать христианским церквям в навязывании моногамии.

Ревность – это чувство, возникающее при нарушении соперником (соперницей) сексуальной собственности, или при подозрении на такое нарушение (Коллинз 2004). Зачастую связанными или даже слитыми с ревностью являются чувства унижения (ущемления достоинства, статуса) и фрустрации от потери властной позиции. Убийства ревнивцами соперников или жен-изменниц для «восстановления чести» осуществляются именно по этим мотивам.

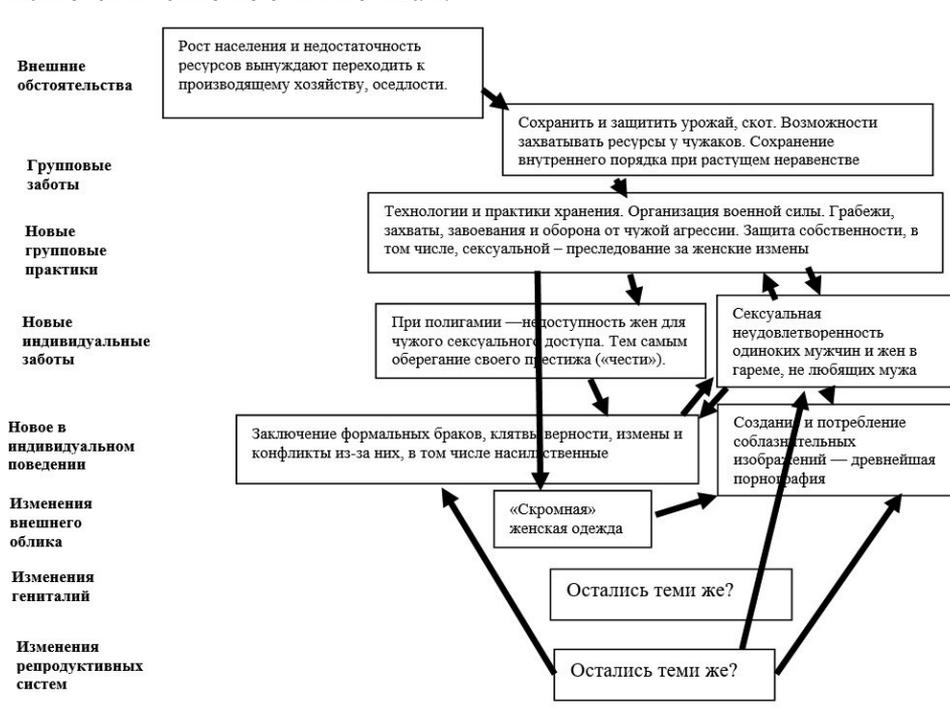

Рис. 3. Эволюция сексуальности на заключительном этапе антропогенеза: от мезолита до последствий социальной стратификации при неолите.

Фактически можно говорить о появлении в процессе эволюции нового «кнута», но уже не от природы к человеку, а от мужчин – к женщинам и от высших страт и сосло-

¹ «Известный антрополог Г. П. Мердок в своем классическом исследовании «Социальная структура» обнаружил, что во всем мире из 238 различных человеческих обществ моногамия применялась в качестве единственно приемлемой брачной системы только в 43 случаях. Таким образом, до контакта с Западом в среднем более 80% человеческих обществ были преимущественно полигинными. Это означает, что содержание гарема было именно тем, к чему стремилось большинство мужчин. Можно с полной уверенностью утверждать, что узаконенная моногамия была весьма редким явлением» (Barash, Lipton 2001: 147).

вий – к низшим. Была выкована традиционная, позже формально-правовая структура отношений – брак, основанный на сексуальной собственности (обоюдными исключительными правами доступа к супругу) с моральным порицанием измен, особенно женских (Коллинз 2004; Райан, Жета 2015). По сути дела, брак в своей исторической и социальной основе является не только союзом мужчины и женщин (между прочим, далеко не всегда добровольным), но порядком сексуального контроля и самоконтроля (рис. 3).

На протяжении дальнейших тысячелетий происходили волны ужесточения и смягчения этого порядка в разных обществах и культурах, как правило, сопряженные с динамикой либеральности/принудительности социальных и политических режимов. Порядок сексуального (само)контроля получил мощное религиозное и моральное подкрепление, позже – романтическое освещение в литературе и искусстве. В последние столетия в мире стала доминировать моногамия, во многом благодаря глобальному господству европейцев с христианской культурой (с XVI в.). В целом, постепенно смягчались нравы, брак стал все больше освещаться принципом и ценностью любви (XIX в.), женщины, благодаря своей борьбе, обретали все больше прав и возможностей, особенно в христианских и постхристианских обществах XX в.

Человечество продолжает существовать с брачным порядком как отношением сексуальной собственности. Спорадические попытки отмены брака, перехода к порядкам «общности жен» или «свободной любви» обычно в скором времени проваливались, угасали, дискредитировались. Если и был когда-то «рай» свободной любви, отсутствия ревности, общей солидарности и готовности к сексу, то возврат к нему не возможен. Вместе с тем, удручающая доля несчастных и распадающихся браков, а также неизбывность супружеских измен (отнюдь не только со стороны мужей), последующих конфликтов, разводов, насилия, даже с летальным исходом¹, указывают на значимое несоответствие между устройством человеческой сексуальности, обретенным на ранних стадиях антропогенеза, и брачными нормами верности.

«Кнут» этого контроля бывает более жестоким или относительно терпимым, но сладкий «пряник» (или «яблоко райского древа», если угодно) продолжает манить мужчин и женщин, а нередко и поддаваться соблазнам. Судя по всему, этот глубинный разлад (дискорданс), будет сопутствовать человечеству еще неопределенно долгое время, притом что универсальных простых решений нет и не предвидится.

Научная литература

- Басс Д.М. Эволюция сексуального влечения: Стратегии поиска партнеров. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 312 с.
- Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013. 256 с.
- Бэйкер Р. Постельные войны. Неверность, сексуальные конфликты и эволюция отношений. Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. 402 с.
- Вишняцкий Л.Б. Как Номо стали sapiens. Происхождение и ранняя история нашего вида. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014. 138 с.
- Даймонд Дж. Почему нам так нравится секс? Эволюция сексуальности человека. Москва: АСТ, 2013. 256 с.
- Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 548 с.

¹ «Около трети супружеских убийств в Соединенных Штатах происходят из-за женской неверности, действительной или подозреваемой. Уровень насилия, порожденного неверностью, даже выше в других обществах, для которых есть данные, например, в странах Африки (Barash, Lipton 2001: 55).

- Дробышевский С.В.* Достающее звено. Книга вторая: Люди. М.: АСТ: CORPUS. 592 с.
- Коллинз Р.* Социологическая интуиция. Введение в неочевидную социологию в кн.: Бергер Б., Бергер П. Л. Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. Москва: Академический проект, 1994. С. 399–598.
- Моррис Д.* Голая обезьяна. Санкт-Петербург: Амфора/Эврика, 2001. 257 с.
- Райан Кр., Жета К.* Секс на заре цивилизации: эволюция человеческой сексуальности: с доисторических времён до наших дней. Москва: Ориенталия, 2015. 512 с.
- Соколов А.Б.* Странная обезьяна. Куда делась шерсть и почему люди разного цвета. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. 576 с.
- Barash D.P., Lipton J.E.* The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People. New York: Henry Holt and Company, 2001. 240 p.
- Bellis M.A., Baker R.R.* Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans. *Animal Behaviour*, 1990. No 40. P. 997–999.
- Birkhead T.* Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict. New York: Faber and Faber, 2000. 272 p.
- Fisher H.E.* Anatomy of Love. New York: Fawcett Columbine, 1992. 308 p.
- Hare B., Wobber V., Wrangham R.* The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression. *Animal Behaviour*, 2012. No 83. P. 573–585.
- Hrdy S.B.* Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection. Boston: Pantheon Books, 1999. 752 p.
- Kwena Z., Mwanzo I., Shisanya Chr., Camlin C., Turan J., Achiro L., Bukusi E.* Predictors of Extra-Marital Partnerships among Women Married to Fishermen along Lake Victoria in Kisumu County, Kenya. *Public Library of Science (PLOS)*, April 18, 2014. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0095298>. Access: 30.07.2020.
- Lloyd E.A.* The case of the female orgasm: Bias in the science of evolution. Harvard: University Press, 2005. 320 p.
- Mautz B. S. Bob B., Wong M., Peters R.A., Jennions M.D.* Penis size interacts with body shape and height to influence male attractiveness. *PNAS USA*. 2013. No. 110(17). P. 6925–6930.
- Mealey L.* Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies. San Diego: Academic Press, 2000.
- Palombit R.A.* Extra-pair copulations in a monogamous ape. *Animal Behavior*, 1994. No 47. P. 721–723.
- Pertschuk M., Trisdorfer A.* Men's bodies—the survey. *Psychology Today*, 1994. No 27. P. 44–50.
- Power M.* The Egalitarians: Human and Chimpanzee. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. 290 p.
- Prum R.O.* The Evolution of Beauty. How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World and Us. New York – Toronto: Doubleday, 2017. 448 p.
- Reichard U.* Extra-pair copulations in a monogamous gibbon (*Hylobates lar*). *Ethology*, 1995. No. 100 (2). P. 99–112.
- Sherfey M. J.* The Nature and Evolution of Female Sexuality. New York: Random House, 1972. 577 p.
- Symons D.* The Evolution of Human Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1979. 358 p.
- Thornhill R., Gangestad S. W.* The Functional Design and Phylogeny of Women's Sexuality. In: The Evolution of Sexuality (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 2015. P. 149–184.
- Wheatley J.R., Puts D.A.* Evolutionary Science of Female Orgasm. In: The Evolution of Sexuality (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 2015. P. 123–148.

Rozov, Nikolai S.

Multi-level Evolution of Sexuality in Anthropogenesis: A Conceptual Reconstruction

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/87-109

Diverse studies of human sexuality allow a conceptual reconstruction of its main evolutionary stages. There are complex dynamic interconnections between natural and social environment (hazards, subsistence strategies, intergroup relations), group needs and

practices concerning intragroup interactions; individual concerns and practices of men and women including both innate instinctive programs and behavioral stereotypes; appearance and sexual characteristics; the structure of male and female genitalia and reproductive systems. Anatomical, physiological and psychophysiological structures bear the imprint of the most ancient social orders and the sexual life of our distant ancestors. Many concerns and structures of a very different nature are built around the reproductive “core”. These include attractiveness, erotic signals and responses, arousal, various feelings, emotional relations, interactions and practices (passion, love, solidarity, fidelity, erotic prestige, power, sexual property, jealousy, violence, etc.). At the same time the mental and behavioral components of sexuality are multilayered and, along with archaic structures, include more or less flexible layers that change from era to era, from culture to culture, from one social orders of kinship, power, wealth, prestige, violence to others. All this “peripheral” sexuality acquires its autonomy with its own mechanisms and patterns, which are closely related to ecology, culture and social environment, therefore, they are not always determined by the concerns and structures of the “core”: human reproductive system and hereditary adaptive mechanisms. Both the “core” and “periphery” of sexuality are characterized by additional turns of complexity. Sexual concerns and structures of males and females are closely related to the concerns and structures of the opposite sex, in many aspects they evolve as a whole, albeit divided among individuals of both sexes. Each major period of anthropogenesis has left its mark on human sexuality. It is shown that renewed tensions in the sexual sphere (in particular, associated with adultery) indicate a certain internal conflict between the deep properties of sexuality and subsequent social and cultural layers.

Keywords: *anthropogenesis, evolution of sexuality, paleopsychology, sexuality of primates, monogamy, polygamy, promiscuity*

For Citation: Rozov, N.S. 2021. Multi-level Evolution of Sexuality in Anthropogenesis: A Conceptual Reconstruction. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 87–109.

Author Info:

Rozov, Nikolai S. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

References

- Baker, R. 2013. *Postelnie voyni. Nevernost', seksual'nie konflikti i evolyuciya otnosheniy* [Sperm Wars: Infidelity, Sexual Conflict, and Other Bedroom Battles], transl. from Engl. by I. Seseikina. Moscow: Alpina Non-fiction.
- Barash, D. P., Lipton, J. E. 2001. *The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People*. New York: Henry Holt and Company.
- Bass, D.M. 1994. *Evolyuciya seksual'nogo vlecheniya: Strategii poiska partnerov* [The Evolution of Desire: Strategies of Human Mating], transl. from Engl. by M. L. Kul'neva. Moscow: Alpina Digital.
- Bellis, M.A., Baker, R.R. 1990. Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans. *Animal Behaviour* 40: 997–999.
- Birkhead, T. 2000. *Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict*. New York: Faber and Faber.
- Butovskaya, M. L. 2013. *Antropologiya pola* [The Anthropology of Sex]. Fryazino: Vek 2.

- Diamond, J. 2013. *Pochemu nam tak nraivitsia seks? Evoliutsiia seksual'nosti cheloveka* [Why Is Sex Fun? The Evolution of Human Sexuality]. Moscow: AST.
- Drobyshevsky, S.V. 2017. *Dostayushee zveno. Kniga vtoraya: Lyudi* [The missing link. Book Two: People]. Moscow: AST: CORPUS.
- Fisher, H.E. 1992. *Anatomy of Love*. New York: Fawcett Columbine.
- Hare, B., Wobber, V., Wrangham, R. 2012. The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression. *Animal Behaviour* 83: 573–585.
- Hrdy, S.B. 1999. *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books.
- Johnson, A., T. Earle. 2017. *Evoluciya chelovecheskih obschestv. Ot dobivayushey obschiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
- Collins, R. 1994. Sotsiologicheskaya intuitsiya. Vvedeniye v neochevidnyuyu sotsiologiyu [Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology]. In: Berger B., Berger P. L. Collins R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya* [Person-Oriented Sociology], 399–598. Moscow: Akademieskii projekt.
- Kwena Z. et al. 2014 – Kwena, Z., Mwanzo, I., Shisanya, Chr., Camlin, C., Turan, J., Achiro, L., Bukusi, E. Predictors of Extra-Marital Partnerships among Women Married to Fishermen along Lake Victoria in Kisumu County, Kenya. *Public Library of Science (PLOS)*, April 18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0095298>. Access: 30.07.2020.
- Lloyd, E.A. 2005. *The Case of the Female Orgasm: Bias in the Science of Evolution*. Harvard: University Press.
- Mautz, B. S., Bob B., Wong, M., Peters, R.A., Jennions, M.D. 2013. Penis Size Interacts with Body Shape And Height to Influence Male Attractiveness. *PNAS USA* 110 (17): 6925–6930.
- Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies*. San Diego: Academic Press.
- Morris, D. 2001. *Golaya obezyana* [The Naked Ape]. Saint Petersburg: Amfora/Evrika Publ.
- Palombit, R.A. 1994. Extra-pair Copulations in a Monogamous Ape. *Animal Behavior* 47: 721–723.
- Pertschuk, M., Trisdorfer, A. 1994. Men's bodies – the survey. *Psychology Today* 27: 44–50.
- Power, M. 1991. *The Egalitarians: Human and Chimpanzee*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Prum, R.O. 2017. *The Evolution of Beauty. How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World and Us*. New York – Toronto: Doubleday.
- Reichard, U. 1995. Extra-pair copulations in a monogamous gibbon (*Hylobates lar*). *Ethology* 100 (2): 99–112.
- Ryan, Chr., Jetha, C. 2015. *Seks na zare civilizacii: evoluciya chelovecheskoy seksualnosti: s doistoricheskikh vremen do nashih dnei* [Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality]. Moscow: Orientaliya.
- Sherfey, M. J. 1972. *The Nature and Evolution of Female Sexuality*. New York: Random House.
- Sokolov, A.B. 2020. *Strannaya obez'iana. Kuda delas' sherst' i pochemu liudi raznogo tsveta* [Strange Ape. Where Did the Wool Go and Why People Are of Different Colors]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Symons, D. 1979. *The Evolution of Human Sexuality*. Oxford: Oxford University Press.
- Thornhill, R., Gangestad, S. W. 2015. The Functional Design and Phylogeny of Women's Sexuality. In: *The Evolution of Sexuality* (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 149–184.
- Vishnyatsky, L.B. 2014. *Kak Homo stali sapiens. Proishozhdeniye i rannyyaya istoriya nashego vida*. [How Homo Became Sapiens. The Origin and Early History of Our Species]. Moscow: Russian Humanitarian Science Foundation.
- Wheatley, J.R., Puts, D.A. 2015. Evolutionary Science of Female Orgasm. In: *The Evolution of Sexuality* (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 123–148.

МОЛОДЕЖЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

В статье рассматривается репродуктивное поведение молодых людей в возрасте 15–19 лет, проживающих на территории Калининградской области. Источниками информации для автора послужили архивные документы, материалы переписей населения, а также данные текущей статистики на протяжении шестидесяти лет (1959–2019 гг.). На основе статистических показателей продемонстрирован процесс постепенного сокращения удельного веса молодых людей обозначенной возрастной группы в составе населения региона. С одной стороны, это явилось следствием снижения рождаемости на протяжении рассматриваемого периода, с другой стороны, оказало влияние на динамику рождаемости, особенно на современном этапе. Уделено особое внимание показателям рождаемости среди женщин моложе 20 лет. Был сделан вывод о том, что «вклад» самых молодых женщин в воспроизводство населения области претерпел существенные изменения на протяжении шести десятилетий. Во многом это было обусловлено изменением отношения молодых людей к брачному статусу, о чем свидетельствуют показатели увеличения количества внебрачных связей и изменение количества и удельного веса детей, рожденных вне официально зарегистрированного брака. Таким образом, была установлена определенная связь между репродуктивным поведением и семейно-брачными установками молодежи.

Ключевые слова: Калининградская область, молодежь, репродуктивное поведение, репродуктивный возраст, семейно-брачные установки

Ссылка при цитировании: Зимовина Е.П. Молодежь Калининградской области: репродуктивное поведение в исторической ретроспективе и на современном этапе // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 110–127

Постановка проблемы. Молодежная тематика является одной из актуальных проблем современного российского общества. С одной стороны, молодежь представляет собой ту часть населения, которая принимает активное участие в общественно-политической жизни, занимается волонтерской деятельностью, демонстрирует прекрасные результаты в учебе, спорте, бизнесе и т.д. Наряду с этим, в молодежной

Зимовина Елена Павловна – к.и.н., старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016 Калининград, А. Невского, 14).
Эл. почта: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00014/20 «Опыт лонгитюдных исследований идентичности и жизненных стратегий молодежи Калининградской и Гродненской областей»

среде существуют острые проблемы социального характера – бытовая неустроенность, безработица, преступность, этническая и религиозная нетерпимость и т.д. Такая противоречивость молодежной проблематики нацеливает государство на поиск механизмов, способствующих купированию социальных проблем и направляющих энергию молодых людей в позитивное и продуктивное русло.

Одним из серьезных вопросов, на которые обращает внимание государство, является репродуктивное поведение молодежи. Проблема рассматривается в тесной увязке с текущей демографической ситуацией в стране и нацелена на решение, как минимум, двух основных задач: повышение рождаемости и укрепление семейно-брачных отношений. Так, в документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» среди приоритетных задач указана такая, как «создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей» (Основы 2014: 10). А в недавно принятом Законе «О молодежной политике в Российской Федерации» одна из целей молодежной политики определена как «формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации» (Федеральный 2020: 6).

Как видим, репродуктивное поведение и семейно-брачные ориентиры молодежи являются вопросами государственной важности, поскольку направлены на решение задач социально-демографического характера. В тоже время, деторождение и семья являются очень тонкими темами, которые касаются личной жизни молодых людей и зависят от сложившихся обстоятельств. Поэтому исследование изменений в репродуктивном поведении молодежи на протяжении длительного периода времени необходимо рассматривать как с позиции общепринятых норм на каком-либо этапе развития общества, так и с точки зрения индивидуального жизненного пути человека.

Объектом данного исследования является молодежь Калининградской области в возрасте 15-19 лет. Обозначенная возрастная группа представляет собой демографический потенциал общества, поскольку традиционно к репродуктивному возрасту относят женское население с 15 лет (Народонаселение 1994: 386). Девушки в возрасте 15-19 лет являются самыми младшими из женщин детородного возраста, и изучение их репродуктивного поведения представляется важным для понимания состояния и перспектив рождаемости в регионе. Кроме того, представители данного возраста имеют возможность вступления в официально зарегистрированный брак. Согласно Семейному Кодексу Российской Федерации, брачный возраст определяется с 18 лет, а в исключительных случаях – с 16 лет (Семейный 1995). Помимо этого, данные официальной статистики говорят о существовании как официально зарегистрированных, так и официально не зарегистрированных браков среди молодежи до 18 лет (Всероссийская 2010; Демографический 2018: 62–63). Так что некоторые представители исследуемых возрастов уже имеют опыт семейно-брачной жизни. В тоже время, рассматриваемая возрастная группа включает в себя как совершеннолетних, так и несовершеннолетних. Поэтому вопросы репродуктивного поведения и семейно-брачных отношений молодежи данной возрастной категории выходят за рамки историко-демографической проблемы и обретают социальную окраску.

Хронологические рамки данного исследования охватывают шесть десятилетий (1959–2019 гг.). В качестве отправной точки был определен 1959 г., когда в Кали-

нинградской области была проведена первая советская перепись населения. К этому времени наладился статистический учет, полностью обновилось население региона и наметились основные тренды демографического развития.

Источниками информации послужили архивные документы, материалы переписей населения, а также данные текущей официальной статистики и нормативно-правовые акты.

Степень изученности проблемы. Вопросы демографического развития Калининградской области довольно хорошо изучены исследователями разных научных направлений. Проблемы заселения и освоения региона подробно рассмотрены в трудах историков (*Костяшов 2000; Костяшов 2009; Манкевич 2009*). Глубокий анализ демографических процессов представлен в работах географов (*Федоров 2001; Федоров, Зверев 2020; Кузнецова 2016; Кузнецова, Сибирева 2020*). Социологами были выявлены поколенческие различия в восприятии региона самим населением Калининградской области (*Зимовина, Щекотуров, Кришталь 2020*). Однако следует отметить недостаток научных публикаций, посвященных проблемам различных возрастных групп региона, в том числе и молодежи. И хотя по молодежной тематике проводились исследования (*Григорьева, Мартынова 2016; Григорьева, Мартынова 2017; Зимовина 2019; Мартынова, Григорьева 2018*), вопросы репродуктивного поведения в них не рассматривались. Следует сделать акцент на том, что во всероссийском масштабе изучение молодежной проблематики в академическом сообществе идет довольно активно (*Горшков, Шереги 2010; Горшков, Шереги 2020; Молодежь 2016*). При этом анализируются и вопросы репродуктивного поведения (*Захарова, Акоюн, Харченко 2002; Захаров, Митрофанова 2014; Козырева, Лежнина 2014; Митрофанова 2020*).

Основная задача данной работы – проследить эволюцию репродуктивного поведения молодежи Калининградской области на протяжении шести десятилетий (1959–2019 гг.). В связи с этим были сформулированы следующие исследовательские вопросы: как изменялась численность молодого населения области; какие факторы оказали влияние на трансформацию репродуктивного поведения молодежи; чем была обусловлена модификация семейно-брачных установок молодых людей.

Общая характеристика демографических процессов в Калининградской области. Калининградская область является особым регионом Российской Федерации. Она была образована в 1946 г. на той части территории Восточной Пруссии, которая в результате международных договоренностей была передана Советскому Союзу. На протяжении первого послевоенного десятилетия население региона полностью обновилось: граждане Германии покинули область, фронтовики были демобилизованы, а на новую территорию РСФСР было организовано массовое переселение советских людей (*Костяшов 2009: 97, 170–172*).

В демографическом развитии Калининградской области можно выделить несколько этапов. Первый этап (1946–1998 гг.) характеризовался ежегодным ростом численности населения, который был обусловлен периодически меняющимися факторами. Так, до середины 1950-х годов население увеличивалось за счет миграционного прироста (*Костяшов 2009: 89–90*). С середины 1950-х и вплоть до конца 1980-х годов динамику численности определял естественный прирост. В 1990-е годы единственным источником пополнения численности населения вновь становится миграционный прирост (особенно с 1992 г., когда в Калининградской области утвердилось естественная убыль, см.: таблицу 1).

Второй этап (1999–2006 гг.) был непродолжительным, но важным временным отрезком. Именно в эти годы было зафиксировано сокращение численности населения Калининградской области. Причем произошло это за счет того, что увеличившиеся показатели естественной убыли стали перекрывать снизившиеся показатели миграционного прироста (таблица 1).

Таблица 1

**Компоненты изменения численности населения Калининградской области
(тысяч человек)**

Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения			Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения		
		общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль			общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль
1959	610,3	21,7	12,1	9,6	1990	878,2	8,7	2,5	6,2
1960	632,0	18,0	12,4	5,6	1991	886,9	7,2	1,6	5,6
1961	650,0	3,4	11,3	-7,9	1992	894,1	12,0	-0,6	12,6
1962	653,4	4,2	10,1	-5,9	1993	906,1	7,0	-4,1	11,1
1963	657,6	24,4	9,4	15,0	1994	913,1	13,3	-5,1	18,4
1964	682,0	18,9	8,9	10,0	1995	926,4	5,8	-4,7	10,5
1965	700,9	15,6	8,1	7,5	1996	932,2	3,4	-4,8	8,2
1966	716,5	1,9	7,6	-5,7	1997	935,6	7,8	-5,2	13,0
1967	718,4	3,4	6,9	-3,5	1998	943,4	17,8	-5,0	13,0
1968	721,8	2,1	6,4	-4,3	1999	961,2	-2,4	-6,4	3,7
1969	723,9	7,7	6,5	1,2	2000	958,8	-1,3	-7,0	5,7
1970	731,6	8,2	6,9	1,3	2001	957,5	-2,1	-7,8	5,7
1971	739,8	8,6	7,4	1,2	2002	955,4	-1,3	-8,0	6,7
1972	748,4	9,9	7,6	2,3	2003	954,1	-6,2	-8,3	2,1
1973	758,3	8,7	7,3	1,4	2004	947,9	-5,8	-8,5	2,7
1974	767,0	7,2	7,2	0,0	2005	942,1	-5,5	-8,6	3,1
1975	774,2	5,4	6,9	-1,5	2006	936,6	-2,3	-6,7	4,4
1976	779,6	10,5	7,1	3,4	2007	934,3	1,0	-4,2	5,2
1977	790,1	7,7	7,0	0,7	2008	935,3	1,3	-3,8	5,1
1978	797,8	9,1	6,5	2,6	2009	936,6	2,0	-2,8	4,8
1979	806,9	4,7	5,8	-1,1	2010	938,6	3,2	-2,6	5,8
1980	811,6	4,4	5,4	-1,0	2011	941,8	5,0	-1,4	6,4
1981	816,0	3,4	5,4	-2,0	2012	946,8	8,0	-0,7	8,7
1982	819,4	1,7	5,4	-3,7	2013	954,8	8,3	-0,6	8,9
1983	821,1	8,0	6,2	1,8	2014	963,1	5,8	-0,6	6,4

Таблица 1 (продолжение)

Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения			Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения		
		общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль			общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль
1984	829,1	9,1	5,6	3,5	2015	968,9	7,5	-0,4	7,9
1985	838,2	8,3	5,4	2,9	2016	976,4	9,8	-0,1	9,9
1986	846,5	9,3	6,3	3,0	2017	986,2	8,4	-1,5	9,9
1987	855,8	6,9	6,3	0,6	2018	994,6	7,6	-1,9	9,5
1988	862,7	8,6	5,5	3,1	2019	1002,2	10,3	-2,7	13,0
1989	871,3	6,9	3,9	3,0	2020	1012,5

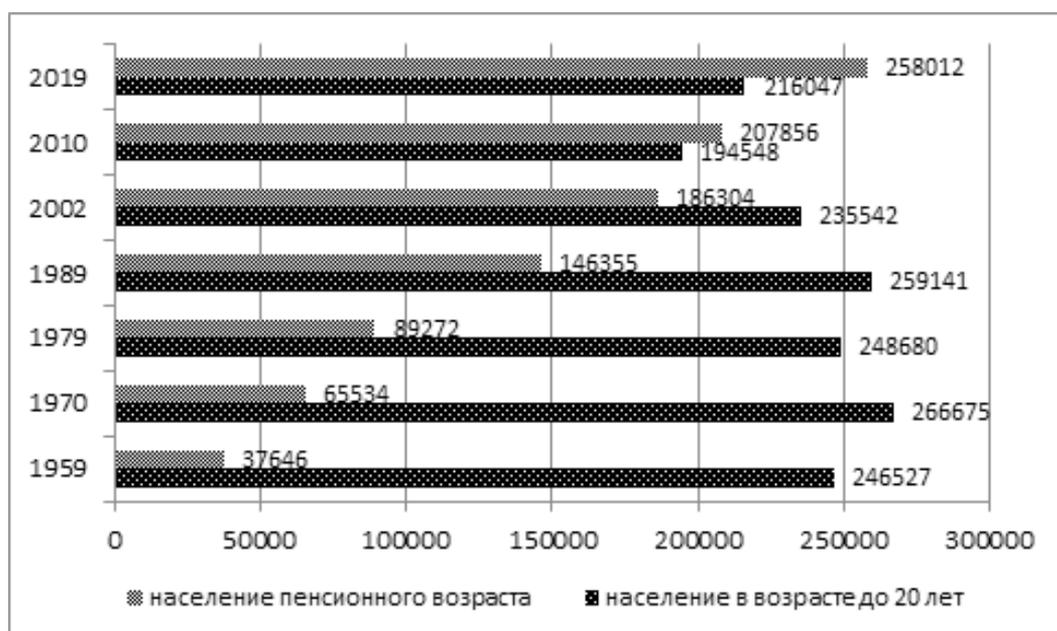

Рис. 1. Возрастная структура населения Калининградской области по данным переписей населения и сведениям на начало 2019 г.

Наконец, третий этап (2007–2020 гг.) продемонстрировал новые тенденции в развитии населения области: сохранение естественной убыли, рост показателей сальдо миграции и, как результат, «вторая волна» увеличения численности населения (таблица 1). Во многом, это является результатом предпринятых государством мер по стимулированию рождаемости (формирование материнского капитала, низкие ипотечные ставки для семей с детьми, региональные и федеральные программы демографическо-

го развития и т.д.), а также привлечению русского и русскоязычного населения из-за рубежа (реализация Программы переселения соотечественников, а также Концепции государственной миграционной политики и т.д.).

Таким образом, население Калининградской области представляет собой уникальное сообщество, которое сформировалось в относительно короткий исторический период и развивалось в русле общероссийских тенденций, хотя для региона характерны и специфические тренды социально-демографического развития.

Трансформация возрастной структуры населения Калининградской области.

Возрастная структура является своеобразной «матрицей», которая дает представление о состоянии населения на определенную дату, свидетельствует об особенностях его развития на предшествующих этапах и позволяет прогнозировать социально-демографические процессы. Проанализировать процесс изменения возрастной структуры в исторической ретроспективе возможно на основе данных переписей. В 1959 г. первая советская перепись населения Калининградской области зафиксировала динамичный рост численности населения, а также «молодую» возрастную структуру: доля детей и молодежи до 20 лет составляла 40,4%; удельный вес людей пенсионного возраста – 6,2% (рисунок 1). Сведения, полученные в ходе последующих переписей, демонстрируют активный процесс старения населения региона – соотношение пенсионеров и молодежи до 20 лет в 1970 г. составило 9,0% и 36,4%; в 1979 г. – 11,0% и 30,8%; 1989 г. – 16,8% и 29,7%; 2002 г. – 19,5% и 24,7%; 2010 г. – 22,1% и 20,7%, соответственно (рис. 1). По состоянию на начало 2019 г. более четверти населения Калининградской области было представлено людьми пенсионного возраста (25,7%) и лишь пятую часть составляли дети и молодежь до 20 лет – 21,6% (рис. 1).

На протяжении исследуемого периода численность молодого населения области не отличалась стабильностью (рис. 2). Согласно данным переписи 1959 г. удельный вес юношей и девушек в возрасте 15-19 лет составил 7,3% от всей численности населения области (рис. 2) и 18,8% от численности молодых людей в возрасте до 20 лет. Это были дети, родившиеся в годы войны и представлявшие одно из самых малочисленных поколений в демографической истории Калининградской области. Кроме того, это были уроженцы других регионов Советского Союза. Перепись 1970 г. зафиксировала иную ситуацию: доля молодежи 15-19 лет увеличилась до 10,4% (рис. 2), а в составе населения моложе 20 лет возросла до 28,6%. В данном случае речь идет о поколениях, родившихся в первой половине 1950-х годов, когда показатели рождаемости оставались еще довольно высокими (таблица 2). Резкое снижение рождаемости в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов сказалось на соотношении возрастных групп Калининградской области ко времени проведения переписи 1979 г. Так, удельный вес молодежи 15-19 лет сократился до 8,9%, а в 1989 г. до 7,7% (рисунок 2). Отметим и изменение их удельного веса в составе населения до 20 лет: 1979 г. – 29,1%, 1989 г. – 26,0%. Таким образом, на протяжении 1970–1980-х годов четко прослеживается тенденция сокращения численности и удельного веса населения 15-19 лет, что было обусловлено окончательным утверждением низких показателей рождаемости (таблица 2). В связи с этим, парадоксальной кажется ситуация по данным переписи 2002 г., когда доля молодежи 15-19 лет вновь увеличилась до 9,2% (рис. 2). Это было связано с кратковременным ростом рождаемости с 1983 по 1987 гг. (таблица 2). В результате, в 2002 г. в составе населения младше 20 лет доля 15-19-летних составила 37,1%. Напротив, перепись 2010 г. демонстрирует резкое

сокращение доли населения 15-19 лет (рис. 2) в результате снижения рождаемости в первой половине 1990-х годов (таблица 2). К этому времени уменьшилась и доля 15-19-летних в составе населения до 20 лет (30,2%). Наконец, данные текущей статистики на начало 2019 г. дают представление о значительном снижении как численности, так и доли населения 15-19 лет (рис. 2). Причем как в региональном разрезе, так и во всероссийском масштабе (Территориальный 2019; Федеральная 2019). И это несмотря на то, что начало 2000-х годов было ознаменовано некоторым ростом рождаемости (таблица 2) и положительным сальдо миграции людей в возрасте 15-19 лет (Демографический 2018: 107–108).

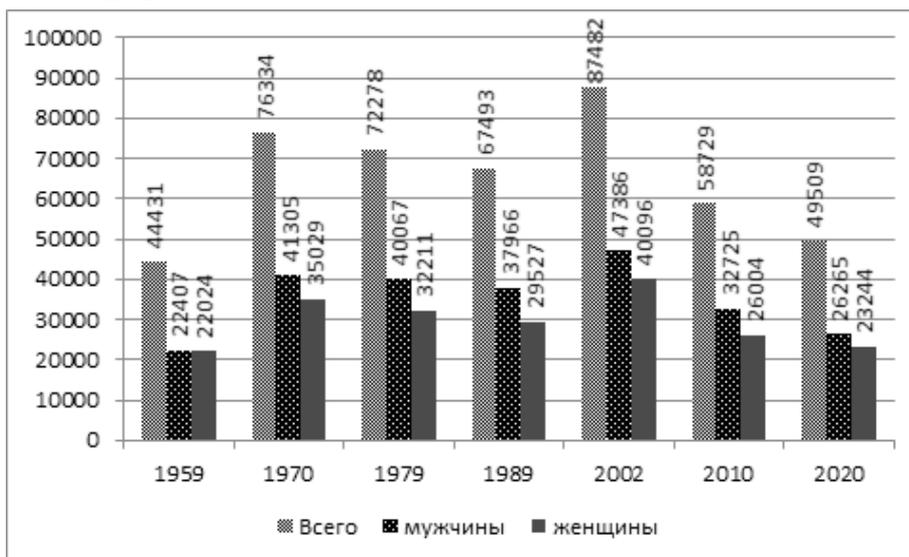

Рис. 2. Население России и Калининградской области в возрасте 15-19 лет (по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., и данным текущей статистики на начало 2019 г.).

Проведенный анализ динамики численности и удельного веса молодежи 15-19 лет на протяжении шестидесяти лет расширяет представление о трансформации возрастной структуры населения Калининградской области, а также способствует пониманию демографических предпосылок и демографических последствий таких изменений.

Изменения в демографическом поведении молодежи Калининградской области. Выявить особенности репродуктивного поведения разных возрастных групп возможно опираясь на сведения о численности женщин детородного возраста (15-49 лет). Статистические данные говорят о постепенном снижении их удельного веса: 1959 г. – 57,8%; 1970 г. – 58,4%; 1979 г. – 54,3%; 1989 г. – 48,0%; 2002 г. – 51,9%; 2010 г. – 48,2%; 2019 г. – 44,1% (Демоскоп 2020; Территориальный 2019). В данном случае мы видим результат тех демографических процессов, которые были описаны выше. Что касается женщин моложе 20 лет, то их численность и доля в составе женщин репродуктивного возраста также изменялись в течение рассматриваемого периода: 1959 г. – 11,3%; 1970 г. – 15,7%; 1979 г. – 14,1%; 1989 г. – 13,6%; 2002 г. – 15,5%; 2010 г. – 10,8%; 2019 г. – 9,4% (Демоскоп 2020; Территориальный 2019). Во

многим это предопределило тенденции рождаемости в Калининградской области, которые на протяжении рассматриваемого периода (1959–2019 гг.) менялись неоднократно (таблица 2). Однако для всех возрастных групп женщин были характерны свои особенности на различных этапах развития региона.

Показатели рождаемости у женщин до 20 лет были крайне нестабильными на протяжении шестидесяти лет и имели свою специфику. Анализ данных позволил выделить несколько этапов в тенденциях рождаемости среди женщин этого возраста. Так, с 1958 по 1963 гг. наблюдалось ежегодное сокращение численности новорожденных; с 1964 по 1978 гг. происходил процесс стремительного увеличения количества родившихся (за исключением отдельно взятых годов); с 1979 по 1981 гг. ежегодное количество рождений становится несколько меньше; с 1982 по 1986 гг. идет некий процесс стабилизации, когда показатели рождаемости кардинально не меняются; с 1987 по 1990 гг. зафиксирован «всплеск» количества новорожденных; однако, с 1991 г. и до сегодняшних дней идет неуклонный тренд – снижение количества новорожденных у самых молодых женщин репродуктивного возраста (таблица 2). Изменялась и доля новорожденных у женщин моложе 20 лет. Если в конце 1950-х – середине 1960-х годов показатели удельного веса родившихся были мизерными, то с конца 1960-х годов становятся весьма ощутимыми, причем на протяжении длительного времени – почти сорока лет. Однако с 2007 г. показатели вновь стали ежегодно сокращаться (таблица 2). Кроме того, на определенных этапах (1975–1979 гг. и 1990–1999 гг.) по количеству и удельному весу родившихся детей, женщины моложе 20 лет занимали «третье место», уступая лишь женщинам в возрасте 20–24 лет и 25–29 лет. Однако с 2000 г. они переместились на «четвертое место», совсем немного уступая матерям в возрасте 30–34 лет; с 2009 г. оказались на «пятом месте», пропустив вперед всех двадцати- и тридцатилетних женщин; наконец, с 2017 г. занимают «шестое место», опережая лишь женщин в возрасте 45–49 лет (Демографический 2000: 46–47; Демографический 2009: 37–38; Демографический 2018: 70). Таким образом, на сегодняшний день показатели рождаемости среди женщин до 20 лет являются очень низкими, что обусловлено как их малочисленностью, так и определившимся общим вектором снижения рождаемости. Немаловажную роль играет и осведомленность молодежи о средствах контрацепции.

В среднем, около 95% новорожденных у матерей моложе 20 лет были первенцами. Однако анализ повозрастных показателей рождаемости показывает, что случаи появления на свет второго, третьего и даже четвертого ребенка у юных матерей, фиксировались ежегодно (ГАКО).

Интересная модификация произошла и с таким явлением, как внебрачная рождаемость. Прежде чем перейти к ее анализу, необходимо дать пояснения о формах сбора информации по данной категории новорожденных. В статистических отчетах до 1968 г., помимо сведений об общем количестве родившихся за год, зафиксированы данные о младенцах, в отношении которых в актах о рождении отсутствует запись об отце. С 1969 эта формулировка была заменена на информацию о родившихся, зарегистрированных по заявлению матери. Именно эти показатели мы рассматривали как данные о количестве родившихся вне брака (таблица 2). С 1992 г. в документах появляются сведения об учете новорожденных по нескольким категориям: всего родившихся, родившиеся в браке, родившиеся вне брака (в т.ч. зарегистрированные по совместному заявлению родителей и зарегистрированные по заявлению матери)

(ГАКО; Демографический 2009; Демографический 2018). В определенной степени такие изменения были обусловлены юридическими аспектами. Так, 27 июня 1968 г. в СССР был принят Закон, регламентирующий отношения в браке и семье. В статье 17 («Запись родителей в книгах записей рождений») было прописано: «Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка, либо отец записывается согласно решению суда» (Закон). В постсоветский период Семейный Кодекс Российской Федерации был принят 8 декабря 1995 г. В статье 48 («Установление происхождения ребенка») указано: «Отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом и матерью ребенка... При наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача совместного заявления об установлении отцовства может оказаться после рождения ребенка невозможной или затруднительной, родители будущего ребенка, не состоящие между собой в браке, вправе подать такое заявление в орган записи актов гражданского состояния во время беременности матери. Запись о родителях ребенка производится после рождения ребенка (Семейный 1995).

Таблица 2

Сведения о родившихся в Калининградской области у женщин моложе 20 лет по национальности и брачному статусу матери

Год	Всего родившихся	в т.ч. у женщин до 20 лет		в т.ч. родившиеся вне брака русские		в т.ч. родившиеся по национальности матери							
						украинцы		белорусы		литовцы			
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1959	15179	697	4,6	119	17,1	523	75,0	36	5,2	77	11,0
1960	15379	683	4,4	108	15,8	490	71,7	34	5,0	100	14,6	40	5,9
1961	14252	577	4,0	89	15,4	385	66,7	30	5,2	89	15,4	49	8,5
1962	13185	469	3,6	122	26,0	302	64,4	39	8,3	76	16,2	32	6,8
1963	12563	470	3,7	113	24,0	319	67,9	26	5,5	76	16,2	32	6,8
1964	11902	652	5,5	143	21,9	449	68,9	45	6,9	86	13,2	55	8,4
1965	11321	752	6,6	169	22,5	560	74,5	50	6,6	79	10,5	29	3,9
1966	10999	920	8,4	182	19,8	703	76,4	54	5,9	95	10,3	39	4,2
1967	10548	926	8,8	165	17,8	708	76,5
1968	10392	1107	10,7	211	19,1	864	78,0
1969	10714	1157	10,8	170	14,7	919	79,4
1970	11481	1245	10,8	167	13,4	990	79,5
1971	11820	1205	10,2	944	78,3
1972	12306	1273	10,3	136	10,7	1021	80,2
1973	12167	1180	9,7	104	8,8	937	79,4

Таблица 2 (продолжение)

Год	Всего родившихся	в т.ч. у женщин до 20 лет		в т.ч. родившихся вне брака русские		в т.ч. родившиеся по национальности матери							
						украинцы		белорусы		литовцы			
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
2007	10200	938	9,2	469	50,0
2008	10589	869	8,2	438	50,4
2009	10823	787	7,3	374	47,5
2010	10699	628	5,9	289	46,0
2011	11102	565	5,1	282	49,9
2012	11819	550	4,7	262	47,6
2013	11924	476	4,0	237	49,8
2014	12182	496	4,1	248	50,0
2015	12399	432	3,5	209	48,4
2016	12189	377	3,1	175	46,4
2017	10876	339	3,1	162	47,8
2018	10326	283	2,7	143	50,5
2019	9293	287	3,1	126	43,9

Обратим внимание на то, как менялся удельный вес родившихся вне брака у женщин моложе 20 лет. Довольно высокие показатели были характерны для первой половины 1960-х годов, после чего они снизились и оставались практически неизменными на протяжении 1970-х – 1980-х годов. Однако с 1992 г. наметился стремительный рост внебрачной рождаемости (таблица 2). Причем до 2003 г. увеличивалось как общее количество родившихся вне брака, так и их удельный вес. С 2004 г. количество внебрачных рождений у юных матерей стало ежегодно сокращаться, но доля внебрачных рождений по сей день остается очень высокой – практически половина от всех родившихся (таблица 2).

Сведения об этническом составе младенцев, родившихся у матерей определенного возраста, являются довольно скудными. В статистических сводках такие данные представлены только до 1996 г. Причем, систематически фиксировалось число новорожденных у матерей русской национальности (таблица 2). Сведения по другим национальностям в статистических отчетах появлялись не регулярно. Более того, в архивах встречаются документы, в которых делались замечания по поводу поступавшей из регионов подробной информации о родившихся по конкретной национальности матери. Так, в июле 1967 г. в Статистическое Управление Калининградской области поступило письмо из ЦСУ РСФСР в котором было сделано замечание: «Отдел статистики населения и здравоохранения ЦСУ РСФСР сообщает, что форма 2 «Сведения о родившихся по возрасту и национальности матери» представляется в ЦСУ РСФСР на все национальности и отдельно на русских, все остальные формы возвращаем как лишние» (ГАКО. Д. 261. Л. 90).

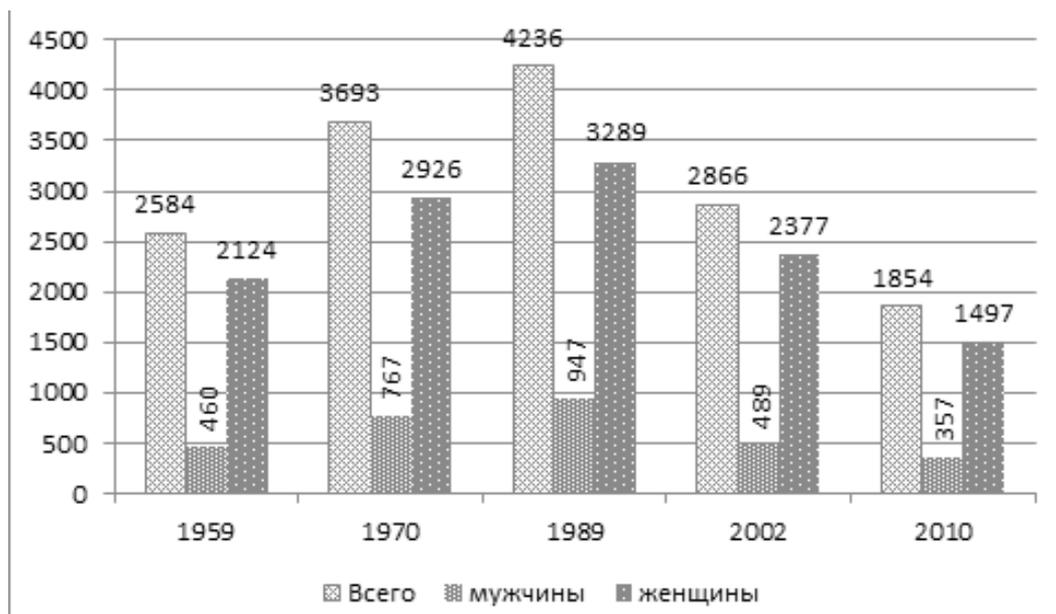

Рис. 3. Распределение населения Калининградской области по состоянию в браке на момент проведения переписей населения.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод, что большая часть рожениц Калининградской области, в том числе в возрасте до 20 лет, считали себя русскими. Причем, если в первой половине 1960-х годов русскими себя называли чуть более двух третей молодых женщин, то с середины 1960-х до конца 1980-х годов уже более трех четвертей, а с конца 1980-х годов – более 80% (таблица 2). При этом доля родившихся у молодых женщин украинской национальности практически не изменилась, а вот удельный вес появившихся на свет у женщин белорусской и литовской национальностей существенно снизился (таблица 2). Но, несмотря на изменения в соотношении женщин разных национальностей, все же более 95% молодых матерей относили себя к одной из четырех национальностей – русские, белорусы, украинцы и литовцы, что соответствовало этнической структуре населения области.

Брачное поведение и семейные установки молодежи Калининградской области.

Брачный статус человека играет значительную роль в демографических процессах. Браки оказывают определенное влияние на рождаемость и иллюстрируют отношение людей к такому институту, как семья. Так, на момент проведения переписи 1959 г. в Калининградской области в браке состояло 61,5% людей в возрасте 15 лет и старше, в 1970 г. – 63,6%, в 1989 г. – 65,7%. Однако переписи постсоветского периода демонстрируют снижение удельного веса состоявших в браке людей: 2002 г. – 56,6%; 2010 г. – 54,8% (Демоскоп). Во многом это произошло за счет сокращения количества состоявших в браке людей молодых возрастов, в том числе в возрасте до 20 лет (рис. 3). К сожалению, только в двух постсоветских переписях зафиксированы сведения об официально зарегистрированных и не зарегистрированных браках: 2002 г. – 1752 и 1114; 2010 г. – 918 и 936, соответственно (Демоскоп). Но, несмотря на сокращение количества браков, доля официально не зарегистрированных союзов среди юношей и девушек до 20 лет значительно увеличилась: 2002 г. – 38%; 2010 г. – 50,5%.

Что касается ежегодно заключаемых браков, то на протяжении 1960–1980-х годов их количество в Калининградской области не являлось стабильным, хотя не наблюдалось и кардинального изменения показателей (таблица 3). Безусловно, количество регистрируемых браков не было одинаковым каждый год, однако, резких перепадов не отмечалось вплоть до 1992 г., когда произошло существенное сокращение их числа. Ежегодные показатели колебались на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов, но с 2007 г. обозначился рост, который начал вновь снижаться с 2015 г. Насколько продолжительной будет данная тенденция, зависит от показателей брачности во всех возрастных группах, в том числе и среди молодежи до 20 лет. Отметим, что со второй половины 1960-х годов прослеживается увеличение количества браков, где хотя бы один из супругов был моложе 20 лет (таблица 3). Именно с этого времени такие союзы составляли практически одну треть среди ежегодно регистрируемых браков: 1966 г. – 30,5%; 1968 г. – 35,1%; 1970 г. – 32,7%; 1975 г. – 31,3%; 1977 г. – 33,4%; 1980 г. – 32,6%; 1985 г. – 28,1%; 1988 г. – 30,2%; 1989 г. – 36,4%; 1990 г. – 38,8%; 1991 г. – 40,7% (подсчитано на основе таблицы 3). С 1992 г. сокращается и количество, и удельный вес браков в которых хотя бы один из супругов был моложе 20 лет: 1992 г. – 38,2%; 1993 г. – 37,6%; 1994 г. – 35,3%; 1995 г. – 32,4%; 1996 г. – 28,9% (подсчитано на основе таблицы 3).

Таблица 3

Вступившие в брак на территории Калининградской области

Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет		Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет	
		мужчин	женщин			мужчин	женщин
1958	9288	294	1480	1989	8637	631	2510
1959	8787	320	1571	1990	8819	740	2685
1960	9510	379	1589	1991	8636	764	2749
1961	8423	271	1161	1992	6979	568	2101
1962	7874	188	927	1993	7274	521	2217
1963	7324	191	998	1994	7381	514	2093
1964	7150	248	1181	1995	7230	444	1902
1965	7030	366	1577	1996	5705	276	1370
1966	7662	481	1857	1997	6298
1967	7895	525	1966	1998	5940
1968	8068	622	2209	1999	6059
1969	8641	616	2392	2000	6190
1970	8737	565	2288	2001	6648
1971	9422	546	2386	2002	6522
1972	8928	453	2164	2003	7000
1973	9405	466	2457	2004	6755
1974	9597	477	2452	2005	7513
1975	10110	499	2661	2006	7959

Таблица 3 (продолжение)

Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет		Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет	
		мужчин	женщин			мужчин	женщин
1976	9962	579	2660	2007	8794
1977	10282	573	2861	2008	8702
1978	9721	584	2716	2009	8208
1979	9841	637	2628	2010	8552
1980	9565	596	2523	2011	9034	118	542
1981	9431	597	2441	2012	9177	92	535
1982	9346	532	2279	2013	8960	90	478
1983	9586	551	2258	2014	9121	93	471
1984	9008	511	2009	2015	8392	85	424
1985	9184	499	2085	2016	7441	73	355
1986	9484	481	2231	2017	7828	63	385
1987	9291	451	2181	2018	7024	58	292
1988	9184	519	2253	2019	7421

К сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют данные с 1997 по 2010 гг. Очевидно, что именно в данный промежуток времени возник перелом в брачном поведении молодежи, поскольку в 2011 г. удельный вес таких браков составил всего 7,3% от общего количества заключенных браков, в 2015 г. – 6,1%, в 2018 г. – 5,0% (подсчитано на основе таблицы 3). Таким образом, у парней и девушек практически отсутствует ориентация на заключение брака и создание семьи в столь юном возрасте.

Заключение. Итак, проведенный анализ данных продемонстрировал, что за прошедшие шестьдесят лет репродуктивное поведение молодежи Калининградской области кардинальным образом изменилось. На это повлияли такие факторы, как рост образованности, стремление к достижению определенного уровня благосостояния, индивидуальное планирование семьи, широкое использование контрацептивов, достаточная осведомленность об особенностях интимной жизни через средства массовой информации, сложившееся в семье и обществе нейтральное отношение к совместно-му проживанию молодых людей вне зарегистрированного брака, а также стремление самих девушек и парней отложить создание семьи на более поздний возраст.

Источники и материалы

Всероссийская 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Доступ: https://kalinin.grad.gks.ru/National_Population_Census_2010 (дата обращения: 12.12.2020).

ГАКО – Государственный архив Калининградской области. Ф.Р-181 (Статистическое управление Калининградской области).

Демоскоп – Демоскоп-Weekly. Институт демографии. НИУ ВШЭ. Приложения. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.12.2020).

Демографический ежегодник Калининградской области. 1998 год. Калининград, 1998.

- Демографический 2000 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2000 год. Калининград: Калининградстат, 2000.
- Демографический 2009 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2009 год. Калининград: Калининградстат, 2009.
- Демографический 2018 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2018 год. Калининград: Калининградстат, 2018.
- Демографический 2019 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2019 год. Калининград: Калининградстат, 2019.
- Закон 1968 – Закон от 27.06.1968 «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о браке и семье». Доступ: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6840.htm (дата обращения: 15.12.2020).
- Основы 2014 – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).
- Семейный 1995 – Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ. Доступ: <http://www.semkod.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).
- Территориальный 2020 – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Доступ: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 12.12.2020).
- Федеральный 2020 – Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 05.01.2021).
- Федеральная 2020 – Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.12.2020).

Научная литература

- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
- Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Школьники Калининградской области о своей идентичности (по результатам опроса) // Молодежь в малых городах России: заметки социального антрополога. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 155–176.
- Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Молодежь в городах Калининградской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 260. 132 с.
- Захарова О.Д., Аюбян А.С., Харченко В.И.* Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования, 2002. № 6. С. 94–106.
- Захаров С.В., Митрофанова Е.С.* Демографические характеристики молодежи в России // Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 55–79.
- Зимовина Е.П.* Сравнительный анализ молодежи Еврорегиона Балтика (по результатам социологического исследования) // Проблемы межрегиональных связей = Problems of connections between regions: научный альманах. Вып. 14. Санкт-Петербург; Клайпеда; Калининград, 2019. С. 19–23.
- Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И.* Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им.И.Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 86–105.
- Козырева П.М., Лежнина Ю.П.* Российская молодежь: семья, брак и сексуальность // Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 192–220.

- Костяшов Ю.В. О естественном движении населения в Калининградской области в 1946–1950 годах // Проблемы исторических и философских наук: материалы постоянных научных семинаров. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2000. С. 3–9.
- Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 351 с.
- Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им.И.Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15–27.
- Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2020. № 1. С.43–55.
- Манкевич Д. В. Калининградское село в условиях «демографической революции» (вторая половина 1940-х-1950-е годы): трансформация рождаемости // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. С. 226–233.
- Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А. Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2018. № 3 (17). С. 128–144.
- Митрофанова Е. (Не) время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение, 2020. Том 7, № 4. С. 36–61.
- Миронова С.Г. Кузьмина О.В. (сост.); Кузьмина О.В. (отв. за вып.) Молодежь России: сборник рефератов статей из периодических изданий за 2015 год. М.: Рос. гос. биб-ка для молодежи, 2016. 166 с.
- Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
- Федоров Г.М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. 111 с.
- Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.

Zimovina, Elena P.

Youth of Kaliningrad Region: Reproductive Behavior from a Historical Perspective and at the Present Time

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/110-127

The article examines the reproductive behavior of young people aged 15-19 years living in the Kaliningrad region. The work is based on archival documents, censuses data and the statistics covering sixty years (1959-2019). Analysis of statistical indicators suggests gradual reduction in the proportion of young people in the population structure of the region. On the one hand, this is the consequence of the decline in the birth rate during the studied period, on the other hand, it in turn affects the dynamics of the birth rate, especially at the present time. Particular attention is paid to fertility rates among women under 20 years of age. It is concluded that the contribution of the youngest women to the reproduction of the region's population has changed significantly over six decades. This was largely due to a change in the attitude of young people towards marriage, as evidenced by the increase in the number of extramarital affairs and the change in the number and proportion of children born out of wedlock. Thus, a definite connection was established between reproductive behavior and family and marriage attitudes of young people.

Keywords: *Kaliningrad Region, youth, reproductive behavior, reproductive age, family and marriage attitudes*

For Citation: Zimovina, E.P. 2021. Youth of Kaliningrad Region: reproductive behavior from a historical perspective and at the present time. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii) 2*: 110–127.

Author Info:

Zimovina, Elena P. – PhD in History, Senior Researcher of Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016, Kaliningrad, A.Nevskogo, 14). E-mail: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Funding: The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-59-00014/20.

References

- Fedorov, G.M. 2001. *Naselenie Kaliningradskoi oblasti. Demograficheskie usloviia obosnovaniia Territorial'noi kompleksnoi skhemy gradostroitel'nogo planirovaniia razvitiia territorii Kaliningradskoi oblasti i ee chastei* [Population of Kaliningrad Region. Demographic conditions for substantiating the territorial complex scheme of urban planning and development of Kaliningrad Region and its parts]. Kaliningrad: Izdatelstvo Kaliningrad State University.
- Fedorov, G.M., and Iu.M. Zverev. 2020. *Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustia* [Kaliningrad alternatives: 25 years later]. Kaliningrad: Izatelstvo Kant Baltik Federal University.
- Gorshkov, M.K., and F.E. Sheregi. 2010. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: TsSPM.
- Gorshkov, M.K., and F.E. Sheregi. 2020. *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii: k itogam mnogoletnikh issledovaniu* [Russian Youth in the mirror of sociology: the results of research for some years]. Moscow: FNISTS RAN.
- Grigorieva, R.A., and M.Yu. Martynova. 2016. Shkol'niki Kaliningradskoi oblasti o svoei identichnosti (po rezul'tatam oprosa) [Schoolchildren of Kaliningrad Region about their identity (based on the survey results)]. *Molodezh' v malykh gorodakh Rossii: zametki sotsial'nogo antropologa*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN.
- Grigorieva, R.A., and M.Yu. Martynova. 2017. *Molodezh' v gorodakh Kaliningradskoi oblasti* [Youth in the towns of Kaliningrad region]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 260. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN.
- Kostiashov, Iu.V. 2000. O estestvennom dvizhenii naseleniia v Kaliningradskoi oblasti v 1946–1950 godakh [About Natural Movement of Population in Kaliningrad Region in 1946–1950ss]. In *Problemy istoricheskikh i filosofskikh nauk: materialy postoiannykh nauchnykh seminarov*, 3–9. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
- Kostiashov, Iu.V. 2009. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg* [Secret History of Kaliningrad Region. Essays 1945–1956ss] Kaliningrad: Terra Baltika.
- Kozyreva, P.M., and Iu.P. Lezhnina. 2014. Rossiiskaia molodezh': sem'ia, brak i seksual'nost' [Russian Youth: Family, Marriage and Sexuality]. In *Rossii i Kitai: molodezh' XXI veka*, 192–220. Moscow: Novyi khronograf.
- Kuznetsova, T.Iu. 2016. Geodemograficheskaia tipologiia munitsipal'nykh obrazovaniu Kaliningradskoi oblasti [Geodemographic classification of municipalities of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: Estestvennye i meditsinskie nauk* 1: 15–27.
- Kuznetsova, T.Iu., N.I. Sibireva. 2020. Ekonomiko-demograficheskie razlichii munitsipal'nykh obrazovaniu Kaliningradskoi oblasti [Economic and Demographic Differences of municipalities

- of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 1: 43–55.
- Mankevich, D. V. 2009. Kaliningradskoe selo v usloviakh “demograficheskoi revoliutsii” (vtoraia polovina 1940–1950-e gody): transformatsiia rozhdaiemosti [Kaliningrad village in the conditions of “Demographic Revolution” (second half of 1940–1950s)]. Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr., 226–233. Kaliningrad: Kant Kaliningrad State University.
- Martynova, M.Yu., R.A. Grigorieva. 2018. Geopoliticheskoe polozhenie Kaliningradskoi oblasti i zhiznennye strategii molodykh zhitelei: otsenka riskov [Geopolitical situation of Kaliningrad Region and life strategies of the young inhabitants: risks assessment]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir* 3 (17): 128–144.
- Mironova, S.G. O.V. Kuzmina (eds.); and O.V. Kuzmina (responsible for the issue). 2016. Molodezh' Rossii: sbornik referatov, statei iz periodicheskikh izdaniy za 2015 god [Youth of Russia: collection of essays, papers and periodicals]. Moscow: Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka dlia molodezhi.
- Mitrofanova, E. 2020. (Ne)vremia vzroslet': kak meniaetsia vozrast nastupleniia debiutnykh biograficheskikh sobytii u rossiian [(No)time to grow up: changing ages of debut biographical events in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie* 7 (4): 36–61. <https://demreview.hse.ru/>.
- Narodonaselenie: Entsiklopedicheskii slovar' [Population: Encyclopedic Dictionary]. 1994. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia.
- Zakharov, S.V., Mitrofanova, E.S. 2014. Demograficheskie kharakteristiki molodezhi v Rossii [Demographic Characteristics of the Youth in Russia]. *Rossiia i Kitai: molodezh' XXI veka*, 55–79. Moscow: Novyi khronograf.
- Zakharova, O.D., A.S. Akopian, and V.I. Kharchenko. 2002. Evoliutsiia rozhdaiemosti v Rossii vo vtoroi polovine XX veka: istoriia, sovremennost' i perspektivy [Evolution of fertility in Russia in the second part of XX Century: History, Contemporary and Prospects]. *Problemy prognozirovaniia* 6: 94–106.
- Zimovina, E.P. 2019. Sravnitel'nyi analiz molodezhi Evroregiona Baltika (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Contemporary Analysis of the Youth of Baltic Euroregion (based on sociological survey)]. *Problemy mezhregional'nykh svyazi*=Problems of connections between regions: nauchnyi al'manakh, 19–23. Vol. 14. Sankt-Peterburg; Klaipeda; Kaliningrad.
- Zimovina, E.P., A.V. Shchekoturov, and M.I. Krishtal 2020. Prostranstvennaia mobil'nost' i migratsionnye ustanovki reformennogo pokoleniia i pokoleniia millenialov Kaliningradskoi oblasti [Territorial mobility and migration aims of Reform Generation and Millennials of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im.I.Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 2: 86–105.

© А.М. Белов, О.Ю. Галинская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

После отмены крепостного права приток населения в города, в т.ч. в Кострому, привел к проблемам перенаселенности губернского центра и несоответствия существующей инфраструктуры (жилищной, транспортной, коммунальной) изменившейся численности жителей. Данная ситуация способствовала взрывному росту и распространению в Костроме заразных болезней, в том числе, массовых эпидемий холеры, тифа, оспы, скарлатины, следствием которых стала повышенная смертность среди костромичей, приводящая в некоторые годы к убыли населения губернского города.

В статье на материалах Костромской губернии, прежде всего, губернского центра, рассматривается общая эпидемиологическая обстановка с 70-х гг. XIX века до начала XX века, а также основные направления совместной деятельности губернского правления и городских органов общественного управления по снижению эпидемиологической напряженности и профилактике массовых заболеваний в период капиталистической модернизации. В статье приведены статистические данные по Костромской губернии и губернскому центру, использованы отчеты Медицинского департамента Министерства внутренних дел за указанный период, материалы периодической печати, показана региональная специфика решения возникших проблем, учитывая, что Костромская губерния относилась к числу наиболее развитых промышленных губерний Российской Империи.

Ключевые слова: массовые эпидемии, эпидемиологическая обстановка, Костромская губерния, смертность, губернское правление, общественное управление, статистика

Ссылка при цитировании: Белов А.М., Галинская О.Ю. Деятельность местных властей по борьбе с эпидемиями во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Костромской губернии) // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 128–143.

Белов Андрей Михайлович – д.и.н., профессор кафедры истории, Костромской государственной университет (156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17). Эл. почта: belovi_1957@mail.ru

Галинская Оксана Юрьевна – аспирант кафедры истории, Костромской государственной университет (156005 Кострома, ул. Дзержинского, 17). Эл. почта: oknikitina@yandex.ru

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 21-011-31820, рук. А.М. Белов.

На протяжении тысячелетий человечество периодически сталкивается с эпидемиями. Борьба с ними имеет длительную, полную драматизма историю. Только в XXI в. мир испытал на себе эпидемии свиного и птичьего гриппа в 2009 г., лихорадки Эбола в 2014–2015 гг., а пандемия коронавируса, вспыхнувшая в 2019 г., еще какое-то время будет оставаться в новостных строках мировых СМИ. Все это заставляет искать новые способы не только борьбы, но и профилактики заразных заболеваний. В связи с этим представляет интерес опыт борьбы и профилактики эпидемий в Российской империи, где в период урбанизации в конце XIX – начале XX вв. произошел резкий скачок численности городского населения, что повлекло за собой массовое распространение заболеваний. Статья подготовлена на материалах Костромской губернии – типичной губернии Центральной России.

В изучаемый период Костромская губерния входила в состав Московского промышленного района. Рост экономики сопровождался увеличением численности городского населения, прежде всего, губернского центра. Население Костромы выросло с 28 143 чел. в 1867 г. (Пирогов 1870: 8) до 68 700 чел. в 1914 г. (Рашин 1956: 90–91). Несоответствие в губернском городе объектов коммунальной инфраструктуры, прежде всего, водопровода и канализации, возросшей численности населения привело к росту инфекционных болезней. Поэтому первоочередными становятся меры по созданию благоприятных санитарно-гигиенических условий проживания в городе и снижению эпидемиологической напряженности.

В работе использованы данные медицинских отчетов Министерства внутренних дел Российской империи 1879–1914 гг., ежегодные обзоры Костромской губернии – приложения к всеподданейшим отчетам губернатора за 1870–1914 гг., локальные нормативно-правовые акты, материалы периодической печати, статистические данные Костромского губернского статистического комитета, отчеты Костромской городской Управы за указанный период. Медицинский департамент МВД ежегодно публиковал отчеты о состоянии народного здоровья в Российской империи на основании предоставляемых данных губерний, которые включали в себя информацию по рождению и смертности, заболеваемости и причинам смертности (Отчет Медицинского департамента 1877). Отдельно публиковались данные по заразным и эпидемическим болезням. Отчеты включали в себя также разделы по врачебно-полицейскому надзору, ветеринарной и судебно-медицинской частям и др. Данные отчеты позволяли выявить районирование болезней, определить очаги заболеваний, предусмотреть возможный масштаб их распространения.

Региональная специфика по эпидемиологической ситуации в губернии представлена в материалах периодических изданий «Эпидемиологический листок», «Костромские Губернские Ведомости» – обзорах Костромской губернии, где в разделе «Народное здравие» отражались данные по медицинской части и отдельно по эпидемиям, имевшим место в отчетном году (Костромские губ. ведомости 1871). В отчетах Костромской городской Управы приводятся данные по перечню проводимых мероприятий, направленных на снижение эпидемиологической напряженности в губернском центре и понесенным затратам на их осуществление (Отчет за 1898 г. 1899).

В конце XIX – начале XX столетия в России показатели рождаемости были одними из самых высоких в Европе, но прирост населения был бы еще более значительным, если бы не показатели смертности. В России только в XIX в. было зарегистрировано пятнадцать эпидемий чумы, восемь эпидемий холеры (Васильев 1960: 6), а

тифозные заболевания, оспа, дифтерия, корь, скарлатина регистрировались каждый год. Поэтому высокие показатели смертности были вызваны, в том числе, массовым распространением заразных или заразно-повальных (эпидемических) заболеваний, к которым в разное время относили различные болезни. Так, если в 70-е гг. XIX в. к их числу относились оспа, корь, скарлатина, дифтерия, грипп, коклюш, все виды тифов, сифилис, сибирская язва, то в 1914 г. насчитывалось 32 вида заразных заболеваний (Отчет Медицинского департамента 1878; Городовое положение 1870: 13).

На протяжении 80-х гг. XIX в. в России заразно-повальные болезни по заболеваемости и смертности занимали первое место. В 1882 г. из числа 3 509 171 больных, по которым была определена форма заболевания, 1 257 049 чел. (35,8%) имели болезни заразно-повального характера, при этом именно эти заболевания стали причиной смерти у 126 573 (10%) из них (Отчет Медицинского департамента 1884: 4–8). В 1886 г. из 10 624 313 чел. с зарегистрированной формой заболевания число заболевших заразными болезнями составило 1 840 708 чел. (17,3%), из них умерло 162759 чел. (8,8%) (Отчет Медицинского департамента 1891: 34–37). В начале XX в. эпидемическая напряженность в стране оставалась напряженной. При снижении удельного веса заразных заболеваний в общей структуре болезней населения в данный период, в абсолютных значениях число больных продолжало расти. В общей массе зарегистрированных заболеваний заразные болезни составили в 1911 г. – 14 754 853 чел. или 17% (Отчет о состоянии 1913: V), а в 1914 г. – 14 538 028 чел. или 16% (Отчет о состоянии 1914: VI).

При этом реальные показатели значительно отличались от официальных данных в связи с тем, что они указывались только на основании случаев с зарегистрированной формой заболевания, а учитывая невысокий процент обратившихся за врачебной помощью, значение указанных показателей не соответствовало реальной эпидемиологической ситуации в стране. Например, по данным отчета Медицинского департамента за 1884 г. врачебной помощью в стране в течение года воспользовалось лишь 11 538 555 чел., что составило 12% от всего населения Российской империи (96 052 071 чел.), из этого числа обратившихся только для 4 757 881 чел. (41%) была определена форма заболевания (Отчет Медицинского департамента 1887: 1–3).

С увеличением на местах численности врачей возрастала и доступность оказания врачебной помощи, что выражалось в увеличении регистрируемых форм заболеваний. При увеличении числа обратившихся за врачебной помощью менялась и общая картина заболеваемости по стране (Таблица 1).

Таблица 1

Численность зарегистрированных больных в к. XIX – начале XX вв.

Год	Абсолютные значения	На 1000 человек
1896	35 790 596	287
1898	42 125 892	327
1900	46 914 863	352
1902	52 378 558	361
1904	56 835 226	399

Таблица 1 (продолжение)

Год	Абсолютные значения	На 1000 человек
1906	65 773 550	447
1910	83 311 256	591
1912	90 875 669	621
1914	90 862 675	604

* (Отчет о состоянии народного здоровья 1908: 6, 12, 51; Отчет о состоянии народного здоровья 1914).

В Костромской губернии в указанный период количество больных заразными заболеваниями росло, как и в других российских городах. В 1900 г. число заболевших заразными болезнями в Костромской губернии составило 158 233 чел. (Обзор губернии 1901: 21), в 1910 г. – 167 866 чел. (Обзор губернии 1911: 28–29), в 1913 г. – 183 837 чел. (Обзор Костромской губернии 1914: 34).

Рост числа заболевших объяснялся, в том числе, налаженным учетом и повышением доступности врачебной помощи. Так, за 1888 г. была оказана «помощь со стороны врачебного персонала 351 301 больным, из числа коих 106 951 человек страдали заразными болезнями» (Обзор Костромской губернии 1892: 19), а в 1914 г. «больных острозаразыми болезнями, подлежавших наблюдению врачей и фельдшеров» было 163 758 чел. (Обзор Костромской губернии 1914: 34). Учитывая, что число обратившихся за врачебной помощью в губернии составило в 1914 г. 1 515 681 чел. (Отчет о состоянии народного здоровья 1916 (приложения): 4–5), доля заболевших заразными болезнями в губернии составила 10,8%.

При анализе причин смертности населения данные тоже были неполными в связи с тем, что статистика с обязательным удостоверением причин смерти врачами велась лишь в ряде крупных российских городов – Санкт-Петербурге, Москве и Одессе. В виду того, что в губерниях Европейской России охват врачебной помощью был не повсеместный, с 1891 г. вводится регистрация умерших от остро-заразных болезней по метрическим книгам.

Впервые в Российской Империи подобная практика была применена в Костромской губернии, когда в 1888 г. «приходские священники, по повелению преосвященного, вошедшего в согласие с губернатором, ежемесячно делали выборку из метрических книг об умерших от эпидемических болезней» (Айвазов 1913: 73–74), а затем передавали эти сведения полиции. Этот опыт был отражен во Всеподданнейшем отчете костромского губернатора В.В. Калачева за 1888 год и «Государю Императору Всемиловнейше благоугодно было признать означенный способ собирания сведений о заразных болезнях чрез приходских священников мерою весьма полезною...» (Белов 2009: 80; Рашин 1956: 312).

Синод в 1889 г. вменил духовенству всех епархий Империи, начиная с 1890 г., в течение трех лет проводить ежемесячную регистрацию смертности от заразных болезней по метрическим записям на основании опыта духовенства Костромской губернии. Впоследствии в 1890 г. этот способ определения смертности по данным метрических книг также был отражен в циркулярном предложении Министра внутренних дел губернаторам (Рашин 1956: 74). И хотя со стороны духовенства существовали неточности в определении причин смерти, все же эти данные были бо-

лее полными в отличие от данных врачебных управлений, которые регистрировали умерших из числа обратившихся за врачебной помощью.

Значительной была в общей структуре и доля заразных болезней при анализе причин смертности. В Костромской губернии в 1880 г. из 51 291 чел. от заразных болезней скончалось 14 117 чел. (27,5%) (Отчет Медицинского департамента 1884: 6), в 1906 г. – 15 826 чел. (15%) (Отчет о состоянии народного здоровья 1908: 32–45).

В Костроме, как наиболее развитом и населенном центре губернии, заразные болезни стали причиной смерти в 1880 г. у 183 чел. из 1164 умерших (Отчет Медицинского департамента 1882: 10), в 1883 г. – у 162 чел. из 988 умерших, то есть в 16% случаях (Отчет Медицинского департамента 1886: 16), в 1891 г. этот показатель составил 9% (115 чел. из 1231 чел.) (Отчет Медицинского департамента 1894: 12–13), в 1892 г. – 18% (216 чел. из 1231 чел.) (Отчет Медицинского департамента 1896: 12–13). Поэтому в исследуемый период были годы, когда по отношению к рождаемости смертность была выше, что приводило к убыли населения. Например, в 1880 г. по данным городского врача И.С. Иванова в Костроме образовалась убыль населения в 47 человек – «вся убыль падает на население мужского пола, в котором число родившихся было менее числа умерших на 54 человека. В женском населении была прибыль в 7 человек» (Иванов 1883: 6–7).

Прежде всего, в группе риска находились дети 1 года до 5 лет. Особо высокой была младенческая смертность: из 1145 чел. 390 чел. были дети на первом году жизни (34%) (Отчет Медицинского департамента 1891: 20–21), а в 1892 г. 454 младенца (37%) (Отчет Медицинского департамента 1896: 12).

В медицинском отчете за 1877 г. указывалось, что «детские болезни составляют две трети всех лихорадочных заразных болезней» (Отчет Медицинского департамента 1878: 6). В исследуемый период детские инфекции – дифтерия, коклюш, корь, скарлатина или «горлохвот» регистрировались почти ежегодно, часто принимая форму эпидемий. Как отмечал в своем обзоре городской врач И.С. Иванов, также руководивший сельской лечебницей при Костромском женском Богоявленском монастыре с 1874 по 1880 гг., ему «постоянно приходилось слышать о той или другой эпидемии, свирепствовавшей в Костроме, особенно об эпидемиях, поражающих преимущественно детей» (Пирогов 1881: 117).

Так, в 1876 г. в Костроме коклюш «принял форму эпидемии и притом в довольно больших размерах» (Отчет Медицинского департамента 1877: 14), а уже в 1880 г. Костромская губерния относилась к числу наиболее пострадавших российских губерний от скарлатины (Отчет Медицинского департамента 1882: 40). (Таблица 2).

Не менее опасной была корь. В отчете за 1879 г. медицинского департамента МВД отмечалось: «Корь менее других останавливает на себе внимание врачей и родителей, а потому... власти узнают о ней только в случаях особой злокачественности припадков и сильного повального распространения» (Отчет Медицинского департамента 1881: 407). В 1881 г. в Костромской губернии было зафиксировано максимальное число заболевших корью в Российской Империи – 4743 чел., далее следовали Киевская губерния с числом заболевших 3372 чел. и Гродненская губерния – 2343 чел. (Отчет Медицинского департамента 1884: 97).

Одной из серьезных заразных болезней в Российской Империи была оспа. Несмотря на то, что в России первый опыт вакцинации был произведен в 1801 г. и уже в 1804 г. прививка оспы проводилась в 19 губерниях России, оспопрививание не везде

было успешным, прежде всего, это касалось тех губерний, где проживало большое количество раскольников, к которым относилась и Костромская губерния.

Таблица 2

Данные по наибольшему числу заболевших скарлатиной в губерниях 1880 г.

Губерния	Число заболевших	Число умерших
Лифляндская	2266	303
Пензенская	1671	359
Саратовская	1436	410
Тамбовская	1261	284
Костромская	1000	186

В Костромской губернии эпидемия оспы распространилась в 1874 г. (Отчет Медицинского департамента 1877: 5). В основном этой болезни подвергались дети, в том числе и те, кому ранее было сделано предохранительное оспопрививание (Там же: 6). Поэтому на протяжении изучаемого периода Костромская губерния занимает первые строки официальных медицинских отчетов по числу заболевших и умерших от оспы. В 1877 г. в Костромской губернии наблюдалось максимальное число заболевших оспой в России – 1060 чел. В 1879 году оспа наблюдалась «так же, как и в предшествующие годы. Эпидемия оспы оказалась преобладающею на протяжении р. Волги <...> по среднему течению Волги она была в губерниях: Костромской и Нижегородской» (Отчет Медицинского департамента 1881: 16). Всего в Костромской губернии число заболевших составило 3661 чел. (Там же: 19). Наиболее вероятной причиной появления и развития оспы, по отзывам врачей, «заключалась в дурных условиях крестьянских жилищ в гигиеническом отношении в связи с дурным уходом за больными, в близком соприкосновении больных детей со здоровыми, нередко исполнявшими обязанности няnek в рабочее время» (Обзор Костромской губернии 1881). При этом со слов городского врача «болезнь эта появляясь ежегодно, составляла как бы продолжение свирепствовавшей в городе в 1874 году оспы, имевший весьма интенсивный характер...» (Там же).

Наряду с ежегодно регистрируемыми заразными заболеваниями, особо опасными были годы, на которые приходились эпидемии холеры. В течение XIX в. холера наблюдалась в России 8 раз (1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865 и 1892 гг.) (Васильев, Сегал 1960: 249). После каждого холерного «вторжения» следовало несколько лет, когда болезнь держалась в разных районах страны. Костромская губерния была в центре Российской империи, поэтому занос холеры, как правило, происходил по Волге через крупные центры торговли и распределение грузов: с низовьев через Нижний Новгород, либо через находившийся выше по течению Рыбинск. Сезонная динамика заболеваемости холерой приходилась, как правило, на лето и начало осени.

Впервые холера появилась в пределах России в 1823 г. (Там же: 252), а в Костроме первые случаи заболевания были зафиксированы в 1830 г. В работе П.Ф. Островского указывается, что «страшна была неожиданная весть о болезни, внезапно поражавшей людей смертностью и дотоле не известной в России...» (Островский 1964: 142). Затем на протяжении первой половины XIX в. болезнь повторялась в 1831 г.,

1848 г. «похитившая не малое число ее жителей от среды живых, понесших чрез это потери не возвратныя» (Там же: 164) и Холерная эпидемия 1853 г., несмотря на широкое распространение, была менее интенсивна, чем эпидемия 1848 г., но Костромская губерния оказалась в числе наиболее пострадавших. По официальным данным в Костромской губернии число заболевших холерой составляло 10 212 чел., а умерших – 5480 чел., но по данным городского врача Костромы И.С. Иванова, только по метрикам число умерших составляло 12 552 чел., следовательно, заболевших было еще больше (Иванов 1885: 18). В исследуемый период холера продолжала оставаться наиболее опасной заразной болезнью. Несмотря на существующий опыт по борьбе с холерными эпидемиями в 1830–1853 гг., среди специалистов не было выработано единого мнения на причины, способствующие возникновению и распространению болезни. В 1870-е гг. врачи обратили внимание, что эпидемии не могут объясняться только климатическими или почвенными причинами, что существует и социальный аспект данного явления. Учитывая низкую эффективность карантинных мер, власти от них постепенно отказывались, но новых мер в этот период выработано не было. Положительным результатом научной дискуссии стало понимание необходимости санитарного оздоровления населенных мест, устройство водоснабжения и регулярный вывоз нечистот. В 1870 г., в период очередного подъема эпидемии холеры в России, болезнью была поражена 31 губерния. В Костромской губернии в 1870 г. наблюдались единичные случаи болезни в Юрьевце, куда холера была занесена из Н. Новгорода, но широкого распространения она не получила (Материалы для статистики 1881). В полной мере болезнь проявила себя на следующий год.

В начале 1871 г. болезнь появилась в Петербурге и Москве, а с наступлением весны она стала распространяться по губерниям страны. В Костроме эпидемия началась в июне 1871 г., когда одного заболевшего холерой сняли с парохода, пришедшего из Рыбинска. Как указывалось в «Эпидемиологическом листке» за 1871 г., «холерный яд... скоро достиг Рыбинска и Ярославля, где вследствие скопления рабочих эпидемия быстро приняла серьезные размеры и стала распространяться по волжскому пути» (Архангельский 1871а: 13). В связи с этим в Рыбинске возникла паника – «большинство чернорабочих, чувствуя первый припадок холеры, Христом-Богом просили не отправлять их в больницы, а дать умереть лучше на вольном воздухе <...> более 8000 человек <...> ушли на родину, испугавшись эпидемии» (Архангельский 1871б: 10), тем самым став разносчиками болезни.

21 июня 1871 г. в земскую больницу Костромы был помещен заразившийся холерой на лесной пристани р. Волги мещанин Буйского уезда, затем заболела прислуга больницы, и с 28 июня болезнь стала быстро распространяться по городу. «Люди, малообеспеченные, изнуренные непосильным трудом или болезнями, сильно расположены к заболеванию холерой. Поэтому-то холера особенно резко обнаруживалась в бедных классах населения г. Костромы – между чернорабочими, ремесленниками, инвалидными солдатами, арестантами и проч.» (Иванов 1885: 42–43) – отмечал в своем обзоре холерных эпидемий на территории Костромской губернии городской врач И.С. Иванов. С августа в Костроме «эпидемия проявилась еще в сильнейшей степени, поражая значительное число не только бедных, но и зажиточных людей, тщательно себя оберегавших» (Обзор Костромской губ. 1871).

В отчете губернатора указывается, что причины, способствующие развитию болезни, видели в погодно-климатических условиях и употребляемой пище: «появ-

ление первых после весеннего времени, и довольно сильных жаров, потребление в Петров пост легко разстраивающих желудок, овощей – луку, капусты и картофеля, а после поста – резкая перемена в пище» (Там же).

Только к 19 сентября эпидемия в городе стала стихать. В ежегодном Всеподданейшем отчете костромского губернатора за 1871 г. указывается, что наиболее пострадали от холеры жители Костромы, Кинешмы и уездов: Костромского, Нерехтского, Буйского и Юрьевоцкого. Всех заболевших по губернии насчитывалось 4075 чел., из которых 1363 чел. умерло. Эпидемия холеры 1871 г. стала серьезным испытанием для городских органов общественного управления – городской Думы и городской Управы, которые, в соответствии с принятым в 1870 г. Городовым положением, осуществляли в городе врачебно-полицейский контроль.

Координацию противохолерных мероприятий в губернии осуществлял Губернский Комитет общественного здоровья, созданный в 1852 г. на основании указа Сената «О правилах учреждения и действий комитетов общественного здоровья» от 24 января 1852 г. с целью «охранения народного здоровья, ... для устранения всего того, что угрожает здравью, и принятия единообразных мер к пресечению болезней эпидемических и эпизоотических» (Отчет о состоянии 1915: 1–3). Комитеты общественного здоровья представляли собой коллегиальные органы надзора за эпидемиологической обстановкой в губернии. В состав комитета, кроме возглавлявшего его губернатора, входили должностные лица губернии, инспектор врачебной управы, Городской голова, городской врач, полицмейстер, представитель духовенства. Деятельность Комитетов общественного здоровья состояла, главным образом, в принятии санитарных мер во время возникновения эпидемий. За неимением средств их деятельность в остальное время ограничивалась просветительской работой.

В 1871 г. по случаю появления холеры в обеих столицах и в ряде других городов, Комитет общественного здоровья был созван еще до появления болезни в губернии. Комитетом были выработаны меры для предупреждения появления холеры в губернии, преследовавшие, главным образом, удаление с улиц, дворов и из жилых помещений нечистот, и повсеместную дезинфекцию. Городской Управе было поручено в трехнедельный срок привести в порядок площади, частные дома, и особенно грязные улицы, произвести медико-полицейский осмотр торговых и промышленных заведений, тюрем, казарм, больниц, фабрик и школ, причем особое внимание обращалось на устройство и чистоту ретиранных мест. Предполагалось также устройство временных больниц для болеющих холерою на пароходах, и в этой связи подбор квартир, а также информирование жителей о важности использования в быту дезинфицирующих средств, очистки помойных ям и ретиранных мест.

В Костроме вопросы дезинфекции приобретали особое значение, учитывая скудность проживания во многих районах, высокая степень передвижения населения через губернский центр, а также большое количество отходников и интенсивность речного сообщения (по ее притокам – рекам Кострома, Унжа, Ветлуга и др.).

В случае появления в стране эпидемии, в Костроме на берегу Волги устанавливался «санитарный надзор». Выявленные больные не допускались в город, а помещались в специально созданные на берегу Волги бараки (Обзор Костромской губернии 1871). По требованию городской Думы в городе при Управе определялся необходимый запас дезинфицирующих средств для выдачи неимущему населению бесплатно. Дезинфекции должны были подвергаться не только отхожие места и по-

мойные ямы, но и дома, квартиры частных лиц, помещения общественных учреждений, публичных заведений и др.

Помимо указанного в начале июля 1871 г. в печати публикуется объявление о появлении холеры в Костроме. По предписанию Комитета общественного здоровья домовладельцы обязаны были «нечистоты ретирад и помойных ям вывозить за город в отведенные для сего места, и строго запрещается сваливать их на берегу Волги» (Костромские Губернские Ведомости 1871: 192). Требования Комитета общественного здоровья легли в основу постановлений городской Думы обязательных для исполнения (Обзор Костромской губернии 1893: 6).

Для жителей города была составлена инструкция с описанием симптомов болезни и описанием необходимых действий в случае заболевания до появления врача. Также было принято решение о бесплатном лечении в городской больнице больных всех сословий.

Для организации контроля численности заболевших город был разделен на врачебные участки, во главе которых стояли врачи: И.В. Спасокукоцкий, Р.Ф. Рудзкий, И.А. Зитовецкий, М.Г. Бекаревич, Л.Д. Данилов, И.Н. Персиянцев, Ф.К. Гожов, М.А. Невский, В.В. Дримпельман (Костромские Губернские Ведомости 1871: 192). В помощь врачам в каждый из участков были назначены попечители, в обязанности которых входил обязательный обход домов с целью выявления заболевших и сообщения о них врачам. В период обострения заболевания из-за недостатка врачебного персонала попечителям были розданы противохолерные аптечки для оказания первой помощи больным до прибытия врача. Участие губернского земства в мероприятиях по прекращению холеры в Костроме выразилось в открытии холерного отделения, в котором получили врачебную помощь 259 человек (Обзор Костромской губернии 1871).

На заседании Костромской городской Думы в августе 1871 г. в связи с повышенной нагрузкой на врачей в период эпидемии городское общественное управление назначило дополнительное специальное вознаграждение: для врачей, состоящих на службе, оно составило 30 рублей в месяц, а для вольнопрактикующих врачей – 50 рублей в месяц. Для покупки медикаментов был открыт кредит в 200 рублей (Там же). Для организации своевременной доставки больных Дума приняла решение о найме 24 ночных извозчиков, которые были рассредоточены по всему городу с целью оперативной доставки к врачу, священнику или в больницу.

Для пресечения разного рода слухов и распространения в городе паники, в «Костромских Губернских ведомостях» еженедельно публиковались сводки «о числе больных, одержимых холерой по Костромской губернии» (Костромские Губернские Ведомости 1871, № 34: 244).

Существенным вкладом в борьбу с холерой стало создание в Костроме водопровода, строительство которого было начато в августе 1869 г. по предписанию Костромского губернского правления. Водопровод был пущен в эксплуатацию в сентябре 1871 г. (Рашин 1956: 26). Учитывая, что протяженность водопровода в городе была небольшой, и основная доставка воды населению продолжала осуществляться бочками, Думой уделяется особое внимание чистоте бочек (Костромские Губернские Ведомости 1871 №27: 240). В этот период еще не проводится полноценный контроль за продуктами питания, но Комитет общественного здоровья предписал полиции «не допускать продажи незрелых фруктов» (там же).

Повышенное внимание уделялось захоронению умерших от болезни. В целях борьбы с холерой полиции было предписано следить за погребением умерших, чьи

могилы должны были заливаться известью. Тем не менее на следующий год (1872) по Костромской губернии отмечались единичные случаи заболевания холерой, но она не приняла массового характера.

Из других мер борьбы с эпидемией холеры, владельцам фабрик и заводов вменялся в обязанность санитарный надзор за рабочими, а в случае эпидемии на них возлагалось обустройство холерных барачков на фабричных дворах. В случае выявления больных среди рабочих «строго наблюдать, чтобы они не были разсчитываемы и отпускаемы в деревни, как это нередко делается в настоящее время» (Обязательные постановления 1897: 27). В виду того, что холера в Костромскую губернию заносилась почти исключительно лицами, прибывавшими по Волге, содержатели пристаней должны были проветривать и очищать помещений дезинфицирующими средствами после каждого отбытия парохода, а в помещениях для пассажиров 3 раза в неделю стены в уровень роста человека и полы должны были обрабатываться кипятком с мылом (Там же: 26). Для проведения дезинфицирующих работ владельцы трактиров и гостиниц должны были в своих заведениях мягкую мебель или заменить на деревянную или же обить «клеенкою и притом совершенно гладко» (Там же: 22). Торговцам была запрещена продажа «белья, носильного платья и постельных принадлежностей, бывших в употреблении у больных заразительными болезнями (оспой, скарлатиной, тифом, холерой, дифтеритом и др.)» (Там же: 23).

Особо остро стоял вопрос контроля над нечистотами. В Костромской губернии существовала практика свозить в зимнее время нечистоты, хозяйственные отбросы и навоз на лед рек с тем расчетом, что весной все это будет унесено водой (Отчет Медицинского департамента 1887: 191). Органы общественного управления начали вести борьбу против этой практики. Помимо издания постановлений обязательных к исполнению, органы общественного управления занимались устройством ретиранных мест в местах массового скопления людей с целью предупреждения распространения заразных болезней. Первый общественный туалет в губернском центре появляется в Гостином дворе. В 1871 г. владельцам лавок в Гостином дворе г. Костромы вменялось «в неперемнную обязанность избрать места для устройства на них ретиранных мест и их устроить» (Обзор Костромской губернии 1915: 9). Вскоре здесь же появляется и первый ватер-клозет.

В Костроме городские органы общественного управления постоянно уделяли внимание поддержанию существующей водопроводной сети и дальнейшему ее развитию. Созданный в Костроме водопровод имел ряд существенных недостатков, прежде всего, отсутствие на нем фильтров. Это, в свою очередь, было одной из причин распространения заболеваний. В подготовленном для городской Думы докладе санитарной комиссии указывалось, что «за период 1893-1897 гг. смертность 32,2 на тысячу жителей, тогда как в английских городах – 16,4, в Норвегии 16,6, в Париже 18,3, в Берлине 19» (125 лет Костромскому водоканалу 1996: 40). В Костроме вопрос об улучшении качества питьевой воды стал обсуждаться в 1898 г., когда Дума поручила городской Управе «снестись со специалистами или с специальными техническими конторами, которые бы указали способ улучшения воды в городе из реки Волги или из других источников, составили бы на это смету расходов» (Отчет Костромской Городской Управы 1899: 151). Предложения технических специалистов по фильтрам были отклонены в виду их высокой стоимости.

В то же время, с ростом городского населения необходимо было определиться с основным и дополнительным источниками воды для населения города. Существующий

водоразбор не позволял покрывать все потребности растущего города. На заседании Думы в 1898 г. отмечалось, что «из существующего водопровода в некоторые дни не достаёт воды обывателям, в особенности... по субботам... в больнице губернского земства в этот день нельзя принимать в больницу больных, так как нельзя больным сделать, за недостатком воды, ванн» (125 лет Костромскому водоканалу 1996: 36–37).

Весной 1905 г. вода, взятая из буровой скважины в местности Якиманиха, «была подвергнута химическому анализу и признана годной для питья как лабораторией Феррейна, так и химико-бактериологическим институтом доктора Блюменталья» (Там же: 44). Оставалось только произвести расчеты по определению суточного количества воды, для чего были привлечены специалисты из Москвы. Таким образом, в городе помимо снабжения города волжской водой, был разработан альтернативный источник ключевой воды из района Якиманиха. В период с 1898 по 1909 гг. периодически поднимался вопрос об использовании фильтров на водопроводе и их эффективности, но установлены они были только в рамках мероприятий по празднованию 300-летия дома Романовых, широко проводившихся властью в Костроме в 1913 г.

В XX в. в Европейскую Россию холера вновь была занесена в 1904 г. и продержалась в стране до 1926 г. Значительное распространение болезнь получила с 1908 по 1910 гг., но в Костромской губернии рост заболевания пришелся на 1907–1910 гг. В 1907 г. Общее число пораженных холерой в губернии составило 277 чел., из них умерло 125 (Обзор Костромской губернии 1901: 42). Больше всего заболеваний было в губернском центре. Больные поступали из чайных, где были «добыты сведения, что все заболевшие пили сырую воду, в которой найдены были холерные вибрионы» (Обзор Костромской губернии 1908: 126). При эпидемии холеры в 1907 г. Кострома по опыту предыдущих лет была разделена на участковые санитарные попечительства, городской Управой были изданы правила организации деятельности участковых санитарных попечителей, а для жителей «вывешены на видных местах... наставления о холере с указанием, как самому уберечься от заразы и не давать заразе распространяться на других» (Обзор Костромской губернии 1901: 42). В губернской земской больнице открыто заразное отделение для заболевших, также открыты дополнительная больница на 30 мест в доме Костромского уездного земства и приемный покой на 6 мест за рекой Волгой с целью устранения возможности распространения болезни при переправе через Волгу. При Костромской городской Управе было образовано осведомительное бюро, в котором была вся информация по эпидемическому состоянию в городе. Казанским округом путей сообщения на берегу Волги был открыт барак для холерных больных с пароходов и судов, проходящих через Кострому (Там же: 42). Несмотря на серьезные профилактические меры, принятые в 1907 г., эпидемия холеры повторилась и на следующий год. Причиной болезни в 1908 г. вновь стала сырая вода, а «наибольшее число заболеваний холерой было в местах, находящихся в антисанитарном состоянии: скученность построек, экономическая необеспеченность населения, теснота и грязь» (Отчет о состоянии народного здоровья 1909: 131–132). Наряду с предпринимаемыми мерами, аналогичными ранее, городской Управой жителям города была предложена бесплатная предохранительная прививка.

Таким образом, если проследить деятельность органов городского управления за исследуемый период, то можно выделить ряд этапов в организации работы по предупреждению и прекращению заразных болезней и, прежде всего, холеры.

С введением в 1870 г. Городового Положения и закреплением за городскими структурами управления вопросов санитарного контроля, начался постепенный пе-

реход от разовых спонтанных действий, вызванных непосредственно эпидемиями, к осуществлению системных профилактических мер по благоустройству и оздоровлению городов, развитию в них постоянного санитарного надзора.

В период эпидемии 1871 г. действия городской Думы и Управы под контролем Комитета общественного здоровья можно отнести еще к разовым экстренным мерам в период холерной эпидемии. Эти действия осуществлялись на основании предписаний Медицинского департамента в случае появления в губернии эпидемии: разделение города на участки во главе с врачом, составление и распространение информационных материалов санитарно-просветительского характера, организация круглосуточного контроля за эпидемией в городе, очистка улиц, помойных ям и отхожих мест, а также их дезинфекция, бесплатное распространение дезинфицирующих средств и необходимых медикаментов среди малоимущего населения, увеличение количества мест для заболевших в городских больницах, бесплатное лечение всех сословий (Варадинов 1862: 398–399).

Формирование системы врачебно-полицейского надзора в целях оздоровления Костромы начинается после эпидемии 1871 г. В 70-е гг. основным механизмом обеспечения санитарного контроля в городе стало издание и контроль за исполнением обязательных постановлений городской Думы. Достижением городских органов общественного управления в этот период можно считать создание в городе водопровода. В 70-х гг. XIX века водопровод был проведен в 37 городах Российской империи (Васильев, Сегал 1960: 218), и Кострома оказалась одним из первых российских городов, где действовал этот объект коммунальной городской инфраструктуры.

В 80-90-е гг. XIX в. нормотворческая деятельность Городской Думы оставалась важным направлением работы, изданные ранее постановления дополнялись и уточнялись, расширяя круг лиц, участвующих в деле санитарного контроля. В этот период усилился контроль за продуктами питания. Вне зависимости от эпидемий в смету городского управления по разделу «Благоустройство» начинают вноситься статьи расходов: на ремонт водопроводных труб в ватер-клозетах, очистку ретирадных мест и помойных ям, ремонт и замощение мостовых, прокладку сточных труб для спуска вод с фабрик и заводов и др. К началу XX в. раздел сметы «Благоустройство» расширился за счет содержания городских свалок нечистот, ассенизационного и рабочего обозов. На постоянной основе стала проводиться работа по благоустройству городского пространства в виде устройства новых скверов, содержания бульваров, высаживания деревьев и цветов, устройство скамеек для горожан и др.

Одним из важных показателей эффективности деятельности городского общественного управления, на наш взгляд, можно считать процент смертности населения Костромской губернии. Если в 1876 г. средний показатель смертности по Европейской России составлял 32,5%, то в Костромской губернии – 39,4% (Отчет Костромской Городской Управы 1901: 3). К 1914 г. средний показатель по европейской России составлял 26,7%, а в Костромской губернии – 27,8% (Отчет о состоянии народного здоровья 1913: 2–4). Несмотря на то, что в Костромской губернии смертность незначительно, но была выше, чем в среднем по европейской России, данный показатель за исследуемый период снижается.

Проводя аналогии с сегодняшним днем, можно заключить, что эффективность борьбы с эпидемиями зависит от множества факторов. Но ключевым принципом профилактики должно быть согласованное взаимодействие медицинских

учреждений, органов управления, частных и государственных организаций, предприятий, и в немалой степени, частных лиц. Комплекс мероприятий, информирование граждан и координирующие усилия властей будут способствовать успешной борьбе с эпидемиями.

Источники и материалы

- Айвазов* 1913 – Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование Императора Александра III-го. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. 222 с.
- Архангельский* 1871a – Архангельский Г.И. Эпидемия холеры в России летом 1871-го года// Эпидемиологический листок. – 1871a. № 6. С. 10-13.
- Архангельский* 1871b – Архангельский Г.И. Обзор холерной эпидемии в России в 1871 году по 1 августа // Эпидемиологический листок. 1871b. № 7. С.17-20.
- Варадинов* 1855 – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. Ч. 3., кн. 3: Период третий: с 19 ноября 1825 по 20 августа 1855. СПб.: тип. МВД 1862. 725 с.
- Городовое положение 1870 – Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года Городовое положение с объяснениями. СПб.: типография МВД, 1870. 239 с.
- Иванов* 1883 – Иванов И.С. Движение населения Костромской губернии в 1880 году и причины смертности. Кострома: губернская типография, 1883. 699 с.
- Иванов* 1885 – *Иванов И.С.* Холерные эпидемии в Костромской губернии с 1830 по 1871 г./ Приложение к Губернским ведомостям, Кострома: губернская типография, 1885. 46 с.
- Костромские 8 1871 – Костромские Губернские Ведомости 1871. № 8
- Костромские 27 1871 – Костромские Губернские Ведомости 1871. № 27
- Костромские 34 1871 – Костромские Губернские Ведомости, 1871. № 34
- Костромские 35 1871 – Костромские Губернские Ведомости, 1871. № 35
- Материалы для статистики 1870 – Материалы для статистики Костромской губернии. Издание Костромского Губернского Статистического Комитета // Под ред. В. Пирогова. Выпуск первый. Кострома: губернская типография, 1870. 97, 63, 19 с.
- Материалы для статистики 1881 – Материалы для статистики Костромской губернии. Издание Костромского Губернского Статистического Комитета // Под ред. В. Пирогова. Выпуск четвертый. – Кострома: губернская типография. 1881. 303, 59 с.
- Обзор 1871 – Обзор Костромской губернии за 1870 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1871. 97 с.
- Обзор 1872 – Обзор Костромской губернии за 1871 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1872. 95 с.
- Обзор 1880 – Обзор Костромской губернии за 1879 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1880. 47 с.
- Обзор 1881 – Обзор Костромской губернии за 1880 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1881. 53 с.
- Обзор 1885 – Обзор Костромской губернии за 1884 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1885. 2, 30, 36 с.
- Обзор 1889 – Обзор Костромской губернии за 1888 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1889. 2, 26, 31 с.
- Обзор 1893 – Обзор Костромской губернии за 1892 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1893. 2, 30 с.
- Обзор 1894 – Обзор Костромской губернии за 1893 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1894. 2, 30, 45 с.
- Обзор 1895 – Обзор Костромской губернии за 1894 год: приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1895. 2, 32, 43 с.
- Обзор 1901 – Обзор Костромской губернии за 1900 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1901. 2, 36, 31 с.

- Обзор 1908 – Обзор Костромской губернии за 1907 год: Приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1908 2, 72, 34 с.
- Обзор 1911 – Обзор Костромской губернии за 1910 год: Приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1911. 2, 54, 26 с.
- Обзор 1914 – Обзор Костромской губернии за 1913 год: Приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1914 2, 66, 36 с.
- Обзор 1915 – Обзор Костромской губернии за 1914 год: Приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома. 1915. 2, 66, 36 с.
- Обязательные постановления Вып.1 1897 – Обязательные постановления Костромской Городской Думы для жителей города Костромы изданные в разное время в установленном законом порядке: в 2 т. Кострома: губернская типография, 1897. Вып. 1. – 50 с.
- Обязательные постановления Вып.2 1897 – Обязательные постановления Костромской Городской Думы для жителей города Костромы изданные в разное время в установленном законом порядке: в 2 т. Кострома: губернская типография, 1897. Вып. 2. 32 с.
- Островский* 1864 – Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском доме Романовых. Кострома: типография Андроникова, 1864. 245 с.
- Отчет Управы 1899 – Отчет Костромской Городской Управы за 1898 год. Кострома: губернская типография, 1899. 198 с.
- Отчет Управы 1900 – Отчет Костромской Городской Управы за 1899 год. Кострома: губернская типография, 1900. – 254 с.
- Отчет Управы 1901 – Отчет Костромской Городской Управы за 1900 год. Кострома: губернская типография, 1901. 364 с.
- Отчет Мед. департамента 1877 – Отчет Медицинского департамента за 1876 год, представленный Его Высокопревосходительству Господину Министру внутренних дел, СПб: типография Стасюлевича. 1877. 104 с.
- Отчет Мед. департамента 1878 – Отчет Медицинского департамента за 1877 год, представленный Его Высокопревосходительству Управляющему Министерством внутренних дел, СПб: типография Стасюлевича. 1878. – 217 с.
- Отчет Мед. департамента 1881 – Отчет Медицинского департамента за 1879 год, представленный Его Сиятельству Господину Министру внутренних дел, СПб: типография МВД. 1881. 407 с.
- Отчет Мед. департамента 1882 – Отчет Медицинского департамента за 1880 год. Представленный Его Сиятельству Министру Внутренних дел. СПб: типография МВД, 1882. 517 с.
- Отчет Мед. департамента 1886 – Отчет Медицинского департамента за 1883 год. Часть медицинская. СПб: типография МВД, 1886, 546 с.
- Отчет Мед. департамента 1877 – Отчет Медицинского департамента за 1886 год. Часть медицинская. СПб: типография Министерства внутренних дел, 1888. – IV, 405 с.
- Отчет Мед. департамента 1884 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1881 год. СПб: типография МВД, 1884. – 619 с.
- Отчет Мед. департамента 1885 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1882 год. СПб: типография МВД, 1885. – 803 с.
- Отчет Мед. департамента 1887 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1884 год. Часть медицинская. СПб: типография МВД, 1887. – IV, 176, 59 с.
- Отчет Мед. департамента 1891 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1888 год. СПб: типография МВД, 1891. – XXII, 146, 198 с.
- Отчет Мед. департамента 1894 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1891 год, СПб: типография МВД, 1894. – 11, 159, 305 с.
- Отчет Мед. департамента 1896 – Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год, СПб: типография МВД, 1896. – X, 159, 303 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья 1908 – Отчет о состоянии народного здоровья и ор-

- ганизации врачебной помощи в России за 1906 год / Управление Главного Врачебного Инспектора МВД. СПб: типография МВД, 1908. – с. VII, 100, 257
- Отчет о состоянии народного здоровья 1909 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1907 год / Управление Главного Врачебного Инспектора МВД, СПб: типография МВД, 1909. VIII, 224, 269 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья 1910 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1908 год / Управление Главного Врачебного Инспектора МВД, СПб: типография МВД, 1910. 273 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья 1912 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 год / Управление Главного Врачебного Инспектора МВД, СПб: типография МВД, 1912. – IX, 112, 269 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья 1913 Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1911 год/Управление Главного Врачебного Инспектора МВД. – СПб: типография МВД, 1913. IX, 84, 339 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья 1916 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 год / Управление Главного Врачебного Инспектора МВД. Петроград: типография МВД, 1916. – VIII, 63, 211 с.
- Полное собрание законов 1852 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 27 (1852). Ч.2. Дополнение к 27 тому. № 25930 а. Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=601®im=3 (23.07.2020)
- Церковные Ведомости 1889 – Церковные Ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1889. №32

Научная литература

- Белов А.М. (отв. ред., сост.) Служение отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1778–2009 гг.: ист.-биогр. очерки. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 296 с.
- Васильев К.Г. Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 397 с.
- Кучер Т.Я. (сост.) 125 лет Костромскому водоканалу. Кострома: ИПП «Кострома», 1996. 338 с.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / под редакцией академика С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 351 с.

*Belov, A.M., Galinskaya O.Yu.**

The activities of local authorities to combat epidemics in the second half of the XIX – early XX century (based on the materials of the Kostroma province)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/128-143

After the peasant reform of 1861, the growth of the urban population in Kostroma led to the problems of overpopulation in the provincial center. The existing infrastructure did not match (housing, transport, utilities) the changed population. This contributed to the sharp growth and spread of infectious diseases among the population of Kostroma, including massive epidemics of cholera, typhoid, smallpox, scarlet fever. The result was an increased mortality rate among the population. The article, based on materials Kostroma province, primarily the provincial center, examines the general epidemiological situation from the 70s of the 19th century to the beginning of the 20th century. The main directions of joint activities of the provincial government and city public administration bodies to reduce epidemiological tension and prevent mass diseases during the period of modernization are investigated. The article provides statistical data on the Kostroma province and the provincial center, uses

the reports of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for the specified period, materials from periodicals, shows the regional specifics of solving the problems that have arisen, given that the Kostroma province was one of the most developed industrial provinces of the Russian Empire.

Keywords: mass epidemics, epidemiological situation, Kostroma province, mortality, provincial government, public administration, statistics

For Citation: Belov, A.M, Galinskaya O.Yu. 2021. The activities of local authorities to combat epidemics in the second half of the XIX – early XX century (based on the materials of the Kostroma province). *Herald of Antropology (Vestnik Antropologii)* 2: 128–143.

Author Info:

Belov, Andrey M. – Doctor of Hist., Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: belovi_1957@mail.ru

Galinskaya, Oksana Yu. – PhD student, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: oknikitina@yandex.ru

Funding: The work was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 21-011-31820, supervisor A.M. Belov

References

- Belov A.M. (ed.) 2009. *Sluzhenie otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoi gubernii i oblasti, 1778–2009 gg.: ist.-biogr. ocherki* [Serving the Fatherland. Leaders of the Kostroma province and region, 1778-2009: ist.-biogr. Essays]. Kostroma: N.A. Nekrasov, KSU.
- Kucher, T.Ya. (ed.). 1996. *125 let Kostromskomu vodokanalu* [125 years of the Kostroma water utility]. Kostroma: IPP “Kostroma”.
- Rashin, A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.). Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays], edited by academician S. G. Strumilin. Moscow: State Statistical Publishing House, 1956. 351 p.
- Vasiliev, K.G. and A.E. Segal. 1960. *Istoriia epidemii v Rossii (materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia (materials and essays)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury [State Publishing House of Medical Literature].

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ СЕМЕЙСКИХ БУРЯТИИ О СИМПТОМАХ БОЛЕЗНЕЙ

Несмотря на достижения научной медицины, в XXI веке этнографы продолжают фиксировать информацию об обращениях русских к знахарям. Современная традиционная народная культура демонстрирует востребованность у русского народа лечения магическими способами. Соответственно возникает вопрос, как люди определяют, к кому им нужно обратиться за помощью, к знахарю или к врачу? На какие признаки своего самочувствия они ориентируются? Симптомы болезней в данном этнологическом исследовании рассматриваются в качестве компонента традиционной народной культуры русских. Такой подход предпринят для того, чтобы сравнить народно-медицинскую культуру старообрядцев Бурятии (семейских) с другими традициями русских европейской части России в сфере знаний признаков болезней, излечиваемых знахарями. При сравнении выяснилось, что обнаруженные в 90-е годы XX века народные знания семейских о симптомах часто аналогичны общерусским, наблюдавшимся этнографами и врачами в конце XIX – начале XX веков. Известные старообрядцам Бурятии симптомы болезней по своей информативности бывают двух видов. Исходя из видовой принадлежности симптома, болезни, излечиваемые у семейских магией, подразделяются на две группы: физически явные и материально неощутимые. Изучение знаний о симптомах также показало разницу между традиционной народной культурой и научной медициной в родо-видовом соотношении болезней и в том, какие состояния считаются заболеваниями.

Ключевые слова: народная медицина, симптомы, старообрядчество, семейские, русские

Ссылка при цитировании: Стадник Ю.А. Народные знания семейских Бурятии о симптомах болезней // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 144–156.

В общеизвестном исследовании Г.И. Попова по русской народной медицине про традиционные знания о признаках заболеваний говорится следующее: «Народная симптоматология, в строгом смысле этого слова, не существует, так как названия болезней, в большинстве случаев, почти всецело исчерпывают в то же время и их симптомы. Народная симптоматология может быть рассматриваема только как совокупность тех своеобразных выражений, которыми народ определяет свои ненормальные ощущения и характеризует те или другие болезненные явления. Представляя интерес с точки зрения способности мужика анализировать свои ощущения, все

Стадник Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры хореографического искусства, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (192238 Санкт-Петербург, ул. Фучика д.15). Эл. почта: semeyskaya@bk.ru

эти определения отличаются большой субъективностью, объективность же их почти всегда имеет суеверный источник» (Попов 1903: 177).

Наблюдения Г.И. Попова подтверждены во второй половине XX века лингвистическим исследованием В.А. Меркуловой. Изученные ею народные названия (около 400) болезней на материале говоров русского языка показали, что «в народной медицине квалифицируются не болезни в современном понимании этого слова, а болезненные симптомы, состояния, которые имеют внешнее проявление (жар, судороги, обморок) и субъективные ощущения больного (грудь заложило, в ухе стреляет, в голове обнос и т.д.)» (Меркулова 1980: 168).

Отождествление в традиционной русской народной медицине симптомов с заболеваниями объяснила в XXI веке Е.И. Кириленко в лингвокультурологическом исследовании названий болезней, присутствующих в словаре В.И. Даля. «Особого комментария требует обилие названий кожных заболеваний. В традиционном сознании внешнее описание преобладает над выявлением скрытых характеристик, что соответствовало уровню развития медицинских знаний, ориентированному на симптоматическое лечение, “по одним внешним признакам”. <...> Симптоматический подход неизбежно предполагает обращение ко внешним, телесным, кожным проявлениям заболеваний, собирая в одном ряду симптомы разных болезней. <...> Сами причины кожных заболеваний могут быть различны: от многочисленных внешних воздействий (механическое воздействие порождало мозоли, желваки, желуди, задубье, пупыри; крестьянин-земледелец сталкивался с растениями с раздражающим действием и др.) до заболеваний внутренних органов, нарушений обменных процессов. По-видимому, низок был уровень бытовой гигиены» (Кириленко 2012: 30–31).

Знания семейских о симптомах болезней тоже подтверждают мнение Г.И. Попова.

Семейскими называют локально-конфессиональную группу русских старообрядцев, проживающих в Забайкалье. Семейских подразделяют на две подгруппы: 1) семейских, проживающих в Бурятии; 2) семейских, проживающих в Красночикойском районе Забайкальского края (ранее Читинской области). Эти подгруппы отличаются друг от друга по антропологическим и диалектологическим признакам, в материальной и духовной культуре.

Фактологическими источниками для статьи послужили экспедиционные сведения, собранные автором у семейских Бурятии в местах их компактного проживания (Тарбагатайском и Мухоршибирском районах) и литературные источники.

Издавна старообрядцами Забайкалья практиковались разные лечебные способы. В 90-е годы XX века у семейских продолжало бытовать лечение магическими приёмами. При помощи магии принято лечить только определённый класс болезней. Например, чтобы избавиться от простуды, забайкальским старообрядцам заговор не требуется. Среди известных архивных и опубликованных материалов по семейским отсутствуют тексты от лихорадки (простудных заболеваний). Хотя в других русских традициях такие заговоры есть. В прошлом семейские лечились от простуды травами. Ниже пойдёт речь только о симптомах тех болезней, для излечения от которых применяются преимущественно нерациональные, с научно-медицинской точки зрения, способы.

Здесь и далее используются названия заболеваний, принятые у семейских. Если в литературных источниках встретилось название соответствующей болезни на русском или латинском языке, принятое в научной медицине, то оно следует за народным термином и находится в круглых скобках. Выяснение того, с какими болезнями

ми, известными медикам, соотносятся болезни, известные семейским знахаркам, не является целью и задачей данного *этнологического* исследования. Такая постановка вопроса ближе историкам медицины, имеющим профессиональное медицинское образование, то есть обученным диагностике заболеваний. Поэтому в данной статье научно-медицинскими названиями сопровождаются не все народные термины семейских, обозначающие болезни. Названия болезней семейских пояснены научными эквивалентами преимущественно тогда, когда есть информация об этом в статьях дореволюционного врача В.Ф. Демича, изучавшего русскую народную медицину и имевшего опыт общения с пациентами из рабочей и крестьянской среды. Попутно скажем, что изучение народных названий болезней тоже не входит в задачи данной научной работы, как у В.А. Меркуловой (Меркулова 1969, 1972, 1975, 1980, 1989) или Е.И. Кириленко (Кириленко 2012).

Забайкальские старообрядцы магическими средствами лечат «боли в руках», «водянку», «грыжу», «клин», «зубную боль», «испуг/переполох», «килу», «кóлотти»/боли в животе, «криксы/крикты», «от крови»/наружное кровотечение/порез, «огник», «порчу», «пуп новорожденного», «ржоу», «сглаз», «собачью старость» (рахит), «утин» (радикулит), от «тоски», от «худого», «щетинку», «ячмень» (ПМА). По литературным источникам известно, что в прошлом семейские лечили ещё от «ночицы» (Ровинский 1873: 123), от «лишая», от «колотья в боках», от «залома» (Воскобойников 1930: 82–84), от «родимца», от «сухой жабы», от «кукуса змеи», «волосец» (Болонев 1986: 122–125). Кроме перечисленных болезней старообрядцам Бурятии были известны «сучье вымя» и «хомут» (ПМА).

Далее рассматриваются сведения, полученные от семейских Бурятии о признаках некоторых из перечисленных болезней и, по возможности, комментируются при помощи информации из литературных источников. Традиционные знания семейских о признаках (симптомах) болезней основываются на их реальных наблюдениях и ощущениях. Во время экспедиционной работы редко удаётся встретить людей, на данный момент страдающих от болезней, которые излечивают знахари. Тем более, что этнограф чаще общается с теми, кто лечит, а не с теми, кто болеет. У автора не было возможности увидеть, как выглядят, например, редкие болезни «ржожа» и «собачья старость». Поэтому о признаках болезней приходилось подробно расспрашивать в ходе интервью: в каком месте возникает заболевание; имеются ли внешние симптомы на поверхности кожи; наблюдаются ли изменения в поведении больного человека; какое у него настроение; что чувствует заболевший; как он объясняет знахарю свой недуг.

На основе полученных от семейских сведений о традиционных знаниях симптомов возможно разделение болезней на группы. Какой-либо народной классификации болезней по симптомам в культуре старообрядцев Забайкалья не выявлено. В общении со знахарками иногда проскальзывало их отношение к тому или иному заболеванию в зависимости от сложности его лечения. В понимании семейских знахарок сложность заключается в продолжительности курса лечения (сколько требуется лечебно-заговорных сеансов) и, вероятно, в степени страданий заболевшего. От болезней «чирий» и «ячмень» избавляются в течение трёх сеансов. Поэтому к ним относятся как к пустяку. Для излечения от болезней «ржожа» и «худой» (порча) традиция может рекомендовать двенадцать сеансов, при этом больной очень плохо себя чувствует. Понятно, что такие заболевания считаются у семейских тяжёлыми. На основании продолжительности лечебного курса и степени нездоровых ощущений болезни могут быть подразделены на

лёгкие и тяжёлые, хотя сами семейские таких терминов по отношению к изучаемым здесь болезням не употребляют. Очевидно, что в разряд тяжёлых попали совершенно разные по симптомам болезни: «рожа», проявляющаяся наружно локально, и «худой», имеющий общее сильное недомогание. Возможно, эти болезни объединяет не только продолжительность лечебно-магического курса.

Изначально для данного исследования в экспедициях при сборе фольклорно-этнографического материала акцент был сделан на ту информацию, которая имеет отношение к магическим способам лечения. Выяснилось, что при помощи магии лечатся только определённые болезни. Поэтому о других нездоровых состояниях, например, простудных, излечиваемых семейскими, преимущественно, рациональными средствами, у автора сведения отсутствуют. Во время интервью вопросов о таких заболеваниях забайкальским старообрядцам специально не задавалось и сами семейские случайно о них не рассказали.

Обнаруженные в народно-медицинской культуре семейских Бурятии симптомы болезней, излечиваемых магией, по своей информативности бывают двух видов:

- указывающие на отклонения от нормы в материальной (телесной) составляющей человека;
- характеризующие нарушения духовной составляющей человека (его настроение и поведение).

Исходя из перечисленных разновидностей симптомов, болезни, поддающиеся у семейских магическим способам лечения, могут быть подразделены на две группы, соответственно: 1) физически явные; 2) материально неощутимые.

К физически явным недугам относятся болезни, которые обычно можно увидеть невооружённым взглядом и/или имеющие боли, локализующиеся в каком-либо участке организма человека. Большинство из таких болезней проявляется на поверхности в виде нарыва, раны, покраснения, опухоли, увядшей кожи. Единственное заболевание первой группы, при котором изменяется внешний вид всего больного – это «собачья старость» (рахит). Вся кожа новорожденного выглядит как у пожилого человека, старика. «Худенький рос, слабенький. <...> Сам он – ладенький, а как старый» (ПМА 6).

Болезнь с народным названием «собачья старость» была зафиксирована этнографами в разных губерниях/областях России. По мнению врача В.Ф. Демича, под таким названием может подразумеваться не одно заболевание, известное научной медицине. «Если ребёнок заметно худеет, по народному выражению, “сохнет весь”, будь это от рахита, хронической бугорчатки, плохого кроветворения, или от другой подобной причины, простолюдинки видят в таких случаях особенную болезнь – “*стеня*”, или “*собачью старость*”, <...> Во многих местностях “стеня” называется сухотка детей (*Atrophia infantum*). Дитя, страдающее ею, считается не земным жильцом» (Демич 1891: 199). У другого автора, Г.И. Попова находим, что «собачья старость» может иметь название «седун» (английская болезнь, то есть рахит) (Попов 1903: 42).

Сообщений от забайкальских старообрядцев о болезни «волосец» автору не встретилось. О существовании этого заболевания у семейских свидетельствует Ф.Ф. Болонев (Болонев 1986: 122–125). Болезнь под названием «волос» известна во многих других областях. Например, в Курском Посемьи так называют нарывы на ногтях пальцев рук и ног, сопровождающиеся сильной болью. Подобные нарывы В.Ф. Демич определил как *paranaritium/paranaricium/панариций* (Демич 1901: 435). По

аналогии с информацией из других регионов, наверно, семейский «волосец» возможно отнести к разряду физически явных заболеваний.

В этой группе болезней рассматривается и «грыжа»/Hernia, встречающаяся преимущественно у детей в нижней части тела. Повсеместно, в традиционной культуре, это заболевание характеризуется болезненным припадком (грызущей болью) с опухолью или без неё (*Высоцкий* 1911: 43; *Демич* 1891: 203). Знания русских крестьян о симптомах данного недуга В.Ф. Демич описывал так: «Не менее важная болезнь детей в глазах народа – “грыжа”. Под нею понимают, как то, что следует, так и всякую боль в животе, особенно у детей, когда они беспрестанно кричат, “сучат” ножками и при этом страдают поносами и другими неправильностями пищеварения. <...> По-видимому, простолюдин называет “грыжею” всякую болезнь, при которой что-то мучит, “грызёт” человека» (*Демич* 1891: 201–202).

Семейские, как и другие русские, подразделяют «грыжу» на виды по расположению места поражения. «Грыжа бывает внутренняя, болóнева, есть пуповая, есть яичная» (ПМА 7). По сообщению В.Ф. Демича “грыжа внутренняя”/“грыжа на животе” – это катарры у детей (поносы) (*Демич* 1891: 203). Этот же автор обнаружил, что русские в Череповецком уезде (ныне Вологодская область) «болоньями» называли невоспалительные опухоли, проявляющиеся наружно, например, Atheroma, и рассматривал их как заболевания кожи (*Демич* 1901: 343). В словаре В.И. Даля говорится, что «блona, ж., болонá <...> Расплывшийся нарост, опухоль; <...> кила, грыжа <...> Болонь вост.-сиб. брюшная часть говядины, брюшное, тонкое, худое мясо <...>» (*Даль* 1995: 98). Комментария от семейских о том, что такое «болонева грыжа» и чем она отличается от других разновидностей, не зафиксировано. Опираясь на В.И. Даля, допустим, что такой вид грыжи может иметь отношение к мышцам живота.

В очерке В.Ф. Демича о хирургии у русского этноса сообщается, что «весьма важна у народа г р ы ж а, под которою простолюдины понимают многие, самые разнообразнейшие заболевания. В старину слово г р ы ж а употреблялось в смысле глагола грызть, то есть нять, ломить. Под г р ы ж е й разумели боль, ломоту, но не выхождение внутренностей <...>. Грыжа, в хирургическом значении (Hernia), называлась тоже г р ы ж е й, но не в смысле опухоли, которая, при образовании небольшого грыжевого мешка, звалась килой, а в смысле боли» (*Демич* 1911: 1611–1612). Представления о «грыже», как о чём-то грызущем в разных частях организма, включая хронический ревматизм, заболевания суставов, сухожильных влагалищ, костей, опухоли, нарывы, сыпи (*Демич* 1911: 1611–1612, 1614), у семейских в 90-х годах XX века замечено не было. В заговорно-заклинательных текстах от грыжи забайкальских старообрядцев есть перечисления видов этой болезни: «Заедаю я грызь у раба Божиего младенца (имя) пуповую, паховую, глазную, жиловую» (ПМА 3); «Грыжа нутряная, грыжа пуповая, грыжа паховая, подите в лес» (ПМА 2). В двух других заговорах семейских от «грыжи» указывается топография болезни: «Не грызи, грыжа, у пупа» (ПМА 8); «Так же раба Божиего (имя), грыза, по животу не ходить» (ПМА 1). Только однажды была названа глазная «грыжа». В большинстве случаев в заговорно-заклинательных текстах семейскими были названы пупочная и паховая разновидности «грыжи». Отвечая на вопросы во время интервью, семейские знахарки говорили о «грыже» тоже, как о заболевании в области живота или паха. Вероятно, как и у русских повсеместно, в отдалённом прошлом у забайкальских старообрядцев название «грыжа» включало в себя разнообразные болезни, объединённые характером боли. К концу

XX века в народно-медицинской традиции семейских уже наблюдалось совпадение понятия «грыжа» с научно-хирургическим заболеванием *Hernia*.

Помимо паховой «грыжи» семейские ещё выделяют болезнь «клин». Знахарке, от которой было записано лечение от «клина», известно и лечение от «грыжи». Информатор распознавала эти болезни у детей по внешнему виду мужских половых органов. При «грыже» «яичко бывает светлое-светлое» (ПМА 7). «Клином» страдают новорожденные мальчики. При этом заболевании одно яичко увеличивается (ПМА 7). Из комментариев знахарки понятно только то, что она различает паховую «грыжу» и «клин». Обратимся за объяснениями к научной медицине. По одной из классификаций, основанной на величине и положении грыжевого мешка, все паховые грыжи делятся на три вида:

1. собственно паховая грыжа: мешок находится исключительно в паховом канале;
2. пахово-мошоночная канатиковая грыжа: мешок опускается в мошонку, но не достигает яичка;
3. пахово-мошоночная яичковая грыжа: мешок спускается в мошонку и достигает яичко, может располагаться вокруг него (Паховая 2014).

Вероятно, «клином» семейские называют третий вид паховой грыжи. Этот пример показывает ещё и разницу в восприятии того или иного состояния больного человека в народной и научной медицине. Две разные болезни «клин» и паховая «грыжа», с точки зрения традиционной медицинской культуры, в научной медицине выступают в качестве разновидностей одного заболевания.

По мнению семейских, болезнь «кила» представляет собой нарыв: у женщин на лице, у мужчин на половых органах (ПМА 10). В русской народной медицине «килой» называются большие гнойные фурункулы (Харитоновна 1999: 257). Врач В.Ф. Демич определял «килу» как «затвердевшую опухоль на частях тела, не защищённых одеждою» (Демич 1911: 1609). Далее он уточнил, что в русской народной терминологии под именем «килы» могут подразумеваться, кроме опухолей, ещё грыжи и нарывы (Демич 1911: 1610). Такие опухоли возникают «на “п р и т о ш н ы х” местах – на лице, в горле, в заднем проходе и на половых органах. К и л о ю называются также всякие наружные воспалительные опухоли, особенно скоротечные нарывы» (Демич 1911: 1610–1611). В представлениях семейских болезнь «кила» дифференцирована от грыжи, чирьев, ячменя.

Болезнь «огник» появляется на лице в виде водянистых пузырьков. «Огник бует, больки мокрые тут» (ПМА 5: 49). В других регионах России так могут называть прыщи на губах и языке (стоматит и/или герпес) и сыпь на лице (Демич 1901: 342, 346; Попов 1903: 43; Огник 2014). Судя по объяснениям знахарки, семейским известен «огник» только во втором значении. По диагностике В.Ф. Демича, данное народное название болезни соответствует в научной медицине такому заболеванию кожи как мокнувший лишай/eczema (Демич 1901: 343).

Со слов семейских, болезнь «рожа» – опухоль на коже, имеющая красный оттенок и свойство раздуваться. Кроме этого, при «роже» больное место зудится. Рожистая опухоль может появиться в любом месте на поверхности кожи. «Рожа – глубоко мышечное заболевание, опухшее, красное, опухоль. Большая температура. Человека знобит. Если запущена, возникает постоянный зуд, гнойники. Распространяется к сырому месту (ко рту, глазам), а если на теле – то в потливых местах. <...> 12 рож – красная, чёрная, вётренная, хропуша (давит человека)» (ПМА 9). По мне-

нию В.Ф. Демича, в русской традиционной народно-медицинской культуре термином «рожа» может называться как известное научной медицине заболевание рожа (*erysipelas*), так и «многие другие воспалительные болезни, как флегмона, лимфангоит и тому подобное» (Демич 1911: 1618).

Семейским известна болезнь «сучье вымя»/ «сучьи титьки», которая возникает в подмышечной впадине и представляет собой опухоль. «Сучье вымя – подмышки натягивает у детей, у всех. <...> Ну, как титьку натянет» (ПМА 6: 71). Такое заболевание в русской народной медицине встречается повсеместно. По утверждению В.Ф. Демича, «сучьим выменем» русские называют воспаление подмышечных желёз (Демич 1911: 1623). «Сучье вымя» является устаревшим названием болезни «гидраденит». Это заболевание «представляет собой тяжёлое воспаление апокринных потовых желёз, размещающихся в области подмышечных впадин, паха, значительно реже – в области ареолы соска, гениталий, ануса и мошонки» (Сазонов 2020). В народной медицине семейских «сучьим выменем» называется воспаление только в подмышечной области.

Объяснить, как выглядит болезнь «хомут», информаторы не смогли, потому что о ней плохо помнили. На момент общения автора со старообрядцами Забайкалья знахарки, умевшие лечить такую болезнь, уже ушли из жизни. Сведения были получены от знахарок, знавших о «хомуте» понаслышке. По мнению семейских, это было тяжёлое заболевание и трудно излечимое. О том, что такое заболевание проявлялось наружно и локально, известно по литературным источникам (Матвеева 1987: 127–139). От нестарообрядческого населения Восточной Сибири было записано, что обычно «хомут» представлял собой красную окружность вокруг туловища или на лице (на носу, на губе). Как будто на человека надет хомут. У больного при этом могли быть зуд, опухоль, нарыв, ощущение удушья. Возможно, что «хомутом» называли опоясывающий лишай.

Болезнь «щетка» страдают новорожденные дети. Они не могут спокойно лежать на спине, ёрзают, потому что на коже есть остатки остевых волос, которые ассоциируются с щетиной. Научкой установлено, что это явление – обычный атавизм, связанный с внутриутробным развитием человека (Демич 1901: 351). В научной медицине такое состояние кожи младенца не рассматривается в качестве болезни. В народно-медицинской традиции русских, в том числе и семейских, наоборот, «щетка» новорожденных считается заболеванием.

В Забайкалье, как и повсеместно в России, известны нарывы на разрезах глаз. Такой недуг семейские называют общепринятым в разных регионах словом «ячмень». Научная медицина данную болезнь определяет как *hordeolum*, то есть «острое гнойное воспаление волосяного мешочка ресницы и сальной железы Цейса, которая располагается около луковицы ресниц. <...> Симптомы <...> воспаление и отёк края века, краснота, болезненность» (Ячмень 2020).

К группе физически явных болезней относятся также «боли в руках», «водянка», «жаба» (зоб), «зубная боль», «кóлотти», «лишай», наружное кровотечение/порез, рана на пупе новорожденного, «ут́н» (радикулит). Они определяются по болевым ощущениям и/или внешним повреждениям на организме человека.

Ко второй группе относятся болезни, для которых не характерны поражения каких-либо органов и частей тела у человека. Взрослые больные жалуются на плохое душевное состояние и общую слабость. Младенцы беспрерывно плачут. У детей по-

старше появляется заикание. К материально неощутимым болезням семейских относятся: «испуг/переполох», «криксы/крикты», «порча», «сглаз», «тоска», «худой». В научной медицине перечисленные народные названия недугов могут соответствовать нервно-психическим заболеваниям (*Высоцкий* 1911: 52; *Грысык* 1992: 13).

Сведений о кликушах (бесноватых) от старообрядцев Забайкалья автором записано не было. В литературных и архивных источниках по семейским о них информации не встретилось. Возможно, что семейские не знали такую болезнь, как икота. Напомним, что симптомы у кликуш соответствуют истерии (*Демич* 1889: 1).

«Испуг/переполох» чаще бывает у детей, реже – у взрослых. Согласно научной медицине, более расположены к испугу (неврозу страха) дети младшего возраста (в возрасте до двух лет), а также те, кто слишком заласкан или слишком строго воспитывается. Это явление может выражаться в таких симптомах, как ночные кошмары, хождение и плач во сне, недержание мочи, частый плач, перевозбудимость, заикание, страх одиночества или отсутствия родителей, немотивированный страх перед какими-либо объектами (Испуг 2020). Традиционные народно-медицинские наблюдения старообрядцев Забайкалья за данным заболеванием совпадают с научными. По словам информантов, испугавшись домашнего животного, резкого звука или человека, ребенок плохо спит. Семейские по симптомам «испуг» отличают от «сглаза» и «крикс». Такие больные спят с полуоткрытыми глазами, могут страдать ночным недержанием мочи.

«С.Ю. А как узнать, испугался ребёнок или нет?

Е.Е.А. А он ежели испугался, то он спит, а глаза-то у него открыты, щёлки открыты. Вот, испугался. А по ём видно, он и сикаться начнёт» (ПМА 5:43).

В Курском Посемье считают, что больные «испугом» заикаются. Забайкальские старообрядцы при этой болезни такой симптом, как заикание не назвали. Семейские у данной болезни различают своего рода степени тяжести. «Испуг» бывает маленький и большой (ПМА 4). Соответственно, последний лечится дольше, то есть нужно совершить большее количество лечебно-магических сеансов.

«Криксы/крикты» – по убеждениям семейских, детская болезнь, проявляющаяся в непрерывном беспричинном плаче у новорожденных. По мнению В.Ф. Демича, «крикливицы» (то же, что и «криксы») – «беспокойное состояние детей от какой-нибудь болезни» (*Демич* 1891: 207).

Больные «сглазом» всегда жалуются на общее плохое самочувствие. «Начинают зевать, как-то сибё, ну, в теле не то получается, какое чувство, какой-то вялый делаешься. Заболеешь прóста-ки» (ПМА 7). О симптомах «сглаза» у Г.И. Попова есть такое описание: «Иногда глазу приписывается лишь лёгкое недомогание – головная боль, соединённая с зевотой, а иногда все болезни внезапные, особенно сопровождающиеся тяжёлым общим чувством и жаром» (*Попов* 1903: 37). «Славянские древности» о признаках сглаза сообщают следующее: «Человек, которого сглазили, начинает бледнеть, худеть, сохнуть; он жалуется на головную боль, головокружение, потерю сознания, слабость, ломоту во всём теле, тошноту, отвращение к пище и т.п.» (*Левкиевская* 2009: 599).

При болезнях «порча», «тоска», «худой» больные испытывают сильное общее недомогание, а также у них ухудшается настроение. По симптомам эти болезни и «сглаз» схожи друг с другом. Существенные отличия имеются в представлениях семейских о возникновении этих болезней.

Сохранившиеся до 90-х годов XX века народно-медицинские знания семейских о симптомах нездорового состояния находят себе аналогии в других региональных традициях русского народа. Это свидетельствует о существовании связи с общей системой традиционных представлений о болезнях. Данная связь позволяет делать предположения на основе общерусского фонда там, где недостаточно сохранились или отсутствуют полностью традиционные знания у старообрядцев Бурятии. С другой стороны, поскольку народные представления семейских о симптомах болезней такие же, как и у русских повсеместно, то в этих знаниях не обнаруживается мировоззренческая этнокультурная самобытность забайкальских старообрядцев. Может быть это обстоятельство связано с тем, что информация была собрана автором в 90-е годы XX века от современных людей, всё-таки отошедших от традиционных народных представлений об окружающем мире. Более ранних сведений о симптоматических знаниях семейских архивные материалы и научная литература не дают.

В своё время В.Ф. Демич заметил, что одним русским народным термином могут быть названы различные в научной медицине болезни (*Демич 1911: 1604*). Позднее обозначение одним и тем же словом различных заболеваний в русских говорах разных областей России наблюдала и советский учёный В.А. Меркулова. Приведём один из её примеров, «<...> *лопу́ха, ланту́ха, ланту́шка, ланту́шки*. Все эти формы используются для обозначения болезней, сопровождаемых сыпью крупными пятнами, лепешками, «лаптами». Имеются в виду скарлатина, корь, краснуха, ветрянка, оставляющие редкие следы <...>» (*Меркулова 1972: 158–159*). Судя по рассмотренной выше информации о симптомах грыжи, такое явление было свойственно и семейским Бурятии. Однако, в конце XX века у старообрядцев Бурятии в знаниях о признаках грыжи наблюдалась тенденция сближения народной симптоматологии с научной медициной. Вероятно, это можно объяснить повышением уровня просвещённости у населения по сравнению с рубежом XIX–XX веков.

Изучение народных знаний семейских о симптомах болезней показало, что в русской традиционной культуре отдельно взятого региона различными болезнями могут считаться разновидности одного заболевания (по научным меркам). При этом определяющим фактором является анатомо-топографическое основание, то есть место поражения. Например, в зависимости от расположения грыжевого мешка в области паха семейские диагностируют две разные болезни, «грыжу» и «клин». Или, в научной медицине гидраденит объединяет разные поражённые области тела, а в народно-медицинской культуре семейских разновидность этого заболевания, появляющаяся в подмышечной впадине, воспринимается как отдельная болезнь под названием «сучье вымя». Подобные воспаления потовых желез в других частях туловища забайкальские старообрядцы так не называют. Также очевидно, что для проведения изучения народных знаний семейских о симптомах оказалась существенной первоочередностью анатомо-топографического принципа, которую выявила Е.И. Кириленко в ходе лингвистической классификации названий болезней (*Кириленко 2012: 8*).

В то же время обратим внимание на то, что знания семейских Бурятии о симптомах, записанные в 90-е годы XX века, нашли аналогии в источниках конца XIX – начала XX веков. Этот факт свидетельствует об устойчивости бытования некоторых элементов традиционного народного мировоззрения у современных русских.

Проведённое в данном исследовании на основе народной традиционной симптоматологии распределение болезней на физически явные и материально неощутимые

позволило упорядочить фольклорно-этнографические факты, записанные от семейских. При таком разделении не оказалось случаев пересечения двух групп, то есть не было заболевания, которое могло бы быть отнесено и к первой, и ко второй группе. Поэтому предложенный способ группировки имеющегося материала оправдал себя.

Ориентируясь на перечисленные в статье симптомы, семейские верят в магические способы лечения. С признаками нарушения здоровья забайкальские старообрядцы Бурятии обращаются к *бабушкам* (знахаркам).

Источники и материалы

- Болонев* 1986 – Болонев Ф.Ф. О народной медицине и заговорах русского населения Забайкалья // Генезис и эволюция этнических культур Сибири / отв. ред. И. Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. Новосибирск: [Б.и.], 1986. С. 114–129.
- Воскобойников* 1930 – Воскобойников В. Приметы и суеверия семейских. Бурятияведение, 1930. № III–IV (11–12). С. 81–84.
- Высоцкий* 1911 – Высоцкий Н.Ф. Народная медицина. Москва: типография Л.В. Пожидаевой, 1911. 168 с.
- Грысык* 1992 – Грысык Н.Е. О причинах и локализации сглаза, уроков, призоров и некоторых других болезней // IV Соловецкий общественно-политический форум: «Человек и общество, психическое здоровье и экология культуры». Архангельск-Соловки: Издательство Поморского университета, 1992. С. 12–14.
- Даль* 1995 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А—З. Москва: Издательство ТЕРРА, 1995. 800 с.
- Демич* 1889 – Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины (I. Акушерство и II. Гинекология у народа). Медицина (газета для практических врачей), 1889. № 22. С. 1–3; № 23. С. 5–7; № 26. С. 3–6; №32. С. 4–6; № 33. С. 4–7; № 37. С. 5–7; № 38. С. 4–8; №39. С. 1–5; № 40. С. 1–2.
- Демич* 1891 – Демич В.Ф. Педиатрия у русского народа. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1891. Т. XI. Кн. 2. С. 125–145; Т. XI. Кн. 3. С. 187–212; Т. XII. Кн. 1. С. 66–76; Т. XII. Кн. 2. С. 111–123; Т. XII. Кн. 3. С. 169–186.
- Демич* 1901 – Демич В.Ф. Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа. Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии, 1901. Вып. 4. С. 337–364; Вып. 5. С. 423–455.
- Демич* 1911 – Демич В.Ф. Очерки русской народной медицины. Хирургия у русского народа. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1911. Кн. 11(ноябрь). С. 1603–1627; Кн. 12 (декабрь). С. 1739–1794.
- Испуг* 2020 – Испуг. Медицинский портал Tiensmed. Доступ: <https://yandex.ru/turbo/tiensmed.ru/s/news/ispug1.html> (дата обращения 17.12.2020).
- Левкиевская* 2009 – Левкиевская Е.Е. Сглаз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). 2004 г. М.: Международные отношения, 1995 – 2014. С. 597–602.
- Матвеева* 1987 – Матвеева Р.П. (отв. ред.). Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 400 с.
- Огник* 2014 – Огник. Портал «Изда-Читальня – электронные книги и бесплатные учебники». Доступ: <http://uchebnikfree.com/netraditsionnaya-medsina-populyarnaya/ognik-13643.html> (дата обращения 27.07.2014).
- Паховая* 2014 – Паховая грыжа. Аптека тяньши: Здоровый образ жизни, альтернативная медицина, БАДы. Доступ: <http://www.tiensmed.ru/news/pahgrija-r8m.html> (дата обращения: 26.07.2014).
- ПМА 1* – Полевые материалы автора. № 86. Лечение грыжи. Записали 7.06.1993. Ю.А. Стадник и О.Ю. Фурман в с. Куйтун Тарбагатайского района Бурятии от семейской Власовой Евдокии Ивановны («Савонихи»), 1906 г. р. Дневник № 1.

- ПМА 2 – Полевые материалы автора. №91. Лечение грыжи. Записано 7.10.1999. в с. Десятниково Тарбагатайского района Бурятии от семейской Чистяковой Анны Прокопьевны, 1916 г. р. (уроженки с. Десятниково). Аудиокассета № 14 (А).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. №15. Лечение грыжи. Записано 22.07.1997. в с. Заган Мухоршибирского района Бурятии от семейской Никоновой Евдокии Павловны, 1928 г.р. Аудиокассета № 7 (В).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Дневник №3. Записано 23.07.1997. в с. Шаралдай Мухоршибирского района Бурятии от семейской Кравцовой Фёклы Павловны, 1924 г.р.
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Дневник №4. Записано 25.07.1997. в с. Шаралдай Мухоршибирского района Бурятии от семейской Евдокимовой Елены Антоновны (в народе – Христины), 1935 г.р.
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Дневник № 4. Записано 26.07.1997. в с. Шаралдай Мухоршибирского района Бурятии от семейской Карповой Анны Исаковны, 1930 г.р., уроженки с. Новый Заган этого же района.
- ПМА 7 – Полевые материалы автора. Дневник № 5. Записано 29.07.1997. в с. Никольское Мухоршибирского района Бурятии от семейской Калашниковой Екатерины Михеевны, 1936 г.р.
- ПМА 8 – Полевые материалы автора. № 45. Лечение грыжи. Записано 29.07.1997. в с. Никольское Мухоршибирского района Бурятии от семейской Калашниковой Екатерины Михеевны, 1936 г.р. Аудиокассета № 9 (А). Дневник № 4.
- ПМА 9 – Полевые материалы автора. Дневник № 6. Записано 3.05.1998. в с. Никольское Мухоршибирского района Бурятии от семейской Капустиной Валентины Ивановны, 1937 г. р.
- ПМА 10 – Полевые материалы автора. Дневник №2. Записано 7.10.1999. в с. Десятниково Тарбагатайского района Бурятии от семейской Чистяковой Анны Прокопьевны, 1916 г.р.
- Ровинский* 1873 – Ровинский Н.А. Материалы для этнографии Забайкалья (продолжение). Известия Сибирского отделения Императорского РГО, 1873. Т. IV. №3. С. 112–132.
- Сазонов* 2020 – Сазонов Г.А. Сучье вымя (гидраденит): симптомы, причины, профилактика и методы лечения сучьего вымени. Медицинский портал dr20.ru. Доступ: <http://dr20.ru/kojnye/gidradenit/> (дата обращения: 05.12.2020).
- Ячмень* 2020 – Ячмень. *Викимедия*. Доступ: [https://wiki2.net/%D0%AF%D1%87%D0%B%D0%B5%D0%BD%D1%8C_\(%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%B%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5\)](https://wiki2.net/%D0%AF%D1%87%D0%B%D0%B5%D0%BD%D1%8C_(%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%B%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5)) (дата обращения: 05.12.2020).

Научная литература

- Кирилленко Е.И.* Круг болезней в языковом сознании и медицинской традиции русских: опыт классификации по материалам словаря В.И. Даля. Медицинская антропология и биоэтика: Научный, образовательный, научно-популярный журнал. Электронное издание. Доступ: <http://jmaib.iea.ras.ru/ru/journal/vypusk-3> (дата обращения: 2.08.2014).
- Меркулова В.А.* Народные названия болезней, I (На материале русского языка) // Этимология. 1967. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии», 24–31 января 1967 г. / отв. ред. О.Н. Трубачев. Москва: Наука, 1969. С. 158–172.
- Меркулова В.А.* Народные названия болезней, II (На материале русского языка) // Этимология. 1970 / под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1972. С. 143–206.
- Меркулова В.А.* Народные названия болезней в русском языке // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы всесоюзной научной конференции 10–12 марта 1975 г. / отв. ред. Ю.В. Бромлей. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1975. С. 56–57.
- Меркулова В.А.* Народные названия болезней, III (На материале русского языка) // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография / отв. ред. Р.И. Аванесов. М.: Наука, 1980. С. 168–185.

Меркулова В.А. Народные названия болезней, IV (На материале русского языка) // Этимология. 1986 – 1987 / отв. ред. О.Н. Трубочёв. М.: Наука, 1989. С. 140–152.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Санкт-Петербург: типография А.С. Суворина, 1903. 404 с.

Харитоновна В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 602 с.

Stadnik, Yulia A.

Folk Knowledge of the Semeyskiye of Buryatia about the Symptoms of Diseases

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/144-156

Despite the achievements of scientific medicine, in the XXI century Russians still recourse to healers according to the ethnographic data. Modern traditional folk culture demonstrates the popularity of treatment by magic among the Russians. This raises the question of how people decide whether they should turn to a healer or a doctor. What symptoms are they guided by? The present study considers symptoms of diseases as an element of the traditional Russian folk culture. This approach allows us to compare the folk medical culture of the Buryat old believers (Semeyskiye) with other traditions of Russians of the European part of Russia concerning the diseases cured by healers. It was found that the folk understanding of the symptoms among the Semeyskiye revealed in the 90-s of the XX century is often similar to general Russian knowledge observed by ethnographers and doctors in the end of the XIX century—beginning of the XX century. The symptoms and the diseases known to the old believers of Buryatia that can be cured by magic fall into two categories: physically obvious and materially imperceptible. The study revealed the difference between traditional folk culture and scientific medicine in type and variety of diseases and what conditions are considered diseases.

Keywords: *folk medicine, symptoms, old belief, Semeyskiye, Russians*

For Citation: Stadnik, Y.A. 2021. Folk Knowledge of the Semeyskiye of Buryatia about the Symptoms of Diseases. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2 (54): 144–156.

Author Info:

Stadnik, Yulia A. – senior lecturer of Department of choreographic art, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: semeyskaya@bk.ru

References

- Kharitonova V.I., 1999. *Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavian: problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniy* [Spell and charm art of the Eastern Slavs: problems of traditional interpretations and opportunities of modern research]. Moscow: RAS Institute of Ethnology and Anthropology.
- Kirilenko, E.I. 2012. Krug boleznei v yazykovom soznanii i meditsinskoj traditsii russkikh: opyt klassifikatsii po materialam slovaria V.I. Dalia. *Meditsinskaia antropologiya i bioetika: Nauchnyi, obrazovatel'nyi, nauchno-populiarnyi zhurnal* 3 [Range of diseases in the Linguistic consciousness and medical tradition of Russians: classification experience based on the materials of the dictionary by V.I. Dal. In *Medical Anthropology and Bioethics: Scientific, educational, popular science journal*]. <http://jmaib.iea.ras.ru/ru/journal/vypusk-3> (Accessed 2.08.2014).

- Merkulova, V.A. 1967. Narodnye nazvaniia boleznei, I (Na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases, I (based on the material of the Russian language)]. In *Etimologiya. 1967. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma "Problemy slavianskikh etimologicheskikh issledovaniy v svyazi s obshchei problematikoï sovremennoï etimologii"*, 24–31 yanvaria 1967 g. [Etymology. 1967. Materials of the International Symposium "Problems of Slavic etymological research in connection with the general problems of modern etymology", January 24–31, 1967], edited by O.N. Trubachev, 158–172. Moscow: Science.
- Merkulova, V.A. 1972. Narodnye nazvaniia boleznei, II (Na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases, II (based on the material of the Russian language)]. In *Etimologiya*, edited by Zh.Zh. Varbot, L.A. Gindina, G.A. Klimova, V.A. Merkulovoi, V.N. Toporova, O.N. Trubacheva [Etymology. 1970], edited by Zh.Zh. Varbot, L.A. Gindin, G.A. Klimov, V.A. Merkulova, V.N. Toporov, and O.N. Trubachev, 143–206. Moscow: Science.
- Merkulova, V.A. 1975. Narodnye nazvaniia boleznei v russkom yazyke [Folk names of diseases in the Russian language]. In *Etnograficheskie aspekty izucheniia narodnoi meditsiny. Tezisy vsesoiuznoi nauchnoi konferentsii 10-12 marta 1975 g.* [Ethnographic aspects of study of folk medicine. Abstracts of the all-Union scientific conference of March 10–12, 1975], edited by Yu.V. Bromlei, 56–57. Leningrad: Science.
- Merkulova, V.A. 1980. Narodnye nazvaniia boleznei, III (Na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases, III (based on the material of the Russian language)]. In *Drevnerusskii yazyk. Leksikologiya i leksikografiia* [Old Russian language. Lexicology and lexicography], edited by R.I. Avanesov, 168–185. Moscow: Science.
- Merkulova, V.A. 1989. Narodnye nazvaniia boleznei, IV (Na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases, IV (based on the material of the Russian language)]. In *Etimologiya. 1986–1987* [Etymology. 1986–1987], edited by O.N. Trubachev, 140–152. Moscow: Science.
- Popov, G.I. 1903. *Russkaia narodno-bytovaia meditsina: Po materialam etnograficheskogo biuro kniazia V.N. Tenisheva* [Russian folk and household medicine: based on the materials of the ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. St. Peterburg: tipografiia A.S. Suvorina.

АНТРОПОЛОГИЯ ЗРЕЛИЩНЫХ ИСКУССТВ

УДК 39+78.085.3

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/157-176

© С.И. Рыжакова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА. БЕСЕДЫ С АКРАМОМ КХАНОМ О СУДЬБЕ, ВДОХНОВЕНИИ И СЦЕНИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Современный танец – глобальный феномен, однако национальные и этнические аспекты регулярно проявляются и в содержании, и в форме постановок, и в судьбах артистов. Акрам Кхан – один из самых известных и высокооплачиваемых танцоров и хореографов нашего времени: член Ордена Британской Империи за заслуги в области танца с 2005 г., он – создатель множества балетов, представляемых различными труппами, а также автор и исполнитель сольных представлений. Каждое из его выступлений – событие, предлагающее новое видение как формы, так и содержания современного танца. Настоящая статья написана на основе многолетних исследований южноазиатской танцевальной культуры, а также личных бесед Светланы Рыжаковой с Акрамом Кханом в 2017 и 2019 гг. и анализа особенностей его семейной истории, творческого пути и особенности художественной деятельности. Обсуждение проблем этнокультурной идентичности, отношения к языку и к телу, исторической памяти, социальной напряженности, «своего» и «чужого», понятию родины, а также тех путей и способов, с помощью которых современность можно отражать на сцене легли в основу наших разговоров.

Ключевые слова: *современный танец, Акрам Кхан, этнокультурная идентичность, память, катхак*

Ссылка при цитировании: *Рыжакова С.И.* Антропологические аспекты современного танца. Беседы с Акрамом Кханом о судьбе, вдохновении и сценическом повествовании // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 157–176.

В июле 2019 г. в Большом театре в Москве в рамках Международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова выступал Лондонский королевский балет – привезли

Рыжакова Светлана Игоревна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32А).
Эл. почта: SRyzhakova@gmail.com

*Работа над статьей осуществлена в рамках научно-исследовательской работы С.И. Рыжаковой в ИЭА РАН

постановку «Жизели» Акрама Кхана¹. Был аншлаг, билеты спрашивали уже за пару километров до театра. Среди зрителей оказалось немало знатоков танца, балетоманов, историков театра. Пришли и обычные зрители, их занесло сюда волной престижа и эксклюзива: тусовка бомонда! После представления шли к метро, передо мной шагала небольшая компания, симпатичные девушки. На ходу они залезли в свои телефоны: пришла пора погуглить и узнать, что же они посмотрели, кто режиссер, поставивший это чудо? Углубившись в текст и прочитав имя, одна девица в изумлении громко воскликнула: «индус?!!!» Компания была потрясена.

Вообще-то говоря, Акрама Кхана едва ли можно назвать «индусом». Он родился в 1974 г. в Уимблдоне и вырос в Лондоне, его родители – мигранты из Бангладеш: мусульманская семья, но весьма вестернизированная и с огромным стремлением к хорошему образованию для детей. Но если на минутку позабыть о разделе Индии, послушать рассказы самого Акрама и подумать о его творчестве, то конечно, он в определенной степени «индус»: за ним стоит культура Южной Азии, и прежде всего Бенгалии, он прекрасно знает великий эпос, *Махабхарату*, и прошел первое танцевальное обучение в индийском классическом танцевальном стиле *катхак* у гуру Пратапа Павара, живущего, так же как и семья Акрама, в Лондоне. В разговорах о своей восточной родине Акрам чаще апеллирует в целом к Индии. Будучи подростком, он подумывал отправиться в Дели для получения более глубокого образования в институте, специализирующемся на *катхак*, *Катхак Кендре*: он бывал в классах Бирджу Махараджа и Раджендры Гангани. Получилось, однако, иначе: он стал исполнителем другого направления, уровня и класса.

Современный танец – глобальный феномен, однако национальные и этнические аспекты регулярно проявляются и в содержании, и в форме постановок, и в историях о судьбах артистов. Однако о национальном и этническом здесь нередко иронизируют, ностальгируют, вспоминают и размышляют. Существуют разные возможные ракурсы исследования казалось бы хорошо известных и кажущихся совершенно «не этнографическими» форм искусства. Об этом, в частности, ярко заявила в 1969 г. на Втором Международном конгрессе исследователей танца американский антрополог и исследовательница танца, Джоан Кеалиинохомоку, урожденная Уиллер (Joann Marie Wheeler Kealiinohomoku (1930–2015)). Она выступила с докладом «Антрополог смотрит на балет как на форму этнического танца», и продемонстрировала, что и балет можно анализировать как своего рода «этнический танец», что «высокое искусство» обладает столь же условным и культурно-специфическим характером, как и то, что долгое время рассматривалось как «народные» или «племенные» танцы (Kealiinohomoku 1983: 533–549). Этот же принцип можно распространить и на современный танец – явление в целом гораздо более разнообразное чем балет. Однако следует несколько уточнить фокус взгляда и методику. Нужно выявить, во-первых,

¹ Фамилия или титул «Кхан», «Хан» широко известны в мусульманском мире от Передней до Южной и Юго-Восточной Азии, первоначально были связаны с кочевыми народами степного ареала Центральной Азии, и вместе с тюркскими династиями распространялась весьма широко. Ныне это одна из самых распространенных фамилий мира, которую носят около 24 миллионов человек. Написание, транскрипция, как и произношение этой фамилии или титула варьируется в разных языках мира и в их письме: так, по-арабски это خان. Фамилия খান в записи бенгальского письма, или в языке хинди в письме деванагари खान образована слогом “kha” и нозализованным долгим гласным “a”. На латинице она всегда транслитерируется как “Khan”, и на русском языке ее следует писать как «Кхан». Аллауддин Кхан, Вилайят Кхан, Салман Кхан, Шах Рух Кхан, Амир Кхан и т.д.

какие конкретные сообщества он представляет (пусть и небольшие в одних случаях и обширные и малосвязанные в других), а во-вторых, какие социальные и культурные функции и как он выполняет.

Исполнители современного танца не столько «принадлежат» определенным нациям, этническим сообществам или культурам, сколько пересекают их, играют с парохильными элементами, размыкают сложившиеся стили и создают нечто новое, часто не стремясь кодифицировать и зафиксировать достигнутое. Это прекрасно демонстрируют судьбы многих основателей современного танца: Мод Эллен (Maud Allan), Айседоры Дункан (Isadora Duncan), Луи Фюллер (Loie Fuller), Рут Сен Дени (Ruth St. Denis), Теда Шоуна (Ted Shawn), Марты Грэм (Martha Graham). Это отражено, в частности, в автобиографии великой танцовщицы Марты Грэм (*Грэм 2020*). Само становление современного танца происходило в результате столкновения и взаимодействия различных подходов, моделей и эстетик. Взаимная адаптация американской и немецкой танцевальных практик хорошо видна в творчестве Пины Бауш (*Клименхага 2021*), объединяющем неоэкспрессионистскую эмоциональную трактовку тела и движения и формалистский аналитический подход, особенно развившийся в работах Мерса Каннингема. Опыт 1970-1980-х годов напоминал то, что происходило и в 1930-е гг., когда Ханья Хольм принесла в Нью-Йорк экспрессионистскую эстетику танца Мэри Вигман: «Эмоционально немецкий танец глубоко субъективен, а американский – объективен в своих характерных проявлениях <... > Американская танцовщица стремится наблюдать, изображать свое окружение, комментируя увиденное, интеллектуально осмысливая и глубоко анализируя его. Немецкая танцовщица, напротив, начинает с непосредственного эмоционального опыта как такового и его воздействия на личность» (*Partsch-Bergsohn, Bergsohn 2003: 57*).

На мой взгляд, именно при отстраненной позиции особенную ясность и осмысление получают национальные и этнические черты: они могут оставаться в «репертуаре», но не довлеют над исполнителем.

Примечательно, что то, что еще недавно называлось «этническим искусством» постепенно начало переименовываться в «мировое искусство»; так уже в 1960-е гг. появился термин «world music», позднее факультеты народного искусства (Folk Arts) в ряде университетов были переименованы в факультеты мирового искусства (*Foster 2009*). Долгие годы все западные формы танца и театра, в том числе классические формы Индии и Японии, включались в программу «этнического» / «мирового». Однако постепенно, по мере взаимного расширения и углубления знаний об исполнительских традициях в разных странах мира, ситуация начала меняться. Весьма своеобразным пространством взаимодействия стал современный танец (modern dance). Опыт танцоров, происходящих из семей мигрантов первого и второго поколения, оказался здесь особенно важным.

Акрам Хан – известный и успешный танцор и хореограф нашего времени; см. (*Prickett 2011*). Художественные критики пишут о нем в превосходных тонах, восторгаясь его техническим мастерством, хореографическими идеями и их сценическим воплощением, а также и поражаясь той ответной реакцией зрителей, которую вызывают он сам на сцене и его работы. В 2005 г. его, тридцатидвухлетнего танцора, выдвинули в члены Ордена Британской Империи за заслуги в области танца. В его танце ощутимы философская глубина (что уже отмечено в литературе, см.: *Sparshott 1995*), а также и интерес к истории и судьбам народов. В послужном

списке Акрама множество выдающихся постановок, а среди самого знаменитого – выступление на церемонии открытия Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. Сейчас он находится на пике своей карьеры: в 2019 г. в Москве, после «Жизели» прошел также и «Ксенос», – как говорит Акрам, последнее из числа его сольных спектаклей. Периодически происходят гастролы его труппы, представляющей постановки прежних лет. Однако сам Акрам в дальнейшем предполагает в большей степени ставить на «другие тела». Он много путешествовал, гастролировал по всему миру. Бывал он несколько раз и в Москве: его постановки можно было увидеть в Московском академическом Музыкальном театре К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, самую последнюю в первых числах апреля 2021 г.: новое обращение к «Kaash», созданному почти двадцать лет назад.

Мы неоднократно встречались и беседовали с Акрамом Кханом; неизменно мы обсуждали и его индийский танцевальный опыт. Некоторые мысли и фрагменты наших разговоров уже опубликованы в небольшой заметке «Акрам Кхан: о жизни, танце и историях» в газете «Экран и сцена» (Рыжакова 2020). Антропологическое прочтение современного танца в целом и феномен Акрама Кхана требуют более серьезного и детального внимания.

В наших разговорах речь шла далеко не только о танце и театре: постоянно затрагивались темы памяти, этнической идентичности, социальных и гендерных проблем, политики.

Этнокультурная идентичность в зеркале биографии и искусства

Акрам Кхан действительно в определенной мере «индус», если исходить из изначального употребления этого слова в XIX в.: имеется в виду принадлежность его родителей к цивилизации Южной Азии, Индии в широком смысле этого слова — пространству, разделенному Британским Раджем, Францией и Португалией (несколько крохотных территорий) а также – около двух пятых всей земли – десяткам полунезависимых княжеств. Его родители родились в Восточной Бенгалии, ставшей в 1947 г. частью государства Пакистан, а затем, в 1971 г. отвоевавшей себе независимость как Республика Бангладеш. В какой-то мере Акрам – дитя этой войны, этого раздела Индии и дальнейших трансформаций, спасаясь от бед которой его родители покинули свою родину. Родители уехали оттуда, потому что считали: семья не должна погибнуть ни за что. Все беды, произошедшие до того, были очень свежи в их памяти.

Кажется символичным, что мальчик был зачат в Бангладеш, а родился уже в Англии: пересечение границы, которое он совершил еще в пренатальный период своего существования, стало одним из главных занятий его жизни – личной и профессиональной. Родители пересекли политическую и культурную границу, но навсегда сохранили свою бенгальскую идентичность. Мама обрела свое культурное «прибежище» в бенгальском языке, который почитался в семье и был необходим родителям, словно воздух. Как это часто бывает с бенгальцами, в семье укрепился культ образования.

Беседу 2017 года мы начали с рассказа Акрама о его родителях, с интересной дихотомии в отношениях: большая душевная близость с матерью и некоторая дистанция с отцом. Мама Акрама, Анвара Кхан, в девичестве Рахман, происходила из весьма образованной семьи. Ее отец, Кхалифо Рахман, был математиком, и личность

дедушки оказала большое влияние на внука. Мама же с детства увлекалась литературой и была очень начитанной, особенно хорошо она знала бенгальскую литературу и любила искусство, хотя танцем, пусть даже народным, ей в семье заниматься толком не разрешали. Со временем она стала преподавать языки, обзавелась учениками. Отец, Мошараф Хусейн Кхан, принадлежал семье среднего класса, и по приезде в Англию начал работать в ресторане бухгалтером. Искусства он особенно не понимал и не принимал, зато хотел, чтобы его дети были успешными, желательно, в области науки или предпринимательства.

Кажется важным, что Акрам знает бенгальский язык: по отношению к нему в семье выработался своеобразный пиетет. Надо сказать, что бенгальская культура – и здесь неважно, идет ли речь о мусульманских или индуистских семьях – в очень значительной степени строится на любовном и внимательном отношении к языку. Национально-освободительная борьба и формирование Бангладеш во многом строились на требовании сохранить статус бангла как национального языка. Он сохранялся и в семьях мигрантов, став средоточием исторической и культурной памяти. Мама говорила с Акрамом только по-бенгальски; любопытно, что мальчик в первые годы жизни даже не знал, что мама говорит по-английски. В тот день, когда ему исполнилось десять лет, он вдруг услышал от нее: «Happy birthday!»

А.К.: «Эти два слова просто поразили меня, я воскликнул: «Мама, как, ты говоришь по-английски?» Я был просто сражен наповал! – «Конечно, – отвечала она, – я говорю по-английски, я даже преподаю английский язык, как и бенгальский». Но она словно бы утаивала это знание от меня» (FM 2017 Moscow).

Итак, мальчик знал бенгальский язык и много слышал о стране своих предков, позднее много раз бывал в Бангладеш, однако эта принадлежность для него так и осталась весьма формальной. В 2011 г. он создал спектакль «Деш» (буквально «страна», часть названия государства Бангладеш) и посвятил его отцу: пронзительная история связи человека с его родиной, которая живет в памяти, привычках, мыслях, в духах и демонах воспоминаний и надежд. Эта острота понимания происходила, по-видимому, оттого, что в большей степени Акрам принадлежал Англии – ее многогостничному обществу последней трети XX в. Однако еще значительнее оказалась иная, возвышенная принадлежность юноши – искусству, прежде всего, танцу.

А.К.: «Мама любила искусство, народные танцы. Но она хотела, чтобы я учил танец полноценно, выражал в танце, кстати говоря, нашу память, историю, то, что случилось с нами, ведь это все можно выразить посредством хореографии. Что такое народный танец, о чем он? Он же рассказывает о том, чем ты окружен, чем занимаешься, что происходит вокруг. Вот, я танцевал народные танцы. Но вскоре мама поняла, что мне следует позаниматься классикой, чтобы сформировать в теле некоторую дисциплину. Она встретила с моим гуру-джи, Пратапом Паваром, он тоже жил в Лондоне. Увидела его танцующего, ей понравилось, и она подумала: может быть, получится? Хорошо, когда учитель – мужчина. Мне было тогда 7 лет, и я стал ходить на занятия – 2 или 3 раза в неделю. И каждый уик-энд мы где-то выступали. Но сначала я воспринимал это так, несерьезно, пока гуру-джи не поговорил со мной по поводу того, чтобы я по-настоящему стал его учеником. И он вложил в мое сознание идею ответственности. Я понял, что унаследую что-то важное для него. Речь пошла о танце не как о получении удовольствия; я осознал, что мне нужно буквально дышать катхаком, спать и есть в состоянии танца, вообще изменить, возвысить свое

тело» (FM 2017 Moscow).

Итак, занятия танцами – сначала народными, а затем и индийским классическим – тоже были своеобразной формой «закрепления» этнокультурной идентичности, о чем заботилась мама Акрама. Тело и дух юноши пришли в движение. Детство сменялось подростковым периодом.

С. Р.: – Как же ты обрел своего учителя? Расскажи о нем.

А.К.: «Мой учитель практиковал индуизм, но был очень открытым и к другим религиям, любил и принимал многое в других религиях, в исламе, например. Как и моя мать, кстати, они вообще имеют много общего. Надо было принять решение об ученичестве, и я стал его учеником. Началась работа. Я стал учеником Пратапа Павара, начал учить его постановки, постигать его хореографию» (FM 2017 Montreal).

Учитель помог Акраму найти самого себя. Кстати говоря, Пратап Павар всегда был прекрасным поваром и особенно хорошо готовил дал – традиционное индийское гороховое блюдо. Акрам сравнивает готовку на кухне и работу танцора: «Как танцору, тебе необходимо понять процесс стряпни. Это стало для него [учителя, Пратапа Павара – С.Р.] средством, поспособствовавшим мне развить свое терпение» (Hind 2017).

Лорна Сандерс, автор нескольких статей об Акраме Кхане и его творчестве, пишет, что по пятницам и субботам, поздними вечерами, мама Акрама устраивала дома концерты, приглашались музыканты, готовилось и подавалось много еды. «И я тогда, – признавался ей Акрам, – прятался в уборную, где сочинял и писал хореографические заметки на стенах. В другие дни я практиковался в кухне, надевал *схунгхуру*. Представляю, какой это был кошмар для соседей. Танцевал буквально на одном метре площади, рядом с ящиком для посуды. Когда внешнее пространство столь ограничено, ты хочешь – не хочешь, сосредотачиваешься на пространстве внутри себя» (Sanders 2003).

Акрам рос среди мигрантов. В те годы – вторая половина 1980-х и начало 1990-х гг. – травмы войны и потерянной родины были очень свежи. Образование в этой среде означало надежду на хорошее будущее, и на то, что, возможно, удастся приблизиться к статусу британцев. Акрам признался, что вырос в окружении докторов, инженеров, юристов, бухгалтеров, и что он «ненавидит ученых»: тех, кто сидит за столом и «диктует ему, что должно быть, и что нет». Акрам с горечью вспоминает, что в детстве был окружен развитыми, умными ребятами.

А.К.: «Для меня же язык стал врагом, я просто никак не мог себя выразить! Мало кому было интересно со мной – я говорил только о танце. К тому же, танцевать для мальчика – это вообще-то, тем более в те годы, было своего рода вызовом. Мой голос стал очень тихим. Я угнезвился где-то там в своем теле. Чувствовал, как становлюсь тенью. Никто не обращал на меня внимания. Я был словно немой. Потому что я не посещал частную школу. Просто экзаменов туда не сдал, то ли не был способен, то ли недостаточно усердно занимался. И другие дети часто просто игнорировали меня, словно меня не существует. Это очень сильно повлияло на меня в детстве. Все остальные дети из моего окружения посещали частные школы. Моя сестра тоже. А я – обычную, государственную. И конечно, предполагалось, что с таким ребенком что-то не в порядке. Интеллектуально я был не особо силен. Но когда я начал высту-

пать, то понял: о, люди, оказываются, слушают меня! Я говорю с ними посредством своего тела. Когда я на сцене – это единственный момент, когда ко мне относятся серьезно. Язык стал мне врагом, но моя физика, язык моего тела стали моей речью. Движение тела, вот мой путь. Я это понял уже довольно рано» (FM 2017 Moscow).

Путь к танцу: образование и выработка метода

Немалую роль в формировании современного культурного ландшафта Лондона как бывшей имперской метрополии, куда устремились бывшие подданные из разных колоний, начали играть разные культурные центры. В 1980 г. появилась Академия индийского танца (Academy of Indian Dance), позднее переименованная в Akādemi (South Asian Dance). Здесь работают танцевальные и музыкальные классы, сюда приезжают индийские артисты, здесь проводятся концерты, отмечаются праздники. Удача сопутствовала Акраму с детства: десятилетним мальчиком он попал в труппу этой Академии, поставившей «Приключения Маугли», и в 1984 и 1985 гг. ездившей на гастроли по разным странам мира. В 13 же лет его взял великий Питер Брук, затеявший в своей Shakespeare Company грандиозную постановку *Махабхараты*; между 1987 и 1989 гг. проходили мировые гастроли этого представления, а в 1988 г. появилась его телевизионная версия.

Эти годы стали временем интенсивного обучения, когда Акрам окупился в мир великого индийского эпоса, Махабхараты, и это было для него очень значительно. Он признается: «каждый характер словно бы впечатывался в меня, словно *мантра*. Сейчас-то это все уже стало частью меня, но оно было вложено именно тогда» (FM 2017 Montreal). Не случайно позднее возник спектакль «Until the Lions» (в русском переводе «Пока львы молчат») – осмысление образа Амбы, трагической героини эпоса.

Гастроли с Питером Бруком были организованы столь превосходно, что Акрам остро ощутил различие: как «по-царски» труппу всюду принимали, и как потом, когда он вернулся домой и стал подрабатывать официантом в ресторане, где работал и его отец, начал терпеть пренебрежение и иногда даже презрение со стороны посетителей. Середина 1990-х гг.: туда приходили полубанды, сомнительные компании, они бросались бутылками и иногда даже унижали официантов.

Интересно, что в это же время Акрам начал понимать, что его родина – это не Англия, и не Бангладеш, а только его тело; об этом он упоминал в некоторых интервью, см. (Bohm-Duchen 2018). «Только тело – всегда при мне, где бы я ни оказался. Но и оно постоянно меняется... Я всегда чувствовал, что те места, где живу, – они словно взяты в долг. Как бы заимствованы. И что надо двигаться дальше», – признавался Акрам (FM 2017 Moscow).

Возможно, это было связано с болезненным ощущением чуждости и «здесь» и «там»: психологическая промежуточность стала также тем, что заставляло его двигаться вперед. В шестнадцать лет Акрам отправился в Лейчестер, чтобы изучать современный танец. Его увлекло творчество Марты Грэм, Мерса Каннингема, Пины Бауш. Одновременно он продолжал учиться у Пратапа Павара.

А.К.: «Иногда мы ездили в Индию, гуру-джи возил меня к [Бирджу] Махараджу. Я у него никогда не учился формально, но учился, наблюдая. Я посещал и твоего учителя [Раджендру Гангани]. Он всегда сиял улыбкой, такой чудесный. Я сидел в его классе, смотрел. Мне было лет 15 тогда» (FM 2017 Montreal).

В 18 лет Акрам впервые выступил с сольной программой, был организован его так сказать, «восход на сцену», *рангманч правешам*, – аналог *арангетрама* южно-индийских стилей.

Акрам прекрасно овладел стилем катхак, и более того, в своих постановках он «поднял» его на иной, более высокий уровень. Это видно, в частности, по множеству из его постановок – «Гносис», «Священные монстры», «Торобака». Акрам развил в себе ценное умение «разобрать» катхак как стиль на детали, элементы, и совершенно удивительно, по-новому увидеть их, понять их смысл и предназначение сегодня. Уже в 1990-е годы он «расщепил» то, что казалось цельным и незыблемым, высвободил заключенную в обычных упражнениях энергию. Не случайно великие музыканты – самые смелые, решительные, владеющие инженерными навыками и сами создающие свои инструменты, вторгающиеся в конструкции прошлого, разбирающие их на части и собирающие заново – сообразно своим задумкам. Так, великий музыкант уstad Вилайт Кхан соорудил свой ситар, о чем Намита Девидайл написала ярко и проникновенно в книге «Шестая струна Вилайта Кхана» (*Devidayal* 2018).

Но в середине 1990-х гг. Акраму потребовалось выбирать дальнейший путь. Для того, чтобы совершенствоваться в индийском классическом танце, нужно было бы ехать в Индию и получать там образование; однако Акрам рассудил весьма практично. Он не собирался обосновываться в Индии, а хорошую карьеру танцовщика катхака ни в какой другой стране сделать практически невозможно. Хореографическое образование он решил получить на Западе.

Акрам начал изучать современный танец в университете Де Монтфорт и исполнительский танец в Северной школе современного танца (*Northern School of Contemporary Dance*). Главное образование, которое он получил, стало современным танцем – «где ты обнаруживаешь себя, где ты эмоционально обнажен», а навыки катхака своеобразно выстроили его личность как танцора, логику его движения: «в классической танцевальной форме существуют код и язык, и ты связываешь свое личное путешествие».

Акрам очень рано научился исполнять сложнейшие технически движения и композиции, танцевать очень быстро, не теряя при этом точности и грациозности. Но дальнейшее образование и совершенствование его художественного языка воспитало в нем также и навык двигаться медленно и очень медленно. Театральный, драматический аспект представления словно бы заимствует элементы из мастерства *йогов* и *сиддхов*: тело словно бы может стать столь легким, что способно улететь, а может стать столь тяжелым, что «придавить» собой весь зрительный зал. Гравитацию и магнетизм создает только тяжесть, и ее тоже нужно вырабатывать в теле.

Одним из общих мест в размышлении о танце у многих создателей современного танца оказывается признание, что человеческое тело не способно «лгать». Так, Марта Грэм пишет: «Движение никогда не лжет. Это барометр, говорящий о состоянии души всем, кто умеет считывать его показания. Это можно назвать законом жизни танцовщика – законом, который управляет его внешними проявлениями» (*Грэм* 2020: 14). Подобная мысль звучала и в наших разговорах с Акрамом Кханом.

С. Р.: – Как рождался твой подход к танцу вообще, к представлению?

А.К.: «Мой подход начал формироваться сразу, как только я начал получать образование. Тело было растеряно! Находилось в состоянии растерянности.

Знаешь, часто каламбурят, говорят «fusion-confusion». Ну так вот, мое тело было сконфужено. Причина тому была понятна: если ты до того танцевал уже довольно долго некоторый стиль, осваивал некоторую форму, например, катхак, и потом начинаешь постигать современный танец, возникает трудность: тело начинает принимать решение само, за тебя. Отойти от этого очень трудно, в чем-то наверное даже невозможно, ведь дисциплина уже создала твоё тело. То же самое с травмами: если в детстве с тобой что-то происходило, это всегда будет видно. Слова могут солгать, но тело – никогда. Тело открывает твою сущность, твоё происхождение, по нему видны все те события, которые происходили в твоей жизни» (FM 2017 Moscow).

Акрам не любит слова *fusion*. Я могу предположить, почему: это слово не означает ни отдельного направления, ни конкретного хода мысли. Смешение различных элементов – естественный процесс творчества, создания чего угодно нового. «Не-фьюжном» является только копирование, чуждое самой физике Акрама. При описании танца Акрама Кхана уже в начале «нулевых» годов можно было встретить такое его обозначение как «современный катхак» (*contemporary Kathak*; см.: Sanders 2003); артист не протестовал – ведь «все должно как-то называться», ничего не поделаешь, но говорил, что пока сам еще не настолько углублен в материале, чтобы знать, как все это называется, и подчеркивал, что уж во всяком случае, особенности его танца не были «интеллектуальным решением», они сложились естественным путем. Тело танцора двигается, двигается, меняется и «синтаксис» танца. Эти категории Акрам не называл в наших беседах: с его точки зрения, истинные танцоры – люди не письма, науки да и вообще языка как логической интеллектуальной системы. Однако сейчас Акрам говорит очень хорошо, его рассказы глубоки и интересны. Несомненно, что несколько лет в середине «нулевых», проведенных им за работой над артистическим ремеслом хореографа в Southbank Centre Лондона, развили его аналитическое мышление. Абстрактные движения он освоил превосходно: геометрия катхака тому способствовала. Но теперь все в большей мере он обращается к конкретным историям, к фактуре самой жизни.

Здесь мы опять должны обратиться к опыту Марты Грэм: она описывает этапы роста танцовщика. «Сначала идет изучение и занятие ремеслом – это школа, которая помогает укрепить мышечную структуру тела. Тело формируется, дисциплинируется, и ты начинаешь испытывать к нему уважение и со временем доверие <...> Затем начинается культивирование существа, из которого будет исходить все, что ты хочешь сказать. <...> Амбиций недостаточно: необходимость – вот что важно. Через нее рассказываются легенды о путешествиях души – со всей их трагичностью, горечью и сладостью жизни» (Грэм 2020: 14-15).

Все годы юности Акрам провел в активных тренировках, подчас занимался по десять часов в день, отодвигая на задний план отношения с близкими ему людьми; см. (Swaminathan 2015). Его тело стало идеальным инструментом для осуществления любых идей. И постепенно начал формироваться и голос тела – росла и развивалась его личность. Он впитал в себя великую сдержанность, лаконичность и чистоту формы всякого движения, особую элегантность видимой простоты и умение впечатлять.

Выработка своего метода сопровождается отходом от устоявшихся моделей. В первом сольном представлении, «Loose in Flight» 1995 г., Акрам прибегнул к раз-

рушению наработанных стереотипов катхака. Он использовал основные позиции этого стиля, но искал неожиданные из них выходы.

В августе 2000 г. в сотрудничестве с менеджером Фарухом Чоудри (Faroq Chaudhry) Акрам создал танцевальную компанию Akram Khan Company (<https://www.akramkhancompany.net>, дата доступа 12.04.2021).

Второе сольное представление Акрама называлось «Fix» (2000 г.) и было построено на технике поворотов, столь характерных для катхака, но также и для обряда сема «вращающихся дервишей» в суфийской традиции Мевлеви.

Акрам начал создавать спектакли, соло, дуэты, квинтеты, поставленные на себя одного, на пару, на несколько человек. Он постоянно работает в сотрудничестве с другими мастерами – в том числе знаменитыми, очень талантливыми – музыкантами, танцовщиками балета, фламенко, драматическими актерами и писателями. Телесное же движение и сцена для Акрама – инструменты и способы проявить все то, что сегодня его беспокоит, чтобы выразить свое ощущение и отношение. Существование между несколькими культурными реальностями, поиски взаимосвязи разных искусств, интертекстуальность, см. (*Adshead-Lansdale 1999*) – важнейшие принципы его художественной деятельности.

Образцы и сотрудничество

По мере взросления и совершенствования Акрам стал все больше и больше ценить искусство взаимодействия и совместного творчества. Еще одним пересечением этнических и культурных границ в его жизни стал второй брак: его женой стала японка Юко Инуэ (Yuko Inoue), их объединил катхак: Юко обучалась в Индии, в Ахмедабаде, в школе Кумудини Лакхьи. Любопытно, что Акрам «позаимствовал» у нее некоторые «типично японские» черты – как он признался мне в одной из бесед. Он проникся некоторыми категориями японской культуры, относящимися к эстетическому восприятию. Несколько изменилась и его диета: южноазиатская кухня стала в семье редкой и праздничной («мама превосходно готовит куриный бирьяни, а отец – просто спец по бирьяни с бараниной»), но сам Акрам больше склоняется к японским блюдам.

Кумиром детства у Акрама был Майкл Джексон, артист, по словам Акрама, превошедший «цвет своей кожи», «переставший» «быть черным», ставший универсальным. Также Акрам восхищался Чарли Чаплиным, Мохаммедом Али, Брюсом Ли. Очевидно, что все эти люди обладали колоссальным воздействием на публику и стояли у истоков определенных видов зрелищных искусств; Акрам восхищается умением создавать шоу и влиять на массы.

Кроме того, он понял великую ценность глубокого и равноправного сотрудничества. Так, сотрудничество с Джонатаном Барроузом началось еще с постановки «Desert Steps» (1999) и открыло Акраму новые пути обнаружения себя, преодоления ограничений, которые катхак налагает на танцора; см. (*Vasudewan 2002*).

Акрам – мастер разных творческих союзов, причем с людьми выдающимися, сильно продвинутыми в разных сферах – танцевальной, музыкальной, литературной, кинематографической: актрисой Жюльет Бинош, балериной Сильви Гильем, скульптором Анишем Капуром, писателем Ханифом Курейши. Акраму нравится учиться, постигать самого себя с помощью других. Он впитывал отблеск таланта

каждого. Он много путешествует по миру и любит творить, создавать – вместе с другими, коллективно. Его компания – словно большая, разветвленная семья. А еще они сотрудничают со многими театрами: Sadler's Wells Theatre, Mountview Academy of Theatre Arts (Лондон), Curve Theatre (Лейчестер). Работа в сотрудничестве стала чрезвычайно важной особенностью компании Акрама Кхана.

Некоторые постановки были своего рода небольшими исследованиями того или иного явления. Если в «Fix» это были повороты, то в трио (квинтете) «Rush» (2001 г.) танцоры наблюдали за ощущением свободного падения, такого, какой испытывают парашютисты. Акрам задался вопросом, как связаны всплеск адреналина и тишина. Для «Rush», см. (Sanders 2004) был избран редкий и сложный ритмический цикл индийской музыки традиции хиндустани, состоящий из 9 с половиной битов. В квинтете «Related Rocks» (2001) главной темой стали разрушение и последующее созидание, на звуки фортепианной музыки лег танец Шивы как разрушителя и одновременно нерушимой сущности всей Вселенной.

Акрам разрабатывал свой подход к хореографии; «в определенной мере я уподобился своему гениальному в области математики деду; я совершенствовался в моделях. Хореография – это вообще искусство моделирования, частично это делает сама природа, частично человек. Ну, наконец-то: иммигрант во мне обрел истинное прибежище. Вообще-то, оно находилось в сердцах людей» (FM 2017 Moscow).

Еще одним началом стала постановка «Kaash» (2002 г., в сотрудничестве с Анишем Капуром и Нитином Сохни; представили на Эдинбургском фестивале), что переводится с хинди и урду как «если». Продолжалась и тема разрушения и творения, обратились к образам Ганеши, Кришны и Шивы. После этого с абстрактным началом Акрам, видимо, как-то разобрался, и далее драматический и повествовательный аспекты в его танце начали активно усиливаться. Каждый следующий спектакль был своего рода драматической пьесой.

В 2004 г. под впечатлением от романа знаменитой писательницы Арундхати Рой «Бог мелочей» («A God of Small Things») в сотрудничестве с писателем Ханифом Курейши (Hanif Kureishi) Акрам сделал постановку «Бог маленьких рассказов» («A God of Small Tales»). Одновременно же росла идея спектакля «та» (Sanders 2004; 2008), начиная с которого его катхак обрел новый облик; новая, более сложная игра жанров, более высокий уровень гибридности и взаимосвязанности между разными традициями. Точнее – ссылки на разные традиции.

С.Р.: – Как ты находишь связь и различие между танцевальными формой и содержанием?

А.К.: «Я был впечатлен той идеей, что когда мы вдыхаем, вбираем в себя что-то, мы наполняемся этим, находимся в божественной полноте. Когда произносишь, даже слово «Аллах», ты в определенной мере теряешь Бога. Он ведь бесформен. Форма конечно важна, но только для того, чтобы протянуть нить связи со зрителем. Самое главное – оно бесформенно, духовно. Я видел [Бирджу] Махараджа танцующим и видел это сакральное, через его танец. Но это такое, что невозможно передать даже своему сыну. И ожидать не нужно. Это не передается в рамках *гхараны*, в которой возможна только передача некоторой формы. *Гхараны* очень ограничивают катхак, меня печалит, когда люди говорят – «это моя *гхарана*, это моя *гхарана*.. » «Гхаранные дела», это

своего рода ксенофобия. Деление на “своих” и ”чужих”» (FM 2017 Moscow).

С.Р.: – *То есть, для тебя гхарана – это скорее понятие классификации, оно ценно прежде всего для историков танца, для систематизации?*

А.К.: «Да, конечно. Все большие мастера придумывают, создают. В свое время они очень современны, и только когда их приемы повторяются – это называют традицией. Махарадж придумал многое такое, чего не было в катхаке до него. Когда-нибудь может быть то что делаю я тоже будет названо традицией...»

И вот, однажды я поучаствовал на мастерской Кумудини Лакхьи, и это стало для меня открытием. Я увидел огромную разницу в подходах к танцу. Пратап Павар и его учитель, [Бирджу] Махарадж – они порождают пространство, или ощущают целый мир внутри своего тела. То есть в основном они заняты постижением этого внутреннего мира. Кумудини же в большей мере занята пространством снаружи. И это – можно сказать, западный подход. Я глубоко ее уважаю, то что она делает в танце, ее ход мысли и творчества. Ведь катхак далеко превосходит тему Кришны и Радхи. Там много разных историй!» (FM 2017).

С. Р.: – *Зачем, по твоему мнению, вообще нужна сцена?*

А.К.: «Я обнаружил, что на сцене встречаются два подхода, две философии. Один – научный, аналитический, исследовательский. С этой позиции сцена – место, где можно задавать вопросы. Второй подход к сцене – как к храму. Тайному и священному пространству. Выступление на сцене дает возможность многому и разному объединиться. Слиться. Выйти за пределы. Происходит обмен, между всеми, кто находится на сцене и в зале. Такого опыта нигде больше не приобретешь. Это духовный опыт. Священное и научное одновременно встречается на сцене» (FM 2017 Moscow).

Этот навык «выхода за пределы своего тела», слияния, хорошо известен во многих духовных практиках, особенно в суфизме. Чуть раньше Акрам рассказал мне о своих травмах детства: ощущал ли он свою «немоту», неуспешность, как проблему? Надо ему было ее преодолеть? Да, отвечал Акрам, это была проблема, но я понял, что ее надо не преодолеть, а – обнять. «Страхи или ошибки: обычно люди стараются их преодолеть. А можно их просто обнять и словно бы растворить. Обнять проблему, в этом – сила творчества» (FM 2017 Moscow).

Великие задачи и бесконечно интенсивный тренинг – в этом лежит основание его успеха. Однако примерно в 2016 г. Акрам начал задумываться о конце своей карьеры как исполнителя.

А.К.: «Сейчас я встаю в 6 утра и занимаюсь до 8», – говорил он мне в 2017 г. – «но... когда тебе 45 и ты хочешь продолжать танцевать в том же духе что и до того, в жанре современного танца, ты разрушишь свое тело. Катхак можно заниматься гораздо дольше, он создан таким образом, но не современным танцем, который включает акробатику и всякое такое. Постоянная борьба с гравитацией. Вниз-вверх. Использование своего тела неестественным образом. Балет еще хуже. В общем, все это – бесконечный тренинг» (FM 2017 Moscow).

Интерес к другим людям, их судьбам и историям, постепенно развился у Акрама Кхана в устойчивую привычку слушать, понимать.

А.К.: «У каждого танцора, как и у каждого человека, есть поток. У каждого – собственный поток, иной, чем у других. И это то, что определяет тебя; и это – твоя сила, а не слабость. Индийские танцоры это хорошо знают» (FM 2017 Moscow).

Наблюдение за этими потоками, осмысление их в пластической форме привело Акрама Кхана к его главному методу представления сегодня – к рассказыванию историй.

Магия повествования и сила сценического воздействия

А.К.: «*Катха*, это слово ведь значит «история», но также это и глубокий фундамент танца. Рассказчики, *катхаки*, они бывают разные. Вот, Сатьяджит Рой – тоже *катхак*. Все религии – это, в конце концов, ни что иное как истории. Мои родители под старость начали больше внимания обращать на религию: думаю, они боятся смерти. Что случится потом – никто не знает, но... истории могут помочь тебе справиться с безысходностью, с депрессивным чувством. А точки зрения – разные; вот, японская идея состоит в том, что мы просто возникаем из одного момента и моментально растворимся. Мы как пыль. Состоим из энергии. Рождаемся на одно мгновение».

С.Р.: – Это ты познал с помощью своей жены, японки?

А.К.: «Да, она тоже танцовщица катхака. Занималась в классе Кумудини Лакхьи. Она прилежная и талантливая» (FM 2017 Moscow).

Одна из пережитых и рассказанных Акрамом историй – уже упомянутый спектакль «Деш».

А.К.: «Это посвящено моему отцу. Это о нем. Он всегда хотел, чтобы я был «бангладеш», а я никак не мог понять, что, черт возьми, это значит? Быть бангладеш? Это меня всегда нервировало и пугало».

С.Р.: – Ты бывал в Бангладеше?

А.К.: «Да, много раз. Страна меня не особенно радует».

С.Р.: – Что для тебя значит – Бангладеш?

А.К.: «Довольно чуждая для меня страна. И чем я старше становлюсь, тем более усугубляется это ощущение чуждости. Теперь я осведомлен и в политике, многое, что происходит, мне не нравится. Но получается, что другой мир тоже в определенной мере чужд, и Британия тоже чужда мне. В Англии я тоже чувствую себя чужаком; после этих террористических атак я вдруг понял, что

смотрю на цвет своей кожи и думаю – может быть, люди думают, я могу быть террористом? Мигранты более не приветствуются».

С.Р.: – А что для тебя тогда родина (homeland)?

А.К.: «Мое тело. Это единственное актуальное. Оно меняется, но оно меняется вместе со мной. Сегодня я здесь, завтра – там, но мое существование последовательно и цельно. Люди часто разделяют разум и тело, но вообще-то они во многом едины. И тело имеет еще также свой особый «разум», свою интеллектуальность» (FM 2017 Moscow).

Рассказывает Акрам и старые истории на новый лад. В 2016 году его пригласили поставить с труппой Английского национального балет «Жизель», один из главных спектаклей в истории балета и очень популярный в Англии. Почему? «Музыканты считают – по причине музыки, драматурги – истории, хореографы – хореографии» (FM 2017 Moscow).

Эта история пришла к Акраму «извне», его уговорили, убедили обратиться к ней; некоторое время он не мог подобрать нужного «ключика» – как ее «открыть»? О чем, собственно говоря, рассказывать? Предложить новое видение «Жизели» – значит вписать свое имя в историю мирового балета.

А.К.: «Одна из идей была – тема романтизация жертвы, но этого мне не хотелось. Мне казалось, это скорее семейная история, ставшая архетипом. Драма. Мрачная сказка, о любви, предательстве, прощении и трансформации. Была бы моя воля, я бы сделал ее еще мрачнее. И я бы назвал ее «Илларион», ведь именно он принадлежит тем двум мирам, на игре которых и строится повествование. Илларион в значительно степени лоялен своим, хотя и хочет избавиться от этой зависимости, он – самая драматичная здесь фигура» (FM 2017 Moscow).

Постановка «Жизели» Акрама Кхана начинается и заканчивающаяся отпечатками ладоней: живые ладони кладутся на отпечатки. Старинная, очень узнаваемая деталь. Оставление отпечатка ладони хорошо известно в Индии – это делают женщины, совершающие самосожжение: печально знаменитый обряд *sati* и героическое самоубийство вдов Раджастхана, *джохар*. Герои делятся на бедных, замученных работников и работниц текстильной фабрики и гордых, кичливых собственников. Классовая и социальная дистанция непреодолима, даже при всей любовной тяге. Разрыв и расставание героев – это также разрыв миров: вся вторая часть балета – о духах, существах потустороннего мира; только здесь танцовщики встают на пуанты, подчеркивая эфемерность «инобытия». «Жизель» Акрама Кхана – спектакль о том, как наступает состояние транса, когда ясной становится тщетность всех земных надежд.

А.К.: «История и мифология слишком дисбалансированы, они рассказываются мужчинами и для мужчин, с их точки зрения в основном; это his-story. Моя мама же – она всегда была гуманистом. Если это вообще означает что-то. Она любила всегда людей. А что я делаю? В людях много демонов. Люди ошибки совершают. Зло вообще в нас есть. Насилия много, жестокости. Это часть жизни. Мы алчные вообще. Другие животные, они все делают по необходимости, убивают по необходимости. А вот человеческая агрессия – она проис-

текает из мужского начала, из необходимости конкурировать среди себе подобных, из патриархального вообще. Женское начало – оно всяко лучше....» (FM 2017 Moscow).

Во всех разговорах Акрам нередко подчеркивает высоту и священность женского начала. Он происходит из мусульманской семьи, но это бенгальская семья, а в Бенгалии культ священного женского начала чрезвычайно очевиден и глубок. Так, однажды Акрам вспомнил известный в устной памяти рассказ о Радхе и Кришне: Кришна ушел на войну, а тем временем Радха оделась как Кришна. Тот вернулся, увидел и похвалил ее, мол, похоже, но – одна ошибка все-таки есть! Какая же? Любовь в глазах Радхи направлена на Кришну. А у Кришны – только на Радху!

С.Р. – В твоём спектакле «Until the Lions» женская тема очень сильна. Ключевые события Махабхараты рассказываются с точки зрения истории Амбы, которая родилась в облике Шикханди. К женским темам ты пришел осознанно, целенаправленно, или это получилось само собой?

А.К. «Я с детства был окружен сильными женщинами. Моя мама, феминистически настроенная, сильно повлияла на меня. Да и моя жена – внешне очень сдержана, но вообще-то, я знаю, как она сильна и как огненна! Там внутри – такое пламя, такая энергия! А теперь на меня влияет также и дочь, Саори, тоже: она умеет скрывать свои эмоции, но я-то знаю, насколько она сильная и яркая» (FM 2017 Moscow) [также у Акрама есть сын, Кензо].

Столкновение людей Востока и Запада – очень личная тема для Акрама, она отразилась в его последнем сольном спектакле – «Xenos» («Ксенос»). В 2017 г. Акрам еще его готовил, а в июле 2019 г. представил и в Москве; как и к «Жизели» музыку написал композитор Винченцо Ламанья. Ксенос – греческое слово, означающее «чужак», «иной», «иностранец». Этот спектакль возник после того, как Акрам погрузился в историю Первой мировой войны. Десятки тысяч индийских солдат пали на фронтах этой войны. Они умирали за Британию, к которой в то время принадлежала значительная часть земель Южной Азии. Но насколько эти солдаты принадлежали Британии? «Люди разного цвета кожи разделяли одну судьбу и один миф» – говорит Акрам, и ведь только мысли о смерти формируют человека по-настоящему. Ю.М. Лотман выразил эту же мысль в том духе, что то, что не имеет конца, не имеет и смысла.

Акрам задался вопросом – что значит «быть чужаком»? Он нашел «отчуждение» и в теле, и в доме, и в земле. «Все мы ведь чужаки в каком-то смысле. В Лондоне я толком не принадлежал ни к бангладешскому землячеству, ни к катхачным танцорам, ни к британцам. Кто я, где я?» (FM 2017 Moscow).

«Жизель» – очень известная история, запечатленная и мириад раз повторенная. «Ксенос» – результат своего рода историко-культурного изучения. Жизнь, однако, подбрасывает Акраму и другие – не менее удивительные истории, которые только нужно суметь увидеть, осознать, оценить. Так, в дискуссии после представления «Жизели» в Москве Акрам вспомнил такой случай, который глубоко запал ему в душу.

А.К.: «Однажды я выступал в одном австралийском городе. Вышел после представления, практически ночью, из театра, был один. За мной из театра вышла парочка, юноша и девушка. Я же с трудом только что поймал такси, стоял и договаривался с несговорчивым водителем, как вдруг они прыгнули на сидение

и скомандовали ему, куда ехать. Шофер же посмотрев на меня, сказал, как я, мол, похож на танцора Акрама Кхана, может быть, я и есть он? Парочка же – только что они были моими зрителями – как-то невежливо засмеялась и помахала ручками, отъезжая. Я расстроился: и тот шофер, и те ребята совершенно испортили мне настроение. Но вскоре мне удалось поймать другое такси на пустынной улице. Сев в него, я решил позвонить своему отцу в Лондон, хотя редко это делал. Да и разговор получился не самый душевный: отец думал, мне что-то нужно, а я хотел просто с ним поговорить. И вдруг шофер – невольный слушатель нашего разговора – говорит: он знает моего отца, в Бангладеш они жили в одной деревне, и начинает как из рога изобилия сыпать мелкими подробностями тех времен нашей семьи и всего такого прочего. Мне становится не по себе, я даже прошу его остановиться и выбегаю из машины, не понимая, как такое может произойти – такая степень его осведомленности... «Все в порядке, Акрам, – отвечает тот, – не нервничай, только скажи своему отцу, что ты встретил Билли! Много лет тому назад мы потеряли друг друга из вида, но вообще-то мы были добрыми друзьями». Что сказать? В следующий свой приезд в Лондон я пошел к отцу, и увидел трогательную картину: они с Билли сидят рядом, и чуть ли не со слезами на глазах вспоминают прошлое. Оказалось, Билли в свое время, в конце 1960-х годов, субсидировал моего отца некоторой денежной суммой, но потом пропал из виду, и отец хотел, но не смог позднее долг вернуть. Ну вот что все это такое? Серия случайностей? Совпадений? Для меня это – своего рода театр, но священный театр, и каждый в этой истории – актер! Каждый, оказывается, выполнил свою роль! Первое такси, в которое мне не получилось сесть, ребята-грубияны, «перебившие» мне путь, мое плохое настроение и звонок отцу... не было бы каждого из них – не было бы и того финала, где мой отец и его друг Билли сидят на диванчике и плачут от нахлынувших на них чувств» (FM 2019 Moscow).

Главной идеей этой истории было признание, что жизнь человеческая – самый настоящий театр, только надо позволить вещам произойти. Акраму интересно творить как посредством своего тела, так и тел других танцоров, придумывать, рассказывать истории других людей, истории, как он говорит, еще никем не рассказанные. Акрама захватывает также магическая способность создавать иллюзию.

А.К.: «Интересная особенность человеческого вида – сила веры. Сила мифологии. Стив Джобс убедил весь мир, что Apple должен быть у каждого. Это миф вообще-то. Но сила убеждения других людей, что они не могут жить без этого, столь велика и убедительна!» (FM 2017 Moscow).

Мировая слава, большие достижения ему были нужны – в том числе для того, наверное, чтобы доказать своему отцу свою состоятельность. Но это – не все. Также Акрама привлекают люди, вышедшие за пределы установленных им ограничений, превзошедшие свою этничность, расу, изначальную социальную позицию.

А.К.: «Знаешь, почему в индийском танце танцор играет все роли? Женственную линию, *ласья*, мужественный яростный *мандав*, всех героев.. это жадность и ревность! мы не любим делить сцену с кем-то еще!» (FM 2019 Moscow).

Мобильность – и физическая, и социальная – лучше всего выражается посред-

ством искусства. Но, кроме того, «танец создает связь между людьми. Он врачует души. Люди танцуют в ночных клубах, или на праздновании Наваратри в Гуджарате танцуют *гарбу*. Или на Холи. Интересно наблюдать это: люди разделяют одну историю. Что-то единое разделяют» (FM 2019 Moscow).

Таинственная сила, связь человека с демоническим и божественным ярко светится и в самых последних постановках Акрама Кхана: в уже прошедшем «Перехитрить дьявола» («Outwitting the Devil»), в грядущем «Мы – только тени» («We are but shadows») в сотрудничестве с Мавином Кху (Mavin Khoo) и Майтхили и Адитья Пракаш (Первая часть – «Jwala» («Пламя»), рассказывает о пламени, которое одновременно горит и освещает, вторая часть – «Me: Ravana» («Я: Равана»), своеобразная интерпретация *Рамаяны* с точки зрения «антигероя», царя Ланки). Эти спектакли – о связи красоты и боли. Неизбежном. Безумном. Многогранном.

А.К.: «Танец для меня – нечто необъяснимое. Священное. То, что существует, когда невозможно говорить. Вообще-то, для меня все на свете – танец. Движение и вибрация лежат в основе существования мира. Музыка это тоже движение и свет. Танец – его понимаешь сразу, до анализа. Анализировать можно потом. Я бы сказал так: не «изображай», не играй печаль, насилие или другие какие-то эмоции. «Будь» той печалью, тем насилием и всем прочем. Тогда жесты, движения сами польются из тебя» (FM 2019 Moscow).

Такое удастся сделать в состоянии особого транса, когда артист становится медиумом. Когда эмоция, состояние – первично, оно порождает ситуацию и сюжет. Эмоция «усаживается» в теле исполнителя, «изливается» посредством его личности. Это похоже и на одержимость, и на вдохновение, на все то, что составляет сущность ритуальной драмы.

В условиях вынужденной изоляции 2020 года сценические искусства и их создатели оказались в крайне непростой экономической и психологической ситуации. Каждый мастер и коллектив по-своему переживали это время и находили выход. Многие – в том числе и Акрам Кхан – обратились к разговорам онлайн, к дистанционному общению, к заготовкам впрок. Особенность современного танца заключается в невозможности полноценно работать индивидуально и в домашних условиях на протяжении столь долгого времени. Одним из способов преодоления кризиса оказался интерес к чему-то новому, обучение; так, Акрам обратился к боевым искусствам, изучал технику движения и психологию спортсменов.

Akram Khan company, отмечая двадцатилетие с момента создания, выпустила проект «The Silent Burn Project» – коллекцию документальных фильмов, освещающих свой творческий путь. «*Clouds of Witnesses*» (Облака свидетелей) – фильм-углубление в тему «инаковости» и людей множественной идентичности; «*Hijacking God*» (Похищение Бога) – исследование проблемы существования Бога и трансцендентального опыта, с участием антрополога Джерома Льюиса (Jerome Lewis), индонезийской писательницы Айю Утами, композитора Виченцо Ламаны и нескольких танцоров; «*Symphony of Fingerprints*» (Симфония отпечатков пальцев) – разговор о сложностях и тяготах творчества; «*The Surrendering Clown*» (Сдающийся клоун) – обзор деятельности всего творческого коллектива. Здесь представлена музыка, созданная такими композиторами как Сохини Алам, Нина Харрис, Б.С. Манджунатх, Дэвид Азурза, Читра Пурнима Сатиш, поэзия британской

поэтессы Сухаймы Манзур-Кхан, размышления театральных критиков Рустома Бхаручи и Ройоны Митры, культурного активиста Эддина Кху и многих других.

В настоящее же время идет работа над постановкой нового, современного прочтения знаменитой «Книги джунглей» Редьярда Киплинга: «Jungle book reimagined», премьера которой назначена на начало апреля 2022 г. Это будет серьезный разговор о том, как услышать голос природы нашей планеты в условиях изменения климата и тяжелого антропогенного воздействия на всю окружающую среду.

Постановки Акрама Кхана – и это свойственно современному танцу в целом – тематически очень различны. В одном случае это дань памяти павшим солдатам, в другом – ожившая история битвы на поле Куру. В третьем – это тренажер эмоций, которыми мы постоянно обуреваемы, и навыков, которые помогают справиться со всеми жизненными задачами, в четвертом – отверстие, позволяющее заглянуть в мифологическое прошлое, мостик в пучину собственного сознания. Это обязательно и взгляд на сегодняшние проблемы политики, экономики, экологии. Но всегда речь идет о связях: нами сегодняшними – с нами далекими, реальными и вымышленными, как прекрасными, так и достойными сожаления.

Источники и материалы

FM – Полевые материалы автора, интервью. Field materials collected by author. Akram_Khan_001 PF 14.03.2017 Montreal; Akram_Khan_002 PF 15.07.2017 Moscow.

Научная литература

Бейнс, С. Терпсихора в кроссовках. Танец постмодерн. Москва: ООО «Арт Гид» (Artguide Editions), 2021.

Грэм, М. Память крови. Автобиография. Москва: ООО «Арт Гид» (Artguide Editions), 2020.

Каннингем М. «Гладкий, потому что неровный...» Под редакцией Жаклин Лешев. М.: Арт Гид, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

Клименхага, Р. Пина Бауш. Обнажение телесного присутствия. Москва: ООО «Арт Гид» (Artguide Editions), 2021.

Рыжакова С.И. Акрам Кхан: о жизни, танце и историях // Экран и сцена. № 18. 2020. 29 сентября.

Adshead-Lansdale, J. (ed.) Dancing Texts: Intertextuality in Interpretation. London: Dance Books, 1999.

Bohm-Duchen, Ben. Home was in my Body. 2018. <https://www.akramkhancompany.net/explore-archive/home-was-in-my-body/> (access: 12.04.2021).

Devidayal, Namita. The Six String of Vilayat Khan. Chennai: Context, Westland Publication Private Limited, 2018.

Foster, Susan Leigh (ed.). Worlding Dance. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2009.

Hind, John. Akram Khan: “My father hated my waiting – how I’d prance around”. 17.09.2017. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/sep/17/akram-khan-dancer-choreographer-life-on-a-plate> (access: 12.04.2021).

Kealiinohomoku, Joann. An anthropologist looks at ballet as a form of ethnic dance (1970) // Copeland, Robert and Marshall, Cohen. What is Dance? Readings in Theory and Criticism. Oxford University: Oxford University Press, 1983. P. 533–549.

Partsch-Bergsohn I., Bergsohn H. The Makers of Modern Dance in Germany: Rudolf Laban, Mary Wigman, Kurt Jooss. Highstown, N.J.: Princeton Book Company, 2003.

Prickett, Stacey. Akram Khan // Fifty Contemporary Choreographers. 2 ed. Ed. by Marth Bremser and Lorna Sanders. N.Y.: Routledge, (1 ed – 1999), 2011.

Sanders, L. Choreographers Today: Akram Khan // Dancing Times. May, 2003. Pp. 17–23.

Sanders, L. Akram Khan’s Rush: Creative Insights. Alton: Dance Books, 2004.

Sanders, L. Akram Khan's ma (2004): An Essay in Hybridisation and Productive Ambiguity // Lansdale J. (eds). *Decentring Dancing Texts*. Palgrave Macmillan, London, 2008.

Sparshott, F. *A Measured Pace: Toward a Philosophical Understanding of the Arts of Dance*. Toronto, Buffalo and London: University of Toronto Press, 1995.

Swaminathan, Chitra. Dancer-choreographer Akram Khan on movement, his muse // *The Hindu*. 23.09.2015.

Vasudewan, Preeti with Akram Khan. Clarity within Chaos // *Dance Theatre Journal*. Vol. 18 (No. 1), 2002.

Ryzhakova, Svetlana I.

Anthropological aspects of contemporary dance. Conversations with Akram Khan on fate, inspiration and stage narration

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/157-176

Contemporary dance is a global phenomenon, but national and ethnic aspects are regularly manifested both in the content and in the form of performances, and in artists' life-stories. Akram Khan is one of the most famous dancers and choreographers of our time. Member of the Order of the British Empire for Dance Merit since 2005, he is the creator of numerous ballets performed by various troupes and the author and performer of solo programs. Each of his performances is an event that offers a new vision of both the form and the content of contemporary dance. This essay is based on personal conversations of Svetlana Ryzhakova with Akram Khan in 2017 and 2019, as well as observations and analysis of his family history, career and artistic activity. Akram Khan was born and raised in England, but his parents are migrants from Bangladesh, a Muslim, although a very Westernized family. Problems of ethnic and cultural identity, personal attitudes towards language and the body, historical memory, social tension, "friends and foes", homeland, as well as how modernity can and should be reflected on stage formed the basis of our conversations and reasoning of Akram Khan.

Keywords: contemporary dance, Akram Khan, ethnocultural identity, memory, kathak

For Citation: Ryzhakova, S. 2021. Anthropological aspects of contemporary dance. Conversations with Akram Khan on fate, inspiration and stage narration. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 157–176.

Author Info:

Ryzhakova, Svetlana I. – Ph.D. hab.hist. in Ethnography, Ethnology and Anthropology, leading research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science (Moscow, Russia). E-mail: SRyzhakova@gmail.com

Funding: This article is a part of research fulfilled by Svetlana Ryzhakova in the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

References

- Banes, Sally. 2021. *Terpsikhora v krossovkakh. Tanets postmodern* [Terpsichore in sneakers. Post-modern dance]. Moscow: OOO "Art Guide" (Artguide Editions).
- Grem, Marta. 2020. *Pamyat' krovi. Avtobiografiya* [Memory of blood. Autobiography]. Moscow: OOO "Art Guide" (Artguide Editions).
- Kanningem, Mers. 2019. «Gladkiy, potomu chto nerovnyy...» ["Smooth because uneven ..."], edit-

- ed by Jacqueline Leshev. Moscow: Art Guide, Garage Museum of Contemporary Art.
- Klimenkhaga, Royd. 2021. *Pina Baush. Obnazheniye telesnogo prisutstviya* [Pina Bausch. Exposure of bodily presence]. Moscow: OOO "Art Guide" (Artguide Editions).
- Ryzhakova S.I. 2020. Akram Kkhan: o zhizni, tantse i istoriyakh [Akram Khan: about life, dance and stories]. *Screen and stage* 18, September 29.
- Adshead-Lansdale, J. (ed.) 1999. *Dancing Texts: Intertextuality in Interpretation*. London: Dance Books.
- Bohm-Duchen, Ben. 2018. *Home was in my Body* <https://www.akramkhancompany.net/explore-archiv/home-was-in-my-body/> (access: 12.04.2021).
- Devidayal, Namita. 2018. *The Six String of Vilayat Khan*. Chennai: Context, Westland Publication Private Limited.
- Foster, Susan Leigh, (ed.). 2009. *Worlding Dance*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 209 p.
- Hind, John. Akram Khan: "My father hated my waiting – how I'd prance around". 17.09.2017. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/sep/17/akram-khan-dancer-choreographer-life-on-a-plate> (access: 12.04.2021).
- Kealiinohomoku, Joann. 1983. An anthropologist looks at ballet as a form of ethnic dance (1970). Copeland, Robert and Marshall, Cohen. *What is Dance? Readings in Theory and Criticism*, 533–549. Oxford University: Oxford University Press.
- Partsch-Bergsohn I., Bergsohn H. 2003. *The Makers of Modern Dance in Germany: Rudolf Laban, Mary Wigman, Kurt Jooss*. Highstown, N.J.: Princeton Book Company.
- Prickett, Stacey. 2011. Akram Khan. *Fifty Contemporary Choreographers*. 2 ed., edited by Marth Bremser and Lorna Sanders. N.Y.: Routledge.
- Sanders, L. 2003. Choreographers Today: Akram Khan. *Dancing Times*. May, 17–23.
- Sanders, L. 2004. Akram Khan's Rush: Creative Insights. Alton: Dance Books.
- Sanders, L. 2008. Akram Khan's ma (2004): An Essay in Hybridisation and Productive Ambiguity, Lansdale J. (eds). *Decentring Dancing Texts*. Palgrave Macmillan, London.
- Sparshott, F. 1995. A Measured Pace: Toward a Philosophical Understanding of the Arts of Dance. Toronto, Buffalo and London: University of Toronto Press.
- Swaminathan, Chitra. 2015. Dancer-choreographer Akram Khan on movement, his muse. *The Hindu*. 23.09.2015.
- Vasudewan, Preeti with Akram Khan. 2002. Clarity within Chaos. *Dance Theatre Journal* 18 (1).

VOICING THE MOVE: DISCURSIVE PRACTICES OF SCOTTISH DANCE INSTRUCTION

Bridging dance anthropology and multimodal discourse analysis, the article focuses on language used to teach and/or describe various versions of the pas de basque step in Highland, Scottish country, Scottish step and “called” Ceilidh dancing of Scotland. It analyses pedagogic discourse observed during on- and offline classes and dance events across the globe alongside the author’s own embodied experience as a Scottish dancer, learner and teacher.

When examining culturally and somatically contextualised uses of English in Scottish dance pedagogy, the article takes into account a range of dance manuals and instructions published between 1950 and 2020 by the Royal Scottish Country Dance Society, the Royal Scottish Official Board of Highland Dancing, the United Kingdom Alliance of Professional Teachers of Dancing and other organisations and individuals.

Revisiting issues of communicating (and delegating) authority, (re)shaping the dance tradition(s) and providing/refraining from regulation, the study is aimed at helping to better appreciate the mutual interconnectedness between pedagogic discourse, on the one hand, and dance learning and teaching as an embodied social and cultural experience, on the other.

Keywords: *pedagogic discourse, dance instruction, teacher-student power relations, traditional dance, Scottish country dancing, Highland dancing, ethnoлингuistics, ethnochoreology, dance phenomenology*

For Citation: Alferov, S.V. 2021. Voicing the move: discursive practices of scottish dance instruction. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 177–197.

Introduction

“Dance tends to be a craft taught by experts.” This comment was made by Rod Downey, an experienced Scottish country dance (SCD) teacher and dance deviser from New Zealand, responding to a questionnaire devoted to printed and digital materials which may be used in class when teaching the *pas de basque* step (Alferov 2019a). In the context of Scottish dancing it evokes the days of “dancies” – 18th-early-20th-century dancing masters who started shaping the repertoire of what is now known as various distinct Scottish dance styles: Highland, SCD and Scottish step dancing (Melin 2018: 2).

Alferov, Sergey V. – UKA Fellow, Head teacher, Shady Glen Scottish & Welsh dance studio (127051 Moscow, Russia, Bolshoy Karetny per., 2). E-mail: scotstepdance@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2393-0812>

Identifying a skilled and knowledgeable dance teacher as “the main source of ideas”, Downey seems to redistribute power and authority in dance teaching and learning. He thus goes beyond the standardisation of dance style(s) and technique brought about in mid-20th century by the Royal Scottish Country Dance Society (RSCDS), the Royal Scottish Official Board of Highland Dancing (RSOBHD) and other organisations (*Ballantine* 2016). Indeed, an autonomous “expert” teacher may be regarded as a somewhat redundant figure by the regulatory bodies, each set to become “one generally recognised authority” / “a representative board of control” (SOBHD 1968: xv) aimed, in the case of the RSCDS, at “the discovery and re-introduction of old traditional standards of technique and performance” while combating “riot and licence” (*Milligan* 1956: 106).

Although samples of regulatory discourse presented in textbooks or dance manuals lend themselves easily to “Foucauldian” critical examination as evidence of how “disciplinary power employs the norm to correct behaviour and transform individuals into docile bodies” (*Havis* 2014: 111), the main purpose of this article is somewhat different.

Rather than analysing the “commentary” discourse recontextualising the contemporary social practices (*Van Leeuwen* 2008: 12-17) of SCD, Highland, soft-shoe step and called Ceilidh dancing, I intend to look at how pedagogic discourse (i.e. language used “for the purposes of the initiation of others” – *Christie* 2002: 24 following *Bernstein* 1990) may reflect and/or impact dance teaching and learning. Examining “how human beings employ language to build the social and cultural worlds” we inhabit (*Goodwin, Duranti* 1992: 2) will hopefully facilitate understanding of “power relations” (*Foucault* 1994: 223) in a situation of embodied learning and/or practising dance. In particular, looking at how different variations of *pas de basque* (pronounced /pa: də 'bɑ:sk/ or /pa dɪ 'bɑ/), a step used in all styles of traditional Scottish dancing, are taught on- and offline, I am going to address the following questions:

1. To what extent do features of pedagogic discourse highlight similarities and/or differences between the ways distinct styles of Scottish dancing are being taught and/or practised? (Q1)
2. How significant is the role of action verbs, especially in the imperative (e.g., “Jump!”), in teaching Scottish dance movements? (Q2)
3. How pronounced is the connection between pedagogic discourse witnessed in Scottish dance learning environments and the teacher-student power relations? (Q3)

“A rhythmic little verse”: dancing words as rhythmic clues and aide-memoire

June 2020. A young adult dancer from Wellington, New Zealand, is practising some **solo Scottish steps** at home following an online tutorial created by Diana Hastie, a teacher based in Sydney, Australia. The teacher says (Scot Step 2020):

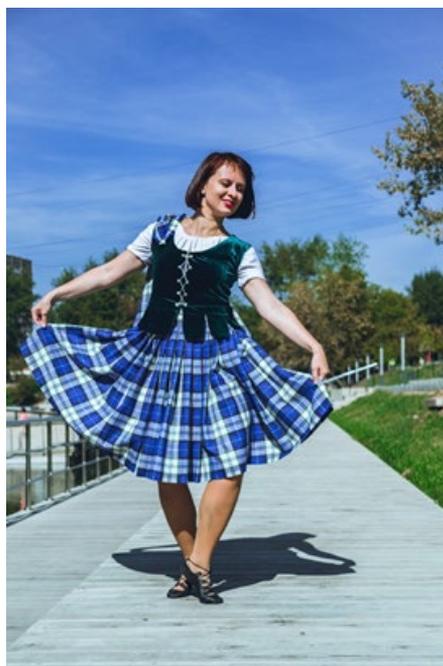
Sample 1

The words:	We begin	with a very slow	pas de basque	to the right
Accompanying movements of the teacher’s body:	Body erect, feet in first position (Scot Step 2013a)	Left hand points to the left (the viewers’ right)	Left hand moves rhythmically still pointed sideways.	Left hand goes back to the original “akimbo” position.

The words:	So spring	beat	beat	and shake...
Accompanying movements of the teacher's body:	The teacher marks what she says: steps to the viewer's right...	...“beats” (makes a soft step) with the front foot in third position...	...“beats” with the rear foot...	... and makes two “shake” actions with her right foot (no hop).

“Dancing words” (in **bold**) accompany the demonstration of the step and each movement in particular. I underline the prominent syllables, i.e. those carrying the tonic stress (Roach 2009: 153) and thus emphasised “by the speaker in order to highlight the intended meaning” (Underhill 2005: 69). To mark the soft *pas de basque* step (see Picture 1), the teacher uses a standard RSCDS formula “spring beat beat” (RSCDS 2019, RSCDS 2011: 5.4.2, Knight 2000: 40, RSCDS 1999) also applicable to a lot of soft-shoe Scottish step repertoire (RSCDS 2013: 89, NWSD 2005: 92). As the tutorial continues, the teacher modifies the “dancing words”:

The sequence is repeated with the same wording as in sample 2 starting on the learner's left foot, with the teacher mirroring and chanting the words. When the step is practised to the music (fiddle+piano+whistle), the teacher sings the words along during the first half of the step. The second half starts with a loudly whispered /pa:/. Then the teacher stops speaking but continues dancing, thus creating a “syntactic-bodily gestalt” (Keevallik 2015: 322), i.e. intertwining verbalised instructions and movements of the body, with both being subordinated to the rhythm and the tempo of the music (Keevallik 2013: 351, 365).

Pic. 1. A Scottish step dancer finishing a soft *pas de basque*. Moscow, August 2018. Photo by V. Lee

Sample 2

The words:	Pas /p a: /	de /dɜ: /	basque	and shake...
Accompanying movements of the teacher's body:	The teacher springs (makes a soft jump from one foot to the other) to the viewer's right...	...“beats” with the front foot in third position...	... “ b e a t s ” with the rear foot...	... and makes two “shake” actions with her right foot (no hop).

As for the learner, she shares her experiences with the teacher in a Facebook comment: “Diana, even when you're not actually coaching, I hear your voice.” The teacher comments that this is “just how it should be” (SCD Teachers 2020). According to Helen Russell, an expert Scottish step and SCD teacher from Scotland and RSCDS Chairman (2016-2018), a dance teacher's voice is one of the most important tools “at your disposal for conveying

dance and musicality to the dancers” and giving them “rhythmic clues” (Scot Step 2019).

My experience of learning and teaching Scottish step dancing (especially since I started learning from Scottish teachers in 2006) corresponds well to this vision. I frequently sing the dancing words “in my head” (SCD Teachers 2020) or aloud. These rhythmical chants can help me and my learners experience a sensation of flow (*Shernoff, Csikszentmihalyi* 2009) when dancers, while fully concentrated, no longer explicitly direct/control every little movement. Instead, we develop and/or follow certain automated habits, with the teacher’s almost hypnotic rhymes leading them into the accepted (“correct”) rhythm and helping internalise steps on a somatic level.

* * *

Spring 2020 (and earlier). Primary dancers (aged 4-6, predominantly girls) in the counties of Windsor and Essex, Ontario, Canada, are practising at home what they have learnt in class (in a studio or via Zoom) from their **Highland dance** teachers, Kodi Cunningham (Miss Kodi) and Allison Smith (Miss Allison). Some of them use a Youtube tutorial prepared by their teachers, with Miss Allison demonstrating 16 “pas de bas” (a routine typically performed by primary dancers at RSOBHD competitions around the world) and Miss Kodi reciting the following verse over bagpipe music (Pride of Scotland School of Dance 2018):

Sample 3

The words:	This is	the Sword dance!	Just watch	me prance!
Movements of the body:	Miss Allison stands with feet and arms in first position			
Bars of music (introduction)	1 (counts 1, 2)	2 (counts 3, 4)	3 (counts 5, 6)	4 (counts 7, 8)

The words:	Bow down	Up top!	Ready or not	I'll show you off!
Movements of the body:	Miss Allison bows down.	Miss Allison straightens back up.	Miss Allison steps to her left (not mirroring the move).	Miss Allison points her right toe in third position and pauses.
Bars of music (introduction)	5 (counts 1, 2)	6 (counts 3, 4)	7 (counts 5, 6)	8 (counts 7, 8)

The words:	One beat	Two beat	Three beat	Four beat...
Movements of the body:	Miss Allison dances a series of “two-beat” pas de bas(que).			
Bars of music (the step)	1 (counts 1, 2)	2 (counts 3, 4)	3 (counts 5, 6)	4 (counts 7, 8)

Targeted at younger dancers, the verse helps highlight the rhythm of the dancing routine (including the bow) in a creative way that would appeal to learners, who wish their dancing to be recognised and appreciated (“Just watch me prance!”). The language is subordinated to the rhythm (cf. *Keevallik* 2013: 351): function words (e.g., “is”, “just” or “off”) are prominent if they fall onto a strong beat (count) of the music. Unlike Diana Hastie, Kodi Cunningham is not singing along. She uses her voice to focus the learners’ attention on the rhythm, not on the melody, thus emphasising the “steady pulse and a strong steady beat” of the recorded music, which is crucial for competitive Highland dancers in Scotland and overseas (*Ballantine* 2016: 184-185).

As a Highland dancer and Highland dance teacher, I also tend to focus on the rhythm, not the melody, when supporting my own dancing or that of my learners with verbal rhythmical cues. As I started Highland dancing in my late teens and have mainly taught adult dancers, I have never used (or been taught using) a verse similar to the one in Sample 3. Rather, for the two-beat pas de bas(que), I have heard (and used) the words “together beat” corresponding to the counts “1& a 2” (BBC 1996b, *Perreault* 2020).

Pic. 2. An extension (pointed toe of the working foot) at the end of an SCD pas de basque. Moscow, August 2018. Photo by V. Lee.

* * *

April 2020. Members of the RSCDS Edinburgh Branch (Scotland) and SCD enthusiasts from all over the world (men and women of different age, with no upper age limit) are practising the three-beat *pas de basque* watching an online tutorial by Elizabeth Harry from the safety of their homes (RSCDS Edinburgh 2020). Talking about adding an extension (jeté) in fourth (intermediate) aerial position, the teacher says:

Sample 4

The words:	And that allows you then	to spring	back onto it.	Spring beat beat (x3)
Accompanying movements of the teacher’s body:	The right foot is moving from the fourth intermediate aerial position towards the floor...	...to land on the floor on “spring”.	The teacher completes the “beat out” part of the <i>pas de basque</i> .	The teacher marks the step as she counts, with minimal or no elevation between each “spring”.

Elizabeth Harry uses the “spring beat beat” formula when practising to music, modifying the dancing words to “spring beat point” after having introduced the extension. The recorded music she uses starts with a pre-recorded rhythmical “Ready and...” simulating what a teacher would say in a class with a live musician. The dancing words are there to develop the core rhythm of the step and remind the key elements each *pas de basque* consists of. “Spring beat point” outlines what each *pas de basque* should look like (see Pic. 2).

* * *

December 2019. Fortingall villagers and visitors of this charming 19th-century village in the Highlands of Scotland are dancing Britannia Two Step, a simple dance for groups of three in a circle, at a called **Ceilidh dancing** event in the Fortingall Village Hall. As the Gallivanter Ceilidh Band plays the tune, a dance caller’s job is to remind the dancers what to do (Cowing 2019):

Sample 5

The words:	Pas de bas out	pas de bas in	twirl	
Movements of the dancers:	Older participants step beat or step beat beat generally rhythmically from side to side (no turnout or clear foot positions). Younger participants try to repeat the steps sideways, but are less rhythmical.			
Bars of music	1 (counts 1, 2)	2 (counts 3, 4)	3 (counts 5, 6)	4 (counts 7, 8)
The words:	Forward two	three kick	back two	three stop.
Movements of the dancers:	All the participants walk forward (3 steps), kick forward with their right foot and walk backwards (three steps), some more rhythmically than others.			
Bars of music	5 (counts 1, 2)	6 (counts 3, 4)	7 (counts 5, 6)	8 (counts 7, 8)

As called Ceilidh dancing is aimed at encouraging everyone to participate, the rhythm of the *pas de basque* is not clearly pronounced in the “dancing words”. Footwork only matters as long as dancers do not bump into each other too much, hence highlighting “in” and “out” (meaning into and out of the circle of dancers). Unlike “forward two three kick”, where every strong beat in the music is marked by a discourse stress, the only prominent syllable in the /'paɪbɑ/ is the first one. The dancers move accordingly, with a considerable variation in their interpretation of the rhythm and the moves that comprise the step. Some do step touch, some jump and kick, some barely have the time to step sideways and then move back etc.

As the caller’s instructions are there to remind the dancers what to do, some Ceilidh callers give the reminders in advance, anticipating the move (Cutting Edge Band 2017):

Sample 6

The words:			Two pas de bas!	Go!
Movements of the dancers:	Dancers in groups of 6 are moving in a circle to their right, possibly getting ready to the next part of the dance, the Dashing White Sergeant.			
Bars of music	5 (counts 1, 2)	6 (counts 3, 4)	7 (counts 5, 6)	8 (counts 7, 8)

As a Ceilidh dance caller, I tend to combine both approaches, announcing the upcoming formation or movement just before it is about to start and/or verbalising some shorter moves rhythmically, so that less experienced dancers get additional rhythmical support as they dance at a public or private function (e.g., a wedding or a Scottish-themed festival/gathering).

Examining samples 1-6 in their sociocultural contexts demonstrates that the “dancing words” are widely used across the spectrum of dancing styles and traditions that can be labelled “Scottish”. Rhythmical formulas vary depending on the teacher’s (or dance caller’s) background and the core targets they are used to achieve, as summarised in Table 1:

Table 1

Relevant for: The target (T):	SCD	Highland dancing	Scottish step dancing	Ceilidh dancing
T1: Remind the dancers the sequence they need to follow	Relevant (the word “set” is used to achieve this, referring to a sequence of two <i>pas de basque</i> in a country dance)	Highly relevant	Highly relevant	Highly relevant
T2: Support the dancers’ rhythm	Relevant	Highly relevant	Highly relevant	Not relevant for the <i>pas de basque</i>
T3: Develop the dancers’ musicality	Theoretically relevant	Possibly relevant (mainly due to the rhythm)	Highly relevant	Not necessarily relevant
T4: Introduce the key elements of the step when teaching it	Highly relevant	Relevant	Relevant but possibly overlooked (<i>pas de basque</i> is assumed known)	Not relevant

Given that targets T1-T4 may be relevant for a wide range of dancing styles far beyond the Scottish tradition (cf. *Keevallik* 2013, 2015 on the pedagogic discourse in lindy hop dancing), the differences between Scottish styles of dance as highlighted by the way they embed “dancing words” into their practice look more pronounced than the similarities between them.

Indeed, even the very term *pas de basque* can mean different things to different stakeholders. When you hear the /sk/ at the end of it, you can assume the speaker has some RSCDS training and/or is a foreigner (non-Scot). When the last element is pronounced /ba:/ or /ba/, you may sometimes wrongly assume the speaker comes from a Highland dancing background, whereas in fact (s)he is a frequent Ceilidh-goer for whom the term refers to a combination of a jump and a kick or a step and a beat or almost anything else. In fact, this is the way many young Highland dancers in Scotland interpret and perform the “pas de bas” in Ceilidh dances like the Dashing White Sergeant or Britannia Two Step. For them, “pas de bas” in the Highland repertoire is all about precision, rhythm and control. When Ceilidh dancing, however, they are happy to embrace the “riot and licence” the RSCDS used to be determined to combat back in the 1920s – 1960s.

* * *

Summing up, it is possible to answer Q1 above as follows: rhythmical “dancing words” as a key element of pedagogic discourse present in all the styles of Scottish dancing examined in this article, help highlight some similarities and points of departure between these dancing traditions. When examined within its cultural setting(s) in Scotland and across the globe, the language of Scottish dancing calls into question the very existence of “Scottish dancing” as a meaningful whole. Rather, one can observe a range of practices and traditions that share some common roots, overlap but exist and develop in their own distinctive ways, increasingly isolated from one another (cf. *Alferov* 2019b: 173–175).

Dance instruction versus dance description: the role of mode

If “perception is always interdependent with action” (*Smith* 2012: 137), it is essential to understand what action is implied and/or called for in three main types of instructional input: written textbook instructions, step/dance descriptions and teacher/dance caller talk. I propose doing that combining discourse analysis with elements of dance phenomenology, so that “the things that give the dance and its experience their distinctiveness are brought to reflective awareness” (*Pakes* 2011: 34).

As a Highland dance teacher, I feel it is my responsibility to double-check the main points and nuances of technique with the latest edition of the RSOBHD textbook available. My colleagues worldwide either use the same source or, alternatively, consult the New Zealand Academy of Highland and National Dancing Syllabus. Some teachers in Scotland may also be using the SOHDA textbook instead (cf. *Scott* 2005: 318–322).

To exemplify how overwhelmed a reader of the RSOBHD (SOBHD 2019) textbook can be, I suggest comparing the description of the *pas de basque* with that of an early-mid-20th-century dancing master and choreographer D.G. MacLennan (1952).

Sample 7

Count 2 of the *pas de basque* in Highland dancing

MacLennan 1952: 46	(R)SOBHD 2019: 17
[...] beat or stamp lightly Right on spot, while gently bearing weight on left toe (Count 2).	[...] then beat the ball of the other foot in third or fifth rear position at the same time sharply extending the front foot, if required, to begin the next movement.

The whole of MacLennan's basic description of the *pas de basque* has 55 words arranged in four sentences (five lines of text). The RSOBHD version has 65 words and is one long sentence (four lines of text), which makes it significantly harder to follow. I have to reread the latter minimum twice every time I see it and still have a feeling there is some hidden meaning that eludes me.

To instruct the reader, MacLennan uses seven verbs in the imperative, some accompanied by adverbs ("stand", "spring", "fully extend", "rest", "smartly bring", "beat or stamp lightly") and two present participles ("loosening right foot" and "gently bearing"). When reading the text, I feel as if an expert teacher is gently guiding me. As I try to follow the instructions, additional questions emerge: When exactly do we extend? How can I bring the foot in "smartly"? Can we lower the heel when resting "flat"? A teacher would be able to answer these, but the book cannot.

The RSOBHD book uses two imperatives (spring, beat), four present participles (preparing, bringing, placing, sharply extending) and one infinitive expressing a possible purpose ("to begin"). For me, this creates an immediate physical tension as if I have to control ten thousand things at the same time, and all of them are equally important. It is impossible to mark (let alone dance) the step while reading due to the density of the text, which sounds prescriptive rather than instructive. So while reading I focus on the requirements such as the height of positions ("second aerial low"!) and the timing of extensions (at the same time as the back beat). Note 4 (only added in the 8th edition) clarifies the height of the back beat, which is very helpful.

In general, the RSOBHD textbook reads like a legal text, with rules set out and (at least some) possible "loopholes" closed. This makes it a useful reference, but a daunting read. Actual work on Highland dancing technique in a classroom with an enthusiastic and qualified teacher is a much more energising experience. Using more direct imperatives thus makes the explanation "dancer-friendly" and easy to follow. On the other hand, shorter instructions, with adverbs of manner (e.g., "lightly", "smartly") used more frequently, leave more room for multiple interpretations and potential misunderstanding.

To make these observations more embodied by using the researcher's body "as a site of scholarly awareness" (Spry 2001: 706), I will provide two phenomenology-informed accounts of my practising two different steps from the Sword dance, one of the core dances within the Highland dancing repertoire (Picture 3). These are the reverse points step (SOBHD 2019: 35) and

Pic. 3. *Open pas de basque* over a crossed pair of Highland broadswords. Moscow, August 2018. Photo by V. Lee.

an alternative *pas de basque* step from the *SOBHD Old Steps Folder* (SOBHD 2009), the latter not danced at official RSOBHD competitions.

* * *

With the RSOBHD textbook open in my left hand, I am reading and marking the reverse points step. Unlike most dancers from countries with a well-established Highland dancing tradition (e.g., Scotland, Canada or Australia), I do not have a pair of practice swords at home, so I have to imagine these crossed over one another on the floor, creating squares (“spots”) A, B, C and D labelled anticlockwise (SOBHD 2019: 30). The book says, “Bar 1: Pas de Basque into A with RF, then into D with LF”. I read this and then mark two *pas de basque* steps with minimal elevation (and incorrect rhythm, I think) into spots A and D. Maybe I should have re-read the counting (“1& 2, 3& 4”) before starting the move, but it is separated from the “text” of the step by the phrase “as in bar 1 of the fourth step”.

“Bar 3: Open pas de Basque with RF in C”, my right foot goes to spot C, “LF in D”, my left foot goes to D on a half point, “in fourth opposite fifth position”, I adjust the position of the left foot. I am not following the counting given next in the book, as I place the feet one after the other, not almost simultaneously as required in the actual dance.

... Having marked the rest of the step slowly and made sure I remember the sequence, I can now actually dance it more rhythmically over virtual swords. Practising to the music feels too early, because I need extra time to make sure my upper body turns are accurate enough and my foot positions are reasonably tight. I also need to add the arm movements as specified in the book: “First position in bar 1; 3rd position in bars 2 and 3”.

Moving on to the “older” step, one of those not included into the official competitive repertoire back in the 1950s-1960s but kept in the living memory of experienced dance teachers since then. Personally, I find this practice more interesting because virtually nobody performs these steps today.

“Bar 1 Pas de basque R in A...” Done, “...then Pas de Basque L in D.” Done.

“Bar 2 Pas de Basque R in B...” Done, “...then Pas de Basque L in C.” Done. I can mark it as I read, because the instructions are short and quite clear. Right, what follows?

“Bar 3 Dance 4 High Cuts...” Probably without extensions as I am inside the swords? “... Springing R in B [done], then L in C [done] then Springing R in A [done] then L in D.” Done. It would be quite a challenge to dance this over a pair of swords!

“Bar 4 Making $\frac{3}{4}$ turn R dance 2 Pas de Basque.” Where??? OK, let me think. The step needs to proceed, so I should probably start the next quarter (the next four bars) springing from spot A to spot B on the first *pas de basque* with my right shoulder to the judge/the spectators. So bar 4 must be happening in spot A. Let me check... A three-quarter turn indeed! I probably need a quarter turn on the first *pas de basque* and half a turn on the following *pas de basque*. Let me dance the whole thing and see if it brings me to the initial position facing the spectators/the judge... It does!

* * *

I have not “bracketed” some of my personal preferences and specific circumstances from the accounts above to highlight the subjective nature of these accounts. Learner preferences and approaches can vary significantly, so their response to the same instructional texts will

inevitably vary too.

However, it is clear that shorter instructions (including your own quick notes) can be easier to follow in real time as you read them unless they contain ambiguities. Longer, more descriptive “specifications” can be harder to digest, but they are more informative and provide explicit details, thus resolving potential questions. If I was a novice learner without prior knowledge of the RSOBHD book, I would have been unable to quickly solve the “mystery” of bar 4 of the “old” *pas de basque* step.

From a linguistic perspective, it is interesting to note that a dancer may treat “pas de basque to A” as a verb phrase directing their move, unlike “dance 2 pas de basque”, where the term “pas de basque” is clearly used as a noun.

Highland dance teacher talk provides fewer contrasts in terms of being descriptive, prescriptive or instructive (directly calling for action), with a firm emphasis on the latter in the classroom. As a learner, I have mainly come across short, clear instructions, detailed personal feedback and focus on each dancer’s improvement plus a strong emphasis on learning by imitation, with more experienced dancers (or younger teachers) demonstrating a lot, often without speaking, as in RSOBHD DVDs (e.g., SOBHD n/d).

As an SCD teacher and dancer, I will from time to time double-check what the RSCDS Manual (RSCDS 2011) says. However, together with 23 out of 36 SCD teachers from Scotland, England, Canada, the US, Australia, New Zealand, Germany, the Netherlands, Uruguay and Japan who responded to my questionnaire (Alferov 2019a), I feel that I am not very likely to consult the manual when it comes to teaching the *pas de basque* step. As a reasonably experienced SCD teacher from New York has put it, “I find that I have the characteristics and the points for teaching *pas de basque* in my head” (Alferov 2019a).

Nevertheless, 13 teachers from Australia (5), Scotland (4), Canada (2), the US (1) and Italy (1) responded that they do (or “would”) consult the manual in and/or out of the class when it comes to the *pas de basque* technique. In addition, colleagues from Italy and Uruguay named the online SCD dictionary (Freemantle n/d) as a useful reference.

Both Freemantle (n/d) and RSCDS 2011 approach *pas de basque* as a step “used for” a range of functions (e.g., “setting”, “turning” or “travelling”) in a country dance, giving a very detailed account of the movements involved.

Despite some differences, e.g., a significantly more frequent use of present participles and a corresponding lower frequency of declarative present in Freemantle (n/d), the similarities between the two texts are apparent. Both Freemantle and the RSCDS manual use direct imperatives to instruct the reader in about 22% of their verb phrases, with around 10% allocated to deontic modal verbs expressing rules and prohibitions. The density of declarative verb phrases creates an impression that both sources describe the SCD *pas de basque* as it is, in an “objective” way, with the readers expected to accept things the way they are. Frequent use of the passive voice, especially following modal verbs may intensify this feeling and create a sense of excessive formality SCD has been criticised for (Alferov 2019b: 175).

Publications introducing simple and non-regulated social dance repertoire frequently labelled **Ceilidh dancing** are a much lighter read. Despite the fact that some Ceilidh dance callers helping at events such as weddings or social dance nights occasionally use the term “*pas de bas(que)*”, quite often they mean the following: “Face your partner, kick right foot over your left and hop, then left foot over your right and hop” (Greig 2019). All verb phrases here are direct imperatives, which makes the instructions easy to follow.

Table 2

Table 2 provides a summary of verb forms/patterns used in both sources

Mode/modality	Example	Number of occurrences	% from all verb phrases (excluding gerunds)
Imperative	Take weight onto the left foot (F)	19 (F)	22% (F)
	Begin the step with a spring (R)	14 (R)	21.5% (R)
Declarative present (active voice)	Whenever the opportunity arises (F)	13 (F)	15% (F)
	It follows , therefore... (R)	17 (R)	26% (R)
Declarative present (passive voice)	One foot is extended diagonally (F)	11 (F)	12.9% (F)
	When two hands are given (R)	10 (R)	15% (R)
Deontic modals (can, must, may, should)	The travelling can only be on the first beat (F)	9 (F)	10.5% (F)
	Care must be taken (R)	7 (R)	10.7% (R)
Present participles as part of non-finite clauses	While raising the left foot (F)	15 (F)	17.6% (F)
	Beginning with the left foot (R)	6 (R)	9% (R)
Past participles as part of non-finite clauses	If specified otherwise (F)	6 (F)	7% (F)
	When danced on the balls of the feet (R)	4 (R)	6% (R)

Some older Ceilidh dance books (*Shepherd* 1992, *Ewart and Ewart* 1996) retain the basic rhythm and some of the structure of the SCD *pas de basque*, encouraging readers to get acquainted with the step, not replace it with a kick and a hop. Both sets of instructions are relatively short. The proportion of imperatives is very high in Ewart and Ewart (1996): 5 out of 7 verb phrases (71.4%). In Shepherd (1992), 4 out of 15 (26.6%) verb phrases are in the imperative. This is partly because the latter aims to entertain and encourage prior to and alongside instructing: “We have danced blissfully over the years to pas de basque [...] A’body can paddybaa as we call it even on the disco floor” (*Shepherd* 1992: 21). “Paddybaa” is used as an action verb in its own right here, which seems to add to the informality of the tone, creating a sense of immediacy and interconnectedness between the language and the movement. The readers are invited to join in and participate, no matter how well they have “master[ed] the technique with both feet that inch above the floor” (*Shepherd* 1992: 21).

The distinction between imperative and declarative verbs in SCD (and Ceilidh) dance instructions is context-sensitive. On a page in a book or when a master of ceremonies (MC) “recaps” a Scottish country dance at a ball, i.e., reads/tells the dance description to remind all the dancers in the hall the formations they are about to perform, dancers read/hear the following:

“First man sets to second woman and casts off one place” (RSCDS 1980: 7, Knight 2000: 120). “To set” in reel and jig time meaning “to dance two *pas de basque*”, “sets” in such descriptions is clearly a declarative verb (present simple, third person singular) describing the dance. Below is a phenomenology-informed illustration aimed at highlighting, through

“the dancing experience of the moving subject” (Warburton 2011: 76) how such texts can be perceived and interacted with at an SCD dance event.

* * *

The next dance on the ball programme is General Stuart’s Reel published in RSCDS Book 10 (RSCDS 1935). I am going to dance it with a person I have not danced with today yet, which is common politeness in the SCD world.

As the band starts playing the tune (The Stuart’s Rant), couples form longwise sets, with men (and some women) standing in lines with their left shoulder to the band and women in the line opposite (Picture 4). I am feeling quite confident, so we take the position of the first couple.

Pic. 4. Scottish country dancers in 4-couple sets at an SCD ball. St. Andrew’s Anglican Church, Moscow, March 2015. Photo by P. Vatagina.

My partner and I having made sure our long set is divided into sets of four couples (eight dancers in each), we are ready to listen to the MC’s recap. As I am the first man, I am trying to visualise what is about to happen from this dancer’s perspective. “First man sets”. OK, so when the dance starts after the full recap has been given, I will be starting with two *pas de basque*, probably pulling back my left shoulder slightly on the second one, to make the casting off that follows a bit smoother... “First woman sets to second man”. I will be standing in second place at that point, so if necessary, I will be able to remind less experienced dancers (including my partner if she forgets something) that this is their time to “set” to each other.

Indeed when the dancing starts, I find myself occasionally saying: “Set!” either to the woman in the third place when I start a new turn of the dance from the second man’s place or to the second man and my partner. As the dance goes on, my own identity changes: I stand as the fourth man, then dance as the third man twice, dance as the second man twice and stand in the first place when the last couple finishes the very last turn of the dance.

At some point, someone may gently remind me: “Set!” or: “Step up!” if I get carried away by the music and the atmosphere, exchanging smiles with fellow dancers or just watching other people enjoying themselves and forget that it is my turn to dance.

* * *

As can be observed, the immediacy of the link between the words and the dance moves may change a dance description into a direct call for action. This is especially clear when more challenging dances are walked through during the recap. In this case, phrases like “second couple set and giving right hands, cross over to finish in third place” (RSCDS 1962: 39) give instructions immediately followed by the dancers. The standing couple (e.g., the fourth couple in a longwise set) still look at the whole dance as observers, so for them the dancing words sound more like a descriptive commentary referring to what is being done by other dancers.

This fluidity of imperative/declarative (and instructional/descriptive) dynamics works generally similarly in Ceilidh dancing. Some dance callers quickly remind how the dance goes before the music starts, some name and briefly explain the moves with dancers walking the dances through without music first and some in addition voice the moves over the music when necessary to help the less experienced participants.

Scottish step dance publications tend to follow a “dance notes” format, very briefly naming the moves. Table 3 compares the way bars 1-2 of the fourth step of a solo dance King of Sweden are described in Wallace (1995: 15) and RSCDS (2013: 43).

Table 3

RSCDS 2013: 43	Wallace 1995: 15
1-2 Balancé forward and back (RDF & LDB [right diagonally forward and left diagonally backwards])	Bars 1-2 RF [right foot] pas de basque derriere RDF (1 and 2) pas de basque LDB (3 and 4)

Both dance descriptions give their reader a brief account of what happens during the first two bars of the fourth step, with slightly different terminology used to refer to the same movement. It is up to the reader to interpret these notes either as a description of what the dance looks like or as a call for action.

With reference to Q2 above, the role of imperatives and other verb forms in Scottish dance instructions is far from straightforward. Ultimately, the changing context can significantly alter the role the same phrase plays in teaching and learning, up to a point where a noun phrase becomes a verb phrase and *vice versa*. The context-sensitive nature of the relationship between pedagogic discourse and dance teaching practice means that changing discursive features may not lead to significant and/or predictable changes in embodied practice. Language is a flexible and subtle tool, which informs, construes but does not fully determine what happens in a given situation (*cf. Fairclough 2004: 230*).

Using the teacher’s voice: promoting learner empowerment and/or docility?

Given “the asymmetric authority inherent in the pedagogic relation” (Rose 2018: 8), traditional education has been labelled as an “essentially paternalistic project” (Ellsworth

1989: 307). Non-improvisational styles of Scottish dancing may be seen as a clear example of traditional dance pedagogy that “emphasizes silent conformity in which dancers reproduce what they receive” (Kerr-Berry, Clemente and Risner 2008: 94).

Examining such concerns, multiple interpretations of the same discursive practice and/or social situation have to be taken into account in order to avoid forcing “certain ideological meaning” (Blommaert, Bulcaen 2000: 455) onto a piece of pedagogic discourse. To make sure my analysis remains as situated and contextualised as possible, I will consider the issue of dance learner empowerment as opposed to disciplined somatic “docility” by re-examining some of the “dancing words” used by Scottish dance teachers in various situations.

“**Spring beat beat**” (Knight 2000: 40, RSCDS 2011: 5.4.2) is a rhythmic formula frequently accompanying SCD and, possibly, Scottish (ladies’) step dancing practice when marking the rhythm of the *pas de basque*, as seen on some instructional videos (Reznick 2012, Scot Step 2013b). In dance classroom contexts, “spring” as an imperative clearly manifests a “directive force”, i.e., “an illocutionary act that provides a hearer with a [...] reason to act” (Jary, Kissine 2016: 6). This force is almost tangible in a video filmed in Portland (Oregon, US) by candidates wishing to obtain a full teaching qualification from the RSCDS (Reznick 2012).

Nine trainee SCD teachers are arranged in two rows and, accompanied by a pianist, present a 64-bar routine taking them from clapping to the music to performing a sequence of three-beat *pas de basque* steps. One of them is giving instructions as the sequence develops. After she commands: “Spring beat beat”, the group starts adding a jump from one foot to the other to their sequence of movements.

Interestingly, the “caller” (as well as the other dancers) starts springing with more energy not on the first beat of the 49th bar when she first intones: “Spring beat beat”, but on the following, 50th, bar. Although this is a pre-learned sequence, and the dancers anticipate the change from a slightly “bouncy” (“lilting”) step to a more active “spring”, the transition seems to require some extra time. “Spring!” repeated eight times (the first six times followed by “beat beat”) seems to boost the group’s energy levels, motivating them to elevate and helping keep the movements rhythmical.

The setting may seem somewhat dystopian: we see obedient (“docile”) dancers following commands delivered in quite an assertive manner (loudly enough that they are heard above the live piano music) and trying to conform to a predetermined standard set by a worldwide organisation, the RSCDS. The tone of the voice-over sounds very straightforward and “pushy”, contrasting sharply with the gently flowing notes of the reel played with elegance and ease. As a dancer, I am instantly reminded of the fact that a lot of SCD practice worldwide is done in school gyms.

However, in terms of power relations, the situation may not be that straightforward. The voiceover comes from one of the dancers, who is part of the group, not separated in terms of space (she is one of the four dancers in the front row) or function (she is dancing together with everybody, and her dancing gets momentum as she speaks). The language of instruction thus facilitates dancing as a (friendly) reminder and an extra source of drive: “spring” may be meant to empower dancers, without necessarily dominating or oppressing them even as it restricts the dancers’ choice of movement to the only option for this particular moment.

Thus, the discursive practice of dance teaching remains open to multiple contrasting interpretations, even when contextualised and analysed multimodally, with prosodic features, visual and paralinguistic auditory cues taken into account.

Jump! Whereas the RSOBHD Highland dancing textbook explicitly highlights the difference between a hop, spring, assemble and disassemble as movements of elevation (SOBHD 2018: 13-14), the RSCDS manual does not go into that much detail. Until 2011, “jump beat beat” was provided alongside “spring beat beat” as counting for *pas de basque* (RSCDS 1997: 5.4).

Although “jumping” as a concept is less precise, it may be more accessible for learners, especially younger ones.

For instance, at the “Kids in Kilts” school in Winnipeg, Manitoba, Canada, they say: “Jump (over the puddle) – climb the tree”. In the video “created to help my younger dancers practise basic Highland dance movements at home” (Kids in Kilts 2013), the teacher, Zoë Wreggitt, varies the pattern of her instruction by combining imperatives (“point your toe”, “step over the puddle”, “jump – climb the tree”) with a modal expressing possibility/permission (“After that you can add a jump”) and a declarative sentence to describe the procedure (“And after that you just jump over the puddle”).

The tone of the teacher is light and conversational, although she dances and speaks at the same time. Using imperatives helps keep things simple by providing clear instructions that correspond directly to what is being danced and motivate dancers to reach further in their *pas de basque* by jumping “over the puddle”, not into it.

“Jump beat beat” is also used by a high-profile RSCDS teacher from Scotland Moira Stacey in her Youtube video dedicated to the *pas de basque* step (Stacey 2015). She introduces this as follows:

To move on to the next stage of [learning] the step, Keith is going to add in a little jump. With me, Keith, as I say it. Ready and... Jump beat beat, jump beat beat, jump beat beat, jump beat beat. Thank you, Keith.

As the teacher is speaking, Stacey’s husband Keith jumps along as instructed. So should the online viewers, as indicated earlier in the video. Compared to the “Kids in Kilts” video, the discourse of instruction here limits the dancer’s choices in a number of different ways. Where Wreggitt explicitly engages the viewer by dancing herself and presenting a jump as an opportunity for the viewer (“you can add”), Stacey uses an intermediary “demonstration” dancer presenting his intentions herself (“Keith is going to add”). Keith keeps silent and obediently does as the teacher says as (when) she says it. The standard RSCDS rhythmical formula “ready and...” informs the dancer when to start jumping regardless of whether (s)he is in fact ready or not.

The other way to look at this contrast would be to argue that Wreggitt relies on her viewers’ being familiar with the dance movement they can practise whereas Stacey makes a lot of basic information accessible to an inexperienced dancer. Stacey sees her viewers as requiring careful step-by-step guidance to do everything “correctly” whereas Wreggitt just provides them with an opportunity to practise as they dance along. Given the fact that Highland *pas de basque* is physically and technically more demanding than the SCD one, it would be inadvisable for complete beginners to try to imitate the “Kids in Kilts” teacher.

Being more explicit thus may entail sounding “bossy” but at the same time it allows to share more with the learner, making the instructions clearer (Daly and Vangelisti 2003: 887) and the knowledge more widely accessible. Letting the dancers “jump along”, on the other hand, can mainly benefit those already “in the know”, keeping the knowledge restricted to a narrower community of practitioners.

Thus, it can be argued that a more “authoritarian” style of teaching seeks more procedural control on the part of a teacher but potentially allows easier and wider learner access to knowledge. A practical implication here would be for dance teachers to be able to vary their degree of control responding to the current learners’ needs and priorities (cf. Nunan 2004: 35) providing clear guidance without excessively restricting the learners. From a discourse analyst’s perspective, a careful examination of jumping in the *pas de basque* can serve as a contextualised reminder to avoid jumping to conclusions when interpreting discursive practices.

(Together) beat! When teaching the two-beat *pas de basque* used in the Sword dance, Highland dance teachers frequently repeat the formula: “together beat” (BBC 1996a). “Together” rhythmically signals what to do during the counts “1&” when feet land almost (but not quite) simultaneously in 3rd position, while “beat” reminds the dancers to “beat (without exaggeration) the ball of the other foot in third or fifth rear position, at the same time sharply extending the front foot if required” (SOBHD 2008: 22).

When used repeatedly, with a pronounced directive force and loudly enough to be heard over bagpipe music, the “together beat” formula may be seen as an indicator of the need to “keep pushing and pushing and pushing them”, as Linda Napier, one of the top Highland dance teachers from Scotland, put it (BBC 1996b).

When pushing a dance student to reach the maximum of their own potential and make their footwork impress judges at Highland dance competitions, dance teachers restrict the learners’ choices and free will at the same time investing a lot of energy and attention in the learners’ progress. This investment as well as these restrictions are clearly audible in “together beat!”

As dance technique is defined by the RSOBHD and assessed by RSOBHD-certified judges at competitions, the teacher and the learner work hard together to comply with the externally set rules and preferences. Whatever the teacher-learner power imbalance may be in a given classroom, for ambitious competitive dancers most power remains with the judge and the rules this judge adheres to.

The need to look beyond a dance classroom or indeed any given communicative exchange to clearly see the power dynamics as referred to in Q3 above highlights the role of discourse in signalling but not necessarily determining power relations in a range of social situations. The subtleties of power relations in a given dance classroom, although expressed in the dance discourse, may vary considerably and therefore have to be examined very carefully, even in seemingly straightforward situations, to avoid an oversimplified vision of teaching approaches as giving “power to the teacher to manipulate students’ bodies” (Green 2002-03: 100). Even when “imposing operational laws of movement” (Franko 2019: 82), a teacher can either facilitate or hinder the development of a student’s body as a medium of artistic and/or social expression (cf. Franko 2019: 91).

“The words are often nonsense”: conclusion

The range of discursive practices within the Scottish dance tradition(s) examined in this article helps appreciate how intricately language and movement are intertwined in teaching and learning the dance repertoire(s) of Scotland.

Analysing the discursive practices of Highland, SCD and Scottish step dance teachers alongside Ceilidh dance callers allows to see noticeable differences between

these styles in linking dance and musicality, rhythm and technique, rules and variation, work and enjoyment.

Focusing on verb phrases in various dancing situations may deepen our understanding of how dance instructions and dance descriptions engage learners, how accessible they are and to what extent they call for immediate action. However, the directive force of verb phrases and even their grammar (e.g., imperative versus declarative mode) can vary significantly depending on a given situation and a particular listener's role (e.g., the dancing or the standing couple in SCD).

Given such fluidity of meaning and function in dance discourse, it is hardly surprising that the power dynamics in Scottish dance classes is open to multiple interpretations. Although it remains important to acknowledge that pedagogic discourse is very seldom, if ever, "neutral" (*Christie* 2002: 7), a word of caution must be made against oversimplifying somatic "docility" based on a generalised interpretation of dance-related discourse. It seems that a balance is needed between a researcher's "rich exposure to a communicative tradition", a deep and reflective "immersion in social networks" (*Levinson* 2003: 29) and an ability to take a critical stance and raise awareness of the potentially oppressive discursive patterns when those are (over)used by dance practitioners or, indeed, researchers themselves.

Primary sources

- Alferov, S.* 2019a. Teaching pas de basque: SCD, Highland and Scottish step dancing: A questionnaire. <https://forms.gle/6DKCzH8xXNPpiKH5A> Accessed on 07 November 2020.
- BBC. 1996a. That Fling thing ["Together Beat"]. <https://youtu.be/B-bFD6Imti0?t=221>. Accessed on 07 November 2020.
- BBC. 1996b. That Fling thing. <https://youtu.be/B-bFD6Imti0?t=1263>. Accessed on 07 November 2020.
- Cowing, B.* 2019. Britannia Two Step at Fortingall Village Hall Christmas Ceilidh. <https://youtu.be/pDE5x8noGfE>. Accessed on 07 November 2020.
- Cutting Edge Band. 2017. Wedding Dashing White Sergeant. <https://youtu.be/GLCKIISM9w>. Accessed on 07 November 2020.
- Donald, D.* 2010. SCD technique: pas de basque/setting step. <https://youtu.be/6s2QiF1JdIw>. Accessed on 07 November 2020.
- Freemantle, R.* N/d. Pas de basque. <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/pas-de-basque.html>. Accessed on 07 November 2020.
- Kids in Kilts. 2013. Pas de basque. <https://youtu.be/IpDvuEPz8r4>. Accessed on 07 November 2020.
- Knight, P.*, ed. 2000. Collins Scottish country dancing. Compiled in association with the Royal Scottish Country Dance Society. Glasgow: HarperCollins Publishers.
- MacLennan, D.G.* 1952. Highland and traditional Scottish dances. Edinburgh: T & A Constable.
- Milligan, J.C.*, and *D.G. MacLennan.* 1950. Dances of Scotland. London: Max Parrish and Company.
- Milligan, J.C.* 1956. Won't you join the dance? Manual of Scottish country dancing. London: Paterson's Publications.
- NWSD. 2005. The New World Scottish dancers collection. Vol. 1: Scottish step dances. San Francisco: New World Scottish Dancers.
- Perreault, L.* 2020. Sword Dance last step: Quick time for beginners and up! <https://youtu.be/sD-9LAYgkYqQ>. Accessed on 07 November 2020.
- Reznick, G.* 2012. Zero to pas de basque in 64 bars. <https://youtu.be/sbhTkZuJhXc>. Accessed on 07 November 2020.
- RSCDS. 1962. The Pocket edition Scottish country dance books XIX, XX and XXI. Edinburgh: The Royal Scottish Country Dance Society.
- RSCDS. (1939) 1980. The Pocket edition Scottish country dance books X, XI and XII. Edinburgh: The Royal Scottish Country Dance Society.

- RSCDS. 1997. *The Manual of Scottish country dancing*. Edinburgh: The Royal Scottish Country Dance Society.
- RSCDS. 1999. Reel Scottish dancing. <https://youtu.be/iF-QZqMxb20?t=338>. Accessed on 07 November 2020.
- RSCDS. 2011. *The Manual of Scottish country dancing*. Electronic version with updates. Edinburgh: The Royal Scottish Country Dance Society.
- RSCDS. 2013. *The St. Andrew's collection of step dances*. 2nd ed. Vol. 1: The dance descriptions, Revised 2013. Edinburgh: The Royal Scottish Country Dance Society.
- RSCDS. 2019. Steps and holds. <https://www.rscds.org/learn/steps-techniques/steps-holds>. Accessed on 07 November 2020.
- RSCDS Edinburgh. 2020. Bitesize at home classes – Pas de basque. <https://youtu.be/eEP1bpef7FI>. Accessed on 07 November 2020.
- SCD Teachers. 2020. Scottish country dance teachers. Public Group <https://www.facebook.com/groups/5808618015/permalink/10157343605968016/>. Accessed on 07 November 2020.
- Scot Step. 2013a. First position. <https://youtu.be/8mnjq99avcg>. Accessed on 07 November 2020.
- Scot Step. 2013b. Pas de basque. <https://youtu.be/ZSFsRlb3QR4>. Accessed on 07 November 2020.
- Scot Step. 2019. Dance teacher's voice: Helen Russell. <https://youtu.be/t6lNHaeTh4>. Accessed on 07 November 2020.
- Scot Step. 2020. Jo's Delight (step 2 out of 4): Scottish step dance tutorial with Diana Hastie. <https://youtu.be/gXjmnORscHE>. Accessed on 07 November 2020.
- Scott, N. 2014. Scottish country dancing – Pas de basque step. https://youtu.be/_tj6iXEpQyk
- SOBHD. N/d. *Highland Dancing*. 8th Edition DVD.
- SOBHD. 1968. *Highland dancing: the official textbook of the Scottish Official Board of Highland Dancing*. New and revised edition. London and Edinburgh: Thomas Nelson.
- SOBHD. (1996) 2008. *Highland dancing: the textbook of the Scottish Official Board of Highland Dancing*. 7th ed. Glasgow: Lindsay Publications.
- Stacey, M. 2015. Tutorial 1 of Moira Stacey's Scottish dancing – Pas de basque. <https://youtu.be/7SINR-UCIYE>. Accessed on 07 November 2020.

References

- Alferov, S. 2019b. "Estestvennost'" v shotlandskom tantse s pozitsii etnolingvistiki ["Naturalness" in Scottish dancing: An ethnolinguistic perspective]. *Vestnik Antropologii* 47 (3): 169–188. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/169-188.
- Bernstein, B. 1990. *The Structuring of pedagogic discourse*. Vol. IV: class, codes and control. London and New York: Routledge.
- Blommaert, J., and C. Bulcaen. 2000. Critical discourse analysis. *Annual Review of Anthropology* 29: 447–466.
- Cameron, D., and I. Panović. 2014. *Working with the written discourse*. Los Angeles, London and New Dehli: Sage.
- Christie, F. 2002. *Classroom discourse analysis: a functional perspective*. London and New York: Continuum.
- Daly, J.A., and A.L. Vangelisti. 2003. Skillfully instructing learners: How communicators effectively convey messages. In *Handbook of communication and social interaction skills*, edited by J.O. Greene and B.R. Burlison. Mahwah and London: Lawrence Erlbaum Associates. 871–908.
- Ellsworth, E. 1989. Why doesn't this feel empowering? Working through the repressive myths of critical pedagogy. *Harvard Educational Review* 59 (3): 297–324.
- Fairclough, N. 2004. Semiotic aspects of social transformation and learning. In *An Introduction to critical discourse analysis in education*, edited by R. Rogers. Mahwah, New Jersey and London: Lawrence Erlbaum Associates, 223–235. DOI: 10.1075/z.184.77fai

- Foucault, M. (1982) 1994. Le sujet et le pouvoir. In Foucault M. *Dits et écrits* IV, 222–243. Paris: Gallimard.
- Franko, M. 2019. Archaeological choreographic practices: Foucault and Forsythe. In *Choreographing discourses: A Mark Franko reader*, edited by M. Franko with A. Nicifero, 81–95. London and New York: Routledge.
- Green, J. 2002-03. Foucault and the training of docile bodies in dance education. *Arts and Learning* 19 (1): 99–126.
- Havis, D.N. 2014. Discipline. In *The Cambridge Foucault lexicon*, edited by L. Lawlord and J. Nale, 110–119. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jary M, and M. Kissine. 2016. When terminology matters: The imperative as a comparative concept. *Linguistics* 54 (1): 119–148. DOI: 10.1515/ling-2015-0039.
- Keevallik, L. 2013. Decomposing movement: Spatial deixis in dance instruction. In *Interaction and Mobility: Language and the Body in Motion*, edited by P. Haddington, L. Mondada, and M. Neville, 347–372. Berlin and Boston: DeGruyter.
- Keevallik, L. 2015. Coordinating the temporalities of talk and dance. In *Temporality in Interaction*, edited by A. Deppermann and S. Günthner, 309–336. Amsterdam: John Benjamins Publishing. DOI: 10.1075/slsi.27.10kee.
- Kerr-Berry, J., K. Clemente, and D. Risner. 2008. The Politics of personal pedagogy: Examining teacher identities. *Journal of Dance Education* 8 (3): 94–101. DOI: 10.1080/15290824.2008.10387363.
- Van Leeuwen, T. 2008. *Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press.
- Levinson, S.C. 2003. *Contextualising contextualisation cues*. Retrieved from <http://vm136.lib.berkeley.edu/ANTH/emeritus/gumperz/gumpb.pdf> on 21 October 2020.
- Melin, M. 2018. *A Story to every dance: The Role of Lore in Enhancing the Scottish Solo Dance Tradition*. Lorg Press.
- Nunan, D. 2004. *Task-based language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pakes, A. 2011. Phenomenology and dance: Husserlian meditations. *Dance Research Journal* 43 (2): 33–49. DOI: 10.1017/S0149767711000040.
- Roach, P. 2009. *English phonetics and phonology: A Practical course*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose, D. Pedagogic register analysis: Mapping choices in teaching and learning. *Functional Linguistics* 5 (3): 1–33. DOI: 10.1186/s40554-018-0053-0/
- Sherhoff, D.J., and M. Csikszentmihalyi. 2009. Flow in schools. In *Handbook of positive psychology in schools*, edited by R. Gilman, E. S. Huebner, and M.J. Furlong, 131–146. London: Routledge.
- Smith, D.W. 2012. Perception, context, and direct realism. In *The Oxford handbook of contemporary phenomenology*, edited by D. Zahavi, 134–157. Oxford: Oxford University Press.
- Spry, T. 2001. Performing autoethnography: An embodied methodological praxis. *Qualitative Inquiry* 7 (6): 706–732. DOI: 10.1177/107780040100700605/
- Underhill, A. 2005. *Sound Foundations: Learning and Teaching Pronunciation*. Oxford: Macmillan.
- Warburton, E. 2011. Of Meanings and Movements: Re-Languaging Embodiment in Dance Phenomenology and Cognition. *Dance Research Journal* 43 (2): 65–84. DOI: 10.1017/S0149767711000064/

Алферов Сергей Владимирович

ОТ СЛОВА К ДВИЖЕНИЮ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ШОТЛАНДСКОГО ТАНЦА

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/177-197

Статья совмещает методы танцевальной антропологии и мультимодального дискурс-анализа, фокусируясь на использовании английского языка для преподавания и описания различных версий па де баска – танцевального шага, характерного для различных стилей шотландского танца (Highland, Scottish country, Scottish step, Ceilidh dancing). В статье анализируется педагогический дискурс онлайн и оффлайн классов и других событий в разных регионах мира, а также собственный танцевальный опыт автора как танцора, ученика и преподавателя шотландского танца. Рассматривая использование английского языка в преподавании шотландского танца в различных культурных и соматических контекстах, статья анализирует учебные материалы и описания танцев, опубликованные между 1950 г. и 2020 г. такими организациями, как Королевское общество шотландских танцев (RSCDS), Королевский официальный совет по танцам хайланд (SOBHD), Британский альянс профессиональных преподавателей танца (UKA), а также индивидуальными авторами. Обращаясь к вопросам коммуникации статуса и делегирования полномочий в классе, роли дискурсивных практик в переосмыслении, изменении и (де)регуляции танцевальных традиций, исследование помогает лучше понять взаимосвязь и взаимозависимость педагогического дискурса и разнообразных социокультурных практик, связанных с обучением традиционному танцу и его преподаванием.

Ключевые слова: педагогический дискурс, обучение танцу, властные отношения в классе, традиционный танец, шотландский танец, этнолингвистика, этнохореология, танцевальная феноменология

Ссылка при цитировании: Алферов С.В. От слова к движению: дискурсивные практики преподавания шотландского танца // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 177–197.

Об авторе: Алферов Сергей Владимирович – руководитель Школы шотландского и валлийского танца Shady Glen. Эл. почта: scotstepdance@gmail.com.

© *И.Ю. Заринов***ИГРА КАК ОСНОВА И ФАКТОР КУЛЬТУРЫ: ЛИЦЕДЕЙСТВО –
ЮРОДСТВО – ШАМАНСТВО***

«Вся наша жизнь – игра!»

А.С. Пушкин «Пиковая дама»

*В статье рассматривается взаимосвязь трех феноменов, существующих в жизни людей в игровой форме. Впрочем, в такой форме существуют и многие другие проявления человеческой жизни. Три, исследованные в данной работе: лицедейство, юродство и шаманство – по-своему демонстрируют игру как поведенческую систему и один из важных принципов взаимоотношения между людьми. Однако, несмотря на своеобразие каждого, в них, так или иначе, присутствует феномен игры, существующей в виде притворства или двуличия. Теоретической основой статьи стали взгляды выдающегося нидерландского историка и культуролога И. Хёйзинги, изложенные им в книге *Homo ludens* [Человек играющий]. В ней он анализирует игровой характер культуры, провозглашая универсальность феномена игры как одного из важных составляющих человеческой цивилизации. По мнению И. Хёйзинги, человек является таковым из-за способности выступать и являться субъектом игры. И именно поэтому все, что делает человек в обыденной жизни, он облекает это делание в культурное содержание. В этой связи известный русский философ Лев Лосев оригинально выразился: «После изгнания из рая человек живет, играя».*

Ключевые слова: *игра, культура, этнология, социальная антропология, лицедейство, юродство, шаманство, театр, святой, житие*

Ссылка при цитировании: *Заринов И.Ю.* Игра как основа и фактор культуры: лицедейство – юродство – шаманство // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 198–213.

Выстроенные в последовательный ряд три слова – лицедейство, юродство и шаманство – показывают определенную взаимосвязь этих феноменов. Кстати сказать, любая их перестановка не меняет сути явления, которое может быть объединено одним словом – «игра». По мнению нидерландского историка и культуролога Й. Хёйзинга, человеческая культура, как таковая «... возникает и развивается в игре, как игра» (Хёйзинга 2011: 8). Расшифровывая и развивая этот тезис, он пишет, что «...склонность и способность человека облекать в формы игрового поведения все стороны своей жизни выступает подтверждением объективной ценности

Заринов Игорь Юревич – к.и.н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32-А).
Эл. почта: izarinov@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

изначально присущих ему творческих устремлений – важнейшего его достояния» (Хёйзинга (*Хёйзинга*) 2011: 8).

Исходя из этого посыла Хёйзинга, игра вовсе не забава, как обычно ее воспринимает человек. Ею, оказывается, наполнена вся наша жизнь. Мы начинаем играть с самого раннего детства. С помощью игры у ребенка развивается мышление вообще и логическое, в частности. Игра для детей есть важный компонент их физического и духовного развития. Более того, и это может быть самое главное для этнолога/антрополога, через игру ребенок инкультурируется (т.е. инкорпорируется в культуру того сообщества, в котором происходит его социализация). Иными словами, в детстве, в том числе и через игру, мы становимся людьми с определенным этническим содержанием, т.е. становимся представителем того или иного народа-этноса.

Взрослые люди не перестают играть, но их игры, в отличие от детских, приобретают несколько иные функции и наполняются более сложными смыслами. Приобретая тот или иной род деятельности, человек играет в ней (или с ней) в зависимости от собственного характера и направленности этой деятельности. Играет человек и за пределами своих профессиональных занятий: дома, в семье, на улице, и так далее. Словом, даже сам не замечая этого, человек всегда находится в игре (может быть, даже наедине с собой и даже во сне). Однако существует в нашей жизни такая сфера деятельности, в которой игра есть профессия. Ее абсолютное воплощение – это театр. Можно прочитать миллионы страниц о театре и увидеть тысячи спектаклей, но все равно понять его природу трудно, если вообще возможно. Это оказалось не под силу даже его великим служителям. А их за всю историю театра было бесконечное множество. Один из них великий русский актер Михаил Чехов, считая актерскую братию странными людьми, вопросительно воскликнул: «Да и люди ли они вообще?!»¹.

И действительно, анализируя феномен театра мы не можем не признать того факта, что в нем, существует нечто, что не поддается простому логическому объяснению. Если в разных видах искусств существуют предметы (инструменты), с помощью которых эти виды искусств выражают себя, то главным инструментом в театре является лицо актера (отсюда слово «лицедей», то есть человек «действующий лицом»). Но действует у артиста не только лицо, действует весь его организм, как физически, так и эмоционально. И с помощью всего этого актер воздействует на зрителя так, что тот, находясь в замкнутой «театральной коробке», каким-то невообразимым образом верит искренне и по-настоящему тому, что происходит на сцене или на киноэкране². Возникает некая магия, позволяющая воспринимать игру актера как священнодействие: «Волшебный край! Там в стары годы, сатиры смелый властелин, блистал Фонвизин, друг свободы, и предприимчивый Княжнин...» (*Пушкин* 1984: 34). На протяжении всей истории театра люди изнутри его (весь коллектив, создающий спектакль) и извне (зритель, критик) пытаются понять сущность театрального действия и сущность связи актера со зрителем. «Тема взаимоотношения актера со зрителем требует отдельного разговора. Здесь же следует только сказать,

¹ Смысл этого восклицания в контексте содержания данной работы, говорит о многом: три исследуемые в статье феномена – лицедейство – юродство – шаманство в обыденном сознании действительно несут некое надчеловеческое, иррациональное начало.

² С кино все обстоит сложнее. В нем зритель не общается непосредственно с актером, как в театре, где устанавливается живая эмоциональная связь между тем и другим (тем театр и уникален). В кинозале зритель получает эмоциональный заряд опосредовано, что на заре кино давало повод противникам не признавать его в качестве искусства.

что с начала своего возникновения, театр, как искусство синтетическое, призван был максимально воздействовать на духовный мир человека. Несмотря на то, что зритель понимает, что все происходящее на сцене – это некая другая реальность, чем та, которая имеет место в жизни, он, тем не менее, под воздействием актерской игры смеётся, плачет, страдает, размышляет. В этом и состоит непостижимая тайна театрального зрелища: в нем актер и зритель находятся в связи, похожей на телепатическую и вызывающей в том и другом такое состояние человеческого духа, которое Аристотель назвал “катарсисом” (очищение духа)» (Заринов 2011: 209). И это видимо происходит потому, что действующие на сцене и сидящие в зрительном зале, хотя и по-разному, но находятся в игре: актеры – активно, зрители же – пассивно. В этом смысле стоит вспомнить слова одного из действующих лиц шекспировской пьесы «Как вам это понравится»: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль» (Шекспир 1993: 148).

Общеизвестным является тот факт, что театр имеет длинную историю. Был ли он в первобытном обществе, трудно сказать. Скорее всего, как оформленное сценическое действо его в самой глубокой древности и не было. Но можно предположить, что как примитивное лицедейство в обрядовой форме пратейтер существовал. В то же время из истории известно, что лицедейство в некоторых архаических обществах (культурах) рассматривалось как нечто непотребное и выходящее за рамки понимаемых стереотипов поведения обычных людей (часто такие люди становились изгоями). Видимо, лицедействующие воспринимались как сумасшедшие, и это вызывало страх и неприятие остальных. Но тогда встает вопрос, как эти люди отделялись от участвующих в обрядовых действиях, которые невозможно себе представить без акта лицедейства?

Но в данной работе лицедействующий театр лишь одна из составляющих тесной взаимосвязи и взаимопроникновения таких феноменов, как лицедейство, юродство и шаманство. Лицедейство актера трудно себе представить без элементов юродства и шаманства. И, наоборот, юродство и шаманство несут в себе лицедейское начало. Все три феномена – это сложный психофизический процесс, который по сути своей является ничем иным, как притворство (недаром скоморохов, которые одновременно владели искусством лицедейства, юродства и шаманства называли “притворщиками”). Цель и задача статьи показать на некоторых письменных источниках тесную связь между театром, юродством и шаманством, антропологическая сущность которых несомненна¹. Это в основном:

- 1) театральные практики, основанные на суждениях артистов о своей профессии, включая собственный театральный опыт автора данной работы²;
- 2) взгляды на театр, как таковой, и на мастерство актеров таких антиподов театрального дела, как К.С. Станиславский и В.Э. Мейерхольд;
- 3) жития юродивых Христа ради;
- 4) отечественные публикации о шаманстве.

¹ В мире животных представить эти явления невозможно.

² В далекой юности (1960) я имел опыт поступления в Щукинское театральное училище, дошел до третьего тура экзамена по профессии, но к дальнейшим экзаменам не был допущен комиссией во главе с ректором училища Б.Е. Захавой. С 1965 по 1970 гг. являлся актером Студенческого театра МГУ под руководством сначала народного артиста СССР С.И. Юткевича, а затем тогда еще рядового режиссера, а ныне народного артиста СССР М.А. Захарова, недавно, к сожалению, скончавшегося.

Сразу стоит сказать, что данная работа является некоей реминисценцией ранее уже опубликованных трех моих статей: «Социально-культурный и политический аспекты в истории русского драматического театра» (Заринов 2011), «Русский драматический театр в этнонациональном контексте» (Заринов 2014), «Юродство в русской словесности как одна из составляющих русского этоса» (Заринов 2016). Их некоторые положения, так или иначе, перекликаются с тем, что изложено в ниже-следующем тексте.

В первой из упомянутых статей русский драматический театр представлен как феномен, в содержании которого хорошо различимы аспекты социально-культурного и политического устройства России. Но одновременно анализируются и некоторые проблемы, связанные с психофизическими свойствами актера и связью актерского мастерства с нечто похожим на юродство, хорошо видимого особенно в выступлениях скоморохов. Во второй показано место и роль русского драматического театра в русской истории: государственной, религиозной и этнической. Предпринята также попытка исследовать русскую культуру через призму лицедейства. Третья статья исследует феномен юродства в трех его ипостасях: – природной, где он, скорее всего, проявление психического нездоровья; – бытовой, присущей в той или иной степени каждому человеку, но русскому особенно; – Христа ради, именуемого так, потому что юродство здесь является особой формой служения Богу, распространенной в русской культуре более широко, чем в других европейских культурах.

Что касается шаманства, то оно довольно подробно и скрупулезно исследовано в науке именно русскими учеными, как дореволюционными, так и советскими. Продолжается изучение шаманства российскими исследователями и в настоящее время, что позволяет в контексте рассматриваемой в данной работе темы увидеть его достаточно полно и широко.

Специфика трех взаимосвязанных явлений – лицедейства, юродства и шаманства – обнаруживается в том, что они по сути своей представляют собой игру в игре, если вторую понимать, как это делает Й. Хейзинга, в качестве фундамента человеческой культуры. «Человек, – считает он, – является человеком постольку, поскольку обладает способностью по своей воле выступать и пребывать субъектом игры» (Хейзинга 2011: 3). О внутренней связи лицедейства, юродства и шаманства говорит особое поведение и особое психическое состояние артиста, юродивого и шамана, преимущественно в момент, когда они являются объектом наблюдения за ними. Первого во время игры на сцене. Второго, творящего свои безобразия в толпе. Третьего, камлающего перед своими соплеменниками. И тут все трое являются не только субъектом игры, как это считает Хейзинга, но и ее объектом. Без присутствия зрителей их представления¹ – актера в театре, юродивого в толпе, шамана перед соплеменниками – теряют всякий смысл.

Начнем с театра, где лицедейство есть его основа, его сущность. Там акт будущего представления подготавливается поэтапно: написание пьесы драматургом (или инсценировка режиссером того или иного литературного произведения), читка пьесы (инсценировки) по ролям за столом, репетиции в пространстве (аудитория, сцена). Спросят – где же тут зритель? Им в этом случае являются соучастники подготавливаемого спектакля, режиссер, а когда идут репетиции на сцене – это манти-

¹ Шоу по-нынешнему.

ровщики спектакля, осветители и другой обслуживающий персонал¹. Именно они являются первыми зрителями будущего спектакля на сцене. Здесь нельзя не упомянуть последний прогон спектакля, получивший название «для пап и мам»². Словом, аудитория подготавливается постепенно, и премьера спектакля – это венец длинных, трудных и порою нудных трудов. Так лицедейство обретает жизнь. И насколько она будет длинной (или короткой) определяют такие компоненты, как время, мастерство режиссера-постановщика, актеров, художников-оформителей и т.д. и т.п.

Мой личный театральный опыт не богат, но кое-что я из него вынес, и могу сказать, что постановочная рутина щедро награждается теми мгновениями, которые все участники спектакля и каждый отдельно ощущают, когда в зрительном зале повисает, ни с чем несравнимая тишина. В это время тебе кажется, что ощущаешь дыхание каждого зрителя. А иногда кажется, что его вовсе нет, а ты летишь в безвоздушном пространстве незнамо куда и зачем³. Со мной лично это происходило несколько раз, особенно в двух сценах: 1) безмолвный выход на костылях к главному герою спектакля «Хочу быть честным» (инсценировка Марка Захарова одноименного рассказа В.Н. Войновича), как напоминание о его ранении во время войны⁴; 2) стихотворный монолог поэта Балента из пьесы венгерского драматурга Миклоша Хубай «Три ночи одной любви».

Однако здесь сразу встает один важный и сакраментальный вопрос: неужели в эти моменты артист теряет контроль над собой, полностью освобождаясь от своего *ego*? Да нет, конечно. Артист абсолютно не растворяется в своей роли, а входит в нее настолько, насколько позволяет ему его талант и техническое мастерство. В этой связи можно привести два известных из истории театра примера. Великая русская актриса М.Н. Ермолова в финале одного спектакля играла сцену смерти своей героини так натуралистично, что один из ее поклонников, пробравшись однажды в гримерную актрисы, сказал: «Марья Николаевна, я всегда боюсь за вас, что после этой сцены вы умрете по-настоящему, но, слава Богу, этого не происходит, и вы, как, ни в чем не бывало, выходите по окончании спектакля на поклон».

- «Дорогой мой, театр – это все-таки игра⁵. Все, что происходит на сцене будто реально, но все равно понарошку. Если бы я, хотя бы по капельки умирала каждый спектакль, меня уже давно бы не было. А я, как видите, пока жива и здорова. В конце концов, наша профессия держится на мастерстве. А если не так возвышенно, то на простом ремесле,

¹ Некоторые из них по-своему понимали, что такое театр и артист в нем. Во МХАТЕ, например, долгое время служил столяр дядя Вася, который знал лично всех корифеев театра, так называемых «стариков» (ручался даже со Станиславским и Немировичем-Данченко). Так вот он говорил моему другу Сергею Когляру, который в ранней юности работал во МХАТе подручным этого дяди Васи: «Сергей, есть актеры научённые и есть родовые. Научённых много, а родовых можно по пальцам пересчитать. Один из них – это Леша Грибов. Он частенько приходит ко мне в мастерскую, и мы после спектакля пропускаем с ним по стаканчику».

² Такой показ спектакля имеет давние традиции. Он, по-моему, играет важную роль: близкие люди – одновременно заинтересованные зрители и беспощадные критики.

³ Видимо, это состояние сродни человеку, принявшему наркотик. И тогда понимаешь, почему страдают профессиональные актеры, когда у них нет работы, и когда они по этой причине часто топят эту безработицу в алкоголе.

⁴ Эта сцена, по замыслу М. Захарова, происходила в момент душевных колебаний главного героя, и его призрак из войны являлся как бы его чистой совестью, укоряющей его за попытку пойти на сговор с нею.

⁵ Хотя польский режиссер-экспериментатор Ежи Гротовский выдал как-то такую парадоксальную фразу: «Сцена – единственное место, где можно не играть».

которое, как и в каждой профессии, достигается опытом. И уж в последнюю очередь стоит так называемый талант, который определить не просто. Он, наверное, есть то, как актер умеет использовать свой театральный опыт» (Дурылин 1953: 30).

Другой великий актер, итальянец Сальвини, на вопрос о таланте актера, выразился еще проще: «Талантливее тот, у кого больше штампов¹. У меня, например, их больше сотни». В этом откровении Сальвини, конечно, присутствовало некоторое лукавство, однако факт остается фактом, который хорошо иллюстрируется рассказом старшей актрисой Малого театра А.А. Яблочкиной: «В годы моей молодости в Россию на гастроль приехал итальянец Сальвини со спектаклем “Отелло” в заглавной роли. У нас в Малом мне поручили роль Дездемоны. Репетиции были в основном монтировочные, на которых разбирали проходы по сцене и стыки реплик на русском и итальянском языках. Я плохо помню, как шел весь спектакль, но вот подошла сцена удушения Дездемоны. Это сейчас она происходит прямо на глазах зрителей². А раньше, с подготовленным и знающим сюжет зрителем, эта сцена проходила в специальной выгородке, обозначающей спальню альков. Так вот, я лежу на постели, в альков заходит Сальвини. Я думаю, что он подойдет ко мне и чтобы внутренне настроить себя на этот страшный поступок, станет как то манипулировать рядом с моим лежащим телом. Но, к моему удивлению, он погладил подушку, на которой я возлежала, погладил меня по голове, улыбнулся, и, выдержав паузу в одну-две минуты, вышел на авансцену. Я не видела, что он там делал со своим лицом перед зрителем, но я слышала, как весь зрительный зал в едином порыве звучно выдохнул междометие наподобие “У-о-ах”. Тогда еще системы Станиславского не существовало, по которой актер должен существовать на сцене со сверхзадачей. С чем существовал на сцене Сальвини я не знаю, но его гений заставлял зрителя верить и чувствовать сердцем в то, он только что совершил убийство» (Яблочкина 1960: 73). Наверное, Сальвини проявлял эту сверхзадачу Станиславского через множество штампов, о которых он говорил. Именно поэтому существование артиста на сцене намного сложнее, чем об этом может толковать любая система; оно никак не может уложиться ни в одно прокрустово ложе.

В этой связи есть смысл вкратце остановиться на теориях актерского искусства, которую оставили после себя К.С. Станиславский и В.И. Мейерхольд – эти два великих антипода русско-советского театра. Думаю, что ни тот ни другой не были знакомы с трудами Й. Хейзинга, но они своими рассуждениями об игре актера, так или иначе, подтверждали теорию нидерландского ученого о «человеке играющим»: играющим не как социальный актер³, но играющим по уже подготовленному плану, т.е. тексту пьесы или сценарию в фильме. Происходит игра в игре, о чем речь шла выше. И вот здесь оба корифея русского театра, преследуя, в сущности, одну и ту же цель – найти наилучший способ существования актера на сцене – по-разному видели пути этого поиска. Станиславский шел от внутреннего переживания артистом исполняемой им роли и приобретения в этом процессе так называемой «сверхзадачи». И тогда, по его мнению, все остальное – мимика, пластика и другие внешние про-

¹ То есть технических приспособлений актера во время игры актера.

² Это правда. В молодости мне посчастливилось видеть «Отелло» на сцене Кремлевского театра с великим англичанином Лоренсом Оливье. Он действительно душил Дездемону прямо на сцене, как разъяренный лев.

³ Попутно замечу, что случайно или нет, этот социологический термин, обозначающий общественного субъекта, созвучен со словом «актер».

явления роли – придут сами собой. Мейерхольд, наоборот, заставлял актера найти сначала это «все остальное», а внутреннее состояние, как он считал, станет результатом нахождения актером внешнего рисунка роли. И практика показала, что под руководством Станиславского и Немирович-Данченко сначала досоветский МХТ, а потом советский МХАТ им. Горького стал театром исключительного и подлинного психологизма¹, а театральные студии, которыми руководил Мейерхольд, несли в себе яркую буффонную форму с большим количеством оригинальных режиссерских придумок. В этих двух теориях об актерском мастерстве явственно просматривается вечный спор о первичности материи и духа. «Система Станиславского», идущая от психологического начала (вживание в образ), отображает скорее первичность духа. «Композиционные идеи» Мейерхольда – это стремление к материалистичному пониманию актерского мастерства, близкое к биомеханике².

В течение вот уже более полувека эти две теории и практики определяют театральное дело не только в России, но и во многих других странах мира. Однако, исходя из тенденций развития современного мирового театра, побеждает в различных вариантах и модификациях мейерхольдовская парадигма. Она пришлась, если принять картёжную терминологию, как-то «в масть» эстетике постмодернизма. Он в последнее время стал методологической основой многих сфер человеческой деятельности, в том числе и науки³. Главным признаком постмодернизма следует считать идею относительности всего и вся, когда во главу угла ставится принцип релятивизма, стирающий границу между такими антонимами, как правда и кривда, добро и зло, справедливость и несправедливость и т.д. и т.п.

Можно сказать, что пришла вторая после футуризма начала XX столетия волна сбрасывания с пьедесталов классики, якобы в своей заскорузлости мешающей развитию современному пониманию действительности. Содержание и форма классического театра стало скорее исключением в наше время. Нынешний театр все больше становится ареной экспериментаторства в сторону формальных изысков, граничащих с абсурдом, бредом и аморальностью. И такие явления, как юродство и шаманство, так или иначе, всегда присутствующие в игре актера, стали теперь всепоглощающими и откровенно демонстрируемые на сценах современных театров. Они в некотором роде по форме, да и по содержанию, вернулись к одному известному и очень когда-то распространенному в России явлению, каким было скоморошество, в котором более отчетливо, чем в классическом театре, можно разглядеть одновременно лицедейскую, юродскую и шаманскую составляющие. Взаимосвязь этих трех феноменов, особенно на русской почве, была замечена в двух моих ранее уже упомянутых статьях: «Социально-культурный и политический аспекты в истории русского драматического театра» (Заринов 2011) и «Русский драматический театр в этнонациональном контексте» (Заринов 2014).

¹ Несколько лет назад МХАТ им. Горького разделился на две части. Одна под руководством Татьяны Дорониной сохранила это советское название и вместе с ним продолжает традиции, заложенные основателями театра. Другая, под руководством Олега Табакова, вернулась к до-революционному названию. И, прибавив к нему имя Чехова, выбрала другой путь. Путь постмодернизма, поглотивший сейчас все и вся.

² Именно Мейерхольд ввел этот термин в предложенную им систему актерского мастерства.

³ В общественных науках это хорошо просматривается в истории, социологии, культурологии и этнологии. Последняя даже сменила по западному образцу свое название на социально-культурную антропологию.

Скоморошество, несмотря на резко отрицательное к нему отношение со стороны русской православной церкви, имело широкое распространение в России вплоть до указов царя Петра Первого о его запрещении. В древнем поучении «Слове о твари и о дни, рекомом неделе» говорится, что воскресные дни в средневековой Руси были днями еженедельного острого соперничества христианства и язычества, православного духовенства и волхвов-гуслиаров. Автор «Слова» пишет, что очень трудно завлечь народ в церковь, где нет ни дождя, ни вьюги, где «покрову сущю и заветрию дивну». Люди, которых приглашают в храм, позевывают, почесываются, сонно потягиваются и всячески отговариваются непогодой. «Но аще плясцы или гудци (танцоры и скрипачи), или ин кто игрецъ позоветь на *игрище* или на какое *зборище идольское* – то вси тамо текут, радуяся ... и весь день тот предстоят озорьствующе тамо... А на позорищех (театрализованных представлениях) ни крову сущю, ни затишыю, но многажды дождю и ветром дышущю или вьялици (метель) – то все приемлем радуяся, позоры дея на пагубу душам» (Слово о твари...; Заринов 2011). Из приведенного отрывка видно, что лозунг Ювенала «хлеба и зрелищ» не только для древних римлян, но и для менее древних русских имел значение более важное, чем смиренная молитва в храме. Видно, что в обыденном сознании побеждала страсть к игре, которая, как было сказано выше, является одним из сущностных свойств человека.

В этой связи встает вопрос, существовал ли и каким образом проявлялся в юродстве вообще и в юродстве Христа ради¹, считавшимся в России до некоторого времени делом святым и богоугодным, феномен лицедейства? Точно также интересен вопрос о присутствии лицедейства в процессе камлания шамана. По логике вещей это само собой разумеющаяся вещь, но как это выглядит в действительности, требует определенного освещения. Для этого обратимся сначала к текстам некоторых житий юродивых, а затем к нескольким описаниям очевидцев шаманского действия (камлание), с привлечением работ по научному изучению шаманства.

Из житий обратимся к трем наиболее известным юродивым Христа ради: Василию Московскому (Блаженному), Михаилу Клопскому и Ксении Петербургской, а также юродивому Ивану Яковлевичу Корейша, которого обыватель признавал как юродивого, однако церковь его в качестве святого не признала и соответственно не канонизировала. В церковной практике юродивые Христа ради являли собой пример подвижничества через телесные и душевные страдания человека во имя Господне, что получило отражение в агиографии. Там мы находим описание поведения юродивых Христа ради, которое внешне было не только не благочестиво, но с точки зрения общепризнанной морали нарушало все границы. И все это рождалось из (якобы?) мнимого и добровольного ухода человека в состояние безумия. Этот момент феномена юродивого Христа ради в исследовании его природы и механизме проявления вызывает вопросы различного свойства. Особенно это: добровольно ли вхождение человека в это психофизическое состояние или это происходит по причине трансформации психического здоровья в сторону психической болезни, проще говоря – сошествия с ума? Что происходит с саморефлексией человека, вставшего на путь юродивого Христа ради? Откуда он черпает физические и психические силы, чтобы выдерживать этот путь

¹ В моей статье «Юродство в русской словесности как одна из составляющих русского этоса», опубликованной в журнале «Вестник антропологии» (2016: 4) я делю юродство на три типа: природное, которое является врожденным и связанным с душевными и телесными изъянами; бытовое, присущее обычным людям в форме неадекватных поступков и высказываний; юродство Христа ради, как добровольно принятое на себя мученичество во имя Спасителя.

чудовищного самоунижения, унижения со стороны окружающих и самоотречения от обычной жизни? В какой степени в поведении этого человека присутствует элемент лицедейства, даже, если принять во внимание, что на каком-то этапе жизни юродивого Христа ради его безумие уже не наносное (в сущности игровое), а становится к истинно-природным? Этот последний вопрос особенно важен для темы данной работы, на который, как и на остальные, ему предшествующие, тексты житий юродивых четкого ответа не дают. Несмотря на это, некоторые фрагменты из них могут хотя бы косвенно прояснить интересующую нас проблему.

Начнем с наиболее известного и почитаемого при жизни юродивого Христа ради Василия Московского, получившего в качестве нарицательного имя «блаженный»¹. В его «Житии» можно найти некоторые свидетельства о его поведении, где лицедейство так или иначе можно усмотреть: «Странны были поступки блаженного: то опрокинет лоток с калачами, то прольет кувшин с квасом. Рассерженные торговцы били блаженного, а он с радостью принимал побои и благодарил за них Бога» (Житие Василия). Что касается его предсказаний будущих событий: вторжение в московские пределы крымского хана Махмет-Герая, пожар в Великом Новгороде, случай с лисьей шубой богача, который упросил Василия надеть ее лютый мороз и других, то тут, если эти предсказания существовали на самом деле, о лицедействе говорить трудно. Скорее это область интереса психоаналитиков.

Из жития Михаила Клопского юродивого Христа ради (второе имя он получил по названию Клопского Троицкого монастыря в Великом Новгороде, в котором обретался в качестве «преподобного») эпизодов из его поведения, где можно заметить прямые признаки лицедейства, найти трудно. В основном в житии описываются его чудодейственные предсказания. Однако игру в виде притворства, как и у многих других юродивых, можно усмотреть в условиях его быта: «Вот каково было житье Михаила при жизни земной. Жил в келье один. Ни постели, ни изголовья, ни подстилки, ни одеяла не имел, а спал на песке. Келью топил конским навозом. Прожил в монастыре сорок четыре года, а питался каждый день только хлебом и водой» (Житие Михаила).

Феномен святой юродивой Ксении Петербургской заставляет задуматься над проблемой грани добровольного ухода в мнимое безумие, которое приписывается юродивому Христа ради, и истинного сошествия человека с ума. Ведь в случае с этой юродивой, которая чаще всего именуется «блаженной»², может просматриваться и то и другое. Известно, что толчком к ее поступку, прославляемому церковью как служение Господу в качестве юродивой Христа ради, стала смерть ее мужа, образ которого она на себя наложила и исполняла перед окружающими. Но встает вопрос: а может быть, это было проявлением обычного безумия в форме приписываемого ей юродства Христа ради? (Житие Ксении). Существует, правда, факт освидетельствования ее на предмет сумасшествия, и специалисты якобы признали ее вполне вменяемой (здесь остается, правда, проблема квали-

¹ Юродивых действительно часто отождествляют с блаженными, однако существует несколько фактов, противоречащих этому утверждению. «По виду подвижнической жизни, – говорится в книге «Православие для всех», – мы усваиваем святым различные наименования. К примеру: Апостолы, Блаженные, Исповедники, Мученики, Преподобные, Пророки, Равноапостольные, Святители». Из них блаженные – это «святые, прославившиеся подвигом смирения и юродства». Стало быть, юродство есть лишь одна из форм проявлений блаженства (Заринов 2011: 199). Например, Матрону Московскую церковь причисляет к блаженной, но юродивой Христа ради по всем известным канонам она не была.

² Об ошибочном тождестве юродивого Христа ради и блаженного см. в предыдущей сноске.

фикации этих специалистов). Уверенные в добровольном и осознанном принятии решения стать юродивой Христа ради, могут еще опереться на факт обладания способностью предвидения, что, дескать, у обычных сумасшедших этой способности не существует. Существование этой способности у Ксении Петербургской, по мнению специалистов по юродству, показывает, что она была типичной святой-юродивой Христа ради. Но такое доказательство вовсе является стопроцентным, поскольку существует ряд примеров, когда феноменом предвидения будущего обладали настоящие сумасшедшие. Самый яркий пример – это Иван Яковлевич Корейша, официально признанный сумасшедшим, поэтому и содержащийся в московской Преображенской психиатрической клинике. При этом признавался он в качестве юродивого, но церковью в качестве святого-юродивого Христа ради канонизирован не был. Зато в поведении его нельзя было не заметить явные признаки лицедейства на грани эпатажа. Вот какое описание оставил об этом «юродивом-пророке» в своей книге «26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии» И.Г. Прыжов: «Войдемте в его палату. Стены уставлены множеством икон, на полу перед образами стоит большой высеребрянный подсвечник. Налево низко молится странник с растрепанными волосами в порыжелом от солнца кафтане. Направо в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка. Направо в углу, на полу, лежит Иван Яковлевич, закрытый наполовину одеялом. Он может ходить, но несколько лет уж предпочитает лежать. У всех других больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка их темноватого ситца. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели все отправления, как то обеды и ужины, (он все ест руками – будь то щи или каша) и об себя обтираться, все это делает из его постели какую-то темногрязную массу, к которой трудно и подойти. Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему около 80 лет. Лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное и так неприятно, что у меня не достало духа его рассмотреть... Вообще же мешанье кушаньев имеет в глазах Ивана Яковлевича какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху; оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит его к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горячим горохом, ест и других кормит: скверное кушанье, а все едят. За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу водочка... Из других способов, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича, замечательны следующие: девушек, он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения, придавая тому и другому символическое значение... Приехала к нему известная некогда красавица, купчиха Ш — а, и спрашивает его о чем-то, а он сказал, подняв ей подол: все растрясла, поди прочь!» (Прыжов 1996: 31).

Из всего сказанного выше о феномене юродства, в том числе и Христа ради, видно, что проблема истинности этого явления продолжает существовать. Однако для контекста данной работы – это не столь важно. Для раскрытия ее темы важны поведенческие проявления людей, кого мы можем причислить к юродивым. Важно, прежде всего, своеобразие их поведения, в котором факт притворства, или иными словами лицедейства, нельзя не увидеть¹. Как было сказано выше, юродивому, как и актеру, нужен зритель. Но если у второго выступление перед зрителем – это профессия, то у первого оно является его психофизическим состоянием, граничащим с безумством.

¹ Не ясно только одно, сохранял ли юродивый образ своего поведения, которое он демонстрировал на людях, наедине.

Шаманство¹ как феномен², относящийся к древним религиозным формам, в своем внешнем проявлении несет на себе более явные признаки лицедейства, чем оно проявляется в юродстве вообще, и Христа ради, в частности. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что само слово «шаман», происходящее из эвенкийского языка, обозначает возбужденный или иступленный человек. Для наглядности сошлемся на кадры кинохроники, на которых запечатлено камлание шаманов. Описать словами происходящее трудно. Это подвластно только великим мастерам слова. Из виденного напрашиваются два слова, характеризующие это действие: транс и экстаз. Посредством громадной затраты внешней и внутренней энергии шамана, камлающего (кстати, корень от этого слова «кам» обозначает на древнетюркском тоже «шаман») происходит своего рода перфоманс с целью воздействовать на эмоциональное состояние своих соплеменников или людей, случайно или неслучайно оказавшихся рядом³. Шаманская атрибутика: шаманский костюм, бубен, варган, колотушка, шапка (шаманская корона), камлайка (халат, рубаха), шаманский пояс, колокольчики, шаманская плеть, шаманский нож, шаманская пика, фигурки духов, когти, клыки, перья, венчик из черного конского волоса, маска⁴ только усиливают воздействие на присутствующих при камлании. Они являются зрителями своеобразного спектакля, разыгрываемого по навсегда прописанному сценарию под названием «Вызывание духов» (чаще всего духов-помощников и духов-покровителей). В этом процессе шаман вместе с духами находит в зрителях своего рода соучастников лечения болезней, предсказания погоды, обнаружения пропавшего скота, изгнания из человека злых духов и т.д.⁵

В этой связи интересна зарисовка шаманского камлания, данная известным специалистом шаманства В.Н. Басиловым во вступлении к своей книге «Избранники духов»: «Немногие видели живого шамана, но почти каждый живо представляет себе картину, известную по книгам: по полутемной юрте в иступленной пляске мечется человек в причудливых одеждах. Он бьет колотушкой в большой бубен, призывая духов. Его лицо искажено, глаза закрыты. Вот удары становятся чаще и сильнее, вот он увертывается от невидимого врага. В конце сеанса шаман может и упасть без чувств⁶. Потом он расскажет сидящим в юрте людям о своей встрече с духами» (Басилов 1984: 3). Но для некоторых присутствующих на камлании этого делать не надо. По их рассказам, они сами вместе с вызвавшими шаманом духами улетали в какие-то запретельные выси, теряя связь с реальным миром⁷. Видимо, эти люди, с чрезмерно подвижной психикой

¹ Именно этот термин, а не шаманизм, предпочитал и использовал в своих трудах известный специалист этого явления В.Н. Басилов. Он объяснял это тем, что «измы» в большей степени используются в политике и философии, обозначая глобальные понятия.

² Характеристика его религиозной сущности не входит в задачи данной работы. Этому посвящена масса научных исследований. И лишь некоторые из них интересны в нашем случае с точки зрения внешней стороны шаманского действия (камлание как перфоманс).

³ Камлание шамана в одиночку теряет смысл этого действия.

⁴ Как это все напоминает актера с его сценической атрибутикой, или юродивого с его рубищем и наготой, которые тоже являются своеобразным театральным костюмом.

⁵ Момент соучастия имеет место и в зрительном зале театра, и в толпе, наблюдающей за выходками юродивого Христа ради.

⁶ И здесь встает вопрос: по-настоящему ли он теряет сознание или это притворство – главная составляющая лицедейства? Ответ на этот вопрос лежит уже в плоскости медицины.

⁷ А ведь подобное происходит с некоторыми особо впечатлительными людьми в зрительном зале театра, когда действие, происходящее на сцене, так их увлекает, что они уже не ощущают окружающую их действительность.

и сильным воображением, действительно могут на какое-то время терять связь с реальностью, находясь под воздействием чего-то похожим на гипноз.

Однако по большому счету эта сторона шаманства большого интереса для темы данной работы не представляет. Главной задачей ее является обнаружение в этом феномене элемента игры, похожей на игру актера в театре. Подробно об этой составляющей шаманства этнографы не пишут (их все больше интересует традиционно-религиозный аспект), но косвенные свидетельства об этом в их трудах можно обнаружить. Особенно тех, кто занимался этнографией северных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Это и патриарх этой тематики В.Г. Богораз-Тан в книге «Чукчи» (Богораз-Тан 1934), и Б.О. Долгих – автор текста и предисловия книги «Легенды и сказки нганасанов», и Ю.Б. Симченко – автор книги «Традиционные верования нганасан» (Симченко 1992).

Игра в форме лицедейства у шамана возникает более всего, когда речь заходит о технике камлания шамана, особенно у так называемых неошаманов – людей, перенимающих у традиционных шаманов их навыки камлания. Вряд ли в этом случае может идти речь о способностях ухода в транс, как это имеет место у настоящих шаманов. Но и у них в процессе камлания до наступления транс¹ нельзя не заметить элементы лицедейства и некоторую степень юродства. Так кто же шаман – лекарь или лицедей? По-видимому, он тот и другой «в одном флаконе». И в этой связи нельзя не присоединиться такому яркому и образному ответу на этот вопрос: «В искусстве лицедейства шаманам равных, наверное, нет! Они величайшие режиссеры жизненных спектаклей, непревзойденные исполнители ролей любой сложности и любого жанра. И сила их мастерства скрыта в том, что они искренне верят в любую постановку, которую разыгрывают, они без остатка вживаются в ту роль², которую в тот или иной момент выбрали играть. При всем при этом они ни на миг не забывают о том, что все это лишь игра, что декорации и маски могут в любую минуту раствориться и принять совершенно противоположный облик и сюжет. Сила их мастерства скрыта в том, что все это они делают не с целью одурачить окружающих, не с целью скрыть какие-то свои замыслы, а лишь с целью помочь тем, для кого они исполняют свою очередную постановку. Понять это логическим умом весьма сложно, но, тем не менее, это именно так. Обряды шаманов исполнены великого театрального действия, их танцы завораживают, их горловое пение и звериные рыки вводят в благоговейный транс, звуки их атрибутов наполняют пространство целительными вибрациями. Кому посчастливилось быть на таких обрядах, те наверняка сумели окунуться в эту волшебную мистерию. Но, не смотря на свое мастерство театрала, шаман всегда относится к тем, кто к нему обратился, с полной ответственностью, затевая очередную «игру» с пациентом, направляет все свои силы и возможности на исцеление доверившегося ему человека» (Шаман – кто он 2015).

Перед выводами к данной работе, есть необходимость вернуться к книге Й. Хейзинга «*Homo ludens*» [Человек играющий]. В ней, как было сказано выше, исследуется культура человека через призму игры в самом широком смысле этого слова. Три культурных феномена, составляющие смысл написания выше представленного текста, а именно: лицедейство/юродство/шаманство, так или иначе, подтверждают этот главный тезис ученого. Несколько нижеследующих цитат из книги Й. Хейзинга

¹ Если он действительно наступает. Со стороны людей, сомневающих в истинности природы шаманства, это состояние шамана вполне можно принять за хорошую игру.

² Здесь нельзя не вспомнить о сверхзадаче Станиславского.

лишний раз дают возможность убедиться в этом.

«В мифе и культе зачинаются, однако, великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость, наука. И все они, таким образом, уходят корнями в ту же почву игровых действий... На свет появился великий мировой театр. В блистательной чреде имен от Шекспира, Кальдерона и до Расина драма господствовала в поэтическом искусстве века. Каждый из поэтов, в свою очередь сравнивал мир с подмостками, где всякому приходится играть свою роль. В этом, казалось бы, заключается повсеместное признание игрового характера культурной жизни. Тем не менее, если как следует вникнуть в это расхожее сравнение жизни с театральной игрою, нетрудно заметить, что оно, восходя к платоновским представлениям, как кажется обращено почти исключительно к области нравственного. Все это было одной из вариаций на старую тему *vanitas* (со латинского – бесплодность, бесцельность, суета – И.З.), тяжким вздохом о бренности всего земного, не более. Действительное переплетение игры и культуры было здесь не осознанно и не выражено. На сей раз, мы хотели бы показать, что истинная, чистая игра сама по себе выступает как основа и фактор культуры... Красота движений человеческого тела находит в игре высочайшее выражение. В своих наиболее развитых формах игра пронизана ритмом и гармонией, этими благороднейшими появлениями эстетической способности, дарованными человеку. Связи между красотой и игрою прочны и многообразны» (Хёйзинга 2011: 27–28, 39).

Итак, как это следует из рассуждений нидерландского ученого, игра настолько всеобъемлюща в культуре человека, что любой ее (культуры) феномен, в том числе и описанные в данной работе, может рассматриваться как объект антропологии¹ – науки, в предмете которой культура является одной из основных составляющих.

Резюмируя все содержание данной работы, следует сказать следующее:

1. Лицедейство, юродство, шаманство – эти три взаимосвязанных феномена, от перемены мест которых в сущности ничего не меняется.
2. Лицедейство присутствует в поведении юродивого и шамана. Без него тот и другой теряют смысл своих действий.
3. Юродство, а точнее – юродствование, имеет место в игре актера и камлании шамана.
4. Камлание шамана – это хорошо видимая связь актерской игры и выходок юродивого.
5. Все эти три, как бы отдельно существующие явления человеческой культуры, объединяет, по Хёйзинга, феномен под названием «игра», понимаемая в самом широком смысле этого слова.
6. В этом широком смысле игра – это двигатель многих проявлений человеческой культуры.
7. Одним из механизмов, рассмотренных в статье игровых феноменов, является

¹ Правда, по мнению нидерландского ученого, игра присуща и животным, но вряд ли у них она имеет, как у человека, разумное и эстетическое начало, то есть культурное начало.

- притворство¹. По большому счету, оно и есть игра актера, и бесчинство юродивого, и камлание шамана.
8. Игра в форме лицедейства, юродства и шаманства рассмотрены в статье на следующих материалах:
 - теория и практика театрального дела на примере двух его столпов – К.С. Станиславского и В.И. Мейерхольда;
 - поведенческая практика юродства по тестам житий Василия Московского (блаженного), Михаила Клопского и Ксении Петербургской и Ивана Яковлевича Корейши.
 - процесс камлания шамана по кадрам документальной кинохроники и тестам исследователей шаманства.
 9. В статье исследуются механизмы действия лицедейства, юродства и шаманства в сопоставлении каждого из них, что дает возможность подтвердить теоретические выкладки книги «Homo ludens» [Человек играющий] нидерландского исследователя Й. Хёйзинга.
 10. Написание данной работы было спровоцировано ранее опубликованными мною статьями: «Социально-культурный и политический аспекты в истории русского драматического театра», «Русский драматический театр в этнонациональном контексте, «Юродство в русской словесности как одна из составляющих русского этоса».
 11. Наконец, идеи, высказанные в статье, подтверждают мысль о важности, всесторонности и всеохватности науки, которая в истории своего развития расширяла и совершенствовала предмет своих исследований и в зависимости от этого меняла в научной практике свое название: этнография – этнология – социально-культурная антропология².

Источники и материалы

- Житие Василия* – Житие Василия блаженного, Христа ради юродивого, Московского чудотворца // Душевность, изотерика и православие. <https://ivblagochinie.ru> (дата обращения: 02.02.2021).
- Житие Михаила* – Житие преподобного святого Михаила Клопского // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Худож. лит., 1969. С. 414-431. Серия «Би-

¹ Здесь стоит остановиться на этимологии этого слова. Существует три версии его происхождения: 1) это поведение некоторых людей у притвора, т.е. у двери. Так, например, вели себя зазывалы у корчмы или чересчур любезные хозяева у своих ворот... У Даля притворник – привратник, придверник, прикалитник; сторож, швейцар. Свадебный чин такого же значения; 2) притворство происходит от поведения нищих в церковном притворе; 3) Притвориться значит закрыться словно створки души притворить, чтобы никто не знал, что у тебя внутри: души не видно, дверь прикрыта, притворена, а то, что зримо – лишь притворство...(liveinternet.ru).

² Эту мысль высказал еще в начале XX столетия российский ученый С.М. Широкогоров, считавший, что ... «этнология есть наука об этносе как форме, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология как и биология открывает законы жизни человека как вида, а, следовательно, его мышления и науки как результата мышления и таким образом, этнология является венцом знания человека» (Широкогоров: 1923: 33). Именно Широкогоров ввел в научный оборот такое теоретическое понятие, как «этнос», развитие которого стало основанием для появления одноименной теории спустя почти полвека. Сама же эта теория стала толчком к рождению науки, предмет которой, как теперь это видно, настолько велик, что вмещает в себя одновременно проблемы биологии в форме физической антропологии, истории, социологии, лингвистики, религиоведения, философии и других научных дисциплин.

- библиотека всемирной литературы». Седмица.RU. <https://www.sedmitza.ru/text/443487.html> (дата обращения: 02.02.2021).
- Житие Ксении* – Житие Блаженной Ксении Петербургской // Православие.RU. <https://pravoslavie.ru/1586.html>, дата обращения: 02.02.2021.
- Пушкин 1984* – *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. М., Художественная литература. 1984.
- Слове о твари – Слове о твари и о дни, рекомом неделе. БГБ, Софийское собр. № 1285, л. 95г–97г. Публ. по: Савельева Н.В. Слове о твари и о дни, рекомом неделе. Приложение. 2010. С. 444–449. lib2.pushkinskijdom.ru.
- Станиславский 1954* – *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., Государственное издательство «Искусство», 1954.
- Шаман – кто он 2015 – Шаман – кто он? Лекарь или лицедей. Воин-герой или ловкий охотник // Шаман и шаманизм. 11.08.2015. www.shamanizm.org (дата обращения: 02.12.2020).
- Шекспир 1959* – *Шекспир В.* Как вам это понравится. «Искусство» М., 1993.
- Энциклопедический словарь 1995* – «Славянская мифология». М., 1995.
- Яблочкина 1960* – *Яблочкина А.А.* 75 лет в театре «Всероссийское театральное общество». М., 1960.

Научная литература

- Басилов В.Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984.
- Богораз-Тан В.Г.* Чукчи // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии. Т. V. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Воронкова Е.А.* Юродство как кроскультурный религиозный феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Благовещенск, 2011.
- Дурьлин С.Н.* Мария Николаевна Ермолова. 1853–1928. М., 1953.
- Заринов И.Ю.* Социально-культурный и политический аспекты в истории русского драматического театра // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 198–222.
- Заринов И.Ю.* Русский драматический театр в этнонациональном контексте // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 111–124.
- Заринов И.Ю.* Юродство в русской словесности как одна из составляющих русского этоса // Вестник антропологии, 2016. № 4. С. 136–151.
- Легенды и сказки нганасанов // Текст и предисловие Б.О. Долгих. Красноярск. Гос. Изд-во. 1938.
- Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речи. Т. 2. М., 1968.
- Иеромонах Харитон (Просторов)* (сост.). Православие для всех. Кострома: Авенир-Дизайн, 2000.
- Прыжов И.Г.* 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков, и другие труды по русской истории и этнографии. СПб., ЭЗРО; М., Интрада, 1996.
- Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. Библиотека Российского этнографа. Рос. акад. Наук Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: ИЭА РАН, 1992.
- Хэйзинга Й.* Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс – Традиция, 1997.
- Zarinov, Igor Yu.*

Game as the Basis and the Factor of Culture: Acting-Foolishness-Shamanism

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/198-213

The article examines the relationship of three phenomena that exist in people's lives as varieties of a game. In fact, many other aspects of life can exist in this way. The three phenomena studied in this work – acting, foolishness, and shamanism – represent the game as a behavioral system and one of the important principles of the interpersonal relationships. However, despite their uniqueness, they somehow imply the game either as

pretense or duplicity. The study is based on the idea introduced by the outstanding Dutch historian and cultural critic I. Heizinga and described in the book "Homo ludens". He analyzes the game nature of culture and proclaims the universality of the game as one of the important components of human civilization. According to I. Heizinga, the ability to act and be the subject of the game makes us humans. And that is why everything that one does in everyday life is placed in the cultural content. The famous Russian philosopher Lev Losev wittily wrote: "After expulsion from from paradise people live playing".

Keywords: *game, culture, ethnology, social anthropology, acting, foolishness, shamanism, theater, saint, life of saint*

For Citation: Zarinov, I.Yu. 2021. Game as the basis and the factor of culture: acting-foolishness-shamanism. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2 (54): 198–213.

Author Info:

Zarinov, Igor Yurevich – PhD, Senior Researcher, Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: izarinov@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Basilov, V.N. 1984. *Izbranniki dukhov* [Chosen Spirits]. Moscow: Politizdat.
- Bogoraz-Tan, V.G. 1934. Chukchi [Chukchi] In *Nauchno-issledovatel'skaia assotsiatsiia Instituta narodov severa TsIK SSSR. Materialy po etnografii* [Research Association of the Institute of the Peoples of the North. Materials on ethnography]. Vol. V. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa SSSR.
- Voronkova, E.A. 2011. *Iurodstvo kak kroskul'turnyi religiozni fenomen*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk [Foolishness as a cross-cultural religion phenomenon]. Blagoveshchensk.
- Dolgikh, B.O. (ed.). 1938. *Legendy i skazki nganasanov* [Legends and fairy tales of the Nganasans]. Krasnoyarsk. Gos. Izdatelstvo.
- Durylin, S.N. 1953. *Mariia Nikolaevna Ermolova. 1853–1928* [Mariia Nikolaevna Ermolova. 1853–1928]. Moscow.
- Zarinov, I.Iu. 2011. Sotsial'no-kul'turnyi i politicheskii aspekty v istorii russkogo dramaticheskogo teatra [Socio-cultural and political aspects in the history of Russian Drama Theater]. *Dialog so vremenem* 37: 198–222.
- Zarinov, I.Iu. 2014. Russkii dramaticheskii teatr v etnonatsional'nom kontekste [Russian Drama Theater in an ethno-national context]. *Etnograficheskoye obozreniye* 1: 111–124.
- Zarinov, I.Iu. 2016. Iurodstvo v russkoi slovesnosti kak odna iz sostavlyaiushchikh russkogo etosa [Foolishness in Russian Literature as a part of Russian etos]. *Vestnik antropologii* 4: 136–151.
- Meierkhol'd, V.E. 1968. *Stat'i. Pis'ma. Rechi* [Articles. Letters. Speeches]. Vol. 2. Moscow.
- Hieromonk Khariton (Prostorov). 2000. *Pravoslaviye dlia vseh* [Orthodoxy for all]. 2000. Kostroma.
- Pryzhov, I.G. 1996. *26 moskovskikh prorokov, iurodivykh, dur i durakov, i drugie trudy po russkoi istorii i etnografii* [26 Moscow prophets, fools, fools and fools, and other works on Russian history and ethnography]. Sankt-Peterburg: EZRO; Moscow: Intrada.
- Simchenko, Yu.B. 1992. *Traditsionnye verovaniia nganasan* [Traditional Nganasan beliefs]. Biblioteka Rossiiskogo etnografa. Ros. akad. Nauk Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Moscow.
- Kheizinga, I. 1997. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Moscow: Progress – Traditsiia.

АНТРОПОЛОГИЯ МИГРАЦИЙ

УДК 39+325.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/214-229

© *О.Б. Дашинамжилов, В.В. Лыгденова*

«ЭТНИЧЕСКИЕ» МИГРАЦИИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО НАРОДА *

В статье рассматриваются миграции бурятского народа в районах преимущественного расселения в 1959–1989 гг. Анализируются источники и методы исследования этнических миграций. Изучена территориальная специфика пространственных перемещений бурятского населения на фоне миграционных тенденций в России в целом и в восточных районах, в частности. Вычислен его механический прирост/убыль в Иркутской и Читинской областях, Бурятской АССР, определены исторические условия, факторы и географические направления миграций, роль сельско-городских перемещений. Выявлено, что буряты Иркутской области обладали самой высокой мобильностью, благодаря тесным контактам с русским населением, интенсивному аграрному и промышленному развитию региона, из-за чего механический отток из области достиг больших размеров. Если вначале была велика доля так называемых «внутренних миграций», в районах основного расселения, то постепенно роль экономических перемещений усилилась, а роль Бурятской АССР как центра притяжения ослабла. У бурят БАССР на протяжении всего рассматриваемого периода было положительное сальдо миграции за счет притока из Предбайкалья и Читинской области. Миграционная подвижность этноса здесь была значительно ниже, чем в Иркутской области, а масштабы сельско-городских миграций были невелики из-за сравнительно невысоких темпов экономического развития и менее тесных контактов с русским населением. Вместе с тем, приток бурятского населения в республику в изучаемый период последовательно снижался. В Читинской области демографический переход у бурятского населения шел медленнее, чем в других регионах преимущественного расселения. В этой связи миграционная мобильность этноса была очень низкой. Регион исторически отличался самыми невысокими темпами роста промышленного производства, меньшей была интенсивность аграрных пе-

Дашинамжилов Одон Борисович – к.и.н., научный сотрудник, Институт истории СО РАН (630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8). Эл. почта: Odon@bk.ru

Лыгденова Виктория Васильевна – к.философ.н., научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (630090 Новосибирск, ул. Ак. Лаврентьева, 17), Эл. почта: victoria.lygdenova@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00395 «Этнодемографическое развитие бурят в районах преимущественного расселения во второй половине XX – начале XXI вв.»

реселений. В результате буряты области дольше сохраняли традиционные виды хозяйствования, доля городских жителей была небольшой, распространённость русского языка была невысокой. Мобильность бурят усилилась в 1970-е гг., в основном миграции были направлены в БАССР. Роль республики как региона вселения упала лишь в 1980-е гг.

Ключевые слова: этнические миграции, этнодемография, буряты, Иркутская область, Читинская область, Бурятия, демографический переход

Ссылка при цитировании: Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. «Этнические» миграции: опыт историко-демографического исследования на примере бурятского народа // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 214–229.

На сегодняшний день высокий научный интерес вызывает изучение этнодемографических процессов. Однако исследователи, рассматривая демографические проблемы того или иного народа, обычно не выходят за пределы анализа их численности, территориального размещения, возрастного или семейного состава. Процессы миграции исследуются упрощенно, преимущественно с привлечением данных переписей. Все народы Советского Союза принимали участие в пространственных перемещениях, но все-таки основную роль в них играло высокомобильное русское население, которое активно участвовало в урбанизации, аграрных переселениях, заселении окраин, хозяйственном освоении малообжитых районов. При этом интенсивность и территориально-географические направления пространственных перемещений разных национальностей могли существенно отличаться. В предлагаемой статье сконцентрируем внимание на изучении миграционных процессов у бурят. По существу, это одно из первых развернутых исследований, проведенных в данном ключе. Хронологически статья охватывает 30-летний период, начиная с 1959 г. и вплоть до 1989 г.

Отдельно необходимо остановиться на источниковой базе работы. Вычленив национальные потоки миграций довольно трудно из-за специфики сбора информации советскими органами статистики. Первые данные текущего учета об этническом составе мигрантов (форма № 5) были получены в 1968 г., причем лишь по 24 административным образованиям Советского Союза. Со временем круг регионов увеличился. По нашим наблюдениям, сведения для формы № 5 «Распределение прибывших и выбывших по полу и национальности» разрабатывались только в некоторые годы (1968–1970, 1975, 1978–1980 гг.). Информация о национальном составе мигрантов стала собираться регулярно, начиная с 1988 г. вплоть до 2007 г. Существенными недостатками этой формы (до 1988 г.) являлось отсутствие сведений о перемещениях в сельской местности и последовательное сокращение количества национальностей, попадавших в статистическую разработку. Материалы в ней представлялись в самом общем виде, кроме количества прибывших и выбывших по городским поселениям, указывались также пол мигрантов и места выхода (городские поселения и сельская местность).

Именно поэтому миграционные процессы у бурят были изучены с привлечением нескольких способов. Данные переписи дают возможность проанализировать динамику роста или сокращения численности населения в районах преимущественного расселения и других административных единицах и городах. Если в каком-либо регионе (исключая Бурятскую АССР, Иркутскую и Читинскую области) представитель-

ство исследуемой национальности увеличивалось непропорционально быстро, то это косвенно указывало на миграционный приток извне. Более точным методом является исчисление механического прироста путем вычета естественного из общего прироста населения за межпереписной период. Его, например, обычно используют при расчетах сальдо миграции стран, регионов, городов или сельской местности. Для этого необходимо собрать данные о числе рождений и смертей по изучаемой национальности (форма № 3) за весь рассматриваемый период времени. При расчетах по городским поселениям и сельской местности важно принимать во внимание административные преобразования сел в поселки городского типа, которые иногда составляли важную часть механического прироста. Также необходимо помнить об ассимиляции, которая трансформировала показатели естественного прироста в основном в сторону снижения. Следовательно, данный метод можно применить для изучения ограниченного круга национальностей. Итак, резюмируя вышесказанное для анализа национальных потоков миграций нужно использовать все перечисленные источники и методы.

Иркутская область

Наше исследование начинается с Иркутской области, региона с самым активным в миграционном отношении бурятским населением¹. Отрицательное сальдо миграции области в целом за 1959–1969 гг. составило всего 6,4 тыс. чел. По сравнению с другими регионами Сибири это был низкий показатель. Например, в Кемеровской области за эти же годы отток достиг 246,6 тыс. чел., а в Алтайском крае даже 382,6 тыс. чел. Интенсивное промышленное развитие и формирование Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов вызвали высокий спрос на рабочую силу в Иркутской области и Красноярском крае (Цыкунов 1991), затормозили людские перемещения в другие регионы страны.

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. на территории области проживало 70,5 тыс. бурят, из них 44,9 тыс. в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. За 1959–1989 гг. численное представительство народа повысилось всего на 9,6%. По нашим подсчетам рождаемость у бурят была достаточно высокой, например, в 1959 г. она составила 4,857 ребенка на одну женщину, тогда как у всего населения – 3,069 (Лыгденова, Дашинамжилов 2020: 241–254). На протяжении рассматриваемого периода суммарный коэффициент у бурятского населения продолжал оставаться выше, а ожидаемая продолжительность жизни чуть ниже среднеобластного уровня. Следовательно, слабый численный прирост бурят можно объяснить миграцией или ассимиляцией. И, действительно, в России уже были примеры, когда численное представительство народа снизилось в основном из-за интенсивных ассимиляционных процессов. Это, например, карелы и мордва. Однако у бурят они шли еще медленно, хотя определенное влияние на демографическую динамику уже оказывали.

Например, в 1959 г. удельный вес бурят, признавших родным русский язык, составил 7,0% в 1959 г., в Бурятской АССР – 3,2%, в Читинской области – 2,1% (Национальный 1961: 246.). В текущем учете присутствуют сведения о детях, у которых отец был другой национальности. По приблизительным данным таковыми в 1959–1969 гг. в Иркутской области стали примерно 900 новорожденных (3,9%), многие

¹ Здесь имеются ввиду современные сельско-городские и межгородские миграции, а не переколки с места на место.

из них позднее во время переписей указали иную этническую принадлежность. Ассимиляция бурятского населения активнее протекала в районах относящихся непосредственно к области, в округе – менее интенсивно.

По материалам переписей за 1959–1970 гг. численность бурят Предбайкалья увеличилась на 2,8 тыс. чел., в то время как естественный прирост у них достиг 17,3 тыс. чел., то есть во много раз больше. Из этого следует, что за пределы области должны были выехать 14,5 тыс. чел., что немало для 70,0 тысячного бурятского населения. Мы попытались выявить реальную численность мигрирующих с учетом ассимиляционных процессов. Например, часть населения в смешанных семьях изменила свою этническую идентификацию относительно национальности матери, а именно по ней в текущем статистическом учете определялась принадлежность ребенка. В этой связи, реальное количество рождений, а, следовательно, естественный прирост были меньше, что, в свою очередь, оказало прямое воздействие на размеры механического прироста.

Итак, нами были получены следующие цифры: размеры реального оттока бурятского населения области были не 14,5, а 12,2 тыс. чел. Тем не менее, это по-прежнему высокие значения. Основными причинами миграционной убыли из сельской местности в России в 1960-е гг. стали ликвидация неперспективных деревень и укрупнение сельских поселений, ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств, которая негативно повлияла на материальное положение сельских жителей.

Однако бурятское население, как и многие другие народы Советского Союза, менее активно вовлекалось в процессы индустриализации. По нашим данным приток в городские поселения области составил только 3,5 тыс. чел. Согласно переписям буряты вселялись в основном в Иркутск, Ангарск, Братск, поселок Усть-Ордынский. Отток из сельской местности достиг 15,7 тыс. чел. Некоторая часть механической убыли деревни сформировалась за счет преобразования сел, например, с. Бохан (1965 г.) в поселки городского типа (Городские 1980: 136). Слабые миграции в города области можно объяснить тем, что если в деревне традиционные семейно-родовые отношения позволяли рассчитывать на помощь родных и близких, легче разрешать конфликтные ситуации, упрощали взаимодействие и контакты между людьми, то в городе, особенно на индустриальном производстве, язык общения, характер межличностных и производственных отношений, ритм жизни были совсем иными.

В результате, основная часть бурят из Иркутской области переселилась в БАССР. Механический прирост бурятского населения республики в это же время был высоким – 6,9 тыс. чел., а с учетом ассимиляции – 8,8 тыс. чел. Людские перемещения из Читинской области были в то время минимальными, поэтому главную роль в миграционном потоке в Бурятию играло Предбайкалье, что подтверждают аналитические записки, подготовленные иркутским областным статуправлением. В них прямо указывалось, что причинами оттока в БАССР и промышленные центры области стали «ограничения в содержании скота и земельных угодий в личном пользовании населения» (Краткие 1970: 6).

Переселения в республику были обусловлены тем, что бурятам, как и представителям любого другого народа, было комфортнее пребывать в своей или похожей этноконфессиональной и лингвистической среде. Это немаловажный фактор начальных стадий этнических миграций. Близкое по духу сообщество позволяет легче адаптиро-

ваться к новому месту жительства, найти работу или завести знакомства, чему способствуют родственные связи или землячества, тем более, что до 1937 г. Усть-Ордынский национальный округ входил в состав Бурят-Монгольской АССР и демографические связи между ними исторически были тесными (Санжиева 2011: 10–14). Схожие тенденции миграционной мобильности демонстрировали титульные национальности центральноазиатских союзных республик, например, казахи, которые, тоже находясь на ранних этапах демографического перехода, слабо мигрировали за пределы районов преимущественного расселения, особенно в РСФСР. Одновременно с этим миграции из сельской местности в города, где высокую долю занимало пришлое население, первоначально тоже были невелики (Дашинамжилов 2018: 126).

К этому следует добавить, что Бурятская АССР рассматривалась титульным населением Усть-Ордынского и Агинского национальных округов как этнокультурный центр бурятского народа. Людей привлекали ее административный статус и относительно высокий уровень жизни. Так, например, если в 1970 г. в Иркутской области среднемесячная заработная плата составляла 150,2 руб., в БАССР – 129,0 руб., то в Усть-Ордынском национальном округе – только 113,4 руб. (Экономическое 1987: 53). Промышленное производство в округе росло медленно. Часть миграционной убыли из Предбайкалья приняли другие регионы. Так, число бурят проживающих за пределами трех регионов преимущественного расселения увеличилось с 6,7 тыс. в 1959 г. до 11,0 тыс. в 1970 г. Можно предположить, что большинство из них прибыло из Иркутской области.

Сальдо миграции всей Иркутской области в следующий межпереписной период (1970–1979 гг.) становилось положительным (14,5 тыс. чел.), благодаря введению районных коэффициентов к заработной плате в 1969 г. и началу строительства Байкало-Амурской магистрали. Численность бурятского населения области за эти годы даже сократилась на 2,2 тыс. чел. И это при том, что естественный прирост составил внушительную цифру в 9,2 тыс. чел. Миграционная убыль бурятского населения номинально вновь оказалась высокой – 11,4 тыс. чел. В 1970-е гг. интенсивность ассимиляционных процессов снова выросла. В 1979 г. в Иркутской области доля признавших русский язык в качестве родного увеличилась до 14,9% (Национальный 1990: 636). Примерно у каждого десятого ребенка, рожденного женщиной-буряткой (1,4 тыс.), отец был другой национальности. Исходя из сказанного, реальный отток бурятского населения составил не 11,4 тыс., а приблизительно 8,7 тыс. чел. Высокий отток косвенно подтверждают сведения текущего учета по Усть-Ордынскому автономному округу.

В брежневский период развития страны ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств была отменена, однако ее негативные последствия для сельского населения ощущались еще долгое время. Продолжалось объединение сельских поселений, причем как показывают социологические исследования, жители мелких деревень часто предпочитали вселяться не в укрупненное поселение, а в райцентры или города. Тем не менее, эксперименты с сельским хозяйством если не прекратились полностью, то шли с намного меньшей активностью, чем при Н.С. Хрущеве. В результате миграционная убыль бурятского населения сельской местности все же уменьшилась. По нашим расчетам миграционные потери села составили 11,3 тыс., причем приток в города Иркутской области, как и прежде, был невысок – 2,6 тыс. чел. Центрами притяжения для бурят-мигрантов оставались Ангарск, Братск, Иркутск и поселок Усть-Ордынский.

Положительное сальдо миграции бурятского населения БАССР в 1970-е гг. номинально снизилось до 1,7 тыс. чел., хотя в действительности с учетом ассимиляции было гораздо больше. Усилился отток представителей народа из Читинской области. Судя по тому, что республика в 1970–1978 гг. приняла меньше, чем в предыдущее десятилетие, не менее половины бурят Предбайкалья выехала в другие регионы Советского Союза. То есть, если до начала 1970-х гг. миграция носила в основном «внутренний характер», в районах основного расселения, то теперь она все больше осовременивалась, становилась «экономической». И, действительно, численность бурят за пределами регионов преимущественного расселения повысилась с 11,0 тыс. в 1970 г. до 18,2 тыс. чел. в 1979 г., в том числе в Якутской АССР – до 4,5 тыс., в Москве, Красноярском крае и Магаданской области – до 1,1 тыс. (Национальный 1982: 41–42).

Материалы текущего учета за 1979 г. подтверждают переходную модель миграций среди бурят. Так, например, основную массу прибывших в города составляли жители сельской местности (53,6%), тогда как в целом по Иркутской области их доля – 30,8%. Среди русского населения к этому времени в миграционном обороте уже давно преобладали межгородские перемещения. Доля выбывших в сельскую местность все еще оставалась высокой – 36,5%, тогда как у всего населения составляла примерно пятую часть (21,5%) (ГАИО: ФР.–2679. Оп. 7. Д. 109. Л. 20–21). Из 3,0 тыс. чел. прибывших в города области чуть менее половины (1,4 тыс.) вселилось в областной центр – г. Иркутск.

В 1979–1989 гг. в целом по Иркутской области вновь отмечено отрицательное сальдо миграции, составившее – 8,9 тыс. чел. В это время закончился основной этап строительства БАМа, многие рабочие покинули северные районы. Численность бурят за последний межпереписной период увеличилась сразу на 6,2 тыс. чел. Благодаря предоставлению женщинам в 1981 г. частично оплачиваемого отпуска по уходу за новорожденным ребенком, высоким общественным ожиданиям периода Перестройки, активизации государственной социальной политики рождаемость у бурят не упала, а сохранилась приблизительно на прежнем уровне. Наряду с этим, в результате антиалкогольной компании снизилась смертность. Естественный прирост достиг 13,8 тыс. чел. Значительный, по сравнению с 1960–1970 гг. демографический рост стал следствием снижения миграционной активности сельского населения, что подтверждают данные всероссийских статистических сборников. Это связано, во-первых, с государственной политикой, нацеленной на повышение уровня жизни жителей деревни; во-вторых, со снижением темпов роста промышленного производства в стране, сконцентрированного в основном в городах (Численность 1990: 47).

Так, если в 1970 г. заработная плата в основном в сельском Усть-Ордынском автономном округе составила 75,5% от уровня преимущественно городской Иркутской области, то в 1986 г. – 82,0% (Экономическое 1987: 53). Механическая убыль бурятского населения с учетом ассимиляции уменьшилась примерно до 5,5 тыс. чел. Размеры миграций в города области вновь снизились и составили 1,2 тыс. чел. Самыми быстрыми темпами росло бурятское население Иркутска. Так, за 1970–1989 гг. оно увеличилось с 4,6 тыс. до 9,2 тыс. чел. или ровно в два раза, в Ангарске – примерно на треть (с 3,2 до 4,2 тыс.), в Братске – в полтора раза (с 0,5 до 0,8 тыс.). В 1989 г. довольно много бурят проживало в Усолье-Сибирском (0,8 тыс. чел.) и Усть-Илимске (0,4 тыс.). Что интересно, согласно последней советской переписи в некоторых городах численность бурятского населения уменьшилась. Например, за 1979–1989 гг.

в Тулуне она сократилась с 154 до 74 чел., Нижнеудинском горсовете – с 107 до 99 чел., Черемховском – с 469 до 367 чел. и т.д. (Национальный 1992). Вероятнее всего, это произошло из-за ассимиляции и недостаточного миграционного притока, вызванного медленным промышленным ростом перечисленных городов.

Судя по всему, более половины бурят переместилось не в БАССР, а в другие регионы страны. Положительное сальдо бурятского населения республики в 1979–1988 гг. снизилось до 2,1 тыс. чел. Их численность в других регионах повысилась с 18,2 тыс. до 27,9 тыс. чел., но на этот раз значительную часть прироста обеспечила рождаемость, а не миграция. Наибольшее представительство по-прежнему отмечено в Якутской АССР (8,5 тыс.), среди других административных образований выделялись Магаданская область (1,6 тыс.), г. Москва и Красноярский край (по 1,5 тыс.). Из союзных республик можно отметить Казахскую ССР, где переписью было учтено 1,2 тыс. чел. (Национальный 1990: 32).

Итак, миграция бурят Иркутской области отличалась высокой интенсивностью, в результате чего их численность росла очень медленно. Всего за 1959–1989 гг. область покинуло около 26,4 тыс. бурят. Основными причинами оттока стали невысокий уровень жизни, и исторически высокая мобильность бурятского населения Предбайкалья, которая возникала вследствие интенсивного промышленного развития Иркутской области и тесных контактов с активно мигрирующим русским населением.

Республика Бурятия

В БАССР проживала основная часть бурятского народа. Рост экономики республики был значительным, за 1960–1969 гг. промышленное производство, как и в Иркутской области, увеличилось в 2,3 раза. Быстрее в Восточной Сибири развивался лишь Красноярский край (в 2,5 раза), а медленнее всех – Читинская область (на 70,0%). Строились новые предприятия, старые реконструировались и оснащались новым оборудованием (История 2011: 223–227). Сальдо миграции БАССР в целом в 1959–1969 гг. оказалось положительным – 4,0 тыс. чел.

За 1959–1989 гг. численность бурятского населения БАССР увеличилась с 135,8 тыс. до 249,5 тыс. чел. или 83,7%, тогда как всех жителей республики – примерно в полтора раза (на 54,2%). Рождаемость у изучаемого народа на всем протяжении исследуемого периода была выше, чем у русского населения, причем смертность достаточно быстро снизилась до среднереспубликанского уровня. В 1959–1970 гг. численный состав титульного населения повысился сразу на 42,9 тыс. чел. или почти на треть (31,6%) (Национальный 1975: 75). Основную часть этого времени буряты находились на первой фазе демографического перехода, а рождаемость у них в 1958/1959 гг. составила 5,067 ребенка на одну женщину. Естественный прирост достиг 36,0 тыс. чел. Одновременно в 1960-е гг. механический прирост бурятского населения оказался самым высоким за весь исследуемый период. По нашим расчетам в БАССР без учета ассимиляции прибыло 6,9 тыс. чел., главным образом, из Иркутской области. По данным текущей статистики из 52,2 тыс. детей, рожденных бурятскими женщинами в 1959–1969 гг., только у 353 отец был другой национальности (0,7%). Следовательно, ассимиляционные процессы шли медленнее, чем в Предбайкалье. Это подтверждают переписные данные, по которым в Бурятской АССР в 1959 г. только 3,2% признало родным русский язык. При условии учета ассимиляции реальный механический прирост у бурятского населения составил 8,8 тыс. чел.

Мобильность бурят-сельских жителей республики в то время была значительно ниже, чем в Предбайкалье. Это сложилось исторически, под влиянием комплекса причин. Прежде всего, коренное население территорий, которые затем вошли в состав Бурятской АССР, меньше контактировало с аграрными переселенцами, хуже знало русский язык, обычаи, культуру, социальную и хозяйственную организацию русского общества. Следовательно, переход на оседлость, освоение культуры земледелия, то есть процессы, которые, видимо, должны способствовать современной урбанизации и интенсивным сельско-городским миграциям в Бурятии, шли медленнее.

Основу экономики составляло традиционное кочевое скотоводство, поэтому переход к оседлости и создание в идеале высокопродуктивного зернового хозяйства стали важными задачами коллективизации, проводимой в республике. В таких исторических условиях в массовом переселении в город местное бурятское население еще не было заинтересовано. В свою очередь, миграционную мобильность коренных жителей Предбайкалья кроме прочего подстегивало интенсивное хозяйственное развитие Иркутской области, которая еще с дореволюционного времени имела более развитую экономику. Важнейшие региональные промышленные центры (Ангарск, Иркутск, Усолье-Сибирское, Черемхово) располагались вблизи от мест преимущественного расселения иркутских бурят. В Бурятии индустриальное производство было не только меньшим по размеру, но и являлось территориально сконцентрированным. В конце 1950-х гг. большая часть крупных промышленных объектов географически располагались в нескольких местах, в основном в г. Улан-Удэ, следовательно, их «урбанизационное» влияние на титульное население было слабым. Несмотря на то, что в 1960-е гг. происходил рост интенсивности миграций, отрицательное сальдо сельской местности составило всего 5,6 тыс. чел., то есть гораздо меньше, чем в Иркутской области (15,7 тыс.), которая по численности бурят в 1959 г. в два раза уступала республике.

Если рассматривать экономические перемены следующего десятилетия в БАССР, то, например, за 1970–1975 гг. прирост промышленного производства составил 48,0%, то есть по-прежнему меньше, чем в Красноярском крае (51,0%) или Иркутской области (50,0%) (Народное 1976: 50). Разница в размерах заработной платы между данными регионами в 1970-е гг., по сути, сохранилась прежней. Следовательно, экономическая привлекательность республики не изменилась, рабочая сила в экономике была все еще высоко востребована. Так, например, за девятую пятилетку, в 1971–1975 гг. в строй вступили несколько крупных промышленных предприятий: Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, завод мостовых и металлических конструкций, Холбольджинский угольный разрез, первая очередь Гусиноозерской ГРЭС, во второй половине 1970-х гг. началось строительство Байкало-Амурской магистрали (Базаров 2011: 269–272).

В 1970–1979 гг. численность бурят в БАССР выросла с 178,7 тыс. до 206,9 тыс. чел. или на 15,8%, то есть значительно меньше, чем в 1960-е гг. Это, прежде всего, стало следствием резкого сокращения рождаемости по всей стране. В результате размеры естественного прироста упали с 36,0 тыс. до 26,5 тыс. чел. За 1970-е гг. процессы ассимиляции активизировались, доля детей, у которых отец был другой национальности, повысилась с 0,7% до 2,3%. Механический прирост у бурят республики снизился до 5,2 тыс. чел.

Сокращение положительного сальдо произошло из-за уменьшения количества прибытий из Иркутской области, где у бурятского населения влияние мотивов кон-

солидации уменьшилось. Все больше людей стало уезжать не в БАССР, а в другие экономически более развитые регионы. Размеры миграций читинских бурят в республику, наоборот, в 1970-е гг. увеличились. Следует предположить, что в эти годы в миграционном приросте бурятского населения республики Иркутская и Читинская области приняли равное участие. Кроме Якутской АССР, Москвы, Магаданской области, немало его представителей (если не считать Красноярского края) мигрировало в рамках Сибири. В Томской области за 1970–1979 гг. его численность увеличилась в полтора (с 277 до 420 чел.), а в Новосибирской области почти в два раза (с 345 до 670 чел.). Областные центры данных регионов имели развитую систему высшего образования и привлекали много молодежи всех национальностей не только из Сибири, но и из Казахстана и Средней Азии. Численность бурятского народа в других сибирских административных образованиях была сравнительно невысокой, а в Кемеровской области даже сократилась.

Отток из сельской местности в 1970-е гг. значительно усилился, составив, по нашим данным, около 21,1 тыс. чел., одновременно с этим механический прирост городских поселений достиг 26,3 тыс. чел. Между тем по России в целом среднегодовая механическая убыль деревни (включая административные преобразования сел в пгт) по сравнению с предыдущим десятилетием, наоборот, несколько снизилась (Демографический 1997: 23). Миграцию из села стимулировали следующие факторы: тяжелый и низкооплачиваемый труд; дефицит коммунальных служб, благодаря которым жители городов были избавлены от неудобств деревенской жизни (например, отсутствия центрального отопления или горячей воды); нехватка культурно-бытовых, торговых и, особенно, образовательных учреждений.

Строго говоря, эти факторы существовали и раньше, однако в глазах бурятского населения они тогда еще не воспринимались как серьезные недостатки. Отзывы знакомых и родственников, распространение средств массовой информации (газеты, телевидение) повышали мотивацию к переезду в город. Центром притяжения мигрантов стал Улан-Удэ, где численность титульного населения БАССР за 1970–1979 гг. выросла с 32,0 до 50,0 тыс. чел. Причем солидная часть механического прироста в 1970-е гг. образовалась через многочисленные преобразования сельских поселений в поселки городского типа. Например, в 1973 г. в республике повысили административный статус Багдарин, Баргузин, Джида, Заиграево, Иволгинск, Хоринск, в 1975 г. – Кырен, тогда как в 1960-е гг. – только Селенгинск (1961 г.).

Если рассматривать данные текущего учета за 1979 г. о национальном составе городских мигрантов, то основная масса, также как в Иркутской области, прибывала из сельской местности (57,8%), в целом по республике – 38,7%. Доля выбывших в сельскую местность среди бурят тоже была выше, чем в Предбайкалье (45,3%). Если брать данные за 1975 г., то там доля прибывших в города из сельской местности достигла 63,4%, а выбывших из городов в сельскую местность было даже больше, чем в другие городские поселения (ГАРБ: ФР.–196. Оп. 1/8. Д. 69. Л. 71–72). Эти статистические материалы косвенно подтверждают более позднее вовлечение бурят в БАССР в миграционные процессы по сравнению с соплеменниками из Иркутской области.

В 1980-е гг. активность пространственных перемещений снизились вследствие снижения темпов роста экономики и, следовательно, сокращения спроса на рабочую силу. Так, например, в 1980–1985 гг. промышленное производство в Восточной Сибири увеличилось только на 18,0%, тогда как десятилетием ранее (1970–1975 гг.) – на

50,0%. Во второй половине 1980-х гг. развитие индустриальных отраслей замедлилось еще больше. Влияние торговли, строительства, транспорта и связи, здравоохранения, образования на пространственные перемещения, по-прежнему, было относительно невелико. В трудоспособный возраст стали входить лица, рожденные уже непосредственно в городах. Продовольственное обеспечение горожан во второй половине 1980-х гг. ухудшилось из-за нарастания дефицита потребительских товаров.

В то же время повысился уровень жизни сельских жителей. Был принят нормативные документы, в которых предлагалось увеличить производительность сельского хозяйства и материальное благосостояние деревни. Например, в мае 1982 г. была утверждена хорошо известная «Продовольственная программа СССР на период до 1990 года». В том же году вышло постановление Совета Министров «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и Курганской области». Разница в доходах жителей города и села (с учетом приусадебных хозяйств) заметно сократилась. Согласно данным социологов доля лиц, желающих покинуть деревню и переехать в город, снизилась с 23,0% в 1967 г. до 14,0% в 1982 г. (Заславская 1987: 71). В результате среднегодовая механическая убыль российского села упала с 957,0 тыс. в 1970–1978 гг. до 491,3 тыс. чел. в 1979–1988 гг. (Демографический 1998: 21).

Баланс пространственных перемещений складывался для всего населения Бурятской АССР положительно. Если в предшествующий межпереписной период миграционная убыль составила 3,8 тыс. чел., то в 1979–1988 гг. был отмечено положительное сальдо в размере 6,3 тыс. чел. Численность бурятского населения республики увеличилась на 20,6% главным образом за счет сокращения смертности в период антиалкогольной компании и сохранения рождаемости на прежнем уровне. Итак, демографический рост у бурят в 1980-е гг. был достигнут почти исключительно за счет естественного прироста, тогда как сальдо миграции вновь снизилось до 2,1 тыс. чел.

Расчеты подтверждают, что механическая убыль сельской местности уменьшилась, но размеры снижения оказались невелики (с 21,1 тыс. до 20,1 тыс. чел.). Если учитывать, что почти все городские поселения (г. Северобайкальск, поселки городского типа Таксимо, Кичера, Янчукан) возникли рядом с БАМом, где титульного населения было мало, то реальный отток бурят из деревни по сравнению 1970-ми гг. даже вырос. Следовательно, политика экономической поддержки аграрной сферы оказала меньшее воздействие на коренное население БАССР. Механический прирост городов снизился с 26,3 тыс. до 22,2 тыс. в основном из-за сокращения прибытий из-за пределов республики. Низкая доля горожан среди бурят и, следовательно, высокий миграционный потенциал сельской местности не способствовали снижению размеров сельско-городских перемещений. Можно предположить, что на ранних или промежуточных фазах демографического перехода, когда миграции из деревни в город только набирают обороты, этот процесс довольно сложно приостановить. В целом за 1959–1989 гг. положительное сальдо бурятского населения Республики Бурятия составило 16,1 тыс. чел. Материалы Всесоюзной переписи 1989 г., извлеченные из текущего архива Бурятстата, косвенно подтверждают наши расчеты. Распределение 249,5 тыс. бурят по месту рождения показывает, что из них 215,1 тыс. родились непосредственно в республике, 24,4 тыс. – в Иркутской области, 6,8 тыс. – в Читинской.

Читинская область

В Читинской области миграционные процессы шли иначе, чем в Предбайкалье или БАССР. Демографический переход у бурят шел медленнее, особенно в Агинском автономном округе, что отразилось на их мобильности. Область исторически не рассматривалась центральными государственными органами как регион интенсивного промышленного освоения, ее значение было, в первую очередь, военно-стратегическим. Недостаточно высокие темпы развития экономики и промышленного производства, территориально-географическая удаленность косвенно помогли дольше сохраниться традиционному образу жизни и хозяйствования. На это указывает, например, низкий уровень урбанизации. В городах Читинской области в 1959 г. проживало всего 7,6% бурятского населения, тогда как в БАССР – 16,6, в Иркутской области – 17,6%. При этом в областном центре (г. Чита) было зафиксировано только 22,6% бурят-горожан (Текущий архив: Л. 14), тогда как в Предбайкалье и Бурятии они предпочитали селиться в крупных городах.

Территориально-географически Усть-Ордынский национальный округ примыкал к хорошо заселенным и экономически развитым районам и городам Иркутской области, поселок Усть-Ордынский находился всего в 65 км от областного центра. В то время как поселок Агинское располагался в 165 км от г. Чита, а окружающие одноименный округ районы были слаборазвитыми в промышленном отношении. Земледелие не получило в округе широкого распространения (Асалханов 1963; Кудрявцев 1940). Так как аграрные переселения шли не очень активно, а промышленность в экономике играла небольшую роль, в национальном составе доля изучаемого этноса оказалась выше, чем в Усть-Ордынском национальном округе (47,6% против 33,7%). В социально-классовой структуре бурят Читинской области удельный вес колхозников оказался самым высоким среди регионов преимущественного расселения. В сельском и лесном хозяйстве было занято абсолютное большинство (80,1%) населения, тогда как в промышленности всего 3,4%. По уровню образования читинские буряты также уступали соплеменникам из Иркутской области и БАССР. В результате рождаемость у них оказалась самой высокой среди трех регионов.

Как уже говорилось выше, экономический рост в Читинской области шел медленнее. Промышленное производство увеличилось за 1960–1969 гг. в 1,7 раза, тогда как в Бурятии и Иркутской области – в 2,3, а в Красноярском крае – в 2,5 раза. В это время на территории Красноярского края и Иркутской области формировались крупнейшие в Восточной Сибири Ангаро-Енисейские территориально-производственные комплексы. В 1960-е гг. в этих двух регионах появилось немало новых городов, тогда как в Читинской области только один – Краснокаменск (1969 г.) (Городские 1991: 231). Из промышленных строек можно выделить сооружение крупной ГРЭС и камвольно-суконного комбината в Чите (Гордеев 2007). Недостаточные темпы индустриального развития в совокупности с другими причинами привели к миграционному оттоку из области, который в 1959–1969 гг. достиг 75,7 тыс. чел.

Теперь проанализируем, как в таких условиях развивались миграции у бурятского населения. За период с 1959 по 1970 гг. его численность в области увеличилась с 40,0 тыс. до 51,6 тыс. чел. или на 29,2%. Ассимиляционные процессы у читинских бурят шли медленнее, хотя со временем стали идти по нарастающей. Механический отток по нашим подсчетам составил всего 0,6 тыс. чел., то есть гораздо меньше, чем в Предбайкалье (12,2 тыс. чел.). Укрупнение сельских поселений и ограничения

личных подсобных хозяйств не вызвали всплеска миграций. Значительно увеличилась представленность бурят в областном центре (г. Чита), но это произошло от их низкого базового уровня.

Интересно, что если в Читинской области промышленность росла относительно медленно, то для Агинского национального округа, судя по данным статистики, 1960-е гг. стали временем серьезных перемен. Индустриальное производство, которое изначально было плохо развито, увеличилось за десятилетие не менее чем в три раза (Экономика 1970: 14; Народное 1987: 13). Значительно выросли добыча известняка, заготовки древесины, выработка электроэнергии. Большие средства были вложены в строительство крупного горно-обогатительного комбината, вблизи которого в 1969 г. был основан новый поселок – Новоорловск. По данным текущего учета сальдо миграции Агинского национального округа оказалось положительным. Расчетные данные тоже подтверждают механический прирост в 1960-е гг., правда, небольшой по величине (0,5 тыс. чел.). Мобильность бурятского населения была не очень высока, так как этнос долгое время, вплоть до 1980-х гг., находился на первой фазе демографического перехода. Высокой рождаемостью и слабой миграционной активностью объясняется его значительный численный прирост в это время.

Малоизвестным фактом является то, что в Агинском национальном округе уровень жизни в 1960-е гг. был сравнительно высоким. Так, например, в 1970 г. среднемесячная заработная плата в округе составила 128,9 руб., тогда как в целом в Читинской области немногим выше – 130,0 руб. (Народное 1987: 61). В Усть-Ордынском национальном округе ее размер был ниже – 113,4 руб. (Иркутская область – 150,2 руб.). Причем в БАССР, о чем уже упоминалось, заработная плата составляла 129,0 руб. Итак, низкая миграционная мобильность бурятского населения была обусловлена взаимодействием множества разнообразных исторических, экономических и культурных факторов. Номинально высокая механическая убыль сельской местности – 4,4 тыс. чел. и значительный прирост в городах – 3,8 тыс. чел. объясняются административно-территориальными преобразованиями сел с большим бурятским населением в поселки городского типа (Агинское – 1959 г., Могойтуй – 1966 г.).

В 1970-е гг. людской отток из Дальнего Востока и Читинской области, в частности, сократился, благодаря введению районного коэффициента к заработной плате (*1,2) в 1968 г. и строительству БАМа. В конце 1960-х гг. началось сооружение Приаргунского горно-химического комбината, которое продолжилось и в 1970-е гг. Отрицательное сальдо миграции Читинской области снизилось с 75,7 тыс. чел. в 1959–1969 гг. до 44,1 тыс. в 1970–1978 гг.

В 1970–1979 гг. мобильность бурят начинает повышаться. Их численность увеличилась с 51,6 тыс. до 56,5 тыс. чел. или на 9,4%. В этот раз из области выбыло действительно много людей – 3,1 тыс., хотя и масштабы убыли, и миграционная подвижность по-прежнему были ниже, чем в Предбайкалье. Механический прирост городов составил 1,6 тыс. чел., доля административных преобразований сел в поселки городского типа по сравнению с предыдущим десятилетием оказалась небольшой. Отток бурятского населения из сельской местности достиг 4,7 тыс. чел.

Как показывает исторический опыт, в условиях демографического перехода миграционная мобильность повышается, и буряты не стали исключением. Притягательность городской жизни в глазах сельских жителей все время растет, однако, как и в случае с Предбайкальем, основной поток мигрантов первоначально отправился

в направлении БАССР. Следовательно, миграции в первое время тоже носили в основном «внутренний характер», в районах основного расселения. Распространение русскоязычия, повышение образовательного уровня (среднего и высшего), рост охвата населенных пунктов теле-, радиовещанием и телефонными услугами, увеличение количества библиотек, кинотеатров, театров и музеев, клубных учреждений помогли существенно расширить горизонты сознания людей, усилить их желание покинуть родные места. К тому же в 1970-е гг. уровень жизни в Агинском автономном округе стал повышаться медленно. Например, в Усть-Ордынском автономном округе за 1970–1980 гг. средняя ежемесячная заработная плата увеличилась почти в полтора раза (с 113,4 до 167,2 руб.), в то время как в Агинском – только на 20,5% (с 128,9 до 155,3 руб.). Если в 1970 г. оплата труда в Читинской области и Агинском автономном округе почти не отличалась, то спустя 10 лет разница между ними заметно увеличилась не в пользу последнего.

В 1980-е гг. отрицательное сальдо миграции всей Читинской области сократилось до минимума – 18,2 тыс. чел. На уменьшение оттока повлияли те же факторы, что и в других регионах РСФСР. Это, прежде всего, улучшение материального положения сельчан. По нашим расчетам отток бурятского населения тоже несколько сократился (с 3,1 тыс. до 2,6 тыс. чел.). Города области приняли около 3,0 тыс. чел., миграционная убыль из деревни выросла и составила 5,6 тыс. чел. Судя, по косвенным признакам, весомая часть бурят Читинской области переселилась не в БАССР, а в другие места, например, в регионы Дальнего Востока. Это указывает на начало перелома в пространственных перемещениях, при котором значение «внутренних» миграций постепенно снижается. Общий отток бурят из области в 1959–1989 гг. составил около 6,3 тыс. чел.

Итак, результаты нашего исследования показали, что общероссийские и региональные тенденции в пространственных перемещениях населения и характер этнических миграций далеко не всегда совпадали. По нашему мнению, отличия возникли вследствие нескольких причин. Во-первых, на начальных и промежуточных этапах демографического перехода мобильность ниже, чем у всего населения в целом. Во-вторых, доля миграций в районах основного расселения («внутренних») является высокой, что оказывает воздействие на территориально-географические направления пространственных перемещений. В-третьих, даже когда миграционная подвижность начинает повышаться, а значение «внутренних» переселений падать, территориальная специфика перемещений продолжает сохраняться. Также выявлены существенные различия в активности миграций бурятского населения Иркутской, Читинской областей и БАССР, которые были обусловлены спецификой исторического, социально-экономического и культурного развития этих регионов.

Источники и материалы

- Городские поселения 1980 – Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1980. (ДСП). 150 с.
- Городские поселения 1991 – Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1991. 269 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области (ГАИО). ФР.–2679. Оп. 7. Д. 109. Л. 20–21.
- ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР.–196. Оп. 1/8. Д. 69. Л. 71–72.
- Демографический ежегодник 1997 – Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1997. 580 с.

- Демографический ежегодник 1998 – Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1998. 398 с.
- Краткие итоги 1970 – Краткие итоги развития народного хозяйства Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области за 1966–1970 гг. Иркутск, 1970. (ДСП). 43 с.
- Народное хозяйство Агинского 1987 – Народное хозяйство Агинского Бурятского автономного округа (1937–1986 гг.). Юбил. стат. сб. Агинское, 1987. (ДСП). 41 с.
- Народное хозяйство РСФСР 1976 – Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Стат. ежегодн. М., 1976. 519 с.
- Национальный состав 1992 – Национальный состав населения области. Статистический сборник по материалам переписи населения 1989 г. Иркутск, 1992. 72 с.
- Национальный состав 1961 – Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. (ДСП). 434 с.
- Национальный состав 1975 – Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. (ДСП). 200 с.
- Национальный состав 1982 – Национальный состав населения РСФСР. (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. (ДСП). 226 с.
- Национальный состав 1990 – Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.
- Текущий архив – Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Динамические ряды, г. Чита. Л. 14.
- Экономика и культура 1970 – Экономика и культура автономных областей и национальных округов. Стат. сб. М., 1970. (ДСП). 400 с.
- Экономическое и социальное 1987 – Экономическое и социальное развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа за 50 лет. Иркутск, 1987. (ДСП). 74 с.
- Численность, состав 1990 – Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. М., 1990. 312 с.

Научная литература

- Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.
- Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.
- Базаров Б.В. (гл. ред.). История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
- Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. Очерки. М.; Л.: АН СССР, 1940. 242 с.
- Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Региональные аспекты демографической модернизации бурятского населения на примере Иркутской и Читинской областей во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник антропологии, 2020. № 2. С. 241–254.
- Гордеев Н.В. (гл. ред.). Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 2. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 240 с.
- Санжиева Т.Е. Миграции бурят в период присоединения к России // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 10–14.
- Заславская Т.И. (отв. ред.). Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск: Наука, 1987. 447 с.
- Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 176 с.

Dashinamzhilov, Odon B., and Victoria V. Lygdenova

«Ethnic» migrations: a historical and demographic research of the Buryat people

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/214-229

The paper studies migration patterns of the Buryat people in the areas with dense Buryat population in 1959–1989. The sources and methods of studying ethnic migrations are analyzed. The territorial specifics of movements of the Buryat population in the context of migration trends in Russia in general and in the Eastern regions in particular are examined. Net migration rate in the Irkutsk and Chita regions and the Buryat ASSR was calculated. Historical conditions, factors and geographical directions of migration, and the role of rural-urban movements were identified. It was revealed that the Buryats of the Irkutsk region had the highest mobility, due to close contacts with the Russian population, intensive agricultural and industrial development of the region, which is why the migration outflow from the region dramatically increased. At first, most migrations were within the studied areas, but then the role of economic movements gradually increased, and the role of the Buryat ASSR as a center of attraction weakened. During the entire period under review, the Buryats of the BASSR had a positive net migration rate due to inflows from the Baikal region and the Chita region. The migration mobility of this ethnic group was significantly lower than in the Irkutsk region, and the rural-urban migration rate was low due to relatively slow economic development and less contacts with the Russian population. At the same time, the influx of Buryat population to the Republic in the studied period consistently decreased. In the Chita region, the demographic transition of the Buryat population was slower than in other regions under consideration. The region has historically had the lowest industrial production growth rates, and the agricultural migrations were less intensive. As a result, the Buryats of the Chita region had long maintained traditional economies, the share of urban residents was low, and Russian language use was not widespread. The mobility of the Buryats increased in the 1970s, and migrations were mainly directed to the BASSR. The role of the Republic as a destination for migrant flows only declined in the 1980s.

Keywords: *ethnic migrations, ethnical demography, the Buryats, the Republic of Buryatia, Irkutsk region, Chita region, demographic transition.*

For citation: Dashinamzhilov, O.B., and V.V. Lygdenova 2021. «Ethnic» migrations: a historical and demographic research of the Buryat people. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 214–229.

Author Info:

Dashinamzhilov, Odon B. – PhD, researcher, Institute of History Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Nikolaev street 8). E-mail: odon@bk.ru

Lygdenova, Victoria V. – PhD, researcher, Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Prospect Lavrentieva 17). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-09-00395).

References

- Asalkhanov, I.A. 1963. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Yugo-Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIX century]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Dashinamzhilov, O.B. 2018. *Gorodskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Urban population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: a Historical and demographic study]. Novosibirsk: Nauka, Izdatel'stvo SO RAN.
- Bazarov, B.V., ed. 2011. *Istoriia Buriatii* [History of Buryatia]. Vol. 3. XX–XXI vv. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN.
- Kudriavtsev, F.A. 1940. *Istoriia buriat-mongol'skogo naroda ot XVII v. do 60-kh gg. XIX v. Ocherki* [History of the Buryat-Mongol people from the XVII century to the 60s of the XIX century. Essays]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Lygdenova, V.V., Dashinamzhilov, O.B. 2020. *Regional'nye aspekty demograficheskoi modernizatsii buriatskogo naseleniia na primere Irkutskoi i Chitinskoi oblastei vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv.* [Regional aspects of demographic modernization of the Buryat population on the example of Irkutsk and Chita regions in the second half of the XX-early XXI centuries]. *Vestnik antropologii* 2: 241–254.
- Gordeev, N.V., ed. 2007. *Ocherki istorii Vostochnogo Zabaikal'ia. Chitinskaia oblast'* [Essays on the history of Eastern Transbaikalia. Chita region]. Vol. 2. Chita: Ekspres-izdatel'stvo.
- Sanzhieva, T.E. 2011. *Migratsii buriat v period prisoedineniia k Rossii* [Migration of Buryats during the period of joining Russia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* 7: 10–14.
- Zaslavskaiia, T.I., ed. 1987. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskogo sela* [Socio-economic development of the Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
- Tsykunov, G.A. 1991. *Angaro-Eniseiskie TPK: problemy i opyt (istoricheskii aspekt)* [Angara-Yenisei TPC: problems and experience (historical aspect)]. Irkutsk: Izdatel'stvo irkutskogo universiteta.

© Л.И. Никонова, А.И. Минакова

МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье на основе, главным образом, неопубликованных источников, выявленных в архивах и впервые вводимых в научный оборот, показана роль представителей зарубежья в формировании полиэтничности Мордовии, ныне республики, входящей в Приволжский федеральный округ Российской Федерации. Проанализированы истоки полиэтничности мордовского края, описаны основные тенденции развития миграционных процессов. На основе имеющихся научных исследований и данных государственной статистики рассмотрены основные характеристики пространственной мобильности населения мордовского края со второй половины XIX в. до начала XX в. Полиэтничность республики подтверждают данные всероссийской переписи населения, согласно которой на 2010 год в Мордовии проживало население 119 национальностей. Приведены статистические данные переписи населения Российской Империи 1897 года с иностранным контингентом в губерниях Мордовии и данные о составе населения по переписи 1939 года. Авторами установлено, что формирование полиэтничности Мордовской Республики складывалось под воздействием важнейших исторических событий, происходивших как в Европе, так и в России. Эти события обуславливали появление факторов, способствовавших миграционным процессам и менявших этнический состав населения Мордовии. Среди них, например, строительство Казанской железной дороги, которое привело к индустриализации и развитию промышленных предприятий в регионе, притоку иностранных специалистов и рабочих по обслуживанию оборудования, события Первой мировой войны, вызвавшие миграции из западных стран в регионы России, расположение лагерей с военнопленными на территории республики, брачная миграция и др. Авторами приведены исторические данные о получении иностранцами русского подданства в Мордовии.

Ключевые слова: полиэтничный регион, этническая структура, беженцы, национальный состав, народы зарубежья, миграция населения

Ссылка при цитировании: Никонова Л.И., Минакова А.И. Миграции как фактор формирования полиэтничного населения Мордовии: исторический аспект // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 230–240.

Никонова Людмила Ивановна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и межэтнических отношений, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: congress7@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

Минакова Альбина Ирфановна – старший преподаватель, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (105005 Москва, 2-я Бауманская, 5). Эл. почта: mau@bmstu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3938-7276>

В качестве объекта исследования авторы настоящей работы выбрали миграционные процессы в Республике Мордовия в период со второй половины XIX до начала XX в. Этот регион, являясь одним из субъектов Российской Федерации, наделенных обширными территориями, развитой промышленностью, хорошей экологией, культурными памятниками (Никонова 2007; Gurko et al. 2019), характеризуется исторически сложившейся полиэтничной структурой населения. Основной задачей исследования является выявление истоков формирования полиэтничности мордовского края, роли в этом процессе зарубежных народов, изучение факторов, повлиявших на современный этнический состав населения, этнокультурную динамику, социальные условия адаптации мигрантов. Формирование полиэтничности республики складывалось в результате разных событий, наиболее значимыми среди которых были приток беженцев из западных стран во время Первой мировой войны и организация здесь лагерей для военнопленных. Многие беженцы и освобожденные военнопленные разных национальностей остались на территории республики.

Данный вопрос затрагивался учеными ранее лишь фрагментарно в контексте иных исследовательских задач. О положении беженцев в Мордовии писали А.Н. Курцев (Курцев 1999), В. В. Хасин (Хасин 1999), П. Гетрелл (Гетрелл 2001: 46–72), применение труда военнопленных в России освещено в работах В.Р. Копылова (Копылов 1977: 61–69), И.Б. Ниманова (Ниманов 2009) и Н. Н. Терешинной (Терешина 2017). Однако в приведенных публикациях не прослеживается влияние беженцев и военнопленных на формирование многоэтничности и динамику численности представителей разных национальностей в мордовском крае. Научная новизна статьи заключается в анализе материалов архивов по беженцам и военнопленным первой империалистической войны (1914–1918 г.). Значимыми источниками в рамках исследования стали также статистические данные, содержащиеся в Итогах переписей 1897 г. и 1939 г., использование которых позволило создать целостную картину истоков формирования многонациональности мордовского края.

* * *

Строительство железной дороги из Москвы в Казань стало определяющим фактором особенностей новейшей истории Мордовии. Масштабное строительство железнодорожных линий оказало значительное влияние на развитие экономической, торговой, общественно-политической и социально-культурной жизни мордовского края. Запуск линий Рузаевка – Пенза, Рузаевка – Сызрань, Ромоданово – Нижний Новгород и изменение инфраструктуры в регионе привели к появлению нового слоя жителей, связанных с железнодорожным предпринимательством: железнодорожных рабочих, техников, появилась новая отрасль хозяйственной деятельности – железнодорожные перевозки. Одновременно улучшалось социально-экономическое положение края, велись работы по строительству крупных городов, среди которых Ардатов, Инсар, Краснослободск, Саранск. Постепенно Ардатов, Инсар, Краснослободск, Саранск превращались в торгово-промышленные центры, ощутимо ускорился процесс урбанизации в регионе. Так, городское население в Мордовии в период с 1860 по 1897 г. увеличилось на 6,4 тыс. человек и насчитывало более 46 тыс., т.е. примерно 4% всего населения, тогда как в России в среднем городское население составляло около 13%. К примеру, в Саранске в период с 1867 по 1916 гг. население увеличилось с 14,2 тыс. до 18 тыс. человек (Петербургский и др. 2003: 33).

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на всей территории Мордовии проживал 1 062 913 чел. (*Ломшин и др.* 2007: 159–160). Положительный прирост населения (*Grech* 2019) указывает на то, что численность его росла благодаря мигрантам, появившимся в регионе. Чтобы получить представление об этническом составе жителей региона обратимся к указанной переписи и проанализируем статистические данные о владении родным языком в Пензенской (Краснослободский, Саранский уезды), Симбирской (Ардатовский), Нижегородской и Тамбовской (Темниковский уезд) губерниях, так как до 1928 г. территория Мордовии частично входила в их состав. В Инсарском уезде малорусским владели 6 человек; белорусским – 28 человек; польским – 37 человек; латышским – 5 человек; немецким – 11 человек; еврейским – 3 человека. В более крупном по численности населении Краснослободском уезде малорусским владели больше людей – 354, но такая ситуация не являлась характерной для городов уезда, к примеру, в городе Краснослободск малорусским владели всего 3 человека, а в городе Троицк – 12 человек. В Саранском уезде были жители, владевшие малорусским, польским, белорусским, немецким, еврейским языками. В Симбирской губернии также наблюдалось владение чешским языком лицами мужского пола в количестве 6 человек. В Нижегородской губернии в группе «Остальные индоевропейские наречия» зафиксировано 40 человек, владевших цыганским языком. Таким образом, первая положительная динамика неместного контингента в численности Мордовии прослеживается уже в Первой всеобщей переписи населения Российской империи.

События Первой мировой войны (1914–1918) между двумя коалициями: Германией и Австро-Венгрией – с одной стороны, Великобританией, Францией, Россией, Бельгией, Сербией и Черногорией – с другой, также внесли вклад в формирование полиэтничности региона, появились первые беженцы из прифронтовой полосы (*Бакаев* 2001: 211). В Саранском уезде на 1 января 1916 г. находилась 21 427 беженцев из западных губерний (*Терешина* 2017). О периоде с 1916 и последующих годах вплоть до 1922 г. сохранились списки и сведения о количестве беженцев в уездах Пензенской губернии, ныне относящихся к Мордовии. Например, в Ардатовском уезде в 1916 г. находилась 1 340 беженцев, из них 740 детей до 14 лет. В г. Ардатове размещалось 219 беженцев. В Краснослободском уезде к 22 марта 1916 г. насчитывалось до 4 747 беженцев, из них 1 068 мужчин, 1 716 женщин и 1 963 ребенка в возрасте до 14 лет. По этническому составу из беженцев в Краснослободском уезде больше всего проживало русских – 3 888 чел., второе место по численности занимали галичане – 717 чел. (*Терешина* 2017).

Значительное количество документов, содержащих данные о численности контингента Мордовии хранится в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, сведения содержатся в протоколах, письмах, докладах, списках, удостоверениях, карточках. Так, согласно Спискам пленных и беженцев и сведениям о них, в Краснослободском уезде проживали беженцы из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, Эстонии. Всего в Краснослободском уезде находилось 1728 беженцев, мигрировавших из Польши, Литвы, Белоруссии, Галиции и Украины. В архивных документах в источниках, содержащих сведения о беженцах на 1 марта 1919 г., оставшихся в пределах Старо-Девиченской волости указывается поляков в количестве всего 11 человек, галичан – 12 человек.

В 1913 году Краснослободский уезд состоял из 20 волостей, самая большая концентрация беженцев сосредоточилась в Тениковской волости – 204 человека, а в

Урейской волости числилось 8 беженцев. Всего по всем волостям зафиксировано 1734 человека со статусом беженца.

В Саранский уезд Пензенской губернии, состоящий из 29 волостей на 1913 год, с 15 декабря 1918 г. по 15 января 1919 г. прибыли беженцы из Вилены, Лиды Виленской губернии, также есть персональные данные беженцев, прибывших из Гродно Гродненской губернии. Кроме того, в списках встречаются беженцы из Виленской, Ковенкской губерний со следующими фамилиями: Крот А., Раковская В.К., а также поименованные члены их семей: Вацлав, София, Бронислав, Маря (Вилен. губ.); Мазур Юзефа Андреевна и дети Мария, Станислав, Антон, Франческа; Кльвинь Вильгельм (Курл. губ.), Жмуцкий И.А. (Ковенской губ.), Почебут С.А., и жена Любовь (Волковыск Прозоровской вол.) и др.

В Саранском уезде, согласно ведомости «О числе осевших беженцев» от 15 марта 1918 г., проживали русские, поляки, латыши, евреи и прочие, всего в количестве 2996 человек, в т. ч. поляков – 166 человек, латышей соответственно – 102, евреев – 479, прочих – 176 человек. Из них: всего мужчин – 804 человека, женщин – 910 человек, детей – 882 человека (16 01.1919 г.).

В целях идентификации личности, беженцу выдавалась именная карточка, содержащая данные о дате прибытия, ФИО, национальности, религии, родственном отношении к главе семьи, сведения о детях с указанием их имен. Например, среди личных карточек пленных и беженцев, прибывших в Саранский уезд, доступных в материалах архива, указана некая Анна Петровна Сушко, с местом жительства в деревне Чемеры, Чемерыкской волости Слоним. уезда, Гродненской губ. Позже карточки были заменены на удостоверения беженцев, по которым можно проследить географию их выезда в города, волости и уезды. Например, в удостоверении от 11 сентября 1918 г. № 78 написано, что оно выдано Саранской коллегией по делам пленных и беженцев гражданину Вульффу Уохелеву Уоффе 45-ти лет с полным указанием членов его семьи или, например, в удостоверении, выданном С. П. Шебжешень, сказано, что ему 23 года и что он из Холмской губернии, проживает в селе Посоп.

Государство в условиях наплыва беженцев стало принимать меры по их социальной адаптации в регионе. Например, как видно из доклада Саранского уездного комитета по призрению беженцев 1916 г., изначально беженцев расселяли на общих квартирах (Терешина 2017), позже было принято решение о переселении их на частные квартиры. Так, в докладе Комиссией «По изысканию упорядочения квартирного вопроса» сообщалось собранию членов Комитета о необходимости посодействовать беженцам, осевшим в городе Саранске, в переселении из общих квартир в частные и в благоустройстве своего хозяйства. Обязанность по поиску подходящих для проживания квартир полностью ложилась на беженцев. Комитетом поощрялось переселение беженцев из общих домов на частные квартиры, так как подразумевалось, что, будучи более самостоятельным и отчасти уже предоставленным самому себе, беженец скорее найдет обеспечивающий его семью заработок и таким образом перестанет быть бременем для государства.

В содержащемся в материалах архива Протоколе заседаний правления Саранского уездного комитета по призрению беженцев и выписке из заседаний Саранской уездной земской Управы также указываются меры поддержки беженцев, которые заключались в найме их для сельскохозяйственных работ. Вышеперечисленные действия сближали беженцев с местным населением и позволяли им закрепиться в регионе.

Широкий спектр документов военного времени свидетельствует о пребывании военнопленных на территории Мордовского края (*Терешина 2017*). Так, в годы Первой мировой войны ряд населенных пунктов Мордовии стал местами постоянного водворения военнопленных. Например, в Ардатове на 1.1.1916 содержалось 65 офицеров и 751 чел. нижних чинов, в Саранске – 30 офицеров и 332 чел. нижних чинов (*Бакаев 2001: 211*). Из-за нехватки рабочей силы военнопленные, при их согласии, привлекались к труду (*Терешина 2017*). Например, в архивных материалах содержится письмо от 25 ноября 1915 г. № 295 в Совет Представителей Кооперативов, в Комитет по призрению беженцев, в котором указывалась необходимость в срочном порядке предоставить списочный состав трудоспособных беженцев-мужчин в возрасте от 17 до 55 лет включительно, и сообщить среди них количество лиц, желающих остаться работать в районе в зимнее время. Иностранцы военнопленные в количестве 2 518 человек в начале 1916 работали на строительстве Московско-Казанской железной дороги, среди них было 2 108 австрийцев, 200 немцев, 159 славян, 42 румына, 9 военнопленных турецкой армии (христиан). Так же многие военнопленные привлекались к работе на промышленных предприятиях (*Бакаев 2001: 211*). Трудоспособные беженцы и военнопленные, прибывшие в Республику Мордовию, должны были работать, иначе они лишались продовольственного обеспечения.

В начале 1920-х гг., когда началась эвакуация беженцев и военнопленных, многие из них принимали решение остаться в мордовском крае и получали подданство. В России до 1917 г. не существовало единого нормативного акта, регулировавшего отношения подданства, гражданства.

Рассмотрим различные трактовки понятия подданства и гражданства, которые были сформулированы русскими правоведом. Отметим, что многие специалисты не проводили различий между этими понятиями. К примеру, Н.О. Куплеваский определял подданство или гражданство во взаимосвязи отдельного лица с определенной страной и ее правительством, основанной на обязанности «верности» и «подчинения» (*Куплеваский 1902: 134*). Ф.Ф. Кокошкин рассматривал подданство (гражданство) в тесной взаимосвязи к населению как к основному элементу государства. Таким образом, поданные (граждане) должны были подчиняться власти государства, не исключением были и иностранные граждане.

В архивных материалах содержатся именные данные иностранцев, получивших русское подданство в республике, например, в Списках служащих отделов Темниковского исполкома Совета народного хозяйства указаны 3 чеха, 3 мадьяра Австрийского подданства, в возрасте 21-37 лет: австрийский подданный австриец – Антонович Власов приписанный к Русскому подданству 30-ти лет, австрийский подданный итальянец мужчина 25-ти лет – Карабинин, который принял Русское подданство, или, например, испанское семейство состоящее из трех членов семьи: Фридриха 45 лет, жены 46 лет и Пенитье 15 лет, которые приняли русское подданство.

До настоящего времени в селе Журавкино Зубово-Полянского района, проживают внуки одного из подданных Австро-Венгерской империи. Внуки со слов отца воспроизводили воспоминания о своем деде – Эдварде Пуце, как о подданном Австро-Венгерской империи, который воевал против России во время Первой мировой войны. Дед был ранен и попал в плен в селе Журавкино, благодаря лечению и заботе местной девушки, которая ежедневно преодолевала порядка 20 верст, чтобы ухаживать за ним быстро пошел на поправку. В 1918 году после заключения с Германией

Брестского мира, по условиям которого все пленные могли вернуться на родину, Эдвард Пуц уклонился от посадки в эшелон и остался в селе Журавкино, несмотря на уговоры своих товарищей. Эдвард Пуц принял православие, получил при крещении имя Мартын, обвенчался с Аленой Булдыжевой и построил для своей семьи дом на окраине села Журавкино. За время жизни в России Пуц не посетил ни одного города. В селе жил тихо и незаметно. Никогда не высказывал сожаления по поводу того, что остался жить в России. Родственники сохранили австрийский паспорт, в котором было записано место его рождения – город Вена, Австрия (Резенов 2014: 79).

В Протоколе заседания съезда уездных уполномоченных Пензенской Коллегии пленных от 25 января 1919 г. в повестке дня одного из рассматриваемых вопросов значится: «Резэвакуация беженцев». Во втором полугодии 1922 г. ликвидации подверглись уже эвакуопункты. В связи с ликвидацией Центрэвака и его органов на местах оформление документов на выезд за границу беженцев Первой мировой войны был возложен на отделы управления губисполкомов. С января 1923 г. Центрэвак перестал существовать, но в Наркомате внутренних дел имелся эвакуационный отдел. Процесс оформления документов включал в себя визирование списков беженцев для выезда из России с иностранными делегациями (Польской, Латвийской, Литовской, Эстонской) для въезда в соответствующую страну (Белова 2012: 38-45). Исследователь Н.В. Лазарева отмечает, что в мае 1925 г. репатриация беженцев Первой мировой войны была официально завершена, а не выехавшие без уважительной причины беженцы теряли свой статус, так как объявлялись советскими гражданами (Лазарева 1999). Возможно, что виды на жительство выдавались и раньше. Например, «В Ардатовский уездный отдел Управления на № 8358 от 31/1. вх. № 328. Губотдел Управления разъясняет, что военнопленные и беженцы состоят на учете в органах Центрэвака по месту жительства, откуда и получают соответствующие удостоверения служащие им видом на жительство, – а потому в сведениях о иностранцах, проживающих в пределах уезда надлежит давать сведения только о тех иностранцах, кои имеют виды на жительство для иностранцев, согласно инструкции Народного комиссариата внутренних дел (далее НКВД) № 53. «При сем прилагается копия просимого циркуляра. Заведующий Г.О.У. (ропись). Заведующий Инотделением (подпись)». 1921 год. № 262. Копия. Циркулярно. Всем ГУБОТУПРАВАМ по Административному /общему/П/отделу. Копия Начгубэвакам. В разъяснение параграфа 13 инструкции о выдаче видов на жительство иностранным гражданам в РСФСР 14 февраля с/г. № 53 НКВД сообщается: 1. Военнопленным – желающим ехать на родину никаких временных удостоверений не давать. Видом на жительство для них является удостоверение ЭВАКОВ. 2. а/ Беженцы должны получать виды на жительство установленные для граждан РСФСР / паспорта или труд книжки».

Современный исследователь, краевед А.В. Лютов (Краснослободск, Мордовия) в своих изысканиях пишет: «Во время Первой мировой войны «Военнопленных в городе Краснослободске было почти полторы сотни – немцев, австрийцев, венгров, этапированных к месту ссылки. Работая с Метрическими книгами церквей за 1915–1916 годы, в разделе «Умершие» я наткнулся на иностранные фамилии, нетипичные для жителей города. Это и оказались пленные, навечно оставшиеся в краснослободской земле. Во время войны (до 1918 года) они оставались в нашем городе. Некоторые из них приняли православие и женились на краснослободских девушках» (Лютов 2019: 208).

В начале XX в. на территории Приволжского федерального округа начался процесс формирования мордовской государственности, который состоял из четырех этапов. Первый этап, охватывающий период с 1918 по 1928 гг., знаменателен тем что 13 мордовских волостей и 377 местных органов власти (сельских советов) были созданы в Пензенской, Ульяновской, Нижегородской губерниях. Во время первого этапа, в 1926 г., проходила Всероссийская перепись населения, согласно которой на территории Мордовии проживали 1 млн. 340 тыс. человек, из которых мордва насчитывала 427 607 чел. (32,2%), русские – 839 218 (63,2%), татары – 59 917 (4,5%). Данные переписи 1926 года представлены только по губерниям и не содержат информацию по народностям и владению родным языком в уездах. В 1928 г. начинался второй этап, который связан с районированием Среднего Поволжья и образованием в составе Средневолжской области Саранского округа, переименованного в том же году в Мордовский. На третьем этапе в 1930 году, Мордовский округ был преобразован в Мордовскую автономную область, что определялось Постановлением Президиуму ВЦИК от 10 января 1930. На четвертом этапе в 1934 году, произошло преобразование Мордовской автономной области в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику и ее включение в состав Российской Федерации.

Согласно данным всесоюзной переписи населения 1939 года, накануне Отечественной войны на территории Мордовии проживали представители разных народов, наиболее многочисленные среди них: украинцы, белорусы, грузины, азербайджанцы, армяне, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, немцы, евреи, молдаване, цыгане, болгары, греки, иранцы, китайцы, корейцы, латыши, литовцы, поляки, румыны, эстонцы. Можем предположить, что какая-то часть их является потомками событий конца XIX – нач. XX вв.

* * *

Значимыми для формирования структуры населения Приволжского федерального округа историческими событиями были Первая мировая война и связанные с ней переселения из западных стран, организация и расположение в крае лагерей для военнопленных, развитие промышленности. Перечисленные обстоятельства оказали влияние на расширение географии иностранного контингента в республике Мордовия и изменение динамики их численности. На основе архивных материалов, хранящихся в центральном государственном архиве Республики Мордовия, авторам удалось получить новые данные о беженцах и военнопленных из прифронтовой зоны. Важным источником в этом плане оказались документы, удостоверяющие личность беженца: от карточек до удостоверений, в которых указывались личностные данные прибывшего и членов его семьи, а также представлены их персональные данные.

К началу 20-х гг. когда началась эвакуация беженцев и военнопленных, многие из них приняли решение остаться в мордовском крае и получали российское подданство. Представленное исследование, основанное на архивных материалах, вводимых впервые в научный оборот, публикациях ученых, статистических данных, отраженных в переписях населения, позволяет утверждать, что созданные государством благоприятные социальные условия для беженцев и военнопленных в мордовском крае, способствовали их закреплению в регионе. Процесс формирования мордовской государственности и ее включение в состав субъектов Российской Фе-

дерации складывался исторически в силу разных факторов и событий второй половины XIX – начала XX в., они же сыграли ключевую роль в формировании состава населения Мордовии, который характеризуется своей полиэтничностью.

Анализ данных переписей указывает на положительный прирост иностранного контингента в республике. Согласно статистическим данным переписи населения Российской империи 1897 года, в Мордовии были жители, владевшие белорусским, малорусским, польским, латышским, немецким, еврейским, чешским, цыганским языками. Накануне Отечественной войны, согласно данным всесоюзной переписи населения 1939 года, на ее территории проживали такие народы как: украинцы, белорусы, грузины, азербайджанцы, армяне, узбеки, туркмены, казахи, киргизы, немцы, евреи, молдаване, цыгане, болгары, греки, иранцы, китайцы, корейцы, латыши, литовцы, поляки, румыны, эстонцы.

Авторы пришли к выводу, что значимыми историческими обстоятельствами, оказавшими влияние на этнический состав населения региона, являются события империалистической войны, такие как приток беженцев из западных стран, организация и расположение лагерей с военнопленными на территории Мордовии и др.

Источники и материалы

- ЦГА РМ. Ф. Р-23 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5 Приказы, циркуляры, распоряжения и постановления, распоряжения и постановления Центральной и Пензенской губернской Коллегии и беженцев.
- ЦГА РМ. Ф. Р-62 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 37. Списки служащих отделов Темниковского исполкома Совета народного хозяйства. Сведения об иностранцах, проживающих в уезде.
- ЦГА РМ. Ф. Р-56 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-56 – Оп. 1. Д. 8. Саранская уездная земская Управа. Протоколы заседаний правления Саранского уездного комитета по призрению беженцев и выписка из заседаний; переписка Саранского Совета представителей кооперативов с уездным комитетом по призрению беженцев.
- ЦГА РМ. Ф. Р-334 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 1. Удостоверения выданные Саранской уездной коллегией по делам пленных и беженцев для удостоверения личности и выезда на родину.
- ЦГА РМ. Ф. Р-334 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-334. Оп. 1. Д. 2. Переписка Саранской уездной коллегии с Пензенской губернской коллегией по делам пленных и беженцев. Списки и личные карточки пленных и беженцев, прибывших в Саранский уезд.
- ЦГА РМ. Ф. Р-23 – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. Списки пленных и беженцев и сведения о них по Краснослободскому уезду. Переписка Краснослободской уездной комиссии Пленбежа и Губернским Пленбежем, волсовета и исполкомом.

Научная литература

- Бакаев Е.И. Военнопленные // Мордовия / Энциклопедия в 2 т. Т. 1: А – М. Мордов. кн. изд-во, 2001. С. 211 – 212.
- Белова И.Б. Заключительный этап эвакуации беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг. // Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник Архивиста». 2012. С. 38–45.
- Гетрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4. С. 46–72.

- Копылов В. Р.* Иностранцы в России в период нарастания революционного кризиса и Февральской революции (октябрь 1916 – март 1917) // Общие закономерности и особенности развития России в период империализма. М.; Л., 1977. С. 61–69.
- Куплеваский Н. О.* Российское государственное право. №1. 1902. С.134.
- Курцев А. Н.* Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8.
- Лазарева Н. В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–19 гг.: На примере Курской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1999.
- Ломшин В. А., Разживин В. Ф.* Перепись населения. Энциклопедия Мордовии. 2007. Т. 2 С. 159–160.
- Лютос А.* Легенды и предания краснослободского края: Записки историка. – Саранск : Изд. Константин Шапкарин, 2019. – 320 с.
- Никонова Л. И.* Мордовия в этнокультурном пространстве: к постановке проблемы // Этнокультурное образование: Опыт и перспективы. – Саранск, 2007. – С. 19. – 21.
- Ниманов И. Б.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 07.00.02, кандидат исторических наук. М., 2009.
- Петербургский И. М., Шитов В. Н., Заварюхин Н. В., Кадерова Т. Н., Тувин А. С., Абрамов В. К.* и др. История // Мордовия: Энциклопедия в 2 т. Т. 1: А-М / Гл. редкол. А. И. Сухарев (Гл. ред.), В. А. Юрченков (зам. Гл. ред.); Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – С. 25–44.
- Резнов Е.* Храбрый портной // Русский мир. Апрель. 2014. С. 72 –79.
- Терешина Н. Н.* Мордовский край в годы первой мировой войны (по документам Центрального государственного архива Республики Мордовия) // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып 5. – Электрон. дан. – Самара, 2017.
- Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999
- Gurko, A., Oparina, S., Vasyutkina, L., & Potekhina, E.* The environmental investments justification. E3S Web of Conferences, 91(0), EDP Sciences, 1–8. 2019. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201991080> TRACEE-2018 8029.29

Nikonova, Lyudmila I., and Albina I. Minakova

Migration Factor in the Formation of the Multi-Ethnic Population of Mordovia: A Historical Aspect

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/230-240

Based on mainly unpublished and previously unstudied sources, the article shows the role of foreign peoples in the formation of the multi-ethnic population of Mordovia, being part of the Volga Federal District of the Russian Federation. The origins of the formation of multi-ethnicity of Mordovia are revealed, the main trends in the development of migration processes are described. Based on the previous scientific findings and state statistics, the spatial mobility of the population of Mordovia from the second half of the 19th century to the beginning of the 20th century are considered. The data of the Russian Census, according to which people of 119 nationalities lived in Mordovia in 2010, confirms the complexity of the population of the republic. The paper covers the data of the First Census of the Russian Empire in 1897 with a foreign contingent in the provinces of Mordovia and the 1939 Census. The authors found that the multi-ethnic population of the Mordovian Republic was formed under the influence of the most important historical events that took place both in Europe and in Russia. These events gave rise to processes that contributed to migration flows and changed the ethnic composition of the population of Mordovia. For example, the construction of the Kazan railway, which required the influx of foreign specialists and

equipment maintenance workers in the Volga Federal District, the events of World War I, which caused a refugee flow from Western countries to the regions of Russia, the location of prisoner-of-war camps in the Republic, marriage migrations etc. The authors provide a historical outline on how foreigners in Mordovia acquired Russian citizenship.

Keywords: multi-ethnic region, ethnic structure, refugees, national composition, foreign nations, population, migration

For Citation: Nikonova L.I., and A.I. Minakova 2021. Migration Factor in the Formation of the Multi-Ethnic Population of Mordovia: A Historical Aspect. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 230–240.

Author Info:

Nikonova, Lyudmila I. – Dr., Prof., Senior Resercher, Institute for Humanities Studies under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: congress7@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

Minakova, Albina I. – Senior Lecturer, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mau@bmstu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3938-7276>

References

- Bakaev, E.I. 2001. Voenno-plennyye. [Prisoners of war]. In A.I. Suharev & V.A. Urchenkov (Eds.), *Entsiklopediya of Mordovii* 1, 211 – 212.
- Belova, I. B. 2012. Zaklyuchitel'nyy etap reevakuatsii bezhentsev Pervoy mirovoy voyny iz Sovetskoy Rossii v 1922–1923 Gg. [The final stage of the re-evacuation of the refugees of the First World War from Soviet Russia in 1922–1923 Gg]. *Russian historical and archival journal Bulletin of the Archivist*, 116, Russian State Humanitarian University, 38–45.
- Filobokova, L. 2018. The model of governance of food security and agro-industrial complex of Russia in conditions of globalization. *Conf. Series: Earth and Environmental Science* 274 (1), IOP Publishing Ltd, 1–5.
- Getrell, P. 2001. Bezhentsy v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Refugees in Russia during the First World War]. *Historical notes* 4 (122): 46–72
- Grech, H. 2019. Impact of forced migration on communication and social adaptation. *Folia Phoniatica et Logopaedica* 71 (4), S. Karger AG, 137–145. Doi: 10.1159/000497057
- Gurko, A., Oparina, S., Vasyutkina, L., & Potekhina, E. 2019. The environmental investments justification. E3S Web of Conferences, 91(0), EDP Sciences, 1–8. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201991080> TPACEE-2018 8029.29
- Kopylov, V.P. 1977. Inostrannyye trudyashchiyesya v Rossii v period narastaniya revolyutsionnogo krizisa i Fevral'skoy revolyutsii (oktyabr' 1916 – mart 1917) [Foreign workers in Russia during the growing revolutionary crisis and the February Revolution (October 1916 – March 1917)]. *General patterns and features of the development of Russia in the period of imperialism* 1: 61–69.
- Kuplevskiy, N.O. 1902. *Russkoye gosudarstvennoye pravo* [Russian state law]. Vol. 1, 134.
- Khasin, V.V. 1999. *Migratsionnyye protsessy v Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne* [Migration processes in the Russian Empire in the First World War:]. Saratov. (Doctoral dissertation).
- Kurtsev, A.N. 1999. Bezhentsy pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917 gg.) [Refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosi istorii* [Questions of history]. Vol. 8.
- Lazareva, N.B. 1999. *Sud'ba bezhentsev Pervoy mirovoy voyny v Sovetskoy Rossii: 1918–19 gg.: Na primere Kurskoy gubernii* [The Fate of the Homeless People of World War I in Soviet Russia:

- 1918–19th: At the premiere of Kursk Province] (Doctoral dissertation).
- Lomshin, V.A., & Razzhivin, V.F. 2007. Perepis' naseleniya. [Population census]. In *Entsiklopediya of Mordovii*, edited by A.I. Suharev & V.A. Urchenkov. Vol. 2, 159–160.
- Lyutov, A.V. 2019. *Legendy i predaniya Krasnoslobodskogo kraya. Zapiski istorika*. [Legends and traditions of the Krasnoslobodsky Territory. Notes of the historian]. Saransk: Izdatel'Konstantin Shapkarin. p. 320.
- Nikonova, L.I. 2007. Mordoviya v etnokul'turnom prostranstve: k postanovke problem [Mordovia in the ethnocultural space: to the formulation of problems]. *Interaktivplus* 5: 19–21.
- Nimanov, I.B. 2009. *Osobennosti i osnovnyye faktory sodержaniya i khozyaystvennoy deyatel'nosti voyennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'ye* [Features and main factors of the maintenance and economic activity of prisoners of war in 1914–1917 in the Volga region] (Doctoral dissertation).
- Peterburgskiy, I. M., Shitov, V. N., Zavaryukhin, N. V., Kaderova, T. N., Tuvina, A.S., Abramov, V.K. 2003. Istoriya [History]. In *Entsiklopediya of Mordovii*, edited by A.I. Suharev & V.A. Urchenkov. Vol. 1, 25–44.
- Rezepov, Ye. 2014. Khrabryy portnoy [Brave tailor]. *Russkiy mir* 28 (12): 72–79.
- Tereshina, N.N. 2017. The Mordovian Territory during the First World War (according to the documents of the Central State Archive of the Republic of Mordovia) [The Mordovian Territory during the First World War (according to the documents of the Central State Archive of the Republic of Mordovia)]. *XX Century and Russia: society, reforms, revolutions*, 5.

© *Н.В. Ахантьева, Н.Н. Абдуганиев*

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ В НОВОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ВУЗАХ МОРДОВИИ

На современном этапе развития государства происходит интенсификация миграционных процессов, в которых особое место занимает учебная миграция. Ежегодно большое число молодых людей пересекают нашу границу с целью получить образование, и в дальнейшем многие из них планируют остаться в РФ на постоянное место жительства. Значительная часть студентов-мигрантов испытывают на первых порах неудобства из-за языкового барьера, новизны социокультурного пространства, незнакомых климатических условий. Перед вузами Российской Федерации, в частности перед вузами Республики Мордовия стоит первостепенная задача создать необходимые условия для максимально скорой адаптации иностранных студентов в незнакомую для них среду. Для обеспечения научного подхода к проблеме многое могут сделать ученые, работающие в этом направлении, что находит отражение в научных исследованиях. В статье предпринята попытка анализа практической деятельности двух крупнейших вузов республики в обозначенной сфере. Данные учебные учреждения ведут эту работу уже не один десяток лет, с каждым годом ее всё более совершенствуя в соответствии с реалиями современного мира.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, студенческая миграция, студенты-мигранты, иностранные студенты, этнокультурная адаптация*

Ссылка при цитировании: *Ахантьева Н.В., Абдуганиев Н.Н. Адаптация студентов-мигрантов в новое социокультурное пространство в ВУЗах Мордовии // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 241–247.*

В рамках данной статьи будет рассмотрен такой вид миграции, как учебная, так как именно она приобретает в последнее время все более масштабный характер. Иностранные студенты приезжают в Россию для получения образования, которое возможно по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры. Кроме того, в РФ студенты-мигранты могут получить среднее специальное образование. Последние, как правило, пересекают границу вместе с родителями, которые прибывают в нашу страну по разным причинам. Адаптационные процессы у студентов имеют определенные трудности, начиная от языкового барьера и заканчивая неподготовленностью принимающей стороны. Решением данной проблемы в теоретическом плане занимаются ученые (социологи, психологи, этнографы), а

Ахантьева Наталья Владимировна – преподаватель факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005 Саранск, ул. Большевикская, 68). Эл. почта: akhanteva.natasha@mail.ru

Абдуганиев Назиржон Насибжонович – заместитель председателя Совета, Ассамблея народов России (125009 Москва, Малый Гнезниковский пер., д. 12, стр. 4). Эл. почта: nazir1970@yandex.ru

в практическом – общественные организации и сами учебные учреждения, в которых иностранные студенты получают образование.

Разработка методических подходов к процессу адаптации иностранных студентов с каждым годом становится все более актуальной, что не могло не найти отражения в науке. Вопросы адаптации становятся предметом исследования в многочисленных публикациях, в кандидатских и докторских работах, посвященных деятельности учреждений социокультурной сферы в решении рассматриваемого вопроса. Особое внимание уделяется изучению регионального аспекта учебной миграции (*Воробьева 2015; Зангиева, Сулейманова 2016; Гез, Старикова 2018, Серафимович 2018, Никонина 2020* и др.). В данной статье речь пойдет, главным образом о практической работе республиканских учебных учреждений, направленной на адаптацию иностранных студентов к новой для них среде.

Попадая в незнакомую для себя обстановку студенты-мигранты должны адаптироваться к ней с разных сторон, от того насколько будет успешным данный процесс, зависит дальнейшее пребывание иностранных студентов в нашей стране и качество получения образования, а, следовательно, качество подготовки специалиста в соответствии с современными требованиями рынка труда. Вузы страны, в частности Республики Мордовия, проводят огромную работу по интернациональному воспитанию молодежи. Эта деятельность ведется уже многие годы, именно с того момента, как республиканские вузы стали занимать прочное место на международном рынке образовательных услуг, она с каждым годом совершенствуется в соответствии с реалиями современного мира.

Иностранные студенты приезжают учиться в Мордовию не первый десяток лет. Их привлекает в первую очередь качество образования, которое имеет фундаментальный характер и что немало важно дружелюбие жителей. В Мордовии ведущими вузами являются ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» и МГПУ им. М. Е. Евсевьева. В 2019¹ году в мордовских вузах получали высшее образование 2253 иностранных студента. Из них 1800 человек из 57 стран – в МГУ им. Огарева, 442 из 8 стран – МГПИ им. Евсевьева. В Саранском кооперативном институте обучалось 12 студентов из 6 стран. Востребованными становятся образовательные услуги и учреждений среднего профессионального образования. Так 16 иностранных студентов из 7 стран ближнего и дальнего зарубежья получали знания в Ичалковском педагогическом колледже, Саранском автомеханическом техникуме, Саранском государственном промышленно-экономическом колледже, Саранском музыкальном училище имени Л.П. Кирюкова, медицинском колледже.

Анализ статистических данных, характеризующих распределение мигрантов (с 14 лет) по возрастным группам и обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства в 2019 году, свидетельствует, что из числа прибывших в республику 20553 человек были в возрасте 14-15 лет – 382 человека, 16-17 лет – 934 человека, 18-19 лет – 2138 человека, 20-24 лет – 4464 человека, 25-29 лет – 2769 человека. Оставшиеся мигранты были в возрасте от 30 лет и старше (Статистический сборник № 903).

В рамках исследования учебной миграции и адаптационных процессов иностранных студентов важно сопоставить эти данные с количеством мигрантов в возрасте

¹ В Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по РМ на момент подготовки статьи более актуальные данные отсутствуют.

от 14 до 29 лет, которые пересекли границу Республики Мордовия с целью получения образования. Статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия свидетельствуют, что всего прибыло в республику 20 553 человека, из них с целью получения образования – 4388 человек, что составило 21,4 % из общего миграционного потока. По возрастам они распределяются следующим образом: 14-15 лет – 106 человек, 16-17 лет – 620 человек, 18-19 лет – 1489 человек, 20-24 лет – 1841 человек, 25-29 лет – 254 человека. Оставшиеся 78 человек, прибывшие в республику в связи с учебной, имеют возраст от 30 до 49 лет (Статистический сборник № 903).

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» занимает прочное место на рынке образовательных услуг. География студентов МГУ им. Н.П. Огарёва постоянно расширяется: в 2020 году, например, в Саранск приехали уроженцы Ганы, Сьерра-Леоне. В 2020/2021 учебном году в университете обучается 2130 иностранных граждан из более, чем 50 стран. Среди них: Абхазия, Австрия, Азербайджан, Алжир, Армения, Афганистан, Бангладеш, Боливия, Великобритания, Вьетнам, Гвинея, Грузия, Египет, Замбия, Зимбабве, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Испания, Италия, Йемен, Казахстан, Камерун, Каморские острова, Кения, Китай, Колумбия, Конго, Кот-Д'Ивуар, Кыргызстан, Лаос, Мадагаскар, Марокко, Молдова, Пакистан, Палестина, Перу, Сирия, Сомали, Судан, Таджикистан, Того, Тунис, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Чад, Эквадор, Эритрея, ЮАР, Южный Судан (Международные связи). Традиционно большое число абитуриентов приезжает из стран СНГ. В университете работает управление международных связей, сотрудники которого помогают иностранцам адаптироваться и влиться в учебный процесс (Там же).

«Из года в год желающих поступить к нам из-за рубежа становится все больше, – отмечает ректор МГУ им. Н.П. Огарёва Сергей Вдовин. – В первую очередь это связано с тем, что мы активно внедряем преподавание на английском языке...». Если еще несколько лет назад 90% иностранных студентов выбирали специальности медицинского института, сегодня соотношение изменилось, и уже 40% предпочитают другие институты и факультеты МГУ им. Н.П. Огарева. В качестве примера можно привести один из факультетов университета – филологический. Надежда Демкина, руководитель сектора по работе с иностранными студентами филологического факультета говорит: «У нас с каждым годом иностранцев становится всё больше и больше. Большинство из них приехали из Туркменистана. Но, кроме этого, есть ребята из Судана, Сербии, Румынии и даже Мадагаскара. По программе международного сотрудничества к нам прибыли итальянцы. В течение семестра они будут учить русский язык».

Махмуд Отман, студент филологического факультета МГУ им. Н.П. Огарёва рассказывает: «Я родился в Сирии, но вскоре мы с родителями переехали в Турцию. Стать журналистом – моя мечта. С детства я любил читать и сочинять рассказы. Поэтому выбор специальности сразу пал на журналистику. Оставалось только выбрать вуз. Как-то я приехал в Саранск в гости к другу и понял, что хочу учиться именно здесь. Привыкал тяжело: сильные морозы, другая еда. Сложность ещё состояла в том, что всё приходилось делать самому, а я никогда не жил один. Пришлось учиться готовить, стирать и убирать. Это очень трудно, тем более в чужой стране. Мне помогли курсы, которые я проходил в течение года перед поступлением. Мы учили русский язык, обществознание и историю России. Сейчас все занятия у нас прохо-

дят на русском языке, поэтому иногда я не понимаю преподавателей. Русский очень сложный. Саранск мне нравится: чистый и спокойный город. Я ещё не знаю, где буду работать: в родной Турции или здесь, в Мордовии. Время покажет. Но я уверен в том, что журналистика мне нравится. Хотелось бы связать с ней свою жизнь».

В Мордовии функционирует Союз иностранных студентов МГУ им. Н.П. Огарёва. Общественная организация защищает интересы иностранных студентов, помогает им адаптироваться к новой среде и укрепляет «дружбу народов» в университете. Шакир Худояров – председатель Союза иностранных студентов МГУ им. Н.П. Огарёва говорит: «В университете я занимаюсь помощью иностранным студентам по самым разным проблемам. Мы помогаем в адаптации первокурсникам, решаем бытовые вопросы, консультируем по направлению миграционной политики. Серьёзных трудностей с иностранными студентами в Мордовии не возникало. Пожалуй, основной их проблемой является непривычный климат. Что же касается местных обычаев и традиций, студенты из других государств с удовольствием с ними знакомятся и принимают участие в праздниках. Культурный обмен идёт полным ходом, и это очень интересно обеим сторонам. Студенты-иностранцы отлично вписываются в общественную жизнь Саранска. Каких-то недопониманий не возникает. Они участвуют в общественных мероприятиях, много занимаются спортом: например, у нас в университете очень сильная футбольная команда студентов из Ирака, также ребята хорошо играют в баскетбол, ходят в бассейн. То есть живут обычной студенческой жизнью».

Работа в учебных заведениях по интернациональному воспитанию и совершенствованию адаптационных процессов ведётся по нескольким направлениям: учебная деятельность, воспитательная работа, которая осуществляется путем привлечения иностранных студентов к участию в общественных мероприятиях различного уровня, преодоление языкового барьера, погружение иностранных студентов в знакомую для них культуру, путем проведения различных мероприятий, национальных праздников и т.д. Все эти направления тесно взаимосвязаны, так как именно это приводит к более скорейшему формированию речевой и социокультурной компетенций. Вузы республики ведут активную деятельность по решению задачи интеграции студентов-мигрантов в социально-культурную жизнь, а также формированию у них уважения к российским традициям и культуре. Большую роль в этом играет внеучебная работа, проводимая в соответствии с планом работы с иностранными студентами. В этом направлении используется большое количество уже наработанных методик, разработанных для проведения культурно-массовых мероприятий с этой категорией обучающихся.

В МГУ им. Н.П. Огарёва стало популярно участие творческих коллективов в ежегодном фестивале культур «Огарёвский колорит». Задача данного мероприятия – укрепить и расширить круг международных связей. Кроме того, это яркое событие имеет огромную воспитательную функцию, целью которой является неприятие таких проявлений среди обучающихся как экстремизм и национализм. В его рамках иностранные студенты представляют свои традиции и обычаи на выставке национальных культур, а также проводят мастер-классы по народному творчеству. Кроме того, фестиваль обычно проходит с праздничным концертом, где студенты – представители разных стран показывают творческие номера. Традиционные танцы и песни исполняют студенты Мордовского университета, приехавшие из разных уголков мира: из стран Африки и Латинской Америки, Китая, Индии, Пакистана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Афганистана, Армении, Сирии, Ирака и др. Выступление

студентов с танцами, песнями народов мира стало традиционным на разных мероприятиях, связанных с добрососедскими отношениями населения Республики Мордовия. Например, одно из таких выступлений состоялось на фестивале «Этномир Республики Мордовия: перспективы межэтнического и межкультурного сотрудничества» (ВДНХ, пос. Ялга) с участием студентов из МГПИ им. М.Е. Евсевьева и МГУ им. Н.П. Огарёва. В их исполнении были показаны мастер-классы и выступления.

Объединяет ребят не только учеба, но и участие в масштабных форумах, проводимых как в вузах, так и в республике в целом. Примером может служить круглый стол «Народы Мордовии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.», имевший своей целью воспитание патриотизма и гражданской ответственности. Привлечение иностранных студентов к подобным мероприятиям позволяет воспитывать культуру межнационального общения среди обучающихся. Работа в данном направлении ведется очень активно. В рамках фестиваля культур «Огарёвский колорит», приуроченного к Международному дню студентов, в Мордовском университете в 2020 году состоялся круглый стол «Великая Победа в судьбах государств». Наряду с преподавателями и студентами из России, с большим интересом в обсуждении участвовали иностранные студенты». На связь с огарёвцами вышли активисты из Сербии, волонтеры Победы из Эстонии, аспиранты из Мексики и Эквадора, координатор Бесмертного полка из Италии. Все они занимаются изучением Великой Отечественной войны, а также восстановлением памятников и добровольчеством.

Как уже было сказано, многие иностранные студенты выделяют в качестве фактора, затрудняющего процесс адаптации, невладение русским языком. В этом направлении учебными учреждениями ведется большая работа. Так, каждый год среди иностранных студентов проводится викторина на знание русского языка и литературы «Глаголом жечь сердца людей...». Викторина играет очень большую роль в преодолении языковой и культурной изоляции иностранных обучающихся, включении их в процесс студенческой коммуникации. Таким образом осуществляется интеграция обучающихся иностранцев со студентами, проживающими на территории Республики Мордовия.

Анализ плана мероприятий, проводимых с иностранными студентами в МГУ им. Н.П. Огарёва, позволяет увидеть, что большое значение в их адаптации отводится национальным праздникам. Студентам-мигрантам предоставляется возможность отпраздновать, например, такие праздники, как «Навруз», «Холи» и другие. Как уже было сказано, в университете работает Управление международных связей, в которое иностранный студент может обратиться абсолютно по любому вопросу. Под руководством данного структурного подразделения иностранные студенты проводят Международный фестиваль «Мы разные, но мы вместе», который, как правило, приурочен к международному дню студента. К этому культурному мероприятию студенты готовят различные художественные номера, отражающие их национальный колорит. Самые лучшие из них принимают участие в Международном региональном фестивале национальных культур иностранных студентов «Все флаги в гости к нам». На протяжении трех последних лет студенты из Мордовского университета занимают на Фестивале первые призовые места (Студенты-мусульмане превосходно вписываются в светскую жизнь Мордовии).

Отметим, что участие учебных учреждений в международном образовательном процессе повышает их статус на рынке образовательных услуг, поэтому ВУЗы за-

интересованы ежегодно привлекать как можно больше иностранных студентов. Для этого они ведут активную работу по совершенствованию адаптационной деятельности, по скорейшей интеграции иностранных студентов в новое для них социокультурное пространство, все это влечет за собой улучшение качества их учебы и досуга, а в долгосрочной перспективе повышает вероятность того, чтобы для большей части иностранных студентов Россия и Мордовия стали второй родиной.

Источники и материалы

- Миграция населения Республики Мордовия за 2019 год: Статистический сборник № 903 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, 2020. <http://mrd.gks.ru>.
- Международные связи // Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева. <https://www.mrsu.ru/ru/international/>
- Студенты-мусульмане превосходно вписываются в светскую жизнь Мордовии. <https://sm-news.ru/studenty-musulmane-prevoshodno-vpisyvayutsya-v-svetSKUyu-zhizn-mordovii-5190/>
- Территориальный орган УФМС России по Республике Мордовия: Официальный сайт. <http://fmsrm.ru>.
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, 2020. <http://mrd.gks.ru>.

Научная литература

- Воробьева И.М.* Иностранные студенты в российском вузе // Молодой ученый, 2015. № 10. С. 1115–1119.
- Гез Т.А., Старикова В.О.* Иностранные студенты, мигрирующие в Россию: проблемы адаптации и способы их решения // Информация-Коммуникация-Общество, 2018. Т. 1. С. 88–94.
- Грибанова В.В., Жерлицына Н.А.* Африканцы в вузах России: особенности социокультурного взаимодействия // Россия и Африка: проблемы национально-государственной идентичности. Москва, Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт Африки РАН, 2012. С. 63–79.
- Зангиева И.К., Сулейманова А.Н.* Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения, 2016. № 5. С. 127–146.
- Никонова Л.И.* Адаптация и интеграция мигрантов: этнокультурный, социальный, региональный аспекты. Вопросы и анкеты для историко-этнографического исследования / Л.И. Никонова, А.И. Минакова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Москва, 2020. 48 с.
- Отставнова И.В.* Пространство Российской провинции «жизнесмыслы». Автореф. на соиск. учен. степ. кандидата культуролога. Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва. 2006. 17 с.
- Серафимович А.Е.* Образовательная миграция и обучение иностранных студентов: современное состояние, тенденции развития // Юридическое образование и наука, 2018. № 1. С. 19–23.

Akhanteva, Natalia V. and Nazirjon N. Abduganiev

Adaptation of the Migrant Students to the New Sociocultural Context in the Universities of Mordovia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/241-247

Educational migration plays an important role in the structure of all migrations into Russia. Every year a large number of young people come to our country in order to get an education, and many of them plan to stay in the Russian Federation for permanent residence. At first

many migrant students experience inconvenience due to the language barrier, the new socio-cultural context and unfamiliar climatic conditions. The universities of the Russian Federation, in particular the universities of the Republic of Mordovia, face the challenge of creating favorable conditions for the fastest possible adaptation of foreign students. Ethnographers can also contribute to resolving the problem, and it is reflected in various scientific studies. The article attempts to analyze the efforts of the two largest universities of the republic to provide migrant-friendly environment for the foreign students. These educational institutions have been working in this direction for more than a dozen years, each year making more progress in accordance with the realities of the modern world.

Keywords: socio-cultural context, student migration, migrant students, foreign students, ethnocultural adaptation

For Citation: Akhanteva, N.V., and N.N. Abduganiev. 2021. Adaptation of the migrant students to a new sociocultural context in the Universities of Mordovia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 241–247.

Author Info:

Akhanteva, Natalia V. – lecturer, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: akhanteva.natasha@mail.ru

Abduganiev, Nazirjon N. – Deputy Chairmen of the Board, Assembly of the Peoples of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: nazir1970@yandex.ru

References

- Gez, T.A., and V.O. Starikova, 2018. Inostrannye studenty, migriruyushchie v Rossiyu: problemy adaptatsii i sposoby ikh resheniya [Foreign students migrating to Russia: problems of adaptation and ways to solve them]. *Informatsiya-Kommunikatsiya-Obshchestvo* 1: 88–94.
- Gribanova V.V., and N.A. Zherlitsyna. 2012. Afrikantsy v vuzakh Rossii: osobennosti sotsiokul'turnogo vzaimodeistviya [Africans in Russian universities: features of sociocultural interaction]. In *Rossiya i Afrika: problemy natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti* [Russia and Africa: problems of national-state identity]. Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Institut Afriki RAN.
- Nikonova, L.I., Minakova, A.I. 2020. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov: etnokul'turnyi, sotsial'nyi, regional'nyi aspekty. Voprosy i ankety dlya istoriko-etnograficheskogo issledovaniya* [Adaptation and integration of migrants: ethnocultural, social, regional aspects. Questions and questionnaires for historical and ethnographic research]. Moscow, NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya.
- Ostavnova, I.V. 2006. *Prostranstvo Rossiiskoi provintsii «zhiznesmysly»* [The space of the Russian province “zhiznyhmysly”]. Abstract of PhD thesis. Saransk.
- Serafimovich, A. E. 2018. *Obrazovatel'naya migratsiya i obuchenie inostrannykh studentov: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya* [Educational migration and training of foreign students: current state, development trends]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* 1: 19–23.
- Vorobieva, I.M. 2015. Inostrannye studenty v rossiiskom vuze [Foreign students in a Russian university]. *Molodoi uchenyi* 10: 1115–1119.
- Zangieva, I. K., Suleimanova, A.N. 2016. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migratsii [Students from CIS countries in Russia: preconditions for migration]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* 5: 127–146.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА ИЗ КОМПЛЕКСА РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ УНДРИХ 2015. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Археологическая культура Рязано-окских могильников играла важнейшую политическую и культурную роль в формировании ряда финно-угорских народов среднего течения р. Оки. Изучение новых памятников, оставивших носителями этой культуры, проясняет общую картину этнической истории региона. Проведено изучение артефактов и костных останков из погребения воина высшего сословия комплекса Ундрих 2015 яма 90. Анализ инвентаря позволяет датировать погребение самым концом пятого века. Каждый из предметов подробно описан и рассматривается на предмет поиска аналогий с привлечением широкого диапазона публикаций. По находкам в погребении шейной гривны, фибулы, богатой упряжи, крестообразной диадемы, а также двух мечей, характерных для вождеских погребений Восточной Европы, делается вывод о принадлежности воина одному из главенствующих кланов, властной группы Рязано-окского барбарикума периода формирования аутентичной государственности. Различные властные кланы имели свою специфику, которая выражалась как в характере оружия, украшений, так, возможно, и в физическом облике. Антропологическое изучение черепа и позволяет фиксировать черты средиземноморского антропологического типа. Реконструкция внешнего облика, выполненная в графике и скульптуре, дает представление об особенностях антропологического типа погребенного воина.

Ключевые слова: *археологическая культура Рязано-окских могильников, комплекс Ундрих 2015, антропологическая реконструкция*

Веселовская Елизавета Валентиновна – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: veselovskaya.e.v.@yandex.ru

Гаврилов Александр Петрович – профессор РАЕН, заведующий музейным отделом, Историко-культурный музейный комплекс пос. Шилово (Рязанская область, пос. Шилово, ул. Спаская, д. 38). E-mail: museum01@mail.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Ното». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

Ссылка при цитировании: *Веселовская Е.В., Гаврилов А.П., Васильев С.В.* Погребение воина из комплекса Рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 248–273.

Введение

В наши дни, когда по истории древних культур накоплен и обобщен уже немалый междисциплинарный материал, все чаще возникает необходимость комплексного исследования вновь выявляемых исторических источников. Это позволяет не только систематизировать материалы исследований в рамках одной культуры, но и сопоставлять их с исследованиями соседних культур, территорий и, в конечном счете, отслеживать межэтнические связи, миграции и взаимодействия. В этом отношении весьма интересно рассмотреть культуру Рязано-окских могильников первой половины первого тысячелетия новой эры, о носителях которой до сих пор не так много известно. Особенно это касается антропологических характеристик и внешнего облика, из-за плохой сохранности костных материалов. Известно, что это население находилось в плотном взаимодействии с жителями лесостепной и степной зон, являясь при этом наиболее консолидированной группировкой на южной границе лесной зоны, что обусловило его лидирующую роль в регионе в V–VII вв. н. э. (*Гавритухин, Обломский 2007*). Археологическая культура Рязано-окских могильников играла важнейшую политическую и культурную роль при формировании местных финно-угорских народов: *Муромы, Мещеры, Марийцев и Мордвы*, что делает ее своеобразной колыбелью этих этносов и подчеркивает значимость изучения данной культуры в рамках этнической истории России.

История археологических исследований

Изучение Рязано-окской культуры ведется более 100 лет. За время исследований была проделана значительная работа по археологической систематизации и типологии отдельных предметов и комплексов. Еще в 30-е годы прошлого века П.П. Ефименко разработал хронологию рязанских древностей, в которой он определил верхнюю границу бытования Рязано-окской культуры VII в. и выделил 5 стадий: А (II в.), В (III–IV в.), С (V в.), D-I (VI в.) и D-II (VII в.) (*Ефименко 1937*). Впоследствии предложенная им схема была скорее скорректирована, нежели изменена (*Ахмедов, Белоцерковская 1998*). В наши дни, после открытия в Шиловском р-не Рязанской области нового Городищенского могильника, рамки существования Рязано-окцев были расширены до IX века н.э. (*Гаврилов, Конанов 2020*).

С середины 20 века осуществлялись попытки привлечения смежных дисциплин для изучения этой культуры. Так, Т.А. Кравченко на материале Шатрищенского могильника, Спасского района, Рязанской области, применила метод графической реконструкции костюмов посредством привлечения этнографических аналогов (*Кравченко 1974*). В 2005 году при исследовании материалов из раскопок Никитинского могильника Спасского района, Рязанской области, изучали методы технологии литья, текстильного производства, был осуществлен химический анализ стеклянных и металлических изделий (*Воронина, Зеленцова, Энговатова 2005*). Чуть позже одним

из авторов были проведены металлографические исследования клинкового оружия (Гаврилов 2011). В 2019 г. в Лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ были проведены предварительные генетические исследования образцов из материалов раскопок А.Н. Гаврилова на могильнике Ундрих в 1983 году (Гаврилов, Мустафин в печати).

Сохранность антропологических материалов

Однако, среди попыток привлечения смежных дисциплин наиболее слабым местом остаётся антропологическое исследование останков носителей Рязано-окской культуры. Предшествующие исследования ограничивались измерением длины костяков, погребенных и определением возраста по зубам. Прежде всего, бедность антропологической информации объясняется плохой сохранностью костного материала в Рязано-окских погребениях. Этот факт, сам по себе, заслуживает отдельного исследования, так как на одних и тех же многослойных памятниках костные останки предыдущих (Никитинский мог., абашевцы) и последующих (Заречье 4, славяне) культур сохраняются удовлетворительно. Напротив, органика, в виде мягких тканей погребенных, кожи и волос, а также остатки текстиля, кожи ремней и упряжи сохраняются в раннем средневековье намного лучше, чем до того и после, на тех же самых археологических памятниках. Костяные изделия в погребениях Рязано-окских могильников также фактически отсутствуют. Этот феномен, возможно, связан с микробиологическими факторами, меняющимися со временем. Однако, в восточном ареале Рязано-окской культуры ситуация с сохранностью материалов несколько лучше. Так, например, в погребении у с. Ерахтур, Шиловского района, Рязанской области был найден костяной черняховский гребень. В некоторых погребениях Борокской группы сохранялись костяные псалии и небольшие костяные предметы, да и сохранность костей в отдельных случаях неплохая, особенно в материалах, где кости соприкасались с металлом. Вероятно, продукты окисления металла выступали в качестве «ненамеренного» консерванта. Настоящее исследование как раз и посвящено такой находке.

Обнаружение погребения комплекса Ундрих 2015 яма 90

Летом 2020 года в Шиловский историко-культурный музейный комплекс из Института археологии РАН от научного сотрудника отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья О.А. Радюша поступил сигнал о новой находке, обнаруженной на Рязанщине: меч эпохи Великого переселения народов. Сотрудниками музея были предприняты работы по выявлению места и условий находки. В результате проделанной работы был музеефицирован неполный комплекс вещей погребения, найденных на могильнике Ундрих у с. Борок, Рязанской области рыбаками из г. Москвы в 2015 году. Разрушенный комплекс обнажился в бровке осыпавшегося раскопа, оставленного экспедицией М.М. Макарова 1981 года, в центральной части северного борта раскопа. Это позволяет, привязать погребение к плану раскопок 1979–1984 года, и продолжить начатую нумерацию присвоив вновь найденному номер ямы 90, продолжая нумерацию, начатую ранее, указание года означает время обнаружения вещей – 2015 год. Таким образом, для анализируемого погребения введен шифр Ундрих 2015 яма 90. При выезде на место, в отвалах ямы были найдены части сцепок-распре-

делителей ремней, тождественных переданным находчиками, что подтверждает обнаружение комплекса на этом месте. Информация о месте и условиях находки была передана в ИА РАН, Олегу Радюшу, а также исследователю Рязано-окской культуры Илье Ахмедову в Эрмитаж.

Значение могильника Ундрих для археологии междуречья Пары и Тырницы. История изучения

Могильник Ундрих находится в междуречье Пары и Тырницы, правых притоков р. Ока, в котором располагается уникальная группа памятников эпохи раннего средневековья, занимающая лидирующее положение в Рязано-окской среде (Ахмедов 2016: 172). Эта группа включает в себя пять Рязано-окских могильников: уникальный курганный комплекс Белые Бугры, где изучено единственное для культуры рязанских финнов подкурганное погребение (Ахмедов 2016: 172), несколько поселений открытого типа, а также два святилищных комплекса. Исследование этой группы памятников было начато ещё до революции В.Л. Городцовым (Городцов 1905) и А.И. Черепниным (Черепнин 1903). Затем исследования проводились в конце XX века А.Н. Гавриловым в период с 1976 по 1984 год. Андрей Николаевич впервые исследовал и описал эти памятники как археологический комплекс раннего средневековья (Гаврилов А.Н. 1976–1984 Арх. ИА:7997. Л 33–35, 7983, 7997. Л. 25., 10656, 9716. Л. 69–71. 7997. Л. 22,23, 9716. Л. 71–73., 3132, Гаврилов 1983. и т.д.). В 21 веке комплекс исследовал И.Р. Ахмедов, проводивший раскопки на могильниках 1 и 2 у села Борок, комплексе Белые Бугры, и Тереховском городище (Ахмедов 2010).

Могильник Ундрих расположен в 3 км к северу от села Борок, Шиловского района, Рязанской области, на левом берегу реки Тырница (правый, приток р. Ока), вост. берег пойменного оз. Ундрих (Ундриха), северная оконечность дугообразного всхолмления Ундрих, которое протянулось с запада на восток. Размеры дюны около 75м в длину, 30 м в ширину, высота над поймой 6-7 м. Слева от нее располагается озеро Килькиха.

Могильник Ундрих был открыт в 1895 году В.А. Городцовым (Городцов 1905: 743, 644), который отметил значительные дефляционные разрушения. Для понимания причин, приведших к разрушению памятника, важно отметить следующее: во-первых, с Ундрихом связана местная легенда о сокровищах, найти которые время от времени делались и делаются попытки. Ундрих всегда считался чудодейственным местом, где и песок особый и необыкновенные чудодейственные корни растут. Видимо, именно эти причины и привели к тому, что территория могильника посещается большим количеством людей. В результате таких посещений, уже к 1978 году на северной оконечности могильника насчитывалось до 40 ям разных размеров и конфигураций. В 1976 году могильник осматривался А.Н. Гавриловым. Была составлена подробная докладная записка в областное отделение ВООПИК о состоянии памятника. Ямы, грозившие разрушением могильнику, были засыпаны.

В 1979 году исследования могильника были продолжены. По материалам разведки составлен паспорт. В том же 1979 году начаты раскопки могильника экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством М.М. Макарова. Вскрыта площадь в 130 кв. м., найдено 20 погребений. В 1981 году раскопки могильника Макаровым М.М. были продолжены: на площади около 187 кв. м. вскрыто еще 27 погребений (открытый лист № 430). Раскопки привлекли внимание не только жителей окрестных сел, но и коллекционеров древностей из Рязани, Шилова.

С 1982 года в районное отделение ВООПИК и Шиловский краеведческий музей стали поступать сведения об участившихся случаях самовольных раскопок. В мае-июне 1983 года памятник подвергся особенно сильным разрушениям, причем кладоискательские ямы вскрыли могилы, расположенные за пределами той ориентировочной границы могильника, которая была намечена по работам Гаврилова А.Н. и Макарова М.М. По плану, поддержанному М.М. Макаровым, работы должны были производиться Гавриловым А.Н. на средства ВООПИК. В ходе работ был обнаружен уникальный берестяной туесок со знаками, римская шпора и монета (Ахмедов 2019: Рис. 11.3), черняховские: фибулы, стеклянные кубки и подвески в форме ведёрка, а также другие многочисленные импорты (Гаврилов 1983). После чего на много лет обследование могильника ограничивалось мониторингом и доисследованием многочисленных ям грабительских раскопок. Пока на рубеже XX и XXI века раскопки Ундриха не были продолжены экспедицией ГИМ (Белоцерковская, Ахмедов 2009).

Описание погребения Ундрих 2015 яма 90. Аналоги, датировка

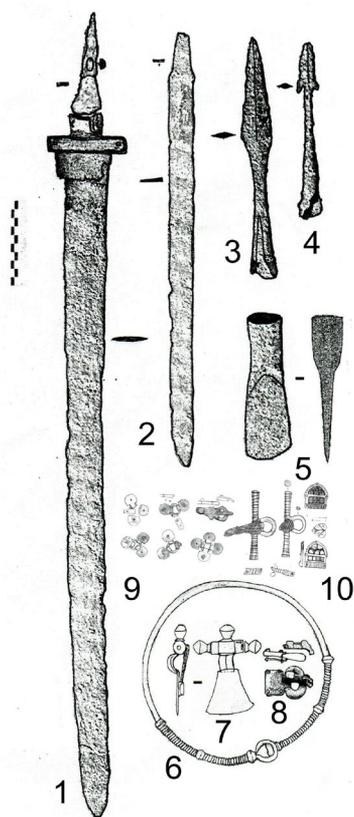

Рис. 1. Артефакты комплекса Ундрих 2015 яма 90. 1.

Среди материалов, переданных в музей п. Шилов, оказались: длинный (более 90 см) двухлезвийный меч с перекрестием (Рис. 1.1); короткий однолезвийный меч около 50 см. длиной (Рис. 1.2); наконечники копья (Рис. 1.3) и дротика (Рис. 1.4), а также вислообушной топор кельт. Также, чуть ранее, в музей поступили остатки крестообразной диадемы (Рис. 1.9) (ШРКМ КП 4562 – здесь и далее приводится музейный шифр). Заметим, что при выезде на место в 2021 году, в отвале ямы были найдены недостающие элементы крестообразной диадемы, в виде щитка и пряжки идентичной переданной, что подтверждает слова информаторов о месте находки данного комплекса. Помимо этого, была получена информация и фотографии об отсутствующих у информаторов поясной пряжке (Рис. 1.8), шейной гривне (Рис. 1.6), фибуле (Рис. 1.7) и комплекса упряжи лошади (Рис. 1.10). Вместе с указанными вещами в погребении были найдены человеческие кости с уникальным по сохранности черепом, находка которого позволяет провести, пожалуй, первое серьёзное антропологическое исследование носителя культуры Рязано-окских могильников.

Анализируя сохранившиеся вещи погребального инвентаря, мы попытаемся максимально точно датировать данный комплекс. Входящие в его состав предметы вооружения из черного металла

представлены исключительно оружием, прежде всего, это асимметрично ромбический наконечник копья (Рис. 1.3) 27 см. длиной, с ромбическим в сечении пером шириною до 3.5 см, имеющий сходящуюся втулку 3 см. диаметром. Затем, двушипный

наконечник дротика (Рис. 1.4) 20,1 см длиной, с треугольным ромбическим пером и оттянутыми вниз шипами до 2,7 см. шириной, диаметр несведенной до конца втулки до 2,8 см. В нижней части у основания на втулке имеется небольшое (до 0,4 см.) отверстие для крепления древка штифтом. Также, в состав погребального инвентаря входил вислообушной топор кельт (Рис. 1.5) длиной 17,5 см. с лезвием шириной до 5,5 см и втулкой диаметром 4 см. Набор вооружения из копья, дротика и кельта является стандартным для большинства мужских погребений, типологически относимых к IV–V векам н. э. Отметим, что подобная стереотипная стандартизация уникальное явление в археологии, отмеченное чуть в меньшей степени у германцев, и в более развитой форме в армии Рима и Византии. Данный воинский набор является своеобразным этническим маркером воинов культуры Рязано-окских могильников, широко распространившимся во II–III веке и бытующим с небольшими вариациями до 9 века.

Длинный меч

Двухлезвийный меч (Рис. 1.1) с перекрестием (Рис. 2) Общая длина с сохранившейся частью – 93 см. Клинок линзовидный в сечении с толщиной у основания 0,8 см. В 10 см. от кончика лезвия толщина составляет 0,43 см. Длина лезвия – 77,4 см., ширина у основания – 4,8 см., в средней части клинка ширина – 4 см. Лезвие, плавно сужающееся на $\frac{3}{4}$ клинка, после чего сужение до 3,7 см. с увеличивающейся кривизной дуги к кончику клинка. Черенок с четко очерченными плечиками 2,2 см. у основания, трапециевидно уплощённый сужающийся на нет, прямоугольный в сечении.

Перекрестие меча (Рис. 2) коробчатое, из четырёх железных паяно-клепаных пластин. Две боковые пластины соединены клепками по краям. Конструкция перекрестия образует на его «парадной» стороне идущие по краю бортики высотой от 0,2 до 0,4 см, сужающиеся к центральной части перекрестия. Со стороны рукояти бортик немного овально выгнут в сторону лезвия на ширину рукояти. С торцов, перекрестие сходится в прямоугольные площадки размером 1,8x0,6 см. Длина перекрестия – 8,4 см, ширина – 1,8 см, толщина по концам перекрестия – 0,6 см, а по центру – 2,2 см. Рукоять была деревянной, овальной формы (толщина – 2,2 см, ширина – 3,2 см, длина не установлена). У основания рукоять обернута серебряной фольговой пластиной шириной 2,5 см, сведённой на «оборотной» стороне внахлест четырьмя сквозными техническими дырочками – заметинами. По стороне, примыкающей к перекрестию, пластина орнаментирована такими же меньшими заметинами, образующими пуансонный орнамент в одну линию. Пластина сохранилась лишь частично. В 10 см от перекрестия рукоять скреплялась сквозным штифтом

Рис. 2. Ундрих 2015 яма 90. Детализация перекрестия меча. Железо, ковка, кузнечная сварка, пайка цветным металлом.

с фигурной овально-миндалевидной головкой с горбатой спинкой длиной 0,9 см, шириной 0,5 см, и толщиной 0,5 см. Также сохранилась лицевая часть устья в виде прямоугольной пластины, огибающей ножны у устья шириной 3 см, а её длина по ширине ножен составляет 6,1 см.

Меч инсигния (*Атавин* 1996) относится к первому типу мечей с эллипсовидным перекрестием по А.М. Хазанову (*Хазанов* 1971), однако коробчатое перекрестие с гнездом под перегородчатую инкрустацию, говорит не только о его инокультурном происхождении, но и позволяют проследить регион производства меча. Корни аналогичных мечей с подобными перекрестиями уходят в вооружение византийской конницы. Мечи, бытовавшие в среде византийской кавалерии, представляли собой дальнейшее развитие поздних римских кавалерийских мечей (спаты) и мечей, привнесенных на европейские просторы первоначально сарматами, а затем готами и гуннами. Мечи второй группы («варварские»), первоначально возникнув на территории Китая, впоследствии распространились на весь Евразийский континент. Изначальные черты этих мечей дополнялись элементами (как правило, декоративными), присущими тому или иному народу, в среде которого они получили свое дальнейшее распространение (*Алексинский и др.* 2019). Мечи с подобными перекрестиями преимущественно зафиксированы на памятниках северо-восточного Причерноморья. Они в большей степени характерны для Восточной Европы, нежели Западной, при этом в Западную Европу они приходят не из Византии, а от восточных соседей в период Великого переселения народов (*Казанский* 2007). Мечи с подобным типом перекрестия получили название «понтийских» (*Menghin* 1994, 1995). При этом мечи, имеющие железную гарду, образуют особую серию. Это мечи из Гагра-Цихерва, Абхазия; Бежа, Португалия; Паннонхалма, Венгрия; Дижон, Франция (*Казанский* 2019: 115). Мечи, принадлежащие к этой серии, могут быть отнесены к оружию т. н. азиатского типа (*Menghin* 1994–1995: 165–175). «Азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени (*Tejral* 2011: 282–285), т. е. в период D2/D3 хронологии европейского Барбарикума, который соответствует времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.). По мнению М.М. Казанского, вряд ли стоит связывать появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время (*Скрипкин* 1990: рис. 22, 1, 3, 6, 7; *Kazanski* 2009: 101). Однако этот тип перекрестий является, вероятно, продукцией север-восточных причерноморских мастерских конца V века (*Казанский* 2019: 116).

Из наиболее близких территориально аналогов следует отметить меч сходной конструкции из Саратовского Поволжья, памятник Покровск-Восход. (*Kazanski* 2001). В Рязано-окской ойкумене двухлезвийный меч с железным перекрестием с гнездами под инкрустацию был найден на Никитинском могильнике во время археологических работ И.Р. Ахмедова в погребении 191 (*Ахмедов* 2010: 127, Рис. 11.6). Илья Рафаэлиевич отмечает редкость предметов с перегородчатой инкрустацией в Рязано-окских древностях и обращает внимание на ритуальную особенность извлечения стеклянных (и иных) вставок из подобных предметов (*Ахмедов* 2010: 109). По совокупности материалов это погребение датируется концом V века (*Белоцерковская, Ахмедов* 2009).

Очень близкий типологически меч происходит из погребения конца V века (погребение 110, могильник 2 у села Борок, которое четко датируется 2 половиной V в.

н. э.) (Ахмедов 2001). Примечательно, что фурнитура этого меча, включающая в себя остатки железного перекрестия, также содержала некий коробчатый элемент, плакированный серебром. Также, этот комплекс содержал бронзовые позолоченные пряжки с гнездами для инкрустации, которые, вероятно, служили для застёгивания воинской портупей. К ней крепились пара мечей: длинный двухлезвийный меч с железным перекрестием и короткий однолезвийный скрамасакс. Еще в материалы погребения входили наконечники копья, дротика и боевой топор кельт. Это, по сути, делает комплекс 110 Борокского могильника почти полной аналогией публикуемого нами комплекса погребения 1 Савостьяновского могильника и позволяет датировать его концом V-го века (Ахмедов 2001).

Короткий меч

Короткий меч (Рис. 1.2), категорию которых принято интерпретировать как «скрамасаксы», соотносится с кругом статусной вождеской иерархии (Ахмедов 2010). И.Р. Ахмедов относит данный тип мечей ко 2 типу однолезвийных мечей, восходящих к типу 1 гуннского и постгуннского времени. Этот тип мечей представляет собой однолезвийные мечи средних размеров с прямым обухом, лезвием одинаковой ширины по всей длине, ассиметрично сужающемся на конце. Сечение клинков треугольное. Длина мечей составляет порядка 60 см, длина – 40 см, ширина лезвия у основания – от 3 до 3,5 см. По форме острия и перехода от черенка к клинку его можно отнести к подтипу «а» (по Ахмедову). Тыльная часть почти прямая, режущая часть загибается к острию по дуге под тупым углом. Наш экземпляр относится к разновидности клинков с плавно ассиметричным переходом лезвия в черенок.

В Рязано-окских могильниках встречено 7 находок таких мечей: Никитинский могильник, погр. 63 (раскопки И. Р. Ахмедова), находка в слое у погр. 167 (во фрагментах), погр. 9/171 (раскопки Р. Ф. Ворониной); Кораблинский могильник, погр. 106 (раскопки И. В. Белоцерковской); Шокшинский могильник, погр. 255 (раскопки В. Н. Шитова); Борковской могильник, погр. 63 и 54 (раскопки А. В. Селиванова). Также к этому типу по форме лезвия и ширине клинка, возможно, относится фрагмент меча из случайной находки у поселка Пролетарский, расположенного рядом с поселком Шилово, и меч в двух фрагментах, найденный на могильнике Борок 2 в 1988 г. (ШРКМ, инв. № 435, 465, 170). Для определения хронологических рамок бытования этого типа мечей было проведено исследование сериации Рязано-окских погребальных комплексов с клинковым оружием, датировка которых в целом отнесена к последним десятилетиям V – первой половине VI в. Подобные мечи известны и в памятниках безводнинско-ахмыловского круга: Подвизьевском, Безводнинском и Ахмыловском могильниках. Находки подобных «скрамасаксов», датируемых концом V–VI в., широко распространенных в восточной Европе от Прибалтики до Закавказья (Ахмедов 2019). По мнению М.М. Казанского, такие мечи «скрамасаксы» имеют римское и византийское происхождение, особенно на территориях, связанных с восточной частью империи (Казанский 2012).

Предметы из цветного металла

К сожалению, за небольшим исключением, предметы из цветного металла не были доступны авторам данной работы, и мы знаем о них только по фотографиям.

Пряжка (Рис. 1.8) с объемной обоймой, рамка пряжки в виде массивного прямоугольника с ребром по внутреннему краю, язычок тоже массивный с крупной прямоугольной площадкой у основания, в его передней части стилизованное изображение головы животного. Подобные пряжки распространяются в Рязано-окских древностях в постгуннское время, в период ЗС2, датированный последними десятилетиями V – началом VI вв. (погр. 4 Никитинского могильника из раскопок И.Р.Ахмедова, погр. 34 и 91 Шатрищенского могильника из раскопок Т. А. Кравченко, погр. 71 Борковского могильника и в сборах Н. В. Говорова на этом памятнике в 1931 г.). Эти пряжки представляют собой более поздние варианты тех форм, которые появляются на рязанском течении реки Оки в результате дунайского культурного импульса начальной фазы постгуннского времени (Ахмедов 2007: 147–150; схема 3. Рис. 31: 2; 2014а; Рис. 9: 8,9).

Аналогичная пряжка вкупе с коротким мечом, идентичным нашему короткому клинку, найденная в погребении 63 Борковского могильника, датируется началом 6-го века (Спицын 1901).

Фибула

Также в состав инвентаря погребения 63 Борковского могильника, входили крестовидная бронзовая фибула (Рис. 1.7) 5 века (Ахмедов 2012) и массивная шейная гривна из белого металла (Рис. 1.6), из круглого в сечении дрота с напускными бусинами и проволочной обмоткой. К сожалению, не имея возможности работать с этими вещами, мы ограничимся их упоминанием. Добавим, что их датировка также укладывается в даты, намеченные временем бытования предметов из черного металла.

Остатки упряжи. (Рис. 1.10) Состояли из пары стержней бронзовых видных псалий с круглой скобой для крепления упряжи. Стержни псалий гафрированные расширяющиеся к концам, круглые в сечении. Аналогичные псалии известны из могильника Pecsuszog где они датируются V веком (Tomka 1986). Также от узды сохранились остатки щитка пряжки инкрустированного вставками стекла (?) и остатки четырёх коробчатых ременных разделителей, также инкрустированных стеклянными вставками. Наиболее близким аналогам их можно считать разделители из погребения 10 могильника Лермонтова Скала (Казанский, Мастрыкова Рис. 4.11) Подобные разделители только без вставок в менее антрактовой форме происходят из расположенного в этом же комплексе мог. II у с.Борок пог. 110 (Ахмедов 2001: рис.4.8–11), которое сходно с рассматриваемым нами погребением наличием пары мечей и пряжек с гнездами под инкрустацию. В целом комплекс датируется также концом 5-го века (Ахмедов 2001: 112).

Остатки диадемы

Особый интерес представляют остатки элементов от крестообразной, кожаной диадемы (Рис. 1.9). Диадема состояла из пяти сцепок-распределителей ремней из тонкой фольги, состоящих из согнутых пластинчатых щитков (псевдопряжками) с округлыми щитками 1.5 см диаметром, крепящихся в четырех случаях по три щитка на одно кольцо, из круглой в сечении сомкнутой проволоки, диаметром до 1.7 см, сечением около 4 мм. В одном случае сцепка состояла из четырех щитков, крепящихся на одно кольцо. Крепились щитки к кожаным ремням посредством железных штифтов на головке которых с лицевой стороны были одеты скорлупообразные полусферические

жемчужины из тонкой серебряной фольги, со свинцово-оловянистым заполнением, на момент поступления в музей от них остались лишь следы от тлена (ШРКМ КП 4562). Эти сцепки-распределители располагались инситу на черепе погребенного, что вероятно так же способствовало его хорошей сохранности черепа, за счет выделения солей металла. Сцепка из четырех колец располагалась на темени погребенного, а сцепки-приёмники по три щитка на кольце располагались: одна на лбу погребенного и две по его вискам, также обломки еще одной сцепки и пряжки были найдены под черепом. В 2021 году в отвале ямы был найден один из щитков сцепки, а также маленькая овальнорамчатая пряжка с длинным хоботковым язычком и треугольным, вытянутым щитком с наложенными по краям скорлупками-жемчужинами. Выполненными в той же технике и металле что и сцепки-распределители длиной до 5 см и шириной 1,7 см. Эти пряжки широко датируются концом V началом VI века. Подобные уборы имеют множественные аналоги в могильниках Ундрих и Борок 2, Шиловского района, Рязанской области (Ахмедов 2006). Аналогичная диадема происходила из пг.65 м. Ундрих 1991 г, а также из разрушенного погребения того же памятника (Ахмедов 2019: рис.6.1). Подобные распределители были найдены на территории с. Борок (Ахмедов 2019: рис.6.2.). На могильнике II у с. Борок были найдены инситу две подобных диадемы многократно интерпретируемые И.Р. Ахмедовым как головные уборы конца V в. (Аkhmedov 2007) Аналогии подобным диадемам и их элементам сконцентрированы в древностях середины – третьей четверти V в. и отождествляются с различными группировками германцев на среднем течении Дуная (памятники: Мещ, Сигмундесберг, Виен-Леопольдау, Велика Бахта, Маритейя), на нижнем Рейне (памятники: Гондорф, Мальберг), отдельная находка известна в Южной Швеции (Сьюруп). На территории Восточной Европы подобные детали найдены на острове Хортица, в Хмельне в Среднем Поднепровье, а также в пог. 5 Безводнинского могильника (Ахмедов 2006: 157–164; Аkhmedov 2007: 263–274.) В настоящий момент опубликована (Ахмедов 2019: рис. 9.1) диадема, экспонируемая в Шиловском музее (ШРКМ КП 4562).

Антропологическое исследование

Краниология

Череп воина из комплекса Ундрих 2015 яма 90 имеет хорошую сохранность. Исследование проводили по классической краниологической программе (Алексеев, Дебец 1960). Результаты его представлены в таблице 1, где в правой колонке указаны градации, в которые попадают размеры изученного черепа.

Для характеристики относительных пропорций и формы черепа рассчитывали ряд указателей, которые представлены в таблице 2. В правой колонке даны градации, в которые попадают рассчитанные индексы.

Таблица 1

Основные размеры черепа из комплекса Ундрих 2015 яма 90

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
1	Продольный диаметр	197	ОБ
8	Поперечный диаметр	136	ОМ

Таблица 1 (продолжение)

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексею, Дебецу, 1964
17	Высотный диаметр	135	С
5	Длина основания черепа	105	Б
9	Наименьшая ширина лба	94	С
10	Наибольшая ширина лба	121	Б
11	Ширина основания черепа	123	С
12	Ширина затылка	112	Б
29	Лобная хорда	116	Б
30	Теменная хорда	120	Б
31	Затылочная хорда	100	Б
26	Лобная дуга	130	С
27	Теменная дуга	136	Б
28	Затылочная дуга	123	Б
45	Скуловой диаметр	137	Б
40	Длина основания лица	101	С
48	Верхняя высота лица	68	М
47	Полная высота лица	117	С
43	Верхняя ширина лица	112	ОБ
46	Средняя ширина лица	99	С
55	Высота носа	53,3	С-Б
54	Ширина носа	27,2	Б
51	Ширина орбиты от мф.	43,8	Б
52	Высота орбиты	33,7	С
77	Назо-молярный угол	1410	С
<zm	Зиго-максиллярный угол	1280	М
SC(57)	Симотическая ширина	6,9	М
	Симотическая высота	3,6	С
MC(50)	Максиллофронтальная ширина	17	
MS	Максиллофронтальная высота	7,2	

Таблица 1 (продолжение)

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
	Глубина клыковой ямки (справа)	5	С
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву) (справа)	11	
	Ширина скуловой кости (по Ву) (справа)	52	
75 (1)	Угол выступания носа	240	С
71а	Наименьшая ширина ветви	35	С
65	Мышелковая ширина	126	Б
66	Угловая ширина	98	С
67	Передняя ширина	45	С
69	Высота симфиза	35	Б
69(1)	Высота тела	31	С
69(3)	Толщина тела	13	С

Таблица 2

Краниофациальные указатели черепа из комплекса Ундрих 2015 яма 90

№ по Мартину	Указатель	Значение	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
8/1	Черепной указатель	69,0	ОМ
17/1	Высотно-продольный указатель	68,5	ОМ
17/8	Высотно-поперечный указатель	99,3	Б
29/26	Указатель кривизны лобной кости	89,2	Б
30/27	Указатель кривизны теменной кости	88,2	М
31/28	Указатель кривизны затылочной кости	81,3	М
9/8	Лобно-поперечный указатель	69,1	Б
12/8	Затылочно-поперечный указатель	82,4	Б
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	50,4	М
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	100,7	ОБ
9/45	Лобно-скуловой указатель	68,6	М
40/5	Указатель выступания лица	96,2	С

Таблица 2 (продолжение)

№ по Мартину	Указатель	Значение	Градации по Алексею, Дебецу, 1964
48/45	Верхний лицевой указатель	49,6	М
48/46	Верхний среднелицевой указатель	68,7	М
54/55	Носовой указатель	51,0	С
52/51	Орбитный указатель	76,9	М
	Симотический указатель	52,2	
	Максиллофронтальный указатель	42,4	

Описание мозговой коробки

Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная – наибольшая ширина черепа падает на заднюю часть мозговой коробки, лобные и теменные бугры сглажены. Череп погребенного может быть описан как удлинённый и относительно узкий – гипердолихокранный

Высотно-продольный указатель малый – хамекранный. В категорию акрокранных черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно высоком черепе.

Лоб прямой и визуально довольно широкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию средних. По лобно-поперечному указателю череп мегаземный (широколобый). Лобно-скуловой указатель малый. По достаточно высокому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о не очень сильном ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в четыре балла по шестибальной шкале Брока. Надбровные дуги (тип II) – заходят за середину верхнеорбитноо края и образуют одно возвышение с глабеллой.

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о небольшом радиусе изогнутости их. Сосцевидные отростки не большие для мужчин, оцениваются баллом 2. Затылок широкий.

Описание лицевого скелета

Лицевая часть черепа не широкая и относительно низкая, по верхнелицевому указателю – зуриенная (показатель низколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних и малых, т.е. лицо достаточно хорошо профилировано. Не сильный альвеолярный прогнатизм подтверждается значениями указателя выступания лица (указатель Флоуэра). Краниофациальный вертикальный указатель имеет небольшое значение, то есть наблюдается тенденция сочетания низкого лица и высокой мозговой коробки. Наоборот, краниофациальный поперечный указатель достаточно высок, что говорит о сочетании широкого лица и относительно узкой мозговой коробки.

Орбиты не высокие и относительно не широкие (мезоконхные). Верхний край орбиты притупленный. В абсолютных размерах нос высокий и относительно широкий (хамеринный), тоже подтверждается и носовым указателем. Угол выступания

носа средний. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших и средних, что говорит о некоторой высоте переносья.

Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, то есть боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие передненосовой ости оценивается баллом 2.

Биологический возраст по стертости зубов и по облитерации швов мозговой корочки оценивается в 35-40 лет (ближе к 35).

Антропологическая реконструкция внешности погребенного из комплекса Ундрих 2015 яма 90

Учитывая малое количество антропологического материала из памятников Рязано-окских могильников, было решено провести полное комплексное исследование одного погребения, где хорошо сохранился череп, в том числе провести реконструкцию внешности как в виде плоскостного портрета, так и скульптурного. Метод восстановления внешности на основе черепа был разработан российским антропологом М.М. Герасимовым, что нашло отражение в его знаменитых фундаментальных трудах (*Герасимов* 1949, 1955). Метод постоянно используется в палеоантропологии для реконструкции внешнего облика представителей древних популяций. Многое сделано современными учеными для совершенствования приемов восстановления прижизненных особенностей головы на основе черепа. В Лаборатории антропологической реконструкции ЦФА ИЭА РАН после многолетних исследований создана и апробирована программа «Алгоритм внешности», обобщающая опыт российской школы антропологической реконструкции и включающая основные достижения зарубежных специалистов (*Веселовская* 2018). Современные реконструкции, выполненные с применением этой программы, отличаются большой достоверностью и точной передачей деталей, индивидуализирующих внешность.

Работа над восстановлением облика начинается с подробного изучения черепа. Проводят измерения, фиксируют описательные признаки и индивидуальные особенности. Затем с применением программы «Алгоритм внешности» рассчитывают прижизненные параметры на основе измерений черепа, оценивают пропорции головы, реконструируют качественные характеристики (*Веселовская* 2018). В таблице 3 суммированы прижизненные размеры индивида из ямы 90 комплекса Ундрих 2015, полученные путем прибавления толщины мягких тканей в соответствующих точках и путем расчёта по уравнениям регрессии. В правой колонке проставлены градации значений (малое, среднее, большое) для ряда размеров.

Графическая реконструкция опирается на предварительную большую работу по построению прижизненных контуров головы на обводе черепа, сделанном на специальном приборе диоптографе. На рисунках 3 и 4 представлены два ракурса контурной реконструкции анфас и профиль. Глядя на контурные реконструкции, легко видеть, как происходит это построение, какую толщину тканей следует добавлять в различных участках черепа при работе над созданием контура головы. Существуют особые рекомендации для построения профиля спинки носа по контуру грушевидного отверстия, восстановления глазной и ротовой областей лица (*Лебединская* 1989; *Расказова и др.* 2020). При переходе к собственно графической реконструкции следует

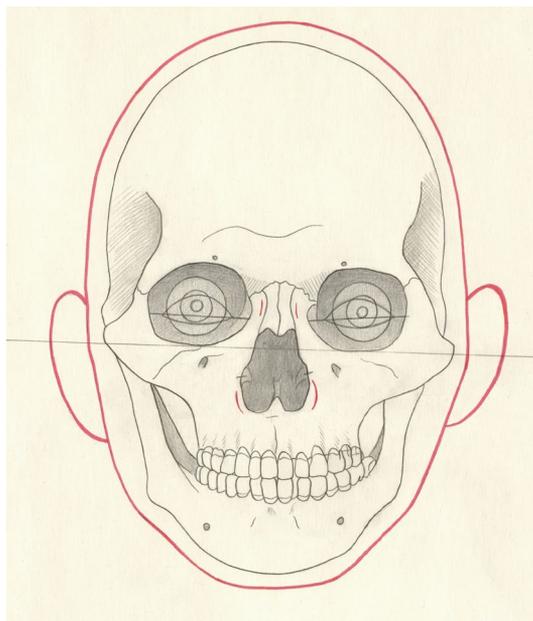

Рис. 3. Контурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Фас. Авторы. В.Веселовская, О.И. Алехина

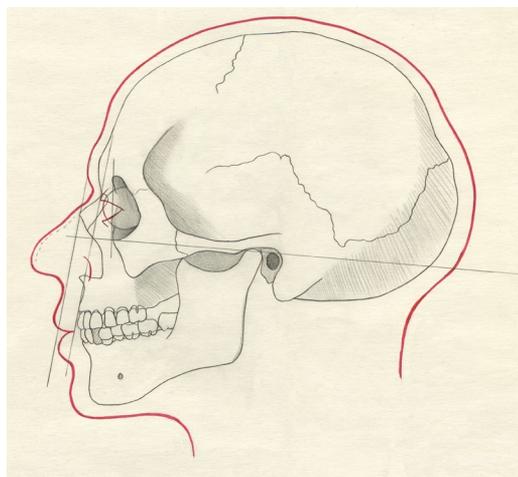

Рис. 4. Контурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Профиль. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Без атрибутики. Фас. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

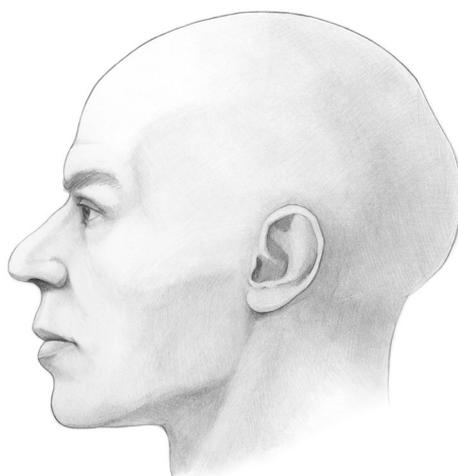

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Без атрибутики. Профиль. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

сначала наметить отдельные визуальные плоскости – участки лица, по-разному отражающие направленный свет, которые должны быть выделены разными типами штриховки. Главное, чтобы эти участки соответствовали именно данному конкретному лицу. Определять плоскости надо с учетом рельефа черепа и строения его отдельных участков. В нашем случае графическую реконструкцию мы решили представить в двух видах. Первый вариант был выполнен без волос и растительности на лице для демонстрации антропологического типа (Рис. 5, 6). Второй вариант показывает внешность погребенного в сочетании с археологическими деталями: одеждой, украшениями, головным убором и в характерном для тех времен обличье – с бородой, усами и длинными волосами. Первый вариант графического портрета выполнен Е.В.Веселовской в соавторстве с О.И. Алехиной, второй вариант выполнил художник П. Алешин, используя изображение рисунка 4 (Рис. 7).

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. В полном воинском облачении. Фас. Автор П. Алешин.

Таблица 3

Индивидуальные прижизненные характеристики индивида из комплекса Ундрих 2015 яма 90, рассчитанные по черепу

Признак	Размер в мм	Градации по Веселовская, 2018
Продольный диаметр	213	
Поперечный диаметр	151	
Ширина лба	132	
Наименьшая ширина лба	106	М
Ширина лица на уровне глаз	121	
Длина глазной щели	26	
Скуловой диаметр	146	С
Ширина переносья	15.5	

Таблица 3 (продолжение)

Признак	Размер в мм	Градации по Веселовская, 2018
Ширина спинки носа	24.5	
Ширина носа	32	М
Расстояние между носогубными складками	48.7	М
Ширина рта	56.5	С
Ширина подбородка	59.5	С
Угловая ширина нижней челюсти	110	С
Физиономическая высота лица	193.7	Б
Морфологическая высота лица от нижнего края бровей	134	Б
Высота лба <i>tr</i> – нижний край бровей	60	
Высота глазной щели	10	
Скулочелюстная высота	71	
Высота носа от нижнего края бровей	63	С-Б
Высота крыла носа	Пр.17.5 Лев. 20	Б
Высота верхней губы	17	М
Высота нижней челюсти	50	С
Высота подбородка <i>sm-gn</i>	27	М
Высота уха	64	С
Ширина уха	38	С

Следующим этапом работы над созданием облика представителя культуры Рязано-окских могильников было создание объемного скульптурного портрета. Для этого используют специальный твердый скульптурный пластилин, нарезанный пластинами разной толщины. В первую очередь формируют жевательные мышцы, затем по всей поверхности свода черепа наносят полосы из пластилина толщиной от 5 до 10 мм в зависимости от конкретной области. На лице выставляют метки, соответствующие толщине тканей на данном участке. Построение носа и глаз проводят по методикам, разработанным в Лаборатории антропологической реконструкции. Обязательно учитывают все прижизненные размеры, полученные на основе этого черепа (Табл. 3). На **рисунке 8** представлен вариант скульптурной реконструкции без атрибутики, здесь хорошо видны все особенности антропологического типа и индивидуальные черты внешности. С помощью программы *Словесный портрет* представим описание внешнего облика.

По абсолютным размерам лицо узкое и высокое. Нос узкий средней высоты.

Далее представляем описание пропорций лица, основанное на расчете индексов (относительных размеров), и качественных признаков внешности.

Головной указатель 70,1, очень низкий, выраженная долихокrania, голова в лобно-затылочном направлении очень длинная. Форма головы в профиль яйцевидная, с выступающим затылком. Форма лица анфас овальная. Вертикальная профилировка носовая. Горизонтальная профилировка значительная. Относительная ширина лица малая, ухо некрупных размеров, гармоничных пропорций.

Направление лба вертикальное, линия лба волнистая из-за выраженного надбровного рельефа. Контур бровей ломаный. Лобные бугры выражены в средней степени. Рельеф в области надбровья и глабеллы значительно развит. Относительные ширина и высота лба попадают в категорию средних.

Скулы выглядят выступающими. Отмечается асимметрия носовой области: левое крыло носа расположено выше правого. Нос узкий, по высоте средний, выступает значительно. Спинка носа в профиль прямая с едва заметной горбинкой. Переносье средней глубины, узкое, а спинка носа достаточно широкая, что создает своеобразную форму спинки в анфас.

Глазное яблоко не выпуклое. Глазная щель в высоту и длину небольшая.

Верхняя губа низкая, ротовая щель средней ширины. Размеры нижней челюсти и подбородка средние, несколько сдвинуты в область низких значений.

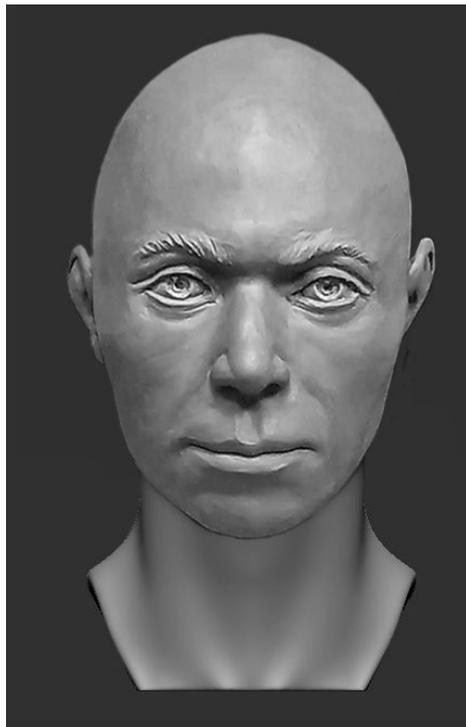

Рис. 8. Скульптурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Одна из стадий, без атрибутики. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

Заключение

Таким образом, по совокупности инвентаря, мы вправе датировать погребение Ундрих 2015 яма 90 самым концом пятого века. Однако, учитывая относительность принятых датировок, нельзя исключить, что данное захоронение было совершено и в первые два десятилетия 6 века. Типологически погребение укладывается в один ряд всаднических Рязано-окских погребений: пог. 50 Ундрих 83, пог. 190, 265 Борок 2, пог. 4 Заречье и т.д. Наиболее точным морфологическим аналогом можно считать пог. 110 м.2 у с. Борок. По наличию крестообразных диадем анализируемый индивид тождествен погребению 65 Ундрих 1991, а также погребениям 76 и 125 м.2 у с. Борок. Пары мечей зафиксированы в пог. 55 Заречье, погребениях 105, 110, 136, 263 могильника Борок 2 и погребениях 14, 62, 91, 111 могильника Ундрих (Гаврилов 2015). По составу инвентаря перед нами явно взрослый воин, всадник, имеющий высокий статус

в обществе, о чем свидетельствуют находки в погребении шейной гривны и фибулы, богатой упряжи, а также крестообразной диадемы. Это же подтверждает наличие двух мечей, характерных для вождеских погребений восточной Европы (*Казанский* 2010). Пара мечей зафиксирована в 11 комплексах междуречья р. Пары и р. Тырницы: одна пара в погребениях III–IV века, одна – в погребении VII-го века, остальные относятся к V–VI векам нашей эры. Во всех случаях длинный меч был двухлезвийный, короткие же мечи в 50% были однолезвийными, а в 50% двухлезвийными (*Гаврилов* 2016: рис.1–3.) Почти всегда это погребения с полным воинским набором, состоящим из наконечников дротика и копья, а также топора кельга. Исключение составляют лишь некоторые женские погребения. Почти всегда их сопровождали предметы упряжи коня, поясная гарнитура, не редки фибулы и шейные гривны. Таким образом, можно предполагать, что погребений в 90-ой яме человек с двумя мечами принадлежал к воинской элите рязано-окского общества (*Ахмедов, Казанский* 2004).

Крайне редко мечи встречаются в погребениях, лишённых прочих статусных вещей, обычно это воины с украшенным поясом и фибулой (*Ахмедов* 1998). Чуть реже погребенного хоронили с шейной гривной, которая, несомненно, свидетельствовала о его особом положении. Такие гривны вручались отличившимся воинам, как в римской, так и в византийской армиях. В трёх случаях на головах погребенных присутствовали статусные головные уборы, свидетельствующие об их исключительно высоком положении в обществе (*Ахмедов* 2012). Причем в двух из этих трех случаях речь идет о «паре мечей» (заметим, что в двух комплексах с орлиноголовыми диадемами были лишь короткие мечи, что, вероятно, говорит об их статусной роли «верховных» правителей). Мода на ношение «пары мечей» распространилась из римской и византийской армий. Впрочем, распространилась она столь широко, что была популярна по всей Европе. В целом, ситуация с мечами в Рязано-окской среде совпадает с общеевропейской. Динамичная реакция на все изменения воинской моды свидетельствует в пользу вовлеченности жителей Средней Оки во все основные процессы эпохи переселения народов.

Таким образом, в экипировке воина из ямы 90 содержались предметы, говорящие о его высоком социальном статусе. Вероятно, мы имеем дело с родовым «вождем», сельским старостой или военачальником уровня младшего князя, или же представителя властного клана. Вместе с тем, инокультурное вооружение, а также манера ношения парных мечей говорят не просто о знакомстве этого воина с общей восточноевропейской модой, но и о вероятной вовлеченности этого субъекта в процессы великого переселения народов. Возможно, он принимал участие в дальних воинских походах в места, где его статусные маркеры, такие, как пара мечей, шейная гривна и крестовидная фибула, были понятным всем признаком статуса и этнической принадлежности. За идентификацию этнической принадлежности отвечала крестовидная фибула Рязанского типа (*Ахмедов* 1998). Надо отметить, что Рязано-окская культура имела свой особый тип фибул, который образует крайнюю северо-восточную группу этнических маркеров (*Гаврилов* 2017). Нижняя челюсть погребенного слева окрашена в зеленый цвет окисью меди от этой фибулы. Скорее всего, она застёгивала плащ у правого плеча погребенного воина, на шее была одета серебряная массивная гривна, широкий пояс был застегнут пряжкой, к этому поясу крепился «скрамасак», длинный меч крепился, вероятно, к перекинутому через плечо длинному ремню двумя скобами. Не исключено, что, как в погребении 110 могильника Борок, два портупейных ремня крестообразно пересекались на груди.

Рубеж пятого и шестого века характеризуется в Рязано-окской среде высокой военной активностью, в результате которой на Средней Оке появляется целый ряд импортных вещей причерноморского и центрально-европейского происхождения. Они свидетельствуют об участии местного населения в процессах, происходивших на северных рубежах византийского мира. И.Р. Ахмедов связывает их появление с военной компанией сыновей Атиллы и их союзников (Ахмедов 2020). В этот период на Средней Оке появляются целые элементы воинской вождеской моды: парные мечи, шлемы, уздечные наборы и поясные гарнитуры «гуннского» круга. Многие из них в VI-м веке продолжают распространяться на Рязанщине, как то: элементы с орлиноголовым декором, ставшие важным социальным маркером в Рязано-окской среде. Весьма перспективной представляется идея о появлении в Восточной Европе некоторых предметов (типа пряжек) типа Наумбург «с элементами остатков черняховского населения», выбитого со своих мест при обратном движении гуннов из Европы (Бажан, Каргопольцев 1989б: 29). Волна этого импульса начинает доминировать в Волго-окском междуречье (Гаврилухин, Обломский 2007: 391). И.В. Белоцерковская выделяет горизонт захоронений людей, ставших жертвами военных столкновений во второй половине V века. «Вернувшийся» Рязано-Окский импульс (Ставицкий 2017: 17) впитал в себя множество импортов. Это, вероятно, завершает процесс образования варварского королевства на Средней Оке (Ахмедов, Казанский 2004: 170–171). Заметим, что междуречье Пары и Тырницы в V–VI веке сочетает в себе все основные признаки, отмеченные М.М. Казанским (материалы семинара Хронограф) для выделения варварских королевств, как то: концентрация компактной группой нескольких городищ, поселений и сакральных центров, а также могильников, содержащих статусные погребения. Подобные группы четко выделяются в Западной Европе и описаны для варваров античными и средневековыми авторами (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 39) и определяются как региональные «центры власти» (Кренке, Казанский и др. 2021: 115), присущие варварским королевствам. Последние являлись своего рода вершиной развития предгосударственных форм вождества. В объединённых кланах закладывались основы наследственной власти типа королевской (Казанский, Мастыкова 2001: 146). Примечательно, что по мнению М.М. Казанского княжеско-вождеские институты формировались вокруг личности вождя и его клана, чем объясняется гетерогенность варварской верхушки. Такая гетерогенность проявляется, например, в тесных династических связях гуннской, германской и аланской аристократий, засвидетельствованных письменными источниками. Напомним, что заключение династических браков в древности и средневековье являлось одной из форм легитимации военно-политических союзов. Властные кланы имели свою специфику, которая выражалась как в характере украшений, так, возможно, и в физическом облике. Это вновь возвращает нас к истории Рязанского «Бабьего царства» и преданий о выборе мужей (Мещерские сказы 2020). Таким образом, рассматриваемое нами погребение принадлежит одному из членов главенствующих кланов, властной группы Рязано-окского барбарикума периода формирования аутентичной государственности. Это время максимального расцвета Рязано-окцев на средней Оке: начало их миграций, приведших со временем к формированию таких народностей, как Муромы, Мордва и Марийцы, и освоению верховьев Воронежа и Суздальского Ополя.

Краниологический анализ и выполненная по черепу реконструкция прижизненного облика воина из комплекса Удрих 2015 яма 90, позволяют сделать вывод о

присутствии в антропологическом типе рязано-окцев южного компонента. На это указывают общая грацильность черепа, узкая длинная форма головы, значительная профилировка лица. По этим показателям данного индивида можно отнести к средиземноморскому антропологическому типу. Однако мы воздержимся от поиска аналогий среди окружающего населения, поскольку имеем дело с единичной находкой. Для уточнения антропологического облика носителей культуры рязано-окских могильников необходимы дальнейшие исследования. На данный момент мы представляем прижизненный облик одного из представителей высшего воинского сословия этой ключевой для данного региона культуры.

Научная литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. 1960. С. 128.
- Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С.* Всадники войны. Кавалерия Европы, конница армии Византии. VI в. Источник: https://historylib.org/historybooks/D-P-Aleksinskiy_Vsadniki-voyny-Kavaleriya-Evropy. 2019.
- Атавин А.Г.* Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н.э. Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы. Самара. 1996. С. 219.
- Ахмедов И.Р. Белоцерковская И.В.* О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Ахмедов И.Р.* Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1998.
- Ахмедов И.Р.* «Воинское погребение из могильника» Борок II. Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том II. Тверь 2001.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова, С.-Петербург 14-17 ноября 2000 г. СПб., 2004.
- Ахмедов И.Р.* Крестовидные диадемы в эпоху Великого Переселения народов. Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006.
- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И.О. Гаритухин, А.М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир, 2010. № 13. С. 7–34.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир. Вып. 13. Москва, 2010. С. 14.
- Ахмедов И.Р.* Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // *Germania – Sarmatia*. Вып. II. Сборник научных трудов по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининградский областной историко-художественный музей, Курский государственный областной музей археологии, 2010. С. 319 – 341.
- Ахмедов И.Р.* К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано – окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010.
- Ахмедов И.Р.* Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения. Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Спецвыпуск к 50-летию А.В. Богачева. Самара: Самарский государственный технический университет, 2012.

- Ахмедов И. Р. Ранняя группа мечей из рязано-окских могильников. Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья Тула, 2014.
- Ахмедов И.Р. Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н. э. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4, Ч. 2, Тула, 2019. С. 32.
- Ахмедов И.Р. О некоторых «дунайских» элементах в культурах окских финнов во второй половине V в., Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье. 2020.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации. КСИА. Вып. 198. Москва, 1989.
- Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. Москва, 2009. С. 283–298.
- Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции. Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Москва, 2007.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Том 3 / отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2005.
- Гаврилов А.Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области. Археологические открытия 1983 года. Москва, 1985.
- Гаврилов А. П. Дамасские мечи V—VII вв. н. э. из Шиловского района Рязанской области. Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 2. Москва, 2011.
- Гаврилов А. П. Дамасские мечи в материалах культуры рязано-окских могильников. Мещерский Край. Москва “Туслиц. Перекресток”, 2015. С. 49–56.
- Гаврилов А. П. Длинно-клинковое оружие междуречья рек Пары и Тырницы Шиловского района Рязанской области. Мещера край. Альманах по истории и культуре мещерского края. Москва, 2016.
- Гаврилов А. П. Ранний погребальный комплекс культуры рязано-окских могильников из материалов нового городищенского могильника рязанской области. Поволжские финны и их соседи в древности и средневековье. Материалы IV Всероссийской научной конференции. Саранск, 2016. С. 49–61.
- Гаврилов А. П. Древняя история среднего Поочья или в поисках Артании. Книга посвящена археологии и истории среднего поочья, поисков истоков русской государственности и идентичности. Москва 2017, Рошаль, 2018.
- Гаврилов А.Н., Гаврилов А.П. Мещёрские сказы. Москва, 2020.
- Гаврилов А. П., Конанов В.Д. Археология Волго-окского региона В.Д. Новый могильник рязано-окских финнов. ИА РАН, ГИМ, 2020. С.60–68.
- Городцов В.Л. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки // Тр. XII АС. Т. I. С. 643, 644.
- Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА, II. 1937. С.39–58.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. В кн.: Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 138–161.
- Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой / М.М. Казанский // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122.

- Казанский М.М.* «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами. Краеугольный камень. Том I. Москва. 2010. С. 309–331.
- Казанский М.М.* О происхождении скрамасаксов. Чудь, меря и другие языки. Кишенёв 2012. С. 113.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н.* Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V – VII вв.) Российская археология, 2017. № 3. С. 39.
- Казанский М.М.* «О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы». Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается. Санкт-Петербург, 2019.
- Кравченко Т.А.* Шатрищенский могильник. Археология Рязанской земли. Москва. 1974.
- Кренке Н.А., М.М. Казанский, Н.В. Лопатин, К.А. Ганичев, И.Н. Ершов, Е.Г. Ершова, Ф.Э. Модестов, В.А. Раева.* Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции. Российская археология, № 1. 2021.
- Лебединская Г. В.* Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). Москва: Старый сад, 1989.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.
- Ставицкий В.В.* Абрамовский могильник: Погребение с чернолощёной керамикой. NovaInfo. Ru 2017. № 59. С.17.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела Сарматов. Москва. 1971.
- Akhmedov I.* Cross-like diadems in the Great Migration epoch (Preliminary Communication) // *BarbarenimWandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit .Spisy Archeologického Ústavu AV ČR / J.Tejral (hrsg.) Brno. 2007. № 26. P. 263–274.*
- Kazanski M.* Les épées “orientales” à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // *Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). International Connections of the Barbarians in the 1st–5th centuries A.D. Aszod-Nyiregyhaza: Jósánrás Museum — Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.*
- Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 2009.
- Menghin W.* Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994–1995. T. 26/27. P. 140–191.*
- Tejral J.* Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AWCR, 2011.
- Tomka P.* Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma. *Acta ArchHung* 38, 1886. P. 423–488.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.

Veselovskaya, Elizaveta V., Aleksander P. Gavrilov, and Sergey V. Vasilyev

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/248-273

A warrior's burial from Undrikh 2015 complex (Ryazan-Oka burial grounds). Archaeological parallels and anthropological reconstruction

The archaeological culture of the Ryazan-Oka burial grounds played an important political and cultural role in the formation of a number of Finno-Ugric peoples of the middle Oka river. The study of new monuments of this culture clarifies the general picture of the ethnic history of the region. Artifacts and bone remains from the burial of an upper-class warrior from Undrikh 2015 (pit 90) were studied. The archaeological inventory suggests that the burial dates back to the very end of the fifth century. Each of the objects is described in detail and examined for analogies using a wide range of publications. A torc, a fibula, a rich harness, a cruciform diadem and two swords typical for chieftain's burials in Eastern Europe suggest that the warrior belonged to one of the dominant clans, the ruling group of the Ryazan-Oka barbaricum during the time when authentic statehood was forming.

Various power clans had their own specifics expressed both in the weapons, decorations, and, possibly, in physical appearance. Anthropological study of the skull identified traits of the Mediterranean anthropological type. Graphic and sculpted facial reconstructions make it possible to visualize the appearance of the warrior.

Keywords: *archaeological culture of the Ryazan-Oka burial grounds, Undrikh 2015 complex, anthropological reconstruction*

For Citation: *Veselovskaya, E.V., A.P. Gavrilov, and S.V. Vasilyev. 2021. A warrior's burial from Undrikh 2015 complex (Ryazan-Oka burial grounds). Archaeological parallels and anthropological reconstruction. Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii) 2: 248–273.*

Author Info:

Veselovskaya, Elizaveta V. – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Leninsky Prospect 32 A). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-2932-9884

Gavrilov, Aleksander P. – professor of the Russian Academy of Natural Sciences head of the Museum Department, Historical and Cultural Museum Complex of Shilovo (Ryazan region, pos. Shilovo, st. Spasskaya, 38). E-mail: museum01@mail.ru

Vasilyev, Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Leninsky Prospect 32 A). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”

References

- Alekseev, V.P., and G.F. Debets. 1960. *Kraniometriia* [Cranioimetry]. Moscow: Nauka.
- Aleksinskii D.P., K.A. Zhukov, A.M. Butiagin and D.S. Korovkin. 2019. *Vsadniki voyny, kavaleriia Evropy, konnitsa armii Vizantii. VI century.* [Horsemen of War. Cavalry of Europe, cavalry of the Byzantine army VI century]. https://historylib.org/historybooks/D-P-Aleksinskiy_Vsadniki-voyny--Kavaleriya-Evropy/2019
- Atavin A.G. 1996. *Pogrebeniia 7-nachala 8 vekov iz Vostochnoi Evropy.* [Burials of the early 7th-8th centuries from Eastern Europe]. *Kul'tura Evraziiskikh stepei 2 poloviny 1 tysiacheletiya nashei ery:* 219.
- Akhmedov I.R. and I.V. Belotserkovskaia. 1998. *O nachal'noi date riazano-okskikh mogil'nikov.* [About the initial date of the Ryazan-Oka burial grounds]. In *arkheologicheskii sbornik.* Moscow: Trudy GIM.
- Akhmedov I.R. 1998. *Ryazano-okskie krestovidnye fibuly* [Ryazan-Oka cross-like fibulae]. *Issledovaniya P.D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti isovremennosti: materialy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy 100-letiyu P.D. Stepanova,* edited by N.M. Arsent'ev, 58–61. Saransk: Krasnyy oktyabr'.
- Akhmedov I.R. 2001. “*Voinskoe pogrebenie iz mogil'nika*” Borok II. [“Military burial from the burial ground” Borok II]. In *tverskoi arkheologicheskii sbornik,* edited by I.N. Chernykh. Tver: Tverskoe oblastnoe izdatel'stvo.
- Akhmedov I.R. 2006. *Krestovidnye diademy v epokhu Velikogo Pereseleniia narodov.* [Cross-shaped diadems in the era of the Migration Period]. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov,* edited by R.D. Goldina. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet.
- Akhmedov I. R. 2007. *Inventar' muzhskikh pogrebeniy* [Inventory of male burials]. In *vostochnaya*

- Evropa v seredine I tysyacheletiya nashei ery*, edited by I.O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, 137-185. Moscow: IA RAN.
- Akhmedov I.R. 2010. Korotkie odnolezviinye mechi iz Nikitinskogo mogil'nika. [Short single-edged swords from the Nikitinsky burial grounds]. In *Germania – Sarmatia 2*, edited by O. A. Shcheglova, O.A. Radiush, K.N. Skvortsov, 319–341. Kaliningrad, Kursk: Kaliningradskii oblastnoi istoriko-khudozhestvennyi muzei, Kurskii gosudarstvennyi oblastnoi muzei arkheologii.
- Akhmedov I.R. 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury riazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoianiiu voprosa). [The problem of the “final” period of the culture of the Ryazan-Oka Finns (to the current state of the issue)]. In *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysyacheletii nashei ery. Problemy i materialy* 13, edited by I.V. Islanova, V.E. Rodinkova, 14. Moscow: Ranneslavianskii mir.
- Akhmedov I. R. 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (K sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Problem of “terminal” period of culture of Ryazan-Oka Finns (Toward present state of the problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v Itysyacheletii nashei ery*, edited by I.V. Islanova, V.E. Rodinkova, 7–34. Moscow: IA RAN.
- Akhmedov I. R. 2012. Okskie krestovidnye fibuly kak indikatory etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Rossii epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Oka cross-like fibulae as indications of ethnocultural processes in Central Russia of Migration period]. *Voyadzher: mir i chelovek*, 107–123.
- Akhmedov I. R. 2014. Ranniaia gruppa mechei iz riazano-okskikh mogil'nikov. [An early group of swords from the Ryazan-Oka burial grounds]. In *voinskie traditsii v arkheologicheskoi kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia*, edited by I. G. Burtsev. Tula: Kulikovo pole.
- Bazhan I.A., S. Yu. Kargopol'tsev. 1989. V-obraznye riflentye priazhki kak khronologicheskii indikator sinkhronizatsii [V-shaped fluted buckles as a chronological indicator of synchronization.]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*: 198.
- Belotserkovskaia I.V. and I.R. Akhmedov. 2009. Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii GIM na Oke: nekotorye itogi i perspektivy izucheniia riazano-okskikh mogil'nikov III–VII vekov. nashey ery [Works of archaeological expeditions of the GIM on the Oka: some results and prospects of studying the Ryazan-Oka burial grounds of the III-VII centuries AD]. In *arkheologicheskie otkrytiia 1991–2004 gg. Evropeiskaia Rossiia*, edited by N.A. Makarov, 283–289. Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Veselovskaia E. V. 2018. “Algoritm vneshnosti” – kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [“Algorithm of appearance” – a comprehensive program of anthropological reconstruction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 2: 38–54.
- Gavritukhin, I. O. and A. M. Oblomskii. 2007. Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A. D.). [Eastern Europe in the middle of the first millennium AD]. *Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
- Gerasimov M.M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyi i iskopaemyi chelovek)* [Reconstruction of the face from the skull (modern and fossil man)]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Voronina, R. F., O. V. Zelentsova and A.V. Engovatova. 2005. Nikitinskii mogil'nik: publikatsiia materialov raskopok 1977–1978 gg. [Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977–1978 Excavations]. *Trudy Otdela okhrannykh raskopok Instituta arkheologii RAN*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology.
- Gavrilov A.N. 1985. Raboty v Shilovskom, Putyatipskom i Chuchkovskom raionakh Riazanskoii oblasti [Works in Shilovsky, Putyatipsky and Chuchkovsky districts of the Ryazan region]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda*.
- Gavrilov A. P. 2011. Damasskie mechi V–VII vv n. e. iz Shilovskogo raiona Riazanskoii oblasti [Damascus swords of the V–VII centuries AD from the Shilovsky district of the Ryazan region]. In *voennaia arkheologiya. Sbornik materialov Problemnogo Soveta “Voennaia arkheologiya” pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, edited by O.V. Dvurechenskii, Moscow: Russkaia panorama.

- Gavrilov A. P. 2016. Dlinno-klinkovoe oruzhie mezhdurech'ia rek Pary i Tyrnitsy Shilovskogo raiona Riazanskoj oblasti [Long-bladed weapons between the rivers Pari and Tyrnitsa, Shilovsky district, Ryazan region]. *Meshchera krai. Al'manakh po istorii i kul'ture meshcherskogo kraia*. Moscow, 2016.
- Gavrilov A. P. 2017. *Drevniaia istoriia srednego Pooch'ia ili v poiskakh Artanii. Kniga posviashchena arkheologii i istorii srednego pooch'ia, poiskov istokov russkoi gosudarstvennosti i identichnosti* [Ancient history of the Middle Pooch or in search of Artania. The book is devoted to the archaeology and history of the Middle Pooch region, the search for the origins of Russian statehood and identity]. Moscow.
- Gavrilov A.N. and A.P. Gavrilov. 2020. *Meshcherskie skazy* [Meshchersky tales]. Moscow: Spasskaia tipografiia.
- Efimenco P.P. 1937. K istorii Zapadnogo Povolzh'ia v I tysiacheletii po arkheologicheskim istochnikam [On the history of the Western Volga region in the First Millennium according to archaeological sources]. *Sovetskaia arkheologiya* 2: 39–58.
- Zasetskaia I.P., and M.M. Kazanskii, I.R. Akhmedov and R.S. Minasian. 2007. *Morskoj Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu* [Sea Chulek. Burials of the nobles from the Azov Sea region and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea region in the post-Hunnic era.]. St. Petersburg.: Izdatelstvo Gos. Ermitazha.
- Kazanskii M.M. and A.V. Mastykova. 2001. Tsentry vlasti i trgovye puti v Zapadnoi Alanii v V–VI vekax [Centers of power and trade routes in Western Alanya in the V–VI centuries]. *Cevernyi Kavkaz: istoriko-arkheologicheskie ocherki i zametki*: 138–161.
- Kazanskii M.M. 2010. “Vozhdeskie” pogrebeniia gunnskogo vremeni s mechami [“Leader’s” burials of the Hun time with swords.]. In *kraeugol'nyi kamen'*, edited by E. N. Nosov, C. V. Beletsky, 309–331. Moscow: Lomonosov.
- Kazanskii M.M. 2012. O proiskhozhdenii skramasaksov [About the origin of the Scrumasaxons]. *Stratum plus. Chud', meria i drugie iazyki* 5: 113.
- Kazanskii M.M., A.V. Mastykova and K.N. Skvortsov. 2017. Priznaki sotsial'noi stratifikatsii u naseleniia sambiisko-natangiiskoi kul'tury v nachale srednevekov'ia (sередina V–VII vekov.) [Signs of social stratification in the population of the Sambian-Natangian culture in the early Middle Ages (mid – V–VII centuries)]. *Rossiiskaia arkheologiya* 3: 39.
- Kazanskii M.M. 2019. *O dvukh traditsiiakh dekora klinkovogo oruzhiia epokhi Velikogo pereseleniia narodov na iuge Vostochnoi Evropy* [About two traditions of decoration of bladed weapons of the era of the Great Migration of peoples in the south of Eastern Europe]. *Zemlia nasha velika i obil'na. 90-letiiu A. N. Kirpichnikova posviashchaetsia*, edited by S. V. Beletskii. St.Peterburg: Nevskaiia Tipografiia.
- Kravchenko T.A. 1974. Shatrishchenskii mogil'nik (po raskopkam 1966–1969 godov) [Shatrishchensky burial ground (according to the excavations of 1966–1969)]. *Arkheologiya Riazanskoj zemli*: 116–183.
- Krenke N.A., M.M. Kazanskii, N.V. Lopatin, K.A. Ganichev, I.N. Ershov, E.G. Ershova, F.E. Modestov and V.A. Raeva. 2021. Gorodishcha Demidovka i Viazoven'ki na Smolenshchine: ob ierarkhii, khronologii i kul'turnoi atributsii [Demidovka and Vyazovenki settlements in the Smolensk region: on hierarchy, chronology, and cultural attribution.]. *Rossiiskaia arkheologiya* 1: 102–121.
- Lebedinskaia G. V. 1989. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Reconstruction of the face on the skull (methodological guide)]. Moscow: Staryi sad.
- Skripkin A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Stavitskii V.V. 2017. Abramovskii mogil'nik: Pogrebenie s chernoloshchenoi keramikoi. [Abramovsky burial ground: Burial with black-flattened ceramics]. *NovaInfo* 59: 17.
- Khazanov A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela Sarmatov* [Essays on the military affairs of the Sarmatians.]. Moscow: Nauka.

© А.П. Пестряков, О.М Григорьева, Ю.В. Пеленицына

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БОЛЬШОЙ МОНГОЛОИДНОЙ РАСЫ. ЧАСТЬ 1. ХАРАКТЕРИСТИКА КРАНИОСЕРИЙ СЕВЕРНЫХ МОНГОЛОИДОВ*

Исследовалось 52 современные краниологические серии северных монголоидов территории Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Казахстана, по литературным источникам. По краниологической концепции Н. Н. Чебоксарова их относят к континентальному варианту монголоидов. Анализировались различия среднегрупповых величин 11 метрических признаков этих серий – параметров размера и формы черепной коробки. Изученные краниосерии в целом представляют собой один из трёх выделенных нами ранее панойкуменных краниотипов – голарктидов, характеризующихся по мировым масштабам средней величиной черепной коробки, а по форме среднеудлинённой, широкой и низкосводной. Дендрограмма взаимных расстояний среди изученных краниосерий выявила три кластера, почти равных по численности серий, и достоверно различающихся между собой по трём из одиннадцати сравниваемых признаков. Первый кластер (18 краниосерий) по краниологическим характеристикам наиболее отличен от типичного облика голарктидов и, по нашему мнению, представляет собой хронологически наиболее ранний этап эволюционного развития краниотипа голарктидов. Два других кластера характеризуют более крупноголовый и мелкоголовый варианты типичных восточных голарктидов.

Ключевые слова: мозговой череп, краниосерия, краниотип, степень сферичности черепа, эволюционные изменения

Ссылка при цитировании: Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Характеристика краниосерий северных монголоидов // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 274–291.

Пестряков Александр Петрович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – к.б.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Пеленицына Юлия Вадимовна – студентка кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, 1/12) Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

Введение

Монголоидная раса является одной из трёх (по другой схеме четырёх) больших рас современного человечества. Зоной её традиционного расселения является практически вся восточная половина континента Азии, а также большая часть островного мира между Азией и Австралией. Благодаря усилиям отечественных антропологов середины прошлого века разработана расово-морфологическая дифференциация монголоидов Азии (Чебоксаров 1947, 1951; Дебец 1951). В массиве азиатских монголоидов ими было выделено четыре расовых варианта: *северные монголоиды* (территория Северной и Центральной Азии), *восточные монголоиды* (территория Китая, Кореи и Японии), *южные монголоиды* (территория Индонезии и Индокитая), *арктические монголоиды* (крайний северо-восток азиатского континента). По краниологическим признакам Н.Н. Чебоксаров также разделял монголоидов на два различных типа: тихоокеанские и континентальные монголоиды. При этом для восточных монголоидов характерен тихоокеанский краниотип, а для северных – континентальный.

В начале XX века профессор В.В. Бунак указывал на необходимость создания особой краниологической классификации человечества, отличной от расовой. При этом при её создании он считал наиболее важным учитывать величины трёх основных диаметров черепной коробки и их взаимные отношения (Бунак 1923). Опираясь на эту основополагающую идею В.В. Бунака, одному из авторов настоящей статьи в конце XX века удалось создать рабочую схему краниологической классификации современного человечества (Пестряков 1995). Более полная версия этой классификации опубликована несколько позднее (Пестряков, Григорьева 2004). В этих работах описаны особенности и территории распространения трёх основных (панойкуменных) краниотипов современности: *голарктидов*, *тропидов* и *пацифидов*. Кроме этого также выделены два локальных краниотипа, отличных от вышеназванных: *тропические пацифиды* и *капоиды*. В процессе дальнейшей работы введение определенных коррективов принципиально не изменили нашей краниологической системы. Следует помнить, что эта классификация касается особенностей (размеры и форма) только черепной коробки, этого вместилища огромного человеческого головного мозга. Лицевой (висцеральный) скелет человека имеет иную функциональную нагрузку и поэтому имеет относительно слабую онтогенетическую и филогенетическую связь с морфологическими особенностями скелета мозгового черепа. Поэтому параметры висцерального скелета в данной классификации не учитываются.

Настоящая статья посвящена изучению краниологического разнообразия большой монголоидной расы, а именно северным монголоидам, континентальным согласно дихотомическому делению Н.Н. Чебоксарова, голарктидам, согласно нашей классификации.

Хорошо известно, что краниологическая дифференциация человечества лишь частично совпадает с расовой. Большая часть северных монголоидов принадлежит к малой североазиатской расе, состоящей из двух антропологических вариантов – байкальского, доминирующего на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, и центральноазиатского, доминирующего на территории Центральной Азии. Здесь следует особо подчеркнуть, что под Центральной Азией мы понимаем территорию с соответствующими ей физико-географическими характерными особенностями, а не современное территориально-политическое подразделение, куда включают новообразованные среднеазиатские государства.

К популяциям североазиатской малой монголоидной расы территориально и морфологически примыкают две метисные монголоидно-европеидные малые расы: уральская и южносибирская), а также арктическая малая раса крайнего северо-востока Азии.

Материалы и методы

Исследованы 52 краниосерии. Краниологические характеристики изучаемых краниосерий этого обширного региона взяты из соответствующих литературных источников. Краниосерии населения Западной Сибири: манси, хантов, ненцев, селькупов, чулымцев, шорцев, этнические группы алтайцев и территориальные группы сибирских татар изучались Г.Ф. Дебецем (*Дебец* 1951), Н.С. Розовым (*Розов* 1956), А.Н. Багашёвым (*Багашёв* 1991, 1999, 2000), В.А. Дрёмовым (*Дрёмов* 1991а, 1991б), А.Р. Кимом (*Ким* 1978а, 1978б, 1984) и другими антропологами. Почти все среднегрупповые величины необходимых нам краниологических признаков краниосерий этих этносов представлены в обобщающих таблицах фундаментальной монографии А.Н. Багашёва (*Багашёв* 2000).

Краниология современного населения Восточной Сибири также изучалась многими антропологами. Хакасы Минусинской котловины были изучены В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1960а). Он же исследовал в это же время краниологию тувинцев (*Алексеев* 1960б) и тофаларов (*Алексеев* 1960в). Данные по краниологии казахов взяты из книги О. Исмагулова (*Исмагулов* 1970), а по краниологии киргизов из работы Н.Н. Миклашевской (*Миклашевская* 1959).

Материалы по краниологии населения Восточной Сибири и Дальнего Востока взяты нами в основном из обширной сводной работы В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (*Алексеев, Гохман* 1984).

Ниже в таблицах представлены краниологические характеристики изучаемых серий. Среднегрупповые величины трёх диаметров черепной коробки каждой краниологической серии – наибольший продольный диаметр (признак 1, по списку Мартина), наибольший поперечный диаметр (признак 8, по Мартину) и высотный диаметр от базиона (признак 17, по Мартину) взяты из соответствующей литературы. Остальные 8 метрических параметров вычислялись, исходя из среднегрупповых величин этих диаметров. Общая ростовая величина черепной коробки (ОРВ) вычисляется векторным сложением величин трёх взаимно-перпендикулярных её диаметров по формуле: $ОРВ = (1^2 + 8^2 + 17^2)^{1/2}$. Далее в таблице следуют величины следующих индексов: черепной (8:1), высотно-продольный (17:1) и высотно-поперечный (17:8) указатели. Затем идут указатели, связывающие величины всех трёх диаметров черепа: указатель долихоидности (УД), брахиоидности (УБ), гипсиоидности (УГ). Они представляют собой средние геометрические отношения каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 * [(1^2 / (8 * 17))^{1/2}]$. И так далее. Последний параметр – степень сферичности (СС) объединяет значения трёх этих указателей, рассчитывается по формуле $СС = (200 - УД + УБ + УГ) / 3$. Чем ближе эта величина к 100, тем более черепная коробка приближается по форме к сфере.

В нижерасположенной таблице даны среднегрупповые величины этих признаков по всем изучаемым в настоящей работе 52-м краниосериям.

Таблица 1

Краниологическая характеристика серий северных монголоидов

серии	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
манси северные	183,9	139,5	126,1	263,0	75,9	68,6	90,4	138,7	91,6	78,7	77,2
ханты, Халас-Погор	181,1	143,7	127,2	263,9	79,3	70,2	88,5	134,0	94,7	78,8	79,9
ханты, Салым	180,2	137,8	130,7	261,8	76,5	72,5	94,8	134,3	89,8	82,9	79,5
ханты, Юган	184,0	141,0	129,7	265,6	76,6	70,5	92,0	136,1	91,3	80,5	78,6
ханты, Васюган	179,7	143,4	129,4	263,8	79,8	72,0	90,2	131,9	94,0	80,6	80,9
ханты южные	184,1	135,2	128,2	261,9	73,4	69,6	94,8	139,8	88,0	81,3	76,5
селькупы Чулым	177,7	141,4	134,7	264,0	79,6	75,8	95,3	128,8	91,4	85,0	82,5
селькупы, Тискино	180,4	142,8	134,4	266,5	79,2	74,5	94,1	130,2	91,7	83,7	81,7
селькупы, Бедерев, Бор	176,9	142,5	128,1	260,8	80,6	72,4	89,9	130,9	94,7	80,7	81,5
чулымцы, Ясашная Гора	178,5	138,7	131,3	261,4	77,7	73,6	94,7	132,3	90,6	83,4	80,6
чулымцы, Яя-Кля	178,2	143,9	132,8	264,8	80,8	74,5	92,3	128,9	93,5	82,9	82,5
чулымцы, Средний Чулым	176,3	141,7	130,6	261,2	80,4	74,1	92,2	129,6	93,4	82,6	82,1
татары томские	177,1	144,4	130,8	263,3	81,5	73,9	90,6	128,9	94,9	81,8	82,6
татары барабинские	182,5	144,9	133,4	268,5	79,4	73,1	92,1	131,3	92,9	82,0	81,2
татары томенские	180,2	144,8	130,3	265,4	80,4	72,3	90,0	131,2	94,5	80,7	81,3
татары тобольские	179,6	142,0	129,7	263,1	79,1	72,2	91,3	132,3	93,0	81,2	80,6
телеуты	182,2	142,8	134,0	267,5	78,4	73,5	93,8	131,7	91,4	83,1	80,9
кумандинцы	180,5	141,8	136,8	267,2	78,6	75,8	96,5	129,6	90,2	85,5	82,1
тубалары	180,2	147,3	136,0	269,6	81,7	75,5	92,3	127,3	94,1	83,5	83,4
шорцы	179,8	138,6	135,5	264,4	77,1	75,4	97,8	131,2	88,8	85,8	81,1
ненцы	179,2	146,6	129,0	265,0	81,8	72,0	88,0	130,3	96,4	79,6	81,9
кеты	179,4	145,5	127,5	263,8	81,1	71,1	87,6	131,7	96,2	78,9	81,1
хакасы бельгьры	176,2	146,0	130,9	263,6	82,9	74,3	89,7	127,5	96,1	81,6	83,4
хакасы койбалы	181,3	144,6	134,3	268,0	79,8	74,1	92,9	130,1	92,7	82,9	81,8
хакасы сагайцы	177,5	148,0	133,8	267,0	83,4	75,4	90,4	126,1	96,0	82,6	84,2
хакасы качинцы	181,0	147,7	133,4	269,0	81,6	73,7	90,3	128,9	95,1	81,6	82,6
хакасы кызыльцы	178,6	143,8	131,9	264,5	80,5	73,9	91,7	129,7	93,7	82,3	82,1

Таблица № 1 (продолжение)

серии	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
тувинцы	183,3	150,6	131,0	271,0	82,2	71,5	87,0	130,5	97,2	78,8	81,8
тофалары	186,2	150,2	129,5	272,0	80,7	69,5	86,2	133,5	96,7	77,4	80,2
буряты западные	183,6	147,5	135,4	271,7	80,3	73,7	91,8	129,9	93,6	82,3	82,0
буряты тункинские	181,7	150,3	132,6	270,5	82,7	73,0	88,2	128,7	96,8	80,2	82,8
буряты забайкальские	181,9	154,6	131,9	272,7	85,0	72,5	85,3	127,4	99,8	78,7	83,7
монголы	182,2	149,0	131,1	269,4	81,8	72,0	88,0	130,4	96,4	79,6	81,9
калмыки	185,1	148,4	130,3	270,7	80,2	70,4	87,8	133,1	95,6	78,6	80,4
якуты	185,8	148,6	136,8	274,4	80,0	73,6	92,1	130,3	93,2	82,3	81,7
долганы	176,3	147,3	125,0	261,5	83,6	70,9	84,9	129,9	99,2	77,6	82,3
юкагиры	183,3	143,8	129,6	266,6	78,5	70,7	90,1	134,3	93,3	79,8	79,6
эвенки	185,5	145,7	126,3	267,6	78,5	68,1	86,7	136,7	95,2	76,8	78,4
казахи Актюлки	181,5	150,7	130,1	269,4	83,0	71,7	86,3	129,6	98,1	78,7	82,4
казахи Бегазы	180,9	150,9	131,1	269,6	83,4	72,5	86,9	128,6	98,0	79,3	82,9
казахи Коянды	180,7	151,6	131,2	269,9	83,9	72,6	86,5	128,1	98,5	79,3	83,2
казахи сборные, Гинзбург	178,4	150,1	128,9	266,4	84,1	72,3	85,9	128,3	99,0	78,8	83,2
киргизы	179,2	149,5	130,1	267,2	83,4	72,6	87,0	128,5	97,9	79,5	83,0
ульчи	183,3	142,3	134,4	268,2	77,6	73,3	94,4	132,5	90,7	83,2	80,4
нанайцы	184,6	142,3	137,8	270,8	77,1	74,6	96,8	131,8	89,2	85,0	80,8
негдалыцы	180,9	145,6	130,4	266,3	80,5	72,1	89,6	131,3	94,8	80,3	81,3
орочи	177,0	148,9	130,8	265,7	84,1	73,9	87,8	126,8	97,9	80,6	83,9
нивхи	179,9	147,8	133,5	268,4	82,2	74,2	90,3	128,1	95,4	81,9	83,1
чукчи береговые	181,8	142,3	133,8	266,8	78,3	73,6	94,0	131,8	91,2	83,2	80,9
чукчи оленные	184,4	142,1	136,9	270,1	77,1	74,2	96,3	132,2	89,4	84,6	80,6
эскимосы, Наукан	183,5	142,9	137,2	270,0	77,9	74,8	96,0	131,1	90,1	84,7	81,2
эскимосы, Чаплино	181,8	140,7	135,0	266,6	77,4	74,3	95,9	131,9	89,8	84,4	80,8
Число серий	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52
Средняя межгрупповая	180,94	145,08	131,75	266,71	80,20	72,83	90,89	130,93	93,99	81,35	81,47
Сигма межгрупповая	2,65	4,04	3,08	3,32	2,50	1,81	3,43	2,80	3,03	2,27	1,58

Таблица № 1 (продолжение)

серии	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Ошибка средней	0,37	0,56	0,43	0,46	0,35	0,25	0,48	0,39	0,42	0,32	0,22
Коэф. вариации	1,47	2,79	2,33	1,24	3,12	2,49	3,78	2,14	3,22	2,79	1,94

Таблица 2

Краниологическая характеристика 1 кластера краниосерий северных монголоидов

Серии	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
манси северные	183,9	139,5	126,1	263,0	75,9	68,6	90,4	138,7	91,6	78,7	77,2
ханты, Салым	180,2	137,8	130,7	261,8	76,5	72,5	94,8	134,3	89,8	82,9	79,5
ханты, Юган	184,0	141,0	129,7	265,6	76,6	70,5	92,0	136,1	91,3	80,5	78,6
ханты южные	184,1	135,2	128,2	261,9	73,4	69,6	94,8	139,8	88,0	81,3	76,5
селькупы Чульма	177,7	141,4	134,7	264,0	79,6	75,8	95,3	128,8	91,4	85,0	82,5
селькупы, Тискино	180,4	142,8	134,4	266,5	79,2	74,5	94,1	130,2	91,7	83,7	81,7
чульмцы, Ясашная Гора	178,5	138,7	131,3	261,4	77,7	73,6	94,7	132,3	90,6	83,4	80,6
татары барабинские	182,5	144,9	133,4	268,5	79,4	73,1	92,1	131,3	92,9	82,0	81,2
телеуты	182,2	142,8	134,0	267,5	78,4	73,5	93,8	131,7	91,4	83,1	80,9
кумандинцы	180,5	141,8	136,8	267,2	78,6	75,8	96,5	129,6	90,2	85,5	82,1
шорцы	179,8	138,6	135,5	264,4	77,1	75,4	97,8	131,2	88,8	85,8	81,1
хакасы койбалы	181,3	144,6	134,3	268,0	79,8	74,1	92,9	130,1	92,7	82,9	81,8
ульчи	183,3	142,3	134,4	268,2	77,6	73,3	94,4	132,5	90,7	83,2	80,4
нанайцы	184,6	142,3	137,8	270,8	77,1	74,6	96,8	131,8	89,2	85,0	80,8
чукчи береговые	181,8	142,3	133,8	266,8	78,3	73,6	94,0	131,8	91,2	83,2	80,9
чукчи оленные	184,4	142,1	136,9	270,1	77,1	74,2	96,3	132,2	89,4	84,6	80,6
эскимосы, Наукан	183,5	142,9	137,2	270,0	77,9	74,8	96,0	131,1	90,1	84,7	81,2
эскимосы, Чаплино	181,8	140,7	135,0	266,6	77,4	74,3	95,9	131,9	89,8	84,4	80,8
Число серий	18	18	18	18	18	18	18	18	18	18	18
средняя	181,92	141,21	133,57	266,24	77,63	73,43	94,60	132,51	90,60	83,34	80,48
сигма	2,07	2,45	3,21	2,92	1,53	2,01	1,89	2,95	1,30	1,83	1,60
Ошибка средней	0,49	0,58	0,76	0,69	0,36	0,47	0,45	0,70	0,31	0,43	0,38
вариация	1,14	1,73	2,40	1,10	1,97	2,74	2,00	2,23	1,43	2,19	1,99

Таблица 3

Краниологическая характеристика 2 кластера краниосерий северных монголоидов

серии	1	8	17	OPB	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
ханты, X.-II.	181,1	143,7	127,2	263,9	79,3	70,2	88,5	134,0	94,7	78,8	79,9
ханты, Васюган	179,7	143,4	129,4	263,8	79,8	72,0	90,2	131,9	94,0	80,6	80,9
селькупы, Бедерев. Бор	176,9	142,5	128,1	260,8	80,6	72,4	89,9	130,9	94,7	80,7	81,5
чулымцы, Яя-Кля	178,2	143,9	132,8	264,8	80,8	74,5	92,3	128,9	93,5	82,9	82,5
чулымцы, Сред. Чулым	176,3	141,7	130,6	261,2	80,4	74,1	92,2	129,6	93,4	82,6	82,1
татары томские	177,1	144,4	130,8	263,3	81,5	73,9	90,6	128,9	94,9	81,8	82,6
татары томенские	180,2	144,8	130,3	265,4	80,4	72,3	90,0	131,2	94,5	80,7	81,3
татары тобольские	179,6	142,0	129,7	263,1	79,1	72,2	91,3	132,3	93,0	81,2	80,6
ненцы	179,2	146,6	129,0	265,0	81,8	72,0	88,0	130,3	96,4	79,6	81,9
кеты	179,4	145,5	127,5	263,8	81,1	71,1	87,6	131,7	96,2	78,9	81,1
хакасы бельгьры	176,2	146,0	130,9	263,6	82,9	74,3	89,7	127,5	96,1	81,6	83,4
хакасы кызыльцы	178,6	143,8	131,9	264,5	80,5	73,9	91,7	129,7	93,7	82,3	82,1
тофалары	186,2	150,2	129,5	272,0	80,7	69,5	86,2	133,5	96,7	77,4	80,2
калмыки	185,1	148,4	130,3	270,7	80,2	70,4	87,8	133,1	95,6	78,6	80,4
долганы	176,3	147,3	125,0	261,5	83,6	70,9	84,9	129,9	99,2	77,6	82,3
юкагиры	183,3	143,8	129,6	266,6	78,5	70,7	90,1	134,3	93,3	79,8	79,6
эвенки	185,5	145,7	126,3	267,6	78,5	68,1	86,7	136,7	95,2	76,8	78,4
негидальцы	180,9	145,6	130,4	266,3	80,5	72,1	89,6	131,3	94,8	80,3	81,3
число	18	18	18	18	18	18	18	18	18	18	18
средняя	179,99	144,96	129,41	264,89	80,55	71,92	89,29	131,43	95,00	80,13	81,23
сигма	3,20	2,21	1,96	2,96	1,33	1,78	2,10	2,30	1,54	1,82	1,24
ошибка	0,75	0,52	0,46	0,70	0,31	0,42	0,49	0,54	0,36	0,43	0,29
вариация	1,78	1,53	1,52	1,12	1,65	2,47	2,35	1,75	1,63	2,27	1,53

Средняя межгрупповая величина черепной коробки (признак ОРВ) здесь по мировому масштабу средняя, но приближается к большой. Из трёх основных диаметров черепа в межгрупповом отношении наименее варибельным оказался его продольный диаметр. Стандартное отклонение его средней величины $\sigma = 2,65$, а коэффициент вариации – 1,47. Наиболее вариабелен широтный диаметр ($\sigma = 4,04$, а коэффициент вариации = 2,79). Изменчивость высотного диаметра здесь занимает промежуточное положение. По форме черепа здесь преобладает брахикрания (29 серий), хотя одна серия из 52-х долихокранная, а 22 – мезокранных. По обобщённым указателям формы в целом, здесь наблюдается следующая картина: указатель долихоидности имеет среднюю величину (УД=130,93), указатель брахиоидности – большую (УБ=93,99), а указатель гипсиоидности – малую (УГ=81,35). По этим краниологическим признакам этот массив серий, как целое, следует отнести к панойку-менному краниотипу голарктидов.

По данным таблицы 1 построена дендрограмма взаимных расстояний между сериями с учётом величин всех 11 признаков (рис. 1).

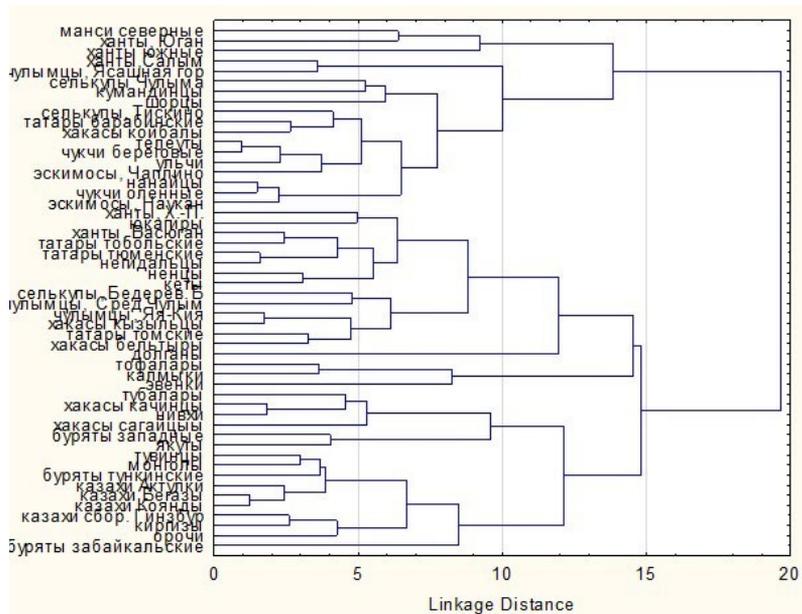

Рис.1. Дендрограмма расстояний между краниосериями северных монголоидов по 11 признакам размера и формы черепной коробки.

Здесь чётко выделяются три кластера-фракции (счёт идёт сверху): 1-й кластер (18 серий), 2-ой (18 серий) и 3-ий (16 серий). Краниологические характеристики их представлены в таблицах 2, 3 и 4, соответственно.

В этот кластер попадает основной массив краниосерий территории Западной Сибири: серия манси, 3 из 5 серий хантов, 2 из 3 серий селькупов, одна из трёх серий чулымцев, серия шорцев, 2 из трёх серий алтайцев, одна из 4 серий западносибирских татар. Кроме этого, сюда входит одна из 5 серий хакасов (доминирующих в Минусинской котловине Восточной Сибири) и, что совсем неожиданно, краниосерии территории Дальнего Востока: серии ульчей и нанайцев Хабаровского края, чукчи (2 серии) и эскимосы (2 серии) с территории крайнего северо-востока нашей страны.

Из 18 серий этого кластера нет ни одной брахикранной, что *противоречит отнесению серий этого кластера к краниотипу типичных пацифидов*.

Ниже представлены данные краниосерий, входящих во второй кластер нашей дендрограммы.

Здесь представлены серии населения Западной Сибири, не вошедшие в 1-й кластер дендрограммы. Кроме них здесь представлены: серии кетов, ненцев, долган, юкагиров, эвенков, две серии хакасов, тофалары с территории Восточной Сибири, а также калмыков и одна дальневосточная серия негидальцев. Как видно, эти краниосери занимают не только часть территории Западной Сибири, но также и часть Восточной Сибири. При этом сюда попадают наиболее северные из изученных серий: ненцы, долганы, юкагиры. Здесь 5 краниосерий мезокранные, остальные 13 – брахикранные.

В таблице 4 даны краниологические характеристики серий 3-его кластера дендрограммы.

В таблице 4 представлены: серия тубаларов, две серии хакасов, все серии центральноазиатской расы (буряты, монголы, тувинцы), серия якутов (недавних выходцев из Центральной Азии), все четыре серии казахов, а также две дальневосточные серии орочей и нивхов. Обращает внимание, что за исключением серии тубаларов (северный Алтай) и двух дальневосточных серий, все остальные названные здесь принадлежат кочевникам, коневодам Великой евразийской степи. Здесь все 16 серий брахикранные.

В следующей таблице 5 сравниваются величины всех 11 параметров трёх кластеров со всем массивом изучаемых краниосерий, а также кластеров между собой.

Достоверность различия изучаемых величин рассчитывалась по t-критерию Стьюдента согласно методике учебника по биометрии Н.А. Плохинского (*Плохинский 1961*). Достоверность различия отмечалась символом *.

Согласно данным этой таблицы наименьшее отличие от всего массива краниосерий показал второй, выделенный нами кластер: недостоверны отличия по 7, достоверны по 4 из 11 наличных признаков. У первого и третьего кластеров наоборот недостоверны различия 4 признакам, достоверны по 7. Таким образом, серии второго кластера (как целое) определённно значительно более сходны с общей характеристикой всего массива изучаемых серий, чем серии двух других кластеров (первого и третьего).

Серии первого кластера самые удлинённые абсолютно (продольный диаметр равен 181,9 мм) и по форме (черепной указатель = 77,6, а УД=132,5). Они же абсолютно (высота от базиона =133,6) и относительно (УГ= 83,3) самые высокосводные. Степень сферичности черепной коробки здесь минимальна (СС=80,48).

Серии второго кластера наименьшие по размеру черепной коробки (ОРВ =264,9), самые низкие абсолютно (129,4 мм) и относительно (УГ=80,13).

Серии третьего кластера наиболее крупноголовые (ОРВ=269,5). По мировому масштабу по нашей рубрикации – это большая величина (у двух других кластеров средняя). Для этой фракции характерна наибольшая абсолютная (149,6 мм) и относительная (УБ=96,7) черепной коробки. Здесь все серии брахикранные и степень сферичности максимальна (СС=82,85).

Таблица 4

Краниологическая характеристика 3 кластера краниосерий северных монголоидов

серии	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
тубалары	180,2	147,3	136,0	269,6	81,7	75,5	92,3	127,3	94,1	83,5	83,4
хакасы сагайцы	177,5	148,0	133,8	267,0	83,4	75,4	90,4	126,1	96,0	82,6	84,2
хакасы качинцы	181,0	147,7	133,4	269,0	81,6	73,7	90,3	128,9	95,1	81,6	82,6
тувинцы	183,3	150,6	131,0	271,0	82,2	71,5	87,0	130,5	97,2	78,8	81,8
буряты западные	183,6	147,5	135,4	271,7	80,3	73,7	91,8	129,9	93,6	82,3	82,0
буряты тункинские	181,7	150,3	132,6	270,5	82,7	73,0	88,2	128,7	96,8	80,2	82,8
буряты забайкальские	181,9	154,6	131,9	272,7	85,0	72,5	85,3	127,4	99,8	78,7	83,7
монголы	182,2	149,0	131,1	269,4	81,8	72,0	88,0	130,4	96,4	79,6	81,9
якуты	185,8	148,6	136,8	274,4	80,0	73,6	92,1	130,3	93,2	82,3	81,7
казахи Актулки	181,5	150,7	130,1	269,4	83,0	71,7	86,3	129,6	98,1	78,7	82,4
казахи Бегазы	180,9	150,9	131,1	269,6	83,4	72,5	86,9	128,6	98,0	79,3	82,9
казахи Коянды	180,7	151,6	131,2	269,9	83,9	72,6	86,5	128,1	98,5	79,3	83,2
казахи сбор. Гинзбург	178,4	150,1	128,9	266,4	84,1	72,3	85,9	128,3	99,0	78,8	83,2
киргизы	179,2	149,5	130,1	267,2	83,4	72,6	87,0	128,5	97,9	79,5	83,0
орочи	177,0	148,9	130,8	265,7	84,1	73,9	87,8	126,8	97,9	80,6	83,9
нивхи	179,9	147,8	133,5	268,4	82,2	74,2	90,3	128,1	95,4	81,9	83,1
число	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16
средняя	180,93	149,57	132,36	269,50	82,68	73,16	88,52	128,60	96,68	80,47	82,85
сигма	2,28	1,91	2,28	2,31	1,39	1,20	2,34	1,30	1,97	1,63	0,75
ошибка	0,57	0,48	0,57	0,58	0,35	0,30	0,58	0,33	0,49	0,41	0,19
вариация	1,26	1,28	1,72	0,86	1,68	1,64	2,64	1,01	2,04	2,03	0,90

Таблица 5

Различия между объединением всех серий и тремя кластерами северных монголоидов

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Все серии (n=52)	180,94	145,08	131,75	266,71	80,20	72,83	90,89	130,93	93,99	81,35	81,47
1 кластер (n=18)	181,92	141,21	133,57	266,2	77,63	73,43	94,60	132,5	90,6	83,34	80,48
2 кластер (n=18)	179,99	144,96	129,41	264,9	80,55	71,92	89,3	131,4	95	80,13	81,23
3 кластер (n=16)	180,93	149,57	132,36	269,5	82,68	73,16	88,5	128,6	96,68	80,47	82,85
Разность: все и 1 кл.	0,98	3,87	1,82	0,51	2,57	0,60	3,71	0,47	3,39	1,99	0,99
достоверность	нет	***	*	нет	***	нет	***	нет	***	**	*
Разность: все и 2 кл.	0,96	0,12	2,35	1,83	0,36	0,91	1,60	0,49	1,01	1,21	0,23
достоверность	нет	нет	***	*	нет	нет	*	нет	нет	*	нет
Разность: все и 3 кл.	0,01	4,49	0,60	2,79	2,48	0,33	2,37	2,33	2,68	0,88	1,38
достоверность	нет	***	нет	**	***	нет	**	***	***	нет	***
разность 1 кл. и 2 кл.	1,93	3,76	4,16	1,35	2,92	1,51	5,30	1,09	4,40	3,21	0,76
достоверность	*	***	***	нет	***	*	***	нет	***	***	нет
разность 1 кл. и 3 кл.	0,99	8,36	1,21	3,26	5,05	0,27	6,08	3,91	6,08	2,87	2,37
достоверность	нет	***	нет	**	***	нет	***	***	***	***	***
разность 2 кл. и 3 кл.	0,94	4,61	2,95	4,61	2,13	1,24	0,78	2,83	1,68	0,33	1,61
достоверность	нет	***	***	***	***	*	нет	***	*	нет	***

Примечание. * – различие достоверно на 95% уровне значимости, ** – на 99% уровне, *** – на 99,9% уровне.

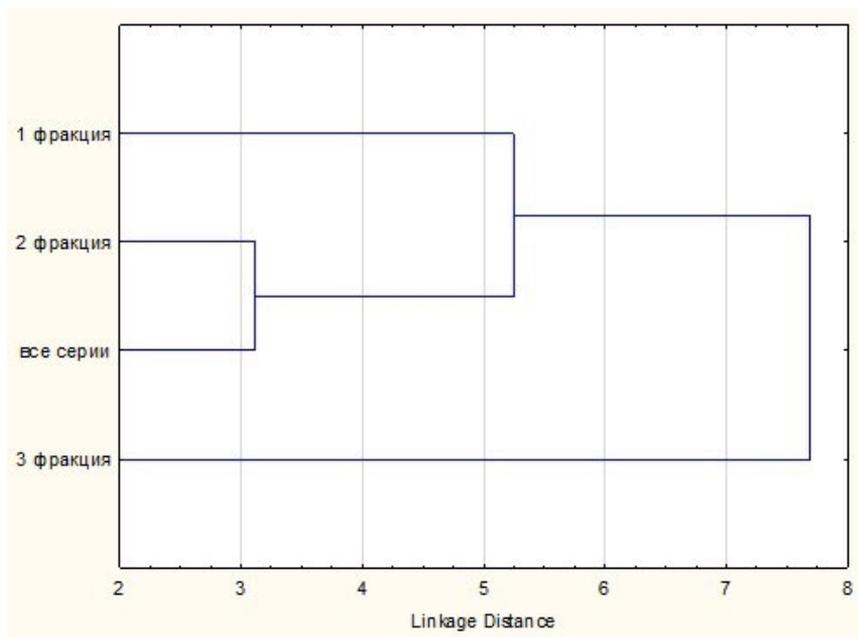

Рис. 2. Кластеризация по признакам величины черепной коробки.

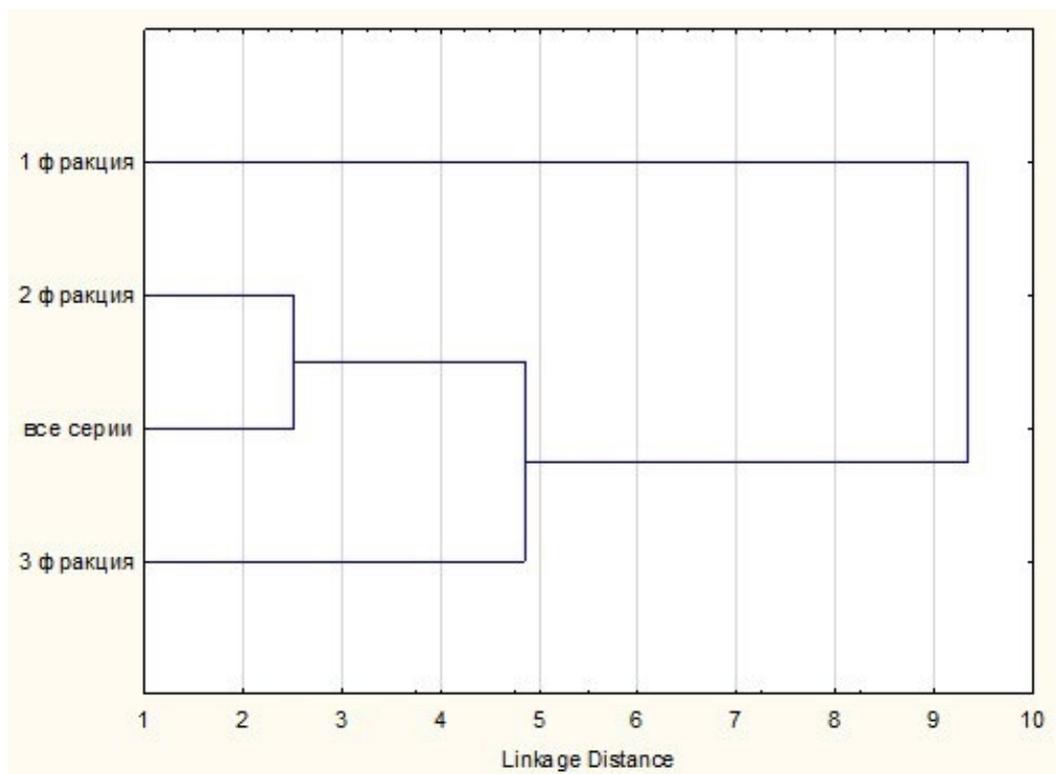

Рис. 3. Кластеризация по признакам формы черепной коробки.

В двух ниже приведённых дендрограммах (рис.2 и рис.3) показаны таксономические расстояния трёх наших кластеров между собой и с массивом всех изучаемых краниосерий.

Как и следовало ожидать, вторая фракция почти в два с половиной раза ближе к общему массиву, чем первая и почти в четыре раза чем третья. Третья фракция выделяется в основном благодаря большой абсолютной величине черепа и наибольшей величине поперечного диаметра, входящих в неё серий. Первая фракция выделяется наибольшей длиной и высотой черепа.

Здесь в наибольшем отдалении оказались серии первой фракции. Они более чем в 3,5 раза дальше отстоят от общего массива серий, чем серии второй фракции. Серии третьей фракции лишь в два с небольшим отстоят дальше от общего массива, чем серии второй фракции.

Исходя из приведённого сравнительного анализа, можно считать, что вся совокупность изучаемого материала (52 серии) как целого и по абсолютным размерам, и по форме черепа наиболее близка к краниосериям второго кластера. К тому же эти серии занимают обширную область в центре изучаемого региона. Краниосерии 1-го и 3-его кластеров как бы окаймляют этот центр с запада (западносибирские группы), востока (серии Хабаровского края и Чукотки) и юга (серии кочевых этносов Южной Сибири и Казахстана).

Итак, можно обоснованно предположить, что именно краниосерии второго нашего кластера были исходным краниотипом изучаемого региона. Облик других краниосерий, вероятно, сформировался в результате метисации внешних периферических популяций с представителями этого исходного краниотипа.

Однако, можно аргументировано отстаивать и другой вариант краниологической эволюции популяций изучаемого обширного региона.

Если исходить из номогенетического принципа эволюционного изменения биологических признаков вида (*Берг 1977*), то необходимо представить какой-либо важный ведущий признак, имеющий выраженную хронологически направленную изменчивость. Таковым здесь может быть степень сферичности черепной коробки (СС). В нашей более ранней работе (*Пестряков 1991*) была показана диахронная изменчивость этого признака в двух обширных регионах Старого Света (Европа и Восточная Азия) от верхнего палеолита до современности. На территории Европы за этот период величина признака СС увеличилась от 76,6 до 81,9, а в Восточной Азии от 75,7 до 82,2. Причём особенно интенсивно этот процесс шёл в последнее тысячелетие.

В настоящей работе мы не анализируем диахронную изменчивость этого признака на изучаемой территории Северной Азии. Для этого необходимо провести объёмное исследование, выходящее за рамки задачи, обозначенной в наименовании статьи. Однако мы можем воспользоваться данными по изменению краниологических характеристик населения Восточной Европы, региона соседнего с территорией Северной Азии (*Веселовская, Григорьева, Пестряков, Рассказова 2005*). В этой статье сравнивались краниологические характеристики 25-ти серий раннесредневековых восточных славян с 23-мя сериями русских Нового времени, наиболее вероятных потомков этих славян. Хронологический разрыв между ними чуть более половины тысячелетия. В таблице 6 даны средние межгрупповые величины 11 признаков этих объединений и статистическая достоверность различия между ними. В этой же таблицы представлены краниологические характеристики двух наших синхронных объединений сибирских краниосерий (кластер 1 и кластер 2) и достоверность различия между ними.

Таблица 6

Сравнение краниологических характеристик серий славян с сериями русских и серий 1 и 2 кластеров изучаемого региона

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Вост. славяне (n=25)	185,0	137,5	135,7	267,6	74,3	73,5	98,4	135,5	86,9	85,2	78,8
Русские (n=23)	178,3	143,6	134,6	265,5	80,6	75,5	93,7	128,4	92,7	84,1	82,8
Достовер. различия	***	***	*	*	***	***	***	***	***	**	***
1 кластер (n=18)	181,9	141,2	133,6	266,2	77,6	73,4	94,6	132,5	90,6	83,3	80,5
2 кластер (n=18)	180,0	145,0	129,4	264,9	80,6	71,9	89,3	131,4	95,0	80,1	81,2
Достовер. различия	*	***	***	Нет	***	*	***	нет	***	***	нет

Примечание. * – различие достоверно на 95% уровне значимости, ** – на 99% уровне, *** – на 99,9% уровне.

Из этой таблицы хорошо видно сходство отличий краниосерий восточных славян с русскими сериями, с одной стороны, и отличий 1 кластера с 2 кластером, изучаемого здесь региона Северной Азии, с другой стороны.

Между восточными славянами и русскими сериями различие достоверно по всем используемым краниологическим признакам, правда, с разной степенью достоверности (см. третью строку таблицы 6). Продольный и высотный диаметры черепа у славян больше, чем у русских, но поперечный диаметр меньше. Общая величина черепной коробки у славян несколько больше. Русские – умеренные брахикраны, славяне – выраженные долихокраны. Славяне по форме черепа более долихоидные и гипсиоидные, чем русские, последние более брахиоидные. Наконец, степень сферичности у русских значительно более выражена, чем у славян (82,8 против 78,8).

При сравнении характеристик 1-го и 2-го кластеров сибирских серий почти полностью повторяются те же отличия, что обнаружены при сравнении славян и русских. При этом на месте славян оказывается выделенный нами первый кластер, на месте русских – второй. Однако, следует сказать, что отличия величин трёх параметров (ОРВ, УД, СС) между этими кластерами достоверны не всегда. Хотя их изменения идут в том же направлении, что и при сравнении восточных славян с русскими.

Исходя из этого, следует предположить, что в Северной Азии идёт процесс изменения краниологического облика населения в сторону усиления типичных свойств голарктидов (брахикефализация, абсолютное и относительное уменьшение длины и высоты черепной коробки, при таком же увеличении её ширины, увеличение сферичности черепа), подобно такому же процессу, который в Восточной Европе среди славянского населения в этом направлении зашёл заметно дальше.

Выводы

1. Краниологические серии северных монголоидов в целом представляют собой панойкуменный краниотип голарктидов, характеризующихся по мировым масштабам средней величиной черепной коробки, по форме среднеудлиненной, широкой и низкосводной.
2. Исследованные по 11 метрическим признакам, 52 краниосерии изучаемого региона довольно чётко разбиваются на три различных кластера, имеющих довольно выраженную территориальную приуроченность. Первый кластер окаймляет регион с запада (большинство серий Западной Сибири) и с востока (большинство серий Хабаровского края и Чукотки). Третий кластер состоит в подавляющем большинстве кочевых степных групп Южной Сибири и Казахстана. Серии второго кластера занимают срединное положение (центр и север Восточной Сибири).
3. Серии этих кластеров по большинству изучаемых признаков достоверно отличаются друг от друга. Серии третьего кластера наиболее крупноголовые, абсолютно и относительно наиболее широкоголовые, по форме менее удлиненные и наиболее сферичные. У них наиболее выражен краниологический облик голарктидов. Менее всего он выражен у краниосерий первого кластера, мезокранных, абсолютно и относительно наиболее удлиненных и высокосводных, наименее сферичных. Краниосерии второго кластера, самые малоголовые, по большинству параметров формы занимают промежуточное положение между первым и третьим кластерами. Их характеристические особенности, вероятно, проявились в результате хронологических изменений краниосерий типа первого кластера.
4. Анализ диахронной изменчивости краниотипов Северной Азии, и ее причины требует дальнейшего исследования, опирающегося на краниологические данные серий, более ранних периодов истории этого региона.

Научная литература

- Алексеев В.П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. 1960а. Т. IV. С. 269–364.
- Алексеев В.П.* Материалы к палеоантропологии западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1960б. Т. I. С. 284–316.
- Алексеев В.П.* К краниологии тофаларов // Вопросы антропологии. М.: Издательство Московского Университета, 1960. Вып. 5. С. 122–132.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. С. 208.
- Багашиёв А.Н.* Краниологический тип нижнеиртышских хантов. // Обские угры: ханты и манси. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 29–37.
- Багашиёв А.Н.* Краниологический тип пелымских манси. // ВААЭ, 1999. Вып. 2. С. 69–77.
- Багашиёв А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. С. 374.
- Берг Л.С.* Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. // Труды по теории эволюции. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1977. С. 95–311.
- Бунак В.В.* Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Русский антропологический журнал, 1922. Т.12, Кн. 1–2. С. 20–56.
- Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., Рассказова А.В.* Краниологическая изменчивость населения Восточной и Центральной Европы от средневековья до современности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М., 2015. № 1 С. 4–24.

- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. С. 372.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды северо-восточной экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Дрёмов В.А. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: ханты и манси. – Ин-т этнологии и антропологии РАН, М., 1991а. С. 10–28.
- Дрёмов В.А. Краниометрия // Тюрки таёжного Причулымья. Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1991б. С. 166–169.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата: Изд-во Наука. Казахская ССР, 1970. С. 240.
- Ким А.Р. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1978а. С. 208–216.
- Ким А.Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1984. С. 180–195.
- Ким А.Р. Материалы к краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1978б. С. 151–163.
- Миклашевская Н.Н. Краниология киргизов. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, 1959. Т. II. С. 266–294.
- Пестряков А.П. Хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа как показатель единства морфологической эволюции человечества. // Расы и расизм. История и современность. М.: Наука, 1991. С. 29–59.
- Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса. // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения. // Расы и народы. Ежегодник, Вып. 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.
- Плохинский Н.А. Биометрия. Новосибирск: изд-во СО АН СССР, 1961.
- Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ, 1956. Т. 33. С. 340–373.
- Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // Сборник МАЭ, 1980. Т. XXXVI. С. 121–129.
- Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ, нов. сер., М., 1947. Т. II. С. 24–83.
- Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. ТИЭ, нов. сер., М., 1951. Т. 16. С. 231–322.
- Pestriakov Aleksander P., Olga M. Grigoryeva, and Yulia V. Pelenitsyna*

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/274-291

Craniometric differentiation of the large Mongoloid race. Part 1. Northern Mongoloids

52 modern cranial samples of northern Mongoloids from Western and Eastern Siberia, the Far East, Central Asia and Kazakhstan were studied (based on the data from published sources). These groups are usually referred to as “continental Mongoloids” according to N. N. Cheboksarov classification. The groups were compared using 11 metric traits describing the size and shape of the skull. The studied samples represent one of the three previously identified world craniotypes, Golarktids. Golarktids have medium-long and wide crania of average size. The cluster analysis revealed three clusters of almost equal size; significant differences in three of the eleven traits were found between the clusters. The first cluster (18 samples) is the most different from the typical appearance of the Golarktids and represents the chronologically earliest stage of Golarktids’ evolutionary development. The other two clusters are represented by the larger-headed and smaller-headed variants of typical eastern Golarktids.

Keywords: *neurocranium, cranial samples, craniotypes, cranial sphericity, evolutionary changes*

For citation: Pestriakov Aleksander P., Olga M. Grigoryeva, and Yulia V. Pelenitsyna. 2021. Craniometric differentiation of the large Mongoloid race. Part 1. Northern Mongoloids. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2 (54): 274–291.

Author Info:

Pestriakov, Aleksander P. – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Grigorieva, Olga M. – PhD in biol., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Pelenitsyna, Yulia V. – student of M.V. Lomonosov Moscow state University (Moscow, Kolmogorova street, 1). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”

References

- Alekseev, V.P. 1960a. Kraniologiya khakasov v svyazi s voprosami ikh proiskhozhdeniya [Craniology of the Khakas in connection with questions of their origin]. *Trudy Kirgizskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* IV: 269–364.
- Alekseev, V.P. 1960b. Materialy k paleoantropologii zapadnoi Tuvy [Materials for the paleoanthropology of Western Tuva]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. V. I: 284–316.
- Alekseev, V.P. 1960. K kraniologii tofalarov [To the craniology of Tofalars]. *Voprosy antropologii* 5: 122–132.
- Alekseev, V.P., and I.I. Gokhman. 1984. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR*. [Anthropology of the Asian part of the USSR], 208. Moscow: Nauka.
- Bagashev, A.N. 1991. Kraniologicheskii tip nizhneirtyshskikh khantov [Craniological type of the Lower Irtysh Khanty]. *Obskie ugry: khanty i mansi*: 29–37.
- Bagashev, A.N. 1999. Kraniologicheskii tip pelymskikh mansi [Craniological type of the Pelym Mansi]. *VAAE* 2: 69–77.
- Bagashev, A.N. 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoi Sibiri*. [Paleoanthropology of Western Siberia] Novosibirsk: Nauka.
- Berg, L.S. 1977. Nomogenez, ili evoliutsiya na osnove zakonomernosti. [*Nomogenesis, or evolution based on regularities*]. *Trudy po teorii evoliutsii*: 95–311. L.: Nauka, Leningradskoe ot-delenie
- Bunak, V.V. 1922. Osnovnye morfologicheskie cherty cherepa cheloveka i ikh evoliutsiya [The main morphological features of the human skull and their evolution]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* 12 (1–2): 20–56.
- Veselovskaia, E.V., O.M. Grigor’eva, A.P. Pestriakov, and A.V. Rasskazova. 2015. Kraniologicheskaya izmenchivost’ naseleniya Vostochnoi i Tsentral’noi Evropy ot srednevekov’ia do sovremennosti. [Craniological variability of the population of Eastern and Central Europe from the Middle Ages to the present.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* 1: 4–24.
- Ginzburg, V.V. 1972. Trofimova T.A. Paleoantropologiya Srednei Azii. [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow: Nauka.

- Debets, G.F. 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti. [Anthropological research in the Kamchatka region]. *Trudy severo-vostochnoi ekspeditsii*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Dremov, V.A. 1991a. Kраниologiia sredneobskikh khantov [Craniology of the Middle Ob Khants]. *Obskie ugry: khanty i mansi*: 10–28. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN
- Dremov, V.A. 1991b. Kраниometriia. [Cranimetry]. *Tiurki taezhnogo Prichulym'ia. Populiatsiia i etnos*, 66–169. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta.
- Ismagulov, O. 1970. *Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti*. [The population of Kazakhstan from the Bronze Age to the present] Alma-Ata: Izd-vo Nauka. Kazakhskaiia SSR.
- Kim, A.R. 1978a. Materialy k kраниologii kyzyl'tsev [Materials for the craniology of the Kyzyls]. *Etnokul'turnye iavleniia v Zapadnoi Sibiri*, 208–216. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta.
- Kim, A.R. 1984. Materialy k kраниologii teleutov [Materials for the craniology of teleutes]. *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri*, 180–195. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta.
- Kim, A.R. 1978b. Materialy k kраниologii shortsev i kumandintsev [Materials for the craniology of the Shors and Kumandins]. *Zapadnaia Sibir' v epokhu srednevekov'ia*, 151–163. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta.
- Miklashevskaiia, N.N. 1959. Kраниologiia kirgizov. [Craniology of the Kyrgyz.]. *Trudy Kirgizskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii II*: 266–294.
- Pestriakov, A.P. 1991. Khronologicheskaiia izmenchivost' total'nykh razmerov i formy mozgovogo cherepa kak pokazatel' edinstva morfologicheskoi evoliutsii chelovechestva. [Chronological variability of the total size and shape of the brain skull as an indicator of the unity of the morphological evolution of mankind]. *Rasy i rasizm. Istoriiia i sovremennost'*, 29–59. Moscow: Nauka.
- Pestriakov, A.P. 1995. Rasy cheloveka v kраниologicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa [Human races in the craniological classification of the tropical population]. *Sovremennaiia antropologiia i genetika i problema ras u cheloveka*, 43–90. Moscow.
- Pestriakov, A.P., and O.M. Grigor'eva. 2004. Kраниologicheskaiia differentsiatsiia sovremennogo naseleniia [Craniological differentiation of the modern population]. *Rasy i narody. Ezhegodnik* 30, 86–131. Moscow: Nauka
- Plokhinskii, N.A. 1961. *Biometriia*. [Biometrics] Novosibirsk: izd-vo SO AN SSSR.
- Rozov, N.S. 1956. Materialy po kраниologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on craniology of Chulym and Selkup]. *TIE* 33: 340–373.
- Tomtosova, L.F. 1980. Novye materialy po kраниologii sovremennykh iakutov [New materials on the craniology of modern Yakuts]. *Sbornik MAE XXXVI*: 121–129.
- Cheboksarov, N.N. 1947. Osnovnye napravleniia rasovoi differentsiatsii v Vostochnoi Azii [Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии]. *TIE*, nov. ser. II: 24–83.
- Cheboksarov, N.N. 1951. Osnovnye printsipy antropologicheskikh klassifikatsii [Basic principles of anthropological classifications]. *Proiskhozhdenie cheloveka i drevneishee rasselenie chelovechestva. TIE*, nov. ser. 16: 231–322.

БИЛАТЕРАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ ДЛИННЫХ КОСТЕЙ СКЕЛЕТА У ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР*

В статье представлены результаты изучения билатеральной асимметрии длинных костей скелета у четырёх групп тоболо-иртышских татар: аялыньских, тобольских, тюменских и коурдакско-саргатских татар. Для каждой группы мужчин и женщин была рассчитаны коэффициенты асимметрии (использовалась формула $R-L$), процентное соотношение которых показывает, что наиболее симметричная скелетная система у аялыньских татар, а самая асимметричная у коурдакско-саргатских татар. При анализе коэффициентов асимметрии отдельных костей, было выявлено, что во всех исследуемых группах у мужчин и женщин самой асимметричной костью является плечевая кость. Анализ коэффициентов асимметрии по отдельным признакам показал, что во всех группах наибольшей асимметрией отличаются продольные диаметры костей верхних конечностей. Левосторонняя асимметрия в группах тоболо-иртышских татар в основном характерна для признаков костей нижних конечностей как у мужчин, так и у женщин. Закономерности в половом распределении коэффициентов асимметрии в группах тоболо-иртышских татар выявлены не были. Для наглядности изменчивости коэффициентов асимметрии для мужских и женских групп тоболо-иртышских татар были построены комбинационные полигоны, форма которых показала, что наиболее схожи между собой мужчины тобольских и коурдакско-саргатских татар, а аялыньские и тюменские татары заметно отличаются как от этих групп, так и между собой. Формы комбинационных полигонов женских серий тоболо-иртышских татар не обнаруживают видимого сходства между собой. Таким образом, выявленные различия в асимметрии скелетной системы этно-территориальных групп тоболо-иртышских татар, возможно, связаны с хозяйственным укладом жизни татар, который, ввиду различной территории расселения тех или иных этно-территориальных групп, заметно отличался.

Ключевые слова: физическая антропология, билатеральная асимметрия, тоболо-иртышские татары

Ссылка при цитировании: Дедик А.В. Билатеральная асимметрия длинных костей скелета у тоболо-иртышских татар // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 292–310.

Дедик Алена Владимировна – специалист Лаборатории археологии Енисейской Сибири, Гуманитарный институт СФУ (г. Красноярск, Свободный просп., 82А). Эл. почта: ejava.ru@mail.ru

* Статья представляет собой расширенную версию доклада, прозвучавшего на V Молодёжной антропологической конференции «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы», 25–28 марта 2019 г. в Москве

Введение

Настоящая статья посвящена изучению флуктуирующей и направленной асимметрии по классификации, предложенной *Van Valen* в 1962 (*Van Valen* 1962) длинных костей посткраниального скелета тоболо-иртышских татар. Прежде чем перейти к конкретному исследованию, следует остановиться на некоторых терминологических моментах. Исходя из классификации (*Van Valen* 1962), при *флуктуирующей асимметрии* мы имеем дело с незначительными, ненаправленными отклонениями от строгой билатеральной симметрии. *Направленная асимметрия* человека проявляет свойства, определяемые генотипом (поэтому используется меньше в целях биоиндикации), но она также связана с функциональной асимметрией человека. При изучении палеопопуляций человека значительное внимание уделяется именно изучению показателей направленной и флуктуирующей асимметрий. Из выделяемых основных видов функциональной асимметрии, моторной, сенсорной и психической (*Брагина, Доброхотова* 1981: 11) палеоантрополога наиболее интересует моторная. Поскольку направленная асимметрия длинных костей может формироваться в результате функциональной адаптации организма к механическим факторам, также зависимость между направленной асимметрией и механическим стрессом костей конечностей может быть использована при изучении физических нагрузок в палеопопуляциях в связи с их хозяйственным укладом, а также гендерным разделением труда (*Тур* 2014: 142).

2 (54) Значения флуктуирующей асимметрии, имеющей незначительные отклонения, могут быть достаточно малы, а если в организме присутствует направленная асимметрия, то оценить (измерить) флуктуирующую асимметрию методически практически невозможно (*Palmer* 2004). Поэтому проявление флуктуирующей асимметрии в большинстве случаев изучают именно на одонтологических и краниологических останках (*Тур* 2014). К примеру, показатели флуктуирующей асимметрии на зубах широко используются в качестве индикатора средового воздействия на индивидуумов в популяции (*Худавердян* 2014: 227). Считается, что чем сильнее негативное (стрессовое) воздействие, тем больше величина флуктуирующей асимметрии как в природных популяциях, так и в контролируемых лабораторных группах особей. Однако стоит отметить, что данная закономерность не всегда подтверждается эмпирическими данными (*Зорина* 2012: 25).

Асимметрия каких-либо структур организма, отдельных признаков или их комплекса оценивается на определенной стадии развития. Однако в зависимости от возраста или стадии морфогенеза величина и изменчивость многих признаков со временем не остаются постоянными и могут значительно меняться (*Зорина* 2014: 31).

На сегодняшний день количество публикаций и объем накопленных данных явно недостаточны для полноценного использования критерии асимметрии, как маркера экологических стрессов, особенно на костях посткраниального скелета. Количество публикаций, в которых обсуждаются проблемы асимметрии, несомненно, растет с каждым днем, однако работ, посвященных анализу показателей асимметрии на палеоантропологических останках не так много.

Цель данной работы – выявить и сравнить билатеральную асимметрию длинных костей скелета у тоболо-иртышских татар.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- проанализировать отечественные работы и выявить основные тенденции раз-

- вития изучения показателей асимметрии на палеоантропологических останках;
- вычислить показатели асимметрии в четырёх этно-территориальных группах тоболо-иртышских татар;
 - сравнить полученные показатели с целью выявления сходства и различий.

В ранних отечественных работах по асимметрии длинных костей исследователи уделяли внимание только продольным размерам костей тех или иных популяций, другие размеры оставались без учета и анализа (см. к примеру: *Рождественский* 1929; *Гинзбург* 1947). В 1960 г. вышла работа В.Г. Властовского по асимметрии скелета конечностей человека, в которой автор впервые провел сравнительное исследование остеологической серии русских с сериями скелетов лесной куницы и серебристо-черной лисицы. В анализ вошли как продольные размеры, так и широтные размеры у эпифизов и диафизов (*Властовский* 1960). В работе автор подтверждает наличие у человека хорошо выраженной правосторонней асимметрии руки и перекрестной – у обеих конечностей: правая рука – левая нога. На основе результатов сравнения скелетов человека и животных автор подчеркивает, что следует различать морфологическую и функциональную асимметрию. Функциональная асимметрия приобретение чисто человеческое, а морфологическая унаследована человеком от животных предков (*Властовский* 1960: 10–11).

Следующие работы вышли только в 1990-ых гг. по асимметрии лицевого отдела черепа человека (*Ан* 1993; 1999). К сожалению, данная тема не получила дальнейшего развития среди антропологов, однако тематика асимметрии лицевого скелета человека нашла отражение во многих медицинских работах (см. к примеру: *Николаева* 2007; *Дубовик* 2009 и др.).

В начале 2000-ых снова начинает проявляться интерес к билатеральной асимметрии палеопопуляций. В своей работе Д.В. Пежемский наряду с детальной остеологической характеристикой серии ногайцев XVIII – первой половины XIX в. анализирует и коэффициенты асимметрии длинных костей (*Пежемский* 2003). Помимо особенностей асимметрии, которые присущи данной палеопопуляции, было выявлено определенное сходство ногайцев с выборкой русских, которые, по мнению автора, связаны непосредственно с общебиологическими закономерностями: наибольшая асимметрия плечевых костей, правосторонняя асимметрия верхних конечностей и левосторонняя асимметрия нижних конечностей (*Пежемский* 2003).

Следующие работы по асимметрии длинных конечностей вышли относительно недавно (*Тур* 2014; *Березина* 2017). Авторы в своих работах делают упор на изучение нормальности распределения коэффициентов асимметрии в изучаемых группах, поэтому приведено большое количество различных статистических анализов и их результаты. Однако, к сожалению, Н.Я. Березина не публикует коэффициенты асимметрии, а лишь приводит данные по различным статистическим анализам этих коэффициентов, поэтому серия по раннесредневековому населению Северной Осетии для сравнительного анализа не может быть использована (*Березина* 2017). Несомненным плюсом данных работ является вычисление авторами ошибки измерения, которая, на сегодняшний момент, почти не высчитывается и не анализируется не только в остеологических, но и в краниологических работах.

Флуктуирующий характер асимметрии, как уже было сказано выше, зачастую проявляется именно на зубной системе человека, ввиду малых значений измерительных признаков. В отечественной науке работ по изучению асимметрии одонтологических

серий палеопопуляций совсем немного. Тем не менее было установлено, что флуктуирующая асимметрия зубов человека, наиболее выраженная у древних представителей гоминид, связана с колебаниями пенетрантности и экспрессивности генов в силу целого комплекса причин генетического характера (Зубов, Халдеева 1989: 28). Также имеются работы, в которых исследователи на примерах отдельных общностей пытались выявить связь флуктуирующей асимметрии зубной системы человека с некоторыми показателями физиологического стресса (Худавердян 2014; Бужилова 2017).

По результату обзора работ видим, что тема изучения асимметрии палеопопуляций в отечественной литературе не очень популярна. Данное обстоятельство влечет за собой проблему отсутствия единой методологической базы по изучению асимметрии на скелетных останках человека.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили остеологические коллекции следующих этно-территориальных групп тоболо-иртышских татар.

Аялыньские (тарские) татары. Материалы получены в результате работ на могильнике Чеплярово 27 (XVII–XVIII вв.) в Муромцевском районе Омской области. Памятник был открыт М.А. Корусенко и исследован им в 1999, 2005–2009 гг. (Корусенко 2010).

Данные по *коурдакско-саргатским татарам* получены с территории могильника Тюльчаково (XIX – начало XX в.) в Усть-Ишимском районе Омской области, изученного в 1983 г. А.Н. Багашёвым (Багашёв 1993).

Тобольские татары представлены коллекцией с территории могильника Островной (XIX – начало XX в.), расположенного в Тобольском районе Тюменской области. Памятник открыт, обследован и изучен А.Н. Багашёвым в 1984–1985 гг. (Багашёв 1993).

Материалы по группе *тюменских татар* получены А.Н. Багашёвым в ходе работ на памятнике Юртобор (XIX – начало XX в.) в Ярковском районе Тюменской области в 1985–1986 гг. (Багашёв 1993).

Индивидуальные остеометрические измерения по тобольским, тюменским и коурдакско-саргатским татарам взяты из кандидатской диссертации А.Н. Багашёва (Багашёв 1989). Также по данным группам автором настоящего исследования дополнительно были измерены 7 остеометрических признаков (Humerus №№ признаков 3, 4, 9, 10; Femur №№ 18, 19; Tibia № 1a), которые по различным причинам не были включены в программу измерения А.Н. Багашёва. Группа аялыньских татар представлена неопубликованными данными автора настоящей статьи.

Методы исследования. Изучение изменчивости скелетной системы проведено при помощи вычисления и анализа коэффициентов асимметрии, которые представляют собой среднее арифметическое разности индивидуальных значений по каждому отдельному признаку. На сегодняшний момент в литературе встречаются несколько основных формул для вычисления значения асимметрии:

- R-L – формула, при которой из величины размера правой стороны вычитается соответствующая величина левой стороны (Гинзбург 1947; Властовский 1960; Пежемский 2003);
- L-R – разность между измерениями левой и правой сторон признака (Березина 2017);

- $[(R-L)/0,5*(R+L)]*100$ – разность измерений признака справа и слева, деленная на полусумму тех же измерений, умноженная на 100 (Тур 2014).

При работе автором статьи была использована формула R-L. Стоит отметить, что зачастую выбор формулы зависит от методики, применяемой авторами в тех работах, которые используются в качестве сравнительного материала.

При вычислении коэффициентов асимметрии обязательно учитывался знак, поскольку отрицательные значения коэффициентов характеризуют левостороннюю асимметрию. В качестве значимых рассматривались коэффициенты, величина которых $\geq 0,5$. Из статистических параметров было вычислено и проанализировано стандартное отклонение (сигма) серий. Для проверки достоверности различий между коэффициентами асимметрии в изучаемых и сравниваемых сериях использовался t-критерий Стьюдента, рассчитанный в программе Microsoft Excel 2010. С целью выявления взаимосвязей между коэффициентами асимметрии был проведен корреляционный анализ в программе Statistica 10.0. Для наглядности изменчивости коэффициентов асимметрии были построены полигоны. За основу был введен такой параметр как общая асимметричность класса кости, который равен сумме средних значений коэффициентов асимметрии всех признаков каждой кости (плечевая, лучевая, локтевая, бедренная и большая берцовая кость).

Результаты и их обсуждение

В таблицах 1–4 представлены коэффициенты асимметрии длинных костей скелета всех мужских и женских групп тоболо-иртышских татар.

Таблица 1

Коэффициенты асимметрии длинных костей скелета аялыных татар (могильник Чеплярово 27)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	22	3,0	1,82	10	2,7	1,20
2. Вся длина	22	3,1	0,82	10	2,6	0,30
3. Верх. эпифиз. ширина	22	1,8	0,05	10	1,5	0,80
4. Ниж. эпифиз. ширина	20	2,2	-0,50	12	2,5	-0,58
5. Наиб. Ø сер. диафиза	24	0,8	0,03	14	1,1	-0,02
6. Наим. Ø сер. диафиза	24	0,5	-0,07	14	0,6	0,24
7. Наим. окруж. диафиза	24	1,1	-0,08	15	1,9	0,13
9. Наиб. ширина головки	16	1,2	0,00	6	0,6	0,00
10. Верт. диаметр головки	20	1,0	-0,19	7	0,4	0,83
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	18	3,2	0,11	11	2,8	-0,36
2. Физиологич. длина	22	2,5	0,32	13	3,3	0,08
4. Попер. Ø диафиза	23	1,1	-0,01	13	1,4	0,75

Таблица 1 (продолжить)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
Плечевая кость						
5. Сагитт. Ø диафиза	23	0,5	-0,13	13	0,5	0,20
3. Наим. окружн. диафиза	23	1,4	0,65	15	1,6	0,67
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	10	3,1	0,00	2	–	1,50
2. Физиологич. длина	16	3,8	1,69	6	4,0	0,33
11. Сагитт. Ø диафиза	24	1,3	-0,30	11	0,8	0,39
12. Попер. Ø диафиза	23	1,4	-0,21	11	0,6	0,55
13. Верх. попер. Ø	24	1,4	-0,49	12	0,9	-0,05
14. Верх. сагитт. Ø	24	1,8	-0,20	13	1,1	-0,34
3. Наим. окружн. диафиза	23	1,4	-0,17	12	1,8	1,00
Ключица						
1. Наибольшая длина	14	2,6	-2,07	4	–	-0,50
6. Окружн. сер. диафиза	24	1,4	0,79	14	1,4	-0,36
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	24	3,1	-0,08	17	2,7	-0,94
2. Длина в ест. положении	23	4,0	-1,22	17	2,4	-0,88
21. Мышцелковая ширина	15	1,1	0,00	4	–	0,75
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	24	1,2	0,28	17	1,6	-0,23
7. Попер. Ø сер. диафиза	24	0,8	-0,10	17	1,6	-0,28
9. Верх. попер. Ø диафиза	24	1,3	-0,34	16	1,1	-0,08
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	24	1,5	-0,57	15	0,8	-0,12
8. Окружн. сер. диафиза	24	1,4	-0,04	16	1,3	0,31
18. Верт. диаметр головки	24	0,6	-0,02	14	0,5	0,43
19. Ширина головки	23	0,9	0,15	13	0,8	0,42
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	21	2,7	0,38	13	3,4	-0,23
1а. Наибольшая длина	22	2,7	0,05	13	3,6	0,23
8а. Верх. сагитт. Ø	24	1,5	-0,61	17	1,5	-0,05
9а. Верх. попер. Ø	24	0,9	-0,10	17	0,9	-0,01
10б. Окружн. сер. диафиза	23	1,0	0,04	17	0,9	0,29
Малая берцовая кость						
1. Наибольшая длина	13	3,1	-0,08	6	2,9	-0,33
4а. Наим. окружность	18	1,6	0,33	13	0,5	0,06

* Примечание: жирным шрифтом выделены повышенные коэффициенты асимметрии, величина которых $\geq 0,5$.

На сегодняшний момент ввиду отсутствия систематического изучения билатеральной асимметрии в палеопопуляциях, каких-либо математических методов, позволяющих оценить размах изменчивости коэффициентов асимметрии не существует. Поскольку коэффициенты асимметрии обладают большой индивидуальной изменчивостью, то вычисление и анализ коэффициентов вариации не будут адекватно отражать характер изменчивости. Стандартное отклонение (сигма) может быть посчитано, однако ввиду отсутствия данных по асимметрии разных серий размах сигмы нам неизвестен. Поэтому в сложившейся ситуации можно анализировать сигмы между исследуемыми группами.

По итогам анализа стандартных отклонений было установлено, что величины сигмы во всех группах тоболо-иртышских татар разделились на две группы: в первую попадают более повышенные коэффициенты асимметрии продольных размеров, а во вторую – менее повышенные коэффициенты поперечных размеров (см. таблица 1–4). Анализ также выявил, что женщины тюменских татар имеют самые высокие сигмы по сравнению с другими женскими группами тоболо-иртышских татар. Каких-либо других отличий по результатам анализа стандартных отклонений между изучаемыми группами обнаружено не было.

Таблица 2

Коэффициенты асимметрии в серии тюменских татар (могильник Юртобор 4а)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
<i>Плечевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	33	4,4	3,88	15	4,2	2,47
2. Вся длина	32	3,6	3,41	15	3,6	2,73
3. Верх. эпифиз. ширина	16	2,1	0,69	8	1,7	0,13
4. Ниж. эпифиз. ширина	21	2,4	0,43	7	3,7	0,14
5. Наиб. Ø сер. диафиза	33	1,0	0,39	15	0,9	0,20
6. Наим. Ø сер. диафиза	33	0,9	0,24	15	0,7	0,00
7. Наим. окруж. диафиза	31	2,0	0,61	15	2,0	0,00
9. Наиб. ширина головки	14	1,6	0,93	6	1,5	-0,33
10. Верт. диаметр головки	15	1,3	0,40	6	1,0	0,17
<i>Лучевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	26	3,1	4,04	12	4,3	3,58
2. Физиологич. длина	26	3,1	2,27	12	2,8	1,58
4. Попер. Ø диафиза	25	1,5	0,88	10	1,7	0,40
5. Сагитт. Ø диафиза	25	1,4	0,28	10	0,9	0,20
3. Наим. окружн. диафиза	27	2,7	0,63	11	2,7	0,36
<i>Локтевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	15	3,9	1,93	8	4,3	0,25
2. Физиологич. длина	16	2,4	1,75	8	3,5	0,50

Таблица 2 (продолжение)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
Плечевая кость						
11. Сагитт. Ø диафиза	27	1,6	0,07	9	0,9	-0,11
12. Попер. Ø диафиза	27	1,7	0,22	9	1,8	-0,11
13. Верх. попер. Ø	28	1,0	-0,04	12	1,7	-0,58
14. Верх. сагитт. Ø	28	1,7	0,11	12	0,8	0,08
3. Наим. окружн. диафиза	23	1,4	0,78	9	1,8	-1,00
Ключица						
1. Наибольшая длина	26	3,0	0,88	12	2,2	0,33
6. Окружн. сер. диафиза	29	2,1	-0,03	14	1,9	-0,64
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	33	3,7	0,30	16	4,5	-0,25
2. Длина в ест. положении	33	3,7	-0,03	16	3,8	-0,63
21. Мыщелковая ширина	32	2,1	-0,22	15	2,5	0,80
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	33	1,3	0,30	16	1,2	0,06
7. Попер. Ø сер. диафиза	33	1,8	0,12	16	1,5	-0,31
9. Верх. попер. Ø диафиза	33	1,2	-0,09	16	2,0	0,00
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	33	0,9	-0,30	16	1,0	0,00
8. Окружн. сер. диафиза	33	4,0	0,79	16	2,8	-0,31
18. Верт. диаметр головки	22	0,9	0,32	11	0,9	0,45
19. Ширина головки	19	1,0	1,16	8	1,2	0,38
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	32	3,1	-1,03	16	3,0	-0,19
1а. Наибольшая длина	25	3,0	0,32	12	1,1	1,75
8а. Верх. сагитт. Ø	30	1,3	-0,13	16	1,3	0,50
9а. Верх. попер. Ø	30	1,0	0,17	16	0,9	0,25
10b. Окружн. сер. диафиза	30	3,3	-0,17	15	2,5	1,00
Малая берцовая кость						
1. Наибольшая длина	15	3,8	1,13	9	2,5	1,11
4а. Наим. окружность	22	1,8	0,18	10	0,9	0,80

Процентные соотношения коэффициентов асимметрии показывают, что группой с наиболее симметричной скелетной системой являются аялыньские татары, у которых в 75% случаев у мужчин и в 70% случаев у женщин отсутствует заметная асимметрия (см. таблица 1). Тобольские татары демонстрируют также небольшие показатели асимметрии (всего 30% у мужчин и 35% у женщин) (таблица 3).

Таблица 3

Коэффициенты асимметрии в серии тобольских татар (могильник Островной)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	19	3,7	2,37	12	2,1	1,83
2. Вся длина	19	3,9	1,26	12	2,9	1,25
3. Верх. эпифиз. ширина	14	1,2	0,29	7	0,8	0,00
4. Ниж. эпифиз. ширина	13	1,5	0,54	11	1,8	-0,09
5. Наиб. Ø сер. диафиза	19	0,8	0,11	12	0,8	0,58
6. Наим. Ø сер. диафиза	19	0,7	0,21	12	0,7	0,50
7. Наим. окруж. диафиза	19	1,6	0,58	12	1,0	0,83
9. Наиб. ширина головки	11	0,8	0,27	2	–	0,50
10. Верт. диаметр головки	13	1,2	0,46	8	0,7	0,25
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	19	1,9	1,32	12	2,6	1,08
2. Физиологич. длина	19	2,1	0,89	12	1,6	1,00
4. Попер. Ø диафиза	19	1,1	-0,05	13	0,8	0,03
5. Сагитт. Ø диафиза	19	0,7	0,21	13	0,4	-0,25
3. Наим. окружн. диафиза	19	1,4	0,26	13	1,2	0,00
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	18	2,9	1,83	9	2,5	1,56
2. Физиологич. длина	18	2,8	1,06	9	5,1	0,11
11. Сагитт. Ø диафиза	18	1,1	0,44	12	0,5	0,25
12. Попер. Ø диафиза	18	1,3	0,06	12	1,0	-0,34
13. Верх. попер. Ø	18	1,5	0,33	12	1,4	0,26
14. Верх. сагитт. Ø	18	1,2	0,22	12	1,5	0,05
3. Наим. окружн. диафиза	18	1,1	-0,39	11	1,0	0,27
Ключица						
1. Наибольшая длина	16	3,7	-1,38	9	3,7	-0,22
6. Окружн. сер. диафиза	17	1,3	0,00	9	2,6	0,56
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	20	3,7	-0,75	12	2,4	-0,33
2. Длина в ест. положении	20	3,3	-0,65	12	4,1	-1,08

Таблица 3 (продолжение)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
21. Мышелковая ширина	20	1,5	-0,05	12	1,1	0,08
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	20	1,1	-0,35	12	0,8	-0,29
7. Попер. Ø сер. диафиза	20	1,0	0,05	12	0,6	0,03
9. Верх. попер. Ø диафиза	20	1,2	-0,25	12	1,3	0,17
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	20	0,8	-0,40	12	1,1	-0,14
8. Окружн. сер. диафиза	20	2,0	-0,15	12	1,6	0,00
18. Верт. диаметр головки	14	0,8	0,00	12	0,9	-0,17
19. Ширина головки	14	0,8	0,43	12	0,7	0,33
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	19	2,6	-0,79	13	2,4	-0,23
1а. Наибольшая длина	16	2,2	0,38	12	2,2	-0,42
8а. Верх. сагитт. Ø	19	1,1	-0,11	13	0,8	-0,96
9а. Верх. попер. Ø	19	1,3	0,21	13	1,1	0,45
10в. Окружн. сер. диафиза	19	1,4	-0,37	13	1,1	-0,77
Малая берцовая кость						
1. Наибольшая длина	14	2,5	-0,14	10	2,7	1,20
4а. Наим. окружность	17	1,6	0,24	13	1,1	-0,46

Наибольший процент значимых коэффициентов асимметрии наблюдается у коурдакско-саргатских татар. В этой группе лишь в 52,5% случаев у мужчин и в 55% случаев у женщин отсутствует заметная асимметрия (таблица 4). Также достаточно высокий процент коэффициентов асимметрии в группе тюменских татар (42,5% у мужчин и 37,5% у женщин) (см. таблица 2).

Таблица 4

**Коэффициенты асимметрии в серии коурдакско-саргатских татар
(могильник Тюльчаково)**

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	27	4,0	1,96	9	3,7	3,33
2. Вся длина	27	4,4	2,04	9	3,2	3,56
3. Верх. эпифиз. ширина	23	1,4	0,96	8	0,9	0,50

Таблица 4 (продолжение)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
4. Ниж. эпифиз. ширина	24	1,8	-0,17	9	1,5	0,67
5. Наиб. Ø сер. диафиза	27	0,8	0,78	9	0,7	0,00
6. Наим. Ø сер. диафиза	27	0,7	0,11	9	1,0	0,33
7. Наим. окруж. диафиза	27	2,4	0,67	9	1,1	0,67
9. Наиб. ширина головки	23	1,7	0,65	7	1,1	0,14
10. Верт. диаметр головки	23	1,3	1,00	8	1,0	0,25
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	23	2,3	2,26	8	1,9	2,50
2. Физиологич. длина	23	2,9	1,65	8	2,1	2,38
4. Попер. Ø диафиза	23	0,9	0,48	9	0,4	0,22
5. Сагитт. Ø диафиза	23	0,8	0,30	9	0,4	-0,22
3. Наим. окружн. диафиза	23	1,6	0,83	9	1,2	0,89
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	24	2,5	2,46	9	2,3	2,22
2. Физиологич. длина	24	2,6	1,71	9	2,7	1,56
11. Сагитт. Ø диафиза	24	2,2	0,17	9	0,8	0,33
12. Попер. Ø диафиза	24	1,2	0,00	9	0,6	0,11
13. Верх. попер. Ø	24	1,8	0,46	9	1,1	0,11
14. Верх. сагитт. Ø	24	1,9	0,42	9	0,7	0,00
3. Наим. окружн. диафиза	24	1,3	0,38	9	1,2	0,22
Ключица						
1. Наибольшая длина	15	6,6	-3,80	7	2,4	0,71
6. Окружн. сер. диафиза	16	1,8	-0,25	7	2,1	1,14
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	29	4,1	-0,03	10	3,4	-0,90
2. Длина в ест. положении	29	4,0	-0,10	10	2,6	-1,00
21. Мыщелковая ширина	28	1,0	0,39	10	0,8	0,00
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	29	1,0	-0,28	10	0,7	0,10
7. Попер. Ø сер. диафиза	29	1,0	0,38	10	0,8	-0,30
9. Верх. попер. Ø диафиза	29	1,4	-0,10	10	0,9	0,30

Таблица 4 (продолжение)

Признак по Мартину	Коэффициенты асимметрии					
	п	σ	мужчины	п	σ	женщины
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	29	1,3	-0,79	10	1,2	-0,30
8. Окружн. сер. диафиза	29	1,4	-0,38	10	1,3	-0,70
18. Верт. диаметр головки	23	0,7	0,04	9	0,5	-0,44
19. Ширина головки	25	0,8	0,08	10	0,3	-0,10
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	28	4,0	-0,64	10	2,5	-0,60
1а. Наибольшая длина	24	3,6	-1,04	10	2,1	-0,20
8а. Верх. сагитт. Ø	27	1,2	-0,19	10	1,4	-0,20
9а. Верх. попер. Ø	27	1,5	0,74	10	1,2	1,10
10b. Окружн. сер. диафиза	28	1,7	0,36	10	2,4	1,00
Малая берцовая кость						
1. Наибольшая длина	20	3,6	0,80	7	3,0	0,14
4а. Наим. окружность	25	2,1	0,68	8	1,5	0,38

Закономерности в половом распределении коэффициентов асимметрии в группах тоболо-иртышских татар выявлены не были. В группах тобольских и аялыньских татар женщины являются наиболее асимметричными, а тюменские и коурдакско-саргатские татары, наоборот, имеют более асимметричных мужчин. Необходимо отметить, что различия между коэффициентами асимметрии мужских и женских серий небольшие и составляют не более 5% в каждой группе.

Закономерности в половом распределении коэффициентов асимметрии в группах тоболо-иртышских татар выявлены не были. В группах тобольских и аялыньских татар женщины являются наиболее асимметричными, а тюменские и коурдакско-саргатские татары, наоборот, имеют более асимметричных мужчин. Необходимо отметить, что различия между коэффициентами асимметрии мужских и женских серий небольшие и составляют не более 5% в каждой группе.

При анализе коэффициентов асимметрии отдельных костей, было выявлено, что во всех исследуемых группах у мужчин самой асимметричной костью является плечевая кость, в женских сериях также плечевая кость имеет наиболее высокие показатели коэффициентов асимметрии по всем признакам. Исключение составляют только женщины тюменских татар, у которых большая берцовая кость является наиболее асимметричной костью.

Анализ коэффициентов асимметрии по отдельным признакам показал, что во всех группах наибольшей асимметрией отличаются продольные диаметры костей верхних конечностей. Полученные результаты хорошо согласуются с данными как по русским группам (Властовский 1960), так и по ногайцам (Пежемский 2003). Однако наши результаты противоположны данным, полученным по скотоводам Алтая

эпохи бронзы и раннего железного века, которые характеризуются повышенной асимметрией поперечных размеров диафизов (Тур 2014).

Левосторонняя асимметрия в группах тоболо-иртышских татар в основном характерна для признаков костей нижних конечностей как у мужчин, так и у женщин (см. таблицу 1–4). Однако им присуща и небольшая левосторонняя асимметрия верхних конечностей. В частности, мужская и женская часть населения аялыньских татар демонстрирует повышенные коэффициенты левосторонней асимметрии нижней эпифизарной ширины плечевой кости (Humerus. 4) (см. таблицу 1). Также повышенные показатели левосторонней асимметрии наибольшей длины ключицы (Cl.1), что в целом является нормой, характерны для мужчин аялыньских, тобольских и коурдакско-саргатских татар. Однако мужчины из тюменской группы снова показывают определенное своеобразие, демонстрируя небольшую правостороннюю асимметрию длины ключицы.

При анализе асимметрии одной из дополнительных задач являлась проверка допустимости объединения мужских и женских серий в исследуемых группах в одну общую выборку. К примеру, в работе В.Г. Властовского ввиду малочисленности женских костяков в серии они были объединены вместе с мужской (Властовский 1960). Однако возможность объединения выборок никак не было доказано статистически.

Проведенный анализ t-критерий Стьюдента значимых коэффициентов асимметрии ($\geq 0,5$) по всем выборкам тоболо-иртышских татар показал, что коэффициенты асимметрии мужской и женской серии не обнаруживают значимых различий, а значит, при определенных задачах исследования данные группы могут быть объединены в одну общую выборку.

Как уже было сказано выше, методологической базы по изучению коэффициентов асимметрии на сегодняшний момент не существует, а, следовательно, отсутствуют общепринятые методы визуализации полученных результатов. Поэтому для наглядности изменчивости коэффициентов асимметрии для мужских и женских групп тоболо-иртышских татар были выбраны и построены комбинационные полигоны, за основу которых был взят такой параметр, как общая асимметричность класса кости (таблица 5–6).

Таблица 5
Значения общей асимметричности каждого класса костей (мужчины)

Класс кости Группа татар	Плечевая	Лучевая	Локтевая	Бедренная	Большая берцовая
Аялыньские	1,87	0,93	0,32	-1,94	-0,24
Тюменские	10,98	8,10	4,83	2,35	-0,84
Тобольские	6,08	2,63	3,56	-2,12	-0,68
Коурдакско-саргатские	8,00	5,52	5,58	-1,55	-0,77

Результаты эмпирического анализа, а также формы полученных полигонов показывают, что наиболее схожи между собой мужчины тобольских и коурдакско-саргатских татар. Мужские группы аялыньских и тюменских татар заметно отличаются. Причем различия видны как между собой, так и по сравнению с тобольскими и коурдакско-саргатскими татарами (рис. 1).

Таблица 6

Значения общей асимметричности класса костей (женщины)

Класс кости Группа татар	Плечевая	Лучевая	Локтевая	Бедренная	Большая берцовая
Аялыньские	2,90	1,33	3,39	-0,61	0,24
Тюменские	5,50	6,13	-0,97	0,19	3,31
Тобольские	5,66	1,87	2,16	-1,40	-1,93
Коурдакско-саргатские	9,45	5,76	4,56	-3,34	1,10

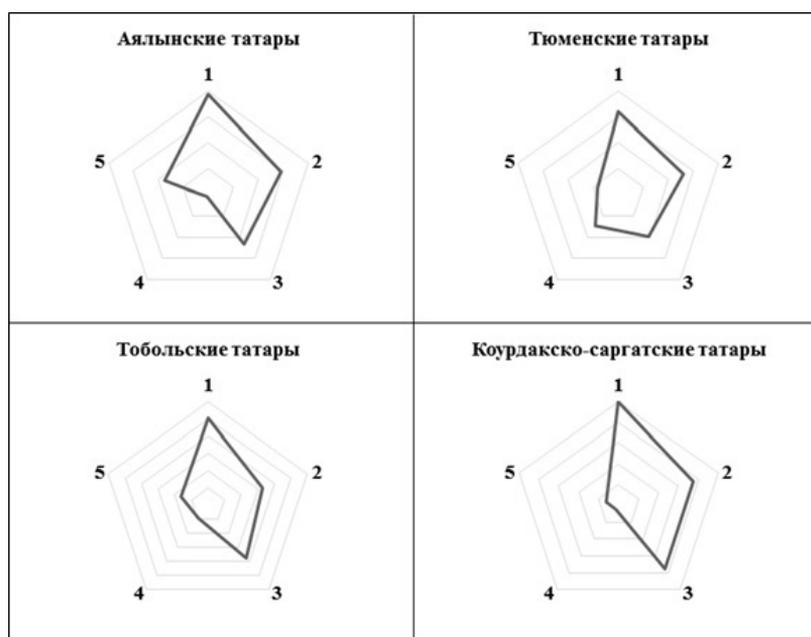

Рис. 1. Комбинационные полигоны общей асимметричности класса кости (мужчины):
 1 – плечевая кость; 2 – лучевая кость; 3 – локтевая кость; 4 – бедренная кость;
 5 – большая берцовая кость.

Для изучения взаимосвязи между коэффициентами асимметрии был проведен корреляционный анализ по всем остеометрическим признакам. Необходимо отметить, что определённая схожесть тобольской и коурдакско-саргатской группы татар позволила объединить полученные показатели в общую выборку (76 индивидов). По итогам анализа значимые коэффициенты корреляции ($\geq 0,5$) выявлены не были. Однако во всех группах некоторые продольные признаки костей (наибольшая длина, физиологическая длина) демонстрируют достаточно высокие коэффициенты корреляции (0,8), что, скорее всего, связано с одинаковой природой происхождения данных признаков.

Формы комбинационных полигонов женских серий тоболо-иртышских татар не обнаруживают видимого сходства между собой (рис. 2).

Сравнение формы полигонов у мужчин и женщин показывает, что наиболее схожими между собой по коэффициентам асимметрии являются коурдакско-саргатские татары, в остальных сериях формы полигонов мужской и женской части населения различаются.

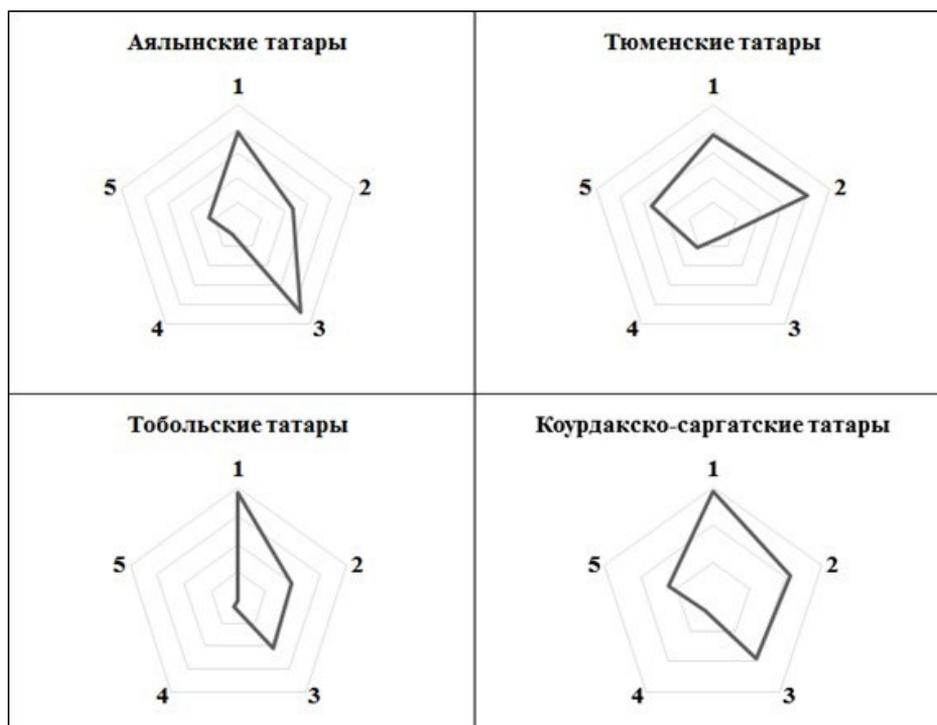

Рис. 2. Комбинационные полигоны общей асимметричности класса кости (женщины):
 1 – плечевая кость; 2 – лучевая кость; 3 – локтевая кость; 4 – бедренная кость;
 5 – большая берцовая кость.

Выявленные различия в асимметрии длинных костей скелета в группах тоболо-иртышских татар, вероятно, могут быть связаны с их хозяйственным укладом жизни. Ведь как известно группы, обитающие в определённых естественно-географических условиях имеют различные комплексы особенностей хозяйства и культуры, или другими словами, обладают особым хозяйственно-культурным типом (Левин, Чебоксаров 1955). К примеру, Тоболо-иртышское междуречье (территория проживания тюменских и тобольских татар) изобиловало протоками, озерами и болотами, что делало почти невозможным нормальное ведение земледельческого хозяйства. В хозяйстве же коренного населения Тарского Прииртышья (ареал аялыньских татар) существенная роль принадлежала рыболовству, а охота на пушных зверей была распространена главным образом у татар, живущих в таежной полосе (коурдакско-саргатская группа). Тут татары промышляли белку, соболя, медведя и других животных, поскольку охота доставляла основной продукт питания и удовлетворяла потребности в одежде (Бояршинова 1960; История Сибири, 1968; Томилов 1981; Халиков 2002).

Таким образом, адаптивные возможности популяций к определенным условиям существования в различных физико-географических условиях могли влиять на изменения скелетной системы человека, которые проявлялись в наличии билатеральной асимметрии.

Заключение

Полученные данные по коэффициентам асимметрии тоболо-иртышских татар ещё раз подтверждают наличие у человека хорошо выраженной правосторонней асимме-

трии руки, и перекрёстной у обеих конечностей: правая рука – левая нога. Поэтому тезис В.Г. Властовского о том, что стоит различать морфологическую и функциональную асимметрию остаётся актуальным. И при интерпретации данных и выделении, к примеру, функциональной асимметрии, которая является следствием использования преимущественно правой руки, нужно подходить с осторожностью (Властовский 1960).

Как известно физико-географические условия и особенности ландшафта территории расселения тех или иных этно-территориальных групп на первый план выводят определенные виды хозяйствования. Поэтому в данном случае можно предположить, что преобладание того или иного типа ведения хозяйства в группах тоболо-иртышских татар отразилось на формировании скелетной системы человека, что и подтверждается наличием билатеральной асимметрии.

Дальнейшее накопление данных по коэффициентам асимметрии палеопопуляций и работа в этом направлении, а также серьезное внимание к проблемам теоретического осмысления использования показателей асимметрии поможет прояснить сложную проблему асимметрии билатеральных структур в палеопопуляциях.

Научная литература

- Ан С.В. Межгрупповая изменчивость индексов асимметрии лицевого отдела черепа человека. *Морфология*, 1999. Т. 104. Вып. 1–2. С. 112–123.
- Ан С.В. *Асимметрия лицевого отдела черепа человека. Морфологический анализ*. Дисс. канд. биол. наук. Москва, 1993.
- Багаиёв А.Н. *Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниостеологии*. Дисс. канд. ист. наук. Москва, 1989.
- Багаиёв А.Н. *Этническая антропология тоболо-иртышских татар*. Новосибирск: Наука, 1993.
- Березина Н.Я. Анализ показателей билатеральной асимметрии длинных костей конечностей раннесредневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон. *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*, 2017. № 3. С. 104–113.
- Бояришинова З.Я. *Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хоз. деятельности и общественный строй местного населения)*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. *Функциональные асимметрии человека. 2-е изд.* Москва: Медицина, 1981.
- Бужилова А.П., Карасева Н.М. Асимметрия зубов в группах коренного населения арктического пояса (по материалам краниологических коллекций МГУ). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*, 2017. № 4. С. 119–132.
- Властовский В.Г. Об асимметрии скелета конечностей человека. *Вопросы антропологии*, 1960. Вып. 3. С. 3–11.
- Гинзбург В.В. Об асимметрии конечностей человека. *Природа*, 1947. №8. С. 42–46.
- Дубовик Е.И. *Асимметрия лицевого черепа при различных его формах у взрослого человека*. Дисс. канд. мед. наук. Санкт-Петербург, 2009.
- Зорина А.А. Методы статистического анализа флуктуирующей асимметрии. *Принципы экологии*, 2012. № 3. С. 24–47.
- Зорина А.А. Формирование флуктуирующей асимметрии в процессе индивидуального развития *Betula pendula*. *Принципы экологии*, 2014. № 4. С. 31–52.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. *Одонтология в современной антропологии*. Москва: Наука, 1989.
- Корусенко М.А. *Отчет об археологических раскопках курганно-грунтового могильника Челябиново 27 в 2009 г.* Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 5-1. Омск, 2010.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // *Советская этнография*, 1955. № 4. С.3–17.

- Николаева Е.Ю. Влияние асимметрии лицевого скелета на степень тяжести аномалий зубочелюстной системы и её ортодонтическая коррекция. Автореф. дисс. канд. мед. наук. Тверь, 2007.
- История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Том первый. Древняя Сибирь. Окладников А.П. (гл. ред.). Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1968.
- Пежемский Д.В. Остеологическая характеристика калаусских ногайцев (морфология длинных костей скелета) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV*. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. С. 83–92.
- Рождественский К.Г. Некоторые данные к вопросу об асимметрии скелета конечностей человека. *Известия Северо-Кавказского университета. Медицина и естествознание*, 1929. Т. 1. (XVII). С. 113–140.
- Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981.
- Тур С.С. Билатеральная асимметрия длинных костей конечностей у скотоводов Алтая эпохи бронзы и раннего железного века. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2014. № 3 (59). С. 141–156.
- Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // *Сибирские татары. Монография*. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 59–85.
- Худавердян А.Ю. Флуктуирующая асимметрия зубной системы у древнего населения Армении. *Вестник Новосибирского государственного университета*, 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 226–233.
- Leigh Van Valen. A Study of Fluctuating Asymmetry. *Evolution*, 1962. Vol. 16. № 2. P. 125–142.
- Palmer A.R. Fluctuating asymmetry analyses: A primer // *Developmental Instability: Its Origins and Evolutionary Implications* / T. Markow, Ed. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 1994. P. 335–364.
- Dedik Alyona V.

Limb bone bilateral asymmetry among the Tobol-Irtysh Tatars

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/292-310

The article presents the results of studying the limb bone bilateral asymmetry in four groups of the Tobol-Irtysh Tatars: Ayalyn, Tobolsk, Tyumen and Kourdak-Sargat Tatars. The asymmetry coefficients were calculated for the male and female samples of each group (using the R – L formula). The Ayalyn Tatars resulted to have the most symmetric skeletal system, while the Kourdak-Sargat Tatars – the least symmetrical one. The analysis of the asymmetry coefficients of individual bones revealed that the humerus is the most asymmetric bone in both sexes among all the studied groups. The lengths of the upper limb bones resulted to be the most asymmetrical measurement in all groups. Left-sided asymmetry was mainly seen in the lower limb bones among the Tobol-Irtysh Tatars. No sex differences in the asymmetry coefficients were revealed. Combination polygons were produced to illustrate the variability of the asymmetry coefficients for the male and female samples. Male samples of the Tobolsk and Kourdak-Sargat Tatars were found to be most similar to each other, and the Ayalyn and Tyumen Tatars are noticeably different both from these groups and from each other. The combination polygons of the female samples of the Tobol-Irtysh Tatars do not reveal any visible similarity between them. Thus, the revealed differences in the asymmetry of the skeletal system of the Tobol-Irtysh Tatars ethno-territorial groups are possibly associated with different economy systems of the groups.

Keywords: *physical anthropology, bilateral asymmetry, the Tobol-Irtysh Tatars.*

For citation: Dedik, Alyona V. 2021. Limb bone bilateral asymmetry among the Tobol-Irtysh Tatars. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 292–310.

Author Info:

Dedik, Alyona Vladimirovna – Laboratory of Archeology, Ethnography and History of Siberia, Humanitarian Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia (Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82 A). E-mail: ejara.ru@mail.ru.

Funding: The article is an expanded version of the report presented at the V Youth Anthropological Conference “Actual Problems of Physical Anthropology: Continuity and New Approaches”, March 25-28, 2019 in Moscow.

References

- An, S.V. 1999. Mezhrupnovaya izmenchivost' indeksov asimmetrii litsevoogo otdela cherepa cheloveka [Intergroup variability of the asymmetry indices of the facial part of the human skull]. *Morfologiya* 104 (1–2): 112–123.
- An, S.V. 1993. *Asimmetriya litsevoogo otdela cherepa cheloveka. Morfologicheskii analiz* [Asymmetry of the facial section of the human skull. Morphological analysis]. PhD diss., Moscow Medical Dental Institute.
- Bagashev, A.N. 1989. *Antropologicheskii sostav i formirovanie tobolo-irtyshskikh tatar po dan-nym kraniosteologii* [Anthropological composition and formation of the Tobol-Irtysh Tatars according to craniosteology data]. PhD diss., Tomsk state university.
- Bagashev, A.N. 1993. *Etnicheskaya antropologiya tobolo-irtyshskikh tatar* [Ethnic anthropology of the Tobol-Irtysh Tatars]. Novosibirsk: Nauka.
- Berezina, N.Ya. 2017. Analiz pokazateley bilateral'noy asimmetrii dlinnykh kostey konechnos-
tey rannesrednevekovogo naseleniya Severnoy Osetii (po materialam mogil'nika Mamison
don [Analysis of indicators of bilateral asymmetry of the long bones of the extremities of the early
medieval population of North Ossetia (based on materials from the Mamison don burial ground].
Vestnik Moskovskogo universiteta 23, 3: 104–113.
- Boiarshinova, Z.Ya. 1960. *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy
khoz'yastvennoy deiatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [The population of
Western Siberia before the beginning of Russian colonization (Types of economic activities and
social structure of the local population)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomsk University.
- Bragina, N.N., and T.A. Dobrokhotova, 1981. *Funktsional'nye asimmetrii cheloveka. 2-e izd* [Hu-
man functional asymmetries. The second edition]. Moscow: Meditsina.
- Buzhilova, A.P., and N.M. Karaseva, 2017. Asimmetriya zubov v gruppakh korennoogo naseleniya
arkticheskogo poyasa (po materialam kraniologicheskikh kollektsey Moskovskogo gosudarst-
vennoogo universiteta) [Teeth asymmetry in indigenous groups of the Arctic zone (based on ma-
terials from the craniological collections of Moscow State University)]. *Vestnik Moskovskogo
universiteta* 23 (4): 119–132.
- Vlastovskiy, V.G. 1960. Ob asimmetrii skeleta konechnostey cheloveka [On the asymmetry of the
skeleton of human limbs]. *Voprosy antropologii* 3: 3–11.
- Ginzburg, V.V. 1947. Ob asimmetrii konechnostey cheloveka [On the asymmetry of human limbs].
Priroda 8: 42–46.
- Dubovik, E.I. 2009. Asimmetriya litsevoogo cherepa pri razlichnykh ego formakh u vzroslogo
cheloveka [Asymmetry of the facial skull in its various forms in an adult]. PhD diss., Mili-
tary-medical Academy.
- Zorina, A.A. 2012. Metody statisticheskogo analiza fluktuiruiushchei asimmetrii [Methods for sta-
tistical analysis of fluctuating asymmetry]. *Printsipy ekologii* 3: 24–47.
- Zorina, A.A. 2014. Formirovanie fluktuiruiushchei asimmetrii v protsesse individual'nogo razvitiia
Vetula pendula [Formation of fluctuating asymmetry in the process of individual development
of *Betula pendula*]. *Printsipy ekologii* 4: 31–52.

- Zubov, A.A., and N.I. Khaldeeva. 1989. *Odontologiya v sovremennoy antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Levin, M.G., and N.N. CHEboksarov. 1955. Hozyajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke problemy) [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (to the statement of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya* 4: 3–17.
- Korusenko, M.A. 2010. Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh kurganno-gruntovogo mogil'nika Cheplyarovo 27 v 2009 g. [Report on the archaeological excavations of the Cheplyarovo 27 burial ground in 2009]. Arkhiv MNS OF IAET SO RAN. F. VII-1. D. 5-1. Omsk.
- Nikolaeva, E.Yu. 2007. Vliyanie asimmetrii litsevoogo skeleta na stepen' tyazhesti anomalii zubocheliustnoy sistemy i eyo ortodonticheskaya korrektsiya [Influence of asymmetry of the facial skeleton on the severity of anomalies of the dentoalveolar system and its orthodontic correction]. PhD diss. abstract, Nizhny Novgorod State Medical Academy.
- Okladnikov, A.P. (ed.). Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V pyati tomakh. 1968. [History of Siberia from ancient times to the present day. In five volumes.]. Vol. 1. *Drevnyaya Sibir* [Ancient Siberia]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.
- Pezhemskiy, D.V. 2003. Osteologicheskaya kharakteristika kalausskikh nogaitsev (morfologiya dlinnykh kostey skeleta) [Osteological characteristics of the Kalas Nogai (morphology of the long bones of the skeleton)]. *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza*. Vol. IV: 83–92. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Rozhdestvenskiy, K.G. 1929. Nekotorye dannye k voprosu ob asimmetrii skeleta konechnostey cheloveka [Some data on the question of the asymmetry of the skeleton of human limbs]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo universiteta. Meditsina i estestvoznaniye* 1 (17): 113–140.
- Tomilov, N.A. 1981. *Tiurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th – first quarter of the 19th centuries.]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomsk University.
- Tur, S.S. 2014. Bilateral'naya asimmetriya dlinnykh kostei konechnostey u skotovodov Altaya epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka [Bilateral asymmetry of the long bones of the limbs in Altai cattle breeders of the Bronze Age and the Early Iron Age]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 3 (59): 141–156.
- Khalikov, N.A. 2002. Etnokul'turnye osobennosti khoziaystva zapadosibirskikh tatar [Ethnocultural features of the economy of the West Siberian Tatars]. *Sibirskie tatory. Monografiya*, 59–85. Kazan': Institut istorii AN RT.
- Khudaverdian, A.Yu. 2014. Fluktuiruiushchaya asimmetriya zubnoy sistemy u drevnego naseleniya Armenii [Fluctuating asymmetry of the dental system in the ancient population of Armenia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* 13 (3): 226–233.
- Van Valen, Leigh. 1962. A Study of Fluctuating Asymmetry. *Evolution* 16 (2): 125–142.
- Palmer, A.R. 1994. Fluctuating asymmetry analyses: A primer. In *Developmental Instability: Its Origins and Evolutionary Implications*, edited by T. Markow, 335–364. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.

© С.Б. Боруцкая, Н.В. Харламова, С.А. Рудников, И.Н. Черных

ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ ГОРОДА ТВЕРЬ XVIII–XIX ВВ. ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ СМОЛЕНСКОГО КЛАДБИЩА ИЗ БЫВШЕГО ЗАГОРОДНОГО ПОСАДА*

Скелетный материал из Твери был получен при раскопках Смоленского кладбища на юго-восточной окраине города, из бывшего Загородного посада. Формирование этого некрополя началось в XVIII веке и продолжалось на протяжении двух веков. Наша работа посвящена палеодемографическому исследованию населения города Тверь XVIII–XIX вв. по данным половозрастного определения скелетного материала. В результате исследования можно сделать следующее заключение. Демографическую ситуацию в городе Тверь XVIII–XIX вв. можно считать довольно благополучной, о чем свидетельствует высокий показатель средней продолжительности жизни, относительно невысокий показатель детской смертности, значительная представительность финальной возрастной когорты, низкая смертность в молодом возрасте. На нестандартное соотношение взрослых индивидов по полу в пользу мужчин могли повлиять миграционные процессы, связанные с ростом, строительством и развитием города в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: палеодемография, археологические раскопки, скелетный материал, возрастная когорта, пик смертности, средняя продолжительность жизни

Ссылка при цитировании: Боруцкая С.Б., Харламова Н.В., Рудников С.А., Черных И.Н. Особенности палеодемографии города Тверь XVIII–XIX вв. по данным исследования Смоленского кладбища из бывшего Загородного посада // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 311–329.

Введение

Скелетная материал из Твери был получен в результате раскопок Смоленского кладбища на юго-восточной окраине города, из бывшего Загородного посада. Форми-

Боруцкая Светлана Борисовна – к.б.н., старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета, МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1/12). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

Харламова Наталья Владимировна – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл.почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru

Рудников Сергей Александрович – археолог отдела археологии, Тверской Государственный Объединенный Музей (ТГОМ, г. Тверь, ул. Советская, 5). Эл.почта: archaeology_tver@mail.ru

Черных Игорь Николаевич – заместитель генерального директора, заведующий отделом археологии, Тверской Государственный Объединенный Музей (ТГОМ, г. Тверь, ул. Советская, 5). Эл.почта: archaeology_tver@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-59-00012 Бел а

рование этого некрополя началось в XVIII веке и продолжалось на протяжении двух веков. Вероятно, также, кладбище могло существовать и в самом начале XX века. Но основная датировка этого кладбища XVIII–XIX вв. По данным тверского краеведа Бориса Ротермеля, это было самое древнее и самое большое кладбище города Тверь.

Раскопки некрополя проводились в 2006–2007 годах под руководством сотрудника Тверского государственного объединенного музея Д.С. Рудникова.

Материалы и методы

Сохранность материала Смоленского кладбища XVIII–XIX вв. была различной. Иногда очень хорошей. В ряде случаев сохранность скелетов была крайне плохой, или вообще в упаковке материала погребения отсутствовали кости человека. Вероятно, в обозначенном погребении кости не сохранились в силу разных причин. Или их там вообще не было. В общей сложности скелетные останки людей были обнаружены в 371 погребении.

Наша работа посвящена палеодемографическому исследованию населения города Твери XVIII–XIX вв. по данным половозрастного определения скелетного материала бывшего Смоленского кладбища. Высокая репрезентативность скелетного материала позволила провести данный анализ и получить высокоточные результаты.

Палеодемография является направлением антропологии, находящимся на стыке множества дисциплин: археологии, экологии, медицины, анатомии, морфологии, истории и собственно демографии (Алексеев 1989). В наше время ни одно палеоантропологическое исследование большого по объему материала не обходится без описания демографической ситуации в исследуемой популяции. Зачастую палеодемография открывает очень интересные механизмы взаимодействия людей и воздействия на популяцию разных факторов: исторических событий, миграций, эпидемий, факторов окружающей среды. Знание процессов, регулирующих демографию в прошлом, дает возможность делать прогнозы на будущее (Angel 1969).

Отличие палеодемографии от демографии заключается в материале исследований. Палеодемография занимается изучением популяции, не имея к ней прямого доступа, не имея возможности наблюдать за ней воочию. Работа проводится на костном материале, пролежавшем так или иначе долгое время в земле. Особое значение приобретают репрезентативные материалы, позволяющие делать статистически достоверные выводы.

Современные методы палеодемографических исследований связаны изначально с половозрастным определением и последующем вычислении индексов, описывающих структуру популяции в различных аспектах.

Определение пола в нашей работе проводилось у индивидов старше 15 лет согласно традиционным методам антропологии с учетом развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета (Добряк 1960; Никитюк 1960а; Никитюк 1960б; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966). Остеологический метод определения возраста детей основывается на том, что рост и развитие скелета не одинаковы в различные возрастные периоды, и каждому возрасту соответствуют определенные размеры костей (Никитюк 1960б; Никитюк 1963; Пашкова 1963; STANDARDS 1994). По возможности возраст детей, в первую очередь, определялся по уровню морфологической зрелости дентиции (Ubelaker 1989).

Методика расчета различных показателей демографии группы базировалась на программе палеодемографического исследования Angel (*Angel* 1969), изложенной в работе Д.В. Богатенкова с соавторами (*Богатенков* 2003). В нашей работе мы рассчитали и проанализировали следующие демографические показатели: объем выборки, использованной в расчетах (Nr), объем взрослой выборки (Na), объем детской выборки (Nc), объем взрослой мужской выборки (Nm), объем взрослой женской выборки (Nf), определены число индивидов в разных возрастных когортах (Dx), процент выборки в разных возрастных когортах (Cx), процент дожития до конкретной возрастной когорты (Lx), вероятность смерти индивидов в конкретной возрастной когорте (qx) (рассчитывается как Cx/Lx). Кроме того были рассчитаны средний возраст смерти в группе (или средняя продолжительность жизни) (A), средний возраст смерти взрослых людей (Aa), средний возраст смерти взрослых мужчин (Am), средний возраст смерти взрослых женщин (Af), средний возраст смерти детей (Ac), процент детской смертности в группе (PCD), процент смертности в первый год жизни (PBD), процентное соотношение в группе мужчин и женщин, процент индивидов в целом, а также мужчин и женщин в финальной возрастной когорте ($C50+$, $Cm50+$, $Cf50+$). Мы работали с пятилетними возрастными когортами, и для детей, и для взрослых. Отдельно анализировалась возрастная группа детей до 1 года. Индивиды старше 50 лет все помещались в когорту 50+. Состояние скелетов пожилых людей позволило нам более точно определить возраст наступления смерти (были индивиды и старше 60 лет, и около 80 лет, и т.д., но все равно они в итоге были помещены в финальную когорту, согласно программе палеодемографического исследования Angel (*Angel* 1969). В итоге был проведен глубокий палеодемографический анализ для группы в целом, для детской части группы, для мужской части группы и для женской.

Палеодемографические исследования приблизительно отражают картину половозрастных соотношений в группе в соответствующее историческое время. Подобные исследования проводят на основе исследования одного или нескольких некрополей населенного пункта, что зависит от количества и масштаба проводимых археологических раскопок, возможности полномасштабных раскопок, доступности материала для исследования антропологами, степенью сохранности скелетов. Разные исследователи имеют собственное представление о возможности палеодемографического анализа материала конкретных раскопок. Мы считаем, что подобное исследование наиболее корректно в том случае, если в итоге раскопок некрополя было поднято около 100 скелетов людей, живших приблизительно в одном столетии. Если некрополь формировался дольше, то и индивидов, захороненных в нем, должно быть адекватно больше. Если же число погребений было значительно меньше ста на сто лет, а также если число определенных в плане пола и возраста (хотя бы возраста) индивидов было меньше ста на сто лет формирования кладбища полноценный палеодемографический анализ проводить не получится. Следует делать только лишь половозрастное определение и расчет ограниченного количества индексов.

Результаты исследования

В таблице 1 приведены численные составы выборки в целом, взрослой части (старше 15 лет), детской части группы, взрослых мужчин и взрослых женщин. Почти за два века существования Смоленского кладбища в нем был похоронен 371 ин-

дивид. Таким образом, размер выборки репрезентативен для проведения полномасштабного палеодемографического анализа.

После определения пола и возраста скелетов все индивиды были распределены по когортам, соответствующим пятилетним интервалам. Для детей до 15 лет пол не определялся. В том случае, если возраст определялся в десятилетнем интервале, то есть, не получалось сделать более точное определение, например, в силу плохой сохранности костей, индивид как бы наполовину распределялся между соседними соответствующими пятилетними возрастными интервалами. Такое в палеодемографии допускается, так как в итоге нужно определить различные показатели, выраженные в процентах, в долях, в годах, а не в индивидах. Индивиды возрастного интервала 0-1 лет, хотя и выделены в отдельную группу, также входят и в интервал 0-5. В таблице 2 представлены результаты общего палеодемографического анализа группы из Твери. На основе данных этой таблицы далее были рассчитаны общие палеодемографические индексы. На рисунке 1 наглядно изображена картина распределения индивидов из Смоленского некрополя по возрастным когортам (в процентах).

Таблица 1

Объемы выборок индивидов, Смоленское кладбище г. Твери XVIII–XIX вв.

индекс	Nr	Na	Nc	Nm	Nf
количество индивидов	371	300	71	183	114

Таблица 2

Демографические показатели по пятилетним возрастным когортам группы из г. Твери XVIII–XIX вв., Смоленское кладбище

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1	31	8,356	100%	0,084
0-5	58	15,633	100%	0,156
5-10	6	1,617	84,367	0,019
10-15	7	1,887	82,750	0,023
15-20	8	2,156	80,863	0,027
20-25	14,5	3,910	78,707	0,050
25-30	36,5	9,838	74,797	0,132
30-35	42,5	11,456	64,959	0,176
35-40	51,5	13,881	53,503	0,259
40-45	56,5	15,229	39,622	0,384
45-50	38,5	10,377	24,393	0,425
50+	52	14,016	14,016	1,000
Всего	371	100%		

В таблице и диаграмме наблюдаются два основных пика смертности в группе. Это первый возрастной пятилетний интервал, 0-5 лет (15,633%), и интервал 40-45

лет (15,229%). Из таблицы также видно, что довольно большая часть детей не дожила и до 1 года. После прохождения первого пика смертности на диаграмме наблюдается, фактически, нормальное распределение индивидов по возрастным когортам, с возрастанием их объемов до интервала 40-45 лет, то есть до второго пика смертности, а затем постепенное уменьшение размера выборки в следующей когорте и некоторое возрастание показателя в финальной. Интересно, что когорты детей старше 5 лет, подростков и молодых людей до возраста 25 лет не представительны. Смертность увеличивается в группе начиная с возраста 25-30 лет. Вероятно, это связано и с трудовой активностью взрослого населения и постепенным ухудшением здоровья, в связи с трудовой деятельностью, несоответствующей медицинской помощи и, возможно, особенностями экологии. Смертность в раннем детском возрасте связана с осложнениями родов, пониженной жизнеспособностью маленьких детей, особенно новорожденных, антисанитарными условиями при родах, слабой заботой о новорожденных и маленьких детях, а, возможно, и роженицах в связи с низким уровнем развития медицины, отсутствием необходимых лекарств и антибиотиков, которые еще не были изобретены в XVIII–XIX вв. и в мире, и в России. Картину распределения индивидов по возрастным когортам группы из Твери можно посчитать модельной, соответствующей демографически благополучной популяции того времени.

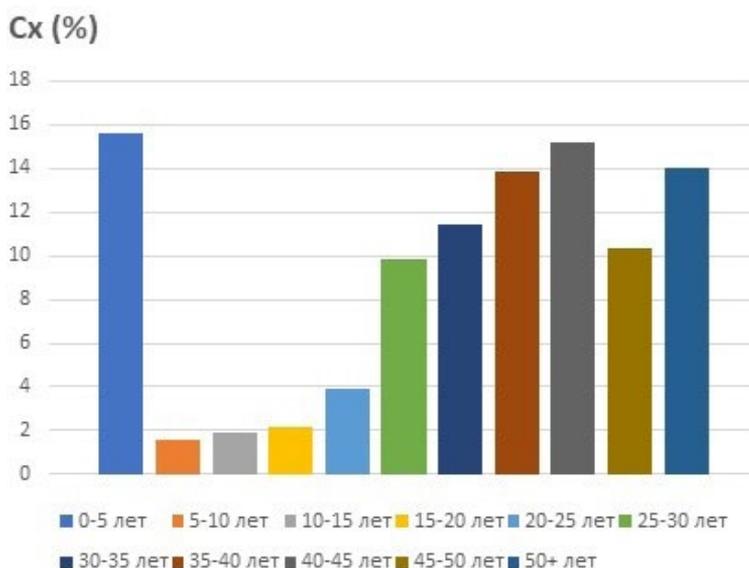

Рис. 1. Диаграмма величины возрастных когорт населения г. Твери XVIII–XIX вв. по данным изучения Смоленского некрополя, (Сх) (в%).

Далее нами были рассчитаны некоторые общие палеодемографические индексы.

1. А. Средний возраст смерти в группе (или средняя продолжительность жизни) из Твери XVIII–XIX вв. составил 27,2 лет. Эта цифра довольно высока и говорит об относительном демографическом благополучии в группе.
2. Аа. Средний возраст смерти взрослых людей (старше 15 лет) в группе составил 39,14 лет. Это довольно значительный возраст, но сопоставимый с таковым у многих других групп аналогичного исторического времени из городов и иных населенных пунктов России (таблица 6).

3. *PCD*. Процент детской смертности составил 19,14%. Несмотря на то, что главный пик смертности в группе приходится на первый детский интервал, показатель детской смертности в группе весьма невелик. При этом процент смертности в первый год жизни (0-1 лет), *PBD*, – 8,36%, также невелик. Нами ранее были изучены некоторые группы синхронного, или почти такого же времени из иных населенных пунктов России, где показатели детской смертности были значительно выше, например, это позднесредневековый Усть-Иерусалимский могильник (г.Болгар), могильник XVIII–XIX вв. Блохино-1 недалеко от г.Саранск, Нижегородский Кремль XVIII–XIX вв. (таблица 5).
4. *C50+*. Финальная возрастная когорта в данной группе оказалась весьма представительной, – около 14%. Это также отражает благополучное состояние группы.

В таблице 3 приведены расчеты палеодемографических индексов только для детей. Отдельно рассмотрены подгруппы «новорожденные» и дети до 1 года. 11 скелетов принадлежали новорожденным детям, что составило почти 15,5%. И почти 44% от всех детей группы составляли индивиды от 0 до 1 года, включая новорожденных. Это период наиболее уязвимый для здоровья маленьких детей, когда требуется особый уход и особое медицинское обслуживание, что явно было на низком уровне в Твери XVIII–XIX вв.

Показатель смертности в когорте 0-5 лет – очень высок, – почти 82%. То есть в период 1-5 лет умирало столько же детей, сколько умирало в первый год жизни. Ситуация со здоровьем детей ранних детских периодов жизни была удручающей.

Последующие две возрастные когорты по объему значительно меньше. То есть дети, дожившие до 5 лет, имели высокие шансы жить дальше. Из всей многочисленной группы г. Твери (Смоленское кладбище) всего 13 детей умерли в возрасте от 5 до 15 лет.

Таблица 3

Демографические показатели детской части группы из Твери XVIII–XIX вв.

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
(Новорожденные)*	(11)	15,493	100%	0,155
(0-1)*	(31)	43,662	100%	0,437
0-5	58	81,690	100%	0,817
5-10	6	8,451	18,310	0,462
10-15	7	9,859	9,859	1,000
Всего детей (от 0 до 15)	71	100%		

*индивиды из возрастных групп «новорожденные» и «0-1» год входят в когорту 0-5 лет.

Далее мы рассмотрели палеодемографические показатели взрослых индивидов. В таблицах 4 и 5 приведены результаты расчета демографических индексов в отдельности для мужчин и женщин. На диаграмме (рис. 2) изображен процентный состав возрастных когорт мужчин и женщин в отдельности.

Пик смертности мужчин имел место в возрастных интервалах довольно поздних – 40-45 лет и старше 50 лет, то есть в период фактически завершения трудовой деятельности, ухудшения здоровья и т.д. Реже всего мужчины умирали в молодом возрасте, до 30 лет, то есть как раз в период активной трудовой деятельности. Про-

водя расчеты исключительно относительно взрослых мужчин, мы получили средний возраст смерти – 40,23 лет. Представительность финальной возрастной когорты очень велика – 19,7%. Из 52 человек старше 50 лет 36 были мужчины.

В таблице 5 приведены результаты расчета палеодемографических индексов для женщин группы из Твери.

Пик смертности женщин приходится на возраст 35-40 лет. Высок показатель смертности также в 25-30 лет и в 40-45 лет. Интересно, что в молодом возрасте, до 25 лет, смертность среди женщин группы минимальна. Средний возраст смерти женщин исследуемой группы составил почти 38 лет (37,96). В финальной возрастной когорте умерло 16 женщин, что составило около 14% от всех взрослых женщин.

Таблица 4

Палеодемографические показатели мужских индивидов из г. Тверь XVIII–XIX вв.

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20	2	1,093	100%	0,001
20-25	8,5	4,645	98,907	0,047
25-30	17,5	9,563	94,262	0,101
30-35	27,5	15,027	84,699	0,177
35-40	29,5	16,120	69,672	0,231
40-45	36	19,672	53,552	0,367
45-50	26	14,208	33,880	0,419
50+	36	19,672	19,672	1,000
Всего	183	100%		

Таблица 5

Палеодемографические показатели женщин из Смоленского некрополя XVIII–XIX вв. из Твери

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20	3	2,632	100%	0,026
20-25	6	5,263	97,368	0,054
25-30	19	16,667	92,105	0,181
30-35	15	13,158	75,438	0,174
35-40	22	19,298	62,280	0,310
40-45	20,5	17,982	42,982	0,418
45-50	12,5	10,965	25,000	0,439
50+	16	14,035	14,035	1,000
Всего	114	100%		

Из 300 скелетов взрослых индивидов 183 принадлежали мужчинам и 114 женщинам. Процентное соотношение мужчин и женщин составило 69,23%: 30,77%.

Данное соотношение получилось весьма странным, не нормальным. Можно предположить, во-первых, что в детском возрасте умирали в первую очередь девочки, за которыми могли ухаживать хуже, чем за мальчиками. Во-вторых, мог происходить приток в город именно мужчин из деревень и иных населенных пунктов для работы на строительстве зданий города и предприятиях, например, на Морозовской ткац-

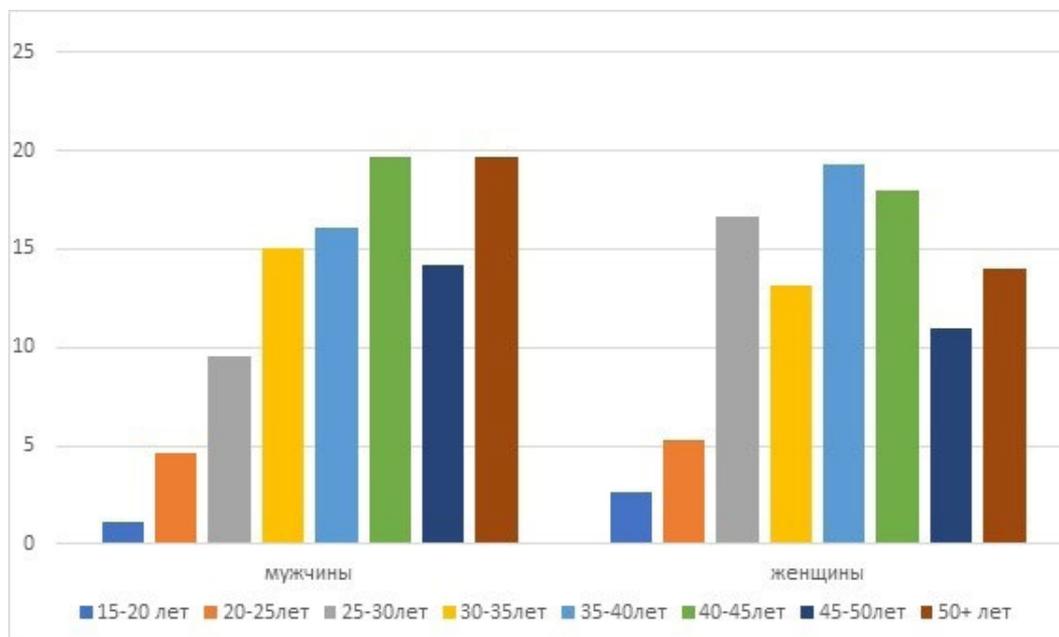

Рис. 2. Диаграмма распределения по возрастным когортам населения г. Твери XVIII–XIX вв. (по данным изучения Смоленского некрополя), (Сх) (%).

кой мануфактуре, ну и наконец Тверь – это город, находившийся на перекрестке торговых путей. Купцы, естественно, в основном были мужчинами, которые в силу разных обстоятельств вливались в популяцию города.

В таблице 6 представлены результаты определения некоторых основных палеодемографических показателей ряда населенных пунктов России XVII–XIX вв. и позднего средневековья: трех групп из Нижнего Новгорода, группы из села Исупово Костромской области, группы из Липецка, сборной серии из Казани и одной группы из города Болгар (Усть-Иерусалимский могильник), группы из деревни Блохино близ города Саранск. Большинство материала датируется XVII–XVIII вв. Палеопопуляция из г. Болгар имеет датировку 14 век. Все выборки, кроме Болгарской, были русскими. Группа из г. Болгар – предположительно, мордовская. Ниже приводим краткие сведения об использованных для сравнения сериях.

Нижний Новгород. Первая выборка, имеющая самую большую численность индивидов, была собрана в Нижнем Новгороде при раскопках кладбища, расположенного по адресу между пл. Театральная 1 и ул. Пожарского 12. Это было кладбище посадского русского населения. Раскопки проводились в 2011 году в связи с расчисткой территории под строительство, а также с охранными мероприятиями. Руководителем раскопок был В.А. Батюков. Работа проводилась под контролем к.и.н. Т.В. Гусевой. Скелетная выборка включает в себя материал из двух городских некрополей при Никольской Верхнепосад-

ской деревянной и Никольской Верхнепосадской каменной церквях, останки которых были также обнаружены при раскопках кладбища. Точная дата постройки деревянной церкви не известна, но она уже упоминается в Писцовой книге в 20-е годы XVII в. Каменная церковь была построена в 1740-1741 гг., захоронения при ней велись до конца XVIII в. Некрополь при каменной церкви и она сама «наложились» на некрополь XVII в. Все захоронения совершены по православному обряду. Вторая Нижегородская выборка была собрана на кладбище, расположенном по Верхне-Волжской наб., д. 2а. Это так же городской некрополь с привязкой к Георгиевской церкви на Верхнем посаде. Раскопки проводились в 2009 г. под руководством Е.Э. Лебедевой и контролем к.и.н. Т.В.Гусевой. Датировка кладбища – XVIII в. Третья выборка из Нижнего Новгорода была собрана при раскопках в Нижегородском Кремле у церкви Михаила Архангела. Раскопки проводились в 2003/2004 годах под руководством археолога к.и.н. Гусевой Т.В. Части некрополя были обнаружены при выкапывании шурфов под канализационные колодцы. Датруется некрополь XVII в. (вероятно, и началом XVIII в.). Половозрастные определения и результаты некоторых иных исследований проведены С.Б. Боруцкой, С.В. Васильевым, Н.В. Харламовой (Боруцкая, Васильев 2016).

Село Исупово Костромской области. Могильник был обнаружен в 2002 году у села Исупово Сусанинского района Костромской области, после чего были произведены археологические раскопки. Формирование могильника относится ко времени Смуты и представляет большой интерес. Погребения принадлежат русскому населению XVII века, формирование могильника продолжалось примерно один век. В 2003 году был обнаружен еще один участок могильника, и раскопки были продолжены. В целом могильник датируется XVII – началом XVIII века. Руководил раскопками А.В. Новиков. Палеоантропологическое исследование проводили С.Б. Боруцкая и С.В. Васильев (Васильев, Боруцкая 2004, 2014).

Казань. Скелетный материал получен в результате раскопок православных кладбищ XVII-XVIII в Казанском Кремле, на территории возле Кремля и в городе, относительно недалеко от центра. Раскопки проводились в 1977 г, в 2001–2003 гг., 2004г, 2005 г, и не менее, чем в десяти пунктах города Казань. Половозрастные определения проведены с.н.с НЦАИ ИИ АН Республики Татарстан И.Р. Газимзяновым и любезно предоставлены нам для сравнительного демографического анализа. Итоговая численность выборки, использованная в работе, составила 946 индивидов.

Липецк. Материал был получен во время раскопок на территории бывшего Дмитровского кладбища на улице Фрунзе города Липецка. Раскопки некрополя начались в связи с реконструкцией дороги на улице Фрунзе. Руководитель раскопок – И.Н. Казмирчук. Датруется данный некрополь XVIII веком. Половозрастные определения и иные исследования проводились С.В. Васильевым и С.Б. Боруцкой (Васильев, Боруцкая 2007).

Усть-Иерусалимский могильник, г. Болгар, Татарстан. Датировка могильника – XIV век, – время экономического упадка города Болгар. Население, оставившее этот могильник, – средневековая мордва. Раскопки проводились в конце XX века – начале XXI века. Руководитель раскопок – к.и.н. И.Р. Газимзянов. Исследование скелетных останков проводили И.Р. Газимзянов, С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев (Боруцкая 2004; Боруцкая, Васильев, Газимзянов 2007; Васильев, Боруцкая 2014).

Блохино-1. Кладбище было обнаружено к западу от нынешнего села Блохино, находящегося немного к северу от города Саранск. Сейчас это фактически ближай-

шая к границе города территория. Руководитель раскопок Г.Л. Земцов. Датировка кладбища XVII–XVIII вв. палеодемографическое исследование проводили С.Б. Боруцкая и С.В. Васильев (*Васильев, Боруцкая, Земцов 2020*).

Таблица 5

Основные палеодемографические показатели некоторых групп русских городов и сельских населенных пунктов

Могильники	n	A(лет)	AA(лет)	PCD (%)	PBD (%)	C50+ (%)	PDm (лет)	PDf (лет)
Тверь, Смоленское кладбище	371	27,2	39,14	19,14	8,36	14,02	40-45, 50+	35-40, 40-45
Н. Новгород 1	1587	28,5	36,5	25,5	5,23	8	30-40	30-40
Н. Новгород 2	155	33,5	39	16,0	9,03	16,5	30-40	30-50+
Н. Новгород 3	133	21	36	48,0	21,05	1,5	30-40	30-40
Казань	946	34	40	18,0	3,5	15,5	30-50	30-50
Липецк	94	27	39	34,0	4,25	7,5	30-50	30-40
г.Болгар, Усть-Иерусалимский	301	16,01	31,7	57,14	21,26	2,16	30-40	15-20, 30-40
Блохино-1	1045	14,5	39,1	67,1	43,5	8,33	40-50+	50+
село Исупово	313	32,5	39	19,5	6,07	9,5	30-50	30-40

На фоне других исследованных палеопопуляций населенных пунктов России группа из Твери также является репрезентативной. Анализ демографических показателей выявил следующее: высокий показатель среднего возраста смерти индивидов в группе (среднюю продолжительность жизни), средний возраст смерти взрослых индивидов аналогичен таковому практически во всех сравниваемых группах, уровень детской смертности довольно низок, в том числе и в первый год жизни, финальная возрастная когорта довольно представительна. Пик смертности мужчин приходится на поздние периоды жизни (40-45 лет и 50+ лет), аналогично таковому в пограничном селе Блохино-1 Саранского уезда XVII–XVIII вв. Высокая смертность женщин Твери XVIII–XIX вв. связана с возрастом 35-45 лет, так же, как и в Нижнем Новгороде и Казани XVII–XVIII вв.

Демографическую ситуацию в городе Тверь XVIII–XIX вв. можно считать довольно благополучной, о чем свидетельствует высокий показатель средней продолжительности жизни, относительно невысокий показатель детской смертности, значительная представительность финальной возрастной когорты, низкая смертность в молодом возрасте. На нестандартное соотношение взрослых индивидов по полу в пользу мужчин могли повлиять миграционные процессы, связанные с ростом, строительством и развитием города, начиная с 18 века.

Научная литература

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. Москва: Наука, 1966.

- Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. Москва, 1989. С. 63–90.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Москва: Наука, 1964.
- Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). Москва, 2003. С. 19–49.
- Боруцкая С.Б. Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии, 2004. № 11. С. 102–107.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Вестник антропологии, 2007. № 15. Ч. 2. С. 413–418.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Палеодемографический анализ населения Нижнего Новгорода XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок некрополей) // В сборнике: Материалы VIII Городецких чтений. Открытый текст. Электронное периодическое издание. 2016.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б. 2004. Палеоантропология населения Костромской области XVII в.: по материалам могильника Исупово // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. С.В. Васильев. 2004. № 30. С. 249–267.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Комплексная палеоантропология Дмитровского некрополя XVIII века г. Липецка // В сборнике: Верхнедонской археологический сборник. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию Н.Д. Праслова. Липецкий государственный педагогический университет / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, Санкт-Петербург, 2007. С. 289–312.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Земцов Г.Л. 2020. Палеодемографическая ситуация в Саранском уезде XVII–XVIII вв. по материалам могильника Блохино-1 // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 2020. № 6. С. 335–346
- Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев. Наукова Думка, 1960.
- Никитюк Б.А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии, 1960. Т. 2. С. 115–121.
- Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии, 1960. Т. 3. С. 118–129.
- Паикова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Москва, 1963.
- Angel J.L. The bases of paleodemography // *American Journal of Physical Anthropology*, 1969. № 30. P. 427–438.
- STANDARDS. For data collection from human skeletal remains. Indianapolis 1994.
- Ubelaker, D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Washington. Taraxacum, 1989.

Borutskaya Svetlana B., Natalia V. Kharlamova, Sergei A. Rudnikov, Igor N. Chernykh

Paleodemography of Tver in the XVIII–XIX centuries: the Smolensk cemetery from the former Zagorodny posad

Skeletal materials from Tver were obtained in the course of excavations at the Smolensk cemetery on the south-eastern outskirts of the city, the former Zagorodny posad (settlement). The necropolis originated in the XVIII century and was used for two centuries. The authors study the paleodemography of the population of Tver in the XVIII–XIX centuries according to the data of the sex and age estimations of the skeletal material. The study showed that the demographic situation in Tver in the XVIII–XIX centuries was relatively sound, as evidenced by the high average life expectancy, a relatively low infant mortality rate, a strong presence of the oldest age group, and low mortality at a young age. The distorted sex ratio of adult individuals in favor of males can be explained by the migration processes associated with the growth and development of the city in the XVIII–XIX centuries.

Keywords: *paleodemography, archaeological excavations, skeletal material, age cohort, peak mortality, average life expectancy*

For Citation: Borutskaya S.B., N.V. Kharlamova, S.A. Rudnikov, I.N. Chernykh. 2021. Paleodemography of Tver in the XVIII-XIX centuries: the Smolensk cemetery from the former Zagorodny posad. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 311–329.

Author Info:

Borutskaya, Svetlana B. – PhD in biology, Moscow state University. (Moscow, Leninskie goru, 1/12). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Kharlamova, Natalia V. – PhD in hist, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru

Rudnikov, Sergei A. – archaeologist of the archeology department, Tver State United Museum (TSOM, Tver). E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Chernykh, Igor N. – Deputy General Director, Head of the Department of Archeology, Tver State United Museum (TSOM, Tver). E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Funding: The work was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 20-59-00012 Bel_a

References

- Alekseev, V.P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij*. [Osteometry. Anthropological research methodology]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1989. Paleodemografiya: soderzhanie i rezul'taty. Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya, zadachi. [Paleodemography: Content and Results. Historical demography: problems, judgments, tasks], 63–90. Moscow.
- Alekseev, V.P., and G.F. Debec. 1964. *Kraniometriya*. [Cranimetry.], 29–40. Moscow: Nauka.
- Ange, J.L. 1969. The bases of paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology* 30: 427–438.
- Bogatenkov, D.V. 2003. Paleodemografiya Mistihali. [Paleodemography Mistihali]. *Vlazi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistihali)*, edited by T.I. Alekseeva, D.V. Bogatenkov, G.V. Lebedinskaya, 19–49. Moscow.
- Boruckaya, S.B. 2004. Paleoantropologicheskoe issledovanie pogrebenij Ust'-Ierusalimskogo mogil'nika g. Bolgar (Tatarstan). [Paleoanthropological study of the burials of the Ust-Jerusalem burial ground in the city of Bolgar (Tatarstan)]. *Herald of Anthropology (Vestnik antropologii)* 11: 102–107.
- Boruckaya, S.B., and S.V. Vasiliev. 2016. Paleodemograficheskij analiz naseleniya Nizhnego Novgoroda XVII–XVIII vv. (po materialam raskopok nekropolej). [Paleodemographic analysis of the population of Nizhny Novgorod in the XVII–XVIII centuries (based on materials from excavations of necropolises)]. *V sbornike Materialy VIII Gorodeckih chtenij . Otkrytyj tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie*.
- Boruckaya, S.B., S.V. Vasiliev, and I.R. Gazimzyanov. 2007. Paleodemograficheskie i paleopatologicheskie aspekty issledovaniya detskih pogrebenij Ust'-Ierusalimskogo mogil'nika (g. Bolgar). [Paleodemographic and paleopathological aspects of the study of children's burials at the Ust-Jerusalem burial ground (Bolgar)]. *Herald of Anthropology (Vestnik antropologii)* 15 (2): 413–418.
- Dobryak, V.I. 1960. Sudebno-medicinskaya ehkspertiza skeletirovannogo trupa. [Forensic examination of a skeletonized corpse]. Kiev: Navukova Dumka.
- Nikityuk, B.A. 1960. O zakonomernostyah obliteracii shvov na naruzhnoj poverhnosti mozgovogo

- otdela cherepa cheloveka. [Regularities of obliteration of sutures on the outer surface of the human cerebral section of the skull]. *Voprosy antropologii* 2: 115–121.
- Nikityuk, B.A. 1960. Opredelenie vozrasta cheloveka po skeletu i zubam. [Determination of a person's age by the skeleton and teeth]. *Voprosy antropologii* 3: 118–129.
- Pashkova, V.I. 1963. *Ocherki sudebno-medicinskoj osteologii*. [Essays on Forensic Osteology]. Moscow.
- STANDARDS. 1994. For data collection from human skeletal remains. *Indianapolis* 44: 1–35.
- Ubelaker, D. H. 1989. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Washington. Taraxacum.
- Vasiliev, S.V., and S.B. Boruckaya. 2004. Paleoantropologiya naseleniya Kostromskoj oblasti XVII v.: po materialam mogil'nika Isupovo. [Paleoanthropology of the population of the Kostroma region of the 17th century: based on materials from the Isupovo burial ground]. *Rasy i narody. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy* 30, edited by S.V. Vasiliev, 249–267.
- Vasiliev, S.V., and S.B. Boruckaya. 2007. Kompleksnaya paleoantropologiya Dmitrovskogo nekropolya XVIII veka g. Lipecka. [Complex paleoanthropology of the Dmitrovsky necropolis of the 18th century in Lipetsk] // *V sbornike: Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik. Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj 70-letiyu N.D. Praslova. Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet*, edited by S.V. Vasiliev. Lipeck, St. Peterburg: 289–312.
- Vasiliev, S.V., S.B. Boruckaya, and G.L. Zemcov. 2020. Paleodemograficheskaya situaciya v Saranskom uezde XVII–XVIII vv. po materialam mogil'nika Blohino-1. [Paleodemographic situation in the Saransk district of the 17th – 18th centuries. based on materials from the Blokhino-1 burial ground]. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology* 6: 335–346.

РОДОВЫЕ УГОДЬЯ БЕЗ РОДОВИКОВ – ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ХМАО–ЮГРЫ)

Земельное право коренных народов в Югре возникло в противовес нефтегазовому освоению и растущему отчуждению земель. Принятое в 1992 г. Положение о статусе родовых угодий расценивалось как юридическая основа для поддержки традиционного природопользования и идентичности хантов и манси. Наибольшее распространение угодья получили в центральных и восточных районах округа, где проживали ханты. В западных районах, где проживали манси, родовые угодья не получили широкого распространения, и статья объясняет причины этого дисбаланса. На примере Кондинского и Березовского районов описана экономическая и этническая обстановка, определившая отличие западных районов от восточных; показаны специфические проблемы выделения родовых угодий, разные решения администраций, отдельно разобран случай родовиков села Болчары. Современное состояние родовых угодий описано на основе наблюдений, интервью с владельцами, а также на материалах функционального зонирования территорий традиционного природопользования ХМАО–Югры. Статья характеризует юридическо-экономический контекст, в котором родовые угодья существуют четверть века, иллюстрируя постепенное выхолащивание изначальной идеи из-за изменений законодательства. Показано расхождение между концепцией традиционного природопользования как задачи по самообеспечению индигенных домохозяйств и реалиями рыночной экономики, которые требуют ведения товарного хозяйства или внешних источников дохода. Родовые угодья стали дорогим инвестиционным проектом с непонятным целеполаганием. Большая часть наследственных владельцев не может или не знает, как использовать земли.

Ключевые слова: родовые угодья, территории традиционного природопользования, коренные народы, общины, ханты, манси, неотрадиционализм

Ссылка при цитировании: Абрамов И.В. Родовые угодья без родовиков – отражение политики традиционного природопользования (на примере западных районов ХМАО–Югры) // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 324–339.

Первая нефть Западной Сибири была обнаружена около мансийской деревни Шаим на Конде в 1959 г., но самые богатые месторождения чуть позже были открыты на землях восточных хантов. В Сургутском и Нижневартовском районах добывающая промышленность создала обширную сеть дорог и трубопроводов поверх оленьих пастбищ и рыбных водоемов, загрязнив огромные площади. Поскольку нефтедобыча была абсолютным приоритетом развития, нефтяники свободно распоряжались землей и «нарезали» месторождения, как им вздумается, игнорируя хозяйство народов Севера. Площадь непригодных и недоступных для оленеводства и промыслов земель неуклонно росла, лишая народы Севера основы существования. Катастрофическое положение народов Среднего Приобья стало предметом особого внимания во время Перестройки. В 1989 г. 33% территории округа зарезервировали под земли приоритетного природопользования, исключив там добычу и разведку углеводородов, но не существовало правового механизма, который бы позволил закрепить эти земли за хантами и манси¹. Разработка профильного закона заняла три года и в 1992 г. Положение о родовых угодьях было принято, став первым подобного рода документом в Российской Федерации. Коренные народы Югры добились права получать землю в пожизненное наследуемое владение, общины – в бессрочное пользование или аренду. *Родовые угодья – естественно-природный комплекс территорий (леса, реки, их берега, озера, болота, луга, пастбища и др.), на которых исторически сложились образ жизни и формы традиционного хозяйствования коренных жителей Ханты-Мансийского автономного округа* (Положение... 1992: 2).

К 1999 г. было выделено 465 родовых угодий, занявших 55% Сургутского района, 49% Нефтеюганского и 25% Нижневартовского (Пахомов и др. 2000: 9). Это были земли исторического проживания хантов. В наиболее пострадавшем от нефтяников Сургутском районе угодий отвели на 10%

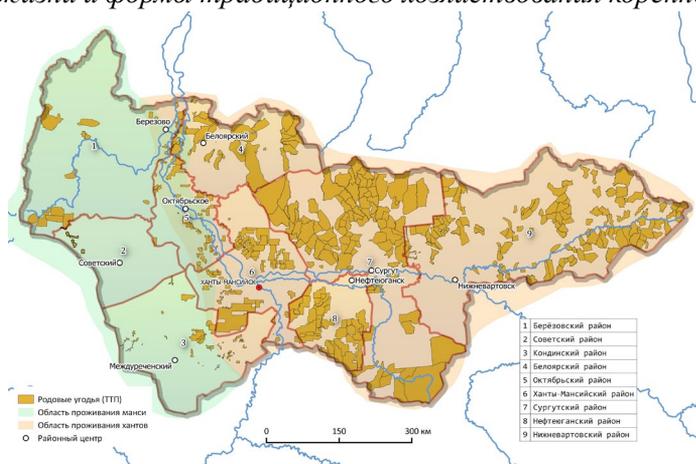

Рис. 1 Родовые-угодья-ХМАО-Югры.

больше, чем было предусмотрено лимитом. На западе, в Кондинском и Березовском районах (где жили преимущественно манси) угодья заняли 3,3 и 16,4% площади соответственно, лимит был выбран в первом случае на 10% (0,2 тыс. га), во втором на 50% (1,4 тыс. га). Разница Сургутского и Кондинского районов по площади выделенных угодий оказалась тридцатикратной (рис. 1). Чтобы объяснить причины столь разной практики отведения родовых угодий следует охарактеризовать западные районы: исходные условия, политику администраций и землепользователей, ожидания и возможности заявителей. Это позволит понять, почему меры по развитию традиционного природопользования в ХМАО-Югре не достигают цели.

¹ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 9 августа 1989 года № 116 «Об образовании территорий приоритетного природопользования».

Историография и методы

Термин «традиционное природопользование» оформился на рубеже 1980–1990-х гг. в дискуссиях о путях возрождения коренных народов. Самой заметной стала концепция неотрадиционализма, призванная объединить самобытные ценности и институты народов Севера с технологическими, экономическими и экологическими новациями (Лука, Прохоров 1994). Общины коренных народов выделялись главными субъектами новой северной политики и экономики, общинные земли в статусе ТТП должны были укрепить их самостоятельность.

Вокруг коренных малочисленных народов Севера (КМНС) сложилось особое дискурсивное поле и риторика традиционности (Кучинский 2007). Самобытные хозяйственные практики признали «неистощительными» для природы, что было закреплено в федеральном законе о территориях традиционного природопользования (далее – ТТП) в 2001 г. Однако понятия «традиционный образ жизни», «исконная среда обитания» остались уязвимыми для критики, поскольку не поясняли, какой период берется за точку отсчета традиции. В свою очередь, правоприменение по этническому признаку породило массу коллизий, особенно в регионах масштабного хозяйственного освоения, таких как Ханты-Мансийский автономный округ, где доля коренного населения в течение XX в. сократилась до 2%, а смешанные браки преобладали.

Натуральную экономику коренных народов в постсоветский период фиксировали этнографы (Мартынова 2017, 2019; Пивнева 2019) и социологи (Харамзин 2001; Хакназаров 2016). В ряде случаев исследования были регулярными, например, коренных жителей четырех западных районов опрашивали каждые два года с 1993 по 1999 гг.; это позволило выявить динамику мнений по вопросам традиционного природопользования (Харамзин, Хайруллина 2000). Нюансы фактического использования родовых угодий в Ханты-Мансийском и Октябрьском районах описали Е.П. Мартынова и Е.А. Пивнева (1999). Правовые аспекты функционирования родовых угодий антропологически разбирала Н.И. Новикова (Новикова 2008: 16–38; Новикова 2014: 114–176). Экономисты также обращались к проблемам коренного населения ХМАО, оперируя статистикой на уровне макрорайонов и регионов (Куриков 2012; Логинов 2003). При всем обилии работ, посвященных традиционному природопользованию коренных народов, крайне мало публикаций, касающихся конкретных случаев и людей; родовые угодья редко становились предметом отдельного исследования. Уровень домохозяйств антропологами рассматривался лишь однажды, осветив состояние промыслов и экономику угодий хантов в переходные времена (Вигет 2002).

Данная работа опирается на полевые наблюдения и интервью, архивные документы и статистику. С 2001 г. родовые угодья официально называются *территориями традиционного природопользования*, их владельцы – *субъектами права ТТП*. Сами себя они по-прежнему именуют родовиками, подчеркивая первоначальный замысел проекта. Экономически активные родовики Березовского и Кондинского районов стали основными информантами по теме, также были опрошены ответственные специалисты районных администраций. В департаменте недропользования и природных ресурсов ХМАО-Югры (Ханты-Мансийск) были получены важные для анализа атласы зонирования территорий традиционного природопользования. Таким образом, полевые наблюдения были проверены на камеральных данных, что позволило прийти к взвешенным выводам.

Березовский район

Северо-запад Ханты-Мансийского округа занимает Березовский район, небогатый углеводородами. Поселения района связывают реки, автодороги не развиты, выезд на региональные трасы возможен только зимой. Транспортная изоляция обеспечила сохранность промысловых угодий – лучших по соболю, лосю и северному оленю в Югре. В 2010 г. в Березовском районе проживало 70% сельских манси. В результате коллективизации, оседания и укрупнения они стали жителями больших полиэтничных поселков, нигде не образуя уверенного большинства. Это существенно отличало их от хантов: в Сургутском районе множество семей по-прежнему жило на стойбищах (одна-две семьи), занимаясь оленеводством. Именно семейные пастбища хантов стали приоритетной базой для оформления родовых угодий в наследуемое владение в 1990-е годы. У манси оленей в частном владении практически не осталось, поэтому общинные родовые угодья на базе охотничье-рыболовных участков выглядели здесь более подходящим вариантом. Из 66 арендованных по округу родовых угодий, 29 находились в Березовском районе, ни одного в Сургутском, Нефтеюганском, Нижневартовском районах (Территория... 2004: 42).

До конца 1993 г. в Березовском районе было организовано 14 родовых угодий, из них 6 оформлены на общины, 8 – на индивидуальных пользователей (ААБР: Ф. 72. Оп. 1. Д. 14. Л. 41). Общинные угодья стали самыми большими в ХМАО. Их выделяли из фонда Березовского коопзверопромхоза (КЗПХ), которому принадлежала почти вся земля, покрытая лесом. Аналогичным образом рыбугодьями района заведовал Березовский рыбкомбинат. Это были стабильно работающие предприятия, с отделениями во всех таежных поселках: охотникам выделялись охотничьи участки, оружие, стройматериалы, в отдаленные места доставляли на вертолетах. Такая работа не подвигала к мысли о родовом угодье, где все пришлось бы делать самому. Но этнические активисты считали, что при целевой поддержке ханты и манси смогут создать лучшие условия жизни на родовых угодьях, особенно объединившись в общины. На последние возлагались особые надежды, как на формы сельского самоуправления, которые заменят сельсоветы.

Получив в аренду земли, общины района столкнулись с тем, что условия пользования биоресурсами по-прежнему определяет Березовский коопзверопромхоз, который остался безальтернативным агентом по предоставлению лицензий на пушного зверя и скупке шкур, а поддержка окружных фондов незначительна. Когда в 2000 г. у многих закончились сроки аренды родовых угодий, Березовский КЗПХ препятствовал их перезакреплению (ААБР: Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Л. 6). Общины так и не получили прав распоряжаться биоресурсами, что на фоне рухнувшей торгово-закупочной сети и цен обесмысливало экономику родовых владений. Из шести общин лишь опыт «Кимкъясуя» можно считать успешным, хотя в конечном итоге и она распалась, не выдержав рыночных скачков и внутренних конфликтов (Федорова 2012).

Местная тайга не знала семейного-родового права на ресурсы, но была знакома с межэтническими конфликтами за промысловые угодья. Березовский район отличался самой высокой в округе напряженностью между аборигенным и иноэтничным населением, что отметил каждый второй опрошенный в 1997 г. (Харамзин, Хайруллина 2000: 10). С помощью родовых угодий некоторые заявители рассчитывали ограничить доступ нестатусных (не КМНС) соседей, о чем не стеснялись говорить. На одном из совещаний у главы района, где в споре об угодьях сошлись разные стороны, сосвин-

ский охотовед не выдержал: «Вы что хотите второго Карабаха!» (интервью, п. Сосьва, 2016). Это был один из веских доводов для замораживания заявок на родовые угодья.

Исходя из формальных критериев (обилие земель, высококлассные угодья, высокий удельный вес коренного населения, поддержка этноактивистов), казалось, что Березовский район может и должен обеспечить свободу хозяйствования аборигенов, но на деле выходило, что родовые угодья пришлось не к месту и не ко времени.

Кондинский район и случай села Болчары

Район соответствует бассейну Конды – области проживания южных хантов и манси, отличающихся языком и культурой от северных групп. Вокруг каждой деревни были закрепленные за ней лесные и водные угодья, которые использовались сезонно под разные промыслы. Особое значение для общин имел запорный рыбный промысел на Конде и притоках, требующий коллективных действий для создания и обслуживания заграждений. В начале XX в. заготавливали столько рыбы и ягод, чтобы вести выгодный торг с соседями, выменивать рыбу на муку и мануфактурные товары.

В 1930-е гг. угодья были национализированы в пользу колхозов и артелей, село Болчары стало центром укрупнения деревень и юрт. Чуть позже – центром лесозаготовок, испытав приток рабочей силы из других регионов. Численность села относительно 1926 г. за полвека выросла более чем в 10 раз, достигая на пике 2,5 тыс. человек. В настоящее время в селе проживает около 2 тыс. человек, 700 из них имеют статус КМНС¹. Местные диалекты полностью утрачены, национальные черты нивелированы. Профильные законы по защите и поддержке КМНС в 1990-е гг. спровоцировали смену паспортной идентичности, которая на Конде приобрела особый масштаб и расценивалась почти исключительно как доступ к льготам.

Теоретически институт родовых угодий позволял вернуть себе угодья предков, но по факту район оказался одним из аутсайдеров в деле выделения угодий, а их размер был наименьшим. За 8 лет с 1992 г. было оформлено 35 родовых угодий, из них 6 – на общины. Чаще всего просили в пользование несудоходные притоки Конды с подходящими для рыболовства условиями, поэтому очертания угодий во многих случаях повторили линию водоемов. Самым маленьким родовым угодьем Кондинского района и всего округа стала протока (пойменный ручей) с 15-метровой водоохранной зоной, площадью 6,7 га, которую пересекает оживленный автозимник. Угодье-ручей юридически существует до сих пор без всяких признаков его использования по назначению.

В Болчарах с 1993 по 1999 гг. родовые угодья отвели пять жителей села. 11 января 1993 г. первым землю под общину «Выгиль» оформил *Нялин Николай*. Старые угодья хантов Нялиных были по рекам Хешма и Сёртым в левобережье Конды, но Николай выбрал Выгильский Сор, который до национализации был в общем пользовании местных хантов, а в советское время стал одним из лучших водоемов болчаровского колхоза «40 лет Октября». Комиссию это не смутило и заявку одобрили. На следующий год колхоз отвоёвал озеро назад, добившись аннулирования решения комиссии. Тогда Нялин обратился к В.А. Чурилову – депутату РСФСР, бывшему первому секретарю окружкома, и угодье вновь передали ему. Сам Выгильский Сор при этом остался водоемом для промышленного лова, и право промысла рыбы в нем может получить стороннее предприятие, но воспользоваться им сможет только с согласия Нялина.

¹ Данные администрации Болчаровского сельского поселения.

Александр Кобылин оформил родовое угодье через три месяца после Нялина, на подведомственной земле – он возглавлял Болчаровский участок Кондинского коопзверопромхоза. Через год оформил угодье *Владимир Бельский*, также занимавший управленческую должность в Болчарах. Наблюдая за их успехами и собственной застрявшей заявкой, рыбак Анатолий Б. в 1994 г. обратился в окружную ассоциацию коренных народов «Спасение Югры», где обозначил специфику поселка, где из четырех владельцев родовых угодий, «националом является только Нялин, а остальные по национальности русские, все приезжие» (ГАХМАО: Ф. 418. Оп. 1. Д. 51. Л. 18).

Несколько лет длилось затишье, и новый всплеск активности случился лишь в конце 1990-х гг. Хантыйский рыбак *Георгий Сургучев* получил добро на рыболовный участок по реке Чепыш, где рыбачил от колхоза. В 1998–1999 гг. вместе со взрослым сыном Николаем он объехал Междуреченский, Ханты-Мансийск, Тюмень, добился встречи с окружным главой А.В. Филиппенко, чтобы продвинуть заявку, которая застряла в кабинетах. Усилия не прошли даром, и угодье было отведено. Последним в Болчарах в июне 1999 г. получил угодье русский *Владимир Брусков*, возглавлявший в разные годы колхоз и сельсовет.

Заклучим: рядовой промысловик мог добиться родового угодья, приложив организационные усилия и проявив настойчивость, но его путь был значительно дольше и извилистее, чем у руководителей предприятий и органов власти, обладавших связями и информацией. Во всех случаях заявителей прежде всего интересовали богатые рыбой водоемы, где уже имелась инфраструктура лова. Работа с заявками была непрозрачной: в игнорировании проблем кондинскую комиссию обвиняла активистка и член «Спасения Югры» Ольга Александровна Кошманова (ГАХМАО: Ф. 418. Оп. 1. Д. 57. Л. 27). Чиновники, в свою очередь, перекладывали вину на землепользователей, которые тянули с согласованием отводов. По опросу 1995 г. в западных районах округа на одного получившего угодья приходилось четверо желавших это сделать; четверть опрошенных заявили, что в угодьях не нуждается (*Харамзин, Хайруллина* 2000: 93).

От родовых угодий к ТТП

Положение о родовых угодьях действовало до 2001 г., когда был принят федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Закон исключал право пожизненного наследуемого владения землей, которое было прописано в актах выдачи родовых угодий. В возникшем правовом вакууме округ постановил признать родовые угодья территориями традиционного природопользования регионального значения. Это решение опережало реальность, так как требовалось установить правовой режим, а для этого провести зонирование и законодательно закрепить границы – работа, которая растянулась на много лет. В этой ситуации югорские власти выступили гарантами земельных прав коренных народов перед недропользователями, утвердив родовые угодья в статусе ТТП, минуя ряд положенных федеральным законом процедур. В какой-то момент «...единственным юридическим документом, подтверждающим существование аборигенов на их землях, стали экономические соглашения с нефтяниками» (*Новикова*... 2008: 28).

В 2006 г. был принят окружной закон о территориях традиционного природопользования регионального значения, где утверждалась процедура их создания, но последовавший за ним Лесной кодекс лишил Югру права создавать ТТП, поскольку лес стал федеральным. Работа сосредоточилась на урегулировании статуса существующих ТТП: создали реестр, куда стали вписывать родовиков как субъектов права, запланировали зонирование земель¹.

С 2002 г. число ТТП не менялось – 475. Контраст в площадях и количестве субъектов ТТП между западными и восточными районами сохранился и даже усилился. При переходе от родовых угодий к ТТП, требовалось подтверждение собственников: из 41 родовых угодий Кондинского района 6 владельцев так и не объявились, и реестр сократился до 35 (интервью, чиновник, г. Междуреченский, 2018). К 2008 г. на родовых угодьях Кондинского и Березовского районов проживало менее 50 человек, 1-3% общего числа коренных жителей районов, в то время как в Сургутском районе почти 2 тыс. чел. – 78% аборигенов района (Логинов 2008: 82).

Первые проекты положений о правовом режиме ТТП были приняты Правительством округа только в 2016 г., по результатам функционального зонирования угодий в Нижневартовском и Сургутском районах (Функциональное... 2012). Таким образом, прошло почти пятнадцать лет с момента обсуждения необходимости разработки правовых режимов ТТП до принятия первых десяти из них². Все это время они де факто находились вне правовых рамок.

Режим пользования территориями традиционного природопользования

В 2015 г. дошла очередь до зонирования территорий традиционного природопользования Белоярского, Березовского, Кондинского, Нефтеюганского, Октябрьского, Советского и Ханты-Мансийского районов ХМАО–Югры (Функциональное..., 2015)³. Главным итогом работ являются карты, отражающие биоресурсы ТТП и промышленную инфраструктуру. Подсчитаны площади и продуктивность природных комплексов по оленеводству, охоте, сбору дикоросов. Родовики помогали составлять паспорта ТТП, обозначая места сбора и добычи биоресурсов, недвижимые объекты, границы. Оценивались не конкретные результаты их промыслов, а ландшафтно-ресурсный потенциал угодий. Насколько родовики пользовались этим потенциалом, не указано. Недостатком отчетов является полное отсутствие какой-либо аналитики, выводов и рекомендаций. Опросы родовиков также не включены. Количественные данные сведены в таблицы, для обоснования выделения трех типов функциональных зон: строгого охранного режима, обычного режима, ограниченного хозяйственного использования.

В контексте статьи самым важным является раздел «Подтверждение факта проживания и ведения традиционного образа жизни» (Функциональное..., 2015: 48–49). Родовики были выделены в три группы: кто ведет традиционный образ жизни,

¹ Актуальная информация по ТТП и субъектам права, их национальному составу: Хакназаров, 2016, с. 21.

² Постановление Правительства ХМАО – Югры от 3 ноября 2016 г. № 432-п «Об утверждении положений о правовом режиме территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре №№ НВ-В32, НВ-В34, НВ-К13, НВ-К18, НВ-О22, С-8Л, С-7У, С-2Р, С-16С, С-14Л».

³ Отчеты хранятся в Департаменте недропользования и природных ресурсов ХМАО–Югры. Предоставлены автору в электронном виде по официальному запросу от организации.

проживая на ТТП (1 группа), кто проживает в сельской местности, но традиционная хозяйственная деятельность не является основной (2 группа); 3-я группа – горожане, эпизодически появляющиеся на ТТП. В таблице 1 выбраны данные по четырем западным районам, обсуждаться на основе собственных полевых материалов будут только случаи Кондинского и Березовского районов.

Таким образом, в 2014 г. из 6378 представителей КМНС Березовского района¹ на родовых угодьях постоянно проживало 28 человек (0,4%), что подтверждается полевыми наблюдениями. Порядка 70 человек пользовались угодьями как промысловыми участками для охоты или рыболовства. Полных семей, постоянно живущих на угодьях, было три: Савелия Самбиндалова (Юрты Турват, 9 человек), Андрея Пакина (3 человека), Алексея Новыхова (Юхонгорт, 3 человека). Только в их случаях родовые угодья – основное или единственное место проживания.

Таблица 1

Характер проживания на ТТП ХМАО-Югры

Район	ТТП	Семей	Чел.	Из них, КМНС	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Березовский	21	29	99	95	28	59	12
Кондинский	35	50	147	119	10	32	105
Белоярский	34	90	335	312	37	238	49
Октябрьский	54	67	190	117	9	80	101

В Кондинском районе из 5136 представителей КМНС² на родовых угодьях постоянно проживало 10 или менее человек (0,2%), ни одной полной семьи. Сезонно посещали угодья 137 человек, при этом 105 их них – жители городов. Если детализировать третью группу, то порядка 60-70% окажутся потомками и родственниками владельца, не связанные с тайгой и промыслами. По 6-8 месяцев в году на угодьях жили только рыбаки, присматривающие за рыболовными ловушками. Обычно это одинокие мужчины, односельчане владельца угодий. Именно эти люди на регулярной основе занимались традиционным природопользованием, в то время как владелец решал организационные вопросы в поселке.

Похожая картина наблюдалась в 1999 г. в Октябрьском районе. Из пятидесяти владельцев родовых угодий на территории проживал только один, остальные навещали их эпизодически, используя как дачи (Мартынова, Пивнева 1999: 16). Данные зонирования 2015 г. говорят об этом же, только “дачников”, вероятно, стало еще больше, поскольку уровень благосостояния селян в 2000-х гг. вырос. До этого опросы показывали крайне низкую обеспеченность коренного населения лодками, снегоходами, автотранспортом и бензопилами. В 1997 г. моторку и бензопилу имел лишь один из четырех, снегоход или мотоцикл – один из десяти, и каждый десятый не имел ничего из перечисленного (Харамзин, Хайруллина 2000: 91). Угодья не освоить при таком уровне благосостояния – даже поддерживать имеющуюся инфраструктуру затруднительно. Поэтому для многих родовые угодья так и остались запасным вариантом на случай прихода нефтяников.

¹ Данные Березовской администрации за 2014 г.

² Данные Кондинской администрации за 2014 г.

На Конде дачный вариант характерен примерно для трети угодий. Особенно это касается “пригородных” владений, связанных дорогами с крупными населенными пунктами. Такая жизнь немыслима без нескольких видов транспорта, обустроенной усадьбы, бензотехники, электричества, современных средств связи, то есть без устойчивых “внеусадебных” источников дохода. По данным опроса 2015 г. основными источниками дохода родовиков являлись заработная плата (50,1% опрошенных) и продажа биоресурсов (49,1%), на третьем месте (33,6%) выплаты социальных фондов (Хакназаров 2016: 49–50). Не связанный с биоресурсами источник дохода, позволял инвестировать в инфраструктуру угодья, превращая минималистичный промысловый стан в комфортабельное жилье, и делая его пригодным для приема гостей и туристов. Необходимость работать в поселке, отвозить детей (внуков) в школу, привела к распределенному образу жизни, который не сочетается с традиционным укладом.

Поселковые жители привыкли мозаично использовать окрестности: рыбалка в одном месте, сбор ягод в другом, сенокос – в третьем, наличие родового угодья подразумевало, что теперь все промыслы уместятся внутри. Это работает на больших угодьях стойбищных хантов (Вугет 2002). Для поселковых же родовиков угодья стали дополнительным, и зачастую необязательным вариантом жизнеобеспечения. Малый размер кондинских угодий в принципе говорил о моноресурсной направленности и сезонности. Границы на местности размечали крайне редко – это требовались только в случае промышленных работ и земельных конфликтов.

Вернемся в Болчары. *Николай Нялин* до 2015 г. использовал родовое угодье под промысел рыбы, добывая по 30–60 т в год запорами. 80% угодья занимает Выгильский сор. Основной сезон лова ноябрь–январь, готовиться к нему начинают летом, остальное время года угодье пустует, твердой дороги туда нет. В 2016 г. Нялин перестал запираить вытекающую из озера речку. Разведение крупного рогатого скота оказалось более выгодным и предсказуемым делом, чем рыба, с которой возникало много проблем, решение которых не зависело от Николая. Животноводством Нялин занялся в родной д. Чеснок на Конде, за пределами ТТП. Однако в 2019 г. он забил весь скот и теперь делает ставку на развитие туризма на берегу Выгильского сора – его обнадежил опыт приема богатых рыбаков и окружная субсидия на строительство гостевых домиков.

Отставной начальник пожарной службы *Александр Кобылин* имеет отдаленное, труднодоступное родовое угодье, куда дорога из Болчар занимает 8–10 часов: либо лодкой, либо лодкой и болотоходом, в первом случае требуется 100 литров топлива в оба конца, не считая погнутых винтов, во-втором – спецтранспорт, который появился в хозяйстве недавно. Снегоходная дорога, напротив, занимает не более трех часов, и зимний период – главный для угодья. Кобылин считает содержание угодья невыгодным, даже с учетом приема туристов-рыбаков, которые инвестируют в его озерные базы. Раньше он также занимался запорным ловом, но уже много лет не закрывает речки по причине несоответствия затрат и прибыли. На угодье он бывает наездами, в остальное время за хозяйством присматривают родственники и наемные работники.

Николаю Сургучеву до родового угодья два часа езды на лодке и автомобиле. На р. Чепыш он до сих пор занимается запорным ловом «на прокорм», хотя его река обеспечивала промышленные объемы добычи в советские годы. Николай унаследовал промысловый стан от отца, рыбачившего на колхоз, сам большую часть жизни отработал водителем в нефтянке. В делах помогает зять, но главный работник угодий – бездомный друг, живущий на угодье постоянно.

Все упомянутые родовики уже пенсионеры, и могут себе позволить пожить на угодье летом «для души», «как предки». Если же дело касается присмотра за промыслом, вроде запорного лова, как правило, ищут одинокого работника. Прямые наследники редко связывают свою жизнь с традиционным природопользованием. Так случилось с угодьями Бельского и Брускова, которые пустуют уже много лет.

Вопреки правилам

С 2005 г. родовиков стали официально именовать субъектами права ТТП, а шефство после упразднения Департамента по делам КМНС, взял департамент недропользования (сейчас – департамент природных ресурсов и несырьевого сектора экономики). Как мудро заметил один родовик: «Теперь волки караулят овец». Редактирование всех основных документов, касающихся природных ресурсов, привело к тому, что родовик ограничен в правах по сравнению с 1990-ми гг. Федеральную древесину отводит лесник, окружных зверя и рыбу по квотам выделяет окружной центр. За все предоставленные ресурсы надо регулярно отчитываться, даже если они не были востребованы.

По закону на каждого члена семьи или родовой общины, положено 300 кг рыбы в год, что едва покрывает уровень физического потребления. «За месяц холодов собака съедает 300 кг, а тут человеку на год! Как они считали?» (интервью, Вахрушев Е.А., родовик, председатель общины, д. Карым, 2017). Все что сверх лимита, считается промышленным ловом. Это тянет за собой бухгалтерскую отчетность, юридический адрес, наемных сотрудников, промысловый участок, выигранный на аукционе и пр. Организация товарного лова рыбы сразу превращает родовика в менеджера, который должен быть всегда на связи, в поселке. И поскольку соблюсти норму в 300 кг невозможно, все родовики в глазах проверяющих органов становятся браконьерами. На деле никто больше родовика не заинтересован в поддержании биоразнообразия и животных ресурсов, чем он сам. Родовик вовремя уберет рыболовный забор на реке, потому что иначе надолго лишится рыбы, – он знает меру, и она и заметно больше 300 кг на человека.

К институционализации промыслов и образованию национальных предприятий в начале 2000-х гг. активно подталкивали с помощью субсидий на промышленный лов, льготного налогообложения и прямых уговоров. Но, несмотря на программы переоснащения, все национальные предприятия округа (80% которых сосредоточены в западных районах) официально не выбирали даже половины предоставленной им рыболовной квоты (Территории... 2005: 37). Из этого факта управленцы Ханты-Мансийска сделали вывод, что деятельность КМНС «направлена в основном на обеспечение собственных потребностей», и в 2006 г. субсидии передали рыбозаводам. Рыболовные безземельные общины сразу рухнули, а родовики переориентировались на рыночных агентов.

В 2002 г. из девятнадцати действующих общин Березовского района родовые угодья были у десяти. Некоторые из них работают до сих пор. На угодьях ляпинской общины «Турупья» сезонно промышляют 22 охотника-соболятника. Сосьвинская община «Рахтынья» несколькими бригадами промышляет ценную проходную рыбу по Северной Сосьве и Ляпину, ее главный рыболовный стан расположен на родовом угодье, а прилегающий рыбопромысловый участок на р. Ляпин берется в аренду. В

Кондинском районе рыболовством занимаются общины «Карым» и «Киндаль», как на родовых угодьях, так и на водоемах для промышленного лова. Другими словами, связка родового угодья и общины при должном подходе обеспечивает существование “традиционного хозяйства”, но само по себе оно малорентабельно. *«Проце было бы рыбу официально не показывать и не ловить <...> Но приходится, чтобы люди работали. Работа ради работы»* (интервью, председатель общины, Березовский район, 2016). Организация родовиками общин, фермерских хозяйств, ИП, с предоставлением рабочих мест – социальная, в сущности, миссия, не имеющая прямого отношения к рынку. Сочетание формального и неформального в традиционной экономике подтверждается множественными наблюдениями (Мартынова 2019: 78). Родовики и общинники существуют в обоих измерениях, чтобы выжить самим и дать работу другим.

Родовику-общиннику желательны обрести другими земельными и безземельными активами, чтобы стать устойчивым и независимым. Владелец угодья должен постоянно “крутиться”: брать по соседству перспективные рыбопромысловые и охотничьи участки, заявляться за гранты по туризму, играть “по правилам” чиновников и без них. Например, сдавать соболя по дотации невыгодно, так как цена ниже рыночной, но эта система позволяет оставаться в легальном поле, получать охотничьи лицензии и претендовать на другие виды помощи, в частности, компенсировать 50-75% стоимости снегоходов, боеприпасов, сетей и стройматериалов. Наличие программ поддержки удерживает некоторые хозяйства в белом сегменте экономики, другие не готовы мириться с бумагооборотом и лишними поездками, и уходят в “тень”, навсегда исчезая для статистики. Они смотрят на тех родовиков и общинников, кто “не справился” с субсидией и оказался под судом – риск подобного исхода довольно велик, потому что крайне сложно соблюсти все правила.

Только в товарной форме официальное “традиционное природопользование” сегодня имеет смысл, но натывается на старые проблемы отрасли: слаборазвитую торгово-закупочную сеть (факторий), невозможность взять кредит и застраховать риски (Куриков 2012; Пивнева 2019). Зависимость от государственной поддержки принципиально неустранима, что предъявляет большие требования к управлению отраслью и объемам вложений. Попытка создать зонтичную корпорацию для национальных предприятий в Югре провалилась в 2000-е гг., и уроки этой истории следовало бы разобрать отдельно, потому что у каждой смены управленцев округа встает задача по поддержке традиционного природопользования.

Отдельно, но коротко надо упомянуть экономические соглашениями родовиков с недропользователями, где местные органы власти выступают третьей стороной. В 2014 г. было охвачено 81% субъектов права ТТП – это 3471 чел. на 263 ТТП. В масштабе всего округа эти выплаты пришлось на 11% коренных жителей ХМАО, преимущественно из Сургутского и Нижневартовского районов. Западные районы почти не участвуют в этом процессе из-за малого перекрытия ТТП и промышленных объектов. Как следствие, уровень благосостояния родовиков в Югре очень различается по районам, внутри районов, и мало зависит от успехов в традиционном хозяйстве. Реестр субъектов права ТТП усилил диспропорции – это оказался “закрытый клуб” наследственных владельцев, закрепивший право, но не практику традиционного природопользования за узким кругом лиц.

Заключение

Родовые угодья сработали в восточных районах, где промышленность получила мощный противовес в их виде. Главными адресатами Положения были восточные ханты, с сохранившимся стойбищным укладом жизни. В случае западных районов, где не было явной техногенной угрозы, а манси жили в поселках, родовые угодья не стали заметным феноменом. Заявителям сложно было обосновать родовое право, не хватало весомых причин, чтобы выделить угодья из совхозных или леспрохозных земель, особенно если эти предприятия обеспечивали их работой и были социально ответственны. С другой стороны, заявителей привлекала возможность приоритетного распоряжения биоресурсами, перспектива получения компенсаций в случае промышленного освоения. У тех, кто имел прямой доступ к информации и рычагам власти, путь к угодью был заметно короче. Администрации Березовского и Кондинского районов заняли осторожные позиции, замораживая без того неспешные бюрократические процедуры – неразборчивое одобрение заявок могло привести к серьезным конфликтам среди местных жителей за доступ к биоресурсам.

На заре 1990-х гг. предполагалось, что общины коренных народов получают контроль над ресурсами в зонах приоритетного природопользования (33% округа), что позволило бы перезапустить традиционную экономику (неотрадиционализм). Но кризисы 1990-х гг. подкосили идею, требовавшую больших инвестиций и последовательной политики – родовые угодья не стали основой особых территориальных образований и политической власти, став лишь разновидностью земельной собственности. Из общей численности коренных жителей Кондинского и Березовского районов, непосредственно на угодьях сегодня проживает 0,2–0,4%, демонстрируя потенциал такого образа жизни. Чуть больше доля сезонных пользователей угодьями; неизвестно число тех, кто пользуется, но не заявляет об этом и не является субъектом права. Скорее всего, все достигаемые угодья так или иначе используются, независимо от наличия прав на них.

Случаи успешных родовиков-общинников объясняются совокупностью предпринимательских навыков, разными видами экономической деятельности, союзом с чиновниками, продуктивностью угодий. Это всегда исключение из правила, которое заключается в том, что хозяйства на базе родовых угодий в рыночных условиях убыточны. Без товарных объемов добычи чего-либо, хорошей логистики, они потребляют больше средств, чем приносят. Интенсивность промыслов всегда упирается в ограниченность ресурсной базы, конъюнктуру рынка и непостоянство спроса на продукцию тайги. Владелец угодий остро нуждается в субсидиях, ссудах, программах поддержки, то есть постоянно должен взаимодействовать с различными агентами и инстанциями, чтобы держаться “на плаву”. Риски в подобных отношениях довольно высоки. Хозяйству требуются сторонние источники дохода, диверсификация занятий, наемный труд. К подобной деятельности коренные народы Севера только сейчас привыкают, число успешных предпринимателей в их среде невелико. К тому же правила меняются слишком часто, а федеральные законодатели так “закрутили гайки”, что сам институт родовых угодий в 2000-е гг. оказался под угрозой и более пятнадцати лет находился в правовом вакууме. *«Хозяевами по факту мы так и не стали, два десятка лет утекло, а законодательство в сторону родовиков так и не повернулось. Скорее в обратную»* (интервью, В.В. Бронников, с. Кондинское, 2017).

Как итог владельцы угодий ориентируют детей на переезд в город, или другую сферу деятельности, а угодья держат “на всякий случай”.

Отчетливых перспектив развития у института родовых угодий (ТТП) в западных районах нет, чего нельзя сказать о традиционной экономике в целом. Лишь официальный ее сегмент находится в затаяном кризисе, вызванном отсутствием внятной стратегии со стороны государства и региона. Сам концепт родовых угодий за двадцать лет устарел: рост уровня жизни по-прежнему неразрывно связан с урбанизацией, и в этих условиях «лесную жизнь» сложно идейно обосновать, не обеспечив сопоставимый городу доход. Но объемы квот на традиционное природопользование едва дотягивают до уровня самообеспечения, промыслы забюрократизированы, а родовики недостаточно образованы для поиска иных сценариев развития и сторонних инвестиций. Все это кристаллизует малоперспективный сценарий выживания, сведения концов с концами. Чтобы угодье развивалось, необходимо товарное хозяйство, а для его появления – поддержка государства, упрощение и сокращение бюрократических процедур, институт страхования рисков и доверительная среда. Это требует перезагрузки всей системы отношений, поскольку сложившаяся среда исключает инициативы – слишком велик взаимный багаж упреков, обид и обманутых ожиданий.

Благодарности

Автор выражает признательность респондентам-родовикам Кондинского района ХМАО-Югры: Евгению Вахрушеву (Карым), Виктору Бронникову (Кондинское), Александру Кобылину, Николаю Нялину, Николаю Сургучеву из с. Болчары.

Источники и материалы

- ААБР 1993–1994 – Архив администрации Березовского района. Ф. 72. Оп. 1. Д. 14. Документы /справки, карты территорий, информации, заключения/ по развитию традиционных отраслей, национальных общин. 1993–1994 гг.
- ААБР 2001 – Архив администрации Березовского района. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Документы (справки, отчеты, информации) по родовым общинам, по развитию традиционных отраслей хозяйствования, обеспечения занятости населения. 2001 г.
- ГАХМАО 1994 – Государственный архив Ханты-Мансийского АО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 51. Письма, заявления, обращения, жалобы граждан коренной национальности за 1994 г. (05.01.1994–26.12.1994).
- ГАХМАО 1995 – Государственный архив Ханты-Мансийского АО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 57. Доклады делегатов V съезда КМНС округа. Ханты-Мансийск, 7-8 июня 1995 г.
- Функциональное 2012 – Функциональное зонирование территорий традиционного природопользования Нижневартовского и Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: отчет. Под рук. А.М. Брехунцова / ОАО «СибНАЦ». Тюмень, 2012 // Департамент недропользования и природных ресурсов ХМАО – Югры.
- Функциональное 2015 – Функциональное зонирование территорий традиционного природопользования Белоярского, Березовского, Кондинского, Нефтеюганского, Октябрьского, Советского и Ханты-Мансийского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: отчет. Под рук. М.А. Шумова / АО «Сибземпроект». Братск, 2015 // Департамент недропользования и природных ресурсов ХМАО – Югры.

Научная литература

- Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис. 2002. С. 167–222.
- Куриков В.М.* Перспективы развития традиционных отраслей хозяйствования на территориях сельских поселений Югры // Вестник угроведения, 2012. Т. 2. № 4 (11). С. 147–154.
- Кучинский М.Г.* Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Москва: Наука. Вып. 33. 2007. С. 58–88.
- Логинов В.Г., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 138 с.
- Мартынова Е.П.* Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике // Вестник угроведения, 2017. Том 31 (4). С. 119–130.
- Мартынова Е.П.* Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // Вестник антропологии, 2019. № 2 (46). С. 72–85.
- Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья: Ханты-Мансийский и Октябрьский районы Ханты-Мансийского А.О. / Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. Документ № 130. М. 1999. 30 с.
- Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). Москва: ИЭА РАН, 2001. 152 с.
- Новикова Н.И.* (отв. ред.). Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. 511 с.
- Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
- Пахомов В.П., Игнатъева М.Н., Беляев В.Н., Логинов В.Г., Литвинова А.А., Пермяков А.И., Райшев А.И.* Методические материалы по взаимоотношениям коренных малочисленных народов Севера с хозяйствующим субъектами. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2000. 63 с.
- Пивнева Е.А.* «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии, 2019. № 2 (46). С. 86–102.
- Пика А.И., Прохоров Б.Б.* Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 1994. 224 с.
- Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе // Югра. 1992. № 3. С. 2–9.*
- Территории традиционного природопользования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период 1992–2004 гг. Информационный обзор. Екатеринбург: ООО «Изд. Дом Аква-Пресс», 2005. 170 с.
- Федорова Е.Г.* Национальные общины Средней Сосьвы и их создатели // Этнокультурное наследие народов Севера России. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 203–210.
- Хакназаров С.Х.* Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований). Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.
- Харамзин Т.Г. Хайруллина Н.Г.* Обские угры: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия (По материалам социологических исследований). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2000. 186 с.
- Харамзин Т.Г.* Экономика традиционного природопользования коренных народов Севера. Ханты-Мансийск, 2001. 294 с.

Abramov, Ilya V.

‘Territories of Traditional Nature Use’ without Indigenous Users – Case of Western districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/324-339

The special land law for indigenous peoples of Yugra was written in 1992 and became a counterweight to the development of the oil and gas industry and the growing alienation of natural land. As early as 1989, a third of the Okrug's territory was reserved for indigenous land management. The «Regulation about the status of family lands in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug» defined 'rodovye ugod'ya' (family lands) as a natural-territorial complex where indigenous people have historically led a traditional life. Family lands were regarded as the basis for traditional nature management, and a space for preserving the original culture. By 1999, 465 family lands had been allocated, taking up half of the Surgut and Nefteyugansk districts and a quarter of the Nizhnevartovsk district. These were the lands of the historical residence of the Hanty. In the west of Yugra, in the Kondinsky and Berezovsky districts (where the Mansi mostly lived), the family lands occupied 3.3 and 16.4% of the area. The article analyzes what caused the disproportions. On the example of the Kondinsky and Berezovsky districts, the economic and ethnic situation that determined the difference between the western and eastern parts is described. I mark the specific problems of allocating ancestral lands, the special decisions of the administrations, and the case of five family lands from the Bolchary village is separately analyzed. In 2001, the Regulation on Family Lands was absorbed by the Federal law on Territories of Traditional Nature Use. The article describes the difficulties that arose during the change of jurisdiction and discusses the disputed status of the owners (ex-rodoviki). The final legal status was obtained only after the functional zoning of the territories of traditional nature use (ex-family lands) in 2015. The result of the work was a set of special maps showing the exact boundaries, the size of forage and pasture zones, and the number of indigenous people permanently residing on the land. These data showed that in the western regions of the KhMAO-Yugra, the family lands did not fulfill their original task of creating reserves for original culture and traditional nature management. In 2014, less than 0.5% of the indigenous population lived permanently on family lands, and their contribution to the traditional economy was insignificant. The article uses specific examples to analyze the reasons why the concept of traditional nature management turned out to be inoperable. The differences between the concept of traditional nature management created by the state and the realities of the existence of ancestral lands are shown.

Keywords: *family lands, territories of traditional nature use, neotraditionalism, indigenous small-numbered peoples of the North, Hanty, Mansi, Yugra*

For Citation: Abramov, I.V. 2021. ‘Territories of Traditional Nature Use’ without indigenous users – case of Western districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 324–339.

Author Info:

Abramov, Ilya V. – Researcher, Institute of History and Archaeology Ural branch of Russian Academy of Science (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ilya_abramov@list.ru

Refereces

- Fedorova, E.G. 2010. Nacionalnye obshhiny srednej Sosvy i ix sozdateli [National community middle Sosva and their creators]. In *Etnokulturnoe nasledie narodov Severa Rossii*. Ed. by E.A. Pivneva, 203–210. Moscow: ООО «Avgust Borg».
- Kharamzin, T.G. 2001. *Ekonomika traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh narodov Severa* [Traditional nature management of the native peoples of the North]. Khanty-Mansiisk.
- Kharamzin, T.G. and N.G. Khairullina. 2000. *Obskie ugry: sotsial'no-ekonomicheskaiia situatsiia na poroge tret'ego tysiacheletii (Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia)* [Ob Ugrians: socio-economic situation on the threshold of the third Millennium (based on sociological research)]. Khanty-Mansiisk: Poligrafist.
- Khaknazarov, S.Kh. 2016. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia korennykh narodov KhMAO-Yugry (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia)* [Problems of socio-economic development of the territories of traditional land use of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (based on sociological research)]. Khanty-Mansiisk: Iugorskii format.
- Kuchinskii, M.G. 2007. Ritorika traditsionnosti i realii prirodopol'zovaniia [The rhetoric of tradition and the realities of nature]. *Rasy i narody. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*. Vol. 33: 58–88.
- Kurikov, V.M. 2012. Perspektivy razvitiia traditsionnykh otraslej hozyajstvovaniia na territoriyah sel'skikh poselenii Yugry [Prospects of development of traditional economic sectors in the territories of rural settlements of Yugra]. *Vestnik ugrovedeniia*, 4 (11): 147–154.
- Loginov V.G., Iu.V. Popkov and E.A. Tiugashev. 2009. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: politiko-pravovoi status i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN.
- Novikova, N.I. 2008. Ed. *Liudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: rights to resources and expertise]. Moscow: Izdatel'skii dom «Strategiia».
- Novikova, N.I. 2014. *Oxotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoi antropologii* [Hunters and oilmen: a study in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
- Martynova E.P. Aborigennoe predprinimatel'stvo v Severnom Priob'e [Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region]. *Vestnik antropologii*. 2019. 2 (46): 72–85.
- Martynova, E.P., Pivneva E.A. 2001. *Traditsionnoe prirodopol'zovanie narodov Severnogo Priob'ya* [Traditional nature management of the peoples of the Northern Ob region]. Moscow.
- Pakhomov, V.P., M.N. Ignat'eva, V.N. Beliaev, V.G. Loginov, A.A. Litvinova, A.I. Permiakov and A.I. Raishev. 2000. *Metodicheskie materialy po vzaimootnosheniiam korennykh malochislennykh narodov Severa s khoziaistvuushchim sub'ektami* [Methodological materials on the relationship of indigenous small-numbered peoples of the North with economic entities]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN.
- Pika, A.I., and B.B. Prokhorov. 1994. (eds.) *Neotraditsionalizm na Rossiiskom Severe (etnicheskoe vrozhdzenie malochislennykh narodov Severa i gosudarstvennaia regional'naia politika)* [Neotraditionalism in the Russian North (ethnic revival of small-numbered peoples of the North and state regional policy)] Moscow: In-t narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN.
- Pivneva, E.A. 2019. “Skol'ko vesit rybii khvost?»: etnichnost' i biurokratiia v traditsionnom rybolovstve na Obskom Severe [“How much does a fish tail weigh?»: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North]. *Herald of Anthropology (Vestnik antropologii)* 2(46): 86–102.
- Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry v period 1992-2004 gg. Informatsionnyi obzor* [Territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in the period 1992-2004. Information review]. Yekaterinburg: ООО «Dom Akva-Press».
- Viget E., 2002. *Ekonomika i traditsionnoe zemlepol'zovanie vostochnykh khantov* [Economy and traditional land use of the Eastern Khanty]. In *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov (materialy k atlasu)* [Essays on the history of traditional land use of the Khanty (materials for the Atlas)], 167–222. Yekaterinburg: Thesis.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ В ПАМЯТНИКАХ

В статье автор реконструирует и анализирует процессы мемориализации военного конфликта на Донбассе, а именно на территории самопровозглашенных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Статья основана на материале собственных наблюдений автора за памятными практиками на Донбассе и анализе открытых источников (СМИ, социальные сети, блоги и др.). Автор систематизирует места памяти согласно времени возникновения и пространственной локализации. В связи с политической, экономической и социальной изоляцией Донбасса памятная функция возлагается исключительно на местное сообщество, а оно фиксирует факт события, создавая мемориальные визуальные объекты. Согласно обзору визуальных объектов-символов, возникших на территории Донбасса в период 2014–2020 гг., можно выделить следующие: мемориальные доски, памятные знаки, памятники и мемориальные комплексы. Мемориализация не зависит от статуса умершего, возрастной группы или количества умерших. Определяющим фактором является факт насильственной или трагической смерти. Спонтанная мемориализация практически не представлена из-за опасности паломничества к месту трагедии.

Ключевые слова: Донбасс, стихийная и институциональная мемориализация, памятные практики, памятники и мемориалы, место памяти, трагическая смерть

Ссылка при цитировании: Комар Я.В. Мемориализация военного конфликта на Донбассе в памятниках // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 340–354.

Сегодня мы рассматриваем смерть как естественный физиологический процесс. Из мистической она превратилась в объект научного поиска, требующий специальных исследований и анализа, при чем как медицинских, так и философских, психологических, антропологических и пр. При этом реакция живых на утрату все равно остается и сопровождается она субъективной переработкой полученной трагической информации¹. Мысли, чувства человека, который перенес потерю, индивидуальны,

Комар Яна Владимировна – к.и.н., независимый исследователь (Краснодар, ул. Димитрова 137/5). Эл. почта: komaryana2006@gmail.com

¹ Трагический – ужасный, потрясающий; полный страдания

Трагедия – драматическое событие, тяжёлое потрясение, несчастье личного или общественного характера. Здесь и далее под словом «трагедия» подразумевается факт насильственной смерти человека или группы лиц.

Место трагедии – пространство, где погиб человек или группа лиц.

Трагическая смерть – акт насильственной смерти, внушающий ужас и потрясший окружающих; наполненный страданиями и глубокими переживаниями как со стороны близких родственников, так и общественности.

исключительны и неповторимы. При этом все чаще утрата из сугубо индивидуального акта становится публичным, особенно это касается мемориализации такого вида смерти как внезапная/спонтанная, трагическая или смерть группы лиц. Процессы мемориализации превращаются в перформативные акты, одна из целей которых это создание места памяти посредством увековечивания памяти в материальном объекте – памятной скульптуре. Вопросы мемориализации давно интересовали исследователей из разных областей и сами памятные объекты рассматривались как объекты художественного наследия, сквозь призму социокультурной составляющие, как элемент nation-building, как семиотический объект или как элемент траурного ритуала (Alderman 2009; Rowlands 1998; Santino 2006; Zittoun 2004; Богдановская 2013; Гун 2018; Соколова 2014; Ханней 2016).

Военный конфликт порождает две новые группы людей, чьи интересы глубоко затронуты в процессе мемориализации: группу боевых товарищей и родственников погибших, и те, и другие, непосредственно хотят участвовать в практиках коммеморации. Вместе с тем этот процесс лелеяния сугубо индивидуальной памяти перемещается в плоскость конструирования коллективной памяти с унифицированным содержанием. В последние десятилетия мемориализация травматической смерти переходит в публичную сферу; широкой огласке предается не только факт смерти, но и памятные мероприятия, проводимые по этому случаю. Большое значение играют средства массовой информации, которые могут предать масштабности и планетарности событию в независимости от его локализации, тогда к процессу коммеморации подключаются люди по всему миру, выражая сочувствие пострадавшим и поддержку их родственникам. Но в случае вооруженного конфликта на Донбассе, когда конфликтная ситуация, в результате которой постоянно присутствуют жертвы, спорная и международные СМИ не имеют постоянного доступа к зоне конфликта, а въезд-выезд на территорию строго регламентируется, то факты трагических смертей не получают такого внимания и коммеморативная функция возлагается только на местное сообщество.

В силу изложенной геополитической ситуации и изолированности территории конфликта вот уже на протяжении 5 лет, в данной статье я реконструирую и проанализирую процессы мемориализации военного конфликта на Донбассе, а именно на территории самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик. 6 апреля 2014 года берет свое начало вооруженный конфликт на востоке Украины. Боевые действия ведутся между вооруженными силами и другими силовыми структурами Украины (а также рядом нерегулярных добровольческих военизированных формирований) с одной стороны и вооруженными формированиями сторонников самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик. Согласно оценке Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, общее число людских потерь, связанных с конфликтом в Украине (за период с 14 апреля 2014 года по 15 февраля 2020 года) составляет 41–44 тыс.: 13–12,3 тыс. погибших (по меньшей мере 3350 гражданских лиц, примерно 9750 тыс. комбатантов) и 29–31 тыс. раненых (около 7–9 тыс. гражданских лиц, 9,5–10,5 тыс. украинских военных и примерно 22–24 тыс. комбатантов) (Доклад УВКПЧ 2020).

Статья основывается на материале собственных полевых наблюдений автора коммеморативных практик на Донбассе и анализе открытых источников (средства массовой информации, социальные сети, блоги и т.д.).

За период с 2014 по 2020 год на территории Донбасса (непризнанных республик ДНР и ЛНР) появилось более, чем 100 памятных объектов в виде мемориальных досок, памятных знаков, памятников и мемориальных комплексов. Сильное влияние на развитие новых коммеморативных практик оказали законы, принятые в республиках. В ДНР Закон «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных дат», принятый 26 декабря 2014 года, гласит, что увековечению подлежит память: «а) погибших в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества; б) погибших при выполнении воинского долга на территориях других государств; в) умерших от ран, контузий, увечий или заболеваний, полученных при защите Отечества, независимо от времени наступления указанных последствий, а также пропавших без вести в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей; г) погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине» (Закон ДНР 2014).

Отдельно значится, что дань памяти воздается и иностранным гражданам, погибшим при защите Донецкой Народной Республики. Кроме того, увековечивается память объединений, соединений и учреждений, отличившихся при защите Отечества, а также увековечиваются места боевых действий, вошедшие в историю как символы героизма, мужества и стойкости народов нашего Отечества.

Таким образом, в выше приведенной цитате отражаются все векторы коммеморативной политики, которая привела к появлению большого количества новых памятников, новых мест памяти и реорганизации комплексов. Основная цель государства – увековечивание памяти с акцентом на патриотизме, идентичности и преемственности поколений. Аналогичная тенденция прослеживается и в других законах: «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных» ДНР 07 августа 2015 года, «О культуре» ДНР 25 декабря 2015 года, «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» ЛНР 21 февраля 2019 года.

Мемориальная культура военного конфликта (войны) существует как совокупность символов и практик, формирующих значение мемориализируемых событий. Визуальная мемориализация предполагает создание объектов-символов (как правило, сооружение), поддерживающий воспоминания о чём-либо (назовем их места памяти).

Места памяти (согласно темпоральности). Временная сущность места памяти на прямую зависит от общественного или персонального восприятием такового и может подразделяться на акты спонтанной и институциональной мемориализации, в зависимости от динамики и характеристик коммеморативных практик. В качестве одной из систематизирующих характеристик мы будем использовать деление мемориализации на спонтанную и институциональную.

Спонтанная мемориализация

Спонтанная мемориализация — это акт индивидуальной скорби, который открыт к публичной демонстрации. Согласно Питеру Яну Маргри и Кристине Санчес-Каррете-ро спонтанная или стихийная мемориализация понимается как действие, при котором группы людей или отдельные индивиды, создают мемориалы (импровизированные и временные) с целью изменения и улучшения конкретной ситуации (*Margry, Sánchez-*

Carretero 2011: 2). Но в зоне боевых действий спонтанная мемориализация не вступает в оппозицию к официальной позиции государственных органов. Традиционно публичный компонент этого ритуала включает в себя паломничество к местам смерти.

Но в силу того, что такое паломничество очень часто связано с опасностью для жизни, спонтанная мемориализация коротка или отсутствует как таковая. Если же присутствует резонанс и сообщество (боевых товарищей, равнодушных жителей, сочувствующих) создает временный мемориал, то в большинстве случаев он перерастает в установление памятного знака, памятника или мемориала (на месте гибели, месте, которое ассоциируется с погибшими или общественно значимое месте).

Американский фольклорист Джек Сантино при описании спонтанных мемориалов, вводит в обиход термин «святыня» (англ. shrine), основываясь на том, что таким местам свойственно сочетание церковного и мирского (*Santino* 2006; *Santino* 2011: 98). Традиционно скорбящие возлагают к этим местам памятные предметы, при этом предметы могут быть тематически релевантны с возрастной категорией погибших, их полом, родом деятельности: если речь идет о детях – то игрушки, если же речь идет о мужчинах – военных, то здесь мы видим снаряды, военную атрибутику, личные записки или публичное обращение в виде открытого послания, которому присущи лаконизм и эмоциональность: «Мы осиротели без тебя, но предать тебя мы не имеем права», «Мы тебя любим и безмерно гордимся тобой», «Батя, мы осиротели. Наши сердца с тобой. Петровка скорбит», «Своими чистыми сердцами Вы нам дорогу проложив, уходите так рано сами, не долубив и не дожив...». Универсальными являются предметы религиозного характера: лампадки, иконы и цветы.

Существует некая психологическая готовность нести жертвы в результате военных действия. Да – это трагедия и атрибутивность трагедии сохранена (скорбь, неприятие, всеобщая вовлеченность в происходящее – когда личная трагедия становится общественной). В случае спонтанной трагической смерти в мирное время проявление скорби со стороны тех, кто выжил, затруднено, так как оно смешано с неким чувством вины (*Rando* 1993), что усиливает неуверенность в людях, которые могут считать себя связанными с жертвами. Здесь же в случае смерти в результате боевых действий скорбь из разряда сугубо личной трагедии становится трагедией общества и ритуал в целом превращается в публичный, общественно одобренный. Такая реакция общества вызвана возможностью примерять на себя те события, которые произошли с участниками трагедии (эмоциональный компонент).

Институциональная долгосрочная мемориализация

Стихийные мемориалы либо претерпевают изменения, либо прекращают свое существование. Их исчезновение означает, что они больше не несут публичной нагрузки, общественный интерес угас и резонанс события ушел на спад. В большинстве же случаев спонтанная мемориализация уступает место институциональной, во-первых, в силу того, что некоторые объекты удалены и добраться до них не представляет возможности или это сопряжено с опасностью для жизни, и тогда памятный знак устанавливается в более безопасном месте. Во-вторых, даже, если объекты расположены в центре города, то эти места памяти актуализируются со стороны власти (мнение госорганов в основном основано на общественном мнении – невинные жертвы, жертвы военного конфликта и т.д.). Общественное мнение по неким социально несправедливым вопросам становится основой для государственной политики.

Так, на месте гибели главы ДНР А.В. Захарченко (31 августа 2018 г.), куда люди стихийно сносили цветы, предметы религиозного характера и записки, уже в сентябре 2018 г. был установлен мемориальный камень.

Спонтанные «святыни» достаточно быстро подлежат демонтажу и уборке, но если место трагедии затрагивало архитектуру города, то на само место может накладываться отпечаток священного места: например, кафе «Сепар» после взрыва законсервировано и на нем возведены мемориальные щиты, с последующем полным демонтажем и постройкой нового мемориального комплекса (Новости Донбасса 2019). В случае, если повреждения незначительны или консервация объекта экономически необоснованная, то здание подлежит ремонту и продолжает функционировать. Так, например, произошло с жилыми домами, автобусными остановками, школами, больницами, которые пострадали во время обстрела, в результате которых были жертвы. Место трагедии все равно подлежит символической маркировке: визуальной или географической, которая заключается в том, что составные части населенного пункта – улицы, площади, аллеи, бульвары, проспекты, переулки, микрорайоны, иные территории проживания граждан в населенных пунктах могут быть названы в память о личности или историческом событии.

К визуальным объектам-символам согласно закону относятся а) мемориальная доска – плита, обычно из долговечного материала, увековечивающая память о выдающейся личности или историческом событии; б) памятный знак – скульптурное или архитектурное произведение (либо в сочетании), создаваемое для увековечивания памяти выдающейся личности или исторического события (скульптура, архитектурно-скульптурная композиция, обелиск, памятный камень и др.); в) памятник – объект культурного наследия, который занесен в Государственный реестр памятников, мемориалов, мемориальных досок и памятных знаков Донецкой Народной Республики (Закон ДНР 2014).

1. Мемориальная доска

Мемориальная доска может увековечивает память как о человеке, событии, так и о месте. Обязательная составляющая мемориальной доски это пояснительная надпись, дополнением является профиль, бюст, барельеф или горельеф человека. В республиках в большинстве случаев мемориальные доски военных устанавливаются на учебных заведениях, где учился погибший человек, или на доме, где он жил. Существуют особые случаи, как например, мемориальная доска «Доктор Лиза», которая была установлена в память об общественном деятеле, члене Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ Елизавете Глинке, известной как Доктор Лиза. Доска была установлена на здании Республиканской детской клинической больницы, откуда Е. Глинка вывозила тяжелобольных детей Донбасса на лечение в Российскую Федерацию (Донецкое агентство новостей 2017).

В некоторых случаях локация не имеет значения, а важен человек или группа, которая выступает объектом мемориализации. Например, мемориальная доска «Детям Донбасса» (в память о детях, погибших во время боевых действий в г. Кировское ДНР). В 2017 году в г. Донецк на здании управление ЖКХ была открыта мемориальная доска в честь погибших работников сферы жилищно-коммунального хозяйства, на ней перечислены имена 12 работников, погибших в 2014-2015 годах. Всего за время боевых действий в Республике при исполнении служебных обязанностей, на

своих рабочих местах погибли и получили ранения свыше 30 сотрудников коммунальных предприятий.

Существуют примеры, когда само здание является транслятором информации, а надпись на мемориальной доске создает повествовательный контекст. Мемориальная доска в г. Горловка ДНР в память семьи Булаевых: «В этом доме при обстреле 14.11.2014 трагически погибла семья Булаевых: Татьяна Владимировна 34 года, Олег Александрович 3 лет, Данил 9 лет, София 4 года» (Рис. 1).

Рис. 1. Мемориальная доска «Семье Булаевых», 14 ноября 2019 года, г. Горловка ДНР (Фото автора).

2. Памятный знак

Наравне с мемориальными досками, распространённой формой визуализации является установление памятного знака в виде скульптуры, обелиска, памятного камня и т.д.: обобщенной группе людей (ополченцам; военным; журналистам, шахтерам, мирным жителям; детям, погибшим во время конфликта) или персонифицированный памятник. Среди таковых памятник «Невинным жертвам необъявленной войны» (в память жителей города, погибших в результате боевых действий в 2014 году), г. Горловка ДНР; памятник «Братьям и сестрам, отдавшим свою жизнь за освобождение Дебальцево от украинских карателей», г. Дебальцево ДНР; памятник «Погибшим гражданам ДНР» г. Донецк ДНР; памятник защитникам ЛНР «Они отстояли Родину» – монумент, посвящённый добровольцам – участникам вооружённого конфликта на востоке Украины, г. Луганск ЛНР; памятник «Ополченцам, погибшим под Иловайском», с. Многополье Амвросиевского района ДНР, памятник «Журналистам телеканала «Россия» Антону Волошину и Игорю Корнелюку, погибшим под Луганском 17.06.2014», г. Луганск ЛНР; Памятник «Героям-шахтерам, отдавшим свои жизни за свободу и независимость Луганской Народной Республики» г. Антрацит ЛНР и прочие.

Персонифицированный (индивидуальный) памятник обладает дуалистичной природой: с одной стороны – это вид изобразительного искусства (монументальная скульптура), у которой есть автор, а с другой – это свидетельство чей-либо жизни. Мемориалы служат как для исторической фиксации факта существования тех, кого мы любили, так и с целью рассказать личную историю с помощью художественных образов, сообщений и символов, отображаемых на мемориале. Они являются местами памяти для будущих поколений, чтобы посетить, вспомнить и отдать дань уважения.

В обеих республиках существует только один индивидуальный монумент – это памятник первому главе Донецкой народной республике Александру Захарченко. 31 августа 2018 г. А. Захарченко был убит, к годовщине его смерти было установлено два мемориала: один – на месте захоронения представляет собой мемориальный

комплекс с могильным крестом и памятником в полный рост, второй – бюст, он был установлен в Парке Ленинского Комсомола.

Надгробие или надгробный памятник также является скульптурой или архитектурным сооружением, которое устанавливается на могиле для увековечения воспоминаний о ком-либо или чем-либо. Традиционно, на кладбищах устанавливались надгробные памятники, часто воспроизводящие символы религии умершего (например, крест на христианских кладбищах). В конце XX века с появлением новых материалов и развитием технических возможностей надгробия превратились не только в бизнес, но в отдельный вид искусства со своими законами, тенденциями, модой и психологией потребления.

Одна из отличительных особенностей надгробий постсоветского пространства это вычурность форм, эстетическая красота и материальная ценность надгробия. Существует несколько основных аргументов родственников при выборе надгробия усопшему: «нужно ставить дорогой памятник, а то еще подумают, что мы бедные», «перед родственниками будет неудобно, как будто мы не любили усопшего», «усопшей хотел именно такой памятник, что мы не выполним последнюю волю усопшего» и т.д. Таким образом красота и дороговизна надгробия прямо пропорционально передает уровень любви, уважения и материального достатка родственников, которые устанавливают надгробие. Последней тенденцией в мире ритуальных услуг стала установка черных надгробий – здесь ассоциация с загробным миром, конечно, бывают и исключения, все зависит от желания потребителя. То же самое относится и к украшениям, эпитафиям. Надпись может содержать одну или несколько строк, быть лаконичной («помним, любим», «с любовью») или представлять собой цитату («Как много нашего ушло с тобой, как много твоего осталось с нами») эпитафия на надгробии командира батальона «Моторола»). Главная отличительная черта памятника – фотография. На постсоветском пространстве она всегда присутствует, таким образом все надгробия персонифицированы. Даже при установке временного надгробия на нем присутствует снимок усопшего. Религиозные символы не являются обязательными, иногда могут присутствовать на памятниках, иногда нет. Но все ритуальные действия, также, как и процесс погребения будут проводиться согласно верованиям усопшего. В случае, если при жизни он не придерживался никаких верований, то на надгробие согласно общественной традиции нанесут христианский символ (чаще всего – обычный крест). Так, в Донецке ДНР на территории действующего кладбища «Донецкое море» была организована «Аллея славы» для военных, погибших в результате конфликта. Среди наиболее узнаваемых надгробий = памятник Гиви (Михаил Толстых), командиру батальона «Сомали» и Мотороле (Арсен Павлов), командиру противотанкового специального подразделения «Спарта».

3. Мемориальный комплекс

Мемориальный комплекс характеризуется наличием определенной территории и монументальными архитектурными сооружениями. Мемориальный комплекс может представлять собой парк со строго регулярной планировкой, наличием широких аллей. Создание мемориальных комплексов – более трудоемкий процесс, который подразумевает под собой отдельную, довольно значительную территорию с размещённым на ней определенным набором монументальных архитектурных сооружений. В силу такой ресурсозатратности мемориальных комплексов на территории

ДНР и ЛНР не так много. На территории ЛНР в г. Краснодон в 2016 г. был отдельный мемориальный комплекс «Памяти погибших ополченцев и бойцов Народной милиции ЛНР» площадью более 950 кв. м.

В ДНР отдельного собственного национального мемориального комплекса, связанного с современными военными событиями, нет. Однако, есть мемориальный комплекс Саур-Могила — одна из высочайших точек Донецкой области. С 1941 по 1943 гг. Донбасс был оккупирован немецкими войсками. В течение двух лет в окрестностях Саур-Могилы велось строительство оборонительных сооружений первой линии Миус-фронта. В июле-августе 1943 года шли бои за высоту 277,9 метр, в ходе которых с советской стороны погибло 23238 солдат и офицеров. После Великой Отечественной войны на Саур-Могиле поставили первый памятник, а открытие мемориального комплекса состоялось 19 сентября 1967 года. С тех пор на территории комплекса каждый год 9 мая проводились торжественные мероприятия, посвященные Дню Победы в Великой Отечественной войне (Твои новости 2014).

В ходе боёв летом 2014 г. между сторонниками ДНР и подразделениями Вооружённых сил Украины мемориальный комплекс получил значительные повреждения. 10 августа 2014 г. рухнула фигура солдата, её обломки были рассеяны. Сильно пострадали пилоны, барельефы и сам обелиск, получивший ряд сквозных пробоин. 21 августа из-за продолжавшихся обстрелов обелиск обрушился. В результате комплекс остался под контролем сторонников ДНР.

Сначала власти ДНР планировали восстановить комплекс, дополнив площадку тематическими объектами о событиях 2014 года. Позднее руководство ДНР решило не реставрировать мемориал, а потратить средства на возведение памятника погибшим в ходе военного конфликта в Донбассе (Федеральное агентство новостей 2015). Как результат, 6 апреля 2015 года на кургане Саур-Могила был установлен колокол и размечена территория для возведения часовни, которая увековечит память погибших при защите высоты в 2014 году, а на территории самого комплекса каждый год продолжают проводиться торжественные мероприятия по случаю «Дня Победы» (Рис. 2) Красное ТВ 2015; Донецк Афиша.RU 2019).

Сакральная значимость места была сохранена, дополнена и усилена новыми смыслами: «Саур-Могила – святое для Донбасса место», «Саур-Могила для нас — это священное место, это курган, который полит кровью наших предков и наших современников. Мы прекрасно осознаем цену подвига, который определял, будет жить Донбасс или нет, в далеком 1943 году и совсем недавнем 2014-м» (Вепрев 2019). Если говорить словами Э. Дюргейма, то Саур-Могила – это пример имплицитной коммеморации, когда посредством паломнического ритуала к определенному месту памяти, совершаемого раз в год, осуществляется связь с прошлым. Физическое пребывание в данной точке, смена пространственной локализации дает мощный толчок для эмоционального всплеска (нередко можно наблюдать слезы у участников), посредством которого человек устанавливает духовную связь с прошлым, сопричастность к событиям.

Также к особо значимым коммеморативным объектам ДНР относится мемориальный комплекс «Аллея ангелов» – комплекс в память о детях, погибших в ходе вооружённого конфликта на востоке Украины. Согласно данным ЮНИСЕФ, опубликованным в октябре 2018 года, за время вооруженного конфликта на востоке Украины с 2014 года в результате разрыва мин на территории ДНР погибло или было

Рис. 2. Торжественные мероприятия на Саур-Могиле по случаю «Дня Победы», 9 мая 2016 г., г. Снежное ДНР (Фото автора).

ранено не менее 140 детей (Морозова 2018).
 Расположен комплекс в г. Донецк в парке культуры и отдыха имени Ленинского комсомола. Открытие состоялось 5 мая 2015 г. с установкой памятного знака, а 2 июня 2017 г. в композицию был добавлен памятник детям Донбасса. Художественно мемориальный комплекс состоит из 3 составляющих: 1) у входа установлена кованая арка высотой 2,5 и шириной 2 метра, которая состоит из роз (символа Донецка), между розами вплетены гильзы крупнокалиберного пулемета, а также голуби как символ мира. 2) Под аркой расположена гранитная плита, где в алфавитном порядке выбиты имена погибших детей и их возраст. 3) Памятник «Детям Донбасса», который был спроектирован в рамках проекта «Миру — мир», в котором дети России и Европы рисовали эскизы памятной скульптуры для детей Донбасса. И на основе этих эскизов скульптор Денис Селезнев создал скульптурную группу.

Места памяти (согласно пространственной локализации)

Памятник представляет собой трехмерное сооружение, которое поддерживает воспоминания о чём-либо. Памятники выполняют объективно-историческую иногда политическую функцию и при этом несут художественную нагрузку, являясь тем самым предметом искусства. При создании памятников используются художественные средства (изобразительные элементы и художественные приемы), которые применяет художник для выражения содержательной части. К ним относятся: композиция, перспектива, пропорции, светотень, цвет, колорит, штрих, фактура и т.д. Таким образом функционал памятников расширен: памятные объекты помимо своих прямых функций: исторической преемственности социального опыта (информационная), идеологической, гносеологической, коммуникативной, компенсаторной, образовательной, регулятивной или утилитарной, выполняют также идейно-художественные и декоративные функции.

Тем самым именно благодаря художественным особенностям памятная скульптура способна архитектурно-эстетически корректировать пространство вокруг себя или даже создавать архитектурную среду, где она будет занимать доминирующее положение (мемориальный комплекс «Саур-Могилы»).

В большинстве случаев памятный объект является уже фрагментом городской среды. Город, согласно базовому положению Хартии Живых городов, – «это много больше, чем просто население, постройки и технологии, – у города своя уникальная судьба в жизни страны, в которой он появился (родился), с которой связан множеством связей, духовных и материальных, выраженных в душе города. Город живет в опреде-

ленной культурно-страновой среде для своего региона, но должен жить также для горожан и через горожан» (Живые города). Таким образом, размещая памятный объект в конкретных планировочных условиях, нужно учесть возможность его восприятия.

Доктор искусствоведения, исследователь проектного творчества и архитектурного наследия В.Л. Глазычев выдвинул собственную теорию восприятия пространства, согласно которой восприятие окружения можно разделить на два вида: созерцательное и пассивное восприятие (Глазычев 2011). Созерцательное восприятие предполагает рассматривание объекта, фиксацию в памяти или фотофиксацию, что свойственно человеку в условиях туризма или при первичном осознанном обращении к памяtnому объекту. В остальных же случаях речь идет о пассивном восприятии, когда архитектурные изменения пространства в повседневном созерцании не обращают на себя внимание.

- **Символично выбранное место**, которое обладает рядом характеристик (часто посещаемое, проходное место (парк, аллея) без привязки к иному памяtnому объекту).

Традиционно – это центр города, который ассоциируется с историей, наполнен музеями, скверами, аллеями и является хранилищем культурного прошлого. Центр города также связан с проведением досуга, прогулками, массовыми развлекательными мероприятиями, встречами с друзьями: «Поехать в город» – так обычно говорят жители спальных районов, где «город» – синоним центра.

Например, в сквере Коммунаров г. Горловка – месте, где никакого открытого противостояния и боевых действий не происходило, установлена боевая машина БМП-1 и памяtnый знак с надписью «Стояли на смерть во имя жизни. Героическим защитникам Горловки». Памятник «Жертвам авиаудара украинских ВВС по Луганской Облaстной государственной администрации 2 июня 2014 г.», г. Луганск ЛНР, установлен 2 июня 2015 года в память о 8 погибших — 5 женщинах и 3 мужчинах, а также 30 раненных. Памятник установлен на перекрестке ул. Оборонной и ул. Советской, рядом с облaстной детской больницей. Само же место трагедии располагается в нескольких километрах от памятника, но данная локализация более выгодна, так как место более «проходное», чем сквер у здания бывшей облaдминистрации.

- **«Памятник на крови»**

Выбор места трагедии, места «крови» как места памяти связан с высоким эмоциональным наполнением места. Первоначально такие места трагедии становятся объектом спонтанной мемориализации. Спонтанная мемориализация как реакция общества на несправедливость, которая спровоцировала трагедию – это пример социальной, общественной сплочённости – институт гражданского общества. Если спонтанная мемориализация включена в политический контекст и официальные власти принимают в ней участие, то со временем спонтанная мемориализация перерастает в институциональную. А на местах, которые ранее не рассматривались в качестве предназначенных для архитектурной застройки или проведения молебн, демонстраций и прочих несанкционированных действий возникают памятные объекты. На территории республик одной из самых несправедливых считается внезапная смерть, поэтому 90% памятных объектов установлены именно по случаю смерти.

Рис. 3. Памятник, погибшим мирным жителям г. Горловки «Скорбь и печаль», 7 мая 2016 г., г. Горловка ДНР (Фото автора).

Во время первого штурма аэропорта 26 мая 2014 г. был расстрелян один из «КамАЗов» с добровольцами, на месте погибли несколько десятков человек. Именно здесь в память о погибших у обочины дороги 21 марта 2015 г. был установлен памятный знак в виде креста с табличкой «Вечная память погибшим защитникам аэропорта». Памятник погибшим мирным жителям г. Горловки «Скорбь и печаль», установлен 7 мая 2016 г. на месте гибели «Горловской Мадонны», молодой девушки с ребенком (Кира и Кристина Жук), погибших в июле 2014 года в результате обстрела города. Согласно заявлению властей «значение памятника глубоко символично: две полуарки символизируют руки родителей, которые стараются закрыть своих детей от ужасов войны, а черный колокол — символ скорби и печали о всех взрослых и детях, кто погиб в этой войне. Изготовленные из гильз цветы символизируют продолжение жизни» (Рис. 3).

- **Место боевых действий**

Заложение и создание такого памятного объекта происходит в местах проведения боевых операций, которые имели важное тактическое или стратегическое значение или в результате которых были значительные человеческие потери как со стороны военных, так и мирных жителей. Местом локализации выступает населенный пункт, который был наиболее приближен к зоне проведения операции. Например, памятный знак «Погибшим жителям Чернухино» во время боевых действий 2014–2015 годов (Дебальцевско-Чернухинская наступательная операция), поселок Чернухино ЛНР.

- **Близость к другому мемориалу**

Некоторые памятные объекты, связанные с жертвами конфликта на Донбассе, стали располагать в непосредственной близости к памятникам Великой отечественной войне. Данное явление никак не связано с отсутствием свободного места или местом трагедии. В таком решении прослеживаются несколько подтекстов.

«Места памяти» и памятные объекты живут благодаря постоянной эмоциональной подпитке, они нуждаются в напоминаниях через коллективную память, которую формируют социальные институты и группы (Нора 2005). Причиной того является временная и пространственная ограниченность памяти, ее изменчивость и избирательность. Один из наиболее ярких примеров актуализированной памяти – это празднование дня Победы, дата неумолимо отдалается и возникает опасение, а вдруг молодежь забудет. Таким образом, при расположении двух памятных объектов в непосредственной близости происходит усиление эмоционального фона, создается дополнительный повод посещения данного места.

Проектируя объект в близости к памятнику ВОВ происходит также переосмысление уже существующего объекта и дополнение его новыми смыслами. В памяти формируется временная последовательность событий – прошлое плавно перетекает в настоящее и становится будущим, что прослеживается из надписей на памятных объектах, например, памятник «Погибшим землякам» г. Артемовск ЛНР: «Вечная память героям, павшим в боях, защищая честь и память наших ветеранов». Памятник расположен в центре города на улице Крокоса на территории мемориального комплекса «Скорбящая мать». Памятник представляет собой БРДМ-2 возвышающейся на постаменте из дикого камня. За ним стоит могила с рельефным изображением Матери-Богородицы. Речь идет о войне памяти, автор текста как бы говорит, что хотя Великая отечественная война и закончена, но война за память о ней еще продолжается. Первоначальный смысл памятника – увековечить память о каждом, кто внес свой вклад в Победу, подвиг народа, память о погибших при защите Отечества и т.д. отодвигается на второй план и сам памятник становится объектом защиты.

Аналогичная ситуация и с памятником «Ополченцам, погибшим под Иловайском», с. Многополье ДНР. Справа от памятника находится братская могила, в которой перезахоронены останки солдат, жителей Многополья, погибших во время боев в Великую отечественную войну. В Донецке памятник «Погибшим гражданам ДНР» стал частью мемориального комплекса «Твоим освободителям, Донбасс» (который был создан в память о Великой отечественной войне).

Если говорить о реализующихся процессах мемориализации на Донбассе в публичном пространстве, то становится очевидным, что мемориалы памяти жертв трагических событий не зависят от статусности умершего, возрастной группы или количества погибших. Определяющим фактором является факт насильственной или трагической смерти. Люди, ушедшие из жизни, воспринимаются как жертвы, при этом на некоторых мемориалах актуализирована ответственность «другой стороны» в смерти. Спонтанная мемориализация темпорально коротка и практически не представлена в силу опасности паломничества к месту трагедии. Коммеморативные практики находят отражение в официальных мемориалах, которые являются инструментом социальной и политической сферы. Ритуально-религиозная составляющая присутствует на всех этапах коммеморации от создания стихийного места памяти до ежегодных коммеморативных практик. В вопросе визуальной мемориализации наиболее религиозно дистанцированными являются мемориальные доски: на них практически отсутствуют любые элементы культа.

В социально и экономически благополучных обществах медиатизация фактов трагических смертей и коммеморативных практик направлена на привлечение внимания к трагедии и недопустимость ее повторения. В условиях изолированности Донбасса коммеморативная функция возлагается только на местное сообщество, и община удостоверяет факт произошедшего исторического события через создание материальных визуальных объектов.

Источники и материалы

Доклад Управления 2020 – Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека о ситуации с правами человека в Украине, 16 ноября 2019 г. – 15 февраля 2020 г // Объединенные нации. Права человека. Управление Верховного комиссара. https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/29thReportUkraine_RU.pdf

- Донецк Афиша.RU 2019 – Мемориальный комплекс «Саур-могила», 9 мая 2019 г // Донецк Афиша.RU. <https://donetskafisha.ru/na-saur-mogile-proshli-prazdnichnye-meropriyatiya/>
- Донецкое агентство новостей 2017 – В Донецке увековечили память Доктора Лизы, подарившей шанс на жизнь сотням детей Донбасса, 19 сентября 2017 // Донецкое агентство новостей. <https://dan-news.info/obschestvo/v-donecke-uvekovechili-pamyat-doktora-lizy-podarivshej-shans-na-zhizn-sotnyam-detej-donbassa.html>
- Живые города – это... // Живые города. <http://livingcities.ru/doklad/zhivye-goroda-eto>
- Закон ДНР 26.12.2014 – Закон ДНР «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Министерство культуры Донецкой народной республики. <http://www.mincult.govdnr.ru/doc/zakon-dnr-ob-uvekovechenii-pamyati-pogibshih-pri-zashchite-otechestva> (дата обращения: 25.12.2019)
- Красное ТВ 2015 – Памятный колокол на Саур-Могиле. Видеорепортаж // Красное ТВ. 09.04.2015. <http://krasnoe.tv/node/25196>
- Новости Донбасса 2019 – Кафе «Сепар» в Донецке демонтируют. Там хотят строить мемориальный комплекс в честь Захарченко, 17 апреля 2019 // Новости Донбасса. URL:<https://povosti.dn.ua/news/290693-kafe-separ-vdonecke-demontyruyut-tam-khotyat-stroyt-memoryalnuu-kompleks-vchest-zakharchenko>
- Твои новости 2014 – Мемориальный комплекс «Саур-могила» до 2014 г. 09 сентября 2014 // Твои новости. <https://news-for.me/2014/09/09/monument-uchastnikam-boevykh-dejstvij-na-saur-mogile-sravnivali-s-zemlej-foto/>
- Федеральное агентство новостей 2015 – ДНР не хочет восстанавливать мемориал Саур-Могилы. Федеральное агентство новостей. 4 Апреля 2015 // Федеральное агентство новостей. <https://riafan.ru/234097-dnr-ne-hochet-vosstanavlivat-memorial-saur-mogila>

Научная литература

- Богдановская И.М., Трегубенко И.А.* Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2/2013. С. 78–86.
- Вепрев Р.* Торжества по случаю Дня Победы прошли у кургана Саур-Могилы в ДНР. 08.05.19 // *Антифашист. Информационное агенство.* <http://antifashist.com/item/torzhestva-po-sluchayu-dnya-pobedy-proshli-u-kurgana-saur-mogila-v-dnr.html#ixzz5tvJsIMx6>
- Глазачев В.Л.* Город без границ. Москва: Территория будущего, 2011. 397 с.
- Гун Г.Е.* Процессы мемориализации в современной культуре // *Вестник культуры и искусств,* 2018. № 2 (54). С. 46–52.
- Морозова В.* Шокирующие цифры: в ООН рассказали, сколько детей погибли от мин в Донбассе 02.10.2018 // Телеканал «Звезда». https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201810020008-a7dd.htm
- Нора П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс]. Пер. с фр. М. Сокольской // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре,* 2005. № 2–3 (40–41). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html>.
- Соколова А.* Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива». *Varia,* 2014. № 1 (32). С. 67–106.
- Ханней Аллен, Кристина Леймер и Джулиан Лоури* (перевод Анны Соколовой). Спонтанная мемориализация: насильственная смерть и нарождающийся траурный ритуал // *Археология русской смерти,* 2016. № 3. С. 113–124.
- Alderman D.H., Dwyer O.J.* Memorials and Monuments. In Kitchin R, Thrift N (eds). *International Encyclopedia of Human Geography,* 2009. Vol. 7. Pp. 51–58.
- Margry P.J., Sánchez-Carretero C.* Rethinking Memorialization: The Concept of Grassroots Memorials // *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death / Ed. by P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero.* N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011.
- Rando T.A.* *Treatment of Complicated Mourning.* Research Press, Champaign, Illinois. 1993, 768 p.

- Rowlands M. Trauma, Memory and Memorials // *British Journal of Psychotherapy*, 1998. Vol. 15, Issue 1. Pp. 54–64.
- Santino J. Spontaneous shrines, memorialization and the public ritualesque. 2006. http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/no94_03.pdf.
- Santino J. Between Commemoration and Social Activism: Spontaneous Shrines, Grassroot Memorialization and the Public Ritualesque in Derry // *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death* / Ed. by P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011.
- Santino J. Spontaneous shrines and the public memorialization of death / ed. by Jack Santino. – New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. Vol. VIII.
- Zittoun T. Memorials and Semiotic Dynamics // *Culture & Psychology*, 2004. Volume 10, Issue 4. Pp. 477–495.

Komar, Iana V.

Memorialization of the Military Conflict in the Donbass Monuments

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/340-354

The author reconstructs and analyzes the processes of memorialization of the military conflict in Donbass, namely on the territory of the self-proclaimed Donetsk and Lugansk People's Republics. The article is based on the author's own observations of commemorative practices in Donbass and analysis of open sources (media, social networks, blogs, etc.). The author systematizes memory places locations according to the time of creation and spatial localization. Due to political, economic and social isolation of Donbass, the commemorative function is exclusively assigned to the local community, and the community preserves the memory about the event creating visual objects. The visual objects-symbols that arose in Donbass in 2014-2020 are represented by memorial plaques, commemorative signs, monuments and memorial complexes. Memorials do not depend on the status of the deceased, age group or the number of dead. The determining factor is the fact of violent or tragic death. Spontaneous memorialization is temporally short and hardly represented as the pilgrimage to the place of tragedy can often be dangerous.

Keywords: *Donbass, spontaneous and institutional memorialization, commemorative practices, monuments and memorials, a place of memory, tragic death*

For Citation: Komar, I.V. 2021. Memorialization of the military conflict in the Donbass in monuments. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 340–354.

Author Info:

Komar, Iana V. – PhD (History), independent researcher (Krasnodarskiy kray, Krasnodar, Dimitrova Street 137/5, Russian Federation). E-mail: komaryana2006@gmail.com

References

- Alderman D.H., and O.J. Dwyer 2009. Memorials and Monuments. In Kitchin R, Thrift N (eds) *International Encyclopedia of Human Geography* 7: 51–58.
- Margry P.J., and C. Sánchez-Carretero 2011. Rethinking Memorialization: The Concept of Grassroots Memorials. In *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, edited by P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. N.Y.; Oxford: Berghahn Books.
- Rando T.A. 1993. *Treatment of Complicated Mourning*. Research Press, Champaign, Illinois.

- Rowlands Michael. 1998. Trauma, Memory and Memorials. *British Journal of Psychotherapy* 15 (1): 54–64.
- Santino J. 2006. *Spontaneous shrines, memorialization and the public ritualesque*. 2006. http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/no94_03.pdf.
- Santino J. 2011. Between Commemoration and Social Activism: Spontaneous Shrines, Grassroot Memorialization and the Public Ritualesque in Derry. In *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, edited by P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. N.Y.; Oxford: Berghahn Books.
- Santino Jack. 2006. *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*, edited by Jack Santino. New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, VIII.
- Zittoun Tania. 2004. Memorials and Semiotic Dynamics. *Culture & Psychology* 10 (4): 477–495.
- Bogdanovskaia I. M., and I. A. Tregubenko 2013. Vospriatie gorodskikh pamiatnikov v razlichnykh sotsiokul'turnykh kontekstakh [Perception of city monuments in various sociocultural contexts]. *Universum: Bulletin of Herzen University* 2/2013: 78–86.
- Veprev R. 2019 Torzhestva po sluchaiu Dnia Pobedy proshli u kurgana Saur-Mogila v DNR. 08.05.19 [Victory Day celebrations were held at the Saur-Mogila barrow in the DPR]. In *Anti-fascist. News agency*. <http://antifashist.com/item/torzhestva-po-sluchayu-dnya-pobedy-proshli-u-kurgana-saur-mogila-v-dnr.html#ixzz5tvJsIMx6>.
- Glazychev V. L. 2011. *Gorod bez granits* [City without borders], edited by V.L. Glazychev. Moscow: Territory of the future.
- Gun G. E. 2018. Protsessy memorializatsii v sovremennoi kul'ture [Memorialization processes in modern culture]. *Bulletin of Culture and Arts* 2 (54): 46–52.
- Morozova V. 2018. Shokiruiushchie tsifry: v OON rasskazali, skol'ko detei pogibli ot min v Donbasse 02.10.2018 [Shocking numbers: the UN told how many children died from mines in the Donbass]. In *TV Channel "Star"*. https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201810020008-a7dd.htm
- Nora P. 2005. Vsemirnoe torzhestvo pamiati [World Celebration of Remembrance] / translation from French by M. Sokol'skoi. *An untouchable reserve: debate about politics and culture* 2–3 (40–41). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html>.
- Sokolova A. 2014. Spontannaia memorializatsiia v gorodskom landshafte: sluchai iaroslavskogo "Lokomotiva" [Spontaneous memorialization in the urban landscape: the case of the Yaroslavl Lokomotiv]. *Varia* 1 (32): 67–106.
- Khannei Allen, Kristina Leimer, Dzhulian Louri (translation by Anna Sokolova) 2016. Spontannaia memorializatsiia: nasil'stvennaia smert' i narozhdaiushchiisya traurnyi ritual [Spontaneous memorialization: violent death and a nascent funeral ritual]. *Archeology of Russian Death* 3: 113–124.

© Е.А. Щербина, Л.В. Кубанова

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА АБАЗИН*

В статье рассмотрена проблема сохранения родного языка абазинами – законодательно признанным малочисленным народом РФ. Угроза ассимиляции и потери языка активизировали деятельность абазинских общественных организаций в этнокультурной сфере. Приоритетными стали проблемы сохранения абазинского языка и сближения двух родственных народов – абазин и абхазов, в том числе проживающих диаспорно в других странах. По инициативе и при поддержке общественников реализуются многочисленные проекты, направленные на сохранение и развитие абазинской традиционной культуры, планируется создание единого абазино-абхазского алфавита. Результаты проводимых в Карачаево-Черкесской Республике в течение ряда лет социологических опросов, позволили выявить достаточно высокий уровень владения абазинским языком, в том числе, среди молодежи. Сохраняется запрос на изучение родного языка. В то же время тревожной тенденцией является отсутствие интереса к его изучению частью опрошенных. Государственная языковая политика, меры, предпринимаемые общественниками, а также достаточно высокий уровень национального самосознания населения в целом позволяют прогнозировать сохранность и развитие абазинского языка в ближайшем будущем.

Ключевые слова: абазинский язык, малочисленный народ, этническая идентичность, этнокультурные проблемы

Ссылка при цитировании: Щербина Е.А., Кубанова Л.В. Проблемы сохранения и развития языка малочисленного народа абазин // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 355–364.

Сфера межнациональных отношений находится в центре внимания органов власти и управления, как на федеральном, так и региональном уровнях. Решение этнонациональных проблем в контексте и в интересах упрочения единства российской гражданской нации является важнейшей задачей власти и гражданского общества. В настоящее время в России проводится масштабная экспертная, консультативная,

Щербина Елена Анатольевна – к. полит. н., доцент по специальности, заместитель директора, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (369006 Черкесск, ул. Горького, д. 1, корп. А). Эл. почта: adenas@list.ru

Кубанова Лиана Владимировна – к. полит. н., ведущий научный сотрудник, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (369006 Черкесск, ул. Горького, д. 1, корп. А). Эл. почта: lianakubanova@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках научного проекта №17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

практическая работа по реализации государственной национальной политики. Принятые абсолютным большинством граждан изменения закрепили в Конституции РФ ключевые ориентиры государственной национальной политики. Это укрепление единства народов России, обеспечение межнационального согласия, сбережение этнокультурного и языкового многообразия. Ведется активная работа по нормативному обеспечению реализации языковой политики, в частности, планируется принятие законопроекта о внесении изменений в Закон «О языках народов Российской Федерации», с целью создания необходимых условий для дальнейшего сохранения и развития родных языков (Стенограмма 2021).

Отдельно учитываются проблемы коренных малочисленных народов России, продолжается работа по сохранению их самобытности, языка и культуры, а их интересы учтены во многих федеральных нормативно-правовых документах, в том числе в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года. Совершенствуется законодательная база по вопросам реализации прав коренных малочисленных народов России.

Абазины (самоназвание абаза) – один из автохтонных народов Кавказа, законодательно признанный коренным малочисленным народом. По данным переписи 2010 г. в Российской Федерации проживают 43 341 абазин. Наибольшая часть из них живет в Карачаево-Черкесской Республике (36 919 чел.). Абазины являются четвертым по численности народом в республике (всего 7,8% от общей численности населения КЧР). Реальной угрозой для абазин является ассимиляция с другими, более крупными этносами. Одна из основных задач абазин – сохранение в едином культурном пространстве республики и страны многообразия самобытности этнического меньшинства.

Законодательство о гарантиях прав народа абазин основывается на соответствующих нормах Конституции Российской Федерации, Конституции Карачаево-Черкесской Республики, признанных Российской Федерацией нормах международного права и состоит из Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Федеральный закон 1999), а также Закона Карачаево-Черкесской Республики от 12 ноября 2001 года № 27-РЗ «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» (Закон КЧР 2001).

Согласно статьи 11 Конституции Карачаево-Черкесской Республики, абазинский язык, наряду с карачаевским, ногайским, русским и черкесским, является государственным языком (Конституция КЧР 1996). Таким образом, закреплён статус этого народа как одного из субъектообразующих в республике. Языковая политика в КЧР базируется на законе КЧР от 14.06.1996 г. № 104-XXII (ред. от 28.12.2001г.) «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (Закон КЧР 1996). Настоящий закон направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков народов КЧР. В статье 1 данного закона закреплён статус пяти государственных языков, в том числе и абазинского.

Абазинский язык изучается в начальной (1-4 кл.), средней (5-11кл.) и высшей (бакалавриат, магистратура) школе, где готовятся специалисты – преподаватели родного языка и литературы, журналисты, а также на уровне послевузовского образования (аспирантура, переподготовка, различные формы повышения квалификации). На абазинском языке издаются республиканская газета «Абазашта», журнал «Марамыш» («Созвездие»); научная и учебно-методическая литература; произведения,

относящиеся к поэтическим жанрам, рассказы и повести, детская художественная литература, фольклорные произведения. Ведутся передачи на радио и телевидении, работают два театра (государственный и народный).

В последние годы активизировалась деятельность абазинских общественных организаций в этнокультурной сфере. Приоритетными стали проблемы сохранения абазинского языка, сближение двух родственных народов – абазин и абхазов, в том числе проживающих диаспорно в других странах – Турции, Иордании, Египте. Вопросами их объединения занимается Всемирный абхазо-абазинский конгресс (ВААК), который главным целями ставит сохранение народа, одним из основных факторов для этого является сохранение общего абазино-абхазского языка. В местах, где создаются советы местных и региональных отделений ВААК, открываются кружки по изучению родного языка и национальных танцев, например, в Санкт-Петербурге и Москве. Инновационной формой изучения этих языков стал запуск онлайн-проекта, в основе которого видеоуроки с простыми фразами на абазинском и абхазском языках, для абазино-абхазской диаспоры, проживающей в разных странах мира (Новые возможности 2020). Проект направлен не только на сохранение языков, но, на наш взгляд, имеет и другую цель – объединение народа абаза.

Довольно эффективно в сфере языковой политики показала себя модель совместной работы общественных объединений, меценатов и государства. Свидетельством тому является деятельность наиболее активной общественной организации – международного объединения по развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», функционирующей с 2011 года. Все активные абазинские общественные организации в 2016 году были объединены в Ассоциацию общественных объединений по сохранению культурного наследия и социально-экономическому развитию абазинского народа «Апсадгьыл» («Родина»), что позволяет более эффективно решать актуальные для народа проблемы.

Среди важнейших этнокультурных проблем абазинские общественники декларируют следующие: сокращение числа абазин, особенно, детей, владеющих абазинским языком; падение интереса к родному языку и этнокультуре в абазинских семьях; декларативный характер закона о малочисленном народе в КЧР; ассимиляция абазин, проживающих за пределами республики; разобщенность специалистов абазинского языка, работающих в разных сферах; нехватка учебников абазинского языка и квалифицированных специалистов во всех сферах функционирования абазинского языка; нехватка абитуриентов на отделениях абазинского языка в Карачаево-Черкесском педагогическом колледже и Карачаево-Черкесском государственном университете.

За время своего существования АНО «Алашара» помогло осуществлению многих проектов, направленных на сохранение и развитие абазинской традиционной культуры. Ежегодно проводится День культуры народа Абаза (в День государственного флага Абхазии) в рамках культурно-спортивного фестиваля «Абаза»; научно-практические семинары учителей абазинского языка и литературы «Клычевские чтения», научные конференции «Табуловские чтения» с участием ученых и учителей республики. АНО «Алашара» дважды становилось обладателем Президентских грантов: в 2014 году за издание книги к 70-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне «Подвиги героев Абазашты», в 2019 году в номинации «Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения» на проведение Фестиваля абазинского языка и литературы. Фестиваль стал ежегодным и проводится АНО «Алашара» с Ка-

рачаево-Черкесским государственным университетом совместно с Министерством образования и науки КЧР и администрацией Абазинского муниципального района. Использование средств Президентского гранта позволило расширить масштабы его проведения. В рамках Фестиваля организуются мероприятия, направленные на работу, как с учащейся молодежью, так и с научной и педагогической общественностью: конкурсы на знание абазинского языка и литературы, научно-практические конференции, мастер-классы по организации и проведению уроков абазинского языка и литературы в сельской школе и др. (Состоялась встреча 2019). В планах – проведение в рамках Фестиваля «Дня абазинской письменности».

С 2015 года предметом дискурса, инициированного «Алашарой», стали вопросы, касающиеся изучения языков и культуры абазин и абхазов, в том числе унификации алфавита, что вызвало неоднозначную оценку со стороны некоторых ученых. Споры касались того, на какой основе необходимо составлять алфавит – кириллице или латинице. Сторонники создания алфавита на латинице одним из аргументов приводят тот факт, что именно ею пользуются сотни тысяч представителей диаспоры, проживающие в разных странах (*Дасания* 2020). Есть ученые, которые считают, что, хотя и абазинский, и абхазский алфавиты основаны на русской графической основе, принцип их построения совсем иной. Поэтому при создании единого алфавита необходимо либо менять все коренным образом, либо переходить на один из алфавитов, абазинский или абхазский, либо создать новый алфавит (*Чирикба* 2020)

Абазинский язык с точки зрения фонетики считается одним из самых сложных в мире, поэтому вызывает у ученых большой интерес. Алфавит абазинского языка насчитывает 71 букву, из которых только 6 гласных. Фонетическое разнообразие абазинской речи складывается из обилия свистящих и шипящих звуков, а также их переходных форм. В 2017 году в Карачаево-Черкесии была проведена исследовательская экспедиция по изучению абазинского языка, в которой приняла участие группа ведущих лингвистов и филологов, специализирующихся на исследовании типологии кавказских языков учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Российской академии наук (РАН).

В 2015 году была разработана и начала реализовываться долгосрочная программа «Абазины и абхазы: сохранение и развитие языков, полевые исследования и архивные материалы», которая предусматривала конкретные задачи и пути их решения на три года и перспективные задачи на период до десяти лет. В 2019 году была разработана программа сохранения и развития абхазо-абазинского языка. В 2021 году Всемирный абхазо-абазинский конгресс совместно с АНО «Алашара» утвердили ее дополненный вариант, который включает в себя такие мероприятия, как подготовка и переподготовка педагогических кадров, подготовка научных и научно-педагогических кадров, разработка и издание учебной литературы, популяризация знаний по абазинскому языку и литературе, разработка абхазо-абазинского алфавита на основе кириллицы и его апробация на экспериментальной площадке с учетом возможности его использования в Карачаево-Черкесии, Абхазии, Турции и других странах, где компактно проживают абазины и абхазы. В числе приоритетных задач, помимо издания большого перечня методических, справочных материалов и словарей, планируется создание электронных баз данных, в первую очередь – электронного корпуса абазинского и абхазского языков.

Проведенные в регионе на протяжении ряда лет социологические опросы по изучению этнокультурной, в том числе, языковой ситуации в рамках реализации федеральных проектов¹, позволили оценить социальные установки и личностные мотивы молодежи, взрослого населения, в отношении абазинского языка, его сохранения, применения в семье, обучения и развития. Так как опросы проводились в режиме мониторинга, то есть по единой методике в течение нескольких лет, сравнительный анализ результатов в динамике позволил представить установки, мнения, суждения, которые можно считать модальными и устоявшимися.

Данные массовых социологических опросов² показывают, что для абазин родной язык – это в первую очередь язык семьи, родственников, так считают 41% опрошенных. Почти треть опрошенных (27%) определяет родной язык как язык народа, национальности, т.е. как идентификатор этнической идентичности, пятая часть (18%) считает, что родной язык тот, на котором постоянно общаются, 9% опрошенных определили, что родным является язык, на котором человек думает.

Большинство абазин использует родной язык при общении (76,5%). При этом четвертая часть (23,5%) не общается на абазинском языке. Среди причин опрошенные назвали следующие:

- не знаю родной язык (мало знаю родной язык) – 17,6%;
- окружающие не знают моего языка – 20,6%;
- испытываю стеснение при использовании родного языка – 5,9%.

Исследование показало, что в портфеле идентичностей абазин на первом месте общегражданская идентичность, на втором месте – этническая, на третьем – реги-

¹ Социологические опросы были проведены в рамках Проекта № 3437 Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации. Исследование проблем зарубежных северокавказских диаспор в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России в СКФО. Анализ проблем этнокультурного и исторического образования. Анализ языковой политики в регионах СКФО»; Проекта 8.4504.2017 Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)»; Проекта 12883.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах РФ на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика); анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в регионах СКФО (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)»; Проекта РФФИ №17-29-09152 "Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

² Социологический опрос проведен в рамках «Мониторинга этноконфессиональной и миграционной ситуации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем накануне Всероссийской переписи населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)».

ональная. При ответе на вопрос: «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни, – как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона?» ответы распределились следующим образом:

- как гражданина страны – 70,6%;
- как представителя отдельной национальности – 38,2%;
- как жителя определенного региона – 5,9%.

Главную роль в формировании и передаче ценностей, норм, представлений, характерных для конкретной культуры, играет семья. Социологические опросы позволили изучить мнение родителей учащихся (абазин) о необходимости этнокультурного образования и изучения родного языка. Были опрошены родители учащихся, обучающихся на разных ступенях образования: начальная школа (1-4 классы), средняя ступень (5-9 классы) и старшая ступень (10-11 классы).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство родителей заинтересованы в том, чтобы их дети изучали абазинский язык (83,3% респондентов). В тоже время часть из них не побуждает своих детей к занятиям национальным языком. Большинство родителей школьников – представители среднего поколения (от 30 до 50 лет), имеющие высшее или средне-специальное образование, проживающие в регионе с рождения, и относящие себя, в основном, к одной национальности. Такая ситуация вызывает обеспокоенность общественников, которые видят в сложившейся ситуации угрозу потери родного языка. Поэтому ситуация с сохранением абазинского языка рассматривается как этническая проблема, именно поэтому разрабатываются специальные долгосрочные программы по системному изменению языковой ситуации.

В ходе опроса изучалось мнение родителей о том, какое обучение национальному языку они бы выбрали для своих детей. Были получены следующие ответы:

- стандартное изучение национального языка – 55,6%;
- углубленное или дополнительное изучение национального языка – 27,8%;
- обучение без национального языка – 11,1%;
- только общее знакомство с национальным языком – 5,6%;
- обучение на национальном языке – 0%.

Таким образом, большинство из них склоняется к стандартному изучению абазинского языка, только четвертая часть респондентов ориентирована на то, чтобы их дети занимались изучением абазинского языка углубленно. Тревожными данными является желание 11,1% опрошенных вообще не изучать родной язык. При этом национальная интеллигенция прилагает значительные усилия для пропаганды родных языков, на государственном уровне ставит вопросы расширения сферы их применимости, способствует распространению книжной продукции, художественных фильмов и мультфильмов для детей на абазинском языке.

Среди специалистов, преподающих абазинский язык, существует мнение, что дети, владеющие с рождения абазинским языком, теряют речевые навыки в дошкольных учреждениях, особенно в полиэтничных коллективах, и на общеобразовательной ступени обучения сложнее его усваивают. В КЧР проводятся экспериментальные методы обучения абазинскому языку в дошкольных учреждениях как в мононациональной, так и в полиэтничной среде. По инициативе и поддержке АНО «Алашара» были разработаны учебно-методические комплексы по абазинскому языку для че-

тырех возрастных групп детских садов, которые рекомендованы Министерством образования и науки КЧР для использования в ДОО абазинских населенных пунктов. Особый интерес представляют результаты, полученные в ходе применения этих методических комплексов в иноэтнической языковой среде. Подобный эксперимент был проведен в одном из сельских детских садов Карачаевского муниципального района. Дети различных национальностей проявили интерес к изучению абазинского языка и достигли хороших результатов в ходе его изучения. Видеозанятия с детьми, изъявившими желание изучать абазинский язык в игровой форме, доступны в сети Интернет. В одном из дошкольных образовательных учреждений республиканской столицы Карачаево-Черкесии организованы курсы абазинского языка в формате дополнительного познавательного-речевого кружка.

Результаты опросов учащейся молодежи коррелируют с ответами более старшего поколения. Пятая часть опрошенных абазин (22,9%) отметили национальную принадлежность к двум народам. Это обусловлено тем, что в республике часты межнациональные браки, особенно между абазинами и черкесами, и дети указывают свою национальность по этнической принадлежности как отца, так и матери. Учащиеся средних общеобразовательных и высших учебных заведений¹ (76,7%) в семье или при общении с друзьями и знакомыми используют родной язык. Молодые люди понимают необходимость изучения родных языков. Компаративный анализ результатов опросов в динамике показывает увеличение числа таких молодых людей. Можно предположить, что одним из побуждающих факторов является работа, проводимая общественниками по популяризации абазинского языка.

Среди причин, по которым молодые люди не общаются с окружающими на родном языке, были названы следующие:

- не знаю родной язык (мало знаю родной язык) – 10%;
- окружающие не знают моего языка – 20%;
- испытываю стеснение при использовании родного языка – 3,3%.

В ходе опросов была выявлена еще одна закономерность, которая связана с восприятием языка молодыми людьми. Так же, как их родители, молодежь воспринимает владение родным языком, в первую очередь, как идентификатор этнической идентичности: «для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу». Также выделился второй аспект, связанный с определенным проективным отношением к своей будущей профессиональной деятельности. Молодые люди связывают знание родного языка с возможностью получения специальных навыков и умений, которые могут пригодиться в воспитательной и образовательной деятельности, в сфере туризма и услуг, на радио и телевидении. То есть они видят перспективы, связанные с владением родными языками, и их практическую применимость.

Абазинская молодежь демонстрирует высокий уровень гражданской идентичности (выше, чем у людей среднего и старшего возраста). При ответе на вопрос: «Как

¹ Социологический опрос был проведен в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных проблем Министерства образования и науки РФ: Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтнических регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)

Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни, как гражданина России или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона?» подавляющее большинство на первое место поставили гражданскую идентичность (76,7% опрошенных). Как представителя отдельной национальности себя идентифицируют 23,3% респондентов, региональная идентичность преобладает у 6,7% молодых людей. По результатам опроса можно говорить о четко фиксируемой общероссийской гражданской идентичности у большинства абазин. Эти показатели коррелируют с результатами других опросов, в которых гражданская идентичность становится основной в портфеле идентичностей абазин, на втором месте – этническая идентичность.

Важно, что 88,2% опрошенных абазин не планируют переезд в другой регион, страну на длительный срок или на постоянное жительство, то есть связывают свое будущее с регионом, в котором проживают. Десятая часть опрошенных (11,8%) респондентов затруднились с ответом, то есть пока сомневаются. Все это свидетельствует о том, что у абазин достаточно высок уровень национального самосознания и им свойственно чувство патриотизма, любви к малой Родине.

В условиях повсеместной глобализации возрастает угроза утраты исторически сложившегося многообразия этнических культур, особенно малочисленных народов. Язык – наиважнейший аттрактор этнокультурной идентичности. Он выполняет системообразующую роль в сохранении национальной культуры и препятствует процессам ассимиляции, аккультурации этноса как культурно-языкового сообщества. Потеря родного языка для малочисленного народа, как таковая означает потерю самого этноса. Сохранение, знание родного языка, уважительное отношение к нему – это путь к сохранению национальной идентичности, уважению и любви к истории и культуре своего народа.

Учитывая достаточно высокий уровень владения абазинским языком, в том числе среди молодежи, интенсивность его использования в неофициальных сферах общения, государственную политику, направленную на поддержку функционирования языка в официальных сферах общения, высокий уровень национального самосознания в целом, можно утверждать, что степень витальности абазинского языка достаточно высока, и прогнозировать стабильность его использования в обозримом будущем.

Источники и материалы

Дасания 2020 – Дасания Д. К вопросу о создании абхазо-абазинского алфавита на основе латиницы. // Яндекс Дзен (Электронный ресурс). 23.05.2020. Доступ: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e0ed79a5d636200b185ebb4/k-voprosu-o-sozdanii-abhazoabazin-skogo-alfavita-na-osnove-latinicy-5ec978dea3811a33d94a24df> (дата обращения: 23.05.2020).

Закон КЧР 1996 – Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14 июня 1996 г. N 104-XXII «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями от 03 ноября 2020 года N 77-РЗ28) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (Электронный ресурс). Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/802053301> (дата обращения 10.11.2020).

Закон КЧР 2001 – Закон Карачаево-Черкесской Республики от 12 ноября 2001 г. N 27-РЗ «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями от 30.11.2020 N 90-РЗ) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (Электронный ресурс). Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/802053275> (дата обращения 10.12.2020).

- Конституция 1996 – Конституция Карачаево-Черкесской Республики // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (Электронный ресурс). Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/720705884> (дата обращения 01.05.2021).
- Новые возможности 2020 – Новые возможности для изучения языка абазы // Страна Абазы (Электронный ресурс). Доступ: http://www.alashara.org/news/novyye_vozmojnosti_dlya_izucheniya_yazyka_abaza (дата обращения 20.06.2020).
- Состоялась встреча 2019 – Состоялась встреча Министра образования и науки КЧР Инны Кравченко с проректором Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева. // Министерство образования и науки КЧР (Электронный ресурс). 05.09.2019. Доступ: <https://www.minobrchr.ru/news/detail.php?ID=4360> (дата обращения: 05.03.2019).
- Стенограмма 2021 – Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по международным отношениям // Президент России (Электронный ресурс). 30.03.2021. Доступ: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-za-sedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 30.03.2021).
- Федеральный закон 1999 – Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Доступ: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30041999-n-82-fz-o/> (дата обращения 01.05.2021).
- Чирикба 2020 – Чирикба В. Мы должны бросить все силы на сохранение абхазского языка // Всемирный абхазо-абазинский конгресс. Официальный сайт. (Электронный ресурс). 03.02.2020. Доступ: <https://abaza.org/vyacheslav-chirikba-my-dolzhny-brosit-vse-sily-na-sokhranenie-abkhazskogo-yazyka> (дата обращения: 03.02.2020).

Shcherbina, Elena E. and Liana V. Kubanova

Problems of preservation and development of the Abaza language

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/355-364

The article is dedicated to the problem of preserving the native language by the Abazins – a recognized small-numbered people in the Russian Federation. The threat of assimilation and language loss has intensified the ethnocultural activities of the Abaza social organizations. The issues of preserving the Abaza language and the convergence of the Abazins with the related Abkhazians, including among diasporas in other countries, became priority. On the initiative and with the support of social activists, numerous projects aimed at preserving and developing the Abaza traditional culture are being implemented; it is planned to create a single Abaza-Abkhaz alphabet. The results of sociological surveys conducted in the Karachay-Cherkess Republic over the years revealed a fairly high level of proficiency in the Abaza language, including among young people. A request for studying the native language persists. At the same time, the lack of interest to studying it among some of the respondents is seen as a disturbing trend. However, state language policy, measures taken by social activists and a fairly high level of ethnic identity of the population suggest that the Abaza language will be preserved and continue developing in the nearest future.

Keywords: *Abaza language, small-numbered people, ethnic identity, ethnocultural problems*

For Citation: Shcherbina E.A., and L.V. Kubanova 2021. Problems of preservation and development of the Abaza language. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 355–364.

Author Info:

Shcherbina, Elena A. – PhD in political sciences, Deputy-Director, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess Republic (Cherkessk, RF). E-mail: adenas@list.ru

Kubanova, Liana V. – PhD in political sciences, leading researcher, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess Republic (Cherkessk, RF). E-mail: lianakubanova@mail.ru

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152)

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39+930.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/365-372

© М.В. Васеха, М.А. Жигунова

ЭТНОГРАФИЯ – ЭТО НАУКА О ТОМ, ЧТО ИСТОРИЮ МОЖНО И НУЖНО «МЕРИТЬ САРАФАНАМИ»*

Специфика антропологической науки заключается в том, что в ее рамках учеными много внимания уделяется рефлексии и осмысливанию не только процесса конструирования предмета их анализа, объектом изучения становится и то, как сами исследователи конструируют мир научного сообщества, какую роль фигура и бэкграунд каждого конкретного ученого играет в развитии целого научного направления (Комарова 2016: 224). В статье рассказывается о профессиональном становлении крупного сибирского этнографа, доктора исторических наук, руководителя отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) Елены Федоровны Фурсовой. Профессиональная судьба ученого, «делающего» нашу науку здесь и сейчас, предстает как конкретный кейс, вносящий еще один «кирпичик» в попытку осмысления и переосмысления развития отечественной этнографии, этнологии и антропологии.

Ключевые слова: история науки, этнография, сибирская этнография, школа Е.Ф. Фурсовой, восточнославянское население Сибири, судьба ученого

Ссылка при цитировании: Васеха М.В., Жигунова М.А. Этнография – это наука о том, что историю можно и нужно «мерить сарафанами» // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 365–372.

В 2019 г. Елена Федоровна Фурсова отметила свой двойной юбилей – личное 65-летие и 40 лет экспедиционной полевой работы. За эти сорок лет Елена Федоровна организовала более ста научных экспедиционных выездов, опубликовала 17 авторских и коллективных монографий, около 300 научных статей. Сегодня она возглавляет отдел этнографии Института археологии и этнографии СО РАН и активно участвует в подготовке нового поколения исследователей-антропологов.

Елена Федоровна родилась в городе Томске в семье советских интеллигентов. Ее отец Федор Дмитриевич Фурсов, участник Великой Отечественной войны, был связан с электроэнергетикой, большую часть жизни посвятил подготовке кадров в этой отрас-

Васеха Мария Владимировна – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: maria.vasekha@gmail.com

Жигунова Марина Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН (Омск, пр. К. Маркса, 15). E-mail: marizh.omsk@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

ли. Создал, по сути, с «нуля» Новосибирский техникум электронных приборов и более 25 лет его возглавлял. Мать Мария Григорьевна Фурсова работала школьным учителем. Отец-фронтовик учился в аспирантуре Томского электромеханического института инженеров транспорта, и на каникулах в родном Бийске встретил на танцплощадке свою будущую жену. Елена Федоровна родилась в Томске, однако уже через несколько лет семья переехала в Днепрпетровск, куда по «партийной линии» перевели Федора Дмитриевича. Фурсовы не прижились на Украине, душа родителей стремилась в Сибирь, и через несколько лет было принято решение возвращаться за Урал, но уже в «сибирский Чикаго», самый динамично развивающийся город края – Новосибирск.

По воспоминаниям Елены Федоровны, родители, как и большинство представителей того поколения, были очень «советскими»: по-советски прямолинейными, честными, атеистами. Пожалуй, первый интерес к этнографии был связан с общением с бабушкой по материнской линии – Татьяной Ивановной, истинной носительницей русских традиций из г. Бийска Алтайского края, говорившей мягким «рязанским» фрикативным говором. Во время приездов бабушки в привычную жизнь семьи врываются почти ежедневные посещения ею церкви, молитвы и иконы в доме, по-народному оппозиционные высказывания к советской власти, былички и рассказы о «старых временах». В этих случаях родители слегка бледнели и объясняли поведение Татьяны Ивановны ее «темнотой» и неграмотностью. Детям было понятно, что о наличии бабушки с такими «замашками» в школе и общественных местах надо помалкивать.

Именно в свои первые полевые выезды, будучи молодой студенткой, а потом аспиранткой, Елене Федоровне стал постепенно открываться секрет специфического семейного двойного поведения, сложившегося в городах у «советских» людей. В сибирской глубинке информанты, родившиеся в конце XIX – начале XX вв. высказывались по-простому, называли вещи своими именами. Вместо «Великой Октябрьской Социалистической революции» деревенские старушки говорили «переворот» (молодая этнограф даже не сразу понимала, о чем идет речь), «царские» годы вспоминали как прекрасные времена изобилия, что также совсем не вписывалось в советский историографический контекст. Пожалуй, именно возможность увидеть, узнать обратную сторону «правды» в обществе с тоталитарным видением исторического процесса и привлекло молодого специалиста в этнографию. Однако, дорога в науку была уж очень непростой, зато интересной.

Поскольку вся семья Фурсовых больше тяготела к «техническим» наукам, на семейном совете было принято решение совместить «гуманитарные» устремления Елены с чем-то более «земным». Например, получить инженерную специальность «инженера-конструктора одежды» в недавно открывшемся филиале Московского технологического института легкой промышленности, а потому очень популярном и модном. Несмотря на успех в учебе – первая студентка, лауреат всесоюзных студенческих конференций, приглашение в московскую аспирантуру, душа лежала совсем к другому. Еще со второго курса Елена выбрала для себя тему «Традиционная одежда русского населения Сибири» (рук. искусствовед О.П. Ваганова), по которой начала собирать материалы в Новосибирском краеведческом музее, Кунсткамере, московском Государственном музее декоративно-прикладного искусства, в полевых экспедициях по Новосибирской области (1975–1977 гг.), причем выезды проводила самостоятельно, т.к. проконсультировать было некому, ориентировалась на книгу Г.Г. Громова «Методика этнографических экспедиций» (Громов 1966).

В итоге в 1977–1978 г. в качестве «прикладной» части дипломной работы Елена Фурсова подготовила эскизы коллекции одежды с использованием народных мотивов. Несколько моделей из студенческой работы Фурсовой было положительно оценено специалистами Новосибирского Дома моделей и внедрено здесь же в капсульное производство для широкой публики. Получив первое признание специалиста по народному костюму, Елена консультировала художников по костюму в сибирских театрах и фольклорных коллективах, поскольку уже тогда начался тренд отказа от унифицированной советской стилизации «под русский стиль» в пользу более аутентичных форм народной одежды.

Кардинальный перелом траектории движения в «гуманитарии» произошел благодаря общению с известным советским искусствоведом, историком моды, профессором Ф.М. Пармоном в Москве, куда Елена Федоровна приехала поступать в аспирантуру. Пармон, пролистав диплом и поговорив о стремлении девушки заниматься этнографией буквально вскричал: «У вас же в Новосибирске такая глыбища!», посоветовал не терять времени в мире моды и немедленно обратиться к академику А.П. Окладникову. Фурсова воспользовалась его советом, и с 1981 по 1984 годы училась в очной аспирантуре Института истории, филологии и философии АН СССР вначале под научным руководством первого директора академика Алексея Павловича Окладникова, а впоследствии академика Анатолия Пантелеевича Деревянко. В будущем Федор Максимович Пармон продолжал интересоваться судьбой своей «протее» в Новосибирске и поддерживать ее интерес к изучению народной одежды.

Пожалуй, все, что происходит в нашей жизни – происходит не случайно. Конечно же, при обучении в аспирантуре по этнографии специалисту с инженерным образованием пришлось много заниматься саморазвитием, читать, работать в архивах, музеях. Первые организованные научные экспедиционные поездки состоялись в составе отрядов первого поколения русистов Сибири – Ф.Ф. Болонева (1977 г.) и Л.М. Русаковой (1978–1979 гг.), а также в этнографической группе в составе археологического отряда В.И. Молодина (1981 г.).

Этнография в советском реестре наук была отнесена к вспомогательным историческим дисциплинам, и поэтому чаще всего к этнографическим исследованиям приходили студенты исторических факультетов. Как показал опыт – такой путь накладывает определенные ограничения на ученого. Казус такого подхода, обусловленного советскими рамками видения исторического процесса, произошел при утверждении темы диссертации Фурсовой. Елена Федоровна, уже будучи полевиком с опытом, предложила исследование одежды русского населения Алтая со второй половины XIX в. и вплоть до времен Великой Отечественной войны, собственно того времени, когда ношение традиционного костюма в селах Сибири было широко распространено. Однако предложенная периодизация бытования традиционной одежды вызвала непонимание среди «классических» историков. Прямо на заседании ученого совета известный сибирский историк резко высказался: «Вы что, собираетесь тут мерить историю сарафанами?» и сослался на марксистско-ленинскую теорию общественных формаций (согласно которой после 1917 года все сарафаны должны были просто исчезнуть). Этнографы, конечно же, деликатно избежали таких редуцированных хронологических рамок формулировкой «начало XX века», однако, этот прецедент еще раз укрепил представление об этнографии как науке, позволяющей видеть то, что в силу разных причин не способны дать другие науки об обществе. По мнению

Елены Федоровны, в советский период благодаря такому специфическому методу как полевые исследования, несколько другому фокусу изучения исторических процессов, этнография была самой свободной, самой демократичной, наименее «зашоренной» из всех наук об обществе.

В 1985 г. работа была готова к защите, однако в Сибири в те годы не было ни одного диссертационного совета по этнографии. Нужно было выбирать либо Ленинград, либо Москву. Московские коллеги из Отдела русского народа Института этнографии АН СССР, который тогда возглавлял Вадим Александрович Александров, очень доброжелательно отнеслись к работе сибирской аспирантки. Самое главное, исследовательские начинания Фурсовой поддержала главный специалист по русской одежде Г.С. Маслова. Гали Семеновна выразила большое желание помочь молодому специалисту из Сибири, продолжала наставничество и после защиты. Она впоследствии писала письма (которые до сих пор бережно хранятся у Е.Ф. Фурсовой), в которых делилась своим опытом, методами исследования одежды, использования ее как этнографического источника, месте традиционного костюма в исторической картине мира и др. В 1987 г. Фурсова успешно защитила кандидатскую диссертацию в Институте этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая по теме: «Одежда русского населения Алтая второй половины XIX – начала XX в.» (научный рук. академик А.П. Деревянко).

Если в 1970-е гг. Е.Ф. Фурсова была участницей Алтайской этнографической экспедиции Института истории, филологии и философии АН СССР (рук. Л.М. Русакова, с 1983 г. Е.Ф. Фурсова), то в 1990-е г. возглавляла Приобскую восточнославянскую, а с 2000 г. Восточнославянскую этнографическую экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН. Расширение географических рамок полевых работ нашло отражение в названии отряда и было не случайным. В эти годы был разработан и активно практикуется до сих пор метод анализа переселенческих традиций с исходными моделями на основе полевых данных, таким образом, применяется авторский метод синхронизации полевых этнографических материалов. Исследования охватили Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Иркутскую и Кемеровскую области, Республику Бурятия. Стараясь расширить горизонты исследований и совершенствуя методические подходы, Фурсова первой начала проводить поездки в места исхода переселенцев в Сибирь: в Белоруссию, Центральную и Южную Россию, на Русский Север и пр. Оригинальные полевые материалы были собраны также в различных старообрядческих группах не только Сибири, но и Нижегородчины, Москвы, среди некрасовских казаков (Болгария), старообрядцев-липован (Румыния), старообрядцев-«москалей» (Беларусь).

Ею собраны этнографические материалы, которые составляют основу научных исследований (записи, нарратив, видео-фотоматериалы и пр.), а также экспонаты в коллекциях музеев ИАЭТ СО РАН (Историко-архитектурный музей под открытым небом, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока). Так получилось, что экспедиционный стаж Елены Федоровны насчитывает сегодня более 40 лет, поэтому нет ничего удивительного в том, что основу исследовательских трудов Е.Ф. Фурсовой составляют авторские полевые материалы. Многие уже состоявшиеся исследователи начинали свою полевую деятельность именно в ее отряде (О.В. Голубкова, Е.А. Ерохина, А.Ю. Майничева, Л.А. Явнова и др.).

В 2004 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН Фурсова блестяще защитила докторскую диссертацию по теме «Календарная обрядность восточносла-

вянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX в.». Таким образом, Елена Федоровна стала первым сибирским доктором наук по восточнославянской этнографической проблематике, посвятив свои работы русским, украинцам и белорусам. (Фурсова 2004, 2005; Фурсова 2006, 2011 и др.). Она внесла большой вклад в исследование этнической истории и культуры русских старожилов и переселенцев Западной Сибири, показала их культурное многообразие, введя в исследовательское поле новые, ранее не изученные этнокультурные группы («курганы», «двоеданы», белорусские «москали» и др.). Совместно с М.А. Жигуновой ею написан раздел «Сибиряки» в «Историческую энциклопедию Сибири», где авторам удалось соединить свои обширные и разноплановые сведения как по этнографической старожильческой группе русских, так и выявить общие черты, присущие сибирякам (Жигунова, Фурсова 2009).

Несмотря на обширный круг разрабатываемых проблем, все же следует особо отметить любовь и значимость достижений в области исследования материальной культуры русских и других восточнославянских народов Сибири, в частности, традиционной одежды (Фурсова 1998, 2015). Широко известны и часто цитируются ее труды, посвященные календарной и семейной обрядности русских, украинцев и белорусов Сибири, раскрывающие все многообразие вариантов обычаев, прежде всего, имеющих этнодифференцирующее значение. Е.Ф. Фурсовой впервые предложено использовать в качестве этнографического источника процесс раскрытия, раскладки деталей одежды, образно-эмоциональное ее восприятие носителями. Ею разработана и активно используется методика анализа технических приемов (швов, строчек, крепление деталей), а также принципы формообразования, которые применялись в качестве этнодифференцирующих показателей.

Не менее известны ее труды, посвященные календарной и семейно-свадебной обрядности русских, украинцев и белорусов Сибири, раскрывающие все многообразие обычаев и обрядов, сложные процессы межкультурного взаимодействия, культурной интерференции близкородственных славянских народов. Продолжая тему репрезентации этничности через знаки и символы, корпус статей Фурсовой посвящен различным аспектам общего и особенного в орнаменталистике крестьян Сибири конца XIX – начала XX в. (орнитоморфные, зооморфные, фитоморфные и пр. мотивы) (Фурсова 2006 и др.).

В образовательной сфере Е.Ф. Фурсова старается привить студентам любовь к этнографии, читает курс «Социальная (культурная) антропология», руководит курсовыми и дипломными работами магистрантов Новосибирского государственного университета. Много лет она читала лекции в Новосибирском государственном педагогическом университете (курсы «Этнология», «Этнография народов мира», «Этнография народов России», «Народное художественное творчество»), готовила специалистов-прикладников в области работы с детьми в этнокультурных центрах, руководителей фольклорных коллективов. На протяжении нескольких лет Е.Ф. Фурсова являлась председателем Государственной аттестационной комиссии Омского государственного университета у студентов, специализировавшихся по этнографии.

Своими учителями Елена Федоровна считает О.В. Ваганову, А.П. Окладникову, А.П. Деревянко, Г.С. Маслову, В.А. Липинскую и многих других. Особую благодарность юбиляр выражает Н.А. Томилову, который выступал официальным оппонентом при защите ее кандидатской и докторской диссертаций, всегда оказывал

всестороннюю поддержку. С первых лет знакомства у них сложились теплые дружественные отношения и постоянные профессиональные контакты. Их результатом стала совместная работа по каталогизации и научной паспортизации этнографических коллекций Новосибирского государственного краеведческого музея, организация и проведение различных Всероссийских и Международных научных конференций, подготовка отзывов на диссертационные работы и др. Все омские этнографы относятся к Елене Федоровне очень тепло, радостно вспоминают многие совместные моменты этнографических экспедиций, конференций, дружеские застолья и песнопения, отмечают ее гостеприимство и особую сердечность.

В 2010 г. за серию научных работ по теме «Трансформации белорусской фольклорно-этнографической традиции в Беларуси и в Сибири» группа исследователей, под руководством Е.Ф. Фурсовой, была удостоена межгосударственной премии имени академика В.А. Коптюга (НАН Беларуси и СО РАН). В 2012 г. коллективу под ее руководством была присвоена премия РАН и НАН Беларуси за коллективную монографию «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры» (Фурсова 2011).

В 2017 г. по приглашению руководства Института археологии этнографии СО РАН Е.Ф. Фурсова возглавила Отдел этнографии своего родного института. Главным вектором проводимых перемен среди новосибирских этнографов она видит создание плотной научной среды, способствующей международному и междисциплинарному сотрудничеству ученых, взаимному обмену мнениями. С 1998 г. Е.Ф. Фурсова является постоянным руководителем и участником различных проектов РГНФ, РФФИ, РНФ, экспертом ряда фондов. Кроме того, Е.Ф. Фурсова – постоянный участник Конгрессов антропологов и этнологов России, международных конгрессов – International Union of Anthropological and Ethnological Sciences (IUAES), Société Internationale d'Ethnologie et de Folklore (SIEF). При поддержке НГУ и директора ИАЭТ СО РАН член-корреспондента А.И. Кривошапкина при ее непосредственном участии была создана летняя этнографическая школа «Сибирь и сибиряки» на базе центра «Новая археология» НГУ, на постоянной основе проводятся публичные методологические семинары.

От всей души желаем дорогой нам Елене Федоровне дальнейших достижений на избранном этнографическом поприще, крепкого сибирского здоровья и творческого долголетия, новых экспедиций, открытий и книг!

Источники и научная литература

- Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: МГУ, 1966.
- Комарова Г.А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 224–245.
- Жигунова М.А., Фурсова Е.Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. III. С-Я. С. 101–102.
- Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 97–128.
- Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосиб. обл.). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. Ч. 1. 2004.
- Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сиби-

ри XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосиб. обл.). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. Ч. 2. 2005.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006. С. 427–441.

Фурсова Е.Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 126–136.

Фурсова Е.Ф., Титовец А.В. и др. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2015.

Vasekha, Maria V., and Marina A. Zhigunova

Ethnography is the Science that Proclaims that History «Can and Should be Measured in “Saraphans”»

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/365-372

The specificity of anthropology lies in the fact that much attention is paid to reflection and observation not only of how scientists construct the subject of their research, but also how the researchers themselves construct the world of the scientific community, what role the figure and background of each particular scientist plays in the development of the whole direction (Komarova 2016: 224). The article describes the path of professional development of a major Siberian ethnographer, head of the Department of Ethnography of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk) Dr. Elena F. Fursova. The career of a scientist who “makes” our science here and now appears as a specific case that introduces another “brick” in attempts to comprehend and rethink the development of Russian Ethnography, Ethnology, and Anthropology.

Keywords: *Ethnography, history of science, Siberian Ethnography, professional fate of a scientist, Elena F. Fursova, East Slavic population of Siberia.*

For Citation: Vasekha, M.V., and M.A. Zhigunova. 2021. Ethnography is the science that proclaims that history «can and should be measured in “saraphans”». *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 365–372.

Author Info:

Vasekha, Maria V. – PhD, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninsky Prospect 32-A). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Zhigunova, Marina A. – PhD, Senior Researcher, Omsk branch in Archaeology, Ethnology and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS (Omsk, K. Marksa pr., 15). E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Gromov, G.G. 1996. *Metodika etnograficheskikh ekspeditsij*. [Ethnographic expedition methodology] Moscow: Moscow State University.
- Komarova, G.A. 2016. Antropologiya akademicheskoy zhizni: opyt integratsii nauk [Anthropology of Academic Life: Experience of Integration of Sciences] In *Fenomen mezhdisciplinarnosti v otechestvennoj etnologii*. [The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology.], 224–225. Moscow: Institute of ethnology and Anthropology RAS.
- Fursova, E.F. 1998. Tradicii obrabotki l'na u vostochnyh slavyan Verhnego Priob'ya [Traditions of flax processing among the Eastern Slavs of the Upper Ob region] In *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai, obryady*. [Russians of Siberia: culture, customs, rituals], 97–128. Novosibirsk: Izdatel'stvo Institutu arheologii i etnografii SO RAS.
- Fursova, E.F., Vasekha L.I. 2004. *Ocherki tradicionnoj kul'tury ukrainских pereselencev Sibiri XIX – pervoj treti XIX v. (po materialam Novosib. obl.)*. [Essays on the traditional culture of Ukrainian immigrants in Siberia XIX – the first third of the XX century.]. Vol. 1. Novosibirsk: Izdatel'stvo Institutu arheologii i etnografii SO RAS.
- Fursova, E.F., L.I. Vasekha. 2005. *Ocherki tradicionnoj kul'tury ukrainских pereselencev Sibiri XIX – pervoj treti XIX v. (po materialam Novosib. obl.)*. [Essays on the traditional culture of Ukrainian immigrants in Siberia XIX – the first third of the XX century.]. Vol. 2. Novosibirsk: Izdatel'stvo Institutu arheologii i etnografii SO RAS.
- Fursova, E.F. 2006. Etnograficheskie gruppy vostochnyh slavyan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya [Ethnographic groups of Eastern Slavs in Western Siberia: typology, identity, intercultural interactions] In *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii*. [Ethnocultural interaction in Eurasia], Book 1, 427–441. Moscow.
- Fursova, E.F. 2006. Ornitomorfnyaya simvolika v tradicionnoj kul'ture krest'yan Priob'ya, Baraby, Kulundy i Altaya konca XIX – nachala HKH veka [Ornithomorphic symbolism in the traditional culture of the peasants of the Ob, Baraba, Kulunda and Altai of the late 19th – early 20th centuries]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 2 (26): 126–136.
- Fursova, E.F., Titovec A.V. i dr. 2011. *Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformatsii etnicheskoy kul'tury*. [Belarusians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture] Novosibirsk.
- Fursova, E.F. 2015. *Tradicionnaya odezhda russkogo i drugih vostochnoslavyanskikh narodov yuga Zapadnoj Sibiri*. [Traditional clothes of the Russian and other East Slavic peoples of the south of Western Siberia]. Novosibirsk.
- Zhigunova, M.A., Fursova E.F. 2009. Sibiryaki [Siberians] In *Istoricheskaya Enciklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. III, S-Z, 101–102. Novosibirsk: Publishing House “Historical Heritage of Siberia”.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 572+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/373-379

© *М.М. Герасимова***РЕЦЕНЗИЯ НА: ЗУБОВА А.В., МОИСЕЕВ В.Г., КУЛЬКОВ А.М., ОБОДОВСКИЙ А.В. НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ И ОДОНТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 15 // CAMERA PRAEHISTORICA, 2020. 2 (5): 147–155***

Ссылка при цитировании: *Герасимова М.М.* Рецензия на: Зубова А.В., Моисеев В.Г., Кульков А.М., Ободовский А.В. Новые результаты изучения краниологических и одонтологических материалов верхнепалеолитической стоянки Костенки 15 // *Camera praehistorica*, 2020. № 2 (5): 147–155 // *Вестник антропологии*, 2021. № 2. С. 373–379.

Опубликованная в конце 2020 г. статья группы исследователей из Петербурга (Зубова, Моисеев и др. 2020) о новых результатах краниологических и одонтологических исследований материалов верхнепалеолитической стоянки городцовой культуры Костенки 15 не могла не вызвать интереса и пристального внимания коллег. Возникло предположение, что были найдены ранее не обнаруженные фрагменты, помимо участвовавших в реконструкции сильно фрагментированного черепа (перечисление того, что было найдено, приведено в Каталоге верхнепалеолитических находок МАЭ, № коллекции 6109). В далеких 50-ых годах прошлого века было сделано все возможное для того, чтобы эта находка и спустя почти 70 лет могла послужить объектом современных исследований. Авторами «ремейка» старых находок, весьма похвального, поскольку в их арсенале новые методы исследования, прежде всего, была сделана ревизия предложенной когда-то реконструкции черепа из Костенок-15. Гипотетичность реставрации и неточность измерительных признаков черепа были отмечены самим автором исследования, который приводил метрические данные с вопросом или даже двумя (Якимов 1957). Эта гипотетичность метрических характеристик была отмечена и позднее, при повторном исследовании этой находки (Герасимова 1982). Однако, метрические характеристики черепа из погребения на стоянке Костенки-15 (далее К-15) и их соотношения в ряду других детских и подростковых черепов верхнего палеолита Европы, отнюдь не выпадают из этого ряда (см. напр.: Алексеев 1978). Эта, еще одна, попытка ревизии была предпринята с целью доказать, что метрические характеристики реставрированного черепа категорически не могут быть использованы не просто для каких-либо вы-

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

водов, а конкретно – для доказательства, выдвинутого В.П. Якимовым предположения о сходстве метрических данных и контуров мозговой коробки черепа К-15 и черепов Пржедмости (Пшедмост) II и XXII. Предположение о сходстве с моравскими черепами черепов К-15 и К-14 (с. Костенки, правобережье Среднего Дона, около 60 стоянок и 5 погребений / палеоантропологических находок различной культурно-хронологической атрибуции) позволило В.П. Якимову в свое время выделить крайне полиморфный тип «восточных кроманьонцев». Идея эта в настоящее время достаточно устарела, новые данные о разнице в абсолютном возрасте этих находок и неясность культурной принадлежности погребения К-14 против этой гипотезы. К тому же сама идея о морфологических вариантах европейского верхнепалеолитического населения, не подкрепленная географическим критерием, давно потеряла научную значимость в связи с вошедшим в арсенал современных представлений понятия о полиморфизме верхнепалеолитического населения и популяционного подхода к изучению изменчивости. Так или иначе, но авторы статьи поставили себе цель показать отличие антропологической находки К-15 от находок, ассоциируемых ими с граветтскими палеоантропологическими находками. Неточность реконструкции черепа должна была продемонстрировать таблица с измерениями В.П. Якимова и оценкой положения краниометрических точек, между которыми должны быть взяты размеры. Придется разочаровать авторов статьи, приведенная таблица не отвечает поставленной цели: в таблицу, которую должны показать неточность краниометрических характеристик реставрированного черепа К-15, вкрались трудно объяснимые чудовищные ошибки. Я позволила себе сделать выкопировку из таблицы размеров, приведенных А.В. Зубовой с соавторами, и сравнить их с размерами, опубликованными В.П. Якимовым: 9 из 20 размеров не соответствовали данным В.П. Якимова. Кроме того, приведенные авторами статьи метрические характеристики просто абсурдны. Даже не будучи краниологом, трудно не заметить этого, т. к. хорды не могут быть больше дуг, часть дуги не может быть больше целой, затылок шире поперечного диаметра и т.д. (см. ниже приведенную таблицу 1).

Таблица 1

Метрические характеристики черепа К-15 (Якимов 1957 и Зубова и др. 2020)

№ по Мартину	Якимов	Зубова
12. Ширина затылка	99?	132
24. Поперечная дуга	298	112
25. Сагиттальная дуга	380*	106
26. Лобная дуга	126	66**
27. Теменная дуга	137	89**
28. Затылочная дуга	117	109
29. Лобная хорда	106	104**
30. Теменная хорда	124	135**
43. Верхняя ширина лица	87	113

- №25 = №26+№27+№28. ** дуги меньше хорд

Неискушенный читатель мог предположить, что применение новых методов, в частности – компьютерной томографии, позволит создать новую виртуальную реконструкцию из сохранившихся фрагментов, но ее применение, судя по приведенной иллюстрации, только позволило удалить восковую мастику, заменявшую отсутствующие фрагменты и закрепляющую положение сохранившихся относительно друг друга. Не более того. Несмотря на новые открывшиеся возможности компьютерной томографии никакой новой построенной виртуальной реконструкции черепа предложено не было, вопреки утверждению авторов статьи. Опубликованные мелко-масштабные томограммы черепа в непонятных нормах маловыразительны и неинформативны. Поэтому из названия статьи вполне обоснованно могут быть удалены слова «новые краниологические».

Остановимся на рассмотрении новых одонтологических материалов, полученных в результате компьютерной томографии, и открывшихся новых возможностей:

1. Компьютерная томография позволила описать более детально характеристики зубной системы индивида К-15, в частности было выявлено состояние корневой системы, что позволило уточнить возраст ребенка из Костенок-15, который теперь был определен не в 6-7 лет, а в 5.
2. Компьютерная томография позволила выявить ошибку в реставрации: правый и левый верхние постоянные моляры были перепутаны местами и развернуты на 90 градусов
3. В результате томографии увеличилось число одонтологических образцов, доступных для изучения. К сожалению, анонсированное обследование непрорезавшихся постоянных зубов по обширной программе, включающей около 30 метрических и описательных признаков, в настоящей статье не получило освещения.
4. Виртуальная томография позволила детально изучить морфологию постоянных первых нижних и верхних моляров индивида К-15.

Авторы ограничились сравнительным анализом метрических характеристик (VL и MD диаметрами коронок) первых верхних и нижних постоянных моляров и кратким морфологическим описанием их коронок, и коронок латеральных верхних резцов, чему и посвящена рецензируемая статья. На латеральных верхних резцах диагностируется лопатообразность, выраженность которой 2 балла. Далее, вместо обещанной обширной программы исследования – краткая констатация: отсутствие редуцированности верхних первых моляров, присутствие элементов задней ямки, бугорка Корабелли на обоих зубах и нейтральность одонтоглифического узора. Непонятно, нейтральность по отношению к чему? Далее авторы отмечают, что нижние первые моляры- четырехбугорковые, что является выраженным европеоидным и прогрессивным признаком. Одонтоглифический узор первых нижних моляров дан более подробно: «вторая борозда метаконида впадает в фиссуру III, тип соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида – 3». Одонтоглифический узор демонстрирует некоторое отклонение в «восточном» направлении» (с. 151). «В особенностях постоянных верхних резцов и нижних моляров был выявлен противоречивый комплекс признаков, свидетельствующий о наличии в составе носителей городцовской культуры как западного комплекса, маркируемого 4-бугорковыми первыми нижними молярами, так и восточного компонента, о чем говорит лопатообразность верхних латеральных резцов и одонтоглифический узор первых нижних моляров» (с. 152). Восточный компонент воспринимается авторами статьи,

как привнесенный из Азии, вся огромная территория которой в статье представлена младенцами из погребения на стоянке Мальта (Восточная Сибирь, Прибайкалье).

Далее авторы развивают эту идею, считая, что результаты сравнения размерных признаков коронок верхних и нижних первых моляров также показывают специфичность индивида К-15 не только относительно граветтских форм, но и в проявлении восточного импульса в общем верхнепалеолитическом популяционном континууме (Рис.4 и 5). Однако, приведенные авторами рецензируемой статьи сравнительные материалы для бивариантных графиков организованы отнюдь не по популяционному принципу, а в рамках, как замечено в статье, историко-хронологических срезов, а скорее даже технологических комплексов: ориньяк, граветт, мадлен. Непонятно только, для чего в группу сравнительных материалов была введена северо-африканская серия из Тафоральта (голоценового времени). Можно было бы сказать, что материал организован в рамках археологических культур, если бы в группу граветтских памятников не были бы включены материалы из Сунгирия (сунгирская культура), из Костенок 18 (костенковско-авдеевская культура), моравские находки, относящиеся к так наз. «восточному граветту». Авторы статьи пишут, что в бивариантных графиках анализировались данные, как по отдельным индивидам, так и серийный материал. Где-то указывая конкретно, что это данные по двум индивидам, как для португальских находок из Лагар Велью, а где-то нет. Так, например, непонятно, о каком Сунгире идет речь. Какой Сунгирь, 2 или 3? Или это суммарная характеристика? А.А. Зубов, исследовавший их, подчеркивал, что «различия между ними очень отчетливы и характерны: по вестибуло-лингвальному диаметру всех зубов С2 превосходит С3» (Зубов 1984: 163). Точно такие же претензии можно предъявить авторам статьи, когда они не указывают, какая из шести находок из Грота Детей (Гримальди), относящихся к граветту или эпиграветту и датировемых с разницей в 10 тыс. лет, участвует в анализе. Эти претензии можно продолжить относительно находок и в Абри-Пато (речь идет об индивиде Пато 1 или выборке, принадлежащей нескольким индивидам?), и в Пайличчи или Арен Кандиде, содержащих находки, также относящиеся к разным периодам. И эти претензии не являются надуманными, поскольку именно на рубеже граветта и эпиграветта, т.е. рубеже средней поры верхнего палеолита и поздней, произошли наиболее значительные редуционные изменения в процессе морфологической одонтологической сапиентации.

Так или иначе, приведенные бивариантные графики, и многомерное шкалирование, и евклидовы расстояния показали отдельное положение индивида К-15 от тесной совокупности, к которой кроме граветтских и восточнограветтских находок, как уже мной было отмечено, авторы посчитали возможным отнести и К-18 и Сунгирь. Очень интересным оказалось положение серии со стоянки Павлов (восточный граветт), так и оказавшееся без всяких комментариев. Так же как зафиксированное сходство К-15 с ориньякской серией из Ла-Балозьер, сходство с которой «отмечается и по неметрическим признакам» (с. 153). Правда, не указано, каким. Об этом ни слова, это остается загадкой.

Итак, одна из задач, поставленных в рецензируемой статье, была решена: ни краниологические, ни метрические одонтологические данные не свидетельствуют о сходстве индивида К-15 с моравскими и вообще с граветтскими находками. В сущности, в этом утверждении нет ничего необычного или неожиданного. А почему, собственно говоря, эта находка должна входить в круг форм, связанных с моравски-

ми и итальянскими памятниками, относящимися к граветту? Знакомство с археологической литературой говорит о том, что из костенковских стоянок только второй слой стоянки Костенки-8 обнаруживает некоторые аналогии с восточным граветтом (см. работы А.Н. Рогачева 50-ых годов прошлого века и новейшие – А.А. Сеницына).

Вторым выводом, пожалуй, самым значительным, из анализа бивариантных графиков, было то, что граветские серии образуют довольно компактное расположение относительно друг друга, а индивид из К-15 находится на значительном расстоянии от них, обнаруживая некоторое промежуточное положение между граветскими памятниками и Мальтой. И это обстоятельство, наряду с морфологическими особенностями коронки первого нижнего постоянного моляра К-15 и верхнего латерального резца, по мнению А.В. Зубовой, подтверждает наличие восточного компонента. Ребенок из погребения на стоянке Мальта, расположенной далеко на восток, должен, по мнению авторов статьи, быть носителем этого восточного компонента. Но, увы! незнание литературы сыграло с авторами статьи дурную шутку. Дело в том, что вопреки географическому положению одонтологическая характеристика индивида из Мальты (Мальта 2) прямо противоположна ожидаемой: «зубы ребенка Мальта 2 имеют выраженный западный комплекс особенностей, среди которых (помимо отсутствия лопатообразной формы резцов, шестого бугорка, дистального гребня тригоноида, коленчатой складки) имеется такой яркий одонтоглифический показатель, как тип «II» борозды 2 med на первых постоянных нижних молярах, что можно было бы назвать ультразападной чертой. Одонтологический тип детей из Мальты характеризуется почти современным типом зубной системы в его «западном» европеоидном варианте» (Зубов, Гохман 2003; *цит. по*: Зубов 2019:372).

Заканчивая свою рецензию, хочу сказать, что само по себе новое исследование старой палеоантропологической находки на новом витке наших знаний и технологических возможностей весьма похвально, интересно, перспективно и может только приветствоваться. К сожалению, рецензируемая статья содержит целый ряд небрежностей, иногда просто нелепостей. Прежде всего это относится к таблице №1 (см. таблицу в данной рецензии). К этому можно добавить, что в таблице были перепутаны цифровые обозначения первых двух приведенных признаков – gl-1a по Мартину это №3, а gl-in по Мартину – №2, а не наоборот, что точка лямбда обозначается двумя буквами, а не одной, что название серии в русскоязычной литературе – Тафоральт на конце имеет букву т, так же как один из гротов Гримальди носит устоявшееся в отечественной литературе название «Грот детей» (а не Грот-дез-Анфан), что стоянка Мальта находится в Прибайкалье, а не в Забайкалье (Аннотация и с. 154) и не в Западной Сибири (с.152), что Пржедмости и Дольни Вестонице не являются восточноевропейскими стоянками (с.153). Эти ляпсусы можно было бы объяснить торопливостью (конец года, необходимость отчетности числом публикаций), если бы

- если бы не примитивное толкование диагностических свойств отдельных одонтологических признаков, без учета той роли, которую они играют на различных ступенях эволюционных преобразований, подробно изложенной в основополагающих статьях А.А. Зубова. В частности, о роли таких признаков, как дистальный гребень тригоноида, или лопатообразность латеральных верхних резцов (например балл 2 лопатообразности зафиксирован на верхних латеральных резцах у индивидов К-18 или у французской находки из Ложери Басс, но никому и в голову не придет объяснять эту особенность восточным импульсом).

- если бы не анонсирование широкой программы исследования, не получившего отражения в тексте статьи, или промелькнувшее в статье замечание о неметрических особенностях ориньякской серии Ла-Балозьер без ссылки на автора исследования и, т.о. создающее впечатление не столько об эрудиции авторов статьи, сколько о конкретной проделанной ими работе.
- если бы не возникал вопрос: почему авторы статьи так неуважительно относятся к читателю, просто показывая ему результат проведенных исследований, но отказывая ему в праве понять, каким образом этот результат был получен.
- и самое главное, если бы не пренебрежительное отношение к трудам своих коллег, А.А. Зубова, Н.И. Халдеевой, Н.В. Харламовой, занимающихся теми же проблемами и изучением тех же находок, что и авторы рецензируемой статьи, что выразилось в отсутствии ссылок на их работы и, главное, трактовке одонтологических особенностей индивида Мальта 2 «с точностью до наоборот»

И это уже не просто торопливость и небрежность. На ум приходит высказывание Г.Ф. Дебеца более 50 лет тому назад по поводу моей студенческой работы, которое я запомнила на всю жизнь: «Этот стиль «абы как» заставляет усомниться в содержании».

Кроме того, в статье явно ощущается не потребность ввести в научный оборот новый антропологический факт (отсюда и анонсирование проделанной работы, не получившей освещения в статье, и отсутствие первичных данных, и краткость описаний морфологических особенностей изучаемой находки), а явное желание подчеркнуть именно свою роль, свою значимость и свои достижения. В сочетании этого желания с вышеперечисленными ляпсусами и скороспелым выводом, основанным на явной ошибке из-за пренебрежения работами коллег-антропологов, рецензируемая статья огорчает и оставляет негативное впечатление.... Остается только удивляться, почему такой солидный журнал опубликовал подобную статью.

Научная литература

Алексеев В.П. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.

Герасимова М.М. Палеоантропологические находки // Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев (отв. ред.) Палеолит Костенковско-Боршевского р-на на Дону (1879–1979). Л.: Наука, 1984. С. 245–256.

Зубов А.А., Гохман И.И. Некоторые новые данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестник антропологии. М.: ИЭА РАН, 2003. № 10. С. 14–23.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. 2-ое изд. М., ИТРК. 2019.

Gerasimova, Margarita M.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/373-379

Review: Zubova, Alisa V., Moiseyev, Vyacheslav G., Kulkov Aleksandr M. and Anatoliy V. Obodovskiy. Reassessment of the cranial and dental data from the Upper Paleolithic site of Kostenki 15. *Camera praehistorica* 2 (5): 147–155

For citation: Gerasimova M.M. 2020. Review: Zubova, Alisa V., Moiseyev, Vyacheslav G., Kulkov Aleksandr M. and Anatoliy V. Obodovskiy. Reassessment of the cranial and dental data from the Upper Paleolithic site of Kostenki 15. *Camera praehistorica* 2 (5): 147–155. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 373–379.

Author Info:

Margarita M. Gerasimova – PhD, researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Alekseev, V.P. 1978. *Paleoantropologiya Zemnogo shara i formirovanie chelovecheskikh ras. Paleolit*. [Paleoanthropology of the globe and the formation of human races. Paleolithic]. Moscow: Nauka.
- Gerasimova, M.M. 1984. Paleoantropologicheskie nakhodki [Paleoanthropological findings]. In *Paleolit Kostenkovsko-Borshevskogo r-na na Donu (1879–1979)*, edited by N.D. Praslov & A.N. Rogachev, 245–256. Leningrad: Nauka.
- Zubov, A.A., and I.I. Gokhman. 2003. Nekotorye novye dannye po verkhnepaleoliticheskoj stoyanke Mal'ta [Some new data on the Upper Paleolithic site of Malta]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 10: 14–23.
- Zubov, A.A. 2019. *Paleoantropologicheskaja rodoslovnaia cheloveka*. 2-oe izdanie [Human paleoanthropological ancestry], Second edition. Moscow: ITRK.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2021. № 2

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2021. № 2

Редакторы – М.Ю. Мартынова, О.М. Григорьева, М.Ф. Кучерова

Редактор английских текстов – Т.А. Сюткина

Технический редактор – Н.А. Белова, М.Ю. Мартынова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.А. Белова

Подписано к печати 10.06.2021

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 28,5

Тираж 500 экз. Заказ № 207

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – С.А. Коняева

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А